Научный журнал «Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология» / ”Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology”публикует оригинальные статьи, обзоры, статьи теоретического характера, короткие заметки и рецензии по проблемам истории, филологии, мифопоэтики, национальной культуры.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ.

ISSN 2412-9534 (Print)
ISSN 2413-2454 (Online)

Периодичность: 6 раз в год

Учредитель: ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Адрес редакции: 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2

Телефон: +73412916364
E-mail: vestnik@udsu.ru

Website: http://journals.udsu.ru/history-philology
Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_info.asp?titid=55247
Cyberleninka: https://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-udmurtskogo-universiteta-seriya-istoriya-i-filologiya

Подписной индекс издания в каталоге Агентства «Роспечать» 65985.

© ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 2026

The scientific journal ”Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology” publishes original papers, surveys, theoretical papers, short notes and reviews on the problems of history, philology, poetics of myths, and national culture.

The journal is included in the List of leading reviewed scientific journals of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation.

ISSN 2412-9534 (Print)
ISSN 2413-2454 (Online)

Periodicity is 6 issues per year

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Udmurt State University”

Address: 426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya str., 1, korp. 2

Phone: +73412916364
E-mail: vestnik@udsu.ru

Website: http://journals.udsu.ru/history-philology
Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_info.asp?titid=55247
Cyberleninka: https://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-udmurtskogo-universiteta-seriya-istoriya-i-filologiya

© Udmurt State University, 2026

ВЕСТНИК УДМУРТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 2026

Том 36

Серия ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ Выпуск 4

Журнал публикует оригинальные статьи, обзоры, статьи теоретического характера, короткие заметки и рецензии по проблемам истории, филологии, мифопоэтики, национальной культуры.

Главный редактор:

Долгов Вадим Викторович – доктор исторических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Заместители главного редактора:

Зверева Татьяна Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Копылова Татьяна Рудольфовна, доктор филологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Пузанов Виктор Владимирович – доктор исторических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Ответственный секретарь:

Репников Д.В. – кандидат исторических наук, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Технический редактор:

Шульга Елена Борисовна, заведующий кабинетом фольклористики, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Редакционная коллегия

Абрамовских Елена Валерьевна, доктор филологических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия)

Артемов Евгений Тимофеевич, доктор исторических наук, профессор, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия)

Бехтерева Людмила Николаевна, доктор исторических наук, заместитель директора Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН (г. Ижевск, Россия)

Бубенок Олег Борисович, доктор исторических наук, профессор, Институт востоковедения имени А. Е. Крымского, Национальная академия наук Украины (г. Киев, Украина)

Гладков Александр Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия)

Дворниченко Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дулов Анатолий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Загребин Алексей Егорович, доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия)

Зеленина Тамара Ивановна, доктор филологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Иваньшина Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор, Воронежский государственный педагогический университет (г. Воронеж, Россия)

Иванов Василий Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Казаров Саркис Суренович, доктор исторических наук, профессор, Южный Федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Карпова Людмила Леонидовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Ижевск, Россия)

Кудрявцев Олег Фёдорович, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений МИД РФ (г. Москва, Россия)

Майоров Александр Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия)

Милютина Марина Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Морозова Ирина Васильевна, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва, Россия)

Мягков Герман Пантелеймонович, доктор исторических наук, профессор, Поволжский (Казанский) федеральный университет (г. Казань, Россия)

Осьмухина Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва (г. Саранск, Россия)

Потёмкина Марина Николаевна, доктор исторических наук, профессор, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова (г. Магнитогорск, Россия)

Пушина Наталья Иосифовна, доктор филологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

Пушкарева Наталия Викторовна, доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Россия)

*Соколов Роман Александрови*ч, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия)

Хазиев Рустэм Асхатович, доктор исторических наук, профессор, Уфимский университет науки и технологий (г. Уфа, Россия)

Шарыпина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия)

Шутова Надежда Ивановна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Ижевск, Россия)

Юшкова Людмила Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия)

BULLETIN OF UDMURT UNIVERSITY

2026

Volume 36

Series HISTORY AND PHILOLOGY

Issue 4

The journal publishes original papers, surveys, theoretical papers, short notes and reviews on the problems of history, philology, poetics of myths, and national culture.

Editor in Chief:

Dolgov Vadim V., Doctor of History, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Deputy Editor:

Zvereva Tatiana V., Doctor of Philology, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Kopylova Tatiana R., Doctor of Philology, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Puzanov Victor V., Doctor of History, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Executive secretary:

Repnikov D.V., Candidate of History, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Technical Editor:

Shul'ga E.B., Head of the Folklore Studies Department, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Editorial Board

Abramovskikh E.V., Doctor of Philology, Professor, Samara State Social and Pedagogical University (Samara, Russia)

Artyomov E.T., Doctor of History, Professor, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia)

Bekhtereva L.N., Doctor of History, Udmurt Institute of History, Language and Literature of Udmurt FRC of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia)

Bubenok O.B., Doctor of History, Professor, Institute of the Oriental Studies of the NAN (Kiev, Ukraine)

Crepeau Richard, PhD Professor of History, University of Central Florida (Orlando, USA)

Dvornichenko A. Y., Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Dulov A.N., Candidate of History, Associate Professor, Vitebsk State University named after P.M. Masherov (Vitebsk, Belarus)

Gladkov A.K., Assistant professor, senior scholar of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, (Moscow)

Zelenina T.I., Doctor of Philology, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Ivan'shina E.A., Doctor of Philology, Professor, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia)

Ivanov V.V., Candidate of History, Associate Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Kazarov S.S., Doctor of History, Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

Karpova L.L., Doctor of Philology, Leading Researcher, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia)

Kudryavtsev O.F., Doctor of History, Professor, Moscow State University of Foreign Affairs (Moscow, Russia)

Mayorov A.V., Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Milyutina M.G., Doctor of Philology, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Morozova I.V., Doctor of Philology, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Myagkov G.P., Doctor of History, Professor, Kazan Federal University (Kazan, Russia)

Os'mukhina O. Yu, Doctor of Philology, Professor, Mordovian State University named after N. P. Ogaryov (Saransk, Russia)

Potemkina M.N., Doctor of History, Professor, Senior Researcher, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Pushina N.I., Doctor of Philology, Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Pushkareva N.V., Doctor of Philology, Associate Professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

Sokolov R.A., Doctor of History, Professor, Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen (Saint Petersburg, Russia)

Khaziev R.A., Doctor of History, Professor, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Sharypina T.A., Doctor of Philology, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)

Shutova N.I., Doctor of History, Udmurt Institute of History, Language and Literature of Udmurt FRC of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia)

Yushkova L.A., Doctor of Philology, Associate Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Zagrebin A.E., Doctor of History, Professor of Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of History of Udmurtia, Archeology and Ethnology of UdGU, Senior Researcher in Center for the Study of Central Asia, the Caucasus and the Ural-Volga Region of Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Шейдаева С.Г. Проблемы понимания студентами текста евангельской притчи (к 80-летию М.Г. Атаманова) 713

Урунова Р.Д. Выражение атрибутивности в русском и татарском языках в условиях языкового контакта 720

Архипова И.В. Актуализация финального таксиса в поликатегориальном семантическом субкомплексе (на материале немецкого языка) 728

Кофанова Г.П., Ваганова Е.Ю. Анализ социально-экономического концепта «реглобализация» на материале информационно-аналитических интернет-изданий Германии 734

Арекеева Ю.Е. Семантические модели репрезентации оппозиции «Небо / 天 – Земля / 地» в китайском фразеологическом пространстве 743

Сахневич С.В. Реципиент-ориентированная модель перевода: новая парадигма в теории межъязыковой коммуникации (на англ. яз.) 754

Иванова С.А., Батуева А.Д., Тюлюбаева В.Д. Характерологическая функция интерьера в художественном тексте и ее передача при переводе (на материале английского, русского и французского языков) 767

Зоидзе Э.А. Языковые средства валоризации изданий русской классической литературы в англоязычном книгоиздательском дискурсе 780

Иванова С.А., Казина Н.А., Шагеева А.А. Фреймовая модель как основа для создания электронного двуязычного глоссария атомной энергетики 791

Злобина О.Н., Седина И.В. Использование искусственного интеллекта при переводе текстов международных контрактов 798

Какорин Е.М., Богоявленская Ю.В. Метафорическое моделирование образов политических оппонентов в предвыборном дискурсе Дональда Трампа в 2016 г. и 2024 г. 805

Хужакулов С.А. Межконтекстуальная вариативность лексико-семантических особенностей в английском юридическом дискурсе 817

Ананьина М.А. Особенности аллюзивных антропонимических концептов–эталонов в сопоставительном описании (на материале текстов современной британской и американской литературы) 825

Сейед Хасан Захраи, Махдие Гасеми, Али Мадаени Аввал. Ирреальная модальность в русском и персидском языках 831

Копылова Т.Р., Вахрушева К.О. Семантико-аксиологическая обусловленность кодовых переключений в удмуртско-русском бытовом диалоге 838

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Зверева Т.В. Пьеса Л. Зорина «Медная бабушка» в свете пушкинского мифа 846

Мосалева Г.В. Трагедия А.С. Пушкина «Борис Годунов»: восстановление канона 855

Фаустов А.А. Золотой век в творческом кругозоре Ф.М. Достоевского 864

Флоря А.В. Повесть «Смерть Ивана Ильича» Л. Н. Толстого: критический аспект 871

Фуксон Л.Ю. Граница войны и мира в рассказе Ю. Олеши «Воспоминание» …… 880

Ямщиков К.С. Валерий Попов как биограф: чужая жизнь в рецепции исповедальности …… 886

Агрба Л.А., Айба Э.Г. Лингвокультурная специфика тоста (на примере анализа стихотворения Роберта Бёрнса *The Selkirk Grace* и его перевода на абхазский язык Платоном Бебиа) …… 892

Качоровская А.Е. Восточная философия в литературе немецкого неоромантизма: прозаическая поэма Гессе «Сиддхарта» …… 899

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Толкачева С.В. Исполнительские интерпретации духовного стиха «На горе-то было, слышь, на гороньке» (Балезинский район Удмуртии): индивидуальность и диалект …… 907

ТРИБУНА МОЛОДОГО АВТОРА

Мирошниченко М.Р. «Совсем того» как элемент заголовочного комплекса в интернет-дискурсе . 921

Зайцева И.В. Устойчивость и изменяемость архетипических образов матери и мачехи от мифа к современности …… 927

Джалилова Л.Р. Модификация жанровой традиции романа воспитания (на материале произведений Б. Мукерджи «Жасмин», А. Адиги «Белый Тигр», Дж. Лахири «Тезка») …… 934

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Ракин А.Н., Сергеев О.А. История создания и становления комитета финно-угроведов Российской Федерации …… 942

РЕЦЕНЗИИ

Зайцева Н.Ю. Уникальность австрийской словесности в контексте европейской литературы ….. 950

Красноперова Е.В. Рецензия на кн.: *Рызов И. Кремлевская школа переговоров. Новая реальность*. М.: ЭКСМО, 2024. 336 с. …… 953

CONTENTS

LINGUISTICS

Sheidayeva S.G. Problems of students' understanding of the text of the Gospel parable (in honour of the 80th Anniversary of M.G. Atamanov) …… 713

Urunova R.D. Expressing attributivity in Russian and Tatar languages in language contact …… 720

Arkhipova I.V. Final-taxis actualization in a polycategorial semantic subcomplex (based on the German language) …… 728

Kofanova G.P., Vaganova E.Yu. Analysis of the socio-economic concept of ‘re-globalization’ based on German information-analytical Internet publications …… 734

Arekeeva Yu.E. Semantic models of representation of the opposition "Heaven / 天 – Earth / 地" in the Chinese phraseological space …… 743

Sakhnevich S.V. Recipient-oriented translation model: A new paradigm in the theory of interlanguage communication (in Engl.) …… 754

Ivanova S.A., Batueva A.D., Tyulyubaeva V.D. Characterological function of interior in a fiction text and its translation (on the material of English, Russian and French languages) …… 767

Zoidze E.A. Linguistic means of valorisation of Russian classical literature in English publishing discourse …… 780

Ivanova S.A., Kazina N.A., Shageeva A.A. Frame model as a basis for creating a bilingual glossary of nuclear energy …… 791

Zlobina O.N., Sedina I.V. The use of artificial intelligence in international agreement translation …… 798

Kakorin E.M., Bogoyavlenskaya Yu.V. Metaphorical modelling of political opponents: based on Donald Trump’s election campaign discourse in 2016 and 2024 …… 805

Khuzhakulov S.A. Cross-contextual variability of lexical-semantic features in English legal discourse . 817

Ananyina M.A. Features of allusive anthroponymic concepts–standards in a comparative aspect (based on modern British and American literary texts) …… 825

Seyed Hasan Zahraei, Mahdieh Ghasemi, Ali Madaeni Avval. Irrealis modality in Russian and Persian languages …… 831

Kopylova T.R., Vahrusheva K.O. Semantic and axiological conditioning of code-switching in Udmurt-Russian spoken interaction …… 838

LITERARY CRITICISM

Zvereva T.V. L. Zorin's play “The Copper Grandmother” in the aspect of the Pushkin myth …… 846

Mosaleva G.V. A.S. Pushkin’s tragedy “Boris Godunov”: restoration of the canon …… 855

Faustov A.A. The golden age in F.M. Dostoevsky’s creative worldview …… 864

Florya A.V. L.N. Tolstoy’s novella “The Death of Ivan Ilyich”: a critical aspect …… 871

Fukson L.Yu. The border of war and peace in Yu. Olesha’s story “A Memory” …… 880

Yamschikov K.S. Valery Popov as a biographer: another’s life in the reception of confessionality …… 886

Agrba L.A., Aiba E.G. Linguocultural peculiarities of a toast (on the analysis of Robert Burns' poem *The Selkirk Grace* and its translation into Abkhaz by Platon Bebia) …… 892

Kachorovskaya A.E. Eastern philosophy in the literature of German neo-romanticism: Hesse's prose poem "Siddhartha" …… 899

FOLKLORISTICS

Tolkacheva S.V. Performative interpretations of the spiritual verse "On the Mountain, Listen, on the Hill" (Balezinsky District of Udmurtia): individuality and dialect …… 907

TRIBUNE OF YOUNG AUTHOR

Miroshnichenko M.R. "Sovsem togo" as an element of the headline complex in Internet discourse ….. 921

Zaytseva I.V. Stability and variability of the archetypal images of mother and stepmother from ancient myth to present day …… 927

Dzhalilova L.R. Modification of the genre tradition of the Bildungsroman (by the material of works of B. Mukherjee "Jasmine", A. Adiga "The White Tiger", J. Lahiri "The Namesake") …… 934

HISTORY OF SCIENCE

Rakin A.N., Sergeev O.A. History of the creation and development of the Committee of Finno-Ugric Studies of the Russian Federation …… 942

REVIEWS

Zaytseva N.Yu. The uniqueness of Austrian literature in the European context …… 950

Krasnoperova E.V. Review of: *Ryzov I. The Kremlin School of Negotiations. New Reality*. M.: EKSMO, 2024. 336 p. …… 953

Лингвистика

УДК 811.163.1’42(045)

С. Г. Шейдаева

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ СТУДЕНТАМИ ТЕКСТА ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ПРИТЧИ (к 80–летию М. Г. АТАМАНОВА)

В статье на материале евангельской притчи о Закхее рассматривается вопрос о доступности для понимания текста на церковнославянском языке современным носителям русского языка. С этой целью было предложено группе студентов-филологов прочесть притчу и дать свое толкование каждой фразе. В процессе анализа ответов стало ясно, что ключевым моментом в понимании данного текста является уровень освоенности компетенций в области русского литературного языка, исторически формировавшегося под определяющим влиянием текстов Библии. Филологические компетенции предполагают понимание принципов устройства текста, наличие знаний в области филологии, навыков анализа языковых и литературных фактов, владение русским литературным языком. Анализ выполненных работ, с одной стороны, показал наличие объективных препятствий для понимания древнего текста, связанных с прочтением его на стыке двух языковых систем в их разных исторических срезах, с другой стороны, выявилась недостаточная общая лингвистическая подготовка будущих филологов-русистов: неумение работать с контекстом, видеть словообразовательные связи слов, недостаточное знание книжной лексики. Группы слов, наиболее затруднявшие понимание, – это имена существительные и прилагательные с измененным в русском языке лексическим значением; устаревшие глаголы, которые в современном языке имеют, однако, немало однокоренных лексем, формы частиц и местоимений, а также слова и устойчивые обороты, связанные с евангельским учением и историческими реалиями. Близкое к содержанию притчи понимание фраз и текста в целом было связано как с общей начитанностью отдельных студентов в области классической литературы, так и со знанием основ христианской заповеди.

Ключевые слова: история русского языка, церковнославянский текст, язык евангельской притчи.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-713-719

Группе студентов третьего курса по специальности «Отечественная филология» (русский язык и литература) и магистрантам направления «Преподавание русского языка и литературы» (20–25 лет) в июне 2025 г. было предложено прочесть притчу о Закхее [3] с целью определения степени понятности церковнославянского текста для молодого поколения и уяснения того, какой языковой опыт позволяет носителям современного русского языка воспринимать евангельский текст, а что является барьером для его понимания. Студентам (17 человек) было дано задание записать свое толкование каждой фразы из притчи; опрос проводился в учебной аудитории в течение 40 минут.

Прежде чем приступить к анализу результатов проведенного эксперимента, рассмотрим основные положения, касающиеся церковнославянского языка и его соотнесенности с русским языком. Еще в XIX в. А. И. Соболевский писал, что «простой по содержанию текст Евангелия и книг Ветхого Завета, переведенный знатоками греческого языка, образованными Кириллом и Мефодием или их учениками под их руководством, был передан по-церковнославянски и точно, и вполне удобопонятно. Переводчики, передавая греческие слова и выражения по-славянски, не стремились к буквальности, не старались передавать оригинал слово в слово, но заботились прежде всего об передаче смысла и об удобопонятности» [12, с. 23–24]. Позднее Б. А. Успенский делает вывод о том, что церковнославянский язык (южнославянский в своей основе) с перенесением его на русскую почву подвергался постепенной русификации, в результате чего образовался его русский извод. Оппозиция с русским языком сохранялась на всех этапах эволюции; в сущности, имеет место динамическое взаимодействие между двумя языками [14, с. 3–4].

В настоящее время *церковнославянский* язык определяется как нормированный, главным образом в письменной форме, язык служебных церковных текстов; для обозначения языка самых древних славянских переводов, от которых сохранилось не более двух десятков списков используется термин *старославянский* язык [4, с. 193]. В лингвистической учебной литературе этот термин обычно применяется в более широком значении, и все заимствованные лексемы из церковных текстов называются

старославянизмами. В. В. Колесов подчеркивает, что древнеславянские переводы книг Библии сыграли решающую роль для становления русской культуры, прежде всего созданием литературного языка [5, с. 206].

Русский литературный язык на протяжении многовекового исторического развития органически вобрал в себя целые пласты слов и фразеологизмов из церковнославянского языка. В связи с этим тексты Евангелия должны быть в определенной мере понятны носителям русского литературного языка и без перевода, с учетом того, что в современном русском языке «слова церковнославянского происхождения, как правило, характеризуются более широким или более абстрактным значением» [14, с. 185]. Старославянизмы представлены в художественной литературе и публицистике, активно используются в церковно-религиозном стиле [9].

В нашем исследовании анализируются, прежде всего, смысловые (семантические) соотношения между церковнославянизмами и их русскими эквивалентами, предложенными студентами.

Притча начинается фразой **И вшедъ прохождаше їеріхонъ** (здесь и далее используем упрощенную графическую форму). Традиционный перевод: «*Потом Иисус вошел в Иерихон и проходил через него».* Деепричастие *вшедъ* использовано в функции второстепенного сказуемого, буквальный смыл такой: «*войдя проходил Иерихон»* (местный падеж без предлога). Союз «и», соединяющий предложение с предыдущим рассказом о деяниях Христа, использован для выражения временной последовательности, хотя в иных случаях может выражать и другие значения (присоединения, причины, усиления, выделения и др.).

Иерихон – древний торговый город, через который пролегала дорога из Галилеи в Иерусалим. Для некоторых студентов неизвестным оказалось само название города, ошибочно переданное ими как *иерхон, ирехон*, в одном случае оно было воспринято даже как личное имя: «И вошел прохожий Ирехон». В этом проявилось незнание историко-культурных реалий, в том числе фразеологизма о *трубе иерихонской* (как очень громком, трубном голосе), сложившегося на основе библейского предания о разрушении прочных стен Иерихона от звука труб израильских воинов.

В целом более половины ответов всё же оказались близки к общему содержанию данной фразы, хотя была упрощена глагольная семантика движения: вместо двух действий называлось только одно – *вошел,* а в случае использования иных глаголов, вносился осовремененный смысл, которого не было в исходном тексте: «зашел», «вошел прогуляться».

Далее в притче появляется Закхей: **И се мужъ нарицаемый закхей, и сей старей мытаремъ, и той бе богатъ.** «*И вот, некто, именем Закхей, начальник мытарей и человек богатый*» (здесь и далее переводы Николая Сербского [10]). Слово *мытарь* «сборщик податей» образовано от *мыто* «пошлина за проезд и провоз товара» [11. Вып. 9]. Студентам это слово должно быть знакомо из курсов истории, хотя и в живой разговорной речи используется слово *мытарить* в значении «обманывать, мучить».

Жители Иерихона контролировали переправу через реку Иордан, где проходило множество людей, а налоги взимались и за пользование дорогой, и за перевозимые товары. Поэтому Закхей, как начальник над мытарями, был очень богат, а все мытари «считались людьми весьма грешными и нечистыми, так как, взимая с народа государственный налог, они при этом немилосердно занимались вымогательством в свою пользу» [10].

Наиболее близкое по смыслу толкование студентами этой части такое: «Человек, называемый Закхеем, был богатым мытарем». Сочетание *старей мытаремъ* либо не комментируется, либо поясняется как «старый мытарь», хотя косвенный падеж существительного должен был привлечь внимание филологов. В двух случаях имеется и более существенное отступление от смысла притчи, связанное с неверным пониманием *соединительного* союза «и», использованного в тексте трижды, как *разделительного* «и… и», в результате чего вместо одного появляются два и даже три персонажа: «И этот муж, называемый Закхей, и старец», «И человек, называемый Закхей, и этот старый мытарь, и тот богатый». Повлияло на это также неразличение студентами значений слов *се, сей, той*. Усилительная частица *се* в значении «вот», указательное местоимение *сей* «этот» и *той* как форма местоимения *тот*, относящаяся к ранее упомянутому или известному предмету: *и той бе богатъ – «и тот был богат»* (в одном ответе форма *той* была вообще отнесена к женщине). Интересно, что неизвестное студентам имя собственное в одном случае заменяется на привычное *Захар*.

О действиях Закхея в притче сообщается следующее: **и искаше видети їиса, кто есть, и не можаше от народа, яко возрастомъ малъ бе.** *«Искал видеть Иисуса, кто Он, но не мог за народом, потому что мал был ростом».* Церковнославянское слово *возраст* здесь имеет значение «рост», а союз

яко использован в причинном значении, хотя в целом он был одним из наиболее многозначных, и «на ранних этапах развития языка он выступал, скорее, как общий показатель подчинительной связи» [13]. Однако заимствованное слово, как известно, «претерпевает изменения семантической структуры. Чаще всего происходит упрощение – заимствуется только одно значение» [8].

Закхей хочет увидеть Иисуса и ищет его, поскольку уже слышал о нем и о его учении. Как пишет Николай Сербский, «в нем зародилось настолько непреодолимое желание видеть Его, что для его осуществления Закхею пришлось проталкиваться вперед сквозь толпу людей, которые были выше его ростом, да еще и влезать на дерево» [10]. Вполне ожидаемо многие студенты истолковали слово *возраст* в современном его значении и дали переводы «был слишком юн», «был маленьком», «младенец», противоречащие исходному обозначению Закхея как *мужа* «мужчина».

Как же Закхей выходит из создавшегося положения? **И предитекъ, возлезе на ягодичину, да видитъ, яко хотяше мимо ея проити.** «*Он забежал вперед, залез на дерево, чтобы увидеть идущего мимо».*

В синодальном переводе сказано, что это была *смоко́вница*, то есть инжир, хотя в греческом оригинале, как указывает иерей Константин Аристов, был назван *сикомор* – дерево семейства тутовых, эти деревья специально сажали вдоль дорог, так как их низкие широкие ветви давали хорошую тень [1]. Слово *ягодичина*, по нашему представлению, более подходит именно к тутовнику с его мелкими ягодами. Для большинства студентов данное слово оказалось вообще не «читаемым», хотя были вполне удачные попытки истолковать его через внутреннюю форму: «ягодное дерево», «возможно, место, где растут ягоды».

Данный фрагмент оказался сложным для прочтения также в связи с глагольной формой *предитекъ* от *предитещи* «забежать вперед, обогнать, опередить кого-либо» [11. Вып. 18]. Здесь сказалась, на наш взгляд, слабая подготовка студентов в области словообразования: префикс *пред(и)-* хорошо известен в русском языке (*предисловие, предуведомление*), а корень *тек-*/*течь*, используется не только в словах с обозначением движения воды, но также в отвлеченном значении (*течение* времени, *предтеча*), а в литературных текстах и в значении передвижения человека (Пушкин «Анчар»: «И тот послушно в путь *потек*»). Наиболее лаконичными были такие толкования: «пришел, сел и видит», «залез на дерево и видит, что хочет кто-то мимо пройти», в которых проявилось понимание формы будущего времени *да видит* как современной формы настоящего времени.

И вот появляется Иисус Христос и обращается прямо к Закхею: **И яко пріиде на место, воззревъ їисъ виде єго, и рече къ нему: закхее, потщався слези: днесь бо въ дому твоемъ подобаетъ ми быти** «*Иисус, когда пришел на это место, взглянув, увидел его и сказал ему: Закхей! сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме*». Иисус не только первым заметил Закхея (*воззревъ виде*), сидящего высоко на дереве, но и обратился к нему по имени.

Сложности в понимании начала данного отрывка были связаны, в основном, с глаголами. К самым простым и соответствующим сути притчи можно отнести толкования типа «Пришел Иисус, увидел Закхея и говорит ему…» (4 работы). При этом во многих случаях студенты использовали не соответствующие по семантике глагольные формы времени и наклонения: вместо *пришёл* (*пріиде*) - *«придет», «придешь», «приди»*, которые отнесены не к Иисусу, а к мытарю или вообще к какому-то неопределенному лицу: «И когда пришел на место, увидел Иисуса», «И как придешь на место, воззови Иисуса» и т.п. После такого серьезного искажения смысла дальше читать, пожалуй, было бы уже бессмысленно, поскольку потеряна главная мысль притчи, заключающаяся в следующем: «В то время как мы ищем Его, предпринимая все возможные усилия чтобы найти Его и увидеть, Он стоит рядом с нами и смотрит на нас. Он всегда видит нас раньше, чем мы его» [10].

Глагол *воззреть* «посмотреть, взглянуть» (*воззрев… виде* «посмотрел и увидел») был, довольно неожиданно, понят по-разному: «*воззови* Иисуса», «*воззревел Иисус*», «*возреветесь при виде его*». Надо сказать, что студентам университета должно быть хорошо известно отглагольное существительное *воззрение*, да и сама форма производного глагола *воззрети* вполне прозрачна: приставка *воз- /вос-* и основа *зреть* «смотреть» (*зрение, зритель*). По-видимому, одна из причин в том, что книжная, отвлеченная лексика становится всё менее известной мало читающему молодому поколению, а литературная речь активно вытесняется из языкового обихода нелитературными языковыми единицами разного происхождения.

Обратим внимание на наличие в тексте притчи многих слов со старославянской приставкой воз-/вз-: не только *воззреть*, но также *возлезе, возвращу, взыскати* и др. К такого рода «старославянским словообразовательным элементам» относится в современном русском языке, как известно, также из-, низ-, чрез-, пре-, пред- и др. [8].

Отметим, что глагол *воззреть* был заменен студентами все-таки схожими по структуре (но не по смыслу) придуманными образованиями под влиянием стилистики самой притчи и общего контекста. Так, совершенно невообразимая форма *воззреветь* могла возникнуть в связи с последующим ошибочным толкованием сочетания *потщався слези* (поспеши слезть) как «*вытри слёзы*», «не плачь», «внемли, поддайся слезам», «за все пощади слезы». Форма *слези* была верно опознана лишь двумя студентами, истолковавшими ее как «слезь сейчас», «Закхей, слезай». *Слези* – форма повелительного наклонения глагола *слезти* «сойти, спуститься» от *лезти* «подниматься или спускаться, обычно цепляясь руками» [11. Вып. 8].

Однако, казалось бы, простой смысл «Иисус пришел, увидел Закхея и обратился к нему» большинство отвечающих «прочитали» в перевернутом виде: «Закхей пришел, увидел Иисуса, «воззревел» и произнес свою речь». В таком случае вопрос о смысле всей притчи, увы, вообще не может ставиться.

Концовка данного фрагмента, выраженная в тексте придаточным причины «*днесь бо въ дому твоемъ подобаетъ ми быти»,* восприняли достаточно близко к источнику: «днем в доме твоем подобает нам быть», «в твоем доме я должен быть», «завтра в твой дом мы придем», «сегодня в доме твоем я должен быть» и др. Разночтения касаются действующих лиц и их количества (форма *ми* «мне» воспринята как «мы»), а также времени события (наречие *днесь* «сегодня, в этот день» толкуется по-разному: *днем, завтра, сегодня*).

Глагол *подобает* «следует» либо не переводится, по-видимому, как известный и в наши дни, либо заменяется понятиями из современной парадигмы долженствования (*должен, нужно*), также искажающими смысл высказывания.

Далее в притче описываются действия Закхея: **И потщався слезе, и пріятъ єго радуяся.** «*И он поспешно сошел и принял Его с радостью*» (мытарь спустился с дерева и с радостью принял Иисуса Христа у себя в доме). Здесь во второй раз возникает сочетание *потщався слези*, и в данном случае оно передает реальное действие: «поспешил слезть». Глагол *потщаться* (от *тщати* «стремиться, иметь усердие»; сравн. *тщание*) имел значение «постараться, поторопиться, приложить усилия». В словаре В. И. Даля читаем: «*Потщатися* церк. и *потщиться*, постараться, поусердствовать. Потщись исполнить мое порученье. *Потщание* ср. старанье, усердное прилежанье, ревность; церк. поспешность, скорость» [2]. Никто из студентов не увидел соотношения данного глагола с современным словом *тщательный*, что могло бы служить подсказкой при чтении притчи.

А вот глагол *прияти* «взять к себе, предоставить место для постоя, жилья» многие поняли верно, либо близко к источнику: «очень рад был принять его», «И принимают его, радуясь», «принял его радуясь». Исследователь древнерусской лексики А. С. Львов говорит о заложенной в этом слове семантике «уважения, любви», что роднит его с группой *чьтим, честь, почтити* [7, с. 54]. У студентов были и такие варианты толкования: «приятель радовался», «и приятели его радуются», и даже «закхее, мне нравится твой дом». Наверное, можно сказать, что те из студентов, которые использовали для перевода старославянизма *прият*ь его современный аналог *принять* «пустить к себе в качестве гостя», и те, кто привлёк лишь разговорное существительное *приятель* «близкий знакомый» – это две категории носителей современного русского языка: первые – литературно говорящие, вторые – носители разговорно-просторечной формы речи.

Деепричастие *радуяся* «радостно, с радостью» практически не нуждалось в переводе как сохранившееся в русском языке. Глагол *радовати ся* восходит к древнейшей форме прилагательного *радъ* [7, с. 57–58]. В студенческих толкованиях появляется противоречие: вначале речь шла, вроде бы, о слезах, а теперь появляется глагол *радоваться.* Попытка связать одно с другим дает следующую картину: «спряча слезы, обрадовался», «Закхе перестал плакать, очень рад был принять его», «И плачут! И принимают его, радуясь», «и поддавшись слезе, радуется», «слезно принял его радостью». Картина, по-видимому, навеяна современный телевизионной культурой, ведь это в сериалах часто истерически плачут и смеются одновременно.

Что же на самом деле раскрывается вдумчивому читателю в рассказе о том, как Закхей хочет увидеть Иисуса, и тот «не просто дает ему Себя увидеть, но спешит первый обратиться к Закхею, да еще и входит под кров его дома» [4]? Притча – жанр иносказательный, в данном случае мы понимаем ее так: ищи Господа, и он придет в дом твоей души.

Читаем далее о том, как были восприняты толпой действия Иисуса Христа: **И видевше вси роптаху, глаголюще, яко ко грешну мужу вниде витати**. «*И все, видя то, начали роптать, и говорили, что Он зашел к грешному человеку».* Вот как комментирует эту ситуацию Николай Сербский:

«Пока шли по улице к дому Закхея; пока они ворчали и возмущались этим непристойным посещением, Спаситель молчал и ждал. Чего Он ждал? Ждал, чтобы полностью открылись и сердца нечеловеколюбивых ворчунов, и сердце покаявшегося Закхея. Он спокойно идет в дом Закхея; крикуны кричат, ропотники ропщут, насмешники насмехаются, но Он молчит и идет. Он заходит в дом Закхея; самозванные «праведники» остаются за порогом принадлежащего грешнику дома из страха, как бы не замараться; и снова еще громче продолжают кричать крикуны, роптать ропотники и насмехаться насмешники. И Господь, меньше смотря на лицемерную и злобную толпу, чем на обновление Закхеева сердца, спокойно стоит и ждет, пока все не свершится, а тогда придет и Ему время сказать» [10].

Обратимся к языковому анализу. Все студенты передают форму имперфекта *роптаху*, употреблявшуюся для обозначения длительного или повторяющегося незаконченного прошедшего действия [13, с. 2], современным глаголом (с долгой историей) *роптать* в значении «негромко, не вполне открыто выражать свое недовольство», что вполне соответствует и его исконному значению.

В то же время на общем недопонимании данного фрагмента сказывается незнание значений общеславянских глаголов *витати* «обитать, жить; останавливаться где-либо временно» [11. Вып. 2] и *внити, вниде* «войти внутрь». Первый пытаются толковать как «летать» (по-видимому, под влиянием фразеологизма «витать в облаках»), а второй как «видеть», либо просто пропускают оба названия обоих действий. Известно, что понимание любого сообщения опирается на языковой опыт говорящего.

И вот ключевое событие притчи: **Ставъ же закхей рече ко гду: се полъ имения моего, гди, дамъ нищымъ: и аще кого чимъ обидехъ, возвращу четверицею.** «*Закхей же, став, сказал Господу: половину имения своего я отдам нищим, если кого обидел, воздам вчетверо*».

Н. Сербский восклицает по этому поводу: «Кто этого от него потребовал? Никто. Кто обвинил его в похищении чужого? Никто. Само присутствие пречистого и безгрешного Господа Закхей ощутил как обвинение себе, и само сие присутствие, без слов, исповеди и объяснений, подвигло его на такой шаг. Покаянное сердце без слов понимает Бога. Покаявшемуся Бог быстро открывает, что надо делать дальше. Он изо всех сил старается поправить и загладить причиненные людям обиды и предлагает воздать вчетверо всякому, у кого взял что-либо неправедно» [10]. Имеется важное примечание о том, что в оригинале греческого текста глагол «возмещу» стоит в настоящем времени.

Трудности в понимании притчи оказались связанными здесь с такими лексемами, как *полъ имения* (половина имущества, земельных владений) и *четверицею* (вчетверо), которым были даны, в частности, такие переводы: «поле имения», «четвертая часть». Отглагольное существительное *имение* (к глаголу *иметь*) во всех славянских языках использовалось для передачи понятия «имущество, состояние»» (русский синоним *добытъкъ*) [7, с. 247]. Большинство студентов в целом поняли данный фрагмент, что видно из такого рода пересказов: «эту половину моего владения отдам нищим, господи, и, если кого чем обидел, верну вчетверо», «здесь пол имения моего дам нищим, и если кого чем обидел, возвращу сполна».

Плату за *обиду* стали взимать со времен Ярослава Мудрого, *обида* понималась как несправедливость, нарушение прав, оскорбление, и как материальное притеснение, наносимый ущерб более слабым, зависимым; *обидети* – значит «нанести моральный или материальный ущерб, оскорбить, притеснить» [11. Вып. 12]. В некоторых ответах студенты не могли определиться с личностью обидчика, что проявилось в таких пересказах: «и еще кого *обидишь* возвращу», «господь, *дай* нищим: а еще кого *обидят*, верну четверицею». Хотя в притче, как это прямо сказано, *закхей рече ко гду*.

И вот заключительные слова Христа: **Рече же къ нему їисъ: яко днесь спсніе дому сему бысть, зане и сей сынъ авраамль есть.** «*Иисус сказал ему: ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама*». Спасение дому сему есть спасение души, а «сын Авраама» – тот, вера которого сразу выражается делом. Ветхозаветный Авраам доверился Богу и пошел в аравийскую пустыню, как пошел за Богом и Закхей, ставший сыном Авраама по духу (церковные историки свидетельствуют, что Закхей раздал всё, что имел, и стал учеником Иисуса).

Спасение дому сему бысть – это о спасении в вечности; а в последующем придаточном причины, начинающимся союзом *зане*, поясняется: спасен, потому что поступил как Авраам. Некоторые студенты восприняли это буквально: «этот сын Авраам есть», не обратив внимания на притяжательный суффикс –ль- (из j).

Далее Иисус поясняет свои слова и поступки: **пріиде бо снъ члвечь взыскати и спасти погибшаго.** «*Ибо Сын Человеческий пришел найти и спасти погибших*», то есть спасти именно тех, которых все, и они сами, считают погибшими. Исследователи этой притчи сравнивают действия Господа с поведением врача, который спешит посещать не здоровых, а больных.

Какие слова оказались здесь наиболее «трудными» для студентов? Это словосочетание *Сын Человеческий* (об Иисусе Христе), которое в большинстве ответов отнесено к обозначению одного из людей: *«сына человеческого ищет», «придет сын человека», «придет к богу сын человеческий*». Правда, одному из писавших был известен евангельский смысл этих слов («*придет Бог – сын человеческий*»), но в двух ответах слово *сын* превратилось в *сон*: *«пришел во сон человеческий», «придет во сне человек взять и спасти погибшего».* «Трудным» оказалось и слово *погибшего*; только двое приблизились к пониманию его значения в этой притче: «придет сын человеческий спасти грешных (погибающих)», остальные однозначно восприняли его в общенародном смысле как «умерший».

Итак, основными препятствиями для современных студентов на пути понимания евангельской притчи, написанной на церковнославянском языке, стали, во-первых, сами языковые системы двух родственных языков в их разных исторических срезах и слабая подготовка студентов-филологов в области чтения древних текстов; во-вторых, наложило отпечаток существенное различие между мировосприятием современных молодых людей и евангельской картиной мира, с которой большинство из них знакомо весьма поверхностно, в том числе недостаточное знание культурно-исторических реалий вообще; в-третьих, обнаружилась, к сожалению, довольно слабая общая лингвистическая подготовка студентов третьего курса, что проявилось в неумении работать с контекстом, словообразовательными связями слов, незнание книжной лексики.

Факты верного или близкого к источнику толкования притчи были связаны, как правило, со знакомством отвечающих с евангельскими текстами, знанием основ христианской заповеди.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристов Константин* (иерей). Закхей: полная перемена жизни // Сайт Московского Сретенского Монастыря, 13 февраля 2021.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991–1993. Т. 1–4.
3. Евангелие от Луки // Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие. На славянском и русском языках. СПб.: Синодальная типография, 1914. Глава 19, 323 – 328 с.
4. *Колесов В. В. Мир* человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 312 с.
5. *Колесов В. В. Слово* и дело: Из истории русских слов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 701 с.
6. *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). М.: Высшая школа, 1975. 325 с.
7. *Львов А. С*. Лексика «Повести временных лет». М.: Наука, 1975. 368 с.
8. *Мишанкина Н. А.* Лексикология русского языка. Русский язык как иностранный: профессиональная сфера общения: учебное пособие. Томск: Изд-во Томского политехн. ун-та, 2017. 124 с.
9. *Ряжских Е. А.* Современный русский язык: лексикология: учебное пособие. Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2016. 116 с.
10. *Сербский Н*. Легенда о покаявшемся Закхее // Из собрания творений святителя Николая Сербского (Велемировича). WWW. ПРАВОСЛАВИЕ-RU
11. Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 1–32. М., СПб., 1975–2023. С. 192, 199 – 200, 337, 50, 191 (вып. 2, 8, 9, 12, 18).
12. *Соболевский А. И.* История русского литературного языка. Л.: Наука, 1980. 193 с.
13. *Стеценко А. Н.* Исторический синтаксис русского языка. М.: Высшая школа, 1977. 352 с.
14. *Успенский Б. А*. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI-XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.

Поступила в редакцию 20.11.2025

Шейдаева Светлана Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь
Россия, г. Ижевск
E-mail: Sheidaeva@mail.ru

S. G. Sheidayeva

PROBLEMS OF STUDENTS' UNDERSTANDING OF THE TEXT OF THE GOSPEL PARABLE (IN HONOUR OF THE 80th ANNIVERSARY OF M. G. ATAMANOV)

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-713-719

Using the Gospel parable of Zacchaeus as a reference, this article considers a matter of comprehensibility of the Church Slavonic text for modern native Russian speakers. To that end, a group of philology students were asked to read the

parable and provide their own interpretations of each phrase. Analysis of the responses revealed that a key factor in understanding this text is the level of mastery of Russian literary language competencies, which have historically developed under the decisive influence of biblical texts. Philological competencies presuppose an understanding of the principles of textual structure, knowledge of philology, skills in analyzing linguistic and literary facts, and proficiency in Russian literary language. Analysis of the tasks performed by students, on the one hand, revealed objective obstacles to understanding the ancient text associated with its reading at the intersection of two linguistic systems in their different historical contexts. On the other hand, it uncovered the insufficient general linguistic preparation of future Russian philologists: their inability to work with context and to discern word-formation connections, as well as their insufficient knowledge of literary vocabulary. The word groups that presented the greatest challenges were: nouns and adjectives with altered lexical meanings in Russian; obsolete verbs that have many cognate lexemes in modern language; particle and pronoun forms; and words and idioms associated with the Gospel teaching and historical realities. A close understanding of the phrases and the text as a whole was due both to the general erudition of certain students in classical literature and to their knowledge of the fundamentals of Christian teaching.

Keywords: history of the Russian language, Church Slavonic text, language of the Gospel parable.

REFERENCES

1. *Aristov Konstantin* (priest). Zakkhey: polnaya peremena zhizni [Zacchaeus: A Complete Change of Life]. Sayt Moskovskogo Stretenskogo monostirya [Website of the Moscow Sretensky Monastery], February 13, 2021. (In Russian).
2. *Dal' V. I.* Tolkovyi Slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, 1991–1993. Vol. 1–4. (In Russian).
3. The Gospel of Luke [Yevangeliye ot Luki]. Gospoda nashego Iisusa Khrista Svyatoye Yevangeliye. Na slavyanskom i russkom yazykakh [The Holy Gospel of our Lord Jesus Christ. In the Slavic and Russian languages]. St. Petersburg: Synodal Publ., 1914. Chapter 19. S.S. 323 - 328. (In Russian).
4. *Kolesov V. V.* Mir cheloveka v slove Drevney Rusi [The world of a man in the word of Ancient Rus']. Leningrad, Leningrad University Publ., 1986. 312 s. (In Russian).
5. *Kolesov V. V.* Slovo i delo: Iz istorii russkikh slov [The Words and deeds: Excerpts on the history of Russian words]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2004. 701 s. (In Russian).
6. *Larin B. A.* Lektsii po istorii russkogo literaturnogo yazyka (X – seredina XVIII v.) [Lectures on the history of the Russian literary language (X – mid-18th century)]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1975. 325 s. (In Russian).
7. *Lvov A. S.* Leksika «Povesti vremennykh let» [Lexicon of the Tale of Bygone Years]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 368 s. (In Russian).
8. *Mishankina N. A.* Leksikologiya russkogo yazyka. Russkiy yazyk kak inostrannyy: professional'naya sfera obshcheniya: uchebnoye posobiye [Lexicology of the Russian language. Russian as a foreign language: professional sphere of communication: textbook]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University Publ., 2017. 124 s. (In Russian).
9. *Ryazhskikh E. A.* Sovremennyy russkiy yazyk: leksikologiya: uchebnoye posobiye [Modern Russian Language: Lexicology: Study Guide]. Voronezh: Faculty of Journalism, Voronezh State University Publ., 2016. 116 s. (In Russian).
10. *Serbsky N.* Legenda o pokayavshemsya Zakkheye [The Legend of the Repentant Zacchaeus]. Iz sobraniya tvoreniy svyatitelya Nikolaya Serbskogo (Velemirovicha) [From the collected works of St. Nicholas of Serbia (Velemirovich)]. www.pravoslavie.ru (In Russian).
11. Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv. [Dictionary of the Russian language of XI-XVII centuries], no 1–32. Moscow, St.Petersburg Publ., 1975–2023. S.S. 192, 199, 337, 50, 191 (no 2, 8, 9, 12, 18). (In Russian).
12. *Sobolevsky A. I.* Istoriya russkogo literaturnogo yazyka [History of the Russian literary language]. L.: Nauka Publ., 1980. 193 s. (In Russian).
13. *Stetsenko A. N.* Istoricheskiy sintaksis russkogo yazyka [Historical syntax of the Russian language]. Moscow: Higher School Publ., 1977. 352 s. (In Russian).
14. *Uspensky B. A.* Kratkiy ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka (XI–XIX vv.) [A Brief Essay on the History of the Russian Literary Language (11th-19th Centuries)]. Moscow: Gnosis Publ., 1994. 240 s. (In Russian).

Received 20.11.2025

Sheidayeva S.G., Doctor of Philology, Professor, Independent researcher
Izhevsk, Russia
E-mail: Sheidaeva@mail.ru

УДК [811.161.1+ 811.512.145]’373(045)

Р. Д. Урунова

ВЫРАЖЕНИЕ АТРИБУТИВНОСТИ В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА

Изучение языка не может быть полным без обращения к социальному аспекту его функционирования. Учет условий коммуникации в лингвистических исследованиях позволяет увидеть язык в новом свете. Цель статьи – показать те стороны языка, которые формируются в билингвистической коммуникации и зависят от внешних условий, в том числе от характера родного языка коммуникантов. Материалом для анализа послужили синтаксические конструкции татарского и русского языков с местоименными аффиксами, выражающими атрибутивную семантику. В исследовании применялась комплексная методика, которая включает: приемы сравнительно-исторического анализа, сопоставительный анализ, систематизацию, сравнение, количественную и качественную интерпретацию полученных данных. Основанием для исследования стала гипотеза, что в условиях билингвизма владение двумя языками вызывает регулярное переключение коммуникантов с одного языка на другой, что это способствует переносу средств и способов из одной языковой системы в другую. Было выяснено, что в результате таких условий русские имена прилагательные под влиянием изафетных конструкций приобрели однозначный формант со значением атрибутивности. Образование этого форманта способствовало окончательному оформлению имени прилагательного как грамматического класса в русском языке. Внимание к особенностям использования языка билингвами позволяет увидеть в новом свете историю русского языка и историю других языков народов России.

Ключевые слова: русский язык, татарский язык, коммуникативный акт, билингвизм, атрибутивные отношения, имя прилагательное.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-720-727

Введение

Для большинства регионов России характерна языковая ситуация двуязычия, в которой государственный русский и родные языки народов России находятся в многовековом тесном контакте. Исследователи определяют двуязычие как «сосуществование, взаимодействие и взаимовлияние двух различных языков в едином билингвистическом коммуникативном пространстве в определенную историческую эпоху» [6, с. 98]. Билингвистическое коммуникативное пространство рассматривается учеными как «составная часть социальной среды», которая оказывает решающее воздействие, как на формирование коммуникативной компетенции отдельного носителя языка, так и на язык в целом [6].

Все исследователи под двуязычием (билингвизмом) понимают владение представителями коренного для региона населения двумя языками [6; 10; 21]. В такой ситуации за первый язык принимается родной, а за второй язык – неродной, но широко употребляемый той или иной этнической общностью, например, принятый в качестве государственного [21, с. 114]. При этом степень владения двумя языками может быть разной: «владение устным разговорным или письменным литературным либо обеими формами» [21, с. 114]. С этой точки зрения большая часть регионов России представляет собой исторически сложившееся билингвистическое коммуникативное пространство, на котором в сознании людей и в их речевом поведении происходит чрезвычайно тесное взаимодействие родного для коренного населения региона языка и второго, которым на территории России является государственный русский язык.

Учитывая мнение ученых, можно предположить, что россияне, у которых первым родным языком является какой-либо тюркский язык, например, татарский, используют «второй» (русский), внося в него способы употребления, характерные для родного языка. В билингвистической ситуации влияние законов родного языка на использование второго языка является значительным и затрагивает глубинные механизмы языковой системы. Таким образом осуществляется адаптация системы неродного языка к особенностям языка коренного для региона народа. Так, например, для носителей агглютинативных языков (в том числе и татарского) характерно выражение грамматических значений специальными агглютинативными частицами, когда одна частица выражает только одно грамматическое значение. Агглютинативные частицы используются для выражения смысловых отношений, и для носителей агглютинативных языков привычно связывать конкретный аффикс с определенной смысловой категорией. Им удобен именно такой механизм однозначного выражения смысла в речи. При использовании

неродного русского языка, для которого характерны многозначные аффиксы, татары, калмыки, башкиры в речи рефлекторно отбирают средства наиболее близкие к агглютинативному способу, который для них привычнее. Таким образом они адаптируют систему чужого языка к механизму родного языка.

Исследователи билингвизма отмечают, что во время коммуникативных контактов на русском языке татарин, тувинец или башкир могут либо переносить во второй язык грамматические модели родного, либо приспосабливать русскоязычные обороты к грамматике своего языка [1; 6; 12]. В результате калькирования вырабатываются общие, несложные и легко распознаваемые конструкции. От подобного регулярного употребления отобранные тюркоязычными коммуникантами форманты приживаются в русских словах и начинают использоваться в речи аналогично однозначным агглютинативным аффиксам. Такие процессы настолько глубоко затрагивают систему языка, что их результат, как правило, не воспринимается как заимствование. Это влияние не в последнюю очередь обусловлено масштабом русско-тюркского билингвизма, поскольку в количественном соотношении население России, говорящее на каком-либо тюркском языке, является весьма многочисленным.

Замечательный русский лингвист Н. С. Трубецкой еще в начале XX в. обратил внимание на системное взаимодействие неродственных языков в билингвистической ситуации и в статье «Вавилонская башня и смешение языков» [15] заметил, что языки, распространенные в одном регионе и долго находящиеся в тесном контакте, приобретают значительное структурное сходство в своих грамматических системах, которое он назвал «сродством языков» в отличие от первичного генетического «родства языков» [15, с. 15].

Понимая важность билингвизма для языковедения, наряду с понятием «языковая семья» Н. С. Трубецкой ввел в научный оборот термин «языковой союз», под которым понимал – «объединение неродственных или отдаленно родственных языков, имеющих большое сходство в синтаксических отношениях, подобие в принципах морфологического построения», обусловленные «контактами и взаимодействиями» [15, с. 16]. Входящие в языковой союз языки «приобретают черты структурного сходства, хотя регулярных фонетических соответствий между ними не обнаруживается» [15, с. 16]. Таким образом, по мнению ученого, языковые союзы могут интерпретироваться как результат особого типа «скрещивания языков».

На наш взгляд, изложенная Н. С. Трубецким идея является весьма продуктивной как для исследования языков народов России (в том числе и татарского), так и для нового взгляда на историю русского языка. Ознакомление с научными трудами по описанному направлению показывает, что влияние языков народов России на русский в этом аспекте практически не рассматривалось, если не считать сопоставления отдельных фрагментов грамматических систем и исследования лексических заимствований, попавших в русский словарный фонд [8; 11; 22 и др.].

На наш взгляд, сопоставление грамматических процессов русского и татарского языков в синтаксическом аспекте с учетом условий билингвизма может раскрыть новое видение истории этих языков. В связи с этим цель исследования – показать, что в условиях двуязычия происходит перенос способов выражения смысловых отношений из родного языка коммуникантов в неродной, что приводит к адаптации грамматической системы последнего. Объектом исследования в статье является влияние агглютинативных тюркских языков народов России на систему русского языка в условиях билингвизма на примере соответствия способов выражения атрибутивных отношений в русском и татарском языках.

Материалы и методы

Материалом изучения в данной статье послужили атрибутивные словосочетания татарского и русского языков из разных исторических периодов. В ходе выполнения исследования выявлялись и сравнивались:

– форманты атрибутивных отношений в татарском (тат.) и русском языках – для нахождения соответствий в способах выражения категории атрибутивности;

– формы русского имени прилагательного из текстов, написанных в разные исторические периоды, – для обнаружения агглютинативных местоименных элементов, соотносимых с аффиксами российских тюркских языков, и описания их адаптации к системе русского языка.

В исследовании использовались сравнительно-исторический и сопоставительный виды анализа, включающие наблюдение (выявлялись и описывались этапы и качество процесса агглютинации местоимений при образовании полных форм русских прилагательных), систематизацию данных (были определены этапы образования и типы форм), сравнение (сопоставлялись способы выражения смысловых

категорий в татарском и русском языках), количественную и качественную интерпретацию полученных данных.

Результаты и обсуждение

Для русского языка, входящего в индоевропейскую семью, характерен флективный тип грамматической системы. Но в отличие от находящихся с ним в «генетическом родстве» других языков, утрачивающих и ослабляющих этот тип, современный русский язык, напротив, в определенный исторический период значительно усилил свой флективный характер за счет образования новых атрибутивных аффиксов. Если рассматривать этот факт только в аспекте генетического происхождения русского языка, как это принято в исторической русистике, объяснить это усиление флективного типа невозможно, поскольку его результат противоречит тенденциям исторического видоизменения индоевропейских языков. Однако анализ исторических грамматических процессов с учетом влияния внешних факторов (географические условия, этнический состав населения, языковая ситуация, грамматическое качество других языков в билингвистической ситуации и др.) позволяет решить эту исследовательскую задачу, хотя надо признать, что результаты будут иметь гипотетический характер из-за масштаба объекта исследования. Сопоставление особенностей процесса формирования русских полных прилагательных со средствами выражения атрибутивности в тюркских языках позволяет прийти к заключению, что на образование полных форм русских имен прилагательных оказало влияние взаимодействие с многочисленными агглютинативными языками народов России. Местоименное выражение атрибутивности, характерное для структуры изафетных тюркских конструкций, в билингвистической ситуации могло быть перенесено в русский язык и постепенно преобразовано в новый формант [16; 17].

Для обстоятельного изложения вопроса необходимо рассмотреть грамматические особенности выражения атрибутивных отношений, характерных для русского и татарского (как одного из российских тюркских) языков.

Татарский язык обладает агглютинативным типом, для которого «характерны развитая система словообразовательной и словоизменительной аффиксации, отсутствие фонетически не обусловленного алломорфизма, единый тип склонения и спряжения, грамматическая однозначность аффиксов, отсутствие значимых чередований» [5, с. 511]. Русский язык, как и большинство индоевропейских языков, имеет флективный тип, для которого «характерны полифункциональность грамматических морфем, наличие фузии, фонетически не обусловленных изменений корня, большое число фонетически и семантически не мотивированных типов склонения и спряжения» [5, с. 511]. Следует обратить внимание на то, что для татарского языка характерна «грамматическая однозначность аффиксов», которая является качеством, характерным для агглютинативного типа, тогда как русский язык, напротив, обладает «полифункциональностью грамматических морфем», характерной для флективных языков [5, с. 511].

В татарском языке используется ряд конструкций, различающихся по атрибутивной семантике. Так, Л. Г. Хабибулина описывает конструкции, выражающие атрибутивно-субстантивные, атрибутивно-определительные и атрибутивно-обстоятельственные отношения [18, с. 267]. В соответствии с предметом описания нашей статьи нас интересуют атрибутивно-субстантивные конструкции, которые в историческом плане для тюркских языков «представляют собой новое, конкретизированное понятие» [18, с. 267]. «В структуру атрибутивно-субстантивных конструкций (…) входят определение, которое выражает признак предмета, и определяемое, которое указывает на предмет» [18, с. 267–268], например: *кара сакал* ‘черная борода’, *укыган бала* ‘учившийся ребенок’, *яңа йорт* ‘новый дом’, *көзге көн* ‘осенний день’, *җырланган җыр* ‘спетая песня’, *матур күлмәк* ‘красивое платье’ и др.

По мнению Л. Г. Хабибулиной, в татарском языке, как и в других тюркских языках, определяющее слово в атрибутивно-субстантивных словосочетаниях может быть выражено довольно разнообразно [18, с. 268]. Это обусловлено тем, что агглютинативный тип языка требует аффиксального выражения любых смысловых (в том числе и атрибутивных) отношений между словами. В связи с этим в татарском языке определяющее слово может обладать весьма разнообразными формантами. Л. Г. Хабибулина выделяет следующие морфемные средства для выражения атрибутивных отношений: 1) нумератив с аффиксом -лык: *биш яшьлек кыз* ‘пятилетняя девочка’; 2) нумеративный аффикс -лы: тат. *биш-алты йортлы урам* ‘улица из 5–6 домов’; 3) относительный аффикс –лы: *комлы туфрак* ‘песчаная почва’; 4) относительный аффикс -сыз/-сиз/-сез: *белемсез кеше* ‘неграмотный человек’; 5) относительный аффикс -гы: *урмандагы агачлар* ‘деревья в лесу’; 6) аффикс существительного -лык/-лек, который указывает на назначение предмета: тат. *тунлык тире* ‘кожа для шубы’ и, наконец, 7) два типа изафета с аффиксальным показателем [18. С. 268-269]:

– Тип изафета, в котором определяемое слово обладает аффиксом принадлежности -ы/-и/-е, восходящим к указательному местоимению 3-го лица [2, с. 23]. Используется в случаях, когда определяющее слово обозначает предмет аналогично русским относительным определениям: *китап киштәсе* ‘книжная полка’, *икмәк кибете* ‘хлебный магазин’;

– Тип изафета, в котором определяемое слово также обладает аффиксом принадлежности -ы/-и/-е, восходящим к указательному местоимению 3-го лица [2, с. 24], но в отличие от первого типа для его конструкции характерно то, что определяющее слово также имеет формант, например, в тат. *әнинең күлмәге* ‘платье мамы’: *күлмәге* – определяемое слово с показателем изафета -е, *әнинең* – определяющее слово с показателем –нең. Данный тип изафета используется в случаях, когда определяющее слово обозначает лицо или предмет аналогично русским несогласованным определениям в родительном падеже, например, в тат. *апаның эше* ‘дело сестры’ [17, с. 295].

При изучении форм выражения атрибутивных отношений обращает на себя внимание факт: несмотря на то что в татарском языке довольно широко используются атрибутивно-субстантивные конструкции с примыканием (*кызыл гүл* ‘красный цветок’, *яшел үлән* ‘зеленая трава’, *зур сандык* ‘большой сундук’, *киң урам* ‘широкая улица’) и конструкции с 1-м типом изафета без аффиксального показателя (*жипек шапан* ‘шелковый халат’, *агач көрәк* ‘деревянная лопата’, *көмеш сәгать* ‘серебряные часы’, *алтын йөзек* ‘золотое кольцо’) часто определяющее слово, обозначающее качество, употребляется с формантом атрибутивности, который в смысловом плане дублирует лексическое значение слова: *татлы чәй* ‘сладкий чай’, *әче алма* ‘кислое яблоко’, *тозлы су* ‘соленая вода’ и др. Это позволяет прийти к выводу, что для человека, родным языком которого является агглютинативный язык, аффиксальное выражение отношений между словами закономерно, следовательно, в условиях коммуникативного двуязычия у этого человека есть запрос на однозначное выражение атрибутивных отношений между определяющим и определяемым словами. Кроме этого, в списке средств выражения атрибутивности татарского языка есть подходящий способ – изафетные конструкции 2-го и 3-го типа, калька с которых легко выполнима средствами русского языка. В отличие от других морфем изафетный показатель является вполне приемлемым для выражения атрибутивных отношений с точки зрения свойств и системы русского языка, так как, во-первых, у него есть прямое соответствие (указательные местоимения 3-го лица), а, во-вторых, он обладает наиболее абстрактной семантикой по сравнению с другими формантами, и это соответствует характеру грамматического строя русского языка.

Далее целесообразно рассмотреть, какие соответствия наблюдаются между изафетными конструкциями и полными (так называемыми «местоименными») формами русского имени прилагательного в историческом плане.

Формирование класса имен прилагательных – относительно поздний грамматический процесс, который был довольно полно зафиксирован в русских текстах разных периодов. Этот процесс был вызван общей для всех индоевропейских языков тенденцией на оформление в речи слов, обозначающих предметы, и слов, обозначающих признаки этих предметов, поскольку до этого был единый класс названий (индоевропейских имен). Логическая природа объектов обозначения требовала ясности выражения, которая обеспечивала бы их мгновенную идентификацию в коммуникативном акте. Исследователи этих процессов отмечают, что уже в самый ранний период прилагательные начинают отделяться от общего класса имен [7, с. 264; 13, с. 205].

Сравнение этого процесса в русском и в других европейских языках вызывает много вопросов, поскольку в них векторы грамматических изменений прямо противоположные. Так, в подавляющем большинстве индоевропейских языков утрачивается падежно-родовая система флексий и прилагательные становятся узнаваемыми за счет ее отсутствия. В русском языке система окончаний не только сохраняется, но и удваивается за счет прибавления (агглютинации) указательных местоимений 3 лица *и* (он), *є* (оно), *я* (она), *и* (они муж.), ѣ (они жен.), *я* (они ср.). В связи с этим в славистике склонение полных прилагательных часто называют местоименным. В содержательном плане указательные местоимения добавили прилагательному лишь семантику атрибутивности (аналогично тюркским языкам).

В исторической русистике были выявлены и подробно описаны основные этапы местоименного склонения прилагательных, поскольку в текстах письменных памятников русского языка встречаются формы, находящиеся на разных стадиях этого процесса:

I. Название признака со старым именным (как у существительного) формантом: «да быхъ в той сорочкѣ кровав**ѣ** смерть приялъ» [19, с. 28].

II. Название признака с сопутствующим указательным местоимением: «Месяцы по римлянемъ, о различны**ихъ** месяциихъ» [20, с. 21]; «и послаша деревляне лучьши**є** мужи … к ользѣ» [20, с. 100].

В приведенных фрагментах видно, что атрибутивное отношение между словами выражается указательным местоимением 3-го лица, аналогично изафету 2 и 3 типа.

III. Прилагательное с выпавшим из указательного местоимения интервокальным j*: «не мозѣте погубити Русьскыѣ земли» [19, с. 29].

IV. Прилагательное с ассимилированными после выпадения j* гласными: «Мъногa же летъ, дароуи богъ с тяжавш**оумоу** Евангелие се» [20, с. 18]; «нъ богъ оутеши мя добр**ааго** князю молитвою» [20, с. 50].

V. Прилагательное со стяженным гласным: «и створиша градъ во имя брата своего старѣиш**аго**» [20, с. 95].

VI. Новая полная форма имени прилагательного, в которой образовавшийся из местоимения формант уже выражает и атрибутивность, и все грамматические значения: «и възвратиша ся с побѣдою велик**ою** половци» [20, с. 119]; «есть дворъ демьстиковъ за свят**ою** Богородицею» [19, с. 21]. В новом форманте местоимение уже не распознается.

Семантический анализ новых форм имени прилагательного показывает, что в них местоимение не прибавляет слову никаких новых смысловых компонентов, а дублирует уже выраженные старым окончанием грамматические значения, новый указательный местоименный элемент добавляет лишь атрибутивную семантику, аналогично тюркским изафетным конструкциям. В результате этого процесса имена прилагательные стали легко узнаваемыми в коммуникации и оформились в системе языка как новая часть речи.

Подводя итоги, необходимо обобщить полученные результаты. Учет взаимовлияния языков в условиях российского двуязычия в исследовании позволяет обнаружить структурное сходство между способами выражения атрибутивных отношений в тюркском татарском языке (изафетные конструкции) и индоевропейском русском (новые полные формы русских прилагательных). Традиционное объяснение формирования полных форм русских имен прилагательных, основанное исключительно на данных индоевропейской компаративистики, не позволяет объяснить усиление флективного типа русского языка, развившееся в результате данного процесса, – в отличие от других индоевропейских языков, которые, напротив, ослабляют или утрачивают флективность. Изучение данного явления в контексте длительного тесного контакта русскоязычного населения с носителями тюркских и иных агглютинативных языков предоставляет более логичное объяснение.

В результате сопоставительного анализа формантов атрибутивных отношений в русском и татарском языке (как одного из агглютинативных языков народов России) установлено, что в обоих языках для выражения атрибутивности используются формы, восходящие к указательным местоимениям третьего лица, что не является типологически обязательным ни для флективного, ни для агглютинативного типа языков. Кроме того, выявленные этапы формирования полных форм русских прилагательных – от именной формы к «местоименной» (полной) – демонстрируют последовательную агглютинацию указательных местоимений, что может рассматриваться как структурное соответствие агглютинативным способам тюркских языков. Таким образом, полученные данные позволяют предположить, что формирование полных форм русских прилагательных является результатом не только внутрисистемных процессов, но и внешнего влияния агглютинативных языков в условиях многовекового билингвизма.

Заключение

В результате сопоставления атрибутивных форм русского и татарского языков можно сделать вывод о том, что изучение языка без обращения к коммуникативным условиям его использования не может быть полным. Учет социальных условий коммуникации позволяет увидеть новые стороны языка и дать ответы на некоторые вопросы, как в истории русского и татарского языков, так и других языков народов России.

Билингвистический аспект изучения языков предполагает учет того, что они находятся в состоянии сосуществования и взаимодействия в едином коммуникативном пространстве государства. Владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в процессе коммуникации создают условия для переноса средств и способов из одной языковой системы в другую. Данная ситуация, согласно мнению исследователей билингвизма, неизбежно приводит к обогащению языков не только новыми лексемами, но и новыми грамматическими моделями. Русский язык, будучи по проис-

хождению индоевропейским, в выражении смысловых синтаксических отношений кардинально отличается от родственных языков, поскольку с течением времени в нем сформировались такие средства и способы, появление которых невозможно объяснить, ограничиваясь лишь контекстом индоевропеистики. Отличие русского языка от генетически родственных языков находит логическое и фактическое объяснение при изучении его истории с учетом коммуникативных билингвистических условий, характерных практически для всех регионов России.

Представленная в статье точка зрения имеет гипотетический характер не является абсолютно бесспорной, но перспективы исследования русского и других языков народов России видятся автору в учете билингвистического коммуникативного пространства, в условиях которого используются эти языки, а также в изучении социальных и культурных особенностей взаимодействия систем конкретных языков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6 Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. С. 25–60.
2. *Гаджиева Н. З.* Природа изафета в тюркских языках // Советская тюркология. Баку. 1970. № 2. С. 18–26.
3. *Гиганов И.* Грамматика татарского языка. СПб.: Академия наук, 1801. 187 с.
4. *Казем-Бек А.* Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань: Университетская типография, 1846. 459 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) /гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
6. *Майоров А. П.* Социальные аспекты взаимодействия языков в билингвистическом пространстве. Уфа: Изд-во БГМУ, 1997. 137 с.
7. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., Л.: Гос. социально-экономическое издательство, 1938. 510 с.
8. *Мухина Н. Н.* Восточные заимствования в современном русском языке: системно-описательный аспект // Дисс. канд. фил. наук. Владикавказ, 2019. 204 с.
9. *Насыри К.* Образец русско-татарской грамматики по методу арабской грамматики. Казань: Типография императорского университета, 1891. 184 с.
10. *Нелюбин Л. Л.* Толковый переводческий словарь. М.: Флинта, 2018. 320 с.
11. *Орешкина М. В.* Тюркские слова в современном русском языке (Проблемы освоения). М.: Академия, 1994. 160 с.
12. *Розенцвейг В. Ю.* Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. С. 4–21.
13. *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. М.: Прогресс, 1980. 407 с.
14. *Троянский А.* Краткая татарская грамматика. СПб.: Императорская типография, 1814. 199 с.
15. *Трубецкой Н. С.* Вавилонская башня и смешение языков // Евразийский временник. Берлин: Евраз. книгоизд-во, 1923 № 3. С. 107–124.
16. *Урунова Р. Д.* Замечания о характере вторичного родства языков, распространенных в евразийском ареале. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1(8). С. 15–159.
17. *Урунова Р. Д., Ягафарова Л. Т.* Местоимения как средство выражения связей слов в языках разных типов. Oriental Studies. 2019. № 2. С. 292–297. DOI: 10.22162/2619- 0990-2019-42-2-292-297.
18. *Хабибуллина Л. Г.* Репрезентация атрибутивных отношений в тюркских языках // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология. 2016. № 3. С. 267–270.
19. Хрестоматия по древней русской литературе XI – XVII вв. (ХДРЛ) / Составитель Н. К. Гудзий. М.: «Аспект Пресс», 2004. 592 с.
20. Хрестоматия по истории русского языка (ХИРЯ) / Составители В. В. Иванов, Т. А. Сумникова, Н. П. Панкратова. М.: Просвещение, 1990. 496 с.
21. *Швейцер А. Д.* Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. М.: Наука, 1976. 176 с.
22. *Юналеева Р. А.* Опыт исследования заимствований: Тюркизмы в русском языке сравнительно с другими славянскими языками. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 119 с.

Поступила в редакцию 03.03.2025

Урунова Раиса Джавхаровна, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка ПБ
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 35
E-mail: urunova-rd@yandex.ru

R. D. Urunova

EXPRESSING ATTRIBUTIVITY IN RUSSIAN AND TATAR LANGUAGES IN LANGUAGE CONTACT

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-720-727

The study of language cannot be complete without examining the social aspect of its functioning. Considering the conditions of communication in linguistic research allows us to see language in a new light. The aim of this article is to demonstrate those aspects of language that are formed in bilingual communication and depend on external conditions, including the nature of the communicants' native languages. Syntactic constructions of the Tatar and Russian languages with pronominal affixes expressing attributive semantics served as the material for analysis. The study employed a comprehensive methodology, including comparative historical analysis, contrastive analysis, systematization, comparison, and quantitative and qualitative interpretation of the data. The study was based on the hypothesis that, in bilingual settings, proficiency in two languages leads to regular switching between communicants, facilitating the transfer of means and methods from one linguistic system to another. It was found that, as a result of these conditions, Russian adjectives, influenced by izafet constructions, acquired a single-valued formant with an attributive meaning. The formation of this formant contributed to the final formation of the adjective as a grammatical class in Russian. Attention to the peculiarities of language use by bilinguals allows us to see the history of the Russian language and the history of other languages of the peoples of Russia in a new light.

Keywords: Russian language, Tatar language, communicative act, bilingualism, attributive relations, adjective.

REFERENCES

1. *Vaynraykh U.* Odnoyazychiye i mnogoyazychiye [Monolingualism and multilingualism]. Novoye v lingvistike [New in linguistics], vol. 6, Yazikoviye kontakty [Language contacts]. Moscow: Progress, 1972, pp. 25–60. (In Russian).
2. *Gadzhieva N. Z.* Priroda izafeta v tyurkskikh yazykakh [The nature of izafet in Turkic languages]. Sovetskaya tyurkologiya [*Soviet Turkology*]. Baku, 1970, no. 2, pp. 18–26. (In Russian).
3. *Giganov I.* Grammatika tatarskogo yazyka [Grammar of the Tatar language]. Sankt-peterburg: Akademiya nauk Publ, 1801, 187 p. (In Russian).
4. *Kazem-Bek A*. Obshchaya grammatika turetsko-tatarskogo yazyka [General grammar of the Turkish-Tatar language]. Kazan, Universitetskaya tipografiya, 1846, 459 p. (In Russian).
5. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary] ch. ed. V. N. Yartseva. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990, 685 p. (In Russian).
6. *Mayorov A. P*. Sotsial'nyye aspekty vzaimodeystviya yazykov v bilingvisticheskom prostranstve [Social aspects of language interaction in a bilingual space]. Ufa, Izd-vo BGMU, 1997, 137 p. (In Russian).
7. *Meyye A*. Vvedeniye v sravnitel'noye izucheniye indoyevropeyskikh yazykov [Introduction to the comparative study of Indo-European languages]. Moscow, Leningrad, Gos. sotsial'no-ekonomicheskoye izdatel'stvo, 1938, 510 p. (In Russian).
8. *Mukhina N. N*. Vostochnyye zaimstvovaniya v sovremennom russkom yazyke: sistemno-opisatel'nyy aspect: dis. ... d-ra filol. Nauk [Oriental borrowings in the modern Russian language: a systematic-descriptive aspect. Dr. philol. sci. diss.]. Vladikavkaz, 2019, 204 p. (In Russian).
9. *Nasyri K. A*. Obrazets russko-tatarskoy grammatiki po metodu arabskoy grammatiki [A sample of Russian-Tatar grammar using the method of Arabic grammar]. Kazan, Tipografiya imperatorskogo universiteta, 1891, 184 p. (In Russian).
10. *Nelyubin L. L*. Tolkovyy perevodcheskiy slovar' [Explanatory translation dictionary]. Moscow: Flinta, 2018, 320 p. (In Russian).
11. *Oreshkina M. V*. Tyurkskiye slova v sovremennom russkom yazyke (Problemy osvoyeniya) [Turkic words in modern Russian language (Problems of development)]. Moscow: Akademiya, 1994, 160 p. (In Russian).
12. *Rozentsveyg V. Yu*. Osnovnyye voprosy teorii yazykovykh kontaktov [Basic questions of the theory of language contacts]. Novoye v lingvistike [New in linguistics], vol. 6, YAzykovyye kontakty [Language contacts]. Moscow: Progress, 1972, pp. 4–21. (In Russian).
13. *Semeren'i O*. Vvedeniye v sravnitel'noye yazykoznaniye [Introduction to Comparative Linguistics]. Moscow: Progress, 1980, 407 p. (In Russian).
14. *Troyanskiy A*. Kratkaya tatarskaya grammatika [Brief Tatar grammar]. Sankt-Peterburg, Imperatorskaya tipografiya, 1814, 199 p. (In Russian).
15. *Trubetskoy N. S*. Vavilonskaya bashnya i smesheniye yazykov [The Tower of Babel and the confusion of languages]. Yevraziyskiy vremennik [*Eurasian temporary journal]*. Berlin, Evraz. book publishing, 1923, no. 3, pp.107–124. (In Russian).
16. *Urunova R. D*. Zamechaniya o kharaktere vtorichnogo rodstva yazykov, rasprostranennykh v yevraziyskom areale [Notes on the nature of the secondary kinship of languages widespread in the Eurasian area]. Filologicheskiye nauki.

Voprosy teorii i praktiki [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2011, vol. 8, no. 1, pp. 154–159. (In Russian).
17. *Urunova R. D., Yagafarova L. T*. Mestoimeniya kak sredstvo vyrazheniya svyazey slov v yazykakh raznykh tipov [Pronouns as a means of expressing word connections in languages of different types]. Oriental Studies, 2019, no. 2, pp. 292–297. DOI: 10.22162/2619- 0990-2019-42-2-292-297 (In Russian).
18. *Khabibullina L. G*. Reprezentatsiya atributivnykh otnosheniy v tyurkskikh yazykakh [Representation of attributive relations in Turkic languages]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Filologiya [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after. N.I. Lobachevsky. Philology], 2016, no. 3, pp. 267–270. (In Russian).
19. *Khrestomatiya po drevney russkoy literature XI – XVII vv*. [Reader on ancient Russian literature of the 11th – 17th centuries]. Moscow: Aspect Press, 2004, 592 p. (In Russian).
20. *Khrestomatiya po istorii russkogo yazyka* [Reader on the history of the Russian language]. Compiled by. Moscow: Prosveshcheniye, 1990, 496 p. (In Russian).
21. *Schveitzer A. D*. Sovremennaya sotsiolingvistika: teoriya, problemy, metody [Modern sociolinguistics: theory, problems, methods]. Moscow: Nauka, 1976, 176 p. (In Russian).
22. *Yunaleeva R. A*. Opyt issledovaniya zaimstvovaniy: Tyurkizmy v russkom yazyke sravnitel'no s drugimi slavyanskimi yazykami [Experience in studying borrowings: Turkisms in the Russian language in comparison with other Slavic languages]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo un-ta, 1982, 119 p. (In Russian).

Received 03.03.2025

Urunova R.D., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department PB
Kazan (Volga region) Federal University
Kremlevskaya st., 35, Kazan, Russia, 420008
E-mail: urunova-rd@yandex.ru

УДК 811.112.2`36 (045)

И. В. Архипова

АКТУАЛИЗАЦИЯ ФИНАЛЬНОГО ТАКСИСА В ПОЛИКАТЕГОРИАЛЬНОМ СЕМАНТИЧЕСКОМ СУБКОМПЛЕКСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Настоящая статья посвящена исследованию таксисного семантического комплекса, а именно, взаимодействию категории таксиса с категорией финальности (цели) в немецком языке. В центре внимания – формирование финально-таксисного поликатегориального семантического субкомплекса, в котором реализуются значения одновременности, включающие семантический компонент цели. Особое внимание уделяется анализу финально-таксисных категориальных значений, актуализованных в немецких высказываниях с предлогами *für, zu, zwecks*. Выделяются и описываются две разновидности таксиных значений одновременности: финитивные (назначение действия) и дестинативные (назначение предмета). Рассматривается влияние итеративности, кондициональности, дистрибутивности и мультипликативности на формирование сложных финально-таксисных значений одновременности, что требует детального анализа языковых индикаторов и контекстуальных факторов.

Ключевые слова: таксис, финальный таксис, целеполагание, одновременность, поликатегориальный семантический комплекс, таксисный семантический комплекс, финально-таксисный субкомплекс, финально-таксисное значение.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-728-733

Вопросы актуализации различных категориальных значений в семантических комплексах исследуются в работах таких отечественных языковедов как А.В. Бондарко, И. В. Архипова, Н. В. Сюткина, С. В. Шустова и др. [1-3; 5; 7; 8].

В работах современных исследователей термин «категориальный семантический комплекс» трактуется как «совокупность семантических категорий, функционально объединенных общей целью, общим предназначением, общей интенциональностью – актуализацией таких значений, которые возникают на пересечении двух и более категорий» [1-3; 5; 7; 8]

Таксисный семантический комплекс следует рассматривать как совокупность разноуровневых поликатегориальных языковых средств, объединенных: 1) общим семантическим содержанием – выражением хронологического отношения одновременности / разновременности; 2) общей целью – актуализацией таксисной категориальной семантики одновременности, предшествования или следования. Таксисные семантические субкомплексы формируются в результате межкатегориального взаимодействия категории таксиса с другими функционально-семантическими категориями и субкатегориями.

В данной работе речь идет о таксисном поликатегориальном семантическом комплексе. Следует выделять поликатегориальные семантические комплексы (ПСК) двух разновидностей: (1) «естественные» или «близкие» (тождественные, аналогичные) ПСК: таксис – темпоральность, таксис – аспектуальность, таксис – итеративность, таксис – временная локализованность / временная нелокализованность; (2) ПСК, образованные «неблизкими» / «далекими друг от друга» категориями: таксис – квантитативность, таксиса – каузальность, таксиса – инструментальность, таксис – концессивность, таксиса – кондициональность, таксис – финальность и др. [1, с. 25].

Выдающийся отечественный языковед А. В. Бондарко рассматривает группировку функционально-семантических полей аспектуальности, темпоральности, временной локализованности, таксиса и временного порядка как аспектуально-темпоральный комплекс [2, с. 96]. Вслед за А. В. Бондарко мы выделяем темпорально-аспектуально-таксисный (далее – таксисный) поликатегориальный семантический комплекс (ТПСС), который подлежит дальнейшей субкатегоризации.

В данной работе в фокусе исследовательского внимания – взаимодействие категории таксиса с категорией финальности (цели). В результате их взаимодействия речь идет об «образовании» на синтагматическом уровне таксисно-семантического поликатегориального субкомплекса.

Л. В. Чистохвалова отмечает, что показателями целевой семантики служат лексическое значение слова (на лексическом уровне), служебные части речи (предлоги и союзы) (на морфологическом уровне), а также словосочетания, простые, сложные, интеральные, транзитивные предложения (на синтаксическом уровне) [6]. Целевая (финальная) семантика трактуется в лингвистической литературе как

«финитив» (цель, назначение действия) или «дестинатив» (назначение предмета в случае целевых падежно-субстантивных форм). Дестинатив имеет пропозитивное событийное содержание и включает информацию об определенной ситуации – цели действия субъекта. Являясь номинализованной «свернутой» пропозицией русский дестинатив может быть легко трансформирован в конструкции с союзом *чтобы* или в глагольные сочетания с инфинитивом цели [6].

Л. В. Воронина рассматривает цель как «сложный смысл, предполагающий развертывание особой ситуации (целеполагания, целедействия, целедостижения), в рамках которой функционирует смысловой комплекс семантического субъекта (субъект целеполагания), формулирующего цель», который способен к произвольным целесообразным действиям (агенс) или обладает ресурсами для достижения желаемого результата, действуя в интересах определенного лица (бенефактор). Исследователь выделяет в целевой структуре основные компоненты (семантический комплекс субъекта, средства каузации, желаемый результат) и факультативные (мотивационный, аналитический) [4].

Функционально-семантические категории таксиса и финальности находятся в тесном межкатегориальном взаимодействии. В конституируемом ими финально-таксисном поликатегориальном семантическом субкомплексе реализуются категориальные значения финального таксиса одновременности.

Под термином *финальный таксис* следует понимать разновидность таксисных категориальных значений одновременности, включающих семантический компонент цели (целеполагания, целедостижения). В высказываниях с предлогами финальной семантики *für, zu, zwecks* актуализируются финально-таксисные категориальные значения одновременности двух разновидностей:

1) финитивные финально-таксисные категориальные значения;

2) дестинативные финально-таксисные категориальные значения.

Дифференциация между финитивными и дестинативными финально-таксисными значениями с предлогами *für, zu, zwecks* основана на характере объекта назначения. Финитивная семантика выражает целевую направленность действия, тогда как дестинативная – функциональное назначение предмета.

Финитивные конструкции репрезентируют целевую ориентацию процесса, отвечая на вопрос "С какой целью осуществляется действие?". В данных конструкциях предлоги финальной семантики маркируют целевую перспективу глагольного действия.

Дестинативные конструкции, в свою очередь, эксплицируют функциональное предназначение объекта, отвечая на вопрос, для чего предназначен данный предмет. В этом случае предлоги указывают на целевую детерминацию предмета, выраженного именной группой.

Предлоги *für, zu, zwecks* обладают имманентной финальной семантикой, однако выбор между финитивным и дестинативным значением определяется не столько самими предлогами, сколько характером референта – является ли он процессуальным действием или статичным предметом.

Таким образом, идентификация актуализированного значения требует анализа семантической природы объекта назначения: процессуальная природа референта актуализирует финитивное значение, в то время как предметная отнесенность детерминирует дестинативную интерпретацию.

Актуализованные финитивные финально-таксисные категориальные значения одновременности эксплицируют назначение глагольного действия в следующих высказываниях:

(1) *Allein* ***für das Schneiden des Eibengartens*** *im Herbst braucht er drei Wochen (LC).*

(2) *Zu Martin Ho geht man* ***zum Sehen*** *und* ***zum Gesehenwerden*** *(LC).*

(3) *Sie wurden mit diesem Urteil einer politisch gesteuerten Justiz* ***zum Schweigen*** *gebracht (LC).*

(4) *Gern würden wir auf den Turm des Münsters steigen und zum Schwarzwald blicken, doch der Turm ist* ***zwecks Renovierung*** *gesperrt (LC).*

(5) *Nach Angaben des Oberlandesgerichts von Galicien wurde Garzón von einem Kollegen der Eisenbahngesellschaft Renfe* ***zwecks Absprache der Fahrt****, aber auf inoffiziellem Wege angerufen (LC).*

(6) *Der Prozess wurde vom Richter* ***zwecks Einholung medizinischer Gutachten*** *vertagt (LC).*

Дестинативные финально-таксисные категориальные значения номинируют назначение предмета и реализованы в высказываниях (7–13). Ср.:

(7) *Durch die Wahl der deutschen Schreibschrift als Erstschrift braucht das Kind in den ersten drei Schuljahren nur* ***zwei Schrifttypen für das Lesen*** *… (DWDS).*

(8) ***Zum Ziehen*** *ist* ***ein zangenähnlicher zwischen Kork und Flaschenhals geschobener Zieher*** *am besten, weil der Kork ncht durchbohrt wird (LC).*

(9) *Man benötigt* ***zum Fahren*** *also nur noch* ***Gashebel und Bremsen*** *(DWDS).*

(10) *80 Kronen werden* ***für das Schlafen im Ruheraum mit Duschmöglichkeit*** *verlangt (DWDS).*

(11) *Die Feuerwehr füllte die beschädigten Behälter* ***zum Löschen*** *mit Wasser (LC).*

(12) *Es war ein Haus* ***zum Leben, zum Spielen, zum Lernen und zum Einüben des christlichen Glaubens*** *(DWDS).*

(13) *Für Kinder gibt es mehrere Spielplätze; direkt am Ufer beim Bootshaus lädt ein großes iratenschiff* ***zum Spielen*** *ein (DWDS).*

Рассмотрим примеры актуализации различных типов финально-таксисных категориальных значений одновременности.

Кондиционально-финально-таксисные значения актуализуются при наличии кондициональных адвербиалов, ограничивающих или выделяющих определенный аспект действия. Актуализации кондиционально-финально-таксисных категориальных значений одновременности способствуют кондициональные актуализаторы, такие как *aber, nur, erst* и др. Например:

(14) *Bis dahin hatten die Juweliere Diamanten* ***nur zum Schneiden anderer Edelsteine*** *benutzt (DWDS).*

(15) *Die menschliche Hand wurde* ***bisher nur zum Drücken von Tasten*** *und* ***zum Bewegen der Maus*** *benutzt, also in zwei Dimensionen (DWDS).*

В контексте актуализации указанных категориальных ситуаций существенную роль играет лексическая семантика глаголов и девербативов. Глаголы *nutzen, gebrauchen, dienen, schicken, brauchen*, *nötigen* и аналогичные им, а также девербативы, образованные от процессуальных глаголов и глаголов целенаправленной деятельности (*zum Schlafen, zum Arbeiten, zum Lernen, zum Reisen, zum Spielen*), способствуют актуализации финального компонента в ситуациях, характеризуемых наличием индикаторов итеративности, мультипликативности, дистрибутивности или кондициональности. Ср.:

(16) *Kevin* ***wird*** *zur Strafe* ***zum Schlafen*** *auf den Dachboden* ***geschickt*** *(DWDS).*

(17) *Versammlungsort der Familie war die Küche; die daran anschließenden Kammern* ***dienten zum Schlafen*** *und für häusliche Tätigkeit wie die Leinweberei (DWDS).*

(18) *Um das Jahr 1905 ging er* ***zum Arbeiten*** *nach Wien (DWDS).*

(19) *Selbst das schwache Licht der Glühwürmchen* ***nutzte*** *er* ***zum Lernen****, stets bestrebt, sein Wissen zu erweitern (DWDS).*

(20) *Nun erfüllte sich endlich Morses Wunsch, dass sein Gemälde amerikanischen Künstlern* ***zum Lernen diente****, die sich keine Europa-Reise leisten konnten (DWDS).*

(21) *Wegen der schlechten Erreichbarkeit vieler Orte innerhalb Japans* ***werden*** *sie aber auch* ***zum Reisen*** *und für inländischen Warentransport* ***genutzt*** *(DWDS).*

(22) *Ein Junge braucht doch jemanden* ***zum Spielen*** *(DWDS).*

При наличии в высказываниях различных индикаторов итеративности (атрибутов, адвербиалов, девербативов и глаголов итеративной семантики) актуализуются итеративно-финально-таксисные значения одновременности. Так, довольно часто итеративными индикаторами служат адвербиалы *meist, meistens*, *immer, morgens, regelmäßig, manchmal* и др. Например:

(23) ***Morgens*** *geht er in den Wald* ***zum Laufen****, dann in die Boxschule, nach dem Essen wird geschlafen, dann wieder Boxtraining (DWDS).*

(24) *Sie hatten ihn ja* ***immer*** *mitgenommen* ***zum Schwimmen, Segeln*** *und* ***Spazierengehen*** *(DWDS).*

(25) *Sie dienen* ***meist zum Tasten*** *oder* ***Hören*** *(DWDS).*

(26) *Hat man die Wahl, zieht man* ***zum Schlafen*** *und* ***Kochen meistens*** *die traditionellen Rundhütten den Neubauten vor (DWDS).*

(27) *Dorthin zog er sich bis kurz vor seinem Tode* ***regelmäßig zum Arbeiten*** *zurück (DWDS).*

(28) *So schön es ist, aber* ***manchmal*** *brauche ich auch mal beide Hände* ***zum Tippen*** *(DWDS).*

В случаях, когда речь идет о дистрибутивной множественности, актуализуются дистрибутивно-финально-таксисные значения одновременности (как финитивные, так и дестинативные). Ср.:

(29) ***Beide*** *legen sich in einem abgeschiedenen Winkel* ***zum Schlafen*** *… (DWDS).*

(30) ***Zum Reiten*** *werden* ***die Haare*** *geflochten oder gewunden und eng anliegend getragen, was den Kopf klein macht (DWDS).*

(31) *Die seelischen Regungen, welche sich miteinander zu bestimmten kürzeren und längeren Reihen verbinden, geben den Organen den Anstoß* ***zum Sprechen*** *(DWDS).*

(32) ***Viele Menschen aus anderen Gemeinden Finnlands*** *ziehen* ***zum Arbeiten*** *oder Studieren in die Hauptstadt (DWDS).*

(33) *In dieser Situation wird Scarlett zum Oberhaupt der Familie, treibt Nahrungsmittel auf, versucht, den Alltag wieder in geordnete Bahnen zu bringen, treibt* ***alle zum Arbeiten*** *an und tötet sogar einen marodierenden Unionssoldaten, um ihr Haus und die Familie zu schützen (DWDS).*

Актуализация дистрибутивно-таксисных значений в контексте дистрибутивной множественности детерминирована комплексом различных факторов, т.е. имеет мультифакторный характер. Функционально-семантическое поле финального таксиса реализует следующие ключевые аспекты:

Во-первых, происходит акцентуация распределенного характера действия. Дистрибутивная множественность имплицирует неодиновременность реализации действия, его распределение между множеством актантов. Актуализация таксисных значений позволяет эксплицировать характер распределения «во времени» – синхронный или последовательный.

Во-вторых, осуществляется конкретизация хронологических отношений между распределенными действиями и целевым состоянием. При актуализации финального таксиса фокус смещается на объединяющую распределенные действия целевую доминанту. Значение одновременности подчеркивает параллельность процессов/действий, направленных на достижение цели.

Кроме того, использование дистрибутивно-финально-таксисных конструкций позволяет акцентировать: а) общность состояния или действия (синхронность пребывания в состоянии сна в примере 28); б) взаимосвязь процессуальных и результирующих компонентов (кумулятивный эффект распределенных действий); в) координацию и синхронизацию действий множества актантов.

Наличие маркеров итеративности, мультипликативности или кондициональности вносит «дополнительные смыслы» в таксисные отношения. К ним относятся: а) детализация таксисных отношений: индикаторы итеративности сигнализируют о повторяемости действия, требующей уточнения таксисной (хронологической) организации относительно целевого состояния; б) экспликация целевой направленности: финальный таксис подчеркивает целенаправленный характер распределенных или повторяющихся действий; в) устранение потенциальной многозначности интерпретации за счет эксплицитного указания таксисных и причинно-следственных связей; г) учет кондиционального компонента: кондициональные актуализаторы устанавливают отношения зависимости между условием и целевым состоянием.

Итак, актуализация дистрибутивно-таксисных значений представляет собой сложный механизм упорядочивания таксисных и целевых отношений в контексте распределенных действий.

Мультипликативно-финально-таксисные значения актуализуются, когда одно действие выполняется многократно для достижения одной цели. Например:

(34) *Jedes neue Ding wird gründlich, fast systematisch untersucht, zuerst mit den bewährten Methoden, dann hin- und hergeschüttelt, vielfältig* ***zum Klopfen*** *benutzt und schließlich fallen gelassen, wieder aufgehoben und fallen gelassen … (DWDS).*

(35) *Am besten eignen sich Haselnussstöcke* ***zum Klopfen****, sie sind besonders gerade, haben eine glatte Rinde ohne Nebenäste und sind ungefähr in der richtigen Stärke gewachsen, insbesondere die nach der Pflanzenveredlung sich bildenden Wildtriebe (DWDS).*

(36) *Das Gerücht, Margarete sei bei der Frage, ob sie ihren Verlobten zum Mann nehmen wolle, durch einen kräftigen Schlag auf den Hinterkopf von ihrem Bruder Heinrich* ***zum Nicken*** *genötigt worden, stammt jedoch aus späterer Zeit und wurde durch den Historiografen Pierre Matthieu in die Welt gesetzt (DWDS).*

(37) ***Zum Schlucken*** *stößt sie ruckartig den Kopf vor, und der dabei eintretende Wasserstrom spült den Nahrungsbrocken in den Hals (DWDS).*

Актуализация мультипликативно-таксисного значения в рассматриваемых конструкциях (см. примеры 34–37) также обусловлена комплексом факторов. К основным факторам относятся следующие: а) интенсификация процесса повторяемости: б) демонстрация степени интенсивности действия; в) выражение семантики интенсифицированной процессуальности; г) репрезентация поэтапного характера деятельности; д) экспликация необходимости множественных попыток; е) акцентуация целенаправленности действий; ж) акцентуация целенаправленности действий.

Мультипликативность как категориальный признак предполагает множественную повторяемость действия, в то время как актуализация финально-таксисных значений раскрывает целенаправленный характер этих повторений.

Многократная повторяемость действий указывает на повышенную тщательность их выполнения, в некоторых случаях достигающую уровня навязчивого состояния.

Актуализация мультипликативного таксиса позволяет выражать семантику интенсифицированной процессуальности.

Мультипликативное действие может концептуализироваться как циклически повторяющаяся последовательность действий. При этои каждое действие вносит свой вклад в достижение конечной цели.

В определенных контекстах мультипликативность подразумевает недостаточность единичного действия для достижения желаемого результата, что требует многократного повторения.

Повторяющиеся действия характеризуются не случайностью, а строгой ориентацией на достижение конкретного целевого состояния.

Актуализация мультипликативности позволяет описать динамику достижения цели, что особенно значимо в случаях, когда процессуальный аспект обладает самостоятельной ценностью.

Итак, актуализация мультипликативно-таксисного значения служит для раскрытия не просто факта повторяемости действия, но его целенаправленного, интенсифицированного характера и значимости процессуальной составляющей для достижения конечного результата

Таким образом, функционально-семантические категории таксиса и финальности находятся в отношениях тесного межкатегориального взаимодействия, обусловливающего речевую актуализацию финально-таксисных категориальных значений одновременности в высказываниях с предложными девербативами.

Взаимодействие между итеративностью, кондициональностью и дистрибутивностью порождает сложные комбинации финально-таксисных значений. Анализ конкретных высказываний требует комплексного учета всех релевантных языковых индикаторов и контекстуальных факторов.

Финально-таксисные категориальные значения одновременности двух основных типов – финитивные и дестинативные – актуализируются в высказываниях с предложными девербативами при участии предлогов финальной семантики *für, zu, zwecks.*

При наличии индикаторов итеративности и кондициональных актуализаторов становится возможной актуализация сопряженных финально-таксисных категориальных значений одновременности, включая итеративно-финально-таксисные, мультипликативно-финально-таксисные, дистрибутивно-финально-таксисные и кондиционально-финально-таксисные.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архипова И. В*. Таксисные семантические синкрет-комплексы // Межкатегориальное взаимодействие в функциональной грамматике *:* монография / И. В. Архипова, С. В. Шустова; научн. ред. Н. А. Трофимова / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2021. С. 3–187.
2. *Архипова И. В*. Категория таксиса как семантический фокус межкатегориального взаимодействия // Вестник Удмуртского университета. серия: История и филология. 2025. Т. 35. № 2. С. 447–451.
3. *Бондарко А. В*. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011. 488 с.
4. *Воронина Л. В*. Аспектный анализ компонентов семантической структуры цели // Научное обозрение: гуманитарные исследования. Издательский дом «Наука образования» (Москва), 2016. № 4. С. 141–148.
5. *Сюткина Н. П.* Эмотивно-интенсивно каузативный категориальный семантический субкомплекс / Н. П. Сюткина, С. В. Шустова // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 2. С. 106–111.
6. *Чистохвалова Л. В*. Семантика цели: дис. ... кфнд. филол. н. Рязань, 2004. 214 с.
7. *Шустова С. В.* Категоризация в сфере функциональной грамматики // Межкатегориальное взаимодействие в функциональной грамматике *:* монография / И. В. Архипова, С. В. Шустова ; научн. ред. Н. А. Трофимова / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2021. С. 186–248.
8. *Шустова С. В*. Категориальный семантический комплекс в грамматике (на примере категорий эмотивности и каузативности) // Мир русского слова. 2025. № 3. С. 4–13.
9. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: http://www.wortschatz.uni-leipzig.de. (дата обращения: 03.11.2025).
10. DWDS – Электронный словарь немецкого языка. URL: http://www.dwds.de. (дата обращения: 03.11.2025).

Поступила в редакцию 04.11.2025

Архипова Ирина Викторовна, доктор филологических наук,
профессор кафедры романо-германских языков
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»
630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28
E-mail: irarch@yandex.ru

I. V. Arkhipova

FINAL-TAXIS ACTUALIZATION IN A POLYCATEGORIAL SEMANTIC SUBCOMPLEX (BASED ON THE GERMAN LANGUAGE)

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-728-733

This article examines the taxis semantic complex, specifically the interaction between the category of taxis and the category of finality (purpose) in German. The focus is on the formation of a final-taxis polycategorial semantic subcomplex, which embodies simultaneity meanings that include the semantic component of purpose. Particular attention is paid to the analysis of final-taxis categorial meanings actualized in German utterances with the prepositions *für, zu, zwecks.* Two types of taxis meanings of simultaneity are identified and described: finitive (purpose of an action) and destinative (purpose of an object). The influence of iterativity, conditionality, distributivity, and multiplicativity on the formation of complex final-taxis meanings of simultaneity is examined, requiring a detailed analysis of linguistic indicators and contextual factors.

Keywords: taxis, final taxis, goal-setting, simultaneity, polycategorial semantic complex, taxis semantic complex, final-taxis subcomplex, final-taxis meaning.

REFERENCES

1. *Arhipova I. V.* Taksisnye semanticheskie sinkret-kompleksy [Taxis semantic syncretic complexes]. Mezhkategorial'noe vzaimodejstvie v funkcional'noj grammatike : monografiya [Intercategorial interaction in functional grammar: monograph] / I. V. Arhipova, S. V. Shustova ; nauchn. red. N. A. Trofimova / Perm. gos. nac. issled. un-t. Perm', 2021. pp. 3–187.
2. *Arhipova I. V.* Kategorija taksisa kak semanticheskij fokus mezhkategorial'nogo vzaimodejstvija [The category of taxis as a semantic focus of intercategorical interaction]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. serija: Istorija i filologija [Bulletin of Udmurt University. series: History and Philology]. 2025, t 35, no. 2, pp. 447–451.
3. *Bondarko A. V.* Kategorizacija v sisteme grammatiki [Categorization in the grammar system]. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2011. 488 p.
4. *Voronina L. V*. Aspektnyj analiz komponentov semanticheskoj struktury celi [Aspect analysis of the components of the semantic structure of the goal]. Nauchnoe obozrenie: gumanitarnye issledovanija [Scientific Review: Humanitarian Research]. Izdatel'skij dom «Nauka obrazovanija» (Moskva), 2016, no. 4., pp. 141–148.
5. *Sjutkina N. P.* Jemotivno-intensivno kauzativnyj kategorial'nyj semanticheskij subkompleks [Emotive-intensive causative categorial semantic subcomplex] / N. P. Sjutkina, S. V. Shustova // Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal [Eurasian Journal of the Humanities]. 2019, no. 2, pp. 106–111.
6. *Chistohvalova L. V*. Semantika celi [Semantics of the goal]: dis. ... k. filol. n. Rjazan', 2004. 214 p.
7. *Shustova S. V.* Kategorizacija v sfere funkcional'noj grammatiki [Categorization in the sphere of functional grammar]. Mezhkategorial'noe vzaimodejstvie v funkcional'noj grammatike: monografija [Intercategorial Interaction in Functional Grammar: Monograph] / I. V. Arhipova, S. V. Shustova ; nauchn. red. N. A. Trofimova / Perm. gos. nac. issled. un-t. Perm', 2021. P. 186–248.
8. *Shustova S. V.* Kategorial'nyj semanticheskij kompleks v grammatike (na primere kategorij jemotivnosti i kauzativnosti) [Categorial semantic complex in grammar (based on the categories of emotiveness and causativeness)]. Mir russkogo slova [The World of the Russian Word]. 2025, no.3, pp. 4–13.
9. *LC* – Laboratoriya korpusnoy lingvistiki Leyptsigskogo universiteta [Laboratory of Corpus Linguistics, University of Leipzig]. URL: http://www.wortschatz.uni-leipzig.de. (accessed: 03.11.2025).
10. *DWDS* – Elektronnyj slovar' nemeckogo yazyka [Electronic German dictionary]. URL: http://dwds.de. (accessed: 03.11.2025).

Received 04.11.2025

Arkhipova I.V., Doctor of Philology, Professor of the Department of French and German Languages
Novosibirsk State Pedagogical University
Vilyuiskaya st. 28, Novosibirsk, Russia, 630126
E-mail: irarch@yandex.ru

УДК 811.112.2'37:32(045)

Г. П. Кофанова, Е. Ю. Ваганова

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «РЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ» НА МАТЕРИАЛЕ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЙ ГЕРМАНИИ

Статья посвящена комплексному анализу социально-экономического концепта „Re-Globalisierung“ («реглобализация») в современном немецкоязычном медиадискурсе, представленном в информационно-аналитических интернет-изданиях Германии. Актуальность исследования обусловлена трансформацией глобализационных процессов в условиях мировых экономических и политических изменений, что отражается в языковой репрезентации новых концептов общественного сознания. Цель исследования заключается в выявлении особенностей концептуализации процессов реглобализации в современном немецком медиадискурсе и сопоставлении концептосфер „Globalisierung“ и „Re-Globalisierung“ с точки зрения их структурной организации и смыслового наполнения. Материалом исследования послужили публикации ведущих немецких средств массовой информации за последние годы. Методологическую основу работы составляют положения когнитивно-дискурсивной парадигмы, а также методы дискурсивного, концептуального и контекстуального анализа, дополненные элементами сравнительно-сопоставительного анализа. Научная новизна исследования заключается в выявлении и систематизации новых концептов и субконцептов, формирующих концептосферу „Re-Globalisierung“ в современном немецком медиадискурсе, а также в установлении механизмов их языковой репрезентации посредством слов-шлягеров, процессов концептуальной интеграции и политической метафоризации. Теоретическая значимость работы состоит в уточнении особенностей функционирования концепта реглобализации в медиадискурсе, а практическая значимость — в возможности использования результатов при дальнейшем исследовании политического и экономического дискурса.

Ключевые слова: концепт, социально-экономический концепт, концептуальная система, дискурс, когнитивно-дискурсивная парадигма, слова-шлягеры.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-734-742

Феномен глобализации в последние десятилетия остаётся одним из ключевых объектов гуманитарных исследований, поскольку он оказывает комплексное влияние на социальные, политические и языковые процессы в обществе. В основу исследования положен тезис о том, что «Концептуальная система – это динамическое образование, которое постоянно находится в состоянии развития и оперативной подвижности. Она постоянно преобразуется под влиянием приходящей извне информации, получаемой по разным каналам…» [5, с. 70]; иначе говоря, преобразуется под влиянием дискурса. Любые изменения в обществе оставляют свой отпечаток в общественном языковом сознании и отражаются в общественном дискурсе. Анализ дискурса позволяет понять и спрогнозировать дальнейшее развитие того или иного события, выявить ассоциации и оценки данного события конкретным социумом. Феномен глобализации, как процесс не подверженный статике, и дискурс, связанный с этим феноменом, являются плодороднейшим полем формирования новых концептов, которые приобретают порой довольно интересную языковую реализацию и наглядно демонстрируют ход и результат происходящих изменений.

Теоретической основой нашего исследования явились работы отечественных и зарубежных экономистов и лингвистов. В современной научной парадигме глобализация всё чаще рассматривается не только как экономико-политический процесс, но и как дискурсивно конструируемое явление, отражающееся в языковом сознании и концептуальной системе общества. В этой связи Б. А. Хейфец подчёркивает, что современная мировая экономика развивается в условиях одновременного усиления глобализационных и деглобализационных тенденций, что свидетельствует о трансформации прежней когерентной модели мирового развития и её усложнении [13]. С. В. Долматова акцентирует внимание на полицентричности и кризисном характере глобализации, отмечая её переход к более фрагментированной и нестабильной системе международных взаимодействий [4]. В исследованиях А. А. Синдеева отмечается, что в российской научной традиции формируется множественность интерпретаций глобализации. Это, по мнению, отражает вариативность её концептуализации и дискурсивного описания [10].

С позиций современной когнитивной лингвистики данные процессы находят отражение в трансформации концептосферы «глобализация», внутри которой формируются новые смысловые узлы и переосмысляются уже существующие концепты. В этой перспективе используется понятие реглобализации, понимаемое в нашем исследовании как дискурсивно обусловленная реконфигурация глобализационного концепта, при которой происходит не отрицание глобальной взаимосвязанности, а её переосмысление и перераспределение значимых смыслов в пользу региональных и локальных центров интерпретации. Термин «реглобализация» используется нами далее для обозначения процессов трансформации глобальных связей в условиях меняющейся мировой политической, экономической и информационной среды. В отличие от деглобализации, предполагающей сокращение международной взаимозависимости, реглобализация характеризуется сохранением глобальной связанности при изменении её структуры и механизмов функционирования. А. Н. Чумаков, анализируя соотношение понятий «глобализация» и «деглобализация», обращает внимание на сложность терминологического осмысления современных мировых процессов. Исследователь отмечает, что введение новых терминов далеко не всегда свидетельствует о возникновении принципиально новых явлений, а зачастую отражает изменение исследовательских подходов к уже существующим процессам [14]. Данная позиция позволяет рассматривать реглобализацию как одну из форм переосмысления современных трансформаций глобального пространства.

Для исследования концепта реглобализации важное значение имеет теория концепта, разработанная в отечественной лингвистике и культурологии. Следует отметить, что теория концепта постоянно пополняется новыми положениями и фактами, что существенно отражается на исследованиях в этой области. Так, Ю. С. Степанов, например, рассматривает концепт как особую единицу культуры, соединяющую логические, исторические, эмоциональные и ценностные компоненты. Учёный подчёркивает, что понятие «определяется», тогда как концепт «переживается», включая в себя не только рациональные признаки, но и широкий культурный контекст [11, с. 19–20]. Такой подход позволяет рассматривать реглобализацию не только как экономико-политическое явление, но и как сложный культурно-дискурсивный конструкт. Проблемы концептуализации сложных общественных явлений рассматривает также О. И. Лыткина. Исследователь отмечает, что концепт представляет собой многомерное ментальное образование, не имеющее жёстких границ и допускающее различные интерпретации в зависимости от культурного и коммуникативного контекста [7]. Это особенно важно при анализе реглобализации, содержание которой продолжает формироваться в современном научном и общественном дискурсе. В современной когнитивной лингвистике концепт рассматривается как базовая единица хранения и обработки знаний. З. Д. Попова и И. А. Стернин отмечают, что концепты образуют концептосферу народа, отражающую результаты познавательной деятельности общества и его культурно-исторический опыт [8, с. 214]. Исследователи подчёркивают динамический характер концептуальной системы, способной трансформироваться под воздействием новых социальных реалий. В связи с этим концепт реглобализации может рассматриваться как формирующийся элемент современной концептосферы, возникший в результате переосмысления процессов глобального развития.

Особое значение для настоящего исследования имеет медиадискурс как пространство актуализации и трансформации концептов. В связи с этим можно упомянуть интересное исследование немецкоязычных СМИ, где Ю. С. Болотова описывает особенности репрезентации процессов глобализации, реглобализации и деглобализации. Автор приходит к выводу, что данные явления функционируют в медиадискурсе не как последовательные этапы развития мирового порядка, а как конкурирующие интерпретационные модели, отражающие различные способы осмысления глобальных изменений [1]. Таким образом, реглобализация выступает не только объектом научного анализа, но и значимым элементом современного медиадискурса. Информационное измерение реглобализации прослеживается и в трансформации медиасреды Германии. Г. Ф. Вороненкова, Е. М. Гапонова, М. Г. Маслина и А. В. Христенко показывают, что развитие немецких массмедиа сопровождается процессами цифровизации, медиаконцентрации и изменением моделей медиапотребления [3]. Указанные процессы отражают структурную перестройку информационного пространства, характерную для современных глобальных трансформаций. Изменение медиаландшафта Германии подтверждается и исследованием Н. В. Вернера, посвящённым перспективам развития русскоязычных СМИ. Автор отмечает усиление роли цифровых платформ и транснациональных коммуникационных каналов, что свидетельствует о формировании новых моделей информационного взаимодействия в условиях глобальной мобильности населения [2].

Обращение к теме глобализации и реглобализации в данном исследовании обусловлено кардинальными изменениями, произошедшими в мире за последние годы. Многие исследователи [6; 12 и др.] едины во мнении о том, что глобализация появилась не вчера и возникла не на пустом месте, а прошла несколько этапов и протекала не линейно, а волнообразно. Однако сам термин «Глобализация» стал активно использоваться СМИ в начале 90-х годов, когда для многих современников окончание холодной войны и крах государственного социализма стали началом новой эры, когда товары, капиталы и люди могли перемещаться через все новые и новые границы.

Термин «Глобализация» или, вернее, события, обозначавшиеся этим термином, не всегда находили нейтральную интерпретацию, а напротив имели несколько интерпретаций, что привело к формальному разделению на дискурс апологетов глобализации, дискурс скептически настроенных сторонников и дискурс антиглобалистов.

Анализ дискурса апологетов глобализации в СМИ Германии в период с 1993 по 2005 гг. позволил конгломерировать следующие базовые концепты, актуальные для того времени:

Konzept der Entgrenzung – *концепт стирания границ*
Konzept der Wichtigkeit und Bedeutsamkeit – *концепт важности и значимости*
Konzept der zukünftigen globalisierten Gesellschaft – *концепт будущего постглобализованного общества.*

Базовые концепты сформированы концептуальными полями, языковое выражение которых обеспечивалось словами шлягерами, такими, например, как:

Fortschritt, Demokratie, Mobilität, New Economy, Wissens-und Informationsgesellschft, nachhaltige Entwicklung.

Очевидно, что данные лексемы эксплицируют исключительно положительные концепты, создают гештальт светлого будущего постглобализованного общества, где царит демократия, где на основе новой экономики процветает общество знаний и информационных технологий, и все это обеспечивает дальнейшее поступательное развитие.

Дискурс критиков не столь восторжен в своих оценках «флорирующего» феномена, он насыщен концептами, эксплицирующими осторожные оценки этого явления.

Konzept der globalen Kapitalisierung *– концепт глобальной капитализации*
Konzept der antisozialen Erscheinung *– концепт глобализации как антисоциального явления*
Konzept der Gefahr *– концепт опасности глобализации*
Konzept der Amerikanisierung *– концепт американизации*
Konzept des Widerspruchs *– концепт противоречия*
Konzept des Terrorismus *– концепт терроризма*
Konzept der Umweltbedrohung *– концепт угрозы окружающей среды*

В дискурсе антиглобалистов доминируют политические концепты, эксплицированные словами-шлягерами, лозунговыми словами, военной метафорой. Вот некоторые примеры:

Krieg und Globalisierung gehen Hand in Hand- *война и глобализация идут рука об руку*
Kampf mit dem Terror der Ökonomie – *борьба с террором экономики*
Protest kostet Kampf und Geld – *протест стоит борьбы и денег*

Каждый из концептов является совокупностью базовых и факультативных концептов, которые объединяются в так называемые субсферы по принципу их дискурсивной взаимозависимости. Изменения, произошедшие за эти годы в глобальной политике, экономике и культуре, нашли свое отражение в риторике дискурса по теме «Глобализация». В последние годы в научном и медиадискурсе всё чаще обсуждается вопрос о трансформации глобализационных процессов. Если ранее преобладала точка зрения о постепенном развитии глобализации как процесса усиления международной экономической интеграции, то современные политические и экономические изменения обусловили появление новых подходов к её осмыслению. Так, немецкий экономист Юрген Маттес отмечает, что происходящие изменения не могут быть однозначно охарактеризованы ни как деглобализация, ни как реглобализация в традиционном понимании. По мнению исследователя, речь идёт о структурной перестройке мировой торговли, в рамках которой геополитическая логика всё чаще вытесняет рыночную, а ключевое значение приобретают вопросы экономической безопасности, стратегической автономии и надёжности партнёрских связей [19]. Данные процессы находят отражение и в языковой картине мира. В немецкоязычном медиадискурсе формируется новый социально-экономический концепт „Re-Globalisierung“,

содержание которого выходит за рамки традиционного понимания глобализации. Анализ медиатекстов показывает, что данный концепт включает новые смысловые компоненты, связанные с безопасностью цепочек поставок, технологическим суверенитетом, геополитической устойчивостью и переосмыслением международного сотрудничества. Это свидетельствует о расширении и усложнении концептосферы „Re-Globalisierung“ по сравнению с концептосферой „Globalisierung“.

В СМИ Германии все чаще говорят о снижении роста мировой торговли, о национально ориентированных политиках в государствах, о неопределенной ситуации в мире, что привело к тому, что процесс глобализации начал давать сбои. Возник термин «реглобализация» – „Re-Globalisierung“, который обозначает процесс, противоположный процессу глобализации, лингвистическим маркером является префикс „re“. Глобализация изменяет свою конфигурацию под воздействием множества сдвигов, влияний, событий и сил. Термин «реглобализация» – „Re-Globalisierung“ стал по сути субконцептом в современном дискурсе СМИ Германии, основными составляющими которого являются концепты, вербализованные современными «словами-щлягерами» ***«деинтернационализация»*** – ***„Deinternationalisierung“ и „ре-национализация“ – „Re-Nationalisierung“.*** Эти субтермины и их концептуальные поля описывают переход или даже трансформацию модели глобализации, известной миру с начала 1990-х гг.

О том, что процесс глобализации претерпевает определенные метаморфозы, свидетельствует, например, следующий фрагмент дискурса:

Weniger Wachstum im globalen Handel als zuvor, national orientierte Politiker, unsichere Weltlage: Wirtschaftlich, politisch und geostrategisch scheint der Prozess der Globalisierung ***ins Wanken gekommen zu sein.*** [15]

В данном примере концепт-составляющая выражен глагольно-субстантивной конструкцией фразеологического типа с экспрессивной окраской (зашататься).

Мегатренд глобализация, обрушившейся на мировую экономику после падения «железного занавеса», и приведший к необычайному росту информационных технологий, развитию интернета, а также к сокращению расстояний, стремительному развитию глобальной торговли и колоссальному росту благосостояния, в последние годы начал давать трещину – ***hat Risse bekommen.*** Высказывается мнение о том, что глобализация сходит на нет – ***die Globalisierung stockt.*** Однако высказывается также надежда на то, что меняется лишь лицо глобализации – ***Vielleicht wandelt sich aber auch nur sein Gesicht;*** приобретает другой характер ***einen anderen Charakter bekommt.*** Концептуально можно говорить о «трансформированной глобализации» – „Transformierte Globalisierung“. В примере ниже:

Moderne Kommunikationsmittel und das wachsende Wissen um die Lebensstandards in den Industrienationen dürften diese Mobilität stärken. Folgt man der Argumentation, erkennt man nicht das Ende der Globalisierung, sondern ihr gewandeltes Gesicht. [15]

Концепт «Трансформированной глобализации» эксплицирован концептуальной метафорой через ее антропоморфную призму, когда глобализация представлена в ассоциативной связи с человеческими формами и качествами:

das Gesicht wandeln, einen anderen Charakter bekommen, ins Wanken kommen, Risse bekommen, die Globalisierung stockt.

Среди причин трансформации глобализации называют следующие:

– провальные переговоры Дохийского раунда ВТО и неудачные переговоры о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП) между Европой и США: ***die Doha-Runde der Welthandelsorganisation WTO gilt als gescheitert;***

– рост числа партий, выступающих за изоляционизм и националистические тона: ***Parteien, die auf Abschottung und nationale Töne setzen, sind im Aufwind;***

– большое количество беженцев, устремившихся в Европу, особенно в 2015 году: ***große Zahl an Flüchtlingen;***

– растущая политическая неопределенность: ***Die wachsende politische Unsicherheit ist ein weiterer Bremsfaktor für die Globalisierung;***

– отсутствие единого гегемона – США все меньше участвуют в жизни мира, а Китай претендует на роль мировой державы: ***Es gibt keinen einzelnen Hegemonen mehr: Die USA engagieren sich weniger in der Welt, China dagegen erhebt den Anspruch, Weltmacht zu sein.***

– кризис, вызванный коронавирусом: ***Seit der Corona-Krise kämpfen Unternehmen weltweit mit Lieferproblemen;***

– военный конфликт на Украине: ***Durch den Ukraine-Krieg haben sich diese Probleme noch verstärkt,*** санкции Запада против России **–** ***auch durch die westlichen Sanktionen gegen Russland;***

В результате анализа данного фрагмента дискурса был идентифицирован ***концепт «Slowbalisation» – концепт «Медленной глобализации».*** Концепт вербализован лексемой „Slowbalisation“ и является результатом интегрирования ментальных пространств Slow и Globalisation. Интеграция – излюбленный прием в немецких СМИ, при котором происходит слияние двух слов и возникает новое, эксплицирующее актуальный для конкретного периода времени концепт. Такие слова называются в германистике Kofferwörter = **(**Portmanteau**) –** слова-чемоданы или слова-кошельки. «Плодами» этого приема стали концепты, вербализованные следующими лексемами:

Teuro= Euro+Teuro

Denglisch = Deutsch+Englisch

Brexit = British + exit

Dexit =Deutschland + exit

Одним из базовых концептов в современном дискурсе по теме «Глобализация» стал концепт ***«Glokalisierung“***, вербализованный описанным выше способом интегрирования ментальных пространств. Данный концепт возник в результате переосмысления процесса глобализации, ее отношений с национальными, региональными и местными уровнями.

Концепты политического дискурса, возникшие на базе концептуальной интеграции и вербализованные так называемыми словами-чемоданами (Kofferwörter), орфографический словарь немецкого языка Дуден (нем. Duden) называет политическими жаргонизмами [17].

Концептуальное поле «Slowbalisation“ изобилует составляющими с эксплицитными негативными коннотациями: ***die Doha-Runde gilt als gescheitert, politische Unsicherheit, Bremsfaktor, weltweit mit Lieferproblemen, Ukraine-Krieg, Sanktionen gegen Russland.***

Следующее предложение служит источником инферентного концепта, который можно именовать лексемой **„Begrenzung“** (нем. ограничение, предел, граница): ***Parteien, die auf Abschottung und nationale Töne setzen, sind im Aufwind.*** Концепт „Begrenzung“ – концепт установления границ, эксплицирован лексемами ***Abschottung, nationale Töne, Lieferproblemen.*** Мир больше не называется «Глобальной деревней» (нем. Globales Dorf), как это было в дискурсе периода расцвета глобализации, нет стремления к расширению границ, когда формировался концепт **Entgrenzung** (нем. **–** стирание границ). В последние годы все громче звучат голоса за национально-самостоятельные государства, за сохранение национальной идентичности.

В актуальном дискурсе изменилась риторика и в отношении мирового гегемона, которым являлись США: ***Es gibt keinen einzelnen Hegemonen mehr, die USA engagieren sich weniger, China erhebt den Anspruch, Weltmacht zu sein.*** Таким образом, концепту «Американизации» „Amerikanisierung“, являвшимся одним из самых релевантных дискурсу начала 2000-х гг. в современном дискурсе противостоит концепт «деамериканизации» **–** „De-Amerikanisierung“.

Одним из доминантных концептов в дискурсе по теме «глобализация» в эпоху ее активной фазы в начале 2000-х гг. являлся концепт глобальной капитализации – „globale Kapitalisierung“. Это было обусловлено началом свободного передвижения по всему миру капиталов, товаров и услуг, созданием транснациональных корпораций и т.д. Глобализация являла миру так называемую «Новую экономику». Слово-шлягер New-Economy не сходило с таблоидов популярных изданий несколько десятилетий; глобализация стала формой капитализма:

Die Globalisierung ist identisch mit dem System, das sie ausdrückt: sie ist eine neue Form des Kapitalismus.

События, происходящие в современном мире, практически свели на нет глобальное шествие новой формы капитализма в мире:

«Auch immer wieder auftretende Krisen haben die Globalisierung verlangsamt. Nach der globalen Finanzmarktkrise kam die Euro-Schuldenkrise, die Krim-Invasionssanktionen gegen Russland, das Brexit-Referendum. … Der Welthandel wuchs in mehreren Jahren langsamer oder kaum schneller als die Weltwirtschaftsleistung.» [19]

Речь идет о повторяющихся кризисах, о мировом кризисе финансовых рынков о долговом кризисе евро, о санкциях против России, о референдуме по Brexit. В течение нескольких лет мировая торговля росла медленнее или едва быстрее, чем мировое экономическое производство.

В дискурсе возник концепт «другого капитализма», ***концепт «Labil-Kapitalismus“ – лабильного капитализма,*** то есть неустойчивого, склонного к изменениям, к колебаниям.

Лабильный капитализм сравнивается в дискурсе с карточным домиком:

*…**Grund – Corona hat die Überempfindlichkeit des Labil-Kapitalismus nur offenbart. Wenn man im Garten ein Kartenhaus baut, kann man natürlich den bösen Wind beschuldigen, er habe alles kaputt gemacht.*** [16]

Нестабильный капитализм означает, что бизнес-модели, рынки и логистика настолько радикально оптимизированы, что работают только тогда, когда все идет гладко. В политическом и экономическом дискурсах на разных уровнях, от СМИ до дискуссий в социальных сетях, произошло переформатирование старых устоявшихся понятий и концепций, что закономерно нашло отражение в словарном запасе немецкого языка.

Концепт „Re-Globalisierung“ характеризует период глобальных изменений, включающий переплетение определенных событий, в том числе описанных в статье. Анализ дискурса показал, что речь идет не о смене парадигм, а скорее о различных сменах парадигм неодинакового характера и неодинакового масштаба. Их объединяет то, что они изменяют и сдвигают прежние представления о себе, а также механизмы и перспективы глобализации. Об этом свидетельствует результат анализа дискурса периода расцвета глобализации и современного дискурса, который позволил выявить прямые противопоставления в концептуальных полях описываемого феномена:

1993–2005	**Moderner Diskurs**
Globalisierung	Re-Globalisierung
Internationalisierung	De-Internationalisierung
Entgrenzung	Begrenzung
Mobilität, nachhaltige Entwicklung	Slowbalisation
Zukünftige globalisierte Gesellschaft	Transformierte Globalisierung
Globale Kapitalisierung	Labil-Kapitalismus
Amerikanisierung	De-Amerikanisierung
Globalisierung	Glockalisierung

Безусловно, данный список можно продолжить, здесь представлены основные базовые концепты или гиперконцепты. Концептуальные изменения, произошедшие в дискурсивном поле по теме «глобализация» находят своё языковое выражение:

– в словах-шлягерах, большинство из которых являются так называемыми «пластиковыми словами» (нем. Plastikwörter) и составляют основной лексический корпус институционального языка политики (Labil-Kapitalismus, Re-Globalisierung, De-Internationalisierung и др.);

– в именованиях, эксплицирующих инферентные концепты (De-Amerikanisierung, Begrenzung);

– в лексемах, вербализующих концепты, сформированные на основе интеграции ментальных пространств (Slowbalisation). Таким образом, проведённый анализ показывает, что концепт *Re-Globalisierung* занимает значимое место в современном немецкоязычном медиадискурсе и используется для интерпретации изменений, происходящих в мировой политике, экономике и информационном пространстве. В отличие от представлений о деглобализации как о сворачивании международных связей, реглобализация репрезентируется как процесс их трансформации и адаптации к новым условиям глобального развития. Теоретический анализ позволил установить, что реглобализация может рассматриваться не только как социально-политическое явление, но и как самостоятельный концепт, обладающий сложной смысловой структурой. Его содержание формируется на пересечении научного, политического и медиадискурсов и отражает современные представления о перераспределении глобальных экономических, культурных и информационных потоков. Иследование материалов немецкоязычных СМИ показало, что концепт *Re-Globalisierung* реализуется через широкий спектр языковых средств и интерпретационных моделей, отражающих неоднозначность оценки современных глобальных процессов. Это позволяет рассматривать медиадискурс как важную площадку формирования и трансформации представлений о новом этапе развития глобального мира. В перспективе дальнейшее изучение концепта *Re-Globalisierung* представляется целесообразным в сопоставительном аспекте, включая анализ его репрезентации в различных национальных медиадискурсах и исследование динамики его смыслового наполнения в условиях меняющейся международной повестки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болотова Ю. С. Современный взгляд на процессы глобализации, реглобализации и деглобализации (на материале современных немецкоязычных СМИ) // Modern Scientist. 2025. № 3. С. 143–152.
2. Вернер Н. В. Перспективы развития русскоязычных СМИ в Германии // Коммуникология. 2023. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-russkoyazychnyh-smi-v-germanii (дата обращения: 17.06.2026).
3. Вороненкова Г. Ф., Гапонова Е. М., Маслина М. Г., Христенко А. В. Массмедиа объединённой Германии: основные векторы развития // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2020. № 6. С. 182–208.
4. Долматова С. А. Тенденции формирования международной системы устойчивого развития: биполярность, монополярность, полицентризм // Вопросы политической экономии. 2025. № 4 (44). С. 150–163. DOI: 10.5281/zenodo.18278516.
5. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*. М.: Наука, 1988. С. 141–172.
6. Кувалдин В. Б. Глобализация и национальное государство: вчера, сегодня, завтра // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 1. С. 5–13.
7. Лыткина О. И. Проблемы изучения концепта в современной лингвистике // Rhema. Рема. 2009. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-izucheniya-kontsepta-v-sovremennoy-lingvistike (дата обращения: 17.06.2026).
8. Попова З. Д., Стернин И. А. *Когнитивная лингвистика*. — М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. 314 с.
9. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 85 с.
10. Синдеев А. А. Российские концепции глобализации и их научный потенциал // Новая и новейшая история. 2025. № 2. С. 30–40. DOI: 10.31857/S0130386425030039.
11. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
12. Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М.: Логос, 2001. 253 с.
13. Хейфец Б. А. Геополитический регионализм и новая регионализация мировой экономики // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2024. Т. 19. № 4. С. 7–22. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-04-01. URL: https://iorj.hse.ru/2024-19-4/993552589.html.
14. Чумаков А. Н. Глобализация или деглобализация? // Век глобализации. 2023. № 3 (47). С. 19–34.
15. Bundeszentrale für politische Bildung. Die Globalisierung stockt und ändert sich [Электронный ресурс]. URL: https://www.bpb.de/themen/wirtschaft/freihandel/266540/die-globalisierung-stockt-und-aendert-sich/ (дата обращения: 17.06.2026).
16. Der Spiegel. Labiler Kapitalismus: Die Globalisierung ist heute anders kaputt als früher [Электронный ресурс]. URL: https://www.spiegel.de/netzwelt/netzpolitik/labiler-kapitalismus-die-globalisierung-ist-heute-anders-kaputt-als-frueher-kolumne-a-1dad7098-eae3-4a3d-a99d-28eaafe44a08 (дата обращения: 17.06.2026).
17. Duden. Was ist ein Kofferwort? [Электронный ресурс]. URL: https://www.duden.de/sprachwissen/sprachratgeber/Was-ist-ein-Kofferwort (дата обращения: 17.06.2026).
18. Hochschule Harz. Frieden und Wohlstand sind keine Selbstverständlichkeit [Электронный ресурс]. URL: https://www.hs-harz.de/blog/frieden-und-wohlstand-sind-keine-selbstverstaendlichkeit (дата обращения: 17.06.2026).
19. Matthes J. Deglobalisierungs-Debatte: Was eine veränderte Globalisierung für das deutsche Exportmodell bedeutet [Электронный ресурс]. Köln: Institut der deutschen Wirtschaft, 2023. URL: https://www.iwkoeln.de/studien/juergen-matthes-was-eine-veraenderte-globalisierung-fuer-das-deutsche-exportmodell-bedeu (дата обращения: 17.06.2026).

Поступила в редакцию 25.11. 2025

Кофанова Галина Петровна, кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой иностранных языков
E-mail: galina.kofanova@klgtu.ru

Ваганова Екатерина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
E-mail: ekaterina.vaganova@klgtu.ru

ФГБОУ ВО «Калининградский государственный технический университет»
236022, Россия, г. Калининград, Советский проспект, 1

G. P. Kofanova, E. Yu. Vaganova

ANALYSIS OF THE SOCIO-ECONOMIC CONCEPT OF 'RE-GLOBALIZATION' BASED ON GERMAN INFORMATION-ANALYTICAL INTERNET PUBLICATIONS

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-734-742

The article is devoted to a comprehensive analysis of the socio-economic concept "Re-Globalisierung" ("re-globalization") in contemporary German-language media discourse represented by analytical online publications in Germany. The relevance of the study is determined by the ongoing transformation of globalization processes under current economic and political conditions, which is reflected in the linguistic representation of new concepts shaping public consciousness. The aim of the research is to identify the specific features of the conceptualization of re-globalization processes in contemporary German media discourse and to compare the conceptual spheres of "Globalisierung" and "Re-Globalisierung" in terms of their structure and semantic content. The empirical material comprises publications from leading German media outlets published in recent years. The methodological framework is based on the principles of the cognitive-discursive paradigm and includes discourse, conceptual and contextual analysis, supplemented by elements of comparative analysis. The scientific novelty of the study lies in the identification and systematization of new concepts and subconcepts that constitute the conceptual sphere of "Re-Globalisierung" in contemporary German media discourse, as well as in revealing the mechanisms of their linguistic representation through buzzwords, conceptual integration, and political metaphorization. The theoretical significance of the research consists in clarifying the specific features of the functioning of the concept of re-globalization in media discourse. The practical significance lies in the possibility of applying the findings to further studies of political and economic discourse.

Keywords: concept, socio-economic concept, conceptual system, discourse, cognitive-discursive paradigm, buzzwords.

REFERENCES

1. Bolotova Yu. S. Sovremennyi vzglyad na protsessy globalizatsii, reglobalizatsii i deglobalizatsii (na materiale sovremennykh nemetskoyazychnykh SMI) [A Modern View of Globalization, Reglobalization and Deglobalization Processes (Based on Contemporary German-Language Media)]. Modern Scientist. 2025. No. 3. P. 143–152. (In Russian).
2. Verner N. V. Perspektivy razvitiya russkoyazychnykh SMI v Germanii [Prospects for the Development of Russian-Language Media in Germany]. Kommunikologiya [Communicology]. 2023. No. 3. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-russkoyazychnyh-smi-v-germanii (accessed: 17.06.2026). (In Russian).
3. Voronenkova G. F., Gaponova E. M., Maslina M. G., Khristenko A. V. Massmedia ob"edinennoi Germanii: osnovnye vektory razvitiya [Mass Media of Unified Germany: Main Development Vectors] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika [Moscow University Journalism Bulletin]. 2020. No. 6. P. 182–208. (In Russian).
4. Dolmatova S. A. Tendentsii formirovaniya mezhdunarodnoi sistemy ustoichivogo razvitiya: bipolyarnost', monopolarnost', politsentrizm [Trends in the Formation of the International System of Sustainable Development: Bipolarity, Monopolarity, and Polycentrism]. Voprosy politicheskoi ekonomii [Problems in Political Economy] 2025. No. 4 (44). P. 150–163. DOI: 10.5281/zenodo.18278516. (In Russian).
5. Kubryakova, E. S. Rol' slovoobrazovaniya v formirovanii yazykovoi kartiny mira [The Role of Word Formation in Shaping the Linguistic Worldview]. In: *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The Human Factor in Language: Language and Worldview]. Moscow: Nauka Publ., 1988, pp. 141–172. (In Russian).
6. Kuvaldin V. B. Globalizatsiya i natsional'noe gosudarstvo: vchera, segodnya, zavtra [Globalization and the Nation-State: Yesterday, Today, Tomorrow]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2021. Vol. 65. No. 1. P. 5–13. (In Russian).
7. Lytkina O. I. Problemy izucheniya kontsepta v sovremennoi lingvistike [Problems of Concept Studies in Modern Linguistics]. Rhema.Rema [Rhema. Rema]. 2009. No. 4. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-izucheniya-kontsepta-v-sovremennoy-lingvistike (accessed: 17.06.2026). (In Russian).
8. Popova, Z. D., Sternin, I. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow: AST Publ.; Vostok–Zapad Publ., 2007. 314 p. (In Russian).
9. Serebrennikov B. A. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i myshlenie [The Role of the Human Factor in Language. Language and Thinking]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 85 p. (In Russian).
10. Sindeev A. A. Rossiiskie kontseptsii globalizatsii i ikh nauchnyi potentsial [Russian Concepts of Globalization and Their Scientific Potential]. Novaya i noveishaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2025. No. 2. P. 30–40. DOI: 10.31857/S0130386425030039. (In Russian).
11. Stepanov Yu. S. Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii [Concepts. The Thin Film of Civilization]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007. 248 p. (In Russian).
12. Utkin A. I. Globalizatsiya: protsess i osmyslenie [Globalization: Process and Interpretation]. Moscow: Logos Publ., 2001. 253 p. (In Russian).

13. Kheifets B. A. Geopoliticheskii regionalizm i novaya regionalizatsiya mirovoi ekonomiki [Geopolitical Regionalism and the New Regionalization of the World Economy]. Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika [International Organisations Research Journal]. 2024. Vol. 19. No. 4. P. 7–22. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-04-01. Available at: https://iorj.hse.ru/2024-19-4/993552589.html (In Russian).
14. Chumakov A. N. Globalizatsiya ili deglobalizatsiya? [Globalization or Deglobalization?]. Vek globalizatsii [Age of Globalization]. 2023. No. 3 (47). P. 19–34. (In Russian).
15. Bundeszentrale für politische Bildung. *Die Globalisierung stockt und ändert sich*. Available at: https://www.bpb.de/themen/wirtschaft/freihandel/266540/die-globalisierung-stockt-und-aendert-sich/ (accessed: 17.06.2026). (In German).
16. *Der Spiegel*. *Labiler Kapitalismus: Die Globalisierung ist heute anders kaputt als früher*. Available at: https://www.spiegel.de/netzwelt/netzpolitik/labiler-kapitalismus-die-globalisierung-ist-heute-anders-kaputt-als-frueher-kolumne-a-1dad7098-eae3-4a3d-a99d-28eaafe44a08 (accessed: 17.06.2026). (In German).
17. *Duden*. *Was ist ein Kofferwort?* Available at: https://www.duden.de/sprachwissen/sprachratgeber/Was-ist-ein-Kofferwort (accessed: 17.06.2026). (In English).
18. Hochschule Harz. *Frieden und Wohlstand sind keine Selbstverständlichkeit*. Available at: https://www.hs-harz.de/blog/frieden-und-wohlstand-sind-keine-selbstverstaendlichkeit (accessed: 17.06.2026). (In German).
19. Matthes J. *Deglobalisierungs-Debatte: Was eine veränderte Globalisierung für das deutsche Exportmodell bedeutet*. Köln: Institut der deutschen Wirtschaft, 2023. Available at: https://www.iwkoeln.de/studien/juergen-matthes-was-eine-veraenderte-globalisierung-fuer-das-deutsche-exportmodell-bedeu (accessed: 17.06.2026). (In German).

Received: 25.11.2025

Kofanova G.P., Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages
E-mail: galina.kofanova@klgtu.ru

Vaganova E.Yu., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Department of Foreign Languages
E-mail: ekaterina.vaganova@klgtu.ru

Kaliningrad State Technical University
Sovetskiy Prospekt, 1, Kaliningrad, Russia, 236022

УДК 811.581’23(045)

Ю. Е. Аркеева

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОППОЗИЦИИ «НЕБО / 天 – ЗЕМЛЯ / 地» В КИТАЙСКОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена системному анализу лингвокультурологической оппозиции «Небо / 天 – Земля / 地» как одной из фундаментальных бинарных структур китайской языковой картины мира. Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного описания способов вербализации фундаментальных культурных смыслов в китайской фразеологии, а также возрастающим интересом лингвистики к проблемам взаимодействия языка, мышления и культуры. На материале расширенной выборки (более 250 фразеологических единиц) исследуются китайские чэнъюи, содержащие компоненты 天 tiān *небо* и 地 dì *земля*. В работе применяются методы компонентного, контекстуального и лингвокультурологического анализа, а также метод семантического моделирования. Подробно рассматриваются этимология и семантическая структура иероглифов 天 и 地, их философские коннотации в даосизме и конфуцианстве. В результате исследования разработана классификация семантических моделей репрезентации оппозиции «Небо / 天 – Земля / 地», включающая космогоническую, темпоральную, пространственно-масштабную, аксиологическую, социально-нормативную, эмотивно-экспрессивную и антропологическую модели. Для каждой модели выявлены специфические механизмы реализации оппозиции в конкретных фразеологизмах. Делается вывод о том, что оппозиция «Небо / 天 – Земля / 地» функционирует как универсальный семиотический код, организующий ценностную картину мира китайского этноса и транслирующий базовые культурные смыслы — идею гармонии, иерархии и морального закона, стоящего выше человеческих установлений.

Ключевые слова: китайская фразеология, чэнъюй, бинарная оппозиция, «Небо / 天 – Земля / 地», семантические модели, языковая картина мира, лингвокультурология.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-743-753

1. Введение

Изучение фразеологического фонда языка представляет собой одно из магистральных направлений современной лингвистики, поскольку именно в устойчивых выражениях наиболее ярко фиксируется национально-культурная специфика мировидения народа. Как справедливо отмечает В.Н. Телия, фразеологический состав языка — это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [5, с. 9]. Китайский язык, обладающий одной из древнейших письменных традиций, хранит во фразеологизмах (чэнъюях) квинтэссенцию философской, этической и эстетической мысли нации.

Бинарные оппозиции являются универсальным инструментом упорядочивания картины мира. В китайской культуре оппозиция «Небо / 天 – Земля / 地» занимает центральное место, формируя концептуальный каркас для понимания космоса, общества и человека. Небо 天 мыслится как мужское, активное, светлое начало (Ян), управляющее законами природы и судьбой, тогда как Земля 地 — как женское, пассивное, темное начало (Инь), обеспечивающее плодородие и форму. Данная оппозиция восходит к древнейшим натурфилософским представлениям, зафиксированным в «Книге перемен» (Ицзин) и даосских трактатах.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью системного описания способов вербализации фундаментальных культурных смыслов в китайской фразеологии, а также возрастающим интересом лингвистики к проблемам взаимодействия языка, мышления и культуры. Новизна работы заключается в разработке классификации семантических моделей репрезентации оппозиции «Небо / 天 – Земля / 地» на основе расширенного корпуса фразеологических единиц и детальном анализе механизмов реализации этих моделей в каждом из рассмотренных чэнъюев.

Цель статьи — выявить и систематизировать основные семантические модели репрезентации оппозиции «Небо / 天 – Земля / 地» в китайском фразеологическом пространстве и определить стоящие за ними культурные смыслы.

2. Теоретические основы исследования

Теоретическую базу работы составляют труды по лингвокультурологии (В. А. Маслова, В. Н. Телия), когнитивной лингвистике (Е. С. Кубрякова), а также исследования китайской фразеологии (Ван Дэчунь, Тань Аошуан, В. И. Горелов, О. М. Готлиб). Ключевым для работы является понятие «языковая картина мира» — исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива совокупность представлений о мире, запечатленная в языке. В. А. Маслова определяет языковую картину мира как «совокупность знаний о мире, которые запечатлены в лексике, фразеологии, грамматике» [3, с. 65].

В китайской натурфилософии отношения Неба и Земли описываются через принцип взаимодействия и порождения: 天地合一 tiāndì héyī *единство Неба и Земли*. Как отмечает Тань Аошуан, китайская космология исходит из представления о непрерывном взаимодействии двух начал — Неба и Земли, порождающих все многообразие вещей. В даосской традиции Небо и Земля возникают из хаоса (混沌) и порождают все многообразие вещей: «небытие — название начала неба и земли, бытие — название матери десяти тысяч вещей» [4, с. 12]. В конфуцианстве акцент смещается на этическое измерение: Небо наделяется моральными качествами и выступает гарантом справедливости. Эта философема находит непосредственное отражение в языке, формируя устойчивые модели сочетаемости иероглифов 天 и 地.

3. Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили китайские фразеологические единицы — чэнъюи (成语), отобранные методом сплошной выборки из авторитетных лексикографических источников. Основными источниками материала выступили: «Большой китайско-русский фразеологический словарь» под редакцией О. М. Готлиба и Му Хуаин [1], «Большой словарь китайских идиом» (中华成语大词典) [7], «Словарь современного китайского языка» (现代汉语词典) [9], электронные лексикографические ресурсы: платформа Pleco (словарная база ABC Chinese-English Comprehensive Dictionary) и корпусные данные BKRS (Большой китайско-русский словарь).

Общий объем выборки составил 260 фразеологических единиц, содержащих компоненты 天 и 地. В работе использованы следующие методы исследования: 1) метод компонентного анализа — для выявления семантической структуры фразеологизмов и определения роли компонентов 天 и 地 в формировании общего значения; 2) метод контекстуального анализа — для изучения функционирования фразеологизмов в различных контекстах употребления; 3) описательно-аналитический метод — для систематизации и классификации отобранного материала; 4) лингвокультурологический метод — для выявления культурных коннотаций и связи фразеологизмов с натурфилософскими концепциями; 5) метод семантического моделирования — для построения классификации семантических моделей репрезентации оппозиции; 6) количественный метод — для определения частотности различных семантических моделей.

4. Семантические характеристики компонентов 天 и 地

Для понимания специфики функционирования оппозиции «Небо / 天 – Земля / 地» во фразеологическом пространстве необходимо предварительно рассмотреть семантическую структуру каждого компонента в отдельности, принимая во внимание их этимологию, историческое развитие и философские коннотации.

4.1. *Семантика иероглифа* 天 (tiān)

Иероглиф 天 в китайском языке обладает сложной, многоуровневой семантической структурой, формировавшейся на протяжении тысячелетий. По данным «Словаря современного китайского языка» [9, с. 1290], можно выделить следующие основные значения, однако для полного понимания необходимо обратиться к этимологии и философской традиции.

Этимология и графическое строение. Иероглиф 天 в своей древней форме изображал человека с большой головой или подчеркнутой верхней частью тела. В гадательных надписях на костях (甲骨文

jiǎgǔwén) эпохи Шан (XVI–XI вв. до н.э.) иероглиф 天 представлял собой схематичное изображение человека с выделенной головой, что указывало на значение «верх», «вершина», «то, что над человеком». В более поздних бронзовых надписях (金文 jīnwén) эта форма сохранилась, постепенно эволюционируя в современное начертание. Таким образом, этимологически 天 означает «великое, простирающееся над головой человека», что уже в древности связывало этот иероглиф с представлением о высшем, трансцендентном начале.

Физическое небо, небосвод. Исходное, конкретное значение иероглифа 天 — пространство над землей, где находятся солнце, луна и звезды. Это значение сохраняется в таких словах, как 蓝天 lán tiān *голубое небо*, 天空 tiānkōng *небесное пространство*, 天文 tiānwén *астрономия* (букв. '*письмена неба*'). В этом значении 天 выступает как видимая, физическая реальность, противопоставленная земле как нижнему полюсу мироздания. Во фразеологии это значение актуализируется в сочетаниях, где подчеркивается высота, простор или иные физические характеристики неба: 天高地厚 tiān gāo dì hòu *небо высоко, земля глубока*.

Природа, естественное начало, стихия. Как совокупность природных сил и явлений, 天 выступает в словах 天气 tiānqì *погода* (букв. '*дыхание неба*'), 天灾 tiānzāi *стихийное бедствие* (букв. '*небесная катастрофа*'). В этом значении 天 обозначает не просто физическое небо, а действующую природную силу, которая может быть как благосклонной, так и разрушительной. Во фразеологии это значение проявляется в выражениях, где 天 выступает как субъект природных явлений.

Верховное божество, Небо как высшая сила. Это значение сформировалось в эпоху Чжоу (XI–III вв. до н.э.), когда культ Неба (天帝 tiāndì) стал центральным элементом государственной идеологии. В отличие от западных теистических религий, китайское Небо (天) — это не столько антропоморфное божество, сколько безличный моральный закон, высшая справедливость и источник легитимности власти. Император именовался 天子 tiānzǐ *Сын Неба*, получая мандат на правление от Неба. В этом значении 天 выступает в словах 天命 tiānmìng *веление Неба, судьба, мандат Неба*, 天意 tiānyì *воля Неба*, 天道 tiāndào *путь Неба, небесный закон*.

Во фразеологии это значение реализуется в огромном пласте чэнъюев, где Небо выступает как верховный судья, гарант справедливости и источник морального закона: 天理难容 tiān lǐ nán róng *небесный закон не может терпеть*, 天诛地灭 tiān zhū dì miè *да покарают Небо и Земля*, 天地良心 tiāndì liángxīn *Небо, Земля и совесть*.

Судьба, предопределение, рок. Тесно связанное с предыдущим значение, акцентирующее не столько моральный аспект, сколько неотвратимость того, что предписано человеку свыше. 命 mìng в сочетании 天命 означает именно предопределенный срок, участь, которую нельзя изменить. Это значение отражается во фразеологизме 听天由命 tīng tiān yóu mìng *полагаться на Небо и следовать судьбе*, то есть принимать все как данность, не пытаясь изменить ход событий.

День, время суток. В результате метонимического переноса (небо как маркер светлого времени суток) иероглиф 天 приобрел значение «день» в словах 今天 jīntiān *сегодня*, 明天 míngtiān *завтра*, 每天 měitiān *каждый день*. Во фразеологии это значение встречается реже, но может актуализироваться в контекстах, связанных с течением времени.

Природный, врожденный, небесный дар. В этом значении 天 выступает как указатель источника качества или свойства, которое дано человеку от природы, а не приобретено в результате воспитания или обучения. 天才 tiāncái *талант, гениальность* (букв. '*небесный дар*'), 天生 tiānshēng *врожденный, природный* (букв. '*небом рожденный*'), 天资 tiānzī *природные задатки*. Во фразеологии это значение ярко представлено в чэнъюе 天生丽质 tiān shēng lì zhì *небом данная красивая натура*, подчеркивающем, что красота является божественным даром, а не результатом усилий человека.

Философская категория в даосизме и конфуцианстве. В даосской традиции 天 выступает как часть оппозиции «Небо / 天 – Земля / 地», которая вместе с Дао (道) образует структуру мироздания. Лао-цзы в «Дао дэ цзин» указывает: «Благодаря чему Небо и Земля достигли и величия и долголетия? Они живут, словно забыв о себе, потому и достигли столь почтенного возраста» [2], подчеркивая идею

бескорыстного существования как основы долговечности. В конфуцианстве акцент делается на этическом измерении Неба как источника морального порядка и гаранта справедливости.

Синтез значений во фразеологии. Во фразеологическом пространстве указанные значения редко выступают в чистом виде — чаще происходит их синтез. Физическое небо выступает символом трансцендентного начала, природная стихия наделяется моральными характеристиками, а судьба персонифицируется в образе верховного судьи. Эта многозначность создает богатые возможности для семантических трансформаций и является основой для формирования различных моделей репрезентации оппозиции «Небо / 天 – Земля / 地».

4.2. Семантика иероглифа 地 (dì)

Иероглиф 地, как и 天, обладает сложной семантической структурой, формировавшейся на протяжении тысячелетий. По данным «Словаря современного китайского языка» [9, с. 283], его основные значения включают широкий спектр смыслов — от конкретно-физических до философско-символических.

Этимология и графическое строение. Иероглиф 地 состоит из двух ключей: слева — ключ 土 (tǔ) «земля, почва», справа — фонетик 也 (yě), который в древности также мог нести смысловую нагрузку, связанную с женским, рождающим началом. Такое строение неслучайно: земля в китайской традиции устойчиво ассоциируется с материнством, плодородием, рождением и питанием всего сущего. В гадательных надписях на костях и бронзовых надписях иероглифы, обозначающие землю, часто изображались как холмы, возделанные поля или просто горизонтальная черта, отделяющая нижний мир от верхнего.

Земля, суша, твердь. Исходное значение иероглифа 地 — земля как противоположность небу, физическая твердь, на которой стоит человек. Это значение реализуется в базовой оппозиции 天地 tiāndì *Небо и Земля*, а также в словах 地面 dìmiàn *поверхность земли*, 地球 dìqiú *Земля как планета*. В этом значении 地 выступает как нижний полюс мироздания, основа и опора всего сущего. Во фразеологии это значение актуализируется во всех пространственных моделях: 天高地厚 tiān gāo dì hòu *небо высоко, земля глубока*, 天南地北 tiān nán dì běi *небо на юге, земля на севере*.

Почва, грунт, сельскохозяйственные угодья. Конкретизация предыдущего значения, акцентирующая землю как ресурс, источник пропитания, объект обработки. Слова 土地 tǔdì *земля, почва*, 耕地 gēngdì *пахотная земля*, 荒地 huāngdì *пустошь, необработанная земля* подчеркивают практическое, хозяйственное отношение к земле. В китайской культуре, сформировавшейся как аграрная цивилизация, это значение имеет особую важность. Земля — это не просто место, а источник жизни, богатства, благосостояния. Во фразеологии это значение актуализируется в выборе конкретных лексем: в чэнъюе 天壤之别 tiān rǎng zhī bié используется не общее 地, а 壤 rǎng *пахотная земля, плодородная почва*, что подчеркивает противопоставление возвышенного Неба и приземленного, обрабатываемого человеком мира. Фразеологизм 落地生根 luò dì shēng gēn *упасть на землю и пустить корни* также актуализирует землю как источник укоренения, стабильности, связи с родной почвой.

Территория, местность, пространство. В этом значении 地 выступает как географическое понятие, обозначающее определенное место или пространство. Слова 地方 dìfāng *место, местность*, 本地 běndì *данная местность*, 外地 wàidì *чужая, иная местность* указывают на локализацию в пространстве. Во фразеологии это значение может актуализироваться в контекстах, связанных с перемещением или расположением: 天各一方 tiān gè yī fāng *небо разделяет стороны* (*каждый в своем месте*).

Положение, позиция, статус. В результате метафорического переноса пространственных отношений на социальную сферу иероглиф 地 приобретает значение положения в иерархии, социального статуса. Слово 地位 dìwèi означает именно *положение, статус*, 地步 dìbù *степень, положение дел*. Это значение важно для понимания социально-нормативной модели, где оппозиция «Небо / 天 – Земля / 地 » проецируется на социальные отношения, хотя непосредственно в чэнъюях с компонентом 地 это значение чаще реализуется опосредованно, через противопоставление высокому положению Неба.

Земля как философская категория, начало Инь. В натурфилософской традиции, особенно в системе «Книги перемен» (Ицзин), 地 (земля) соответствует категории 坤 kūn — символу Земли, женского, пассивного, воспринимающего, рождающего начала, противопоставленного 乾 qián — символу

Неба, мужского, активного, творящего начала. В этой философской оппозиции земля мыслится не как нечто низшее, а как необходимое дополнение неба, без которого невозможно существование мира. Небо дает импульс, идею, форму, Земля принимает этот импульс, воплощает его, рождает конкретные вещи. Это значение особенно важно для понимания космогонической и антропологической моделей.

Земля как символ родины, предков, непрерывности рода. В китайской культуре земля имеет сакральное значение как место захоронения предков, как территория, где живет род, как основа идентичности. Понятие **故地** gùdì *родные места*, **乡土** xiāngtǔ *родная земля* несут глубокую эмоциональную нагрузку. Фразеологизм **落地生根** актуализирует именно это значение: «пустить корни в землю» означает обрести дом, связь с предками, стабильность.

Земля как сфера человеческой деятельности и обыденного существования. В оппозиции с Небом, которое мыслится как сфера сакрального, идеального, трансцендентного, Земля часто выступает как сфера профанного, обыденного, человеческого. Это не уничижительная характеристика, а указание на различие функций: Небо задает законы и идеалы, Земля является местом их реализации в повседневной человеческой жизни. Это значение ярко проявляется в социально-нормативной модели: **天**经地义 tiān jīng dì yì *небесный закон и земная справедливость* — Небо дает закон, Земля (человеческое общество) воплощает его в справедливых поступках.

Синтез значений во фразеологии. Как и в случае с иероглифом **天**, во фразеологическом пространстве значения **地** редко выступают изолированно. Физическая твердь становится символом стабильности, почва — символом укорененности и плодородия, философская категория Инь — основой для понимания взаимодействия с Небом. Эта многозначность создает основу для богатой семантики чэнъюев, где земля может выступать и как нижний пространственный полюс, и как источник жизни, и как сфера реализации морального закона, и как символ родины.

5. Семантические модели репрезентации оппозиции «Небо / 天 – Земля / 地» во фразеологии

Анализ выборки из 260 чэнъюев позволил выделить семь основных семантических моделей, каждая из которых имеет специфические механизмы реализации оппозиции в конкретных фразеологизмах.

5.1. *Космогоническая модель*

Данная модель отражает представления о происхождении и устройстве мироздания. Фразеологизмы этой группы отсылают к мифам о сотворении мира и фундаментальных законах бытия.

开天辟地 kāi tiān pì dì *сотворить мир* [6]. Буквальное значение — *'отделить небо от земли'* (здесь и далее перевод наш. — *Ю. А.*). В данном чэнъюе оппозиция проявляется через глагольное противопоставление: **开** *открывать, разделять* и **辟** *прорубать, расчищать*. Оба глагола обозначают активное действие по разделению изначально единого хаоса на две полярные сущности. Компоненты **天** и **地** здесь выступают как результат космогонического процесса, а сам фразеологизм имплицирует их последующее взаимодействие как основы миропорядка. Употребляется в значении «с незапамятных времен», «впервые в истории», а также для характеристики эпохального, революционного события.

天地开辟 tiāndì kāipì *Небо и Земля разделились* [8]. Вариант предыдущего фразеологизма с перестановкой компонентов, также обозначающий начало мира. В отличие от **开天辟地**, где акцент сделан на активном действии (кто-то разделяет), здесь процесс представлен как свершившийся факт: Небо и Земля уже разделены. Оппозиция проявляется через статичную констатацию результата космогонического процесса.

天造地设 tiān zào dì shè *уготованный самой природой, природой предназначенный* [6]. Буквальный перевод — *'Небом создано, Землей устроено'*. Данный чэнъюй описывает нечто идеально соответствующее своему предназначению, созданное самой природой. Глаголы **造** *создавать, творить* и 设 *устанавливать, устраивать* приписывают Небу и Земле функции демиургов. Оппозиция проявляется через параллелизм творческих действий: Небо выступает как творец идеи, формы, а Земля — как устроитель, реализующий эту идею в конкретном пространстве. Часто применяется к идеальным супружеским парам или природным ландшафтам.

天翻地覆 tiānfān dìfù *небо перевернулось и земля опрокинулась* [6]. Фразеологизм описывает грандиозные перемены, полный переворот, хаос. Глаголы 覆 *переворачивать, опрокидывать* и 翻 *переворачивать, опрокидывать* синонимичны, но приписаны разным субъектам — Земле и Небу. Оппозиция проявляется через указание на нарушение космического порядка: если даже Небо и Земля меняются местами, значит, рушатся сами основы мироздания.

Таким образом, в космогонической модели оппозиция «Небо / 天 – Земля / 地» репрезентируется как результат акта творения и фундаментальная структура мироздания. Ключевыми характеристиками выступают динамичность (процесс разделения, творения или переворота), взаимодополнительность (только в совокупности образуют упорядоченный космос), нарушаемость порядка (переворот как катастрофа) и иерархия творческих функций (Небо творит идею, Земля воплощает). Оппозиция предстает как условие существования мира: разделенность и взаимодействие двух начал создают возможность для бытия всех вещей.

5.2. *Темпоральная модель*

Небо и Земля как наиболее долговечные сущности служат символами вечности, бесконечности времени или, напротив, его конечности в глобальном масштабе.

天长地久 tiān cháng dì jiǔ *долгий как небо и постоянный как земля (обр. в знач.: вечный, навсегда, на веки вечные)* [6]. Данный чэнъюй представляет собой классический пример параллельной конструкции, где прилагательные 长 *длинный, долгий* и 久 *долгий, продолжительный* выступают как предикаты к субъектам 天 и 地. Оппозиция проявляется здесь не как противопоставление, а как синтаксический и семантический параллелизм, создающий образ вневременной длительности. Восходя к «Дао дэ цзин» (глава 7) [2], этот фразеологизм имплицирует, что именно не-действие (не-борьба, не-обладание) обеспечивает Небу и Земле их долговечность. В применении к человеческим отношениям (дружбе, любви) оппозиция выступает как эталон длительности, к которому должны стремиться люди.

天荒地老 tiān huāng dì lǎo (*до тех пор, пока не) опустеет небо и (не) состарится земля (обр. в знач.: на веки вечные, во веки веков; вечно)* [6]. Здесь оппозиция проявляется через парадоксальное приписывание вечным сущностям свойств старения. Глаголы 荒 *зарастать, дичать, приходить в запустение* и 老 *стареть* в применении к Небу и Земле создают образ предельной темпоральной протяженности — такой, что даже вечное подвержено изменению. Противопоставление «вечное – преходящее» снимается через указание на то, что Небо и Земля тоже могут «стареть», но сам этот процесс занимает космические масштабы времени.

天老地荒 tiān lǎo dì huāng *небо состарится, земля опустеет* [8]. Вариант второго фразеологизма с перестановкой компонентов, сохраняющий значение предельной временной протяженности. Акцент смещается на то, что Небо стареет, а Земля приходит в запустение, что также создает образ космической темпоральности.

В темпоральной модели оппозиция «Небо / 天 – Земля / 地» репрезентируется как эталон длительности и мера времени, причем оппозитивность практически снимается — оба компонента выступают как синонимичные носители свойства долговечности, что подтверждается возможностью их перестановки. Парадоксальность фразеологизмов типа 天荒地老 (наделение вечных сущностей свойствами конечных) позволяет выразить идею сверх-длительности, выходящей за пределы человеческого понимания. Эталонность проявляется в проецировании темпоральных характеристик космоса на человеческие отношения (дружба, любовь могут быть «вечными, как небо и земля»), а цикличность отличает китайское понимание времени от линейной западной модели.

5.3. *Пространственно-масштабная модель*

Данная модель акцентирует пространственные характеристики оппозиции: высоту Неба, глубину / широту Земли, а также всеохватность мира.

天高地厚 tiān gāo dì hòu *«Небо высоко, а земля огромна» — узнать, почем фунт лиха; сколь тяжел и труден; благодеяния* [1, с. 414]. Этот чэнъюй построен на параллельном приписывании качественных характеристик: высота (高) Небу и глубина / толщина (厚) Земле. Оппозиция проявляется через взаимодополняющие пространственные измерения: вертикальная протяженность вверх (Небо) и вертикальная

протяженность вниз (Земля). Вместе они создают образ трехмерного пространства. В отрицательной конструкции **不知天高地厚** bù zhī tiān gāo dì hòu оппозиция служит мерой незнания: человек, не знающий высоты Неба и глубины Земли, не понимает истинных масштабов мира и своего места в нем.

天罗地网 tiān luó dì wǎng *«Небесные тенета, земные сети» — сети, из которых не уйти; окружить, обложить со всех сторон* [1, с. 414]. Здесь оппозиция проявляется через образы ловушек: 罗 (силки для птиц) и **网** (рыболовная сеть). Вместе они создают образ всеохватного окружения, из которого невозможно выбраться. Как указывает «Большой словарь чэнъюй», происхождение этой идиомы связано с кольцом окружения (неприятеля, беглого преступника и т.п.), установленным повсюду: вверху, внизу и со всех сторон [8]. Оппозиция акцентирует тотальность блокады: не остается ни одного свободного пространства.

铺天盖地 pū tiān gài dì *заслонять небо и покрывать землю: повсюду, везде и всюду, вездесущий, всеохватный, повсеместный* [6]. Фразеологизм описывает нечто массовое, всеохватывающее (снег, слухи, армию). Глаголы 铺 *расстилать* и **盖** *накрывать* создают образ тотального покрытия всего пространства, где верхняя и нижняя границы мира полностью скрыты. Оппозиция проявляется через указание на исчезновение границ между Небом и Землей под воздействием внешней силы.

震天动地 zhèn tiān dòng dì *всколыхнуть небо и потрясти землю, обр. потрясающий, ошеломляющий* [6]. Фразеологизм описывает нечто грандиозное, производящее огромное впечатление. Глаголы **震** *сотрясать* и 动 *двигать* синонимичны предшествующим, но с акцентом на вибрации, распространяющиеся по всему мирозданию. Оппозиция выступает как объект физического воздействия, масштабируемого до космических размеров.

Таким образом, в пространственно-масштабной модели оппозиция «Небо / **天** – Земля / **地**» репрезентируется как система координат, задающая параметры мира и служащая основой для ориентации человека. Бинарная пространственная сетка включает вертикальную ось (верх-низ) и, в сочетании с горизонтальными координатами, создает полноту пространственных отношений. Небо и Земля выступают как предельные границы и мера: высота Неба и глубина Земли определяют масштабы человеческого существования, а их совместная всеохватность (**天**罗地网, 铺天盖地) репрезентирует идею тотальности. Метафоризация пространственных характеристик служит основой для описания не-пространственных явлений (широта беседы, интенсивность воздействия).

5.4. *Аксиологическая (иерархическая) модель*

В данной модели оппозиция «Небо / **天** – Земля / **地**» приобретает ярко выраженную ценностную окраску. Небо ассоциируется с высоким, чистым, достойным, совершенным, а Земля (или ее производные) — с низменным, порочным, несовершенным. Это наиболее частотная модель в оценочных суждениях.

九天九地 jiǔ tiān jiǔ dì *(отличаются, далеки) как небо от земли* [6]. Число 9 (**九**) в китайской культуре символизирует полноту, предельность, максимальную степень. Оппозиция проявляется через градуирование: не просто небо и земля, а их предельные степени, что создает образ максимально возможной дистанции.

天悬地隔 tiān xuán dì gé *сильно отличаться друг от друга; совершенно разные; диаметрально противоположный* [6]. Фразеологизм описывает огромную разницу, непреодолимое расстояние. Глаголы 悬 *висеть, быть подвешенным* и **隔** *разделять, отделять* подчеркивают не только дистанцию, но и принципиальную разделенность двух миров. Оппозиция проявляется через указание на невозможность преодоления разрыва между высоким и низким.

天差地远 tiān chā dì yuǎn *различаться, как небо и земля* [8]. Чэнъюй указывает на то, что разница между двумя предметами / явлениями чрезвычайно велика. Здесь оппозиция проявляется через глагол **差** *различаться* и прилагательное 远 *далекий*. В качестве меры различия выступает пространственная удаленность (远), что сближает эту модель с пространственной, но с явным акцентом на качественной, а не физической дистанции.

Итак, в аксиологической модели оппозиция «Небо / **天** – Земля / **地**» репрезентируется как ценностная шкала, где Небо последовательно маркирует высшее, положительное, сакральное, а Земля — низшее, отрицательное. В отличие от пространственной модели, где компоненты равноправны, здесь возникает жесткая асимметрия и иерархия. Градуирование достигается через выбор второго компонента и числовые характеристики (**九天**), что позволяет выражать различные степени различия — от простого до максимального. Противопоставление сакрального и обыденного восходит к конфуцианскому различению благородного мужа и низкого человека, а глаголы 悬 *висеть* и 隔 *разделять* подчеркивают онтологическую непреодолимость разрыва между полюсами.

5.5. ***Социально-нормативная (этическая) модель***

Оппозиция Неба и Земли проецируется на социальные отношения и моральные нормы. Небо выступает как источник высшего закона и нравственного императива, Земля — как сфера реализации этого закона в человеческом обществе.

天经地义 tiān jīng dì yì *«Закон неба и принцип земли» — непреложная истина; незыблемый закон; само собой разумеется; аксиома; соответствовать всем законам; вполне закономерный* [1, с. 414]. Компонент 经 jīng означает *канон, основополагающий текст, закон*, компонент 义 yì — *справедливость, долг, праведность*. Оппозиция проявляется как параллелизм: Небо выступает источником нормативных установлений (经), Земля — сферой их моральной реализации (义). Вместе они создают образ незыблемого, естественного порядка вещей.

天诛地灭 tiān zhū dì miè *небо казнит и земля уничтожит (обр. в знач.: сурово покарать, не давать пощады)* [6]. Глаголы 诛 *казнить, карать* и 灭 *уничтожать, истреблять* приписывают Небу и Земле функции карающей инстанции. Оппозиция проявляется через субъектность: Небо и Земля выступают как активные агенты возмездия. Как указывает «Большой словарь чэнъюй», этот чэнъюй описывает столь тяжкие преступления, что преступнику нет прощения ни на небе, ни на земле [8].

天地良心 tiāndì liángxīn *по совести* [6]. Буквальное значение чэнъюй — '*Небо, Земля и совесть*'. Здесь оппозиция дополняется третьим элементом — **良心** liángxīn *совесть*. Возникает триада: внешние высшие силы (Небо и Земля) и внутренний моральный компас человека (совесть). Оппозиция выступает как свидетельство в моральном суде.

Таким образом, в социально-нормативной модели оппозиция «Небо / **天** – Земля / **地**» актуализируется как источник и гарант морального порядка, легитимирующий социальные нормы через придание им космического статуса. Нормативность выражается в том, что Небо выступает источником закона (经, **理**), а Земля — сферой его воплощения в справедливости (义). В отличие от других моделей, здесь Небо и Земля наделяются функциями активных субъектов: они судят (**天**经地义), карают (**天**诛地灭), свидетельствуют (**天地良心**), что придает им антропоморфные черты. Целостность проявляется в совместном действии компонентов как единой инстанции, создающей полноту морального порядка, нарушение которого влечет санкции не только со стороны общества, но и со стороны самих основ бытия.

5.6. ***Эмотивно-экспрессивная модель***

В данной группе фразеологизмов компоненты **天**–**地** служат для усиления экспрессии, выражения предельной степени эмоционального состояния. Использование космических образов для выражения человеческих эмоций — характерная черта многих языков, но в китайской традиции этот прием отличается особой последовательностью.

欢天喜地 huān tiān xǐ dì *испытывать чрезвычайное наслаждение (огромную радость); быть в восторге; восторженно; беспредельная радость* [6]. Глаголы 欢 *радоваться* и 喜 *веселиться* приписывают Небу и Земле способность испытывать эмоции, аналогичные человеческим. Оппозиция выступает как объект эмоционального воздействия: радость человека так велика, что она охватывает все мироздание.

惊天动地 jīng tiān dòng dì *потрясти небо и всколыхнуть землю (обр. в знач.: потрясающий, поразительный; оглушительный)* [6]. Глаголы 惊 *пугать, потрясать* и 动 *двигать, колебать* описывают воздействие на Небо и Землю. Оппозиция проявляется как объект физического (и метафорического) воздействия. Этот фразеологизм применяется к событиям, личностям или поступкам, которые оставляют неизгладимый след в истории. Эмоциональный отклик (восхищение, изумление) масштабируется до космических размеров.

昏天黑地 hūn tiān hēi dì *беспросветный мрак, непроглядная тьма; темно в глазах* [6]. Прилагательные 昏 *темный, сумеречный* и 黑 *черный* создают образ абсолютной темноты, охватывающей все пространство. В переносном смысле этот образ применяется к мрачной, беспросветной жизни или, напротив, к разгулу, беспорядку.

В эмотивно-экспрессивной модели оппозиция «Небо / 天 – Земля / 地» репрезентируется как универсальный масштаб для измерения интенсивности человеческих эмоций и объект эмоционального воздействия. Гиперболизация достигается через то, что Небо и Земля выступают как предельные объекты, на которые может быть направлено эмоциональное воздействие или которые служат мерой эмоции — радость, горе, благодарность достигают космических масштабов. Антропоморфизация проявляется в приписывании Небу и Земле человеческих эмоциональных реакций (радость, гнев, потрясение). Направленность эмоций задает пространственную картину: к Небу обращен призыв, Земля принимает удары. Цветовая символика (昏天黑地) связывается с обоими полюсами оппозиции, создавая образ тотального эмоционального состояния, а сакральная коммуникация связывает эмотивную модель с религиозными представлениями.

5.7. *Антропологическая модель*

Данная модель описывает место человека в мире, его отношения с космическими силами и идеальные качества личности. Человек мыслится как микрокосм, существующий между Небом и Землей. Можно отметить, что китайская антропология исходит из представления о человеке как о посреднике между Небом и Землей, призванном гармонизировать их взаимодействие.

顶天立地 dǐng tiān lì dì *головой подпирать небо, ногами стоять на земле (обр. в знач.: великий и могучий, гигантский, могущественный, гигант, исполин; сильный, крепкий)* [6]. Данный чэнъюй представляет собой классический образ человека, занимающего подобающее ему место в мироздании. Глагол 顶 *подпирать, упираться головой* описывает отношение к Небу, глагол 立 *стоять, утверждаться* — к Земле. Оппозиция проявляется через вертикальное расположение тела: человек соединяет Небо и Землю, являясь посредником между ними. Важно, что он не просто находится между ними, а активно упирается в Небо и твердо стоит на Земле, что имплицирует активную жизненную позицию при сохранении связи с реальностью.

天地不容 tiān dì bù róng *нет прощения ни среди людей, ни со стороны Неба, не простит даже Бог, обр. о человеке, совершившем страшное злодеяние* [6]. Глагол 容 *вмещать, принимать, терпеть* с отрицанием 不 создает образ полного отвержения человека мирозданием. Данный чэнъюй применяется к людям, совершившим столь тяжкие преступления, что даже космические силы отказываются их принимать. Оппозиция выступает как субъект оценки, выносящий окончательный приговор.

天地神明 tiān dì shén míng *Небо, Земля и духи* [8]. Данный чэнъюй представляет собой расширенную триаду, где к Небу и Земле добавляются 神明 shénmíng — *духи, божества*. Используется в клятвах и торжественных обещаниях как призвание высших сил в свидетели. Человек, произносящий эту формулу, ставит себя в позицию подотчетности не только социуму, но и всему космическому порядку. Оппозиция «Небо / 天 – Земля / 地» здесь выступает как фундамент, на котором держится сакральная вертикаль, а добавление 神明 усиливает идею тотального наблюдения и неминуемого воздаяния.

Таким образом, в антропологической модели оппозиция «Небо / 天 – Земля / 地» актуализируется как пространство человеческого существования и источник антропологических характеристик, при этом человек занимает срединное положение, соединяя оба начала. Срединность человека проявляется в том, что он не просто находится между Небом и Землей, но активно соединяет их, упираясь в Небо и твердо стоя на Земле. Субъектность оппозиции наделяет Небо и Землю функцией высшей инстанции, оценивающей человека.

6. Заключение

Оппозиция «Небо / 天 – Земля / 地» является смыслообразующим ядром китайской фразеологической картины мира. Языковая репрезентация этой оппозиции в чэнъюях отличается многомерностью: она описывает не только физическое пространство и время, но и морально-этические категории, социальные отношения, эмоциональные состояния и экзистенциальные характеристики человека.

Детальный анализ семантических характеристик компонентов 天 и 地 показал, что их значения во фразеологии актуализируют как физические (пространственные), так и метафизические (философские, этические) аспекты. Этимологически восходя к образам верхнего и нижнего миров, эти иероглифы вобрали в себя богатейшие культурные коннотации, связанные с натурфилософскими представлениями о взаимодействии Инь и Ян, конфуцианским учением о моральном порядке и даосским пониманием естественности. Многоуровневость семантики этих иероглифов создает основу для многомерной репрезентации оппозиции во фразеологическом пространстве.

Выделенные семь семантических моделей — космогоническая, темпоральная, пространственно-масштабная, аксиологическая, социально-нормативная, эмотивно-экспрессивная и антропологическая — демонстрируют, что бинарность «Небо / 天 – Земля / 地» в китайском языке тяготеет не столько к конфликту, сколько к дополнительности и иерархическому соподчинению, необходимым для поддержания вселенской гармонии. Фразеологизмы с компонентами 天 и 地 выполняют функцию культурных кодов, транслирующих из поколения в поколение базовые ценности китайской цивилизации: идею гармонии, иерархии и морального закона, стоящего выше человеческих установлений.

Детальный анализ проявления семантических моделей в каждом из рассмотренных чэнъюев показывает, что за пространственными образами Неба и Земли стоит сложная система культурных смыслов, организующих ценностную картину мира китайского этноса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Готлиб О. М., Му Хуаин.* Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений / О. М. Готлиб, Му Хуаин. 2-е изд., стереотип. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. 596 с.
2. Лао-цзы. Дао дэ цзин / Пер. с кит. Ян Хиншуна. СПб.: Азбука, 2019. 160 с. // URL: https://abhidharma.ru/A/Dao/Macter/Lao-Czy/0002.pdf
3. *Маслова В. А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
4. *Тань Аошуан.* Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004. 240 с.
5. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
6. 大 БКРС Большой китайско-русский словарь // URL: https://bkrs.info/
7. 中华成语大词典 (Большой словарь китайских идиом). 商务印书馆国际有限公司, 2009. 2293 с.
8. 成语大词典 (Большой словарь чэнъюй) // URL: https://www.esk365.com/chengyu/
9. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典（第7版）. 商务印书馆，2016年. 1800 页 (Словарь современного китайского языка / редакция Института лингвистики при КАОН. Изд-е 7-е. Пекин, 2016. 1800 с.)

Поступила в редакцию 02.12.2025

Арекеева Юлия Евгеньевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: izh4yu@gmail.com

Yu. E. Arekeeva

SEMANTIC MODELS OF REPRESENTATION OF THE OPPOSITION "HEAVEN / 天 – EARTH / 地" IN THE CHINESE PHRASEOLOGICAL SPACE

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-743-753

The article is devoted to a systemic analysis of the linguoculturological opposition "Heaven / 天 – Earth / 地" as one of the fundamental binary structures of the Chinese linguistic worldview. The relevance of the research stems from the need for a systematic description of the ways fundamental cultural meanings are verbalized in Chinese phraseology, as well as the growing interest of linguistics in the problems of interaction between language, thought, and culture. Based on an extensive sample (over 250 phraseological units), the study examines Chinese chengyu (idioms) containing the components 天 tiān *heaven* and 地 dì *earth.* The research employs methods of componential, contextual, and linguoculturological analysis, as well as the method of semantic modeling. The etymology and semantic structure of the characters 天 and 地, along with their philosophical connotations in Taoism and Confucianism, are examined in detail. As a result of the study, a classification of semantic models representing the opposition "Heaven / 天 – Earth / 地" has been developed, including cosmogonic, temporal, spatial-scale, axiological, socio-normative, emotive-expressive, and anthropological models. For each model, specific mechanisms for the realization of the opposition in specific phraseological units are identified. It is concluded that the opposition "Heaven / 天 – Earth / 地" functions as a universal semiotic code that organizes the value system of the Chinese ethnic group's worldview and transmits basic cultural meanings — the idea of harmony, hierarchy, and the moral law that stands above human institutions.

Keywords: Chinese phraseology, chengyu, binary opposition, "Heaven / 天 – Earth / 地", semantic models, linguistic worldview, linguoculturology.

REFERENCES

1. *Gotlib O. M., Mu Huain.* Kitajsko-russkij frazeologicheskij slovar'. Okolo 3500 vyrazhenij / O. M. Gotlib, Mu Huain. 2-e izd., stereotip. [Chinese-Russian Phraseological Dictionary. About 3,500 expressions]. Irkutsk, Irkutsk State University Press, 2019, 596 p. (In Russian).
2. Lao-czy. Dao de czin / Per. s kit. YAn Hinshun [Laozi. Tao Te Ching]. Saint Petersburg, ABC, 2019, 160 p. // URL: https://abhidharma.ru/A/Dao/Macter/Lao-Czy/0002.pdf (In Russian).
3. *Маслова В. А.* Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij [Linguocultural studies: Textbook for students of higher educational institutions]. Moscow, M.: Publishing center "Academy", 2001, 208 p. (In Russian).
4. *Тань Аошуан.* Kitajskaya kartina mira: Yazyk, kul'tura, mental'nost' [Chinese worldview: Language, culture, mentality]. Moscow, Languages of Slavic culture, 2004, 240 p. (In Russian).
5. *Телия В. Н.* Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic, and linguacultural aspects]. Moscow, School "Languages of Russian Culture", 1996, 288 p. (In Russian).
6. 大 BKRS Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' [大 BKRS Comprehensive Chinese-Russian Dictionary] // URL: https://bkrs.info/ (In Russian).
7. 中华成语大词典 [Comprehensive Dictionary of Chinese Idioms]. 商务印书馆国际有限公司, 2009, 2293页. (In Chinese).
8. 成语大词典 [Comprehensive Chengyu Dictionary] // URL: https://www.esk365.com/chengyu/ (In Chinese).
9. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典（第7版）[Dictionary of Modern Chinese / Edited by the Institute of Linguistics at the Chinese Academy of Social Sciences. 7th edition]. 商务印书馆，2016年. 1800 页. (In Chinese).

Received 01.12.2025

Arekeeva Yu.E., Candidate of Philology,
Associate Professor of the Department of Romance Philology, Second Foreign Language and Linguodidactics
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: izh4yu@gmail.com

УДК 81'255.4=111(045)

S. V. Sakhnevich

RECIPIENT-ORIENTED TRANSLATION MODEL: A NEW PARADIGM IN THE THEORY OF INTERLANGUAGE COMMUNICATION

The shift towards a recipient-oriented paradigm in translation, driven by the "marketing company era" and societal fragmentation, has not yet fully realized in practice. While abstract notions of quality have improved, translation services often fail to deliver for specific recipients, remaining stuck in outdated "production" or "sales" mentalities. This study addresses the central contradiction between the nuanced needs of the translation recipient and the lack of a comprehensive theoretical framework to meet them. Its purpose is to construct a recipient-oriented translation model by synthesizing a wide inventory of existing concepts from both within and outside translation studies. The methodological approach involves a systematic analysis and synthesis of these diverse theories. The primary result is the development of a coherent recipient-oriented model that places the recipient's perception of the target text at its core. This model serves as a powerful tool for fostering a deeper, more personalized interaction between the translator and the recipient, thereby expanding the theoretical foundations of interlanguage communication. It demonstrates that "translation quality for a recipient" can be significantly enhanced through the strategic integration of translation and non-translation theories. As traditional grammatical hierarchies are insufficient to model the complex relationship between the translator, the recipient, and the text, the continued exploration of recipient-oriented concepts presents a vital and promising direction for future research and innovation in the field.

Keywords: analogising apperception, intentionality of consciousness, noema, noesis, psycholinguistic theory of translation, recipient-oriented translation, skopos theory, translation recipient.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-754-766

Introduction

Although perhaps later than other industries, the advent of *«the marketing company era»* affected the translation industry as well, which led to replacing the text-centric paradigm by the recipient-oriented paradigm. In future, due to the increasing fragmentation of the society, the importance of recipient-oriented translation will undoubtedly increase as a means of acquiring and organizing knowledge, say, for one segment, as a buffer against conflicts for the second and protection against neocolonialism for the third the list being endless.

Against this background, unanticipatedly enough, we are still witnessing a desire to improve the quality of translation in general (but for whom, as Nida once questioned) rather than improve the quality of translation for a particular translation recipient, which shows that many translation agencies are stuck in *«the era of sales»* or, even worse, in *«the era of production»*, where *«... all which is produced is sold»* [16, p. 34]. In simpler terms, if an illiterate migrant asked for a text to be translated *to him*, and we translated it to him in Pushkin's language, he will not pay for the translation because the translation is meaningless to him. The unwillingness to overcome oneself for the sake of the epiphany of the recipient of the translation, for whom translation is nothing than a *«significant state of affairs»*, has shown that, despite the centuries-old traditions of describing recipient-oriented translation, the general theory of translation from the point of view of recipient orientation is developed quite insufficiently [2, p. 96]. The situation is exacerbated by the fact that the list of translation recipient segments is growing more and more endless, from the segment *«fighters for their rights»* considering translation as an achievement of ethno-national and political goals through the segment *«revolutionaries»* seeing in translation the glorification of the spirit of the revolutionary time to the segment *«*patients in medical institutions*»* being in situations with life-threatening outcomes [12, p. 36; 25, p. 190].

In order for the rapprochement of a translation recipient and a translator to be achieved, existing translation concepts as well as existing non-translation concepts are to be inventoried, analysed, systematised and synthesised.

Inventory of theories

Considering the fact that the translator and the recipient of the translation are also communicators, any model of rapprochement between communicators is at the same time a model of rapprochement between the translator and the recipient of the translation because within the framework of modern linguistics and socio-

cultural theory it has been established that the semantic and pragmatic implementation of linguistic signs demonstrates exceptional variability in different contexts. When one person uses a word, he does not mean the same thing as the other [24, p. 21]. Moreover, no pair of historical epochs, individuals, social classes, or communities uses identical verbal means to denote the same phenomena or convey similar communicative signals, including evaluation and confirmation signals. The semantic field of even seemingly identical lexical units differs significantly depending on the time period, the social status of the participants in communication, and their belonging to certain cultural groups. The pragmatic component of linguistic signs, including connotations, contextual meanings, and communicative intentions, also demonstrates significant variability [26, p. 45].

The only difference between a bilingual translator and a monolingual communicator is the transcoding process. As recipients, they are both equally involved in the decoding process-the difference is more in degree than in nature- but their encoding behavior is very different. When changing the sender, the monolingual user must (a) encode in the language used by the sender, (b) encode messages that differ from those received, and (c) transmit them to the previous sender. The translator's actions differ in all three parameters. For a translator, encoding (a) consists of transcoding into another language, (b) refers to the same message that was received, and (c) is intended for a group of recipients who do not match the original sender [3, p. 15].

As our consciousness is always intentional [5, p. 67], there arise the question of the differentiation between translator's noesis and the translation recipient's noesis and the question the differentiation between their noems. Noesis is an act of consciousness, the very process of experiencing *«how»* consciousness is directed at an object. Noema is the meaning of an act of consciousness, the content of an experience. When a translator sees a translation (noesis), the noema is a translation as an expression of their creativity and professionalism whereas when a translation recipient sees a translation (noesis), the noema is a translation as an expression of their problem-solving. There are many words in the language that cannot be fully defined through a description, because their meaning is what they mean to a native speaker [24, p. 20].

If we want to translate the expression *«hit the nail on the head»*, the translator's noema of the expression *«hit the nail on the head»* is to *«express the essence of the problem accurately».* However, a native speaker, and at that an illiterate translation recipient, may misunderstand the basic idea of the utterance because their noema of the expression *«hit the nail on the head»* as *«injure the head».*

There are a number of concepts and theories that encourage the rapprochement of communicators. Among them, one can single out Edmond Husserl’s theory of analogizing apperception [11, p. 170]. Equally important is the customer-oriented research methodology, an integrated approach to collecting and analyzing information on consumers through secondary and primary data sources. A great deal of store is set by the theory of epistemological intensification, which focuses on a propensity to constantly accumulate knowledge thus contributing to a more targeted response to the needs of translation recipients, which constantly change under the influence of sociocultural fragmentation of society. Finally, the theory of intersubjectivity recognising the Other [15, p. 162] along with social relationships permits forming closer bonds through communication.

Approximately the same which is solved by the theory of intersubjectivity is sorted out by the Skopos theory of Catalina Rice and Hans Vermeer. The Skopos theory suggests perceiving translation as an activity aimed at meeting wants and needs of a recipient the latter informing the translator of the benefits which they are willing to obtain through translation. The translator cannot start working until they receive the instructions from the recipient defining the scope of the translation [22, p. 168–179].

In order for the translation theory to be more comprehensive, the Scopus theory is to be incorporated into the pantheon of recipient-unoriented translation theories, from which the Scopus theory stands apart because it incorporates ideas from various disciplines including marketing. The pantheon of recipient-unoriented translation theories is represented by Roger Bell's psycholinguistic translation model, which comprises the syntactic analysis, grammatical-lexical analysis, semantic analysis, pragmatic analysis, semantic representation (proposition), pragmatic synthesis, semantic synthesis, grammatical-lexical synthesis and syntactic synthesis, pragmatic analysis and pragmatic synthesis being implemented from the domain, mode and tenor.

By whatever means, the psycholinguistic model of Roger Bell [3, p. 57–60] incorporates several fundamental approaches, each of which takes a specific place in this model. Eugene Nayda's equivalence theory is a two-stage model, where the first stage is a semantic analysis aimed at deep understanding of a source text for its correct interpretation and the second is a semantic synthesis, which comprises creating a text in the target language which preserves the original meaning and functional purpose [20].

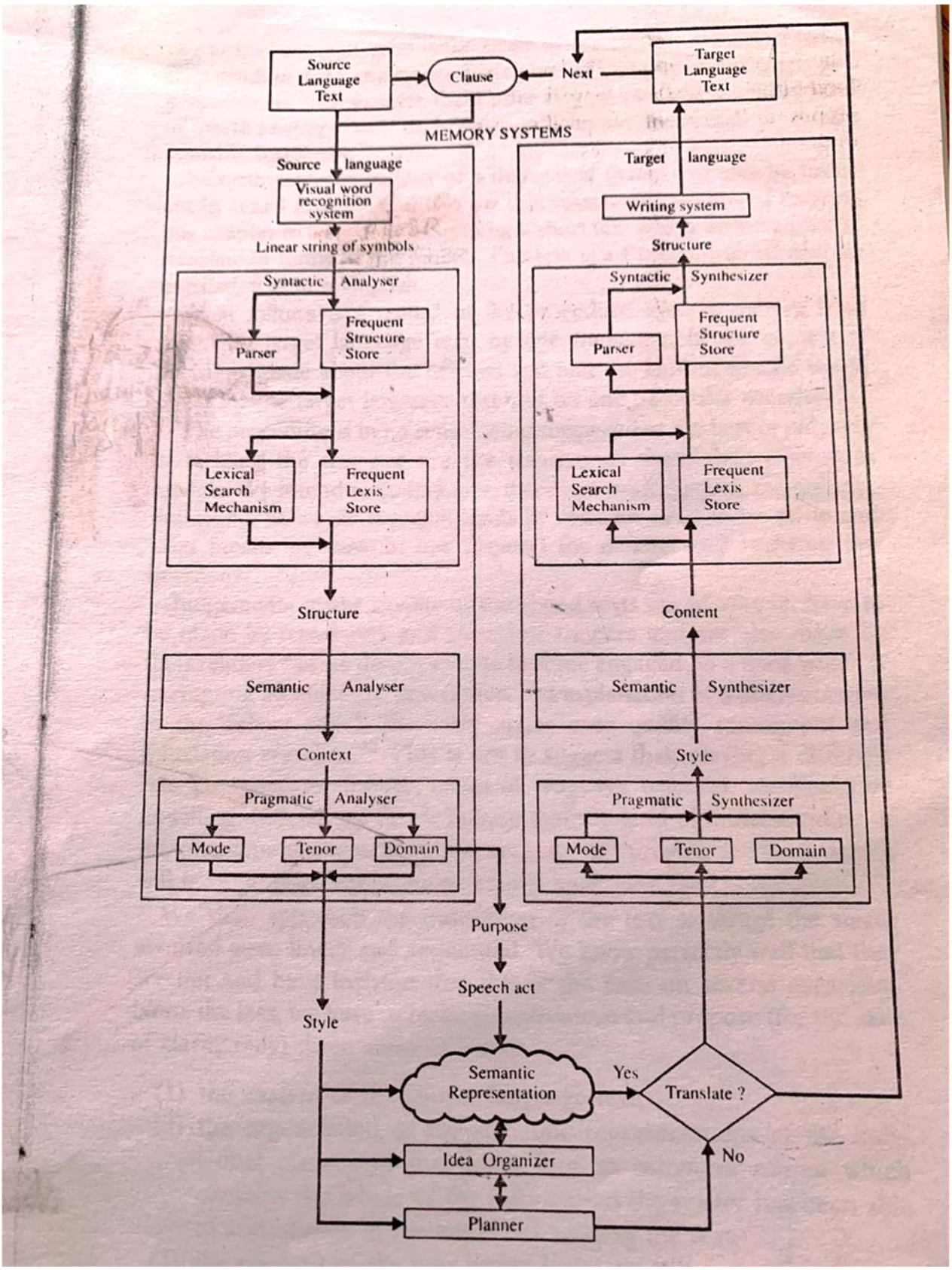


Figure 1. The Psycholinguistic Model of Translation of Roger Bell

Komissarov's theory of equivalence levels is located at the intersection of semantic and pragmatic analysis since it is focused on preserving semantic equivalence, takes into account contextual features and specifics of the field of knowledge and analyses the peculiarities of mood and orientation of the text [14, p. 41].

Retsker's theory of regular correspondences is implemented at three key stages: semantic representation, where correspondences between the semantic structures of the original and the translation are determined; pragmatic analysis and synthesis, taking into account the features of domain, mode and tenor; synthesis at the semantic, grammatical, lexical and syntactic levels [23, p. 76].

Fedorov's communicative theory of translation focuses on the field of pragmatic analysis and synthesis thus ensuring the adequacy of the transmission of communicative intent and the functional meaning of the text [8, p. 29].

Galperin's stylistic theory focuses on the choice of lexical units, the formation of syntactic constructions, the preservation of the stylistic coloring of the original and the adaptation of stylistic means at the synthesis stage [10, p. 90].

Barkhudarov's theory of translation transformations complements the overall picture by describing the transformational operations that are carried out at the synthesis stage. This theory specifies the processes of transformation of the internal semantic structure into the final text of the translation [4, p. 69].

As you see, all of these theories are interrelated and complement each other, forming an integrated approach to the translation process. They permit us to take into consideration various aspects of translation activities from semantic analysis to stylistic adaptation ensuring high quality of the final translation product.

Natural standpoint recipient-oriented translation model

However, all of them are not recipient-oriented so it is necessary, as we were already saying, to expand the psycholinguistic model of translation by R. Bell at the expense of the theory of Skopos. In the recipient-oriented translation model, the Scopus theory takes a central place, integrating the pragmatic, semantic and syntactic aspects of the translation process. The pragmatic analysis includes three key aspects: the domain analysis – taking into account the specifics of the target audience and its expectations in a particular field; the mode analysis – adaptation to the cultural characteristics and expectations of a recipient; the tenor analysis – determining the degree of formality and relevance of language tools for the target audience. Semantic representation forms the semantic framework of the text taking into account the intended knowledge of the recipient, contextual information important for understanding, and cultural characteristics of the target audience. The pragmatic synthesis is aimed at taking into account the limitations of the information transmission channel, adapting the presentation style to the target audience and forming the optimal structure of the text for perception. The semantic synthesis ensures the selection of lexical units understandable to the recipient, consideration of the connotations and associations of the target audience and the adequacy of the transmission of a meaning. The grammatical and lexical syntheses include the selection of grammatical constructions corresponding to the recipient's level of understanding and the adaptation of terminology considering a target audience. The syntactic synthesis completes the process, which builds a syntactic structure which is easy to be understood and takes into account the information architecture of the text from the recipient's perspective. Special attention is paid to recipient-orientation at pragmatic stages, which take into account the socio-cultural characteristics of the target audience, the information transmission channel and its limitations, the specifics of the field of knowledge and the expectations of readers, the formality and relevance of linguistic means. Thus, the skopos theory in the Roger Bell model is an integrated approach which combines the pragmatic, semantic and syntactic aspects of translation, which ensures high quality of the final product. We will call this model, partially using the terminology of Edmond Husserl, the recipient-oriented translation model in a natural setting [11, p. 117]. The natural standpoint of translation, or the *«positivist»* standpoint, as it is also called, is when the recipient of the translation and the translation itself are viewed as external to consciousness [1, p. 67).

Logically, there arises the question how to identify wants and needs of a translation recipient. After all, translation recipients have their own expectations and ideas what an ideal translation should look like. If for a translator *«translation»* can mean *«text transformation from one language into another»*, for a bank employee it can mean *«accuracy»*, and for a brand manager for the production of plastic profiles for windows it can mean *«a small size of a translating text»*, even if the size of a source text is huge. For the segment *«university students who dream of working in multinational companies»*, an accurate translation of mathematical and logical tests used when applying for jobs in multinational companies is needed so for them translation is an opportunity to get this job. The *«family»* segment strives to avoid problems, adverse circumstances for their

family. They show interest in products helping them improve their overall physical fitness or appearance. Some may object: *«Who needs bad translations? After all, no one really needs bad translations!»* According to the principle of unlimited perseverance [9, p. 67], *«…bad translations are needed by such recipients of translation as literary historians and translation historians…»* [18, p. 96].

When we speak about a recipient-oriented translation at the natural standpoint, we can collect internal secondary data and external secondary data. Those available to a translator or a translation agency in the form of ready-made translations, feedback from translation recipients, transaction statistics and intranet data can be classified as internal secondary data. External secondary data can also be information from central databases located at the main office of the translation agency and regularly updated, libraries, government and educational institutions, trade associations, the Internet as well as lectures and ideas from teachers [7, p. 243].

Collecting primary data permits us to transform the problem into specific numerical and textual indicators. The primary data collection procedure facilitates the detailed disclosure of the opinions and behavioral aspects of the translation recipients in certain contexts. The collection of information on translation recipients involves taking into account two methodological approaches – qualitative and quantitative survey. The focus of a high-quality survey is to get deep, rich, grandiose answers, not limited to simple monosyllabic statements. For example, a translator can clarify: *«What specific result are you trying to achieve by contacting a translation agency?»* Respondents are able to name a variety of factors, including maintaining high efficiency of work, accessibility of a target language being translated as well as perfect grammatical translation. It is important to ask targeted questions allowing you to immerse yourself in the inner world of a particular translation recipient. For more accurate coverage of a situation, regulatory methods are used that provide an approximate accuracy of the sample of respondents. This includes confidence intervals, which are ranges between extreme research indicators that can contain reliable information about translation recipients. Simple monosyllabic answers can be easily summarized in the form of percentages, indexes and other statistically sound data stored in [6, p. 219].

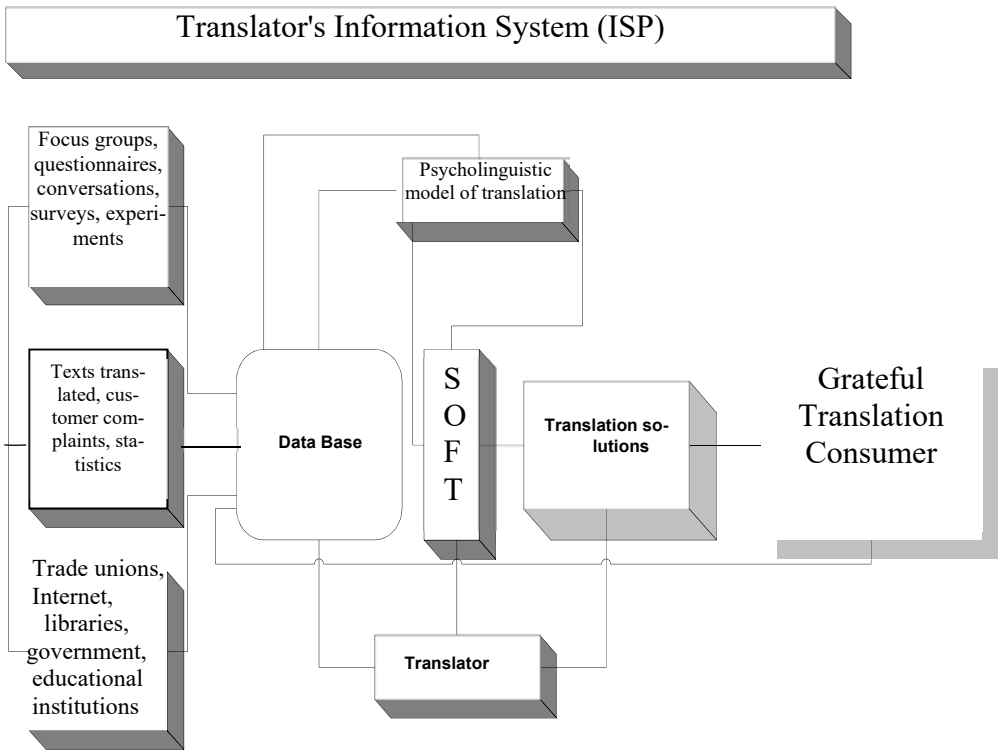


Figure 2. The Translator's Information System (ISP)

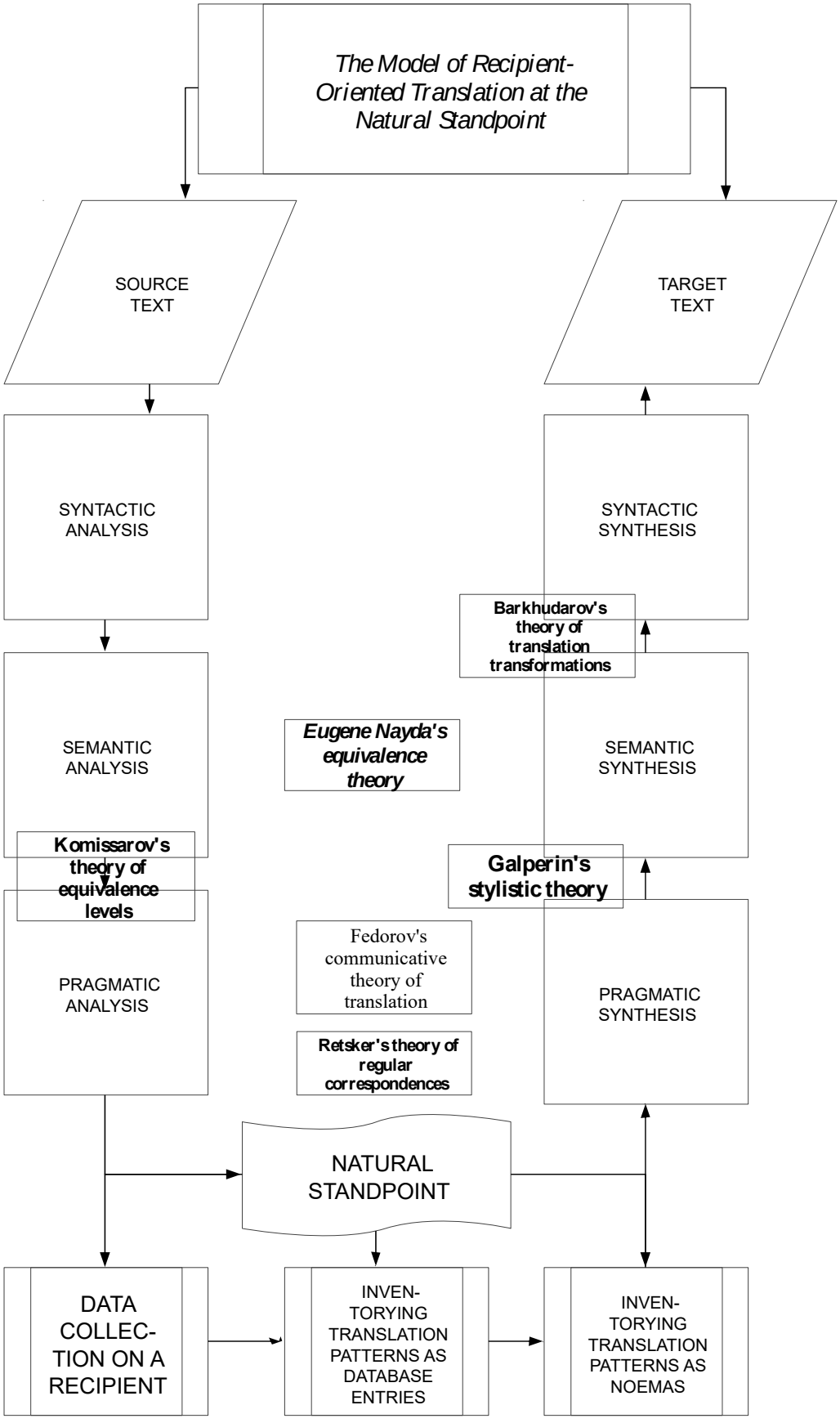


Figure 3. The Model of Recipient-Oriented Translation at the Natural Standpoint

Phenomenological Standpoint Recipient-Oriented Translation Model

It would seem that the problem has been solved: we collect information or use existing information to make a translation suiting the recipient. However, at the natural standpoint, even a recipient-oriented translation continues to cause dissatisfaction among translation recipients. The reason for this is proliferation of patterns in a translator's mind. Patterns proliferation mind is generated by past translation experience, which a translator, by virtue of heuristics, tries to apply to each new translation situation, relying on predefined structures and expressions. This reduces the translator's ability to adapt to the needs and requirements of the translation recipient. In addition, survey responses may be subjective and not always accurately reflect real opinions or behavior of respondents. People can respond the way they think they are expected to or how they would prefer to see themselves rather than how they actually think or act.

The proliferation of translation patterns from past experience and proliferation of translation patterns as a result of deficiencies in collecting information on a translation recipient led to the fact that, at a certain stage of its development, recipient-oriented translation has reached the limit of its possible evolutionary development, which led to a discrepancy between more than enough information on needs of a translation recipient, and, nevertheless, an impressive gap remaining between these needs and a translation product.

Further rapprochement between the translator and a translation recipient can be achieved by changing the standpoint: from natural to phenomenological, or rather, using the analogizing apperception of Edmond Husserl on the basis of the universal for all *«state of the translation consumer».*

In ordinary life, outside the realm of translation, we move, together with L. Wittgenstein, towards another human being, closed to direct comprehension, by means of a kinesthetic state: the kinesthetic movements of one person are similar to the kinesthetic movements of another, on the basis of which a meaning is transferred from one organism to another: *«How do you know that he experiences toothache when he holds his cheek?»* The answer might be: *«I say that he experiences toothache when he holds his cheek because I hold my cheek when I experience toothache»* [28, p. 54].

However, in the case of a translator and a translation recipient, analogizing apperception based on bodily similarity does not work out due to the unique nature of their individual relationship. They consist in the fact that, unlike analogizing apperception with a body, the translator's observation is not exposed to the inner appearance of someone else's physicality in the form of the needs of a translation recipient whereas a translator also experiences the doctrines in inner experience. However, even if we allowed the existence of physicality as a basis, then, in any case, bodily sensations would never produce changes in a soul, and mental sensations would never produce changes in the body. Instead, such an absolute invariant must be something absolutely inherent to both the translator and the recipient of the translation. This state, or the *«first creation»*, is what Condillac called needs and wants as an engine of all our research [6, p. 44, 227], and we will call it *«the state of the translation consumer»*. *«The state of the translation consumer»* of a translation recipient is perceived by a translator not visually, but on the basis of their own possible wants and needs as a translation recipient.

The method of bringing the translator into the *«the state of the translation consumer»* is as follows:

1. Whenever a translator tries to achieve unity with the recipient of a translation, the translator must recall his previous feelings related to his needs for a service, because translation is also a service that must meet the needs and needs of a translation recipient. The *«the state of the translation consumer»* is also difficult to be accepted due to the fact that the translation industry as well as the service industry as a whole are still in *«the era of sales»*, that is, the translator believes that the translation customer must buy his translation and this very fact of the translator's primacy pushes the translation industry to return to *«the era of production»*.

2. The translator compares his condition at the moment when he does not have these services and the condition which he could have with this service. The service can also be provided at the highest level but the consumer may reject it. The translator knows all this from his *«state of the translation consumer»* because anyone is disappointed if any service does not meet their expectations even if it has been granted to the best of the translator’s ability.

3. Based on this knowledge, the translator understands that the recipient of the translation has knowledge that there is some benefit associated with the translation, the use of which, in the opinion of the recipient of the translation, he needs. With a natural translation standpoint, in order to obtain information on the problem concerning a translation recipient, the following actions are performed in the following sequence: an identification of the problem of a translation recipient; analysis of the situation of the recipient of the transfer; collection of data related to the problem of the recipient of the transfer; interpretation of data related to a problem of a translation recipient; solving the problem of a translation recipient.

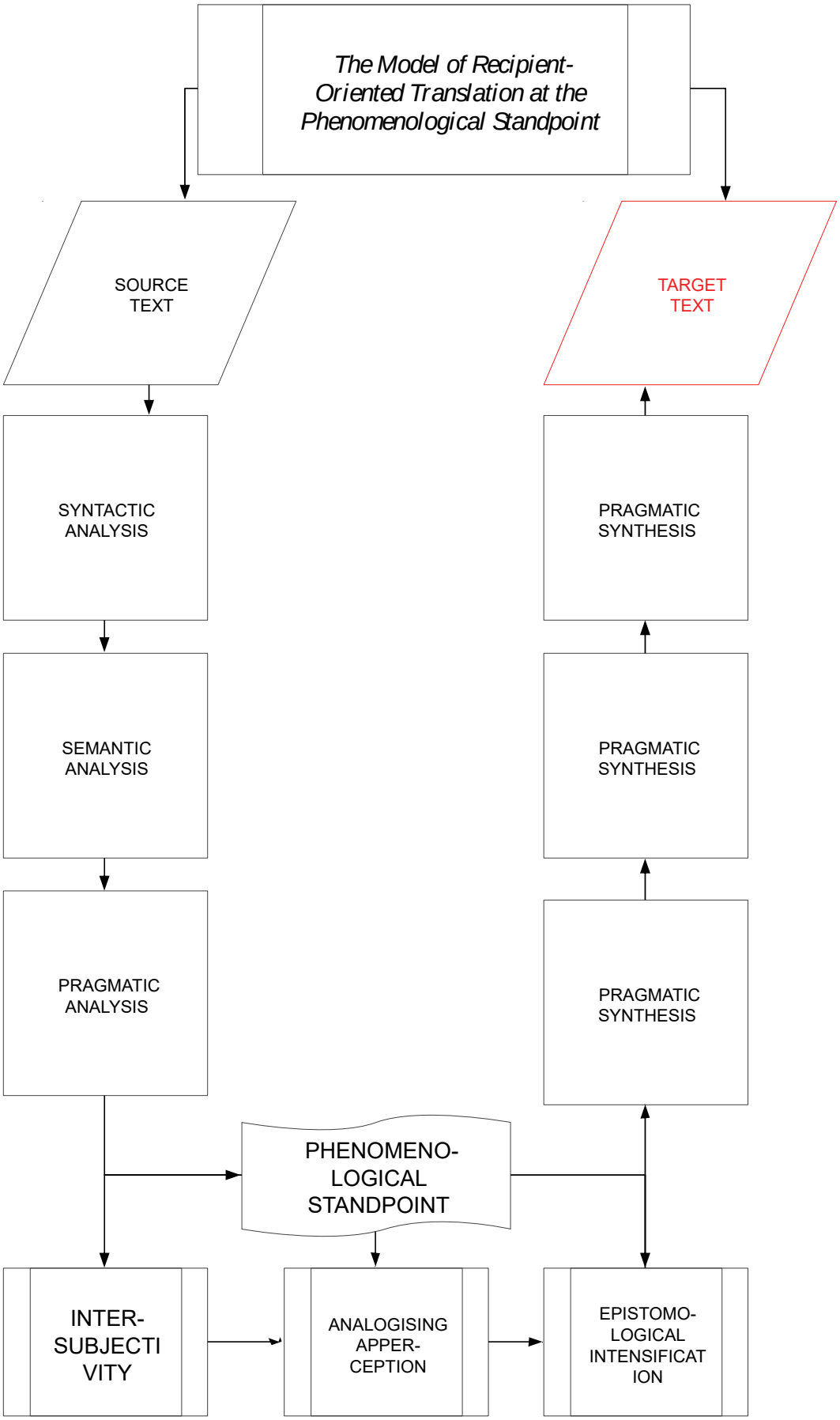


Figure 4. The Model of Recipient-Oriented Translation at the Phenomenological Standpoint

4. In the phenomenological standpoint, we repeat, the translator recognizes the needs of a translation recipient because he compares the suffering or pleasure he is experiencing, which has taken place in the translator's life before. Thus, the pleasure of a successful translation and the suffering of a failed translation always determine the action of consciousness. Consciousness strives for the good, the absence of which causes all the more concern, the more it differs from her condition at the moment. In this case, nothing can distract consciousness from the benefits of translation.

5. The translator reduces his translation attitude to translation, and, according to our absolute invariant of the *«the state of the translation consumer»*, the translator does not know any other state than the aforementioned *«the state of the translation consumer»*. The translator strives to enter into the role of a translation recipient, imagining how a translation will be perceived and understood. He analyses which ideas, concepts, and information should be conveyed and adjusts the translation in such a way as to convey the meaning and purpose of a source text as accurately as possible.

6. Thus, we eliminate from the translation process two different selves, two different consciousnesses, which, without the *«the state of the translation consumer»*, have nothing in common with each other in the way of sensation, and therefore have no communication with each other, knowing absolutely nothing about what is happening in the other. The translator's consciousness in its real sequence is the last to be referred to, the empirical and theoretical components of the translator's knowledge are put out of brackets, the life world of the recipient of the translation is put forward, which is the basis for the translator's preliminary willingness and determination to meet a translation recipient. The translator and a translation recipient share a relationship based on the *«the state of the translation consumer»*. The translator projects the meaning of his *«state of the translation consumer»* onto *«the state of the translation consumer»* of the other and performs an active synthesis. The co-presence between the translator and the recipient leads to intentional unity. The translator and the recipient of the translation can exchange the *«the state of the translation consumer»* of a translation recipient and both can switch roles.

Results

The theoretical base of translation studies has been significantly expanded due to the integration of the recipient-oriented approach and the phenomenological methodology of translation analysis. The theoretical justification of recipient-oriented translation as an independent field with its own research subject is formulated. Within the framework of this approach, key phenomenological categories are identified: noesis – the orientation of consciousness towards the translation process; noema – the meaningful aspect of consciousness presented in the form of a translated text. A postmodern anomaly is identified and analyzed due to the following factors: increasing sociocultural fragmentation; transformation from an ethnocentric to a global society; development of marketing communications; significant sociolectal shifts. The transition from the text-centered paradigm to the recipient-oriented paradigm is justified, characterized by: optimization of dialogical interaction; strengthening the role of the recipient in the translation process; reorientation to the needs of the target audience. A conceptual shift has been made in the understanding of translation: from the traditional description of the *«translation process and the translation product»* to the analysis of translation as a phenomenon significant to its recipient.

The fundamental ontological characteristics of a recipient-oriented translation are investigated: holistic perception of the translated text; atomic perception of the recipient, the directionlessness of the approach; openness to iterative processes. The limitations of the psycholinguistic theory of translation in the context of modern requirements for translation activities are determined. The problems of mismatch of cognitive attitudes between: the translator's noesis and noema; the recipient's noesis and noema are identified and systematized.

A systematic approach to recipient-oriented translation has been developed as an integral theoretical structure combining a set of interrelated concepts and categories.

The results obtained make a significant contribution to the development of modern translation theory and form the basis for further research in the field of recipient-oriented translation activities.

Discussion

The study's findings underscore the necessity of a paradigm shift in translation practices, moving from a text-centric approach to a recipient-oriented one. This shift is not merely a theoretical proposition but a response to the evolving needs of modern communication, where personalized and context-aware translation is paramount.

The research highlights the significant role of recipient background and context in interpreting translated content. In particular, the idiom *«hit the nail on the head»* demonstrates how different groups may interpret the same expression differently based on their cognitive frameworks. This emphasises the importance of understanding the recipient's interpretative lens to ensure effective communication. In particular, in some literary versions of Inuit languages, there are a number of words for different types of snow, which is necessary to convey the exact meaning: 1. Qanik – snow that has just fallen and is still fluffy. 2. Pukak – loose, soft snow that forms during a thaw. 3. Aput – snow cover that fell after a heavy snowfall. 4. Siku – ice cleared of snow, which indicates seasonal changes. 5. Nukappiaq – snow that formed during the transition from spring to summer. However, the average Inuit may not know all these meanings of *«snow»*. In this case, the translator, also reducing his own professional *«presupposition»*, activates analogizing apperception, based on the universal experience of the translation process: awareness of his own possibility of being in a situation of misunderstanding. Therefore, aniu translation would be suitable for him. Despite some averaging, such a translation ensures the transmission of the essential meaning of the utterance thus forming a single noeme in the recipient's noesis – as close as possible to the author's intention.

Several challenges emerge from the study including resistance to change among translators, the lack of comprehensive theoretical frameworks and the complexity of tailor-making translations to diverse cultural and social contexts. These challenges underscore the need for innovative solutions and continuous professional development. Specifically, in medical translation, translators must be familiar with medical terms, procedures, and medications in order to accurately transfer information from one language to another. However, this knowledge and experience can also become an obstacle in communicating with transfer recipients who are not experts in this field [13, p. 740]. Suppose that a medical translator had received a task to translate information about a new drug from a pharmaceutical company. Having experience in the medical field, the translator can easily translate technical terms and descriptions of the drug's action with high accuracy. However, when this translated description reaches an ordinary person who has no medical education, they may encounter difficulties in fully understanding the text due to the use of specialised terminology [17, p. 30;].

The study validates the need for recipient-oriented approaches demonstrating the role of the translator's perspective in shaping meaning. It also highlights the importance of cognitive alignment between the translator and the recipient, providing empirical evidence for the effectiveness of unified noematic understanding. This is illustrated by the example of the translation of the chapter of the Harry Potter book called *«The Deathday Party»*, which is very far from ideal and which was so keenly felt by Rowling's fans [27, p. 7, 10]. In order to convey the essence and depth of Rowling's books, it is necessary to realize that the target audience, the *«modern youth»* segment, is looking not just for a battle between Good and Evil, but for self-determination, the ability to synthesize various mental dimensions, including Evil. Harry Potter is not just a hero with the virtue of a typical pioneer, but a multidimensional and ambiguous personality of the 21st century, like many other characters in Rowling's works. Understanding this fact allows us to explain both the success of Harry Potter around the world and its rejection by some segments of Russian translation recipients. For example, the recipient segment, which is subject to a *«clear polarization of Good and Evil»* and has been raised in accordance with this model since childhood, is unable to comprehend and understand the Harry Potter translation aimed at the *«modern youth»* segment [19, p. 9].

The findings suggest practical applications such as developing recipient profiling methodologies, creating adaptive translation strategies, implementing continuous feedback mechanisms and designing training programs focused on recipient-oriented skills. In particular, in a interview with us, translator-lawyer R.T. Ochildiev emphasises that a translator not only formally translates an indictment but actively works to ensure that the accused (a translation recipient) really understands its contents. This involves explaining obscure terms and constructions *«in the translation, in the perspective in which he needs to explain and bring it to him»*, which is a direct adaptation to the cognitive abilities and linguistic competence of a particular recipient. The translator does not limit themselves to a passive role of a linguistic mediator but becomes an active participant in a judicial process. The translator has the right to *«correct the judge or investigator, or the participants in the process»* when believing that something has been said inaccurately, with the wrong intonation or may be misunderstood by a recipient, which is an important element of a recipient-oriented approach [21].

The study acknowledges limitations in the scope of recipient segments analyzed and the depth of cognitive processing examined. Whereas most translation recipients are satisfied with a translation as a result of analogising apperception, since it is often the general idea or meaning which is omnipotent to them rather than all the subtleties and nuances of the source text, Husserl's analogizing apperception has the following limitations: a possibility

of a loss of details and nuances in the a process of generalization, limited accuracy in conveying individual characteristics and context as well as difficulty in conveying complex and multi-layered meanings. Future research on Husserl's analogical apperception and its applications in translation should focus on developing hybrid structures that integrate it with other theories, including protocols for verifying accuracy and strategies for cultural adaptation to address the problem of averageness. Interdisciplinary approaches involving psychologists, sociologists, and linguists will be needed as well as the creation of digital platforms using machine learning to analyze patterns in real time. Key areas include the study of the influence of individual cognitive styles, contextual factors on perception as well as the development of teaching methods and evaluation criteria for translators.

Conclusion

This investigation has yielded some insights into the paradigm shift from text-centric to recipient-oriented approaches in translation studies, revealing the crucial role of analogical apperception and phenomenological methodologies in bridging the gap between translators and translation recipients.

The study's principal findings demonstrate that the integration of recipient-oriented approaches at the natural standpoint with recipient-oriented approaches at the phenomenological standpoint significantly enhances translation quality and effectiveness – for a translation recipient. The application of Husserlian analogical apperception and the concept of *«the state of the consumer»* emerged as particularly effective suggesting that a deeper understanding of a translation recipient needs leads to more accurate and impactful translations.

The contribution of this research is threefold. First, it has expanded the theoretical foundations of translation studies by integrating recipient-oriented approaches with existing translation theories. Second, it has validated the importance of cognitive alignment between translators and recipients demonstrating how shared understanding shapes translation outcomes. Third, it has introduced practical methodologies for implementing recipient-oriented strategies in various translation contexts, from medical to literary translation.

Future investigations should prioritize:

– Developing hybrid theoretical models that combine analogical apperception with other translation theories to address the limitations of generalization and nuanced meaning transfer.

– Conducting empirical studies on the effectiveness of different recipient-oriented strategies across diverse cultural and linguistic contexts.

– Exploring the potential of digital technologies and machine learning in supporting real-time adaptation to recipient needs while preserving the complexity and depth of meaning in translation**.**

REFERENCES

1. *Alekseeva I.S.* Professional'noe obuchenie perevodu [Professional Translation Training]. Saint Petersburg: Perspektiva, 2008. 288 p. (In Russian).
2. *Amini M., González N. I., Ayob L.* Quality of Interpreting from Users' Perspectives. *International Journal of English and Education*, 2013, 2(1): 89– 98.
3. *Bell R. Translation and Translating: Theory and Practice*. New York: Longman, 1991. 298 p.
4. *Barkhudarov L.S.* Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda) [Language and Translation (Issues of General and Special Translation Theory)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. 240 p. (In Russian).
5. *Brentano F. Selected Works*. Moscow: Dom Intellektual'noi Knigi, Russian Phenomenological Society, 1996. 176 p.
6. *Condillac E. B. An Essay on the Origin of Human Knowledge*. Moscow: Mysl', 1980. 334 p.
7. *Dean M., Street R. Jr.* Patient-Centered Communication. In *Textbook of Palliative Care Communication*. Oxford: Oxford University Press, 2015: 238–245.
8. *Fedorov A.V.* Yazyk i stil' khudozhestvennogo proizvedeniya [Language and Style of Literary Works]. Moscow-Leningrad: Goslitizdat, 1963. 130 p. (In Russian).
9. *Feyerabend P. Against Method*. Moscow: AST-Moskva, 2007. 413 p.
10. *Galperin I.R.* Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow: KomKniga, 2007. 148 p. (In Russian).
11. *Husserl E. Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy*. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2009. 496 p.
12. *Jensen M., Zethsen K.* Translation of Patient Information Leaflets – Trained Translators and Pharmacists-Cum-Translators: A Comparison. *Linguistica Antverpiensia*, 2012, 11: 31–49.
13. *Karliner L. S., Jacobs E.A., Chen A. H., Mutha S.* Do Professional Interpreters Improve Clinical Care for Patients with Limited English Proficiency? A Systematic Review of the Literature. *Health Services Research*, 2007, 42(2): 727–754.

14. *Komissarov V.N.* Sovremennoe perevodovedenie [Modern Translation Studies]. Moscow: ETS, 2002. 424 p. (In Russian).
15. *Levinas E. Time and the Other. Humanism of the Other Person*. St. Petersburg: Higher Religious and Philosophical School, 1998. 264 p.
16. *McCarthy E. J., Perreault W.D. Jr. Basic Marketing*. Boston, Homewood: Irwin, 2002. 868 p.
17. *Montalt V., Zethsen K., Karwacka W.* Medical Translation in the 21st Century – Challenges and Trends. *Current Challenges and Emerging Trends in Medical Translation*, 2018: 27–42.
18. *Morozov M.M.* Izbrannye stat'i i perevody [Selected Articles and Translations]. Leningrad: State Publishing House of Fiction, 1954. 596 p. (In Russian).
19. *Myeots O.* We Don't Have Such Stupid Children as Our Adult Publishers and Parents Think. In *Book Review: Collection of Articles*. Moscow, 2003: 9–14.
20. *Nida's Translation Equivalence Online Resource*. Retrieved from https://eltranstheorymastering.fandom.com/ru/wiki/Переводческая_эквивалентность_в_трудах_Ю._Найды (Accessed: 20.12.2020), 2020.
21. *Ochil'diev R. T.* Interview on the Experience of Translating Sentences in the Courtroom [Audio Recording]. Conducted by Sakhnevich, S. V. Domodedovo, October 14, 2024.
22. *Reiss K.* Type, Kind and Individuality of Text: Decision Making in Translation Text. In *The Translation Studies Reader*. New York & London, 2004: 168–179.
23. *Rezker Ya.I.* Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoj teorii perevoda [Translation Theory and Translation Practice. Essays on Linguistic Theory of Translation]. Moscow: R. Valent, 2007. 244 p. (In Russian).
24. *Russell B. Philosophy of Logical Atomism*. Tomsk: Vodolei Publishing House, 1999. 192 p.
25. *Shaw J., Dunn S., Heinrich P.* Managing the Delivery of Bad News: an In-Depth Analysis of Doctors' Delivery Style. *Patient Education and Counselling*, 2012, 87(2): 186–192.
26. *Steiner G. After Babel: Aspects of Language and Translation*. London, Oxford, New York: Oxford University Press, 1975. 507 p.
27. *Techenko N.* The First «Black Ball» for the Translator of «Harry Potter». *Book Review*, 2002, No. 5: 7–10.
28. *Wittegenshtein L.* Golubaya i korichnevaya knigi [The Blue and Brown Books]. Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe izdatel'stvo, 2008. 256 p. (In Russian).

Received 28.08.2025

Sakhnevich S.V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics
Institute of Business Career
Nizhegorodskaya st., 32/4, Moscow, Russia, 109029
E-mail: crash68@yandex.ru

С. В. Сахневич

РЕЦИПИЕНТ-ОРИЕНТИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕВОДА: НОВАЯ ПАРАДИГМА В ТЕОРИИ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-754-766

Переход к реципиент-ориентированной парадигме в переводе, обусловленный наступлением «эры маркетинговой компании» и фрагментацией общества, до сих пор не нашел полного практического воплощения. Несмотря на улучшение абстрактных представлений о качестве, переводческие услуги часто не удовлетворяют потребностей конкретных реципиентов, оставаясь в плену устаревших ментальных моделей «производства» или «продаж». Данное исследование направлено на разрешение ключевого противоречия между сложными, многоуровневыми потребностями реципиента перевода и отсутствием всеобъемлющей теоретической базы для их удовлетворения. Его цель — построить реципиент-ориентированную модель перевода путем синтеза широкого спектра существующих концепций как из самой теории перевода, так и из смежных областей знания. Методологический подход включает системный анализ и синтез этих разнородных теорий. Основным результатом является разработка целостной реципиент-ориентированной модели, в центре которой находится восприятие текста реципиентом. Эта модель служит эффективным инструментом для fostering более глубокого и персонализированного взаимодействия между переводчиком и реципиентом, расширяя тем самым теоретические основы межъязыковой коммуникации. Она демонстрирует, что «качество перевода для реципиента» может быть значительно повышено за счет стратегической интеграции переводческих и непереводческих теорий. Поскольку традиционные грамматические иерархии недостаточны для моделирования сложных отношений между переводчиком, реципиентом и

текстом, дальнейшее исследование реципиент-ориентированных концепций представляет собой важное и перспективное направление для будущих изысканий и инноваций в данной области/

Ключевые слова: аналогизирующая апперцепция, интенциональность сознания, ноэзис, ноэма, психолингвистическая теория перевода, реципиент-ориентированный перевод, реципиент перевода, скопос-теория.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева И. С.* Профессиональное обучение переводу. СПб.: Перспектива, 2008. 288 с.
2. *Бархударов Л. С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
3. *Брентано Ф.* Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, Российское феноменологическое общество, 1996. 176 с.
4. *Кондильяк Э. Б.* Опыт о происхождении человеческих знаний. М.: Мысль, 1980. 334 с.
5. *Фёдоров А. В.* Язык и стиль художественного произведения. М–Л.: Гослитиздат, 1963. 130 с.
6. *Фейерабенд П.* Против метода. М.: АСТ-Москва, 2007. 413 с.
7. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 148 с.
8. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Академический проект, 2009. 496 с.
9. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
10. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. 264 с.
11. Морозов М. М. Избранные статьи и переводы. Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1954. 596 с.
12. Мёотс О. У нас нет таких глупых детей, как думают наши взрослые издатели и родители // Книжное обозрение: Сборник статей. М., 2003. С. 9–14.
13. Очильдиев Р. Т. Интервью об опыте перевода предложений в зале суда [Аудиозапись] / Провела Сахневич С. В. Домодедово, 14 октября 2024.
14. Рескер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент, 2007. 244 с.
15. Ресурс по эквивалентности перевода Ю. Найды. URL: https://eltranstheorymastering.fandom.com/ru/wiki/Переводческая_эквивалентность_в_трудах_Ю._Найды (дата обращения: 20.12.2020).
16. Теченко Н. Первый «чёрный шар» переводчику «Гарри Поттера» // Книжное обозрение. 2002. № 5. С. 7–10.
17. Витгенштейн Л. Голубая и коричневая книги. Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2008. 256 с.
18. Amini M., González N. I., Ayob L. Quality of Interpreting from Users' Perspectives // International Journal of English and Education. 2013. Vol. 2, № 1. P. 89–98.
19. Bell R. Translation and Translating: Theory and Practice. New York: Longman, 1991. 298 p.
20. Dean M., Street R. Jr. Patient-Centered Communication // Textbook of Palliative Care Communication. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 238–245.
21. Jensen M., Zethsen K. Translation of Patient Information Leaflets. Trained Translators and Pharmacists-Cum-Translators: A Comparison // Linguistica Antverpiensia. 2012. № 11. P. 31–49.
22. Karliner L. S., Jacobs E.A., Chen A. H., Mutha S. Do Professional Interpreters Improve Clinical Care for Patients with Limited English Proficiency? A Systematic Review of the Literature // Health Services Research. 2007. Vol. 42, № 2. P. 727–754.
23. McCarthy E. J., Perreault W.D. Jr. Basic Marketing. Boston, Homewood: Irwin, 2002. 868 p.
24. Montalt V., Zethsen K., Karwacka W. Medical Translation in the 21st Century. Challenges and Trends // Current Challenges and Emerging Trends in Medical Translation. 2018. P. 27–42.
25. Reiss K. Type, Kind and Individuality of Text: Decision Making in Translation Text // The Translation Studies Reader. New York & London, 2004. P. 168–179.
26. Russell B. Philosophy of Logical Atomism. Tomsk: Vodolei Publishing House, 1999. 192 p.
27. Shaw J., Dunn S., Heinrich P. Managing the Delivery of Bad News: an In-Depth Analysis of Doctors' Delivery Style // Patient Education and Counselling. 2012. Vol. 87, № 2. P. 186–192.
28. Steiner G. After Babel: Aspects of Language and Translation. London, Oxford, New York: Oxford University Press, 1975. 507 p.

Поступила в редакцию 28.08.2025

Са́хневич Сергей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики
Институт деловой карьеры
109029, Россия, г. Москва, ул. Нижегородская, 32/4
E-mail: crash68@yandex.ru

УДК [81.111+81.161.1+811.133.1]’255.4:747(045)

С. А. Иванова, А. Д. Батуева, В. Д. Тюлюбаева

ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ИНТЕРЬЕРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И ЕЕ ПЕРЕДАЧА ПРИ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Цель представленного в статье исследования: выявить специфику переводческих решений при передаче авторских описаний интерьеров с проявлением характерологической функции из франкоязычного/англоязычного художественного текста на английский/французский и русский языки. В соответствии с задачами, поставленными для достижения цели, дано определение понятию «характерологическая функция интерьера»; проанализировано применение изобразительно-выразительных средств, репрезентирующих характерологическую функцию интерьера в оригинальных художественных текстах (романы: Марк Данилевский «Дом листьев», Ханья Янагихара «Маленькая жизнь», Элен Годи «Archipels»); проведено сравнение переводческих решений, использованных для передачи характерологической функции интерьера при переводе избранных для анализа литературных произведений; сделаны выводы о том, какие приемы и стратегии перевода позволяют наиболее адекватно и эквивалентно воспроизвести отраженную в оригиналах пространственную организацию жилья главного героя с позиции характерологической функции интерьера. Новизна исследования заключается в том, что характерологическая функция интерьера в художественном тексте впервые рассматривается с переводоведческой точки зрения. Работа позволяет уточнить нормы перевода стилистических параметров анализируемого жанра в части описаний интерьера в языковой триаде английский–французский–русский. Полученные результаты могут быть полезны при переводе художественной литературы (в языковых парах: французский – русский; английский – русский; французский – английский) и в преподавании таких вузовских дисциплин, как стилистика, литература стран изучаемых языков и практический курс перевода.

Ключевые слова: интерьер в художественном тексте, характерологическая функция интерьера, изобразительно-выразительные средства, лингвостилистический анализ, приемы и стратегии перевода.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-767-779

Образ персонажа художественного произведения — многокомпонентная структура, опорным каркасом восприятия которой для читателя может выступать описание пространственной организации жилища героя, помогающее определить его социальное положение, эмоциональное состояние, понять уклад его жизни, прочувствовать его внутренний мир, а также отследить происходящие с ним в ходе повествования изменения. Исследования оригинальных художественных произведений и их переводов с точки зрения понятий «интерьер», «поэтика интерьера», «литературный интерьер» и «характерологическая функция интерьера» (Д. В. Адлерберг [1], Д. В. Бирюкова [5], Л. Го [6], А. В. Косырькова [8], Н. М. Кузина [9], О. Ю. Литвинова, Е. А. Неживая [10], О. А. Малетина [12], А. О. Середина [13], И. С. Судосева [14; 15]) подтверждают сложность и значимость обозначенной тематики, в том числе для теории и практики перевода. Проблемный характер этого вопроса вызван необходимостью сохранить в языке перевода все те элементы, задуманные автором, которые позволяют раскрыть сущность персонажа, в числе прочего, с помощью описания интерьера. Тем не менее научным сообществом на сегодняшний день, согласно мнению И. С. Судосевой, такому виду описания уделяется незаслуженно мало внимания [14, с. 89], хотя интерьер, «будучи своеобразным “зеркалом души”, может использоваться как способ создания образа героя, помогая выявить психологические нюансы его личности, которые ускользают от взгляда исследователя, пренебрегающего этими возможностями» [15, с. 19]. В связи с вышеизложенным настоящее исследование представляется **актуальным**.

В широком смысле «**интерьер** (фр. — “внутренний вид”) — архитектурно и художественно оформленное внутреннее пространство здания, обеспечивающее человеку эстетическое восприятие и благоприятные условия жизнедеятельности» [16, с. 6]. «**Интерьер** (фр. intérieur — внутренний) **в литературе** — описание внутреннего убранства помещений, характеризующее эпоху, страну, социальный статус владельца, его вкусы. <…> Иногда детали интерьера приобретают особо важную роль, вплоть до символической» [11, с. 309]. И. С. Судосева считает, что «интерьер можно определить как фокализацию домашнего жизненного пространства героев литературного произведения. Фокализация (термин, введенный Жераром Женеттом) является одним из уровней объектной организации текста,

состоящей в упорядочивании вербальных кадров внутреннего зрения. Каждое предложение повествовательного текста мыслится как “кадр”, в котором важна его предметная наполненность; в нашем случае, например, мебель, утварь, цветовая гамма, освещенность жилого пространства, а также восприятие героями этих деталей» [14, с. 91]. Исследователь подчеркивает, что интерьером можно считать не только описание обстановки (когда на передний план выходит наполнение пространства вещами), но и описание архитектурного устройства пространств (когда внимание читателя сосредотачивается на общем устройстве внутреннего пространства жилого помещения) [14, с. 91].

Литературный интерьер имеет три основные **функции** [14, с. 91]. **Декоративная** функция включает в себя украшение рассказа, установку декораций для развития действия, а также создание «эффекта реальности» (термин Ролана Барта). Данная функция близка к античному понятию decorum: если речь идет об обеспеченном персонаже, эту обеспеченность нужно подчеркнуть [14, с. 92–93]. **Хронотопическая** функция связана с организацией жилого пространства, которая начинает символизировать глубинные отношения человека с миром, что возвышает значимость интерьера до уровня хронотопа [20, с. 96]. Под хронотопом М. М. Бахтин понимает взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе [4, с. 121]. **Характерологической** И. С. Судосева называет функцию «психологического портрета» обитателя некоторого искусственно созданного пространства, которое отображает систему ценностей и внутренний мир своего владельца [14, с. 93]. Исследователь утверждает, что «Исходя из представлений о том, что реальные интерьеры всегда носят на себе “отпечаток” личности своего жильца, литературный интерьер также может являться незаменимым инструментом при создании литературного характера» [15, с. 19].

Для отграничения характерологической функции от других вышеупомянутых функций интерьера представляется важным выделить дополнительные критерии, а именно: изменения интерьера в ходе повествования отражают смену психологического состояния героя [3]; для проявления и акцентуации связи интерьера с внутренним миром персонажа писатель прибегает к использованию изобразительно-выразительных средств языка [3; 6; 8].

В настоящей работе исследуется специфика передачи характерологической функции интерьера в переводах романов, где пространственная организация жилья играет ключевую роль в раскрытии внутреннего мира персонажей и создании атмосферы произведения. Рассматриваются **три романа**, каждый из которых по-своему демонстрирует эту функцию. Сюжет романа «Дом листьев» американского писателя Марка Данилевского [18] строится вокруг загадочного дома, который словно оживает, меняя свою структуру и порождая лабиринты. Описания дома и происходящих в нем паранормальных явлений отражают внутренние страхи и воображение персонажей, отсылают к бессознательному героев, а сложная структура произведения, характерная для эргодической литературы, требует от читателя активного участия в расшифровке смысла повествования. В романе американской писательницы Ханьи Янагихары «Маленькая жизнь» [21] эмоциональное состояние и личностное развитие главного героя — Джуда — неразрывно связаны с местом его проживания. Описания жилья и архитектурных пространств, окружающих персонажа, являются метафорой его тела и разума [1, с. 235–236], отражая эволюцию и регрессию его внутреннего мира. В романе «Archipels» французской писательницы Элен Годи [20] через образ исчезающего острова Жан-Шарль проводится параллель с угасающим отцом писательницы. Автор собирает образ отца, художника и коллекционера, через разрозненные воспоминания, дневники, переписку и предметы, наполняющие его мастерскую и квартиру. Интерьер становится ключом к пониманию его внутреннего мира и истории семьи.

Непосредственным **материалом исследования** послужили оригинальные отрывки из обозначенных художественных произведений, содержащие описания интерьера с проявлением характерологической функции и выделенные методом сплошной выборки из текстов романов: «Дом листьев» (27 отрывков), «Маленькая жизнь» (15 отрывков), «Archipels» (26 отрывков). При этом отметим, что в каждом случае во внимание принимался контекст всего произведения, поскольку фрагментарное исследование, то есть изучение только выбранных отрывков, привело бы к неполному пониманию образов персонажей и, как следствие, исказило бы интерпретацию характерологической функции в описаниях интерьера или вообще не дало бы ее осознать.

Маркерами характерологической функции интерьера в вышеуказанных художественных произведениях выступают изобразительно-выразительные средства языка (табл. 1), выявленные в результате лингвостилистического анализа отобранных отрывков.

Таблица 1

Изобразительно-выразительные средства языка при передаче характерологической функции интерьера в романах: «Archipels» Элен Годи, «Маленькая жизнь» Ханья Янагихара, «Дом листьев» Марк Данилевский

Изобразительно-выразительные средства языка	«Дом листьев» Марк Данилевский [18]	«Маленькая жизнь» Ханья Янагихара [21]	«Archipels» Элен Годи [20]
Анафора	0 %	0%	(3 шт.) 2,9 %
Антитеза	(2 шт.) 2,9%	0%	(12 шт.) 11,8%
Гипербола	0%	0%	(9 шт.) 8,9%
Ирония	0%	0%	(4 шт.) 3,9%
Литота	0%	0%	(1 шт.) 0,9%
Метафора	(16 шт.) 23,5 %	(7 шт.) 15,5%	(44 шт.) 43,3%
Олицетворение	(10 шт.) 14,7%	(5 шт.) 11,1%	(12 шт.) 11,8%
Ономатопея	0%	0%	(1 шт.) 0,9%
Перечисление	0%	0%	(12 шт.) 11,8%
Сравнение	(9 шт.) 13,2%	(10 шт.) 22,2%	(3 шт.) 2,9%
Эвфемизм	0%	0%	(1 шт.) 0,9%
Эпитет	(31 шт.) 45,7%	(23 шт.) 51,2%	0%

Согласно полученным данным (табл. 1), изобразительно-выразительные средства языка для характеристики интерьеров в зависимости от предпочтений автора с разной степенью экспрессивности подчеркивают те или иные особенности и проявления личностей его героев, усиливая эмоциональное воздействие произведения на читателя. Этот аспект авторского замысла является обязательным для воссоздания в переводе образов персонажей и воспроизведения сопровождающей эти образы эмоциональной составляющей. Вслед за И. С. Алексеевой считаем использованные писателями изобразительно-выразительные средства доминантами перевода [2, с. 314], как и маркируемую ими характерологическую функцию интерьера.

Характерологическая функция интерьера, отраженная в оригинале, таким образом, безусловно, влияет на выбор переводческих решений. Проиллюстрируем примерами.

Таблица 2

Пример сравнения в описании интерьера в романе Марка Данилевского «Дом листьев» на английском языке и варианты его перевода на русский и французский языки

Оригинал [18, p. XIV]	Перевод на **русский язык** [7, с. XXII]	Перевод на **французский язык** [19, p. XIV]
The way Lude's keys rattled like bone—chimes as he opened the main gate; the hinges suddenly shrieking as if we weren't entering a crowded building but some **ancient moss-eaten crypt**.	И то, как звенели ключи в руке Люда, отпиравшего ворота, и тень от подъезда, нависавшая так, словно мы входили не в человеческое жилище, а в **замшелый склеп**.	La façon dont les clés de Lude cliquetaient comme des colliers d'osselets quand il a ouvert la grille principale; les gonds qui ont grincé soudain comme s'il n'entrait pas dans un immeuble habité, mais dans **une vieille crypte rongée par la mousse**.

Сравнение *ancient moss-eaten crypt* (табл. 2) отсылает к хозяину жилища — старику Дзампано, который к моменту, описываемому в данном отрывке, уже погиб, предположительно в приступе психотического эпизода. Запущенное состояние его жилища демонстрирует прогрессирующее психическое расстройство и страх перед монстром, который был лишь проекцией больного сознания персонажа. Так, Дзампано стал жертвой собственного, иррационального страха, а его собственный дом — его могилой, склепом.

Сравнение сохранено в обоих переводах с помощью вариантных соответствий. Во французском языке авторская идея воспроизведена, в частности, за счет слова *rongée,* что значит «с помощью зубов (резцов) разрезать на мелкие кусочки». Однако в русском языке вместо *moss-eaten* (изъеденный мхом) наблюдаем опущение в выборе определения *замшелый*, из-за чего, по нашему мнению, происходит потеря исходной смысловой нагрузки — отсылки к образу воображаемого Дзампано монстра, и, как следствие такого переводческого решения, утрачивается характерологическая функция интерьера в описании.

Таблица 3

Пример эпитетов в описании интерьера в романе Марка Данилевского «Дом листьев» на английском языке и варианты его перевода на русский и французский языки

Оригинал [18, p. 24]	Перевод на **русский язык** [7, с. 24]	Перевод на **французский язык** [19, p. 24]
What took place amounts to a strange spatial violation which has already been described in a number of ways, namely **surprising**, **unsettling**, **disturbing** but most of all **uncanny.**	Произошло своего рода насилие над внутренним пространством этого места; его именовали по-разному – **странным, беспокоящим, тревожным,** но чаще всего **сверхъестественным, жутким.**	Ce qui s'est passé équivaut à une étrange violation spatiale qui a déjà été qualifiée de plus d'une façon – à savoir: **surprenante, dérangeante, troublante** mais surtout **inquiétante.**

Ряд **эпитетов** (табл. 3) характеризует дом семьи Уилла Нэвидсона, в том числе прилагательное *uncanny*. Согласно ссылке Дзампано на реально существующую книгу («Sein and Zeit» (Бытие и время) философа Мартина Хайдеггера), понятие uncanniness рассмотрено ее автором как not-being-at home (не быть дома). Добавляя цитату из этой работы в свою рукопись, Дзампано передает переживания Нэвидсонов и делает намек на то, что их дом – это, прежде всего, концепция, транслирующая их страхи.

В обоих переводах цепочка эпитетов *surprising, unsettling, disturbing* передана с соответствующей эмоциональной и смысловой окраской при помощи вариантных соответствий.

В русском переводе прилагательное *uncanny* воспроизведено через описательный перевод — *сверхъестественный, жуткий,* — что отражает его первоначальный смысл и, соответственно, поддерживает в переводе заложенную писателем характерологическую функцию интерьера.

Однако во французском переводе эпитет *uncanny* передан прилагательным *inquiétant* (т. е. вызывающий беспокойство), что, на наш взгляд, лишь частично отражает смысловую нагрузку оригинала, снижая градус напряженности авторского представления дома. Возможно, для более полной передачи смысла стоило выбрать описательный перевод, посредством прилагательных *effrayant, mystique*.

Таблица 4

Пример олицетворения в описании интерьера в романе Марка Данилевского «Дом листьев» на английском языке и варианты его перевода на русский и французский языки

Оригинал [18, p. 342]	Перевод на **русский язык** [7, с. 363]	Перевод на **французский язык** [19, p. 347]
Navy said it felt like he was running **into the jaws of some big beast about to chomp down** and as you saw later on, that's that's exactly what that ugly fucker finally did.	Нэви рассказывал, что ему показалось, он бежит прямо **в пасть здоровенному зверю, готовому сжевать его вмиг…** И, если вы помните, что случилось дальше, этот урод так и сделал.	Navy a dit qu'il avait eu l'impression de se précipiter **entre les mâchoires d'une bête sur le point de tout dévorer**... et comme vous l'avez vu ensuite, c'est.. c'est exactement ce que cette saloperie a fait.

Олицетворение дома как ожившего монстра (табл. 4) можно расценивать либо как ожившие страхи семьи Нэвидсонов, либо как результат его «подпитки» от негативных эмоций и самоубийства Холлоуэя — одного из исследователей, отправившихся в подвал дома по просьбе Уилла Нэвидсона. Чем больше страха у обитателей дома, тем сильнее сам дом меняется.

В русском варианте перевода олицетворение сохранено при помощи вариантных соответствий: *в пасть здоровенному зверю, готовому сжевать его вмиг.* При этом эпитет *здоровенный* более эмоционально окрашен, чем нейтральное слово *big* в оригинале. Переводчики использовали прием эмфатизации.

Во французском переводе также сохранено олицетворение, соответствующее смысловой нагрузке оригинала. Оно передано через вариантные соответствия и уподобление, например, *chomp down* (проглотить целиком) переведено как *tout dévorer* (дословно «пожирать все»).

Таким образом, характерологическая функция интерьера из оригинала полностью воспроизведена в обоих переводах.

Таблица 5

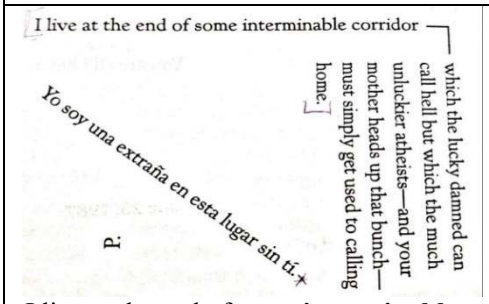
Пример антитезы в описании интерьера в романе Марка Данилевского «Дом листьев» на английском языке и варианты его перевода на русский и французский языки

Оригинал [18, p. XVI]	Перевод на **русский язык** [7, с. XXIV]	Перевод на **французский язык** [19, p. XVI]
One ancient **beer stein held nothing more than discarded perfume bottles**. As I discovered, the **refrigerator wasn't empty but there wasn't any food** in it either. Zampanò had crammed it full of strange, pale books.	Одна огромная, старинная пивная **кружка была полна пустыми флакончиками из-под духов**. **Холодильник**, как я обнаружил, **не пустовал, но еды в нем не было**. Дзампано держал здесь странные, блеклые книжки.	Une vieille **chope à bière ne contenant rien d'autre que des flacons de parfum vides**. Comme je l'ai découvert, le **réfrigérateur n'était pas vide mais ne contenait pas la moindre nourriture** non plus. Zampano l'avait bourré d'étranges livres pâles.

В данном отрывке романа (табл. 5) говорится о том, что в жилище Дзампано в одном из старинных пивных стаканов хранились пустые флаконы из-под духов, которые он условно «выкидывал» в этот стакан, либо специально собирал с неясной целью. Также упоминается содержимое холодильника, но без следов присутствия в нем еды. Описание жилья этого персонажа изобилует подобными **антитезами**: «не пустовал», но того, что бывает традиционно у людей дома, «там не было». Все перечисления вещей, наполняющих среду обитания Дзампано, даны с акцентом на то, что что-то «набито» чем-то, но непонятно зачем. Такой писательский прием может указывать на исследование Дзампано фильма «Плёнка Нэвидсона», которое является ничем иным как псевдонаучной работой, полной отсылок на несуществующих ученых, научные труды и издания. Само исследование Дзампано полно, по сути, «ничем».

Таблица 6

Пример метафоры в описании интерьера в романе Марка Данилевского «Дом листьев» на английском языке и варианты его перевода на русский и французский языки

Оригинал [18, p. 624]	Перевод на **русский язык** [7, с. 624]	Перевод на **французский язык** [19, p. 630]
 I live at the end of some **interminable corridor** which the lucky damned can call **hell** but which the much unluckier atheists — and your mother heads up that bunch – must simply get used to calling **home.**	Я живу в конце какого-то **безвыходного коридора** — удачливые проклятые могут называть его **адом**, но гораздо менее удачливые атеисты (а твоя мать возглавляет это сборище) вынуждены привыкать называть его **домом**.	Je vis tout au bout d'un **interminable couloir** — que les damnés heureux peuvent appeler **enfer** mais que les athéistes bien moins heureux – et ta mère est à la tête de cette troupe – doivent simplement s'habituer à appeler leur **foyer**.

В русском переводе через прием модуляции удалось сохранить антитезу посредством ее грамматического переноса с местоимения *nothing* на прилагательное: кружка была *полна пустыми* флаконч-ками из-под духов.

Во французском переводе данный литературный прием также сохранён, но с помощью вариантных соответствий: … *ne contenant rien d'autre que* des flacons de parfum *vides.* Характерологическая функция интерьера воссоздана при переводе в полном объеме.

В оригинальном отрывке текста [Таблица 6] Пелафина — мать Джонни Труэнта, страдающая психиатрическим заболеванием, — находится на момент повествования в психиатрической лечебнице. Она присылает сыну письма и сравнивает в них место своего обитания с «бесконечным коридором», при этом отражающее стиль ее оригинального письма повествование заканчивается на слове *коридор* формой некого «тупика», что на самом деле передает безвыходность ее собственных мыслей из бреда, вызванного ее заболеванием.

В обоих переводах сохранена смысловая нагрузка оригинальной **метафоры** и, следовательно, характерологическая функция интерьера. В русском варианте использован эквивалент *home — дом*, а во французском — вариантное соответствие: *foyer* – место, где живет семья, дом; сама семья, семейное окружение.

Таблица 7

Пример сравнения и эпитетов в описании интерьера в романе Ханьи Янагихары «Маленькая жизнь» на английском языке и варианты их перевода на русский и французский языки

Оригинал [21, p.21]	Перевод на **русский язык** [17, с. 19]	Перевод на **французский язык** [22, p. 25]
… **the room with its two narrow twin beds** — **«Like something out of a Victorian asylum»** was how Willem had described it to Jude…	… **спальня с двумя узкими кроватями, «как в викториан-ской психушке»** — так Виллем описал комнату Джуду…	… **la chambre, avec ses deux petits lits une place (« l'air sortie d'un asile victorien»**, comme Wil-lem l'avait décrite à Jude)…

Сравнение комнаты с *asylum* (психиатрической лечебницей) (табл. 7), напрямую связано с ментальным состоянием главного героя — Джуда, так как из-за жизненных потрясений его психика постоянно подвергается испытаниям. Отсылка к Викторианской психиатрической лечебнице вызывает ассоциации с лишением свободы и угнетением личности, символизируя внутренний дискомфорт персонажа и его стремление к саморазрушению. **Эпитет** *narrow* (узкий) в характеристике находящихся в спальне кроватей подчеркивает тесноту и ограниченность пространства.

Выбор в качестве вариантного соответствия слова *психушка* для *asylum* усиливает негативную коннотацию сравнения через применение эмфатизации в переводе на русский язык. В переводе на французский язык наблюдаем прием модуляции в преобразовании *narrow* в *petits* (маленькие), что смягчает впечатление ограниченности пространства, при этом далее посредством приема модуляции вкупе с приемом замены частей речи (прилагательное→существительное) уточняется, какова степень ограниченности: *twin* (одинаковые кровати) становится *une place* (односпальные кровати). Частично иная, чем в оригинале, расстановка акцентов при передаче характерологической функции интерьера в переводах анализируемого описания обеспечивает должное качество ее передачи иноязычным реципиентам.

Таблица 8

Пример метафоры и эпитетов в описании интерьера в романе Ханьи Янагихары «Маленькая жизнь» на английском языке и варианты их перевода на русский и французский языки

Оригинал [21, p.533]	Перевод на **русский язык** [17, с. 540]	Перевод на **французский язык** [22, p. 643]
He had been expecting a **dungeon, slippery and leaking and dank**, but it really was a bedroom…	Он ожидал увидеть **подземелье — скользкое, с потеками сыро-сти**, но это и правда была спальня…	Il s'était attendu à **un cachot, glis-sant, froid et humide**, mais il s'agissait réellement d'une cham-bre à coucher...

Характерологическая функция интерьера в этом описании (табл. 8) заключается в выражении тревоги, страха Джуда, предчувствия чего-то гнетущего, а также в намеке на пережитый им опыт, формирующий эти ожидания. М**етафора** *dungeon* (подземелье) с уточнением образа через **эпитеты** *slippery* (скользкое), *leaking* (протекающее), *dank* (сырое) транслирует проживаемые персонажем эмоции.

В русском переводе добавление *увидеть* подчеркивает визуальный аспект ожидания, акцентирует восприятие героем интерьера. Избранный переводчиком эквивалент *подземелье* сохраняет общее негативное впечатление от нарисованного воображением Джуда образа, а применение конкретизации через грамматическую замену *leaking* на *потеки сырости* интенсифицирует предполагаемое персонажем ощущение неприятной влажности и запущенности помещения.

Во французском переводе использована модуляция: *dungeon* заменено на *cachot* (карцер, тюремная камера), что сужает смысл, но усиливает негативный контекст описания, намекая на пережитое Джудом и оставшееся в памяти его тела. Посредством приема модуляции *leaking* предстает как *froid* (холодный). Такая интерпретация переводчиком оригинального эпитета уводит восприятие интерьера в данном случае от физического состояния разрушения к ощущению холода, что добавляет в переводе психологический элемент к описанию: холодность, бесчувственность Джуда по отношению к самому себе действительно прослеживается по ходу сюжета в романе; реальность не соответствует худшим ожиданиям персонажа, но в силу травмирующего жизненного опыта точка невозврата пройдена им, и он психологически отстранен защитным механизмом своей психики от того, пусть даже положительного, что происходит вокруг него. Отметим, что при разности подходов к интерпретации характерологической функции интерьера переводчики передали задуманное автором.

Результаты лингвостилистического анализа и лингвопереводческого анализа готовых переводческих решений по передаче характерологической функции интерьера в романах Марка Данилевского «Дом листьев» и Ханьи Янагихары «Маленькая жизнь» послужили для обоснования и принятия нами своих переводческих решений при переводе описаний интерьеров из романа Элен Годи на русский и английский языки, поскольку на момент проведения данного исследования официальных переводов «Archipels» на указанные языки не опубликовано, а верификация алгоритма работы переводчика с изучаемым феноменом на собственном опыте видится нам логичной составляющей в достижении цели проводимого исследования.

Таблица 9

Изобразительно-выразительные средства в описании интерьера в романе Элен Годи «Archipels» на французском языке и переводческие приемы, использованные для передачи характерологической функции интерьера при переводе на русский язык (пример)

Изобразительно-выразительное средство (переводческий прием)	Оригинал [20, p. 28]	Перевод на **русский язык** (перевод наш – А. Д. Батуева)
1. *Метафора* (модуляция, синтаксическое уподобление, компенсация) 2. Перечисление (калькирование) 3. ***Анафора*** (логическая синонимия)	***J'avance***[3]*, comme dans un tunnel*[1], entre deux *excroissances*[1], croisant un dictionnaire des symboles, une amulette, un moule en métal en forme de poisson[2], ***j'avance***[3], les bras le long du corps pour ne rien faire tomber, *dans cette poche de lueurs et d'odeurs de papier*[1], et je me dis que mon père a toujours construit ça, des enclaves, *des coupes sombres dans le tissu de la ville*[1], où souvent il se tenait seul, où parfois je l'accompagnais.	***Я продираюсь***[3], *как в туннеле*[1], между двумя *баррикадами*[1], замечая словарь символов, амулет, металлическую форму для выпечки в виде рыбы[2]. ***Я пробираюсь***[3], прижав руки к телу, чтобы ничего не задеть *в этом островке с проблесками света и запахом бумаги*[1], и понимаю, что мой отец всегда создавал такие места – анклавы, *темные пятна на картине города*[1], где он часто уединялся, куда иногда приходила и я.

В анализируемом отрывке (табл. 9) характерологическая функция интерьера раскрывается через образ творческой мастерской отца писательницы. Дочь, оказавшись там, осознаёт, что это не просто физическое помещение, а символическое отражение потребности отца в личном пространстве, где он

может быть самим собой, вдали от внешнего мира. Это его личный мир, созданный его руками и наполненный предметами, отражающими его мысли и чувства. Это место, где он чувствует себя в безопасности, где он может творить и размышлять, не опасаясь чужого вторжения или осуждения.

В нашем переводе на русский язык мы стремились сохранить эмоциональную нагрузку авторского описания через использование аналогичных оригиналу литературных тропов.

Метафорическое значение слова *excroissances* переведено с использованием модуляции словом *баррикады*, ёмко отражающим, на наш взгляд, стремление отца укрыться от внешнего мира. **Метафора** *comme dans un tunnel* на русский язык передана через синтаксическое уподобление *словно в туннеле*, акцентируя интимность и камерность помещения. Эту же идею транслирует **метафора** *poche de lueurs et d'odeurs de papier*. Посредством модуляции мы заменили слово *poche* (карман) на слово *островок*, сохранив ощущение уютной изоляции от внешнего мира.

Метафора *des coupes sombres dans le tissu de la ville* (темные разрезы в ткани города) описывает мастерскую как место, отличное от окружающего городского пространства. Нами принято решение компенсировать исходную метафору выражением *пятна на картине города,* поскольку мы посчитали важным для читателя дать отсылку на основную деятельность отца: он рисует картины.

Перечисление разнородных предметов сохранено калькированием *словарь символов, амулет, металлическая форма для выпечки*, что отражает эклектичность собранной в мастерской коллекции и соответственно многогранность интересов отца писательницы.

Анафора *j'avance… j'avance* сохранена в переводе через логическую синонимию *я продираюсь… я пробираюсь…*, что помогает читателю почувствовать трудность передвижения в таком загромождённом пространстве.

Таблица 10

Изобразительно-выразительные средства в описании интерьера в романе Элен Годи «Archipels» на французском языке и переводческие приемы, использованные для передачи характерологической функции интерьера при переводе на английский язык (пример)

Изобразительно-выразительное средство (переводческий прием)	Оригинал [20, p. 27]	Перевод на **английский язык** (перевод наш – А. Д. Батуева)
1. *Метафора* (синтаксическое уподобление, добавление, калькирование) 2. Перечисление (генерализация, калькирование) 3. **Антитеза** (калькирование, синтаксическое уподобление) 4. *Гипербола* (калькирование, добавление) 5. **Аллитерация** (калькирование) 6. ***Параллелизм*** (грамматическая замена, модуляция)	Une fois les rayonnages de l'atelier *saturés*[1], *il s'est mis à investir le reste de l'espace*[1]. Sur les tables récupérées ou bien à même le sol, il a disposé d'autres livres, d'autres bibelots, monceaux d'objets improbables formant des murs, des renfoncements, des grottes[1,2], agencés dans le secret d'un urbanisme patient et précis, **pour que rien ne tombe, pour que tout tienne**[3]– *l'arrachement d'un seul de ces objets à la communauté des autres pourrait suffire à faire écrouler l'ensemble de l'édifice*[4]. **Un monde à son image, mais un monde inhabitable**[3], **une seule**[5] pièce sans toilettes, sans cuisine, réduite **aux seules**[5] fonctions vitales qui semblent l'intéresser: ***garder et regarder***[6].	With the studio shelves *crammed full*[1], *he started taking over the rest of the space*[1]. On scavenged tables or simply on the ground, he built up new piles of books, more knick-knacks, heaps of unusual objects forming walls, alcoves, and grottoes[1,2], laid out according to a secret, patient, and precise design – a kind of urban planning – **so nothing would fall, so everything would hold together**[3]. *Removing even one of these objects from the community of the others could be enough to bring the whole structure to a collapse*[4]. **A world in his own image, but an uninhabitable one**[3], **a single**[5] room with no toilet, no kitchen, reduced to **just**[5] the vital functions that seemed to matter to him: ***gathering and gazing***[6].

В данном отрывке (табл. 10) **метафора**, выраженная причастием *saturés*, подразумевает, что полки в мастерской достигли предела своей вместимости, что свидетельствует о неутолимой жажде коллекционирования отца. При переводе мы воспользовались синтаксическим уподоблением, усилив образ заполненности пространства за счёт добавления *full*. Развивающий эту метафору глагол *investir*

заменен нами в результате применения переводческого приёма модуляции на *taking over*, что акцентирует активный захват доступного пространства.

Последующие **метафоры** в форме **перечисления** показывают, как предметы преобразуют занимаемое ими пространство. Мы сохранили образ, используя калькирование (*forming walls, alcoves, grottoes*), и передали идею, что коллекция отца не просто заполняет мастерскую, а активно формирует её, создавая сложный ландшафт. Генерализация *monceaux d'objets improbables* в *heaps of unusual objects* несколько снижает экспрессивность образа, но сохраняет общую идею о большом количестве странных предметов. Добавление *piles of* (кипы) к *books* в переводе усиливает впечатление нагромождения и беспорядка. Этот мир – результат непрерывной деятельности отца, его способ организации хаоса в некое подобие порядка.

Антитеза *pour que rien ne tombe, pour que tout tienne* раскрывает противоречивые черты характера отца: с одной стороны, его стремление к созданию порядка и стабильности, а с другой — осознание хрупкости и уязвимости созданного им мира. В переводе для передачи авторской идеи троп воспроизведен через калькирование и синтаксическое уподобление.

Интерьер мастерской — проекция внутреннего мира отца, где даже малейшее нарушение равновесия может привести к катастрофе. Эту идею манифестирует **гипербола**. Калькирование позволило сохранить смысл и образность оригинала. Добавление слова *even* в переводе *removing even one of these objects* повышает гиперболичность, подчеркивая, насколько незначительным может быть предмет, способный разрушить всю систему.

Итог этого описания — **антитеза**, усиленная **аллитерацией** (или, скорее, ослабленным звуковым повтором) *une seule… aux seules* и **параллелизмом** *garder et regarder*. Мастерская отца – это его мир, но мир непригодный для жизни, непригодный хотя бы по причине отсутствия в этом пространстве элементарных удобств (туалета и кухни). Но это ли жизненно важно для него? *Fonctions vitales* (жизненно важные функции) для него – это хранение и созерцание коллекции, а мастерская − символ отшельничества, подчиненного его страсти.

Перевод, выполненный преимущественно методом калькирования, позволил нам сохранить смысл и структуру фразы, передав силу антитезы. Инфинитивы в оригинале, как и герундии *gathering and gazing* в переводе, соединенные союзом *et* (*and*), создают ритмичность и подчеркивают связь между этими двумя действиями. Грамматическая замена в данном случае связана с особенностями английского языка, где герундий часто используется для обозначения действий, представляющих собой интерес для того, кто их выполняет. Эта идея поддержана в переводе посредством приёма модуляции через преобразование авторского *l'intéresser* (интересовать его) в *to matter to him* (иметь значение для него).

Для иллюстрации проведенного исследования его результаты по переводческим приемам, примененным для передачи характерологической функции интерьера в отобранных для исследования художественных текстах, систематизированы в таблицу (табл. 11).

Подводя итоги нашего исследования, мы пришли к нижеследующим **выводам**.

Характерологическая функция интерьера, заложенная Марком Данилевским в роман «Дом листьев», в основном воспроизведена в переводах на русский и французский языки. Преобладание вариантных соответствий в обеих языковых парах свидетельствует о стремлении переводчиков к передаче смысла оригинала, а не к дословности. Частое использование модуляции при переводе на русский язык (20 случаев против 7 в переводе на французский язык) указывает на большее расхождение в культурных концепциях в языковой паре английский–русский, чем в языковой паре английский–французский. Применение переводчиками генерализации и опущений из-за обилия деталей в описаниях интерьера в оригинале иногда приводило к частичной или полной утрате характерологической функции в переводе. Переводчики на русский язык несколько раз использовали эмфатизацию, то есть намеренно усиливали эмоциональную окраску в описании там, где в оригинале такого значения не было, тем самым усиливая в переводе характерологическую функцию интерьера.

В переводах романа Ханьи Янагихары «Маленькая жизнь» на русский и французский языки характерологическая функция интерьера воспроизведена, хотя в некоторых случаях избранные переводчиками лексические единицы для передачи исходных изобразительно-выразительных средств, манифестируют менее ярко выраженную коннотацию по сравнению с оригиналом, что снижает характерологическую функциональность описания жилища персонажа.

Таблица 11

Переводческие приемы (количество случаев применения) для передачи характерологической функции интерьера в романах: «Archipels» Элен Годи, «Маленькая жизнь» Ханья Янагихара, «Дом листьев» Марк Данилевский

Переводческие приемы	«Дом листьев» Марк Данилевский		«Маленькая жизнь» Ханья Янагихара		«Archipels» Элен Годи	
	английский–русский	английский–французский	английский–русский	английский–французский	французский–русский	французский–английский
Вариантное соответствие	39	39	9	5	0	0
Грамматическая замена	5	4	9	9	2	10
Генерализация	1	0	1	0	2	5
Добавление	2	1	4	10	10	16
Калькирование	0	0	0	0	23	6
Конкретизация	0	0	2	1	6	3
Компенсация	0	0	2	1	5	0
Логическая синонимия	0	0	0	0	12	31
Модуляция	20	7	14	22	47	28
Опущение	11	5	5	0	3	0
Перестановка	0	0	1	0	1	2
Синтаксическое уподобление	9	12	6	8	0	0
Транслитерация	0	0	0	0	2	1
Членение предложений	0	0	0	0	5	1
Эквивалент	5	9	17	15	0	0
Экспликация	4	2	1	0	4	1
Эмфатизация	6	1	1	1	0	0

Самоанализ принятых нами переводческих решений по передаче характерологической функции интерьера в романе Элен Годи «Archipels» показал существенные различия в стратегиях, применяемых в зависимости от языка перевода. При переводе на русский язык доминирующей стратегией стала адаптация текста к культурным и языковым особенностям русскоязычной аудитории. Это нашло отражение в преобладающем использовании модуляции, позволяющей переосмыслить и адаптировать текст для достижения максимального эмоционального и эстетического воздействия на читателя. Также важную роль играли калькирование, логическая синонимия и добавление, обеспечивающие точность и полноту передачи информации об интерьере. При переводе на английский язык преобладающей стратегией стало сохранение, то есть передача оригинала с максимальной точностью и экспрессивностью. Это выразилось в относительно равном использовании модуляции и логической синонимии, позволяющих сохранить нюансы авторского стиля и воссоздать яркие и достоверные образы персонажей через описания интерьеров.

Таким образом, переводческие решения при передаче характерологической функции интерьера в художественном тексте различаются в зависимости от языковой пары, принимающей культуры, авторского стиля, особенностей произведения и предпочтений переводчика в выборе приемов перевода. Переводчику рекомендуется учитывать оттенки взаимосвязи внутреннего мира персонажа и окружаю-

щих его пространств, маркируемых изобразительно-выразительными средствами в оригинале, во избежание упрощения и искажения образов персонажей, а также потери эмоциональной составляющей литературного произведения при переводе. Проведенное нами исследование подчеркивает необходимость продолжить изучение специфики художественного перевода, связанной с передачей характерологической функции интерьера, чтобы пополнять и актуализировать знания о приемах перевода описаний интерьера и их влиянии на восприятие персонажей иноязычным читателем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адлерберг Д. В.* Поэтика визуального и изобразительного в романе Ханьи Янагихары «Маленькая жизнь» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2017. Т. 2, № 2. С. 223–244.
2. *Алексеева И. С.* Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. фи лол. и лингв, фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
3. *Батуева А. Д., Тюлюбаева В. Д.* Сопоставительный анализ французского и русского переводов при описании интерьеров в романе Ханьи Янагихары «Маленькая жизнь» // Актуальные вопросы перевода, лингвистики, истории литературы и фольклора: Сборник статей XII Международной научной конференции молодых ученых. Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2024. С. 146–158.
4. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 234 с.
5. *Бирюкова Д. В.* Типы и виды интратекстового описания интерьера в художественном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Издательство «Грамота», 2014. № 11 (41): в 2-х ч. Ч. I. С. 27–31.
6. *Го Л.* Денотативное пространство героя в художественном тексте (на примере «Человека в футляре») // Филологический аспект. 2017. № 10(30). С. 82–91.
7. *Данилевский Марк. З.* Дом листьев / пер. с англ. Д. Быков, А. Логинова, М. Леонович. Екатеринбург: Гонзо, 2000. 750 с.
8. *Косырькова А. В.* Особенности передачи идиостиля Ф. М. Достоевского на итальянский язык (на материале романа «Идиот»): магистерская диссертация по направлению подготовки: 45.04.02 – Лингвистика / Томск: [б.и.], 2019. URL: https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manag er/Repository/vital:9883 (дата обращения: 15.03.2025).
9. *Кузина Н. М.* Изучение предметного мира художественного произведения в школе // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. № 3(6). С. 51–56.
10. *Литвинова О. Ю., Неживая Е. А.* Образ камина как топос интерьерного описания в английской литературе // Амурский научный вестник. 2021. № 2. С. 43–53.
11. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. 799 с.
12. *Малетина О. А.* Пейзаж и интерьер как разновидности жанра «описание» в художественном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2006. № 5. С. 108–110.
13. *Середина А. О.* Особенности интерьера в художественной прозе Ап. Григорьева // Litera. 2018. № 4. С. 35–45.
14. *Судосева И. С.* Функции литературного интерьера // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2013. № 20(121). С. 89–99.
15. *Судосева И. С.* Поэтика интерьера в художественной прозе: автореф. дис. … канд. филол. наук / Судосева Ирина Сергеевна. Москва, 2016. 22 с.
16. *Шлеюк С. Г., Чепурова О. Б.* Дизайн среды. Проектирование жилой и общественной предметно-пространственной среды: учебное пособие // Оренбургский государственный университет. 2021. 130 с.
17. *Янагихара, Х.* Маленькая жизнь / Х. Янагихара ; пер. с англ. А. Борисенко, А. Завозовой, В. Сонькина. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2017. 683 с.
18. *Danielewski M. Z.* House of Leaves. New York: Pantheon Books, 2000. 709 p.
19. *Danielewski Mark Z.* La Maison des feuilles, Édition Remasterisée Couleurs, trad. de l'anglais (États-Unis) par Christophe Claro, éd. Monsieur Toussaint Louverture, broché, 2022. 720 (XXVI-694) p.
20. *Gaudy H.* Archipels / H. Gaudy. Éditions de l'Olivier, 2024. 288 p.
21. *Yanagihara H.* A little life / H. Yanagihara. New York: Publisher Doubleday: Random House LLC, 2015. URL: https://booksdrive.org/wp-content/uploads/2022/03/A-Little-Life-by-Hanya-Yanagihara-pdf-free-download.pdf (дата обращения: 13.11.2023).
22. *Yanagihara H.* Une vie comme les autres / H. Yanagihara ; traduit de l'anglais par Emmanuelle Ertel. Paris: La maison d'édition: Buchet Chastel, 2018. URL:https://ia801506.us.archive.org/0/items/n5_20220925/n5.pdf (дата обращения: 13.11.2023).

Поступила в редакцию 21.01.2026

Иванова Светлана Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
E-mail: s.a.ivanova@urfu.ru

Батуева Александра Денисовна, соискатель кафедры иностранных языков
E-mail: ad.batueva@mail.ru

Тюлюбаева Виктория Денисовна, соискатель кафедры иностранных языков
E-mail: tyulyu.2002@mail.ru

ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
620062, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

S. A. Ivanova, A. D. Batueva, V. D. Tyulyubaeva

CHARACTEROLOGICAL FUNCTION OF INTERIOR IN A FICTION TEXT AND ITS TRANSLATION (ON THE MATERIAL OF ENGLISH, RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES)

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-767-779

The purpose of the research presented in the article is to identify the specificity of translation solutions in authorial descriptions of interior with the manifestation of characterological function from French/English fiction text into English/French and Russian. In accordance with the tasks set to achieve the goal, the definition of the concept "characterological function of the interior" is given; the use of literary devices representing the characterological function of the interior in the original fiction texts (novels: Mark Z. Danielewski "House of Leaves", Hanya Yanagihara "A Little Life", Hélène Gaudy "Archipels") is analysed; the translation solutions used to convey the characterological function of the interior in the translation of the literary works selected for analysis are compared. The novelty of the study lies in the fact that the characterological function of the interior in a literary text is considered for the first time from a translation studies point of view. The work allows to clarify the norms of translation of stylistic parameters of the analysed genre in terms of interior descriptions in the English-French-Russian language triad. The results obtained can be useful in translating fiction (in language pairs: French-Russian; English-Russian; French-English) and in teaching such university disciplines as stylistics, literature of the countries of the studied languages and practical translation course.

Keywords: interior in fiction text, characterological function of interior, literary devices, linguostylistic analysis, translation techniques and strategies.

REFERENCES

1. *Adlerberg D. V.* Poetika vizual'nogo i izobrazitel'nogo v romane Han'i YAnagihary «Malen'kaya zhizn'» [The poetics of the visual and pictorial in Hanya Yanagihara's novel «Little Life»]. Praktiki i interpretacii: zhurnal filologicheskih, obrazovatel'nyh i kul'turnyh issledovanij [Practices and Interpretations: journal of Philological, Educational and Cultural Research]. 2017. T. 2. No. 2. Pp. 223–244. (In Russian).
2. *Alekseeva I. S.* Vvedenie v perevodovedenie: Ucheb. posobie dlya stud. fi lol. i lingv, fak. vyssh. ucheb. Zavedenij [Introduction to translation studies: A Manual for students of philological and linguistic faculties of higher educational institutions]. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU [St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University]. M.: Izdatel'skij centr «Akademiya» [The publishing house «Academia»], 2004. 352 p. (In Russian).
3. *Batueva A. D., Tyulyubaeva V. D.* Sopostavitel'nyj analiz francuzskogo i russkogo perevodov pri opisanii inter'erov v romane Han'i Yanagihary «Malen'kaya zhizn'» [Comparative analysis of french and russian translations in interior descriptions of Hanya Yanagihara's novel «Little Life»]. Aktual'nye voprosy perevoda, lingvistiki, istorii literatury i fol'klora [Relevant issues of translation, linguistics, literary history and folklore]: Sbornik statej XII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh [Compendium of articles of the XII International Scientific Conference of Young Scientists]. Ekaterinburg: Izdatel'skij dom «Azhur» [The publishing house «Azhur»], 2024. Pp. 146–158. (In Russian).
4. *Bahtin M. M.* Formy vremeni i hronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoj poetike [The forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. Bahtin M. M. Voprosy literatury i estetiki [Issues of literature and aesthetics]. M., 1975. 234 p. (In Russian).
5. *Biryukova D. V.* Tipy i vidy intratekstovogo opisaniya inter'era v hudozhestvennom diskurse [Types and kinds of intratextual description of the interior in artistic discourse]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Theoretical and practical issues]. Izdatel'stvo «Gramota» [The publishing house: «Gramota»], 2014. No. 11 (41): in 2 v. V. I. Pp. 27–31. (In Russian).
6. *Go L.* Denotativnoe prostranstvo geroya v hudozhestvennom tekste (na primere «CHeloveka v futlyare») [The denotative space of the character in a literary text (on the case of «The Man in the Case»)]. Filologicheskij aspekt [Philological aspect]. 2017. No. 10(30). Pp. 82–91. (In Russian).

7. *Danilevskij Mark. Z.* Dom list'ev [House of Leaves] / per. s angl. [Translated from English] D. Bykov, A. Loginova, M. Leonovich. Ekaterinburg: Gonzo, 2000. 750 p. (In Russian).
8. *Kosyr'kova A. V.* Osobennosti peredachi idiostilya F. M. Dostoevskogo na ital'yanskij yazyk (na materiale romana «Idiot») [Specifics of translating F. M. Dostoevsky's idiosyncrasy into Italian (based on the novel «The Idiot»)]: magisterskaya dissertaciya po napravleniyu podgotovki [Master's thesis in the field of study]: 45.04.02 – Lingvistika [Linguistics] / Tomsk: [b.i.], 2019. URL: https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manag er/Repository/vital:9883 (data obrashcheniya [date of request]: 15.03.2025). (In Russian).
9. *Kuzina N. M.* Izuchenie predmetnogo mira hudozhestvennogo proizvedeniya v shkole [Study of the subject world of an artwork at school]. Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Vologda State University]. Seriya: Gumanitarnye, obshchestvennye, pedagogicheskie nauki [Series: Humanities, Social sciences, Pedagogical sciences]. 2017. No. 3(6). Pp. 51–56. (In Russian).
10. *Litvinova O. Yu., Nezhivaya E. A.* Obraz kamina kak topos inter'ernogo opisaniya v anglijskoj literature [The image of a fireplace as a topos of interior description in English literature]. Amurskij nauchnyj vestnik [Amur Scientific Bulletin]. 2021. No. 2. Pp. 43–53. (In Russian).
11. Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts] / Ros. akad. nauk. In-t nauch. inform. po obshchestv. Naukam [Russ. acad. of sci. Inst. of Sci. Information for Social Sciences]; Gl. red. i sost. [Chief ed. and comp.] A.N. Nikolyukin. Moskva: Intelvak [Moscow: Intelvak], 2001. 799 p. (In Russian).
12. *Maletina O. A.* Pejzazh i inter'er kak raznovidnosti zhanra «opisanie» v hudozhestvennom diskurse [Landscape and Interior as Varieties of the Genre "Description" in Artistic Discourse]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Volgograd State University]. Seriya 9: Issledovaniya molodyh uchenyh [Series 9: Research of Young Scientists]. 2006. No. 5. Pp. 108–110. (In Russian).
13. *Seredina A. O.* Osobennosti inter'era v hudozhestvennoj proze Ap. Grigor'eva [Peculiarities of the Interior in the Artistic Prose of Ap. Grigoryev]. Litera. 2018. No. 4. Pp. 35–45. (In Russian).
14. *Sudoseva I. S.* Funkcii literaturnogo inter'era [Functions of the Literary Interior]. Vestnik RGGU [Bulletin of the Russian State University for the Humanities]. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie [Series: History. Philology. Culturology. Oriental Studies]. 2013. No. 20(121). Pp. 89–99. (In Russian).
15. *Sudoseva I. S.* Poetika inter'era v hudozhestvennoj proze [Poetics of the Interior in Artistic Prose]: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskih nauk [abstract of dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences] / Sudoseva Irina Sergeevna. Moscow, 2016. 22 p. (In Russian).
16. *Shleyuk S. G., Chepurova O. B.* Dizajn sredy. Proektirovanie zhiloj i obshchestvennoj predmetno-prostranstvennoj sredy [Environmental Design. Design of Residential and Public Subject-Spatial Environment]: uchebnoe posobie [textbook] // Orenburgskij gosudarstvennyj universitet [Orenburg State University]. 2021. 130 p. (In Russian).
17. *Yanagihara, H.* Malen'kaya zhizn' [A little life] / H. YAnagihara ; per. s angl. [Translated from English] A. Borisenko, A. Zavozovoj, V. Son'kina. Moskva: Izdatel'stvo AST: CORPUS [Moscow: The publishing house AST: CORPUS], 2017. 683 p. (In Russian).
18. *Danielewski M. Z.* House of Leaves. New York: Pantheon Books, 2000. 709 p. (In English).
19. *Danielewski Mark Z.* La Maison des feuilles [House of Leaves], Édition Remasterisée Couleurs [Remastered Color Edition], trad. de l'anglais (États-Unis) par Christophe Claro [Translated from English (USA) by Christophe Claro], éd. Monsieur Toussaint [The publishing house Monsieur Toussaint] Louverture, broché [paperback], 2022. 720 (XXVI-694) p. (In French).
20. *Gaudy H.* Archipels / H. Gaudy. Éditions de l'Olivier [The publishing house l'Olivier], 2024. 288 p. (In French).
21. *Yanagihara H.* A little life / H. Yanagihara. New York: Publisher Doubleday: Random House LLC, 2015. URL: https://booksdrive.org/wp-content/uploads/2022/03/A-Little-Life-by-Hanya-Yanagihara-pdf-free-download.pdf (data obrashcheniya [date of request]: 13.11.2023). (In English).
22. *Yanagihara H.* Une vie comme les autres [A little life] / H. Yanagihara ; traduit de l'anglais par Emmanuelle Ertel [Translated from English by Emmanuelle Ertel]. Paris: La maison d'édition: Buchet Chastel [The publishing house: Buchet Chastel], 2018. URL:https://ia801506.us.archive.org/0/items/n5_20220925/n5.pdf (data obrashcheniya [date of request]: 13.11.2023). (In French).

Received 21.01.2026

Ivanova S.A., Candidate of Philology, Associate Professor in the Department of Foreign languages
E-mail: s.a.ivanova@urfu.ru

Batueva A.D., applicant of the Department of Foreign languages
E-mail: ad.batueva@mail.ru

Tyulyubaeva V.D., applicant of the Department of Foreign languages
E-mail: tyulyu.2002@mail.ru

Ural State University
Mira st., 19, Ekaterinburg, Russia, 620062

УДК: 811.111-26:811.111(045)

Э. А. Зоидзе

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВАЛОРИЗАЦИИ ИЗДАНИЙ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена лингвистическим средствам валоризации изданий переводной русской классической литературы в англоязычном цифровом книгоиздательском дискурсе. Объектом исследования являются метатексты гибридного дискурсивного жанра издательской аннотации, размещенные на официальных сайтах британских и американских издательств. Предметом анализа выступают языковые средства разных уровней, применяемые издателями для актуализации и валоризации произведений Ф. М. Достоевского, издаваемых с 90-х гг. XX века до настоящего времени. Целью исследования является анализ и интерпретация языковых механизмов возведения к ценности русской литературной классики XIX в., а также её продвижения в условиях современного инокультурного читательского рынка. Обозначенная цель предполагает рассмотрение издательских метатекстов с аксиологической, диалогической и прагматической точки зрения. Издательская аннотация в цифровой среде состоит из разнообразных коммуникативных ходов, из которых задачу валоризации выполняют ходы описания и оценки автора, книги, перевода, справочного аппарата издания. На языковом уровне валоризация и актуализация современных изданий Ф. М. Достоевского осуществляется с помощью номинации «вечных» тем в произведении, контекстуализации произведения на фоне истории страны и биографии автора, оценочной лексики, цитатного текста, прецедентных имен, референтами которых выступают как современники писателя, так и представители нынешнего поколения.

Ключевые слова: книгоиздательский дискурс, метатекст, издательская аннотация, валоризация, русская классическая литература, Ф. М. Достоевский.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-780-790

Введение

Несмотря на активную разработку проблематики, связанной с дискурсивной практикой различных социальных институтов, по-прежнему практически вне поля зрения лингвистов остается дискурсивная практика одного из основополагающих общественных институтов – книгоиздательского. К подобным дискурсам на данный момент возможно применить аттрибутив «экзотический» [11, с. 920]. Степень теоретической и практической изученности дискурсивной практики книгоиздателей носит фрагментарный характер. Существует ряд работ, рассматривающих такие жанры книгоиздательского дискурса, как издательская аннотация, предисловие и введение, комментарии. Так, среди отечественных ученых к теме периферийных текстов обращались Л. Г. Викулова [1; 2]; О. Г. Чупрына [14]; О. Б. Кафанова [6] А. Н. Федотов [12]. Зарубежные авторы также освещают некоторые аспекты данной проблемы: R. R. Barry [15]; M-L. Gea-Valor и M. I. Ros [16]; S.S. Kathpalia [17].

С ростом объемов издания массовой литературы интеллектуальная «элитарная» литература требует особого подхода со стороны издателя для ее продвижения, валоризации и актуализации. Готовя к публикации классическое произведение, значительно отстоящее во времени, «издатель учитывает, что существует огромный рынок литературы, где классике трудно конкурировать с современными произведениями» [1, с. 143].

Материал настоящего исследования обладает межкультурной составляющей, что представляется актуальным с точки зрения ценностных установок и акцентируемых культурных, исторических, идеологических и аксиологических аспектов в издательских аннотациях, сопровождающих англоязычные издания произведений Ф. М. Достоевского. Особое значение проведенное исследование приобретает в условиях конфликтной ситуации, когда проблема национально-культурной идентификации, аксиологического измерения русской национальной картины мира происходят посредством литературных памятников [3, с. 115–116].

В фокусе работы – языковые средства валоризации переводных изданий русской классической литературы, применяемые в цифровых издательских аннотациях для успешной коммуникации. Термин «валоризация» используется нами вслед за Л. Г. Викуловой, которая применяет его для обозначения издательской практики по приданию книге как феномену культуры особой ценности [1, с. 143]. Выявленные лингвистические средства актуализации и валоризации классики имеют прагматическую

направленность на аккультурацию, сокращение социокультурной дистанции и преодоление разности фоновых знаний между поколениями и лингвокультурами. Настоящее исследование нацелено на анализ издательских аннотаций к произведениям Ф. М. Достоевского в переводе на английский язык, размещенных на сайтах британских и американских издательств. Произведения в выборке представлены как в рамках серий, так и самостоятельно. Уточним, что под аннотацией литературного произведения (в англоязычной терминологии *blurb*) в пространстве сайта издательства понимается совокупность коммуникативных ходов, направленных на всестороннее представление информации о книге и ее авторе в целях реализации функции продвижения [17, p. 50].

Методы и материал исследования

Методология исследования носит комплексный характер и включает общенаучные методы познания: анализ, синтез, классификация, обобщение; а также филологические и собственно лингвистические методы: интерпретация, контекстуальный анализ, прагматический анализ, дискурсивный анализ, элементы семиотического и квантитативного анализа.

Материал исследования составили 40 аннотаций общим объемом 9605 слов, средний объем одного малоформатного текста – 200 слов. Тексты были проанализированы с целью выявления рекуррентных языковых средств валоризации литературного произведения. Интерпретация наблюдаемых фактов подкреплялась количественным анализом с привлечением онлайн инструмента анализа текста Voyant Tools и автоматического поиска по текстовому документу MS Office Word (версия 2016). Квантитативный метод использовался для определения наиболее частотных слов в выборке текстов, а также частотности конкретных единиц, например местоимений. Контекстуальный и прагматический анализ применялся в отношении имен собственных, оценочных слов. Дискурсивный анализ включал учет фактора адресанта, категорий диалогичности, адресованности, аттрактивности, авторитетности, а также контекста (экстралингвистического) и модуса (печатный текст в вербально-визуальном единстве цифровой среды).

Результаты и обсуждение

Медиативная роль издателя в процессе диалога между автором и читателем при переиздании переводного классического произведения XIX в. осложняется как минимум двумя факторами – разностью лингвокультурного фона и временным разрывом между автором, представляющим контекст иной эпохи и лингвокультуры, и современным англоговорящим читателем. Построение эффективного межкультурного диалога в этих условиях требует от издателя коммуникативных усилий по актуализации и валоризации классического произведения для нового поколения читателей. Издательские метатексты, обрамляющие классическое произведение, «выполняют информационную, персуазивную функции, концептуально формируя у современного читателя адекватное понимание классического произведения» [2, с. 35].

Учет фактора адресата переводного классического произведения реализуется не только при выборе метатекстового оформления издания, определении маркетинговой стратегии продвижения издания, важную роль также играет выбор языкового оформления издательских текстов, сопровождающих книгу. Таким образом, одной из задач издателя является трансляция межпоколенческих культурных, нравственных ценностей прошлого [2, с. 33] с целью вызвать интерес и желание познакомиться со знаковыми произведениями русской классики у современной британской и американской читательской публики.

Чтение литературной классики зачастую подразумевает перечитывание и, как следствие, процесс переоценки и переосмысления. Одним из средств привлечения внимания адресата в проанализированной выборке текстов выступает апелляция к так называемым «вечным» темам. Данный прием способствует установлению опосредованного межкультурного диалога на временно́й и лингвокультурной дистанции:

(1) *It's a tormented, intricate tale of violence and its discontents, with themes of morality and redemption that still resonate as sharply today as they did 150 years ago.* (Crime and Punishment, Beehive Books);

(2) *The result is a tragic novel built out of a series of supremely dramatic scenes that illuminate the eternal conflicts at the heart of human existence: most especially our desire for self-expression and self-fulfilment, as against the constraints of morality and human laws; and our agonised awareness of the world's harsh injustices and of our own mortality, as against the mysteries of divine justice and immortality* (Crime and Punishment, Wordsworth, 2000; 2023).

Вечные темы и общечеловеческие ценности служат средствами концептуализации художественной действительности, а также аттракторами аксиологического характера. По словам Е. Ф. Серебренниковой, «аттрактивность включает ценностный фактор, который способен <…> преодолеть “фильтр” отчужденности и вызвать интеллектуальный интерес, породить определенное эстетическое переживание» [9, с. 63]. К аттракторам, характерным для аннотации, мы относим номинации универсальных, «вечных» тем и ценностей.

Обратимся к средствам валоризации посредством контекста, задающего «рамки и перспективу для интерпретации коммуницируемого в форме речевых структур содержания» [8, с. 83]. Издатели включают в малоформатный текст аннотации информацию о контексте описываемого произведения – внешнем (историческом) и внутреннем (биографическом):

(3) *In 1869 a young Russian was strangled, shot through the head and thrown into a pond. His crime? A wish to leave small group of violent revolutionaries, from which he had become alienated. Dostoevsky takes this real-life catastrophe as the subject and culmination of Devils*. (Devils, Wordsworth Classics, 2010);

(4) *The Gambler was written twenty years later, under the pressure of crushing debt. It is the psychological portrait of a young man’s destructive addiction, a compulsion that Dostoevsky – who once gambled away his young wife’s wedding ring – knew intimately from his own experience.* (The Gambler, Everyman, 2020).

Информация биографического характера добавляет информативности, глубины периферийному тексту, делая его познавательным и параллельно вводя потенциального читателя в культурно-исторический контекст эпохи. Так читатель знакомится не только с творческим путем автора, но и с его личной жизнью, события которой стали мотивами для создания литературных произведений. Заметим, что коммуникативный ход «данные о книге и авторе» («establishing credentials») [17, p. 82], как правило, включает параллельно хронологию событий из личной и творческий жизни писателя, например:

(5) *In 1849 the young Fyodor Dostoevsky was sentenced to four years' hard labour in a Siberian prison camp for advocating socialism. Notes from a Dead House (sometimes translated as The House of the Dead), the novel he wrote on his release* (Notes from a Dead House, Everyman, 2021).

Объединяя факты из биографии и этапы творчества, издатели стремятся обозначить мотивы создания произведения, чтобы адресат понимал, что в основе художественного, образного мира лежат реальные события, переживания и личный опыт Ф. М. Достоевского.

Отметим важность коммуникативного хода, связанного с историей создания произведения и биографией автора, в котором издатель помимо подчеркнуто комплиментарной характеристики автора включает негативные события и отрицательный опыт в той или иной сфере жизни. Так, из аннотации к повести «White Nights» читатель узнает не только историю успеха, но и темные страницы жизни писателя:

(6) *During his eventful life Fyodor Mikhailovich Dostoyevsky became a literary sensation aged twenty-four, was nearly shot by a firing squad, spent four years in a Siberian prison and developed a gambling addiction, before producing such world-renowned novels as Crime and Punishment* and *The Brothers Karamazov* (White Nights, Penguin, 2024).

Подобная стратегия позволяет создать в сознании адресата более многогранный и при этом более приземленный образ признанного гения от литературы. Авторитетный копирайтер британского издательства Penguin Books Луиза Уиллдер, вслед за психологом Д. Канеманом, отмечает, что «эмоционально заряженные слова быстро привлекают внимание, и плохие слова (война, преступление, [зависимость]) привлекают внимание быстрее, чем слова счастливые (мир, любовь)»[1].

Жанр издательской аннотации, являясь лапидарным текстом, тем не менее, создает полифонию книгоиздательского дискурса и выполняет фатическую функцию за счет концентрации разных коммуникативных ходов, диалогичности и интертекстуальности. Полифония может достигаться за счет присутствия голоса автора (название произведения, цитата из него), голоса издателя (синопсис и институциональная оценка) и голоса критика-эксперта, давшего положительный отзыв, размещенный издателем с указанием имени или источника. В анализируемых текстах наблюдается многоголосие и присутствие позиции *Другого* за счет атрибуции отзывов (указывается его субъект, индивидуальный или коллективно-институциональный), а также за счет графической маркировки речи *Другого*. Шрифтовые (курсив) и пространственно-композиционные (сплошной пробел) метапоказатели используются в описании книги на обложке или на сайте для а) отделения текстов разных адресантов и б) для обособления

[1] Уиллдер, Л. Увлечь за 100 слов. С чего начинается бестселлер? / Л. Уиллдер; [пер. с англ. Н. Рудницкой]. М.: Лайвбук, 2024. 544 с. ISBN: 978-5-907428-90-4

разных информационных блоков. Цитаты выделяются курсивом, отделяются сплошным пробелом, как и краткая биографическая справка. Рассмотрим в качестве иллюстрации примеры цитатного текста – фрагментов комплиментарных высказываний авторитетных адресантов (журналистов, писателей, критиков), принадлежащих в том числе представителям разных поколений. Так, роман «The Double» сопровождается следующими отзывами:

(7) *The most impressive thing about The Double is how pertinent it feels today … like all the best fiction, The Double reinvents and rewrites itself for the current age (Jeremy Dyson); The real nineteenth-century prophet was Dostoevsky, not Karl Marx. (Albert Camus) (The Double, Alma, 2016).*

Автор первого отзыва, Д. Дайсон, – британский актер, музыкант и сценарист, один из создателей комедийного скетч-шоу на английском телевидении «Лига джентльменов» – представитель XXI в. Второй отзыв принадлежит А. Камю – французскому философу, обладателю Нобелевской премии по литературе, публицисту и эссеисту середины XX в. Размещая подобные имена на обложке или странице сайта нового издания классического произведения, издатель рассчитывает на знания читателя, способного считать интертекст и соотнести имя адресанта с определенным контекстом. Таким образом, аннотация, содержащая фрагменты отзывов в форме цитат, выстраивает «диалогические отношения между автором [издателем] и читателем за счет общего знания» [4, с. 157].

Коммуникативной удачей можно признать факт узнавания читателем прецедентного имени и вызванные им определенные ассоциации. Цитирование в издательской аннотации – это прагматически обусловленное средство воздействия на адресата, с его помощью создается более объемное видение произведения: анонимный текст издательской аннотации, цитата из самого произведения, выбранная издателем, оптимизированные издателем фрагменты отзывов в форме цитат с атрибуцией автора и/или социального института. Так, издание повести «Uncle's Dream» сопровождают два отзыва:

(8а) *As it stands, especially in this translation, Uncle's Dream is a highly entertaining piece. Furthermore, it stands at a crossroads in Dostoyevsky's creative development. (East-West Review); (8б)No novelist ever wrestled with materialism more fiercely and intelligently than Dostoevsky. (Jonathan Franzen) (Uncle's Dream, Alma, 2020).*

Включение имени институционального адресанта в первом отзыве (8а) и персонального во втором (8б) требуют фоновых знаний читательской аудитории для декодирования заложенной издателем установки на воздействие с помощью авторитета компетентности. Первый отзыв дается Журналом Общества Великобритании и России (*East-West Review*) – изданием, которое публикует литературные и театральные рецензии, а также различные статьи от экспертов в области русской культуры. Автором второго отзыва является Д. Франзен – современный американский писатель-романист, чьи произведения стали классикой при его жизни. Подобные актуальные высказывания от представителей современного литературного процесса и книжной культуры позволяют классическому произведению сохранить потенциал своего воздействия на адресата, выдерживая испытание временем и помочь читателю преодолеть разность культурного фона. Таким образом, категория авторитетности в исследуемом типе текстов – это значимое средство валоризации, обладающее аттрактивностью для образованного читателя.

Другой разновидностью цитатного текста в аннотациях являются цитаты из самого литературного произведения, например, в издании рассказов Ф. М. Достоевского из серии Little Clothbound Classics. Текст аннотации предваряется цитатой из рассказа «The Meek One», она выделена курсивом, но источник не указан:

(9) *She was looking me right in the eyes, and the revolver was already by my temple* (White Nights, Penguin, 2024).

Думается, что выбор издательством именно этого фрагмента для размещения на обложке сборника обусловлен желанием проиллюстрировать характерную для коротких рассказов психологическую напряженность, о которой упоминается далее в начале текста аннотации:

(10) *By turns unnerving and acerbic, tragic and tender, Fyodor Dostoyevsky's psychologically acute short stories are the perfect introduction to this great Russian writer.*

Завершается аннотация краткой, но насыщенной и не лишенной оценочности биографической справкой:

(11) *During his eventful life Fyodor Mikhailovich Dostoyevsky became a literary sensation aged twenty-four, was nearly shot by a firing squad, spent four years in a Siberian prison and developed a gambling addiction, before producing such world-renowned novels as Crime and Punishment and The Brothers Karamazov* (White Nights, Penguin, 2024).

В ряде аннотаций цитата (в кавычках или без) из самого произведения служит эквивалентом рекламного слогана или заголовка: например, аннотация к роману «The Brothers Karamazov» открывается философской цитатой:

(12) *'The mystery of human existence lies not in staying alive, but in finding something to live for'* (The Brothers Karamazov, Penguin, 2024), а рассказ «The Dream of a Ridiculous Man» предваряется ироничной цитатой без кавычек:

(13) *I am a ridiculous man. They call me mad now. That would be a promotion in rank* (The Dream of a Ridiculous Man, Penguin, 2025).

В выборке текстов также выявлено присутствие мнения сторонних субъектов оценки, но в отличие от ранее рассмотренных примеров, речь идет об обобщенном и деперсонализированном субъекте. Вербальными сигналами его присутствия служат лексемы со значением множественности, которое, по мнению В. И. Карасика, связано с признаком социального статуса [5, с. 230]; и/или пассивными формами глаголов или причастиями прошедшего времени, обозначающими виды речемыслительной деятельности:

<…> seen by some critics as Dostoevsky's masterpiece;

Many literary critics agree that he is one of the greatest psychologists world literature has ever seen;

Seen by many as the first existentialist novel…;

Regarded as one of world literature's foremost novelists…;

Seen as Dostoevsky's most powerful indictment of man's propensity to violence…

В приведенных примерах глагол *see* синонимичен глаголам *regard* и *consider*, т. е. функционирует не как обозначение способа визуального восприятия, а как показатель мыслительной операции, связанной с формированием мнения (*to have an opinion of something*).

Обратимся к языковым средствам валоризации, которые функционируют в рамках коммуникативных ходов, связанных с переводом произведения на английский язык, а также с особенностями справочного аппарата издания. Специалисты, привлекаемые издателем для составления введений, предисловий, комментариев, стремятся сократить социокультурную дистанцию между автором и классическом произведением с одной стороны и сегодняшним поколением англоговорящих читателей – с другой. Особо значимой видится роль и качество перевода, так как именно он решает проблему межкультурной асимметрии [6] и обеспечивает полноценное восприятие и понимание текста читателем.

Упоминание о переводе и его авторе/авторах является языковым маркером *Другого*. В проанализированной выборке издательских метатекстов выявлено, что лексема *translate* и ее производные встречается 100 раз (объем корпуса текстов – 9605 слов). В таблице представлены примеры атрибутивных словосочетаний с ядром *translation* и его левосторонним окружением. Данные получены с помощью программы автоматического анализа текста Voyant Tools. Рассматриваемая лексема входит в 5 самых частотных слов корпуса.

Словосочетания с ядром – существительным *translation*

far and away the best	translation
the best	translation (of Crime and Punishment currently available)
the award-winning	translation
acclaimed series of Dostoevsky	translation
a near ideal	translation
modern	translation
a new	translation
brand-new	translation
a magnificent new	translation
a masterful new	translation
a sparkling new	translation
the only	translation (that counts)
a fluid and well-paced	translation
a truly great	translation

Определение *new* встречается как самостоятельно, так и в составе словосочетаний с усилительным наречием или прилагательным-эпитетом, которое обладает мелиоративной оценочной семантикой, дополняя нейтральное утверждение о новизне по отношению к переводу произведения. Помимо

новизны перевода важно его качество. Если формы превосходной степени *best* или прилагательное *ideal*, уже обозначающие наивысшее проявление признака, могут быть восприняты адресатом как абстрактные и субъективные формы оценки, то более эксплицитные доказательства качества перевода видим в следующих примерах:

(14) *Pevear and Volokhonsky's translation is the only translation that counts. They are the only translators who succeed in making Dostoevsky accessible to a 21st century audience, thanks to their ruthless attention to detail at the expense of alterations which can dilute Dostoevsky's unique and flowing style of writing. (Notes From Underground, Everyman, 2004);*

(15) *This new translation catches the verve and tumult of the original, which – in concept and execution – affords a refreshingly unfamiliar glimpse of the author*. (Humiliated and Insulted, Alma. 2019);

(16) *"It may well be that Dostoevsky's [world] <…> is only now – and through the medium of this translation – beginning to come home to the English-speaking reader." – John Bayley, The New York Review of Books*; *This award-winning translation by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky remains true to the verbal inventiveness of Dostoevsky's prose, preserving the multiple voices, the humor, and the surprising modernity of the original; "Heartily recommended to any reader who wishes to come as close to Dostoevsky's Russian as it is possible." – Joseph Frank, Princeton University* (The Brothers Karamazov: Bicentennial Edition, Picador. 2021).

В приведенных примерах оценке подвергаются такие конкретные параметры, как язык произведений Достоевского, стилистическое своеобразие оригинала, внимание переводчика к деталям, в частности, таким как юмор. Обратим внимание и на такую оценку перевода как его актуальность и современность, а также близость читателю XXI в. (*accessible to a 21st century audience*). Комментарии о качестве перевода в отзывах экспертного сообщества – литературных критиков, писателей, ученых – подчеркивают, что перевод, с одной стороны, приближен к языку автора (*close to Dostoevsky's Russian*), а с другой – абсолютно понятен англоязычному читателю (*to come home to the English-speaking reader:* идиома со значением «стать абсолютно понятным кому-то).

Для создания такого образа писателя, который будет понятен и интересен современной англоговорящей аудитории, издатели стремятся описать русского классика максимально разносторонне. Объектами описания выступают как тематика произведений, так и особенности авторского стиля (*a refreshingly unfamiliar glimpse of the author*). Наречие *refreshingly* в сочетании с прилагательным *unfamiliar* передает интенцию издателя – актуализировать, осовременить восприятие автора. Отметим, что юмор, ирония, сатира и комедийность сюжета неоднократно упоминаются в издательских метатекстах, что в целом открывает писателя сегодняшнему западному читателю не только как мрачного гения[1] русской литературы. Оценочные – валоризирующие – высказывания в издательских метатекстах, принадлежащих как коллективному издателю, так и персонализированным субъектам оценивания, зачастую представляют собой комбинацию коммуникативных ходов с общей направленностью речевого акта на воздействие на адресата:

(17) *This new translation of Dostoyevsky's 'psychological record of a crime' gives his dark masterpiece of murder and pursuit a renewed vitality, expressing its jagged, staccato urgency and fevered atmosphere as never before* (Crime and Punishment, Penguin, 2014);

(18) *Seen as Dostoevsky's most powerful indictment of man's propensity to violence, this darkly humorous work, shot through with grotesque comedy, is presented here in Roger Cockrell's masterful new translation* (Devils, Alma, 2018).

В данных примерах наблюдаем интеграцию двух коммуникативных ходов – оценка перевода и оценка автора и произведения.

Издатель продвигает классическое произведение также за счет обновления справочного аппарата книги, включения дополнительных материалов, текстов и документов: предисловий и вступительных статей, послесловий, комментариев и примечаний, а также списка дополнительной литературы, карт, биографических сведений и т.д. Присутствие данного «технического» коммуникативного хода («Technical information» move) [16; 17] связывают именно с изданиями классики и адресатом – образованным читателем, интересы которого выходят за пределы исключительно чтения самого произведения. Читатели <…> ищут и по достоинству ценят ученое мнение в комментариях эрудированных издателей и исследователей, поэтому готовятся дополнительные материалы в виде предисловий, заметок,

[1] Соколов, М. Мрачный гений и жестокий талант // Газета «Культура», 11.11.2021.

глоссариев и т.д. «Readers <…> look for and appreciate the learned, erudite comments of editors and scholars, so additional material is provided in the form of introductions, notes, glossaries, etc.» [16, p. 214].

Приведем несколько примеров, в которых издатель акцентирует наличие справочного аппарата книги:

(19) *Featuring an introduction by Dr. Lonny Harrison, a professor of Russian literature at the University of* Texas (Crime and Punishment: An Illuminated Edition, Beehive Books, 2021);

(20) *Contains: Introduction by the translator, Map of St Petersburg c.1860, Table of Ranks, List of Characters, Notes, Extra material on Dostoevsky's Life and Works, Select Bibliography (Crime and Punishment, Alma Books, 2023);*

(21) *Features:*

– Over 250 Footnotes to help the reader understand the meaning of the original text

– Pull Quotes to help engage the reader

– Introduction to this edition

– Missing Chapter (At Tikhon's) added (Demons, Queensbridge Publishing, 2022).

В примере (19) не просто говорится о наличии справочного аппарата, но также создается перлокутивный эффект за счет указания статуса составителя предисловия – его релевантного научно-практического опыта и профессионального статуса. Примеры (20) и (21) служат иллюстрацией реализации данного коммуникативного хода в семиотически обособленной позиции (текст графически обособлен на странице сайта).

Статус и институциональная репутация, а также узнаваемость в определенном сообществе составителей предисловий, переводчиков выполняют функцию аттрактивных средств и могут быть отнесены к коммуникативной категории авторитетности наравне с именами авторов комплиментарных отзывов, традиционно размещаемых на четвертой странице обложки и странице сайта издательства.

В задачи книгоиздателя входит обеспечение диалога между автором и читателем, а в случае переиздания классики, еще и валоризация произведения, обеспечение его совместимости с социокультурными ценностями языкового сообщества. Диалогу читателя с автором предшествует диалог с издателем, и во многом от эффективности этого диалога зависит судьба книги. Как и любые тексты с целеустановкой на воздействие, издательские метатекстовые жанры диалогичны, что на языковом уровне выражается, в первую очередь, в формах инклюзивных местоимений, а также ссылках на общеизвестную информацию [4, с. 146].

Личные местоимения, в частности форма ассоциативно-символической инклюзии 1-го лица мн.ч. и ее производные: *we, us, our* обозначают «пресуппозиционную связку «Я+Другой» – формулу личной множественности» [10, с. 4]. Инклюзивные местоимения помимо включения читателя – адресата как первичного авторского текста, так и издательского вторичного метатекстовго жанра, служат маркером статусного признака [5, с. 232]. Корпус проанализированных текстов содержит 29 вхождений местоимения *we*, включая притяжательную и объектную формы, из которых инклюзивных – 27. Приведем лишь один пример практически полного текста издательской аннотации к изданию романа «Crime and Punishment»:

(22) *From the beginning we are locked into the frenzied consciousness of Raskolnikov <…> From that moment on, we share his conflicting feelings of self-loathing and pride, of contempt for and need of others, and of terrible despair and hope of redemption: and, in a remarkable transformation of the detective novel, we follow his agonised efforts to probe and confront both his own motives for, and the consequences of, his crime.*

The result is a tragic novel built out of a series of supremely dramatic scenes that illuminate the eternal conflicts at the heart of human existence: most especially our desire for self-expression and self-fulfilment, as against the constraints of morality and human laws; and our agonised awareness of the world's harsh injustices and of our own mortality, as against the mysteries of divine justice and immortality (Crime and Punishment, Wordsworth, 2000).

Полагаем, что наличие инклюзивных форм в данном тексте, адресантом которого является британский издатель, посвященном произведению иной эпохи и иной лингвокультуры, говорит о вневременном характере классики, об универсальных проблемах и ценностях, о принятии и понимании адресатом (издатель в данном случае выступает и как читатель) описываемых общечеловеческих социальных, нравственных, этических и философских проблем.

Единственный пример, в котором адресат исключен из «Мы-дискурса», – это аннотация к юбилейному изданию романа «Демоны»:

(23) *To pay homage to the author we have decided to release this the 150th Anniversary Edition on November 11th to coincide with his birthday. It is our hope that this 150th Anniversary Edition will serve as a tool to pass on the words and teachings of Fyodor Dostoevsky to your children, and to never forget the sacrifice made by men like him* (Demons: 150th Anniversary Edition, 2022, Queensbridge Publishing).

Очевидно, что за формами *we* и *our* стоит только коллективный издатель, диалог с читателем, тем не менее, поддерживается за счет адъективного местоимения *your*.

Формы местоимения 1-го лица ед.ч. и 2-го лица представлены в выборке текстов единичными примерами, что, на наш взгляд, обусловлено статусно-ориентированной институциональной природой рассматриваемого дискурса, а также самим контекстом продвижения и валоризации литературной классики. Таким образом, классическая литература, как элитарная, хоть и не имеет эксплицитно обозначенного читательского адреса в издательских текстах, но их языковое, концептуальное, ценностное и интертекстуальное своеобразие тем не менее указывает на определенный круг читателей. Выбор средств диалогизации, в том числе местоимений, маркирует суперстандартное общение на увеличенной социальной дистанции [5, с. 264].

Перейдем к анализу языковых средств репрезентации образа Ф. М. Достоевского, направленной на современную инокультурную (англоязычную) аудиторию читателей. Рассмотрим, посредством каких номинаций издатель описывает фигуру русского классика. В выборке текстов были выявлены два основных средства концептуализации: существительные (*prophet, psychologist, commentator, chronicler, dissector*, а также существительное *study* для обозначения литературных произведений) и прилагательные (*prophetic, psychological*):

The real nineteenth-century prophet was Dostoevsky, not Karl Marx. (Albert Camus);

The only psychologist from whom I have anything to learn. (Friedrich Nietzsche);

In short, as a commentator on spiritual stagnation, Dostoevsky has no equal;

<…> remains for many the high point of his genius as novelist and chronicler of the modern malaise;

<…> shows Dostoevsky at his best as a ruthless dissector of the quirks and foibles of the human character.

Научная точность в описании человеческой натуры и тонких психологических граней выражается в многочисленных словоупотреблениях существительного *study*: *a study of atheism, a classic study of human breakdown, a compelling study of terrorism, study of natural goodness, a study of the coming of age.* Таким образом, применительно к личности Ф. М. Достоевского издатели используют различные номинации, часть из которых объединена семантикой научной точности, а другая ассоциируется с более привычной ролью писателя.

Еще один прием, используемый издателем для валоризации классического произведения, мы обозначили как «издательская проспекция». Он предполагает выстраивание некой взаимосвязи одних произведений автора с появлением других. На языковом уровне данный коммуникативный ход реализуется глаголом *foreshadow* (предвосхищать, предопределять) или его семантическими (лексическими или фразовыми) эквивалентами: *herald, insight into the genesis, contain the seeds of the themes*...):

(24) *At the centre of the story are a young struggling author, an orphaned teenager and a depraved aristocrat, who not only foreshadows the great figures of evil in Dostoevsky's later fiction, but is a powerful and original presence in his own right* (Humiliated and Insulted, Alma, 2019);

(25) *Notes from Underground, written in 1864, heralds the great novels of Dostoevsky's maturity* (Notes from Underground, Everyman, 2004);

(26) *It also offers a fascinating insight into the genesis of the characters and situations of many of Dostoyevsky's great later novels, including The Idiot, Devils and The Brothers Karamazov* (The Village of Stepanchikovo, Penguin, 2007).

Благодаря данному приему издатель не просто вписывает конкретное произведение в общее литературное наследие автора, но и ориентирует адресата-читателя в том, как развивались те или иные темы в творчестве Ф. М. Достоевского.

Завершим обзор лингвистических средств валоризации изданий русской классической литературы на примере творчества Ф. М. Достоевского в англоязычном книгоиздательском дискурсе рассмотрением перечня антропонимических номинаций. Данная группа языковых единиц важна, так как имена собственные создают полифонию дискурса, отсылая к означенным лицам, обеспечивают интертекстуальные связи, служат косвенными маркерами адресации (узнавание адресатом и соотнесение имени с энциклопедическими знаниями об упоминаемой личности служит сигналом принадлежности к сообществу образованных читателей).

К антропонимам относятся имена переводчиков, филологов-составителей предисловий, о которых речь шла выше. В издательских метатекстах встречаются имена и тех лиц, которые не имеют непосредственного отношения к подготовке издания – это различные современные автору или нынешнему читателю представители науки, литературной журналистики и собственно писатели, сами выступающие в роли критиков, или чьи имена используются для сравнения произведения с их творениями:

(27) *There is one other book, that can teach you everything you need to know about life…it's The Brothers Karamazov (Kurt Vonnegut)* (The Brothers Karamazov, Penguin, 2024);

(28) *By contrast, Vladimir Nabokov called it 'the best thing he ever wrote' and described it as 'a perfect work of art'* (White Nights; Poor Folk; The Double, Wordsworth, 2025);

(29) *No novelist ever wrestled with materialism more fiercely and intelligently than Dostoevsky. (Jonathan Franzen)* (The Gambler, Alma, 2014);

(30) *Dostoevsky gives me more than any scientist, more than Gauss! (Albert Einstein)* (Humiliated and Insulted, Alma, 2019).

Авторами комплиментарных отзывов в примерах (27) и (29) из раздела Reviews являются американские писатели XX–XXI вв., хорошо известные не только в США, но и в мире. Полагаем, что их мнение и высокая оценка классика русской литературы будет весомым аргументом для англоязычной аудитории. Имя В. Набокова (28) таже знакомо образованному читателю в США и не только. Высказывание А. Эйнштейна (30) подтверждает наше заключение относительно «научности» Достоевского, так как сравнение не в пользу Карла Гаусса – выдающегося немецкого математика и физика XIX в. – служит знаком истинного признания. Среди имен, не включенных в качестве примеров в рамки данной статьи, были имена как современников Достоевского, так и ныне живущих представителей литературы, науки, журналистики, искусства, последний факт служит подтверждением того, что одним из эффективных способов «оживить» классику, позиционировать ее в англоязычной аудитории является привлечение видных лидеров мнений, чья оценка будет иметь вес при выборе книги современным зарубежным читателем.

Заключение

Подводя итог, подчеркнем, что «мягкая сила», инструментом которой является культура и литература как ее важнейший компонент, необходима для формирования положительного образа страны. Русская классическая литература, ярким представителем которой является Ф. М. Достоевский, присутствует на книжном рынке Великобритании и США. Одной из целей книгоиздательской практики как валоризирующего типа дискурса является продвижение издаваемых книг, возведение к ценности литературных памятников культуры в новых условиях коммуникации, не элитарной, а массовой.

Среди языковых средств валоризации выделены единицы разного уровня. К ним относятся средства: *номинации* и *концептуализации* «вечных» тем, а также создания образа писателя; *контекстуализации* творчества Ф. М. Достоевского на двух уровнях (глобальном и личном); *создания* полифонии дискурса (цитаты с атрибуцией, имена собственные и прецедентные имена); *реализации* категории авторитетности (статусно маркированная лексика), диалогичности (инклюзивные местоимения, интертекст).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Викулова Л. Г.* Как понять иную систему ценностей: валоризация классики в издательском дискурсе // Филология в контексте коммуникации и современной культуры: Материалы Международного филологического конгресса, Краснодар, 19–22 мая 2020 года / Отв. редакторы С. С. Бычков, В. В. Катермина, А. М. Прима, А. В. Самойлова. Том 1. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. С. 142–149.
2. *Викулова Л. Г.* Как продвигает классику французский книгоиздательский дискурс // Романские тетради. М.: Общество с ограниченной ответственностью "Языки Народов Мира", 2024. С. 33–44.
3. *Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф., Петрова И. П., Соболева И. А.* Аксиологическое измерение концепта «Россия» в ситуации самоидентификации личности (по данным ценностных суждений студентов-луганчан, 2017-2023 гг.) // Русский язык в школе. 2025. Т. 86, № 2. С. 114–124. DOI 10.30515/0131-6141-2025-86-2-114-124.
4. *Духовная Т. В., Уланова Е. Э., Федоров И. Е., Хутыз И. П.* Институциональный дискурс: контексты, герои, эмоции. М.: ФЛИНТА, 2020. 248 с.
5. *Карасик В. И.* Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 333 с.
6. *Кафанова О. Б.* Перевод как средство актуализации классики // Литература в школе. 2021. № 1. С. 67–79. DOI 10.31862/0130-3414-2021-1-67-79.

7. *Маркетинговая лингвистика. Закономерности продвигающего текста.* [Отв. ред. Викулова Л. Г., Борисова Е. Г.]. М.: Общество с ограниченной ответственностью "ФЛИНТА", 2019. 164 с.
8. *Нефедов С. Т., Чернявская В. Е.* Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 83-97. DOI 10.17223/19986645/63/5.
9. *Серебренникова Е. Ф.* Когерентность формы и содержания: фактор аттрактивности в высказывании // Человек и его Язык: материалы юбил. XVI междунар. конф. науч. Шк. – Семинара им. А. М. Скрелиной / [отв. ред. Л. А. Становая]. М-во образования и науки РФ, Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2013. С. 61–66.
10. *Серебренникова Е. Ф.* Местоимение nous: к проблеме системных оснований конструктивного потенциала в дискурсе // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2024. № 3. С. 3-13. DOI 10.18101/2686-7095-2024-3-3-13.
11. *Сулейманова О. А., Борботько Л. А.* Дискурсивный анализ и прагматика: возможно ли провести границу? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. Т. 21, № 4. С. 919–929. DOI 10.21638/spbu09.2024.409.
12. *Федотов А. Н.* Паратекст как средство валоризации классических произведений // Наука и Образование. 2022. Т. 5, № 2.
13. *Чернявская В. Е.* Дискурсивный анализ репутации университета: выдвижение прошлого в актуальной практике // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 4. С. 940-958. DOI 10.24147/2413-6182.2019.6(4).940-958.
14. *Чупрына О. Г.* Обложечная аннотация как продвигающий текст // Иностранные языки в высшей школе. 2020. № 3(54). С. 105–114. DOI 10.37724/RSU.2020.54.3.010.
15. *Barry R. R.* The Neo-Classics: (Re)Publishing the "Great Books" in the United States in the 1990s. // Book History. 2003. V. 6. Pp. 251–275. https://dx.doi.org/10.1353/bh.2004.0002.
16. *Gea-Valor V. L., Ros M. I.* On the Dynamic Nature of Genre: A Diachronic Study of Blurbs // Academic Evaluation. Review Genres in University Settings. London: Palgrave, Macmillan, 2009. Pp. 199–216.
17. *Kathpalia S. S.* Persuasive Genres. Old and New Media. London: Routledge, 2022. 220 p.

Поступила в редакцию 04.11.2025

Зоидзе Элла Амирановна, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации
института нестранных языков ГАО ВО «Московский городской педагогический университет»,
129226, Москва,2-й Сельскохозяйственный проезд, 4.
E-mail: ZoidzeEA@mgpu.ru

E. A. Zoidze

LINGUISTIC MEANS OF VALORISATION OF RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE IN ENGLISH PUBLISHING DISCOURSE

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-780-790

The article regards the spectrum of linguistic means used in English publishing discourse metatexts to valorise the translated editions of Russian classical literature. The study considers a hybrid genre of a *book blurb* that functions in the digital space of official websites of British and American publishing houses. The research focuses on language means on different levels used to revitalise and to valorise translated editions of Dostoevsky's works from the end of the XIX century till these days. The article aims at analysis and interpretation of linguistic valorisation mechanisms in relation to Russian literary classics as well as its promotion to the modern English-speaking readership. Within the framework of the study, publishers' metatexts are considered from axiological, dialogical, and pragmatic perspectives. Book blurbs on official publishers' websites consist of different communicative moves from which the moves 'establishing credentials' and 'evaluation of the book' contribute to the aim of valorisation. Among the language means of revitalising and valorising modern editions of Dostoevsky's books there are lexical means of nominating 'eternal topics', means of contextualisation of the literary work against the historic and biographical background, evaluative lexis, quotations, precedent names that refer to the writer's contemporaries and to modern opinion makers.

Keywords: publishing discourse, metatext, book blurb, valorization, Russian classical literature, F.M. Dostoevsky.

REFERENCES

1. *Vikulova L. G.* Kak ponyat inuyu sistemu tsennostey: valorizatsiya klassiki v izdatelskom diskurse [How to understand the value system of another: classics valorization in publishing discourse]. Filologiya v kontekste kommunikatsii i

sovremennoy kultury: Materialy Mezhdunarodnogo filologicheskogo kongressa [Philology in the Context of Communication and Modern Culture], Krasnodar, 19–22 maya 2020 goda / Otv. redaktory S. S. Bychkov, V. V. Katermina, A. M. Prima, A. V. Samoylova. Tom 1. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 2020, pp. 142–149. (In Russian).

2. *Vikulova L. G.* Kak prodvigayet klassiku frantsuzskiy knigoizdatelskiy diskurs [The way French publishing discourse promotes classical works]. Romanskiye tetradi [Romance Notebooks]. M.: Yazyki Narodov Mira, 2024, pp. 33–44. (In Russian).
3. *Vikulova L. G., Serebrennikova Ye. F., Petrova I. P., Soboleva I. A.* Aksiologicheskoye izmereniye kontsepta «Rossiya» v situatsii samoidentifikatsii lichnosti (po dannym tsennostnykh suzhdeniy studentov-luganchan, 2017-2023 gg.) [Axiological dimension of the concept of "Russia" in the context of personal self-identification (based on value judgments of students from Luhansk, 2017-2023)]. Russkiy yazyk v shkole [Russian language in schools], 2025. T. 86, № 2, pp. 114–124. DOI 10.30515/0131-6141-2025-86-2-114-124. (In Russian).
4. *Dukhovnaya T. V., Ulanova Ye. E., Fedorov I. Ye., Khutyz I. P.* Institutsionalnyy diskurs: konteksty, geroi, emotsii [Institutional discourse: contexts, actors, emotions]. M.: FLINTA, 2020. 248 p. (In Russian).
5. *Karasik V. I.* Yazyk sotsialnogo statusa [The language of social status]. M.: ITDGK «Gnozis», 2002. 333 p. (In Russian).
6. *Kafanova O. B.* Perevod kak sredstvo aktualizatsii klassiki [Translation as a means of classics actualization] // Literatura v shkole. 2021. № 1, pp. 67–79. DOI 10.31862/0130-3414-2021-1-67-79. (In Russian).
7. *Marketingovaya lingvistika. Zakonomernosti prodvigayushchego teksta [Marketing linguistics. The regularities of a promotional text]. [Otv. red. Vikulova L. G., Borisova Ye. G.]. M.: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennostyu "FLINTA", 2019. 164 p. (In Russian).*
8. *Nefedov S. T., Chernyavskaya V. Ye.* Kontekst v lingvisticheskom analize: pragmaticheskaya i diskursivno-analiticheskaya perspektiva [Context in linguistics: pragmatic and discourse analytical dimensions]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Bulletin of Tomsk State University. Philology]. 2020. № 63, pp. 83-97. DOI 10.17223/19986645/63/5. (In Russian).
9. *Serebrennikova Ye. F.* Kogerentnost formy i soderzhaniya: faktor attraktivnosti v vyskazyvanii [Coherence of the form and content: the factor of attractivity of the utterance]. Chelovek i yego Yazyk : materialy yubil. XVI mezhdunar. konf. nauch. Shk. – Seminara im. A. M. Skrelinoy / [otv. red. L. A. Stanovaya]. M-vo obrazovaniya i nauki RF, Ros. gos. ped. un-t im. A. I. Gertsena. SPb., 2013, pp. 61–66. (In Russian).
10. *Serebrennikova Ye. F.* Mestoimeniye nous: k probleme sistemnykh osnovaniy konstruktivnogo potentsiala v diskurse [Nous pronoun: on the problem of systemic foundations of constructive potential in discourse]. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Bulletin of Buryat State University. Philology]. 2024. № 3, pp. 3-13. DOI 10.18101/2686-7095-2024-3-3-13. (In Russian).
11. *Suleymanova O. A., Borbotko L. A*. Diskursivnyy analiz i pragmatika: vozmozhno li provesti granitsu? [Discourse analysis vs linguistic pragmatics: is there a divide?]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literature [Bulletin of Saint Petersburg University. Language and Literature]. 2024. T. 21. № 4, pp. 919–929. DOI 10.21638/spbu09.2024.409. (In Russian).
12. *Fedotov A. N.* Paratekst kak sredstvo valorizatsii klassicheskikh proizvedeniy [Paratext as a means of valorization of classical works]. Nauka i Obrazovaniye [Science and Education]. 2022. T. 5, № 2. (In Russian).
13. *Chernyavskaya V. Ye.* Diskursivnyy analiz reputatsii universiteta: vydvizheniye proshlogo v aktualnoy praktike [Discursive approach to university reputation: foregrounding the past in the actual practice]. Kommunikativnyye issledovaniya [Communication Studies]. 2019. T. 6, № 4, pp. 940-958. DOI 10.24147/2413-6182.2019.6(4).940-958. (In Russian).
14. *Chupryna O. G.* Oblozhechnaya annotatsiya kak prodvigayushchiy tekst [Blurb as a promotional text]. Inostrannyye yazyki v vysshey shkole [Foreign Languages in High School]. 2020. № 3(54), pp. 105–114. DOI 10.37724/RSU.2020.54.3.010. (In Russian).
15. Barry R. R. The Neo-Classics: (Re)Publishing the "Great Books" in the United States in the 1990s. // Book History. 2003. V. 6. Pp. 251–275. https://dx.doi.org/10.1353/bh.2004.0002. (In English).
16. Gea-Valor V. L., Ros M. I. On the Dynamic Nature of Genre: A Diachronic Study of Blurbs // Academic Evaluation. Review Genres in University Settings. London: Palgrave, Macmillan, 2009. Pp. 199–216. (In English).
17. Kathpalia S. S. Persuasive Genres. Old and New Media. London: Routledge, 2022. 220 p. (In English).

Received 04.11.2025

Zoidze E.A., Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor at Department of Anglistics and Cross-cultural Communication
Moscow City University
Vtoroy Selskohoziajstvenny proezd, 4, Moscow, Russia, 129226
E-mail: ZoidzeEA@mgpu.ru

УДК [81.111+81.161.1+811.133.1]’255.4:747(045)

С. А. Иванова, Н. А. Казина, А. А. Шагеева

ФРЕЙМОВАЯ МОДЕЛЬ КАК ОСНОВА ДЛЯ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ДВУЯЗЫЧНОГО ГЛОССАРИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

В статье рассматривается применение фреймовой модели как основы для создания двуязычного глоссария в области атомной энергетики. Обсуждаются понятия фрейма и фреймовой модели, их роль в организации и представлении знаний, а также преимущества данного подхода для систематизации терминологии. Представлены фрагменты фреймовой структуры терминосистемы «Атомная энергетика», отражающие взаимосвязь ключевых понятий отрасли, таких как типы реакторов и основные процессы. Показано, что использование фреймов при моделировании двуязычного глоссария терминов атомной энергетики способствует упорядочиванию терминов в иерархическую систему, облегчая восприятие и анализ специализированного лексического материала. Отмечается ценность разработки фреймовой модели для электронных глоссариев с применением гипертекстовых структур, что может повысить эффективность поиска и изучения терминов. Результаты исследования подчеркивают значимость фреймовой модели как инструмента повышения качества научно-технической коммуникации и обучения в сфере атомной энергетики.

Ключевые слова: фрейм, фреймовая модель, атомная энергетика, глоссарий, двуязычный глоссарий.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-791-797

Понятие фрейма не является новым в лингвистике. Фреймовый подход используется для систематизации и семантического анализа лексического материала со второй половины прошлого века. В настоящее время фреймовая модель как способ организации и представления знаний остается актуальной в том числе в рамках систем искусственного интеллекта. Это стало возможным благодаря развитию когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, в основу которой положено определение языка как когнитивного процесса, осуществляемого в коммуникативной деятельности [8]. Такое видение языка характерно для когнитивной лингвистики, фокусирующейся на «языке как общем когнитивном механизме» и рассматривающей язык как инструмент познания – систему знаков, участвующих в представлении (кодировании) и преобразовании данных [7, с. 53]. Задачи когнитивных исследований включают в себя анализ ментальных представлений в сознании человека и описание их связи с языковыми формами [12, с. 45]. Можно утверждать, что ментальная репрезентация стала одной из ключевых категорий когнитивной науки. Изучение ментальной репрезентации знака позволяет выявить универсальные закономерности, действующие в сознании человека, и проследить их проявление в процессе наименования.

Когнитивные аспекты исследования в лингвистике в целом применимы к изучению термина в частности. Когнитивный подход к изучению термина позволяет утверждать, что, являясь языковым выражением специального понятия, термин выступает в качестве носителя профессионально-научного знания и «представляет собой типовую когнитивно-информационную структуру, аккумулирующую специальные знания, необходимые в процессе профессионально-научной деятельности» [3, с. 8]. Фиксируя усвоенную информацию, он превращается в средство познания (науки), предоставляя возможность для углубления, расширения и передачи данных. Следовательно, когнитивно-информационная природа термина дает возможность применить фреймовый подход к исследованию организации и представления знаний, выраженных терминами. Термин как квант научного знания имеет фреймовый характер [6, с. 12]. Фреймовая природа термина обеспечивает упорядоченное представление специального знания в сознании.

Фрейм в когнитивной лингвистике рассматривается как структура, репрезентирующая понятия особым образом. Фрейм определяется как «когнитивная структура знания / структура представления знания о типичной, тематически целостной ситуации, организованная в виде иерархически связанных субфреймов и слотов, с устоявшимся началом и категориальным принципом организации знаний» [5, с. 29]. Основоположник теории фрейма в искусственном интеллекте М. Минский выделяет двухуровневую организацию фрейма, в которой представлены вершинные и терминальные компоненты. М. Минский отмечает, что «верхние уровни фрейма четко определены, так как образованы такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к стереотипной ситуации, тогда как на низких уровнях имеются терминалы, которые необходимо заполнить характерными примерами или данными» [11].

Ч. Филлмор, один из основателей когнитивной лингвистики, называет фреймы особыми унифицированными конструкциями знания или связанными схематизациями опыта [14].

Несмотря на множество объяснений термина «фрейм», можно выделить основные характеристики, которые описываются в различных работах, посвященных данному явлению (см., например, работы Ч. Филлмора, Т. А. ван Дейка, М. Минского, Дж. Тейлора, Н. Н. Болдырева, Е. С. Кубряковой и др.).

1. С одной стороны, фрейм является выражением стереотипной ситуации. Однако, следует заметить, что фрейм – это отражение опыта человека, и может заполняться субъектом самостоятельно, в зависимости от принадлежности к той или иной культуре. Тем не менее, это значит, что для совокупности людей, выросших в одной среде, фрейм, действительно, может являться стереотипной моделью поведения. Это объясняется тем, что для успешного взаимодействия индивидам необходимо, чтобы знание было организовано в структуры, понятные каждому участнику.

2. Фрейм является уникальной системой организации знаний и опыта человека, выраженных в вербальной форме. Следовательно, фрейм объединяет когнитивную и языковую области в процессе речи.

3. Важным свойством фреймов, которые отмечают практически все исследователи, является взаимосвязь и взаимопроникновение фреймов. Это значит, что фреймы могут образовывать определенные иерархии, когда в один фрейм, например, может входить несколько подфреймов (субфреймов). Такая структура позволяет глубже и точнее организовывать знание и опыт. Эти взаимосвязанные фреймы создают многогранную когнитивную основу, на которой строится понимание и передача информации.

Перечисленные характеристики фрейма важны для разработки фреймовой модели электронного терминологического глоссария. Преимуществом использования фреймового подхода при изучении терминосистемы является его способность упорядочить последнюю и представить ее в виде удобной, структурированной модели. Соответственно, фреймовая модель организации глоссария дает возможность представить терминосистему как структуру, раскрыть все многообразие связей между основными ее элементами. Такое представление терминологической информации может облегчить работу переводчиков, особенно тех, кто занимается переводом специализированных текстов без глубоких предварительных знаний предметной области. Это объясняется ключевой особенностью фреймовой модели, состоящей в том, что она позволяет организовать терминологический материал не в виде традиционного алфавитного списка, а как иерархическую систему взаимосвязанных понятий.

В современной практике происходит эволюция традиционных способов представления знаний, а именно переход к новым, более гибким и динамичным формам. В этом контексте особую роль играют электронные глоссарии, позволяющие, благодаря гипертекстовой структуре, выдавать информацию, адаптированную под индивидуальные потребности пользователя. Именно через такие инновационные цифровые инструменты обеспечивается эффективное и удобное взаимодействие с большими объемами лингвистической (в том числе терминологической) информации.

Рассматривая структурную организацию онлайн-глоссария, необходимо указать, что он строится на принципиально иных основаниях, нежели традиционный, поскольку благодаря своему гипертекстовому устройству дает возможность пользователю создавать свое собственное композиционное решение, активизируя информационные зоны словаря в соответствии с личным запросом, в зависимости от того, что именно пользователю требуется найти или изучить в данном электронном глоссарии [9].

Однако в структуре электронного глоссария представляется возможным выделить определенные композиционные компоненты, для описания и содержания которых вполне возможно использовать традиционный термин «макроструктура». Макроструктура электронного глоссария в линейной последовательности по большей части дублирует макроструктуру традиционных словарей, включает в себя, как правило, вводно-объяснительный раздел, а также непосредственно корпус самого словаря. Наряду с этим, следует принимать во внимание практикоориентированность, многоязычность, многофункциональность, парадигматические и синтагматические отношения входящих в него единиц [10].

Целью данной работы является обоснование фреймовой модели в качестве базового принципа создания электронного двуязычного глоссария терминов атомной энергетики. Атомную (ядерную) энергетику нельзя назвать новой научной отраслью, тем не менее изучение терминологии этой области знаний представляется крайне актуальным. Ядерная энергетика обеспечивает значительную часть производящейся в мире энергии, её использование в будущем, как ожидается, будет расти, десятки новых атомных станций находятся сегодня на стадии строительства в различных странах. Всё вышесказанное обусловливает необходимость исследования вопросов, связанных с созданием словарной продукции терминов обозначенной отрасли.

На примере фреймовой структуры терминосистемы «Атомная энергетика» можно увидеть, что верхний уровень фиксирует основное терминируемое понятие отрасли, далее оно разветвляется на подкатегории — типы реакторов и ключевые процессы. Таким образом, фреймовая модель одновременно отражает как классификацию объектов (например, различные конструктивные варианты реакторов), так и базовые процессы, лежащие в основе функционирования всей системы. Подобная структура задаёт основу для дальнейшей детализации в рамках специализированных субфреймов.

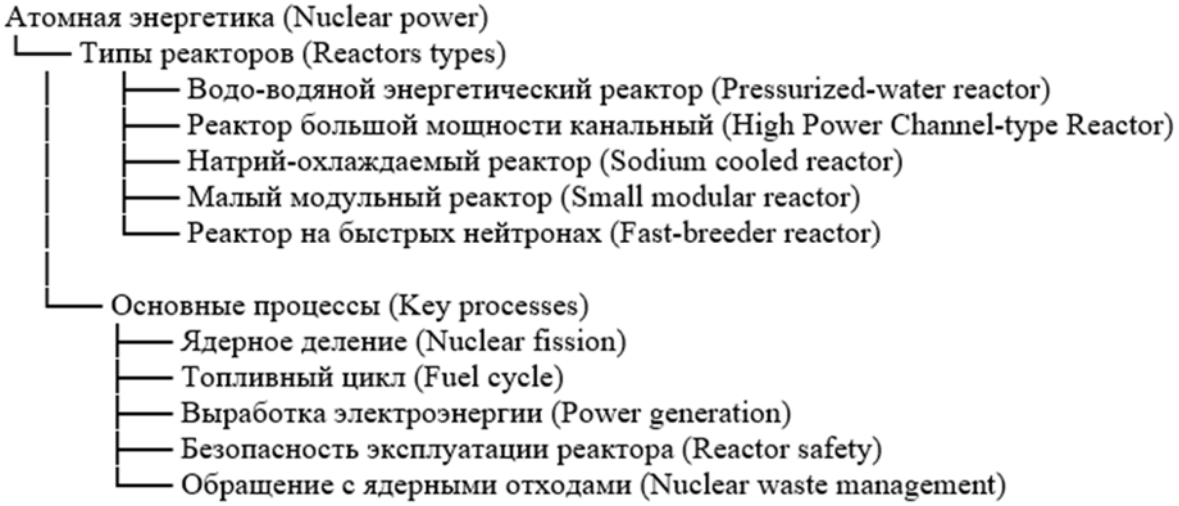


Рис. 1. Фрагмент фреймовой структуры терминируемого понятия «Атомная энергетика»

Рисунок 1 графически представляет фрагмент фреймовой структуры терминируемого понятия «Атомная энергетика», отражает базовую структуру предметной области и демонстрирует взаимосвязь ключевых понятий в двуязычном формате. На верхнем уровне закрепляется основное понятие «Атомная энергетика / Nuclear power», которое раскрывается в данном примере через два узла схемы, выраженных фреймами «Типы реакторов» и «Основные процессы». Последние обеспечивают функционирование реакторов. Такое структурирование позволяет рассматривать отрасль как систему, где технические объекты соотносятся с процессуальными характеристиками.

Фрейм «Типы реакторов / Reactor types» фиксирует основные разновидности конструкций, применяемых в мировой энергетике: водо-водяные энергетические реакторы, канальные установки большой мощности, быстрые, малые модульные и охлаждаемые реакторы. Каждый из указанных типов может быть представлен в виде отдельного подфрейма, или субфрейма, первого уровня (например, субфрейм «Водо-водяной энергетический реактор / Pressurized-water reactor»), что обеспечивает возможность последовательной детализации и уточнения терминологии с учётом конструктивных особенностей.

Фрейм «Основные процессы / Key processes» объединяет ключевые этапы жизненного цикла атомной энергетики: ядерное деление, топливный цикл, выработку электроэнергии, обеспечение радиационной защиты и поддержание эксплуатационной безопасности. Такое представление позволяет не только отразить переводные соответствия, что можно увидеть и в традиционном глоссарии, основанном на алфавитном принципе, но и выявить логику функционирования отрасли.

Как видно из данного фрагмента фреймовой структуры терминосистемы атомной энергетики, фреймовая модель обеспечивает упорядочивание терминологии, отражающей многоплановость того фрагмента картины мира, каким является обсуждаемая система.

Если фрагмент фреймовой структуры терминосистемы атомной энергетики, представленный на рис. 1, дает понимание общей структуре отрасли и фиксирует некоторые её ключевые категории, то рис. 2 графически демонстрирует возможности более детализированного моделирования на материале конкретного объекта. В качестве иллюстрации выбран субфрейм первого уровня «Водо-водяной энергетический реактор / Pressurized-water reactor». Данный реактор является одним из наиболее распространённых типов установок в мировой атомной энергетике. Структура субфрейма строится вокруг центрального понятия «Водо-водяной энергетический реактор / Pressurized-water reactor», графически находящегося в верхушке схемы, и последовательно раскрывает его через субфреймы второго уровня,

представляющие конструктивные элементы и системы обеспечения реактора (Активная зона / Core, Система охлаждения / Coolant system, Системы управления и защиты / Control and safety), а также его функциональные характеристики (Функции и назначение / Functions and Purpose). Графически субфреймы второго уровня обозначены как терминальные узлы, которые отходят от верхушки схемы. Такое представление позволяет показать, каким образом фреймовая модель может быть использована для систематизации терминологии не только на уровне понятийного аппарата отрасли, но и при описании отдельных технических объектов.

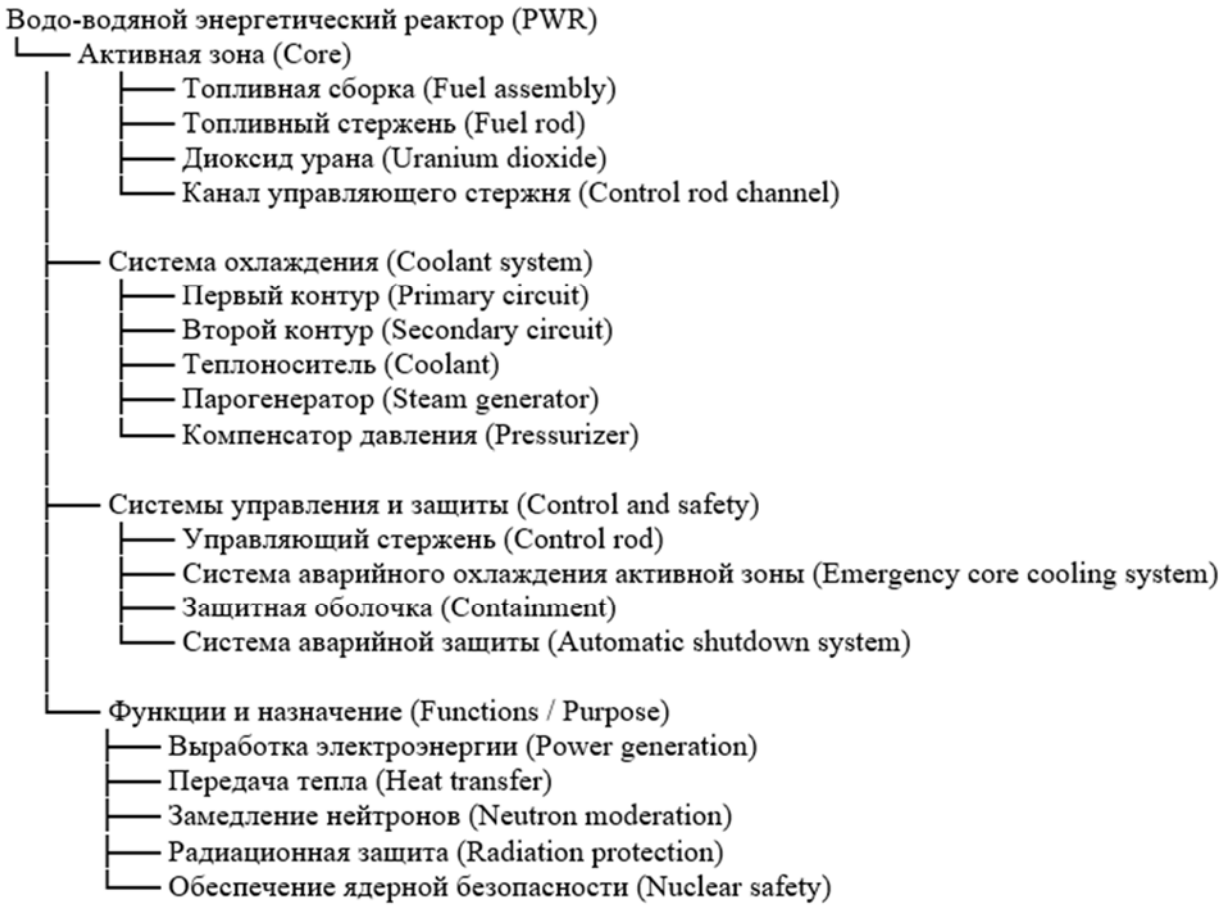


Рис. 2. Фреймовая структура термина «Pressurized-water reactor»

Субфрейм первого уровня «Водо-водяной энергетический реактор / Pressurized-water reactor», который входит в вышеописанный фрейм «Типы реакторов», отражает системное понимание структуры и функционирования водо-водяного энергетического реактора, демонстрируя взаимосвязь его ключевых компонентов и их функциональное назначение. Субфрейм второго уровня «Активная зона / Core» представляет понятие сердца реактора, где происходит управляемая цепная ядерная реакция. Субфреймы третьего уровня данного подфрейма второго уровня показывают, что активная зона включает топливные сборки и стержни, выполненные из диоксида урана, и каналы управляющих стержней, обеспечивающие возможность точного регулирования реактивности. Именно на этом уровне осуществляется первичная генерация энергии и начинается процесс переноса тепла к системе охлаждения, что делает активную зону критически важной как с точки зрения эффективности, так и с позиции безопасности.

Субфрейм второго уровня «Система охлаждения / Coolant system» через соответствующие субфреймы третьего уровня показывает, какие компоненты входят в эту систему: первичный и вторичный контуры, теплоноситель, парогенератор и компенсатор давления, которые образуют сложную взаимозависимую сеть, критически важную для поддержания стабильного и безопасного теплового режима реактора. Особое внимание уделено обеспечению непрерывного теплообмена и предотвращению перегрева, что является ключевым аспектом эксплуатационной безопасности.

Субфрейм второго уровня «Системы управления и защиты / Control and safety» объединяет понятия систем управления и защиты, которые формируют многоуровневый механизм предотвращения аварий и минимизации их последствий. Данные понятия представлены в виде соответствующих субфреймов третьего уровня. Управляющие стержни позволяют оперативно регулировать скорость реакции, система аварийного охлаждения активной зоны обеспечивает мгновенное снижение температуры при нештатных ситуациях, а защитная оболочка и автоматическая система аварийной остановки создают барьер против выхода радиоактивных веществ. Совокупность этих элементов гарантирует как нормальную эксплуатацию, так и способность реактора противостоять чрезвычайным ситуациям.

Наконец, субфрейм второго уровня «Функции и назначение / Functions and purpose» через субфреймы третьего уровня фиксирует целевое назначение реактора, включая выработку электроэнергии, передачу тепла, замедление нейтронов и обеспечение радиационной и ядерной безопасности. Комплексный подход к организации водно-водяного энергетического реактора демонстрирует, как инженерные решения интегрируются с требованиями ядерной физики и безопасности, обеспечивая эффективное, стабильное и безопасное функционирование всего энергокомплекса.

Следует отметить, что представленные примеры фрагментов фреймовой структуры терминосистемы «Атомная энергетика» являются тематическими фреймами, которые, будучи положенными в основу разработки электронного двуязычного глоссария, помогут расширить коммуникативно-информационную сферу пользователя данного глоссария, его терминологическое пространство и осуществить быстрый поиск перевода нужного термина.

В статье не представлены примеры дефиниционных фреймов, отражающих информацию о понятии, выраженном термином, его взаимосвязях с другими понятиями, и структурных фреймов, иллюстрирующих терминообразовательные ресурсы терминов. Однако, включение указанных типов фреймов в модель электронного двуязычного глоссария поможет более полноценно систематизировать специальные и терминологические знания в области атомной энергетики. Описанная задача является следующим этапом нашего исследования.

Использование фреймового подхода к моделированию электронного двуязычного глоссария терминов атомной энергетики позволит организовать термины этой отрасли в иерархические системы взаимосвязанных понятий и подпонятий, что существенно облегчит работу с заявленным глоссарием.

Фреймовая модель способствуют упорядочиванию знаний, системность представления материала, обеспечивая связь между языковой формой термина и ментальной репрезентацией ситуации или объекта, что важно для точной научно-технической коммуникации. Глоссарий на основе такой модели будет полезен при переводе специализированных текстов, так как позволяет отображать особенности предметной области в виде структурированных когнитивных схем.

Современные технологии электронных глоссариев, построенных на гипертекстовых структурах, открывают дополнительные возможности для индивидуальной адаптации и эффективного поиска информации пользователями. Это делает двуязычные глоссарии не только инструментом перевода, но и полноценной системой знаний, адаптированной под нужды конкретных специалистов.

Таким образом, применение фреймовой модели для создания двуязычного глоссария атомной энергетики становится важным шагом в развитии лингвистики и технической коммуникации, что способствует повышению качества обмена знаниями и минимизации недопонимания в профессиональной среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева Л. М.*, *Мишланова С. Л.* Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: изд-во Перм. ун-та, 2002. 200 с.
2. *Алферьева-Термсикос В. Б.* Методологические основы технологии фрейминга // Эпоха науки. 2024. № 40. С. 203–208.
3. *Володина М. Н.* Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация. Автореферат дис…д.ф.н. 10.02.04 / М., 1998. 59 с.
4. *Гринев-Гриневич С. В.* Терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.
5. *Гусельникова О. В.* Возможности фреймового анализа // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 5. С. 29–32.
6. *Иванова С. А.* Семантизация термина в научно-учебном тексте. Автореферат дис…. к.ф.н. 10.02.20 / Екатеринбург, 2007. 24 с.
7. *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996. 245 с.

8. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Наука, 2004. 560 с.
9. *Куламихина И. В., Абросимова Е. А., Есмурзаева Ж. Б., Жбиковская О. А., Гаврилова Н. В.* Учебный глоссарий как средство формирования профессиональной картины мира // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 4. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=31060 (дата обращения: 14.09.2025).
10. *Мальцева А. Е., Обухова Л. Е., Носова М. Н., Барсукова Н. И.* Создание унифицированного словаря-глоссария в преподавании медико-биологических дисциплин иностранным студентам с использованием языка посредника // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 12 (60). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-unifitsirovannogo-slovarya-glossariya-v-prepodavanii-medikobiologicheskih-distsiplin-inostrannym-studentam-s-ispolzovaniem (дата обращения: 28.08.2025).
11. *Минский М.* Фреймы для представления знаний / Пер. с англ. О. Н. Гринбаума; Под ред. Ф. М. Кулакова. Москва: Энергия, 1979. 151 с.
12. *Мишланова С. Л., Хрусталева М. А.* Интерференция: когнитивно-дискурсивный анализ синонимии. Пермь: изд-во Перм. гос. ун-та, 2009. 200 с.
13. *Терпак М. А.* Фреймовая модель как способ структурирования и анализа концептов // Вестник СамГУ. 2006. № 5-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/freymovaya-model-kak-sposob-strukturirovaniya-i-analiza-kontseptov (дата обращения: 20.08.2025).
14. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.

Поступила в редакцию 13.11.2025

Иванова Светлана Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
E-mail: s.a.ivanova@urfu.ru

Казина Наталья Александровна, магистрант направления «Лингвистика»
E-mail: Ka2inan@yandex.ru

Шагеева Анна Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
E-mail: a.a.shageeva@urfu.ru

ФГБОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
620062, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

S. A. Ivanova, N. A. Kazina, A. A. Shageeva

FRAME MODEL AS A BASIS FOR CREATING A BILINGUAL GLOSSARY OF NUCLEAR ENERGY

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-791-797

The paper discusses the use of a frame model as a basis for creating a bilingual glossary in the field of nuclear energy. The concepts of frame and frame model, their role in the organization and presentation of knowledge, as well as the advantages of using this approach to systematize terminology are discussed. Fragments of the frame structure for the term-system of atomic energy are presented, which show the interrelation of key industry concepts such as reactor types and basic processes. It is shown that the use of frames in modelling bilingual glossary of atomic energy terms helps to order terms into a hierarchical system facilitating the perception and analysis of specialized lexical material. Special attention is paid to the possibilities of using a frame model in electronic glossaries with hypertext structures to improve the efficiency of searching and studying terms. The results of the study emphasize the importance of the frame model as a tool for improving the quality of scientific and technical communication and training in the field of nuclear energy.

Keywords: frame, frame model, nuclear power engineering, glossary, bilingual glossary.

REFERENCES

1. *Alekseeva L. M., Mishlanova S. L.* Medicinskij diskurs: teoreticheskie osnovy i principy analiza [Medical discourse: theoretical foundations and principles of analysis]. Perm: Publishing house of Perm University, 2002. 200 p. (In Russian).
2. *Alferyeva-Termsikos V. B.* Metodologicheskie osnovy tekhnologii frejminga [Methodological foundations of framing technology]. Epoha nauki [Epoch of Science], 2024, no 40, pp. 203–208. (In Russian).
3. *Volodina M. N.* Kognitivno-informacionnaya priroda termina i terminologicheskaya nominaciya [Cognitive and information nature of term and terminological nomination]. Avtoreferat dis. … d.f.n. 10.02.04 [Doctoral synopsis]. Moscow, 1998, 59 p. (In Russian).
4. *Grinev-Grinevich S. V.* Terminovedenie [Terminology]. Moscow: Akademiya, 2008. 304 p. (In Russian).

5. *Guselnikova O. V.* Vozmozhnosti frejmovogo analiza [Possibilities of frame analysis]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of science, culture, and education]. 2009, no.5, pp. 29–32. (In Russian).
6. *Ivanova S. A.* Semantizaciya termina v nauchno-uchebnom tekste [Term semantization in scientific educational text]. Avtoreferat dis. … k.f.n. 10.02.20 [Candidate of science synopsis]. Ekaterinburg, 2007, 24 p. (In Russian).
7. *Kubryakova E. S., Demyankov V. Z., Pankrats Yu. G., Luzina L. G.* Kratkij slovar' kognitivnyh terminov [A short dictionary of cognitive terms under the general editorship of E. S. Kubryakova]. Moscow, 1996, 245 p. (In Russian).
8. *Kubryakova E. S.* Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znanij o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoj tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in cognition of the world]. M.: Nauka, 2004, 560 p. (In Russian).
9. *Kulamikhina I. V., Abrosimova E. A., Esmurzayeva Zh. B., Zhbikovskaya O. A., Gavrilova N. V.* Uchebnyj glossarij kak sredstvo formirovaniya professional'noj kartiny mira [Educational glossary as a means formation of a professional worldview]. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education]. 2021, no 4. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=31060 (date of access: 14.09.2025). (In Russian).
10. *Maltseva A. E., Obukhova L. E., Nosova M. N., Barsukova N. I.* Sozdanie unificirovannogo slovarya-glossariya v prepodavanii mediko-biologicheskih disciplin inostrannym studentam s ispol'zovaniem yazyka posrednika [Creating a uniform dictionary-glossary in teaching medical and biological disciplines to foreign students using the intermediary language]. Russian Linguistic Bulletin. 2024, no 12 (60). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-unifitsirovannogo-slovarya-glossariya-v-prepodavanii-medikobiologicheskih-distsiplin-inostrannym-studentam-s-ispolzovaniem (date of access: 08/28/2025). (In Russian).
11. *Minsky M.* Frejmy dlya predstavleniya znanij [Frames for knowledge representation].Translated from English by O.N. Grinbaum; edited by F. M. Kulakov. Moscow: Energiya Publ., 1979. 151 p. (In Russian).
12. *Mishlanova S. L., Khrustaleva M. A.* Interferenciya: kognitivno-diskursivnyj analiz sinonimii [Interference: a cognitive-discursive analysis of synonymy]. Perm: publishing house of Perm State University, 2009, 200 p. (In Russian).
13. *Terpak M. A.* Frejmovaya model' kak sposob strukturirovaniya i analiza konceptov [The frame model as a way of structuring and analyzing concepts]. Vestnik SamGU [Bulletin of the Samara State University]. 2006, no 5-1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/freymovaya-model-kak-sposob-strukturirovaniya-i-analiza-kontseptov (date of access:20.08.2025). (In Russian).
14. Fillmore Ch. Frames and the Semantics of understandings // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 23: Kognitivnye aspekty jazyka [New in foreign linguistics. Iss. 23: Cognitive aspects of language]. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 52-92 (in Russian).

Received 13.11.2025

Ivanova S.A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages
E-mail: s.a.ivanova@urfu.ru

Kazina N.A., Master student in Linguistics
E-mail: Ka2inan@yandex.ru

Shageeva A.A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages
E-mail: a.a.shageeva@urfu.ru

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
Mira st., 19, Ekaterinburg, Russia, 620062

УДК 81’322.4:34(045)

О. Н. Злобина, И. В. Седина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНТРАКТОВ

В данной статье рассматривается применение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в процессе перевода текстов международных контрактов, кроме того, анализируются основные методы и алгоритмы, используемые для обеспечения точности и юридической корректности перевода. Особое внимание уделяется переводческим решениям на базе нейронных сетей и машинного перевода, которые позволяют значительно сократить время перевода и существенно повысить качество результатов. Кроме того, в статье исследуются преимущества и недостатки использования искусственного интеллекта в юридическом переводе, а также потенциальные риски, связанные с возможными ошибками и недоразумениями. В заключении статьи подчеркивается важность интеграции искусственного интеллекта в профессиональную практику переводчиков и необходимость сочетания современных технологий с человеческим опытом для достижения наилучших результатов в области перевода международных контрактов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, перевод, машинный перевод, юридический перевод, международный контракт.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-798-804

Работа переводчика всегда была неотъемлемой частью человеческой деятельности. Перевод обеспечивает взаимопонимание между народами, способствует развитию международных отношений, науки, культуры и права. В условиях глобализации и активного взаимодействия между странами особое значение приобретает перевод юридических текстов — документов, регулирующих правовые, экономические и политические отношения. От точности такого перевода нередко зависят права и обязанности сторон, юридическая сила документов и корректность их применения в разных правовых системах.

Современное научно-техническое развитие привело к появлению и активному внедрению технологий искусственного интеллекта в различные сферы человеческой деятельности, включая перевод. Сегодня многочисленные программы и электронные ресурсы — GoogleTranslate, Яндекс переводчик, DeepSeek и другие — предоставляют пользователям возможность переводить не только отдельные слова, но и целые тексты. Это позволило сделать перевод доступным даже тем, кто не владеет иностранным языком.

Несмотря на растущую роль искусственного интеллекта в переводческой практике, его применение при переводе юридических текстов остаётся предметом научных дискуссий. С одной стороны, технологии машинного перевода развиваются стремительно, обеспечивая всё более высокий уровень лингвистической точности и стилистической адекватности. С другой — юридический язык отличается формализованностью, наличием устойчивых терминов, синтаксических структур и особенностей правовых систем, что делает его крайне чувствительным к малейшим смысловым искажением. Автоматизированные системы перевода часто сталкиваются с трудностями при передаче терминов, аббревиатур и контекстуально обусловленных значений, что может привести к юридическим ошибкам.

Возникновение и развитие проблем, связанных с применением искусственного интеллекта в области перевода юридических текстов, требует комплексного подхода, сочетающего теоретические и практические исследования. В данной статье мы рассмотрим существующие технологии, выявим их преимущества и ограничения, а также определим моменты, когда автоматический перевод возможен, и случаи, требующие участия профессионального переводчика. Кроме того, проанализируем сильные и слабые стороны искусственного интеллекта в отношении работы с текстами международных контрактов.

Для анализа были отобраны образцы юридических документов, таких как договоры купли-продажи и контракт на оказание образовательных услуг, составленные на русском языке и переведенные профессиональными переводчиками из организаций, осуществляющих международное сотрудничество. Далее данные документы были переведены с использование нейронного машинного перевода через сервисы Яндекс переводчик и DeepSeek, после чего они были сопоставлены с переводами профессиональных переводчиков для выявления их сильных и слабых сторон в контексте перевода юридических текстов.

Яндекс Переводчик — одна из ведущих систем для пары «английский → русский». Технологии, которые использует компания Яндекс: гибридный перевод (HMT), который сочетает в себе статистический машинный перевод (SMT) и перевод на основе нейронных сетей (NBMT) с помощью YandexGPT. Для этого был разработан алгоритм, основанный на методе обучения CatBoost. Он позволяет оценивать несколько переводов и показывает тот, который, по его мнению, подходит лучше всего. DeepSeek AI — более новая платформа, использующая большие языковые модели и ИИ-инструменты для перевода/генерации текста. DeepSeek задействует нейросети, способные работать с большим количеством языков, учитывать контекст, идиомы и региональные особенности.

Автоматизированный перевод, рассматриваемый в данной статье, определяется как научно-практическое направление, объединяющее методы и технологии, направленные на воспроизведение содержания текста на одном языке средствами другого языка при минимальном или нулевом вовлечении человека.

Юридические тексты представляют собой уникальное сочетание сложной терминологии, стандартных формулировок (формул), высокой требовательности к точности и однозначности выражений, а также контекстной зависимости: значение фразы может определяться нормативно-правовой средой, судебной практикой, ссылками на другие нормативные акты и т.д. Такие характеристики делают правовую сферу одной из наиболее непростых для автоматизированного перевода.

Во-первых, юридические термины часто имеют «узкую» специальную семантику, не эквивалентную популярным значениям слов; неверный выбор эквивалента может изменить юридические последствия текста.

Во-вторых, юридические тексты богаты фиксированными коллокациями и стандартными конструкциями, которые должны быть сохранены в переводе для обеспечения юридической силы документа.

В-третьих, структура правовых норм и ссылочная сеть (перекрёстные ссылки, отсылки к параграфам, статьям и т. п.) требует точности в отражении нумерации и логики изложенного. Именно из-за этих факторов автоматические системы, даже высококачественные НМП, часто дают результаты, требующие обязательного постредактирования со стороны квалифицированного юриста-переводчика.

На практике это означает, что при применении АП в юридической области появляются как технологические, так и методологические проблемы. С технологической точки зрения основная задача — адаптация и специализация моделей: нейросеть, обученная на общих корпусах, будет плохо передавать специфику правовой лексики; следовательно, требуются параллельные корпуса юридических текстов, терминологические базы и глоссарии, а также техники дообучения и пост-редактирования, ориентированные на правовую стилистику. Однако доступность большого качественного параллельного корпуса юридических документов для большинства языковых пар ограничена — многие правовые акты публикуются в адаптированных форматах, а переводы, выполненные по старым методикам, могут быть неполными или несовместимыми. С методологической точки зрения возникает потребность в выработке практик запросов к системе, предредактирования исходных текстов, а также стандартизации, при которой автоматический перевод рассматривается лишь как предварительный этап, а окончательная юридическая ответственность остаётся за человеком-специалистом [4; 3].

Юридический перевод можно считать одним из самых сложных видов перевода, который требует от переводчика не только глубоких знаний языков, но и понимания особенностей правовых систем обоих стран. По мнению И. С. Алексеевой, специфика юридического перевода определяется типом текста и содержащейся в нем информации, поскольку такие тексты выполняют функции предписывания и познания, поэтому схожи с научными и инструктивными текстами [1, с. 368].

Юридические тексты образуют особую категорию профессионального дискурса с высокой степенью формализации и жесткой структурой. Перевод таких текстов невозможен без глубокого понимания их лексических характеристик, поскольку языковая форма в юридическом дискурсе не только выполняет коммуникативную функцию, но и обладает правовой значимостью.

В юридическую литературу входит широкий спектр документов, включая законодательные и подзаконные нормативные акты (конституции, кодексы, федеральные законы, указы, постановления), международные договоры, контракты и иные гражданско-правовые сделки, учредительные документы юридических лиц, судебные акты (решения, определения, приговоры), акты прокурорского реагирования, процессуальные документы (исковые заявления, жалобы, ходатайства), доверенности, завещания,

лицензии, локальные нормативные акты организаций и др. Все эти тексты предъявляют особенно высокие требования к точности терминологии, юридической логике и структуре документа. Ошибки на уровне отдельных слов могут искажать смысл и повлечь юридические последствия.

По мнению И. С. Алексеевой, юридический перевод относится к «функционально-ориентированным типам перевода, в которых форма текста напрямую зависит от его правовой цели» [1, с. 145].

Профессиональный перевод юридических текстов предъявляет особенно высокие требования: точность терминологии, юридическая логика, сохранение структуры документа, корректность отсылок, ответственность.

Основная специфика юридического перевода связана с терминологической строгостью. Каждый термин в юридической практике не только служит словом, но и представляет собой важный элемент правовой системы. В. В. Алимов отмечает, что юридические термины формируют понятийный аппарат права, где каждое слово должно иметь строго одно значение в конкретном контексте [2, с. 43]. Таким образом, лексическая эквивалентность в юридическом переводе не может быть основана лишь на принципе общелингвистической семантической близости.

Юридическая терминология обладает рядом признаков: однозначностью, системностью, отсутствием эмоциональной окраски и устойчивостью. При этом одна и та же единица может иметь различные значения в зависимости от правовой системы. Например, английское equity не имеет прямого аналога в российском праве: в англо-саксонской традиции это термин, обозначающий совокупность принципов справедливости, развившихся в дополнение к ‘common law’. Попытка перевести его как ‘справедливость’ или ‘равенство’ искажает юридическую природу понятия. Следовательно, переводчик должен учитывать не только семантику, но и функциональную роль термина в правовой системе оригинала.

Особую сложность представляет перевод терминов-интернационализмов, обладающих «ложной прозрачностью». Так, слова act, bill, instrument или consideration имеют закреплённые юридические значения, отличающиеся от их общеупотребительных интерпретаций. По словам А. В. Фёдорова, переводчик обязан «установить соответствие между языковыми знаками не по форме, а по выполняемой ими функции в тексте» [5, с. 97].

В английском юридическом дискурсе также прослеживаются характерные синтаксические особенности: активное использование модальных глаголов (shall, may, must) и опущение подлежащего, когда субъект действия очевиден из контекста. Перевод таких конструкций на русский язык требует точной передачи юридической силы: конструкция shall be liable переводится как ‘несёт ответственность’, а не ‘должен нести ответственность’, поскольку последняя форма выражает лишь возможность, а не установленный факт.

Юридический стиль характеризуется сложной синтаксической организацией. Исследователи отмечают, что правовые тексты стремятся к максимальной точности и однозначности, что выражается в сложных синтаксических структурах — длинных предложениях с множественными придаточными и уточнениями. Такие структуры обеспечивают юридическую исчерпываемость, но делают восприятие текста когнитивно сложным.

Далее остановимся на анализе типичных ошибок, которые появляются в результате машинного перевода. В первом примере использован отрывок из договора об оказании образовательных услуг между университетом и иностранным студентом (табл. 1). Результат анализа перевода, представленного в табл. 1, показал, что одной из наиболее заметных ошибок, характерных для машинного перевода, является буквальная передача русских терминов, не имеющая соответствий в англоязычной юридической традиции.

Например, обе системы ИИ перевели *«государственная итоговая аттестация»* как: ‘*state final attestation’.*

Обе системы дословно переводят слово *«аттестация»* как ‘*attestation’*, однако в англоязычной образовательной системе этот термин используется в значении *«сертификат, свидетельство»,* а не сам процесс оценки знаний, как в русскоязычных странах. Корректным эквивалентом было бы: ‘*State final academic assessment’.*

Такой выбор соответствует англоязычной терминологии университетов и официальных документов. Машинный перевод в этом случае демонстрирует отсутствие способности выходить за рамки буквальных соответствий, что критично для юридического перевода, где точность терминологии определяет юридическую силу документа.

Таблица 1

Анализ типичных ошибок при переводе договора об оказании образовательных услуг

оригинал	Яндекс Переводчик	DeepSeek	Человек
1.4. Заказчику, не прошедшему *государственную итоговую аттестацию* или получившему на государственной итоговой аттестации неудовлетворительные результаты, а также Заказчику, освоившему часть образовательной программы и (или) отчисленному из Университета, выдается справка об обучении или о периоде обучения по установленному Университетом образцу.	1.4. The Customer who has not passed the *state final attestation* or received unsatisfactory results at the state final attestation, as well as the Customer who has *mastered* part of the educational program and (or) has been expelled from the University, is issued a certificate of education or the period of study according to the model established by the University.	1.4. A Customer who has not passed the *state final attestation* or has received unsatisfactory results in the state final attestation, as well as a Customer who has *completed part of the educational program* and/or has been expelled from the University, shall be issued a certificate of study or of the period of study in the form established by the University.	1.4. Customer failing to pass the *State final academic assessment* or those who have earned low grade at the said assessment as well as Customers who *completed only part of the curriculum* and (or) have been dismissed from the University, will be awarded with the summary of academic records certification letter, covering the study period she completed.

Помимо этого, машинные системы нередко допускают ошибки в смысловой интерпретации отдельных конструкций. Например, Яндекс-переводчик использует глагол *mastered* во фразе *Customer who has mastered part of the educational program*, который в английском языке означает ‘*полностью овладеть’*, что не соответствует контексту частичного обучения. Лишь DeepSeek использует более точный вариант ‘*completed part of the educational program’*, однако перевод выполненный человеком *‘completed only part of the curriculum’* точнее передаёт ограниченность объёма освоенной программы. Этот пример демонстрирует, что ИИ не всегда корректно улавливает контекстуальные оттенки значений и выбирает слова по механическому соответствию.

Второй пример взят из договора продажи фанеры зарубежному покупателю (табл. 2).

Таблица 2

Анализ типичных ошибок при переводе договора купли-продажи

оригинал	Яндекс Переводчик	DeepSeek	Человек
1.1 Продавец согласен продать, а *Покупатель имеет возможность купить* на условиях DAP (Инкотермс 2020) Стамбул, Турция, *фанеру березовую клееную*, именуемую в дальнейшем «*Товар*». Страна происхождения Товара – Российская Федерация, код RUS (643). Товар предназначен для вывоза с территории Российской Федерации.	1.1 The Seller agrees to sell, and *the Buyer has the opportunity to buy birch plywood*, hereinafter referred to as the "*Product*", on the terms of DAP (Incoterms 2020) Istanbul, Turkey. The country of origin of the Product is the Russian Federation, code RUS (643). The product is intended for export from the territory of the Russian Federation.	1.1 The Seller agrees to sell, and *the Buyer has the opportunity to buy* on the terms of DAP (Incoterms 2020) Istanbul, Turkey, *glued birch plywood,* hereinafter referred to as the "Goods". The country of origin of the Goods is the Russian Federation, code RUS (643). The Goods are intended for export from the territory of the Russian Federation.	1.1. The Sellers have agreed to sell *and the Buyers shall be entitled to buy* on terms DAP (Incoterms 2020) Istanbul, Turkey, glued birch plywood, hereinafter referred to as the “*Goods*”. The country of origin is the Russian Federation, code: RUS (643). The goods are intended for export from the territory of the Russian Federation.

Анализ второго примера, представленного в табл. 2, показывает, что, как и в предыдущем случае, Яндекс Переводчик склонен к наиболее прямолинейной стратегии передачи текста. Так, термин *«Товар»*, традиционно переводимый в англоязычной контрактной практике как ‘*Goods’*, был передан как

‘*Product*'. Несмотря на грамматическую корректность термина *product*, он не соответствует юридическому стандарту международных договоров купли-продажи: в англоязычной контрактной традиции именно слово Goods закреплено в нормативных и коммерческих документах, и его отсутствие снижает юридическую точность и формальную силу перевода.

Кроме того, во фрагменте содержится спецификация товара *«фанера березовая клееная»*, однако Яндекс Переводчик опускает ключевую характеристику ‘*клееная’* и ограничивается формулировкой ‘*birch plywood’*. Для контрактных документов такая неточность особенно критична, поскольку клеёная фанера относится к определённым техническим категориям и обладает особыми свойствами, влияющими на классификацию и условия поставки.

Перевод DeepSeek демонстрирует более точную адаптацию под юридический контекст: система корректно передаёт термин *Goods* и сохраняет техническую характеристику товара, используя выражение ‘*glued birch plywood’*.

Тем не менее, обе системы переводят фразу ***«****Покупатель имеет возможность купить»* как ***‘has the opportunity to buy’****,* что не соответствует юридической модальности английского языка. В англоязычных договорах права сторон выражаются через конструкции may purchase, is entitled to purchase, shall be entitled to buy, тогда как выражение *has the opportunity* придаёт тексту разговорный оттенок и снижает юридическую формальность.

Перевод, выполненный человеком, передаёт модальность правильно, подбирая выражение, которое по смыслу совпадает с оригиналом, и при этом соответствует юридическому стилю и структуре англоязычного контракта.

Рассмотрим ещё один фрагмент заключительных положений российско-английского двуязычного контракта. Данные статьи содержат устойчивые юридические формулировки, которые в международной практике имеют строго фиксированное выражение на английском языке.

Таблица 3

Анализ типичных ошибок при переводе двуязычного контракта

Оригинал	Яндекс Переводчик	DeepSeek	Человек
12.6. Настоящий контракт подписан *в 2-х экземплярах*, *каждый на русском и английском языках, по одному для каждой стороны*, причем оба текста имеют одинаковую силу. В случае арбитражных процедур русский текст будет иметь преимущественную силу. **12.7.** Настоящий контракт *действует* до 31-го Декабря, 2030 года. **12.8.** Международные правила толкования торговых терминов «*Инкотермс 2020*» имеют обязательный характер для сторон настоящего Контракта.	**12.6.** This contract is signed *in 2 copies*, each in Russian and English, *one for each party*, and both texts are equally authentic. In case of arbitration proceedings, the Russian text will prevail. **12.7.** This contract *is valid* until December 31, 2030. **12.8.** The International Rules for the Interpretation of *Incoterms 2020* trade Terms are binding on the parties to this Contract.	**12.6.** This Contract is executed *in two copies*, each in the Russian and English languages, *one for each Party*, with both texts being equally authentic. In the event of arbitration proceedings, the Russian text shall prevail. **12.7.** This Contract *is valid* until December 31, 2030. **12.8.** The international rules for the interpretation of trade terms *"Incoterms 2020*" are binding on the Parties to this Contract.	**12.6.** The present Contract has been signed *in two copies*, *each one in Russian and in English, one copy for each party*, both texts being equally authentic. In case of arbitration procedures, the Russian text will be considered prevailing. **12.7.** The present Contract *expires on* the 31st of December, 2030. **12.8.** *ICC Official Rules for the Interpretation of Trade Terms “Incoterms 2020*” are binding upon both parties of the present Contract.

Как видим в табл. 3, Яндекс Переводчик использует ***«****in 2 copies»* с арабской цифрой — это грубое нарушение стиля англоязычных юридических текстов (числа от одного до десяти всегда пишутся прописью, кроме таблиц).

Обе системы упростили важную рематическую цепочку *«каждый на русском и английском языках, по одному для каждой стороны»*.

Перевод, выполненный человеком, чётко передаёт её через повторение *‘each one … one copy for each party’,* тогда как ИИ убирает одно из звеньев, из-за чего предложение теряет в ясности и формальности.

В пункте 12.7. Вместо стандартного для англоязычных контрактов ‘*expires on* …’ или ‘*shall remain in force until* …’ обе системы выдали ‘*is valid until* …’ — дословный перевод русского ‘действует до’, который воспринимается носителями как неформальный и нехарактерный для юридического английского.

В пункте 12.8 содержится наиболее серьёзная с юридической точки зрения ошибка. Ни одна из систем не указала, что речь идёт именно об официальных правилах Международной торговой палаты. Эталонный вариант перевода обязательно должен содержать аббревиатуру *ICC* и полное название *ICC Official Rules for the Interpretation of Trade Terms “Incoterms 2020*”. Отсутствие ссылки на ICC делает отсылку к Инкотермс неполной и потенциально уязвимой при толковании в арбитраже или суде.

Обобщая результаты анализа, можно отметить, что автоматический перевод юридических текстов по-прежнему сталкивается с рядом существенных трудностей. Наиболее распространённые ошибки включают калькирование терминологии, недостаточную адаптацию под правовую систему стран, буквальную передачу синтаксиса и неверный выбор слов, обусловленный игнорированием контекста. Кроме того, ИИ нередко нарушает стилистические нормы юридического языка, что делает перевод формально понятным, но неприемлемым для использования в официальных документах.

На этом фоне человеческий перевод демонстрирует более глубокое понимание смысловой структуры текста, владение юридическим стилем, умение выбирать корректные и уместные термины, а также способность адаптировать исходное содержание под требования англоязычной правовой и образовательной системы. Всё это подтверждает, что современные системы машинного перевода могут быть полезным вспомогательным инструментом, однако не обеспечивают достаточную точность и надёжность при работе с юридически значимыми текстами и не могут заменить профессионального переводчика в ответственных ситуациях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева И. С.* Введение в переводоведение. М.: Академия, 2012. 368 с.
2. *Алимов В. В*. Юридический перевод: практический курс. Английский язык. М.: Ком. Книга, 2005. 160 с.
3. *Исаева А. А.* Опыт применения средств автоматизации перевода в практическом курсе финансово-юридического перевода / А. А. Исаева. MGIMO, 2021. (PDF).
4. *Максименко О. И.* Автоматизированная поддержка перевода: возможности и ограничения для юридических текстов / О. И. Максименко. 2020. (Электронная публикация, Elibrary).
5. *Фёдоров А. В.* Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы). М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.

Поступила в редакцию 03.01.2026

Злобина Ольга Николаевна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики (английский и немецкий языки)
Института языка и литературы
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: onyakov@gmail.com

Седина Ирина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории речи и перевода
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева»
430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68
E-mail: sedina 64@yandex.ru

O. N. Zlobina, I. V. Sedina

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN INTERNATIONAL AGREEMENT TRANSLATION

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-798-804

This article discusses the application of artificial intelligence (AI) technologies in the process of translating international agreements. It also analyzes the main methods and algorithms used to ensure the accuracy and legal propriety of translations. Special attention is given to translation options offered by neural networks and machine-aided translation, which significantly reduce translation time and greatly enhance the quality of the results. Furthermore, the article explores the advantages and disadvantages of using artificial intelligence in legal translation, as well as the potential risks associated with possible errors and misunderstandings. In conclusion, the article emphasizes the importance of integrating artificial intelligence into the professional practice of translators and the necessity of combining contemporary technologies with human expertise to achieve the best results in translating international agreements.

Keywords: artificial intelligence, translation, machine-aided translation, legal translation, international agreement.

REFERENCES

1. *Alekseeva I. S.* Vvedenie v perevodovedenie [Introduction to translation studies] M.: Akademiya, 2012. 368p. (In Russian).
2. *Alimov V. V.* Yuridicheskij perevod: prakticheskij kurs. Anglijskij yazyk [Legal translation: practical course. English language]. M.: Kom. Kniga, 2005. 160p. (In Russian).
3. *Isaeva A. A.* Opyt primeneniya sredstv avtomatizacii perevoda v prakticheskom kurse finansovo-yuridicheskogo perevoda [CAT tools application in a practical course on financial legal translation] / A. A. Isaeva. MGIMO, 2021. (In Russian).
4. *Maksimenko O. I.* Avtomatizirovannaya podderzhka perevoda: vozmozhnosti i ogranicheniya dlya yuridicheskih tekstov [Automated translation support: capabilities and limitations for legal texts] / O. I. Maksimenko. 2020. (elektronnaya publikaciya, Elibrary). (In Russian).
5. *Fyodorov A. V.* Osnovy obshchej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) [Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems)]. M.: OOO «Izdatel'skij Dom «FILOLOGIYA TRI», 2002. 416p. (In Russian).

Поступила в редакцию 03.01.2026

Zlobina O.N., Candidate of Pedagogy, Associate Professor at Department of Translation and Applied Linguistics (English and German languages), Institute of Language and Literature
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: onyakov@gmail.com

Sedina I.V., Candidate of Philology, Associate Professor at Department of the theory of speech and translation, Faculty of foreign languages
National Research Ogarev Mordovia State University
Bolshevistskaya st., 68, Saransk, Russia, 430005
E-mail: sedina 64@yandex.ru

УДК 811.111'27'42:324(73)(045)

Е. М. Какорин, Ю. В. Богоявленская

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОППОНЕНТОВ В ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ ДОНАЛЬДА ТРАМПА в 2016 г. и 2024 г.

Статья посвящена исследованию метафор, применяемых Дональдом Трампом для концептуализации образов своих политических оппонентов — Хиллари Клинтон и Камалы Харрис, на примере предвыборного дискурса в 2016 г. и 2024 г. Анализируются тексты публичных выступлений Дональда Трампа в качестве кандидата в президенты США с июня по ноябрь в 2016 г. и в 2024 г., опубликованные на сайте независимого медиа «Democracy in Action» и компании «Rev.com». В статье определены и систематизированы основные сферы-источники метафорической экспансии при осмыслении образов Х. Клинтон и К. Харрис; охарактеризованы эмотивные и прагматические смыслы выявленных метафорических моделей. Результаты исследования показывают, что политическим речам Д. Трампа свойственна высокая степень метафоричности. Было выявлено, что большинство метафорических словоупотреблений относятся к разряду социоморфной метафоры. Среди общих характеристик метафорического моделирования образов К. Харрис и Х. Клинтон отмечается широкое применение Д. Трампом метафор со сферой-источником «Война». Анализ метафор также демонстрирует, что для дискредитации кандидатуры Х. Клинтон применяются театральные, криминальные и артефактные метафоры, указывающие на ее несамостоятельность и зависимое положение. Атака личности и политики К. Харрис реализуется Трампом через метафоры со сферами-источниками «Королевская власть» и «Ментальное здоровье».

Ключевые слова: метафора, предвыборный дискурс, метафорическое моделирование, Дональд Трамп, Хиллари Клинтон, Камала Харрис.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-805-816

За свою политическую карьеру Дональд Трамп стал известен как политик, отличающийся высокой степенью экспрессивности высказываний, громкими заявлениями и неформальным стилем общения, что находит отражение не только в его саморепрезентации, но и в том, как он характеризует своих политических оппонентов. Как показывает предпринятое исследование, одним из основных средств создания образов противников в речи Дональда Трампа является метафора. Данная тенденция особенно ярко прослеживается в его предвыборном дискурсе.

Цель статьи состоит в анализе метафор, используемых Дональдом Трампом в своей предвыборной кампании для создания образа политических оппонентов. Данная работа направлена на выявление и систематизацию метафорических моделей, а также описание их прагматического и эмотивного потенциала.

Анализ метафорической репрезентации образов оппонентов в дискурсе Дональда Трампа в предвыборных кампаниях 2016 г. и 2024 г. может способствовать более глубокому пониманию внутриполитических процессов и особенностей институционального дискурса в условиях современного политического процесса в США.

В научной литературе персональный политический дискурс Дональда Трампа рассматривается с различных ракурсов. Интерес представляет языковой портрет Дональда Трампа как политика: исследователи отмечают высокую образность и экспрессивность его высказываний за счет использования метафор и эпитетов [7; 8]. Речи Д. Трампа, в частности, применяемые им метафоры, находятся в фокусе ряда исследований лингвостилистических особенностей американского политического дискурса [5; 9; 34]. Особое внимание получает прагматический потенциал используемых речевых приемов [10; 31]. Предвыборные выступления Д. Трампа рассматриваются и в рамках современных корпусных исследований политического дискурса [1].

Теоретико-методологической основой настоящего исследования является теория концептуальной метафоры. Основы данного направления были заложены Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в 80-х гг. XX в. Они убедительно доказали, что метафора является не только средством украшения речи, а выступает инструментом категоризации мира. Ученые пришли к выводу, «что большая часть нашей обыденной концептуальной системы по своей природе метафорична» [6, с. 25]. Согласно теории Лакоффа и Джонсона, «суть метафоры — это понимание […] сущности […] одного вида в терминах сущности другого вида» [6, с. 27]. В дальнейшем когнитивный подход к изучению метафоры был существенно развит

и описан в научной литературе. А. Мусольфф отмечает, что данный подход дополняет возможности критического дискурс-анализа при изучении формирования значения в социальном контексте [33, p. 301]. Современные исследования концептуальной (когнитивной) метафоры также учитывают дискурсивные характеристики их существования: вводится понятие «когнитивной эволюции», по которому метафоры претерпевают микро-изменения, чтобы сохранить свою дискурсивную привлекательность и гибкость в аргументации [32, p. 71]. Теория концептуальной метафоры и развившаяся из нее теория концептуального смешения [24] в рамках социо-когнитивного критического дискурс-анализа исследует связь между языком, познанием и культурой [26, p. 3]. Особое значение теория концептуальной метафоры приобретает в исследованиях политической коммуникации. В Западной науке выделяются два подхода к исследованию политической метафоры: критический дискурс-анализ (*critical-discourse approach*, *CDA*) и анализ эффективности политического текста через реакцию публики (*response-elicitation approach*, *REA*) [14]. В теории фреймов отмечается, что средства выразительности речи (к которым причисляется и метафора) имеют лингвистическое и концептуальное содержание, а также используются для формирования публичного дискурса [15, p. 16]. В фокусе отечественных работ в данном направлении, в частности, на теоретической базе Уральской школы политической метафорологии, находится метафорическая модель. Под метафорической моделью понимается «существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: X — это Y» [12, с. 27]. Такая форма представления метафор была использована Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в монографии «Метафоры, которыми мы живем» [6, с. 26].

Вслед за исследователями Уральской школы политической метафорологии политическая метафора в данной работе понимается как употребление слова или выражения, обозначающего класс объектов (явлений) в одной понятийной области, для характеристики или описания объектов (явлений) другого класса, принадлежащих к сфере политики, что, в свою очередь, является когнитивно и прагматически значимым инструментом, используемым для осмысления, оценки и воздействия на политическую реальность посредством переноса характеристик из более конкретной или знакомой области в абстрактную сферу политики.

Классификация политических метафор может проводиться по разным признакам. В представленной работе используется классификация, разработанная в Уральской школе политической метафорологии и освещенная в работах А. П. Чудинова [11-13] и Э. В. Будаева [3; 4]. Она включается в себя следующие категории:

1. *Антропоморфная* метафора — это такой тип метафор, для которой характерно представление об объектах и предметах действительности в их ассоциативной связи с различными человеческими формами и качествами. В данном разряде метафор анализу подвергаются концепты, относящиеся к таким понятийным сферам, как «Анатомия», «Физиология», «Болезнь», «Секс», «Семья» и др.

2. *Социоморфная* метафора — тип метафор, где образцом для представления служат различные сферы социальной деятельности человека. Данный разряд политических метафор зачастую составляют следующие понятийные сферы-источники: «Преступность», «Война», «Театр (зрелищные искусства)», «Экономика», «Игра и спорт».

3. *Природоморфная* метафора — характеризуется представлением о предметах и явлениях действительности через призму ассоциации с миром животных, растений, неживой природы.

4. *Артефактная* метафора — представляет собой разновидность ассоциативного сравнения предметов и явлений действительности с миром вещей, созданных человеком [12, 35–36].

5. *Идеоморфная* метафора (метафорика идеалистических миров) — тип метафоры, для которой источником метафорической экспансии могут быть концепты из идеалистических миров, связанных с религиозными, мифологическими, фантастическими и иными непосредственно не воспринимаемыми, но ментально конструируемыми сущностями. Наиболее часто источником метафоризации становятся религиозные концепты, изображающие мир политики как противостояние Бога и дьявола, сил добра и демонических сил [2; 29].

Материалом исследования послужили тексты публичных выступлений Дональда Трампа (предвыборные ралли, интервью, пресс-конференции) с июня по ноябрь в 2016 г. и в 2024 г., опубликованные в открытом доступе в сети Интернет на сайте независимого медиа «Democracy in Action» и компании «Rev.com». Всего было проанализировано 107 текстов общим объемом 782013 слов: 55 текстов — выступления на предвыборных ралли в 2016 г., 52 текста: 3 интервью, 14 пресс-конференций, 35 предвыборных ралли — выступления в 2024 г.

В настоящем исследовании рассматривается дискурс Д. Трампа в период президентской кампании 2016 г., когда основным оппонентом выступала Хиллари Клинтон, и кампании 2024 г. в период предвыборной гонки против Камалы Харрис.

Начнем с анализа метафорического моделирования образа Хиллари Клинтон. Самый частотный разряд метафор, выявленных в текстах в данный период — социоморфная метафора (84 %). Д. Трамп обращается к сферам-источникам «Преступность», «Торговля», «Война», «Театр».

В создаваемом Трампом образе также прослеживается мотив неполноценности Х. Клинтон как политика (что находит отражение и в других метафорических моделях). Ее персона практически неотделима от ее семьи: Билла Клинтона — бывшего президента США — и Челси Клинтон — общественного деятеля и писателя. Трамп характеризует семейство Клинтон как коммерческое объединение — картель: *If we let the* ***Clinton Cartel*** *run this government, history will record that 2017 was the year America lost its independence* (*Если мы позволим картелю Клинтонов управлять этим правительством, история запомнит 2017-й как год, когда Америка потеряла свою независимость.* — здесь и далее перевод наш — Е.К.) [16]. Прагматический смысл данной метафорической модели такой, что Клинтоны стремятся ликвидировать конкуренцию на политическом «рынке» и извлечь максимальную выгоду из американского народа.

Результаты деятельности Х. Клинтон на посту госсекретаря США описываются с помощью метафор, относящихся к сфере-источнику «Торговля»: *Hillary* ***put*** *the office of Secretary of State* ***up for sale*** *and, if she ever got the chance, she'd put the Oval Office up for sale too* (*Хиллари выставила на продажу кабинет госсекретаря, и, если бы у нее когда-нибудь была такая возможность, она бы выставила на продажу и Овальный кабинет*) [27]. Такая характеристика апеллирует в сознании американцев к образу нечестного политика, видящего политическую власть как средство финансового обогащения.

One example of ***pay-for-play*** *is what the Clinton's did in Haiti* (*Один из примеров того, как Клинтон пользуется системой «Плати, чтобы играть», — это то, что она сделала на Гаити*) [52]. Так, при концептуализации политических действий Х. Клинтон, Трампом актуализируется образ продажного политика.

К криминальной метафоре Трамп обращается для характеристики как самой Хиллари Клинтон, так и семьи Клинтон целиком: *The Clintons are* ***criminals*** (*Семейство Клинтонов — преступники*) [35].

Законодательные инициативы семьи Клинтон характеризуются Д. Трампом как попытки обеспечить работу их «предприятия, которое занимается рэкетом»: *This creates the nexus which is at the core of a RICO case. In other words, they merged the two into the Clinton Family* ***racketeering enterprise*** (*Это создает взаимосвязь, которая лежит в основе Закона о коррумпированных и находящихся под влиянием рэкетиров организациях. Другими словами, они объединили их в семейное предприятие Клинтонов, занимающееся рэкетом*) [22].

Метафоры фрейма «Преступления» Трамп использует для дискредитации кандидатуры Клинтон в качестве президента: *If she ever got into the Oval Office, Hillary and her special interests would* ***rob this country blind*** (*Если бы она когда-нибудь добралась до Овального кабинета, Хиллари и ее лобби обобрали бы эту страну до нитки*) [28].

В создаваемом им метафорическом образе Хиллари Клинтон предстает как преступник, нацеленный на разрушение американского общества: *They've* ***robbed*** *these citizens of their future* (*Они украли будущее у граждан своей страны*) [28]; *The Clintons* ***robbed*** *Pennsylvania* (*Клинтоны обобрали Пенсильванию*) [17].

В противовес этому сам Трамп предстает в качестве спасителя, который стремится остановить преступную деятельность Клинтон: *I'm running to put a stop to the* ***theft*** *of American prosperity* (*Я участвую в выборах, чтобы положить конец краже американского благополучия*) [37].

Говоря о политических инициативах администрации Б. Обамы, частью которой являлась Х. Клинтон, Трамп применяет метафоры из понятийной области «Война». Так, их политика в отношении органов правопорядке представляется как «атака»: *Yet, my opponent, Hillary Clinton, continues to* ***attack*** *the police* (*Тем не менее, мой оппонент, Хиллари Клинтон, продолжает нападать на полицию*) [25].

Негативную оценку получает также политика в сфере энергетики: *Hillary Clinton's* ***war*** *on energy will cost our economy $5 trillion dollars* (*Война Хиллари Клинтон с энергетическим сектором обойдется нашей экономике в 5 триллионов долларов*) [41]; *She has not only declared* ***war*** *on the miners but on oil and natural gas production — which supports 10 million jobs in the United States* (*Она объявила войну не*

только шахтерам, но и добыче нефти и природного газа — области, которая обеспечивает 10 миллионов рабочих мест в Соединенных Штатах) [41].

Метафоры данной модели формируют воинственный образ Клинтон и навязывает следующие прагматические смыслы: Хиллари Клинтон — недружелюбный политик, агрессивно настроенный против собственного народа и рассматривающий Америку как предприятие, из которого можно извлечь финансовую выгоду.

Как упоминалось выше, важный аспект образа Клинтон — ее несамостоятельность, зависимость от лоббистских структур. Так, при помощи метафорической модели со сферой-источником «Театр» Трамп осуществляет очередную попытку дискредитации в данном направлении: *Hillary Clinton opposes school choice because she is controlled totally, totally, like a* ***puppet****, by special interests* (*Хиллари Клинтон выступает против свободного выбора школы, потому что она полностью, безраздельно находится под контролем лобби, как марионетка*) [18].

Зависимое положение Х. Клинтон в политической системе выражается также средствами артефактной метафоры со сферой-источником «Утварь», характеризующей ее как «сосуд» (или «проводник») для лоббистских групп: *Hillary Clinton is a* ***vessel*** *for the special interests trying to strip this country of its wealth, its jobs, and its status as a sovereign nation* (*Хиллари Клинтон — это проводник для лобби, пытающийся лишить эту страну ее богатства, рабочих мест и статуса суверенного государства*) [25].

Механистические метафоры в речах Трампа способствуют поддержанию негативного образа семьи Клинтон: *The* ***Clinton Machine*** *is at the center of this power structure* (*Машина Клинтонов находится в центре этой властной структуры*) [35]. Данная метафорическая модель формирует в сознании реципиентов прагматические эмотивные смыслы, связанные с восприятием субъектов политической деятельности (в данном случае — семьи Клинтон) как неостановимой и бесчувственной силы, которая не видит ценности в интересах как отдельного индивида, так и американского общества в целом.

В своих речах Дональд Трамп обвиняет своего оппонента в коррупции. Коррумпированная система, которую, по мнению Трампа, культивирует Хиллари Клинтон, актуализируется через антропоморфные метафоры со сферой-источником «Здоровье», фрейм «Болезнь». Ее деятельность характеризуется как раковая опухоль, распространяющаяся на весь «организм» правительственной системы Соединенных Штатов: *Government corruption spreads outward, like a* ***cancer****,* ***infecting*** *the whole operation of our government* (*Коррупция в правительстве распространяется вовне, как раковая опухоль, заражая всю деятельность нашего правительства*) [27]. Эта метафора несет в себе очевидно негативный смысл: коррумпированность политической системы, лицом которой выступает Х. Клинтон, подрывает «здоровье» нации.

Д. Трамп в период предвыборной кампании 2016 г. для концептуализации текущей администрации использовал метафоры, представляющие фрейм «Болото»: *It is time to* ***drain the swamp*** *in Washington, D.C.* (*Пришло время осушить вашингтонское болото*) [16].

Данная природоморфная метафора навязывает отрицательный образ. Болото традиционно несет в себе негативные коннотации: так, правительство США (частью которого является Хиллари Клинтон) в речах Дональда Трампа ассоциируется с затхлостью, разложением. Эта фраза стала альтернативным слоганом предвыборной кампании Трампа в 2016 г., наряду с «*Make America Great Again*» («*Вернём Америке былое величие*»). Она также имеет исторический контекст: американские политики активно используют ее с 1980-х гг., часто подразумевая необходимость уменьшить влияние лоббистских групп на политическую систему США.

Метафорами из сферы-источника «Природные процессы» Д. Трамп подчеркивает разрушительное влияние коррупции на государственное устройство США: *Hillary's corruption is* ***corrosive*** *to the soul of our nation, and it must be stopped* (*Коррупция Хиллари разъедает душу нашей нации, и ее необходимо остановить*) [27].

Далее обратимся к анализу метафорического моделирования образа Камалы Харрис в предвыборном дискурсе Дональда Трампа 2024 г. Важно упомянуть, что до 21 июля 2024 г. Харрис была кандидатом в вице-президенты (*running mate*). Но после того, как Джо Байден снял свою кандидатуру, Камала Харрис была выдвинута в качестве кандидата от Демократической партии (официально — 5 августа).

В указанный период Д. Трамп активно использует различные общественно-политические (социоморфные) со сферой-источником «Социум» (80 % от общего числа). Для концептуализации смены

президентской кандидатуры он актуализирует образ «государственный переворота»: *You had a candidate, I was no fan of Joe Biden, but the way he was taken out was a* ***coup****, he got 14 million votes and the person running now got none* (*У вас был кандидат, я не был поклонником Джо Байдена, но то, как его отстранили, было настоящим переворотом, он набрал 14 миллионов голосов, а тот, кто баллотируется сейчас, — ни одного*) [23]. Слово *coup* также подразумевает насильственный характер передачи власти, что навязывает негативные ассоциации относительного данного политического решения.

Для концептуализации будущего Америки в случае победы К. Харрис на выборах Д. Трамп актуализирует образ «разрушения»: *If Kamala Harris gets four more years, she will de-industrialize the United States and* ***destroy*** *our country* (*Если Камала получит еще четыре года, она разрушит промышленность Соединенных Штатов и разрушит нашу страну*) [43].

Метафора «убийства» используется Трампом, когда он говорит о том, что случится с так называемой «американской мечтой» в случае избрания Харрис на пост президента США: *If Kamala Harris is re-elected, she will* ***kill*** *the American Dream forever* (*Если Камала Харрис будет переизбрана, она навсегда убьет американскую мечту*) [45]. Экстраполируемая из данной модели «смерть» идеала американской жизни имеет существенный эмотивный потенциал.

Еще один образ, который актуализируется в данном контексте, это образ «кошмара»: *But with four more years of Kamala Harris, your long* ***nightmare*** *is just beginning* (*Но еще четыре года с Камалой Харрис станет только началом вашего долгого кошмара*) [44]. Данная метафора несет негативные прагматические и эмотивные смыслы.

Образ «террора» используется Трампом для концептуализации наплыва нелегальных мигрантов в США: *Anyone who orchestrated an invasion of America cannot lead America. Kamala Harris, her reign of* ***terror*** *ends* (*Тот, кто дирижирует вторжением в Америку, не может руководить Америкой. Камала Харрис, ее царству террора приходит конец*) [42]. Ответственность за миграционный кризис таким образом перекладывается на Камалу Харрис.

Предполагаемую победу на выборах Дональд Трамп видит, как возможность «вернуть» власть в Белом Доме, «отобрать» ее у самой Камалы: *From the moment we* ***take back*** *the White House from Kamala Harris, I believe we are going to have the four greatest years in the history of our country* (*Я верю, что, как только мы отберем Белый дом у Камалы Харрис, нас ждут четыре величайших года в истории нашей страны*) [20].

В качестве способа дискредитации Камалы Харрис Трамп прибегает к атрибутивным конструкциям, тем самым возлагая на нее ответственность за экономические проблемы граждан США: *And to help Americans who are buried in crushing credit card debt under the* ***Kamala Harris economy****, we will have a temporary 10 % cap on credit card interest rates* […] (*И чтобы помочь американцам, которые погрязли в огромных долгах по кредитным картам при экономике Камалы Харрис, мы введем временное ограничение процентных ставок по кредитным картам на 10 %* […]) [51].

Если речь заходит о совместном правлении Джо Байдена и Камалы Харрис, то она в большинстве случаев идет первая при перечислении, что дополнительно подчеркивает ее ведущую роль, при этом Байден получает нелестную характеристику, намекающую на его неполноценность: *This is how we will end the era of inflation, mayhem, misery under Kamala and Crooked Joe and unleashed safety, prosperity, and peace for Americans of every race, religion, color, and creed* (*Именно так мы положим конец эпохе инфляции, хаоса и нищеты при Камале и Кривом Джо и обеспечим безопасность, процветание и мир американцам любой расы, религии, цвета кожи и вероисповедания*) [48].

Характерной чертой риторики Дональда Трампа является использование прозвищ или никнеймов: *Sleepy Joe* (*Сонный Джо*), *Crooked Joe* (*Кривой Джо*), *Tampon Tim* (*Тампоновый Тим*) и др. Так, Камала Харрис получила прозвище *border czar*, которое репрезентирует образ монарха: *She's the* ***border czar*** (*Она пограничный царь*) [36]. Этот никнейм используется для критики действий Харрис в связи с пограничным кризисом между США и Мексикой. Согласно американскому словарю Merriam-Webster, *czar* — это «*the ruler of Russia until the 1917 revolution*» (*правитель России до революции 1917 года*) или «*one having great power or authority*» (*тот, кто обладает большой властью или полномочиями*) [30].

Трамп возлагает ответственность за кризисное состояние на рынке труда в США на К. Харрис: *And it's no wonder that under Kamala Harris, we lost 24,000 manufacturing jobs last month* (*И неудивительно, что при Камале Харрис в прошлом месяце мы потеряли 24 000 рабочих мест на производстве*) [43]. Данная формулировка также репрезентирует образ монарха. Таким образом лишний раз подчеркивается единоличный характер ее власти, несовместимый с провозглашенными демократическими

ценностями. Эмотивный потенциал также усиливается за счет связи с негативными последствиями ее «правления».

Еще одно прозвище, представляющее фрейм «Королевская власть», используемое для критики Камалы Харрис — *taxing queen*: *And Kamala is known as the* ***taxing queen*** (*А Камала известна как королева налогов*) [46]. Так Д. Трамп дискредитирует налоговую политику в период администрации Джо Байдена и перекладывает на К. Харрис ответственность за увеличение налогового бремени на американское население.

В современном английском языке, в частности, в американском варианте, *queen* также означает «*a woman eminent in rank, power, or attractions*» (*женщина, обладающая высоким положением, властью или привлекательностью*) [30], что на уровне дискурса усиливает прагматический потенциал метафоры, так как она отсылает к распространенной в разговорном языке конструкции.

Фрейм «Социализм / Коммунизм» актуализируется через прозвище *comrade*, которое Трамп использует по отношению к Харрис в практически каждом своем публичном выступлении в рамках предвыборной кампании 2024 г.: *If* ***Comrade*** *Kamala Harris gets four more years, you will be living a full-blown banana republic ruled by an anarchy and a tyranny* (*Если товарищ Камала Харрис получит еще четыре года, вы будете жить в полноценной банановой республике, где правят анархия и тирания*) [49]. Его использование можно считать метафорическим, так как оно отсылает слушателя к эпохе холодной войны, когда главным геополитическим противником Соединенных Штатов был СССР. *Comrade* — устоявшееся в американском сознании обращение членов коммунистической партии друг другу.

Ответственность за миграционный кризис в Калифорнии, в частности, в Сан-Франциско, метафорически моделируется при помощи лексики из понятийной области «Религия»: *As the DA of San Francisco, Kamala Harris was the* ***godmother*** *of deadly sanctuary city* (*Как окружной прокурор Сан-Франциско, Камала Харрис была крестной матерью опасного города-убежища*) [23]. Так, традиционно положительный образ заботливой крестной матери меняет свою коннотацию из-за связи с острой миграционной проблемой, которой, по словам Трампа, покровительствует Камала Харрис.

Дональд Трамп подвергает сомнению мотивы своего оппонента метафорами из понятийной области «Спорт». На одном из своих политических ралли после теледебатов с Камалой Харрис он сравнивает ее с профессиональным бойцом: *But she immediately called for a second debate, which means that she was like a* ***prizefighter*** *that lost a fight* (*Но она тут же потребовала проведения повторных дебатов: она ведет себя как профессиональный боец, который проиграл бой*) [20].

Эта метафорическая модель несет негативные прагматические смыслы: Трамп ставит под сомнения мотивы своего оппонента, утверждая, что она как политик заинтересована прежде всего в коммерческой выгоде и титулах.

Концептуализация миграционной политики Харрис осуществляется при помощи милитарных метафор. Говоря о наплыве нелегальных мигрантов в США из Центральной и Южной Америки, Трамп применяет метафоры, представляющие фрейм «Вторжение»: *Kamala will be known as your* ***invasion*** *president* (*Камала будет известна как ваш президент вторжения*) [21]; *Kamala would be your* ***invasion*** (*Камала означала бы вторжение*) [45].

В данной метафорической модели Трамп также использует атрибутивные конструкции: ***Kamala's migrant invasion*** *has particularly devastated the Black community and the Hispanic community, including all of the people, the jobs, what they've done* (*Мигрантское вторжение Камалы особенно сильно повлияло на чернокожее и испаноязычное население: самих людей, их рабочие места и все то, чего они добились*) [40]. Такая метафоризация миграционной проблемы навязывает негативные смыслы, придает ей насильственный характер.

Трамп прибегает к милитарной метафоре при характеристике экономической политики Камалы Харрис, в частности, в области энергетики: *Another* ***front*** *in* ***Kamala's war*** *on Pennsylvania's way of life is her* ***war*** *on energy* (*Еще одним фронтом в войне Камалы с жизненным укладом Пенсильвании является ее война с энергетикой*) [50]. Данная метафора обладает значимым прагматическим и эмотивным потенциалом: Харрис предстает как враг, ведущий войну против жизненного уклада американского народа и экономики страны.

Критика политики Камалы Харрис в отношении правоохранительных органов США осуществляется также посредством милитарной метафоры: *Over the past four years, the Marxist left has waged a vicious* ***war*** *on law enforcement in our country* (*В течение последних четырех лет левые марксисты раз-*

вязали жестокую войну с правоохранительными органами в нашей стране) [19]. Как и в случае с Хиллари Клинтон, метафоры этой модели создают образ агрессивного политика, «воюющего» против собственного населения.

Д. Трамп совершает попытку дискредитации экономической политики Камалы Харрис при помощи метафор, структурирующих фрейм «Строительство»: *The* ***architect*** *of this destruction is Kamala Harris* (*Архитектором этого разрушения является Камала Харрис*) [39]. Прагматический потенциал этой метафоры таков, что Харрис выступает «проектировщиком» экономического кризиса.

Данный образ дополняется смежной артефактной метафорой со сферой-источником «Дом», фрейм «Строительная техника»: *Kamala Harris is a one-woman economic* ***wrecking ball*** (*Камала Харрис единолично — бойный шар для экономики*) [40]. Данная метафора вызывает негативные ассоциации, связанные с разрушением.

Ментальное здоровье Джо Байдена до его выхода из президентской гонки использовалось Трампом как способ подорвать авторитет своего политического оппонента. После того, как Байден снял свою кандидатуру в пользу Камалы Харрис, метафоры из понятийной области «Здоровье» фрейм «Ментальное здоровье» стали использоваться Трампом для характеристики уже самой Харрис и ее политики: *But if* ***crazy*** *Kamala is reelected, one of the first acts will be, and she said this, is to massively raise taxes on American families* (*Но если безумная Камала будет переизбрана, то одним из первых действий будет, как она сама сказала, массовое повышение налогов для американских семей*) [44]; *I think she* ***went nuts*** (*Я думаю, она сошла с ума*) [20]; *Kamala is* ***mentally impaired*** (*Камала умственно отсталая*) [38]; *She's a radical left* ***lunatic*** (*Она радикально левый психопат*) [50].

Неудачные, по мнению Трампа, политические программы в сфере энергетики также моделируются при помощи метафор ментального здоровья: *Under these* ***demented*** *and self-destructive Kamala Harris policies, Pennsylvania electricity prices are up 50 % and are projected to rise by another 50 % this year* (*В рамках этой безумной и саморазрушительной политики Камалы Харрис цены на электроэнергию в Пенсильвании выросли на 50 % и, по прогнозам, вырастут еще на 50 % в этом году*) [47]; *We will terminate Kamala's* ***insane*** *electric vehicle mandate so you're allowed to drive to Washington without four stops* (*Мы отменим безумный закон Камалы об электромобилях, чтобы вам не приходилось делать четыре остановки на пути в Вашингтон*) [46].

Эта метафорическая модель создает в сознании слушателей образ ненадежного, ментально нездорового, неуравновешенного политика, неспособного к принятию взвешенных решений.

При помощи морбиальной метафоры Трамп также характеризует и результаты миграционной политики Камалы Харрис: *They've allowed this country to* ***be poisoned*** *at our border* (*Они позволили отравить нашу страну на границе*) [47]. В данной модели мигранты, нелегально приезжающие в США, действуют на страну как яд.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Для речи Дональда Трампа характерно использование существенного количества метафор: как «стертых», так и оригинальных. В качестве универсальных характеристик метафорики Д. Трампа по отношению к своим оппонентам можно выделить то, что самый распространенный разряд метафор — социоморфные: в предвыборном дискурсе в 2016 г. (противник — Клинтон) они составляют 84 % случаев, в 2024 г. (противник — Харрис) — 80 %. Милитарная метафора — один из самых распространенных типов метафор в обоих дискурсах: 20 % в 2016 г. и 16 % в 2024 г. Оба политика представляются им как воинственные и агрессивно настроенные против собственного народа. Общей оказалась и ключевая сфера-мишень данного направления метафорической экспансии — политика в области энергетики, однако в случае с Камалой Харрис милитарные метафоры также широко применялись Трампом для концептуализации миграционного кризиса на южной границе США. В предлагаемой Трампом характеристике К. Харрис и Х. Клинтон есть общий мотив их неполноценности как политиков, но актуализируется он средствами разных метафорических моделей. Отличительной особенностью метафорического образа Хиллари Клинтон в дискурсе Д. Трампа стала ее неотделимость от семьи Клинтон и зависимое положение по отношению к лоббистским группам, что выражается метафорами со сферами-источниками «Торговля», «Преступность», «Театр», «Утварь». Образ неполноценности К. Харрис актуализируется фреймом «Ментальное здоровье», который также является одним из самых распространенных — 18 % от общего числа метафорических словоупотреблений. Заслуживает внимания и тот факт, что метафоры, указывающие на умственную неполноценность Джо Байдена, применялись Трампом в отношении Камалы Харрис почти без изменений.

Также необходимо отметить, что Трамп применяет метафоры в качестве лозунгов для своей предвыборной кампании и никнеймов для политических оппонентов. Предвыборная кампания 2016 г. заметна появлением лозунга «*Make America Great Again*» («*Вернём Америке былое величие*») и возрождением лозунга «*Drain the swamp*» («*Осушить болото*»). В предвыборной кампании 2024 г. Д. Трамп в большей степени прибегал к использованию никнеймов (часто, оскорбительных) в отношении своих оппонентов. Данный факт можно связать с тем, что в 2016 г. Хиллари Клинтон представлялась им как представитель привилегированного класса политиков-карьеристов, стремящихся к финансовому обогащению. В 2024 г. попытки дискредитации были более персонализированными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Борискина О. О., Шилихина К. М.* Корпусные исследования политического дискурса в лингвистике // Политическая наука. 2017. № 2. С. 30–53.
2. *Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Дискуссия о метафорах в современной зарубежной педагогике // Педагогическое образование. 2007. № 1. С. 188–200.
3. *Будаев Э. В.* Метафорический образ России в современном мире. Екатеринбург: УрГПУ, 2009. 276 с.
4. *Будаев Э. В.* Сопоставительная политическая метафорология: монография. СПб.: Наукоемкие технологии, 2020. 464 с.
5. *Корецкая О. В.* Лингвостилистические особенности политической риторики Дональда Трампа // Преподаватель XXI век. 2017. № 2. С. 349–355.
6. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
7. *Малышкин К. Ю.* Языковой портрет президента США Дональда Трампа в политическом дискурсе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 133–136.
8. *Попова Т. Г., Кокорина К. А.* Вербально-речевой уровень языковой личности (на материале выступлений Д. Трампа) // Политическая лингвистика. 2020. № 2. С. 105–110.
9. *Порческу Г. В., Рублева Г. В.* Лингвостилистические особенности политических выступлений (на примере публичных выступлений Дональда Трампа) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 1. С. 60–63.
10. *Чикилева Л. С.* Президентский политический дискурс как средство манипуляции: прагмалингвистический аспект // Российский гуманитарный журнал. 2018. № 1. С. 20–29.
11. *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург: УрГПУ, 2003. 248 с.
12. *Чудинов А. П.* Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург: УрГПУ, 2013. 176 с.
13. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: УрГПУ, 2001. 238 с.
14. *Boeynaems A., Burgers C., Konijn E. A., Steen G. J.* The Effects of Metaphorical Framing on Political Persuasion: A Systematic Literature Review // Metaphor and Symbol. № 2. 2017. P. 118–134.
15. *Burgers C., Konijn E. A., Steen G. J.* Figurative Framing: Shaping Public Discourse Through Metaphor, Hyperbole, and Irony // Communication Theory. № 4. 2016. P. 410–430.
16. DONALD J. TRUMP DETAILS ETHICS REFORM PLAN FOR WASHINGTON D.C. URL: https://www.p2016.org/trump/trump101716sp.html
17. Donald J. Trump Outlines New Education Proposals in Pennsylvania. URL: https://www.p2016.org/trump/trump092216spb.html
18. Donald Trump Calls For Inner City School Choice In Speech To Values Voters // URL: https://www.p2016.org/trump/trump090916sp.html
19. Donald Trump Holds a Campaign Rally in Michigan // URL: https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-holds-a-campaign-rally-in-michigan
20. Donald Trump Rally in Arizona // URL: https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-rally-in-arizona
21. Donald Trump Rally on 9/18/24 in Uniondale // URL: https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-rally-on-9-18-24-in-uniondale
22. DONALD TRUMP REMARKS ON NEW CLINTON CORRUPTION REVELATIONS, BORDER SECURITY IN TEXAS // URL: https://www.p2016.org/trump/trump082316sp.html
23. Donald Trump Speaks at the Southern Border // URL: https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-speaks-at-the-southern-border
24. *Fauconnier G., Turner M.* The Way We Think: Conceptual Blending And The Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2003. 464 p.
25. Follow The Money: Donald J. Trump Remarks In Waukesha, Wisconsin // URL: https://www.p2016.org/trump/trump092816spb.html

26. *Hart C.* Critical discourse analysis and metaphor: toward a theoretical framework // Critical Discourse Studies. 2008. № 2. P. 91–106.
27. IN ARIZONA, TRUMP VOWS TO MAKE AMERICA JUST AGAIN // URL: https://www.p2016.org/trump/trump102916sp.html
28. In North Carolina, Trump Delivers Positive Vision for America // URL: https://www.p2016.org/trump/trump110516sp.html
29. *Ivie R. L.* Metaphor and the Rhetorical Invention of Cold War 'Idealists' // Communication Monographs. 1987. № 54. P. 165–182.
30. Merriam-Webster Dictionary // URL: https://www.merriam-webster.com/
31. *Mukhortov D. S., Ji X.* Metaphor Clustering in American Presidential Inaugurals: From George H.W. Bush to Donald Trump // Moscow University Philology Bulletin. 2018. № 3. P. 39–72.
32. *Musolff A.* Metaphor and conceptual evolution // URL: https://www.metaphorik.de/en/journal/07/metaphor-and-conceptual-evolution.html
33. *Musolff A.* The study of metaphor as part of critical discourse analysis // Critical Discourse Studies. 2012. № 3. P. 301–310.
34. *Pilyarchuk K., Onysko A.* Conceptual Metaphors in Donald Trump's Political Speeches: Framing his Topics and (Self-)Constructing his Persona // Colloquium: New Philologies. 2018. № 2. P. 98–156.
35. Remarks On The Clinton Campaign Of Destruction // URL: https://www.p2016.org/trump/trump101316spfl.html
36. Trump Addresses National Association of Black Journalists // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-addresses-national-association-of-black-journalists
37. TRUMP ATTACKS HILLARY'S WILD SPENDING BINGE OF TAXPAYER DOLLARS. URL: https://www.p2016.org/trump/trump102716sp.html
38. Trump Holds Event in Wisconsin. URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-holds-event-in-wisconsin
39. Trump Holds Press Conference in NYC. URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-holds-press-conference-in-nyc
40. Trump Makes Campaign Stop in North Carolina // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-makes-campaign-stop-in-north-carolina
41. TRUMP OUTLINES PLAN FOR AMERICAN ENERGY RENAISSANCE. URL: https://www.p2016.org/trump/trump092216sp.html
42. Trump Rally At Coachella // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-rally-at-coachella
43. Trump Rally in Georgia // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-rally-in-georgia
44. Trump Rally in Juneau, Wisconsin // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-rally-in-juneau-wisconsin
45. Trump Rally in North Carolina // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-rally-in-north-carolina
46. Trump Rally In Reading, Pennsylvania // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-rally-in-reading-pennsylvania
47. Trump Rally In Scranton, Pennsylvania // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-rally-in-scranton-pennsylvania
48. Trump Rally in Walker, Michigan // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-rally-in-walker-michigan
49. Trump Rally in Wisconsin // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-rally-in-wisconsin
50. Trump Speaks in Erie, PA // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-speaks-in-erie-pa
51. Trump Speaks To Jewish Group in Washington // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-speaks-to-jewish-group-in-washington
52. TRUMP SPEECH: CLINTON EMAIL CORRUPTION DISQUALIFIES HER FROM SEEKING PRESIDENCY // URL: https://www.p2016.org/trump/trump090616sp.html

Поступила в редакцию 09.09.2025

Какорин Евгений Максимович, аспирант кафедры лингвистики
и профессиональной коммуникации на иностранных языках
E-mail: ev.kakorin@gmail.com

Богоявленская Юлия Валерьевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках
E-mail: jvbog@yandex.ru

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина»
620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

E. M. Kakorin, Yu. V. Bogoyavlenskaya

METAPHORICAL MODELLING OF POLITICAL OPPONENTS: BASED ON DONALD TRUMP's ELECTION CAMPAIGN DISCOURSE IN 2016 AND 2024

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-805-816

The research paper explores Donald Trump's use of metaphors to conceptualize the images of his political opponents – Hillary Clinton and Kamala Harris – based on election campaign discourse in 2016 and 2024. This article studies Donald Trump's public speeches from June to November 2016 and 2024 as part of his presidential campaigns, published on "Democracy in Action" website and "Rev.com". The article seeks to identify and to systematize the main source domains of metaphorical mappings for the images of H. Clinton and K. Harris. The article delves into the emotive and performative potential of metaphorical models. The study shows that D. Trump's political speeches contain a high number of metaphors. It was discovered that most examples of metaphorical word usage pertain to the social-morphic type. Trump's widespread use of metaphors with the source domain of "War" is a common characteristic of the metaphorical image of both K. Harris and H. Clinton. The metaphor analysis also demonstrates that to discredit H. Clinton as a presidential nominee, Trump resorts to theatrical, criminal, and artifact metaphors, highlighting her lack of independence. D. Trump conducts personal and policy-based attacks on K. Harris with metaphors with the source domains of "Royalty" and "Mental Health".

Keywords: metaphor, election campaign discourse, metaphorical modelling, Donald Trump, Hillary Clinton, Kamala Harris.

REFERENCES

1. *Boriskina O. O., Shilihina K. M.* Korpusnye issledovaniya politicheskogo diskursa v lingvistike [Corpus methods in the political discussion in linguistics]. Politicheskaya nauka [Political science]. 2017. no 2. P. 30–53. (In Russian).
2. *Budaev E. V., Chudinov A. P.* Diskussiya o metaforah v sovremennoj zarubezhnoj pedagogike [Discussion about metaphors in modern foreign education science]. Pedagogicheskoe obrazovanie [Pedagogical Education]. 2007. no 1. P. 188–200. (In Russian).
3. *Budaev E. V.* Metaforicheskij obraz Rossii v sovremennom mire [The metaphorical image of Russia in the modern world]. Ekaterinburg: UrGPU, 2009. 276 p. (In Russian).
4. *Budaev E. V.* Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya : monografiya. SPb.: Naukoemkie tekhnologii, 2020. 464 p. (In Russian).
5. *Koreckaya O. V.* Lingvostilisticheskie osobennosti politicheskoj ritoriki Donal'da Trampa [Linguostylistic features of Donald Trump's political rhetoric]. Prepodavatel XXI vek. 2017. no 2. P. 349–355. (In Russian).
6. *Lakoff G., Johnson M.* Metafory, kotorymi my zhivem. [Metaphors we live by] M.: Editorial URSS, 2004. 256 p. (In Russian).
7. *Malyshkin K. Yu.* Yazykovoj portret prezidenta SSHA Donal'da Trampa v politicheskom diskurse [Language portrait of US president Donald Trump in political discourse]. Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki [Modern Science: actual problems of theory and practice", a series of "Humanities"]. 2023. no 1. P. 133–136. (In Russian).
8. *Popova T. G., Kokorina K. A.* Verbal'no-rechevoj uroven' yazykovoj lichnosti (na materiale vystuplenij D. Trampa) [The verbal communication level of a linguistic personality (based on public speeches of D. Trump)] Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]. 2020. no 2. P. 105–110. (In Russian).
9. *Porchesku G. V., Rubleva G. V.* Lingvostilisticheskie osobennosti politicheskih vystuplenij (na primere publichnyh vystuplenij Donal'da Trampa) [Linguo-stylistic peculiarities of political speeches (by the example of Donald Trump's public speeches)]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. [Philology. Theory & Practice] 2019. no 1. P. 60–63. (In Russian).
10. *Chikileva L. S.* Prezidentskij politicheskij diskurs kak sredstvo manipulyacii: pragmalingvisticheskij aspekt [Presidential political discourse as a means of manipulation: a pragmalinguistic aspect]. Rossijskij gumanitarnyj zhurnal [Liberal Arts in Russia]. 2018. no 1. P. 20–29. (In Russian).
11. *Chudinov A. P.* Metaforicheskaya mozaika v sovremennoj politicheskoj kommunikacii [Metaphorical mosaic in modern political communication]. Ekaterinburg: UrGPU, 2003. 248 p (In Russian).
12. *Chudinov A. P.* Ocherki po sovremennoj politicheskoj metaforologii [Essays in Modern Political Metaphorology]. Ekaterinburg: UrGPU, 2013. 176 p. (In Russian).
13. *Chudinov A. P.* Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoj metafory (1991–2000) [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg: UrGPU, 2001. 238 p. (In Russian).
14. *Boeynaems A., Burgers C., Konijn E. A., Steen G. J.* The Effects of Metaphorical Framing on Political Persuasion: A Systematic Literature Review // Metaphor and Symbol. № 2. 2017. P. 118–134. (In English).

15. *Burgers C., Konijn E. A., Steen G. J.* Figurative Framing: Shaping Public Discourse Through Metaphor, Hyperbole, and Irony // Communication Theory. № 4. 2016. P. 410–430. (In English).
16. DONALD J. TRUMP DETAILS ETHICS REFORM PLAN FOR WASHINGTON D.C. // URL: https://www.p2016.org/trump/trump101716sp.html (In English).
17. Donald J. Trump Outlines New Education Proposals in Pennsylvania // URL: https://www.p2016.org/trump/trump092216spb.html (In English).
18. Donald Trump Calls For Inner City School Choice In Speech To Values Voters // URL: https://www.p2016.org/trump/trump090916sp.html (In English).
19. Donald Trump Holds a Campaign Rally in Michigan // URL: https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-holds-a-campaign-rally-in-michigan (In English).
20. Donald Trump Rally in Arizona // URL: https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-rally-in-arizona (In English).
21. Donald Trump Rally on 9/18/24 in Uniondale // URL: https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-rally-on-9-18-24-in-uniondale (In English).
22. DONALD TRUMP REMARKS ON NEW CLINTON CORRUPTION REVELATIONS, BORDER SECURITY IN TEXAS // URL: https://www.p2016.org/trump/trump082316sp.html (In English).
23. Donald Trump Speaks at the Southern Border // URL: https://www.rev.com/transcripts/donald-trump-speaks-at-the-southern-border (In English).
24. *Fauconnier G., Turner M.* The Way We Think: Conceptual Blending And The Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2003. 464 p. (In English).
25. Follow The Money: Donald J. Trump Remarks In Waukesha, Wisconsin // URL: https://www.p2016.org/trump/trump092816spb.html (In English).
26. *Hart C.* Critical discourse analysis and metaphor: toward a theoretical framework // Critical Discourse Studies. 2008. № 2. P. 91–106. (In English).
27. IN ARIZONA, TRUMP VOWS TO MAKE AMERICA JUST AGAIN // URL: https://www.p2016.org/trump/trump102916sp.html (In English).
28. In North Carolina, Trump Delivers Positive Vision for America // URL: https://www.p2016.org/trump/trump110516sp.html (In English).
29. *Ivie R. L.* Metaphor and the Rhetorical Invention of Cold War 'Idealists' // Communication Monographs. 1987. № 54. P. 165–182. (In English).
30. Merriam-Webster Dictionary // URL: https://www.merriam-webster.com/ (In English).
31. *Mukhortov D. S., Ji X.* Metaphor Clustering in American Presidential Inaugurals: From George H.W. Bush to Donald Trump // Moscow University Philology Bulletin. 2018. № 3. P. 39–72. (In English).
32. *Musolff A.* Metaphor and conceptual evolution // URL: https://www.metaphorik.de/en/journal/07/metaphor-and-conceptual-evolution.html (In English).
33. *Musolff A.* The study of metaphor as part of critical discourse analysis // Critical Discourse Studies. 2012. № 3. P. 301–310. (In English).
34. *Pilyarchuk K., Onysko A.* Conceptual Metaphors in Donald Trump's Political Speeches: Framing his Topics and (Self) Constructing his Persona // Colloquium: New Philologies. 2018. № 2. P. 98–156. (In English).
35. Remarks On The Clinton Campaign Of Destruction // URL: https://www.p2016.org/trump/trump101316spfl.html (In English).
36. Trump Addresses National Association of Black Journalists // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-addresses-national-association-of-black-journalists (In English).
37. TRUMP ATTACKS HILLARY'S WILD SPENDING BINGE OF TAXPAYER DOLLARS // URL: https://www.p2016.org/trump/trump102716sp.html (In English).
38. Trump Holds Event in Wisconsin // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-holds-event-in-wisconsin (In English).
39. Trump Holds Press Conference in NYC // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-holds-press-conference-in-nyc (In English).
40. Trump Makes Campaign Stop in North Carolina // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-makes-campaign-stop-in-north-carolina (In English).
41. TRUMP OUTLINES PLAN FOR AMERICAN ENERGY RENAISSANCE // URL: https://www.p2016.org/trump/trump092216sp.html (In English).
42. Trump Rally At Coachella // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-rally-at-coachella (In English).
43. Trump Rally in Georgia // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-rally-in-georgia (In English).
44. Trump Rally in Juneau, Wisconsin // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-rally-in-juneau-wisconsin (In English).
45. Trump Rally in North Carolina // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-rally-in-north-carolina (In English).
46. Trump Rally In Reading, Pennsylvania // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-rally-in-reading-pennsylvania (In English).

47. Trump Rally In Scranton, Pennsylvania // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-rally-in-scranton-pennsylvania (In English).
48. Trump Rally in Walker, Michigan // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-rally-in-walker-michigan (In English).
49. Trump Rally in Wisconsin // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-rally-in-wisconsin (In English).
50. Trump Speaks in Erie, PA // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-speaks-in-erie-pa (In English).
51. Trump Speaks To Jewish Group in Washington // URL: https://www.rev.com/transcripts/trump-speaks-to-jewish-group-in-washington (In English).
52. TRUMP SPEECH: CLINTON EMAIL CORRUPTION DISQUALIFIES HER FROM SEEKING PRESIDENCY // URL: https://www.p2016.org/trump/trump090616sp.html (In English).

Received 09.09.2025

Kakorin E.M., postgraduate student at the Chair of Linguistics
and Professional Communication in Foreign Languages
E-mail: ev.kakorin@gmail.com

Bogoyavlenskaya Yu.V., Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Chair of Linguistics
and Professional Communication in Foreign Languages
E-mail: jvbog@yandex.ru

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
Mira st, 19, Ekaterinburg, Russia, 620002

УДК 811.111'37:34(045)

С. А. Хужакулов

МЕЖКОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ В АНГЛИЙСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена исследованию межконтекстуальной вариативности лексико-семантических особенностей английского юридического дискурса, который представляет собой многоуровневую и динамичную систему. Юридический язык отличается высокой степенью терминологической специфики, однако семантика правовых понятий не является статичной: она изменяется в зависимости от институциональной среды, жанра текста и целей коммуникации. В работе рассматриваются особенности функционирования ключевых терминов и выражений в различных правовых контекстах, включая судебную практику, законодательные тексты, договорную документацию и академический дискурс. Отмечается, что межконтекстуальные переходы нередко сопровождаются смещением смысловых акцентов, что может приводить к неоднозначности интерпретации правовых норм. Особое внимание уделяется выявлению различий между нормативным и прецедентным употреблением терминов, а также влиянию социокультурных факторов, характерных для системы общего права. Анализ показывает, что вариативность значений юридических единиц является закономерным следствием взаимодействия лексико-семантических, культурных и институциональных аспектов. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к исследованию юридического дискурса, сочетающего лингвистические и правовые методы. Полученные результаты могут найти практическое применение в области юридической лингвистики, теории перевода и правоприменительной практике.

Ключевые слова: английский юридический дискурс, межконтекстуальная вариативность, лексико-семантические особенности, интерпретация права, судебная практика, законодательные тексты, юридическая терминология, прецедентное право, юридический перевод, социокультурные факторы.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-817-824

Юридический язык представляет собой особую разновидность профессионального дискурса, обладающего сложной структурой и высокой степенью терминологической специфики. Он служит не только средством фиксации правовых норм, но и инструментом их интерпретации и применения, что придает ему особый статус в системе языковой коммуникации. В условиях глобализации и активного взаимодействия правовых систем разных стран внимание к исследованию английского юридического языка возрастает, поскольку именно он является универсальным инструментом международного права, дипломатии и трансграничного сотрудничества. **Актуальность** изучения лексико-семантических особенностей английского юридического дискурса обусловлена необходимостью более глубокого понимания механизмов функционирования правовой терминологии в различных институциональных и культурных контекстах.

Одной из наиболее существенных проблем современного юридического языкознания является межконтекстуальная вариативность лексико-семантических единиц. Юридические термины и выражения далеко не всегда обладают фиксированным, строго закрепленным значением. Их интерпретация и функционирование могут изменяться в зависимости от жанра текста, правовой традиции или конкретной коммуникативной ситуации. Так, одни и те же понятия в законодательных актах и судебных решениях могут демонстрировать различия в смысловых оттенках, что особенно заметно в англосаксонской системе права, где прецедент играет ключевую роль в формировании юридической семантики. В договорах и контрактах те же термины нередко приобретают прагматическую окраску, ориентированную на конкретные условия соглашения, а в научно-правовых комментариях получают дополнительное аналитическое и доктринальное наполнение. Подобная вариативность делает юридический дискурс гибким и адаптивным, но одновременно усложняет процессы интерпретации и перевода.

Изучение межконтекстуальной вариативности позволяет выявить не только внутренние закономерности функционирования юридического языка, но и более широкие социальные и культурные механизмы, влияющие на формирование значения. Английский юридический дискурс тесно связан с традициями общего права, где прецедентное регулирование играет важнейшую роль, и это накладывает отпечаток на семантическую динамику терминологии. В отличие от кодифицированных систем континентального права, английская юридическая практика демонстрирует более высокую степень лексико-

семантической изменчивости, что проявляется в нюансах интерпретации одних и тех же понятий в различных контекстах.

Цель данного исследования состоит в том, чтобы выявить и описать особенности межконтекстуальной вариативности лексико-семантических единиц в английском юридическом дискурсе. Для достижения этой цели в статье анализируются ключевые правовые понятия, функционирующие в законодательных текстах, судебных решениях, договорной документации и академическом правовом дискурсе. Внимание уделяется не только лингвистическим, но и культурным, институциональным и правовым факторам, влияющим на изменение значений терминов при переходе из одного контекста в другой.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении феномена межконтекстуальной вариативности, что предполагает сочетание лексико-семантического анализа с культурологическим и правовым подходами. Такой междисциплинарный подход позволяет глубже понять механизмы формирования юридической семантики и объяснить специфику функционирования английского юридического языка. **Практическая значимость** работы определяется возможностью использования полученных результатов в нескольких сферах. Во-первых, они могут быть полезны в области юридического перевода, где вопрос точности интерпретации имеет ключевое значение. Во-вторых, исследование способствует развитию юридической лингвистики как науки, расширяя теоретическую базу анализа правового дискурса. В-третьих, его результаты могут применяться в практике правоприменения и в сфере межправовой коммуникации, где необходимо учитывать особенности национальных правовых систем и культурных традиций.

Таким образом, данное исследование направлено на углубленное изучение механизмов межконтекстуальной вариативности лексико-семантических особенностей английского юридического дискурса, что позволит расширить представления о природе юридического языка и его роли в современном обществе.

Теоретические основы исследования

Юридический дискурс представляет собой сложное коммуникативное образование, в котором язык функционирует в тесной связи с правовыми институтами, культурными традициями и социальными практиками. Его содержание определяется не только системой норм и правил, но и жанровым многообразием, включающим законы, судебные решения, договорные документы, академические исследования и публицистику. Каждый из этих жанров имеет собственные структурные и стилистические особенности, что делает юридический дискурс многоплановым и внутренне дифференцированным. Так, язык законодательных актов отличается высокой степенью стандартизации и терминологической точности, тогда как судебная речь может обладать экспрессивностью и элементами интерпретации [1]. Академический юридический дискурс, напротив, стремится к аналитичности и теоретизации, а договорная документация фокусируется на прагматическом закреплении прав и обязанностей сторон [2]. Таким образом, юридический дискурс можно рассматривать как систему, где жанровое многообразие формирует условия для возникновения семантической вариативности и неоднозначности интерпретаций.

Английский юридический язык обладает специфическими лексико-семантическими характеристиками, которые сформировались под влиянием длительной исторической традиции, особенностей общего права и влияния латинских и французских заимствований [3]. Его ключевая особенность заключается в сочетании архаичной лексики, устойчивых выражений и терминов, обладающих высокой степенью семантической насыщенности. Такие слова, как *hereinafter, whereof, aforesaid,* продолжают функционировать в правовых текстах, хотя в обыденной речи они давно утратили актуальность [4]. Наряду с этим юридический язык активно использует парные конструкции (null and void, cease and desist), которые служат средством усиления точности и исключения двусмысленности. Однако именно эти особенности нередко создают трудности для переводчиков и исследователей, поскольку значения многих терминов не имеют прямых эквивалентов в других правовых системах. Лексико-семантическая специфика английского юридического языка выражается также в многозначности и полисемии терминов, которые в разных контекстах могут приобретать различные оттенки значения.

Проблема межконтекстуальной вариативности в юридическом дискурсе становится особенно актуальной в условиях, когда один и тот же термин используется в различных правовых жанрах и коммуникативных ситуациях. Под межконтекстуальной вариативностью понимается изменение семантического наполнения термина в зависимости от того, функционирует ли он в законодательном тексте,

судебном решении, договоре или академическом исследовании [5]. Такой подход к анализу предполагает внимание не только к словарному значению, но и к прагматическим условиям употребления, а также к интерпретационным механизмам, которые включаются в работу при конкретных юридических ситуациях. Например, термин *equity* может означать справедливость как общее правовое начало в теоретических текстах, но в судебной практике он связывается с конкретными институтами права справедливости, тогда как в договорной документации этот термин встречается значительно реже и имеет более узкое значение [6]. Подобные примеры показывают, что вариативность не является случайной, а системно обусловлена структурой и традицией правового языка.

Особое внимание в теоретических исследованиях уделяется влиянию культурных и институциональных факторов на семантику юридических терминов. Язык права неразрывно связан с правовой системой, которая формируется под воздействием исторического развития общества, его социально-политических институтов и культурных ценностей. В англо-американской традиции особое значение имеет прецедентное право, где судебные решения становятся источником норм, а это усиливает динамический характер терминологии и открывает пространство для многослойных толкований [7]. В странах континентальной правовой системы юридический язык характеризуется большей стабильностью и кодифицированностью, что снижает уровень семантической гибкости терминов. Влияние культуры проявляется и в том, что определённые концепты, такие как *statute of limitations* (срок давности) или *mens rea* (виновное сознание), обладают смысловыми оттенками, которые невозможно в полной мере передать средствами других языков [8]. Эти термины не только фиксируют юридические категории, но и отражают особенности правовой традиции, где значение придаётся как временным ограничениям в применении права, так и субъективной стороне преступления. Их перевод требует учёта культурных и институциональных различий, что делает юридическую семантику феноменом на стыке языка и права, требующим междисциплинарного анализа.

Теоретические основы исследования межконтекстуальной вариативности позволяют сделать вывод, что юридический язык не может рассматриваться исключительно как статическая система терминов. Его функционирование связано с постоянным движением смыслов, которые изменяются под воздействием жанровых, институциональных и культурных факторов. Именно эта динамика делает английский юридический дискурс уникальным объектом изучения и открывает перспективы для дальнейших исследований в области юридической лингвистики, переводоведения и сравнительного правоведения.

Анализ межконтекстуальной вариативности

Межконтекстуальная вариативность в юридическом дискурсе проявляется особенно ярко при сопоставлении различных жанров правовой коммуникации. Несмотря на наличие устойчивой терминологической базы, правовой язык демонстрирует гибкость и динамичность, обусловленные институциональными и прагматическими особенностями. Наиболее показательно это видно в сравнении законодательных текстов, судебных решений, договорной документации и академического правового дискурса, где одни и те же термины способны изменять свое значение, акценты и функциональное наполнение.

Законодательные тексты представляют собой основу правовой системы, в них закрепляются базовые нормы и термины, формирующие понятийный каркас права [9]. Лексико-семантическая структура таких текстов характеризуется стремлением к точности, однозначности и стабильности. Термины в законах, как правило, имеют строгие дефиниции, закрепленные в специальных разделах или юридических глоссариях. Однако даже в нормативных актах наблюдается определенная вариативность. Так, английский термин *reasonable* (разумный) в законодательстве может применяться в разных формулировках, например *reasonable care* (разумная осторожность) или *reasonable doubt* (разумное сомнение), и каждое из этих словосочетаний приобретает собственное юридическое значение [10]. Подобная гибкость позволяет законодательству охватывать широкий спектр случаев, но одновременно создает трудности для однозначного понимания.

Судебный дискурс демонстрирует иной уровень функционирования юридических терминов. В нём проявляется динамический аспект правовой семантики, поскольку суды интерпретируют и конкретизируют положения закона, наполняя их новым содержанием. Одно и то же слово в тексте судебного решения может приобретать дополнительные значения в зависимости от обстоятельств конкретного дела. Так, термин *duty of care* (обязанность проявлять заботу) в законодательных актах трактуется как общая обязанность воздерживаться от действий, способных причинить вред другому лицу [11].

Однако в судебной практике он получает более разветвлённое толкование – от стандартов профессиональной ответственности до специфических ситуаций, связанных с причинением морального или экономического ущерба. Прецедентное толкование в англо-американском праве способствует тому, что семантика данного термина становится многослойной и контекстуально обусловленной, выходя за рамки его первоначальной нормативной дефиниции.

В договорной документации юридическая лексика приобретает прагматическую направленность. Основная цель таких текстов – регулирование конкретных отношений между сторонами, и поэтому многие термины интерпретируются узко, исходя из условий соглашения. Например, термин *goods* (товары) в английском торговом праве в целом обозначает движимое имущество, однако в конкретном контракте он может ограничиваться, например, только сельскохозяйственной продукцией или определенной категорией товаров, указанной сторонами [12]. Аналогично, термин *delivery* (поставка) может означать не только фактическую передачу товара, но и выполнение ряда сопутствующих обязательств, если это прямо закреплено в договоре [13]. Подобная конкретизация демонстрирует, как универсальные юридические термины трансформируются под воздействием договорного контекста, приобретая дополнительные оттенки значений.

Особого внимания заслуживает академический правовой дискурс, в котором юридическая терминология подвергается аналитическому осмыслению. Здесь правовые термины нередко приобретают метаязыковой характер, становясь объектом интерпретации, классификации и научного анализа. Так, термин *equity* (право справедливости) может рассматриваться как историческая категория, возникшая в средневековой Англии в противовес жестким нормам общего права, как современный институт, обеспечивающий баланс интересов в судебных делах, и как концептуальная основа для сравнительных исследований с континентальными системами, где эквивалента этому понятию нет [14]. Аналогично термин *trust* (доверительная собственность) в академических текстах рассматривается не только как практический инструмент управления имуществом, но и как явление, отражающее уникальные особенности англосаксонской правовой традиции [15].

Сравнение функционирования терминов в законодательстве, судебной практике, договорных текстах и академическом дискурсе позволяет выявить механизм межконтекстуальной вариативности. Если законы стремятся закрепить термины в наиболее стабильной форме, то суды наполняют их дополнительным содержанием, договоры придают им прагматическую конкретику, а научные тексты расширяют их значимость, помещая в более широкий исторический и теоретический контекст. Такая многослойность является не недостатком, а естественным свойством юридического языка, позволяющим ему адаптироваться к разнообразным коммуникативным и институциональным задачам.

Сравнительный аспект

Важным направлением исследования юридического дискурса является сопоставление нормативного и прецедентного употребления терминов. В нормативных текстах, к которым относятся законы и кодексы, термины фиксируются в относительно стабильной форме и имеют чёткие дефиниции, необходимые для правоприменительной практики. Однако в условиях англо-американской системы общего права одни и те же термины в судебных решениях получают дополнительные смысловые оттенки, обусловленные конкретными обстоятельствами дела. Например, термин *remedy* (средство правовой защиты) в законодательстве определяется как установленная форма восстановления нарушенного права, будь то возмещение убытков или исполнение обязательства в натуре [16]. Однако в судебных решениях его толкование значительно шире: оно может включать специфические меры, сформированные практикой, такие как *injunction* (судебный запрет) или *specific performance* (обязание к исполнению обязательства) [17]. Подобная гибкость отражает сущность прецедентного права, где каждое новое решение формирует дополнительные смысловые оттенки понятия и закрепляет их в юридической традиции. Сопоставление кодифицированного и интерпретационного употребления показывает, что в системе общего права семантический потенциал термина оказывается более многогранным, чем в континентальной модели, где значение фиксируется нормативно и изменяется редко.

Примеры семантических смещений при переходе между контекстами показывают, насколько изменчивым может быть значение юридических понятий. Так, термин *burden of proof* (бремя доказывания) в законодательных актах фиксируется как обязанность стороны предоставить достаточные доказательства для подтверждения своих требований [18]. Однако в судебной практике его содержание ва-

рьируется: в одних случаях оно связывается исключительно с обвинением в уголовных делах, а в других – может распределяться между сторонами в зависимости от характера процесса или специфики спора. Подобная динамика наблюдается и с термином *trust* (доверительная собственность) [19]. В теоретических и академических источниках он определяется как особый институт английского права, обеспечивающий разделение правомочий собственности между учредителем, доверительным управляющим и бенефициаром. В практике же судов этот термин наполняется конкретным содержанием и может означать как защиту имущественных интересов несовершеннолетних, так и использование траста в коммерческих или налоговых целях. Таким образом, семантические смещения отражают переход от абстрактного понимания к прагматическому применению, где значение термина уточняется реальными обстоятельствами дела.

Влияние социокультурных факторов на интерпретацию права играет ключевую роль в формировании смыслового наполнения юридических терминов. Англо-американская традиция, основанная на прецеденте и судейской интерпретации, допускает значительную степень вариативности в толковании терминов. Например, понятие *privacy* (право на неприкосновенность частной жизни) в США и Великобритании трактуется по-разному: в американском праве оно связано с конституционными гарантиями свободы личности, тогда как в британском праве оно в большей степени формировалось под влиянием судебных решений и европейского права о защите персональных данных [20]. В узбекском и российском праве эквиваленты данного понятия опираются преимущественно на конституционные нормы и специальные законы, что свидетельствует о более жёсткой кодификации и меньшей зависимости от судебной практики. Ещё один показательный пример – термин *equitable remedy* (средства правовой защиты по праву справедливости), который представляет собой характерное для англо-американской системы явление [21]. Он отражает историческую традицию дополнительного регулирования, возникшего параллельно с общим правом, и включает такие институты, как судебный запрет или принудительное исполнение обязательств. В рамках культуры общего права *equitable remedy* рассматривается как ключевой инструмент достижения справедливости там, где применение лишь формальных норм закона оказывается недостаточным. В странах же континентальной системы точного аналога этому термину не существует: его обычно передают посредством описательных конструкций, объясняющих функциональное назначение соответствующего средства защиты.

Эти примеры показывают, что интерпретация права всегда зависит от социокультурного контекста. Правовая ментальность, историческое развитие институтов и ценностные установки общества напрямую влияют на то, как именно понимаются и используются юридические термины. Сравнительный анализ нормативного и прецедентного употребления, а также наблюдение за семантическими смещениями и культурными различиями, позволяет глубже понять механизмы формирования правового языка и выявить его уникальные черты. Таким образом, сравнительный аспект исследования открывает возможности для дальнейшего развития юридической лингвистики, переводоведения и компаративистики, способствуя более точной передаче правовых смыслов в межкультурной коммуникации.

Практические импликации анализа межконтекстуальной вариативности лексико-семантических особенностей английского юридического дискурса выходят далеко за пределы теоретических наблюдений. Они затрагивают такие сферы, как юридический перевод, правоприменительная практика, а также исследовательская деятельность в области юридической лингвистики и переводоведения. Влияние межконтекстуальной вариативности проявляется особенно остро там, где возникает необходимость передачи юридических терминов с английского языка на другие правовые системы, отличающиеся по своей структуре и культурным основаниям.

Одной из наиболее заметных проблем является вопрос эквивалентности при юридическом переводе. Юридические термины редко обладают прямыми соответствиями, поскольку их семантика опирается на специфику правовой системы, исторические традиции и институциональные контексты. Например, перевод термина *equity* вызывает трудности, так как в континентальной традиции отсутствует аналогичный институт. Подобные примеры свидетельствуют о том, что переводчику приходится прибегать к описательным конструкциям или создавать условные аналоги, что может привести к частичной утрате исходного значения. Именно поэтому исследование межконтекстуальной вариативности помогает выявлять такие расхождения и вырабатывать стратегии перевода, минимизирующие риск искажения правовых смыслов.

Практическое значение анализа прослеживается и в сфере правоприменения. Для юристов и судей понимание того, что одно и то же понятие может иметь различные оттенки значений в зависимости

от контекста, является ключевым условием корректного толкования норм. В условиях глобализации и транснациональных юридических отношений такие различия приобретают ещё большее значение. Например, международные договоры часто составляются на английском языке и затем переводятся на другие языки. Если при этом не учитывать межконтекстуальную специфику терминов, велика вероятность возникновения коллизий и правовых споров. Таким образом, исследование вносит вклад в практику толкования норм и способствует унификации правового языка.

Юридическая лингвистика и переводоведение получают дополнительные возможности благодаря такому подходу. Лингвистический анализ межконтекстуальной вариативности позволяет разрабатывать более точные глоссарии, словари и терминологические базы, которые учитывают не только статичное значение термина, но и его функционирование в разных юридических жанрах. Кроме того, результаты исследования могут применяться в образовательных целях при подготовке юристов и переводчиков, чтобы формировать у них навыки работы с полисемией, семантическими сдвигами и межкультурными различиями. Это открывает путь к созданию междисциплинарных методик, сочетающих правовую, лингвистическую и культурологическую перспективы.

Практические импликации касаются также разработки стандартов юридического перевода и интерпретации. Осознание того, что английский термин может варьироваться от абстрактного законодательного определения до конкретного значения в судебной практике, позволяет выстраивать переводческие стратегии в зависимости от целей текста. В одном случае важна точность юридической дефиниции, в другом – сохранение функциональной роли термина в контексте. Такой подход обеспечивает более высокий уровень правовой точности и снижает риск возникновения неоднозначностей.

В целом, исследование межконтекстуальной вариативности подчеркивает необходимость комплексного подхода в правовой практике и юридической коммуникации. Оно не только облегчает процесс межъязыкового взаимодействия, но и способствует более глубокому пониманию правовой культуры англо-американской системы, что особенно важно для стран, активно сотрудничающих в международных правовых проектах и договорах.

Заключение

Проведённое исследование позволило выявить ключевые аспекты межконтекстуальной вариативности лексико-семантических особенностей английского юридического дискурса и продемонстрировать её влияние на правовую интерпретацию, перевод и практику применения норм. В ходе анализа было установлено, что юридический язык нельзя рассматривать как статичную систему: напротив, он динамичен и подвержен изменениям в зависимости от жанра, институционального контекста и культурных факторов.

Итоги исследования свидетельствуют о том, что один и тот же юридический термин в различных контекстах способен приобретать новые оттенки значения. В законодательных актах он фиксируется в виде формализованной дефиниции, в судебной практике наполняется конкретными интерпретациями, в договорной документации получает прагматическую направленность, а в академическом дискурсе используется как объект теоретической рефлексии. Такая многослойность и вариативность осложняют процессы юридического перевода, требуя от переводчиков не только языковой компетенции, но и глубокого понимания особенностей правовой системы, в которой функционирует термин.

Основным выводом работы является признание того, что межконтекстуальная вариативность – это не второстепенное явление, а фундаментальное свойство юридической коммуникации, тесно связанное с социокультурной и институциональной природой права. Она проявляется не только на уровне словарного значения, но и в интерпретации, которая формируется под воздействием правовой практики и традиций. Это делает юридический язык одновременно инструментом правового регулирования и отражением культурной идентичности правовой системы.

Перспективы дальнейших исследований видятся в нескольких направлениях. Во-первых, необходимо углублённое изучение межъязыковой вариативности с сопоставлением английского юридического дискурса с другими правовыми системами, в частности с континентальным правом. Во-вторых, перспективным является анализ динамики юридических терминов в условиях глобализации и цифровизации права, где новые технологии формируют новые формы правовой коммуникации. В-третьих, важным направлением может стать разработка междисциплинарных методик юридического перевода, опирающихся на достижения лингвистики, юриспруденции и культурологии.

Таким образом, исследование подтвердило, что межконтекстуальная вариативность является не только лингвистическим, но и правовым феноменом, требующим комплексного подхода. Его результаты могут быть полезны как для теоретической науки, так и для практической деятельности юристов, переводчиков и специалистов в области правовой лингвистики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алехина С. И.* Юридическая лингвистика: Введение в дисциплину. М.: Юрайт, 2018. 256 с.
2. *Алексеев С. С.* Теория права. М.: БЕК, 1995. 320 с.
3. *Арановский К. В.* Правовой дискурс: понятие и структура. СПб.: Юридический центр, 2007. 214 с.
4. *Аристова Т. Ф.* Межъязыковая вариативность юридических терминов. М.: Наука, 2012. 198 с.
5. *Бергельсон М. Б.* Лингвистические аспекты правового дискурса. М.: Логос, 2010. 240 с.
6. *Близнец И. А.* Право и язык: проблемы соотношения. М.: Норма, 2017. 312 с.
7. *Власенко Н. А.* Юридический язык и стиль правотворчества. М.: Юстицинформ, 2013. 278 с.
8. *Голев Н. Д.* Лингвистика права: проблемы и перспективы. Томск: Томский ун-т, 2009. 190 с.
9. *Гринев-Гриневич С. В.* Введение в терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.
10. *Дейк Т. А.* ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
11. *Зимняя И. А.* Лингвопрагматика текста. М.: Наука, 2001. 268 с.
12. *Костомаров В. Г.* Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка. М.: Русский язык, 1999. 320 с.
13. *Кудрявцева Т. В.* Юридический перевод: теория и практика. М.: Флинта, 2016. 276 с.
14. *Лейчик В. М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
15. *Лотте Д. С.* Основы построения научно-технической терминологии. М.: Наука, 1961. 158 с.
16. *Мамутов В. К.* Правовые системы современности. Киев: Вища школа, 1995. 340 с.
17. *Марчук Ю. Н.* Межъязыковые проблемы перевода юридических текстов. М.: ЛКИ, 2015. 224 с.
18. *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
19. *Сергеев А. П.* Лексико-семантические особенности языка права. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. 242 с.
20. *Скакун О. Ф.* Теория государства и права. Харьков: Консум, 2007. 656 с.
21. Шайкевич *А. Я.* Лингвистика и право: вопросы терминологии. М.: Наука, 2011. 212 с.

Поступила в редакцию 27.09.2025

Хужакулов Суннатулло Анвар угли, и.о. доцента
Университет экономики и педагогики
181101, Узбекистан, г. Карши, улица Кочабог
E-mail: sunnatulloxojakulov6@gmail.com

S. A. Khuzhakulov

CROSS-CONTEXTUAL VARIABILITY OF LEXICAL-SEMANTIC FEATURES IN ENGLISH LEGAL DISCOURSE

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-817-824

This article explores the cross-contextual variability of the lexical and semantic features of English legal discourse, which is a multi-layered and dynamic system. Legal language is characterized by a high degree of terminological specificity, but the semantics of legal concepts are not static: they change depending on the institutional environment, text genre, and communication purposes. The paper examines the functioning of key terms and expressions in various legal contexts, including judicial practice, legislative texts, contractual documentation, and academic discourse. It is noted that cross-contextual transitions are often accompanied by a shift in semantic emphases, which can lead to ambiguity in the interpretation of legal norms. Particular attention is paid to identifying the differences between normative and precedent-based use of terms, as well as the influence of sociocultural factors characteristic of the common law system. The analysis demonstrates that the variability of the meanings of legal units is a natural consequence of the interaction of lexical, semantic, cultural, and institutional aspects. The study concludes that a comprehensive approach to the study of legal discourse, combining linguistic and legal methods, is necessary. The results obtained may find practical application in legal linguistics, translation theory, and law enforcement practice.

Keywords: English legal discourse, cross-contextual variability, lexical and semantic features, legal interpretation, judicial practice, legislative texts, legal terminology, case law, legal translation, sociocultural factors.

REFERENCES

1. Alekhina S. I. Yuridicheskaya lingvistika: Vvedenie v disciplinu [Legal Linguistics: Introduction to the Discipline]. Moscow: Yurajt [Yurayt], 2018. 256 p.
2. Alekseev S. S. Teoriya prava [Theory of Law]. Moscow: BEK, 1995. 320 p.
3. Aranovskij K. V. Pravovoj diskurs: ponyatie i struktura [Legal Discourse: Concept and Structure]. Saint Petersburg: Yuridicheskij centr [Legal Center], 2007. 214 p.
4. Aristova T. F. Mezh"yazykovaya variativnost' yuridicheskikh terminov [Interlinguistic Variability of Legal Terms]. Moscow: Nauka [Science], 2012. 198 p.
5. Bergel'son M. B. Lingvisticheskie aspekty pravovogo diskursa [Linguistic Aspects of Legal Discourse]. Moscow: Logos, 2010. 240 p.
6. Bliznec I. A. Pravo i yazyk: problemy sootnosheniya [Law and Language: Problems of Correlation]. Moscow: Norma, 2017. 312 p.
7. Vlasenko N. A. Yuridicheskij yazyk i stil' pravotvorchestva [Legal Language and the Style of Lawmaking]. Moscow: Yusticinform, 2013. 278 p.
8. Golev N. D. Lingvistika prava: problemy i perspektivy [Linguistics of Law: Problems and Prospects]. Tomsk: Tomskij universitet [Tomsk University], 2009. 190 p.
9. Grinev-Grinevich S. V. Vvedenie v terminovedenie [Introduction to Terminology Studies]. Moscow: Akademiya [Academy], 2008. 304 p.
10. Dejk T. A. van. Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya [Language. Cognition. Communication]. Moscow: Progress, 1989. 312 p.
11. Zimnyaya I. A. Lingvopragmatika teksta [Linguopragmatics of the Text]. Moscow: Nauka [Science], 2001. 268 p.
12. Kostomarov V. G. Yazyk i kul'tura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka [Language and Culture: Linguistic and Cultural Studies in Teaching Russian]. Moscow: Russkij yazyk [Russian Language], 1999. 320 p.
13. Kudryavceva T. V. Yuridicheskij perevod: teoriya i praktika [Legal Translation: Theory and Practice]. Moscow: Flinta, 2016. 276 p.
14. Lejchik V. M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura [Terminology Studies: Subject, Methods, Structure]. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM» [Book House "LIBROKOM"], 2009. 256 p.
15. Lotte D. S. Osnovy postroeniya nauchno-tekhnicheskoj terminologii [Fundamentals of Building Scientific and Technical Terminology]. Moscow: Nauka [Science], 1961. 158 p.
16. Mamutov V. K. Pravovye sistemy sovremennosti [Legal Systems of Modernity]. Kiev: Vishcha shkola [Higher School], 1995. 340 p.
17. Marchuk Yu. N. Mezh"yazykovye problemy perevoda yuridicheskikh tekstov [Interlinguistic Problems of Translating Legal Texts]. Moscow: LKI, 2015. 224 p.
18. Reformatskij A. A. Vvedenie v jazykoznanie [Introduction to Linguistics]. Moscow: Aspekt Press, 1996. 536 p.
19. Sergeev A. P. Leksiko-semanticheskie osobennosti yazyka prava [Lexico-Semantic Features of the Language of Law]. Saint Petersburg: SPbGU [Saint Petersburg State University], 2014. 242 p.
20. Skakun O. F. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law]. Kharkov: Konsum, 2007. 656 p.
21. Shajkevich A. Ya. Lingvistika i pravo: voprosy terminologii [Linguistics and Law: Issues of Terminology]. Moscow: Nauka [Science], 2011. 212 p.

Received 27.09.2025

Khuzhakulov Sunnatullo Anvar ugli, Acting associate professor
University of Economics and Pedagogy
Kochabog st., Karshi, Uzbekistan, 181101
E-mail: sunnatulloxojakulov6@gmail.com

УДК 811.111.09(045)

М. А. Ананьина

ОСОБЕННОСТИ АЛЛЮЗИВНЫХ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ–ЭТАЛОНОВ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ОПИСАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Статья посвящена исследованию аллюзивного антропонимического концепта–эталона как концепта, у которого происходит высвечивание одного свойства и затемнение остальных, и имеет место шкалирование по профилируемому свойству. Материалом исследования послужили тексты британских авторов N. Hornby, Ph. Gregory, K. Ishiguro и американских писателей P. Auster, D. Tartt. Проведенное исследование показало, что в качестве источников в обоих типах текстов используются реальные лица, библейские, мифологические и фольклорные персонажи. Выделение доминантных, средних и периферийных признаков художественной антропосферы показало отсутствие совпадений в обоих типах текстов. Отмечена тенденция к актуализации антиэталонов и использованию отрицательных конструкций с положительно окрашенными репрезентантами концептов и их шкалированием по профилируемому концептом свойству. Аксиологическая окраска концептов в обеих выборках в основном положительная, но наблюдались случаи иронической окраски в обоих типах текстов, меняющей общий положительный оценочный вектор.

Ключевые слова: когнитивная поэтика, аллюзивный антропонимический концепт, концепт-эталон, художественный концепт, современная британская литература, современная американская литература.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-825-830

Введение

В настоящее время в когнитивной лингвистике и стилистике активно развиваются такие направления, как когнитивная грамматика и когнитивная поэтика. Когнитивная поэтика развивается как в зарубежных, так и отечественных работах. J. Gavins и G. L. Steen рассматривают когнитивную поэтику как новый подход к анализу художественной литературы на основе теоретических положений когнитивной лингвистики и психологии [12]. Системную методологию анализа художественного текста на основе интеграции положений когнитивной науки с литературным анализом разрабатывает P. Stockwell и другие авторы, изучающие данные вопросы [13]. Среди отечественных авторов изучению литературных концептов посвящены работы Н. В. Володиной, О. В. Евтушенко, И. А. Тарасовой и др. С точки зрения И. А. Тарасовой, художественный концепт занимает срединное положение между категориями формы и содержания, он представляет собой соединение чувственных компонентов и идейного содержания, поэтому эффективным является рассмотрение концепта как слойной структуры, включающей чувственный образ как внутреннюю форму, понятийный и ценностно-оценочный слои [10, с. 32]. Н. В. Володина обобщает особенности художественных концептов, заключающиеся в его ментальной природе, повторяемости, структурированности, эстетической окрашенности, диалогичной, коммуникативной природе [2, с. 11–19]. Художественный концепт определяется как «смысловая структура, воплощенная в устойчивых образах, повторяющаяся в границах определенного литературного ряда, обладающая культурно значимым содержанием, семиотичностью и ментальной природой» [2, с. 19]. Исследователь выделяет персонажные концепты, под которыми понимаются герои произведений, личности, которые входят в национальную мифологию [2, с. 21]. Аллюзивный антропонимический концепт может быть рассмотрен как разновидность такого художественного концепта. Концепт обладает таким свойством, как динамизм, проявляющийся как изменчивость концепта, его эволюцию [7, с. 174]. Динамичный характер аллюзивного антропонимического концепта проявляется в том числе в возможности его актуализации в художественном тексте в виде различных типов, таких, как концепт–представление, концепт–понятие, концепт–прототип, концепт–эталон. Научное обоснование и особенности аллюзивного антропонимического концепта–эталона рассмотрены нами в предыдущей работе [1, с. 362].

Понятие аллюзивного антропонимического концепта соотносится с более широким понятием прецедентного имени как гипоним соответствующего гиперонима. Обосновывая возможность понимания прецедентного имени как репрезентанта концепта, Д. Б. Гудков, подчеркивает его связь с абстрактными именами, высокую социальную значимость, символическую функцию, экспрессивность

[4, с. 84–114]. Концепты сохраняются в нашем сознании и включают знания как о реальном мире, так и о гипотетическом, воображаемом, мифологическом, фольклорном и других альтернативных мирах [8, с. 195]. Данные особенности следует учитывать при характеристике аллюзивных антропонимов.

Как отмечают исследователи, перспективы когнитивной поэтики связаны с моделированием авторской концептосферы, а также в описании когнитивных процессов в сознании читателя, в описании и структурировании отдельных авторских концептов [10, с. 34–36]. Кроме того, новым направлением когнитивных исследований является сопоставительная концептология, позволяющая установить когнитивные основания структурирования концептов, выявить и объяснить причины межкультурных различий [7, с. 202]. В связи с этим, цель работы заключается в сопоставительном исследовании лингвокогнитивных особенностей аллюзивных антропонимических концептов-эталонов в текстах современных британских и американских авторов.

Методы и материал исследования

В представленной работе был использован метод сплошной выборки для сбора эмпирического материала. Также применялись методы концептуального анализа для исследования профилируемых аллюзивными антропонимическими концептами-эталонами в контексте признаков, метод контекстуального анализа для изучения аксиологического и ассоциативного потенциала концептов. Сопоставительный метод использовался для изучения формальной маркированности, анализа источников, выделения доминантных, средних и периферийных признаков художественной антропосферы, образуемой аллюзивными антропонимическими концептами-эталонами. Материалом исследования послужили тексты романов британских авторов N. Hornby “A Long Way Down”, Ph. Gregory “The Constant Princess”, K. Ishiguro “Nocturns. Five Stories of Music and Nightfall” и произведения американских авторов D. Tartt “The Secret History”, “The Goldfinch”, “The Little Friend” и P. Auster “The Book of Illusions”.

Результаты исследования и обсуждение

В данной работе предметом исследования является аллюзивный антропонимический концепт-эталон. Эталон понимается по-разному в лингвистике и лингвокультурологии. М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков приводят определения эталона как образную подмену свойств человека или предмета реалией, которая приобретает знаковый характер. Эталоны отражают в сжатой форме «типичные представления народа о мире» в процессе освоения пространства, они выступаю в качестве ориентиров для человека [9, с. 139]. М. Л. Ковшова рассматривает эталоны как формы выражения антропонимического кода культуры, наряду с мифологемами, символами и стереотипами [6, с. 150]. Д. Б. Гудков понимает эталон широко, считая все прецедентные феномены эталонами, образцовыми примерами характеристик или поступков, задающих модели поведения [3, с. 83]. Мы рассматриваем эталон как тип концепта, вслед за О. К. Ирисхановой, считающей, что в эталоне происходит затемнение большинства свойств объекта, за исключением одного, затем происходит выстраивание шкалы по данному признаку, вершинная позиция при этом принадлежит прецедентному имени и категории лиц, объединенных данным профилируемым признаком [5, с. 155–156]. Таким образом, концепт–эталон связан с категоризацией объектов, затемнением прочих признаков и выстраиванием оценочной шкалы по фокусируемому признаку.

Методом сплошной выборки было отобрано 28 аллюзивных антропонимов–репрезентантов аллюзивного антропонимического концепта–эталона в британских текстах и 7 аллюзивных антропонимов – в текстах американских авторов. Сопоставительный анализ осуществлялся по следующим параметрам.

1. Источники аллюзивных отсылок.

2. Профилируемые когнитивные признаки: доминантные, средние и периферийные признаки художественной антропосферы, образуемой аллюзивными антропонимическими концептами–эталонами.

3. Многопризнаковые аллюзивные антропонимические концепты–эталоны.

4. Аксиологическая окраска.

Источниками аллюзивных отсылок в текстах британских авторов выступили реальные личности, писатели, поэты (Faulkner, Dickens, Vonnegut, Dylan Thomas etc.), артисты (Sinatra, Brando, Dean Martin, Christina Aguilera, Kylie Minogue, Britney), режиссеры (Steven Spielberg), исторические фигуры (Don Hernando, Margaret Beaufort), а также герои английского фольклора и художественных текстов (Arthur at Camelot, Mr Darcy, Mr Arsey Darcy), библейские персонажи (a Solomon).

Источники аллюзивных отсылок в контекстах американских авторов включают, в порядке убывания количества, библейские образы, реальные лица (Gloria Swanson, Mabel Normand, Norma Talmadge, Voltaire), мифонимы (Poseidon), персонажи французского и английского фольклора (Prince Charming). Поскольку выборка из британских текстов шире американской, то источники носят более разнообразный характер, однако можно отметить роль реальных образов в обеих выборках. Это свидетельствует о тенденции к появлению отсылок на современные реальные образы, наблюдающейся в текстах британских и американских авторов XX в. Состав источников в обеих выборках одинаков, он включает реальные личности, библейские, мифологические персонажи и фольклорных героев.

Концептуальный анализ позволил выявить когнитивные признаки, профилируемые аллюзивными антропонимическими концептами–эталонами в текстах британских и американских авторов. Доминантными признаками, репрезентированными 6–7 аллюзивными антропонимами, явились «талантливый поэт, писатель». Данный признак представлен именами Faulkner, Dickens, Vonnegut, Brendon Behan, Dylan Thomas [16, с. 22, 23]. Имена, носящие повторяющийся характер, представлены однократно. Другим доминантным признаком явился «мудрый правитель» (a Solomon, Arthur, King Arthur [15, с. 172], Arthur at Camelot [15, с. 13]).

Средние признаки художественной антропосферы британской выборки составили характеристики «рыцарь» (Arthur at Camelot [15, с. 353, 459]), «талантливый музыкант» (Sinatra, Dean Martin [17, с. 16]), «посредственная звезда эстрады» (Christina Aguilera, Britney [16, с. 23]), «богатый жених» (a Sinatra, a Brando [17, с. 21]), «напыщенный человек» (Mr Darcy [16, с. 191], Mr Arsey Darcy [16, с. 51]).

Периферийный слой включает признаки, репрезентированные одним аллюзивным антропонимом: «герой» (Don Hernando [15, с. 413]), «хорошая дочь, селебрити» (Kylie Minogue [16, с. 213]), «талантливая женщина–политик» (Margaret Beaufort [15, с. 125]).

В американской выборке доминантными являются признаки «личность большой веры и святости» (Gabriel, St. John the Baptist, Joseph, Mary, Christ [19, с. 45]), «талантливая актриса» (Mabel Normand, Gloria Swanson, Norma Talmadge [14, с. 130]). Средние признаки не удалось выявить вследствие ограниченной выборки. Периферия антропосферы, образуемой аллюзивными антропонимическими концептами–эталонами в американской выборке, содержит признаки «умный человек» (Voltaire [20, с. 220]), «искусный пловец» (Poseidon [18, с. 492]) и «молодой симпатичный мужчина, потенциальный жених» (Prince Charming [18, с. 705]).

Можно заключить, что признаки в обеих выборках не совпадают. Однако отмечаются общие тенденции, заключающиеся в наличии профилируемых признаков, обладающих низкой шкалой оценочности в рамках категории, наблюдаются эталоны отрицательно оцениваемых свойств. В американской выборке таким репрезентантом концепта–эталона послужило имя Voltaire [20, с. 220]. Герои характеризуют убитого друга через отрицательную конструкция, замечая, что он *wasn't Voltaire / 'не был Вольтером'*, таким образом признавая высокие заслуги французского писателя, историка и философа–просветителя XVII в. и отмечая недалекость друга Банни. Другими примерами из британской выборки являются упоминания двух имен современных популярных звезд Christina Aguilera, Britney [16, с. 23]. Для рассказчика уровень творчества певиц является изначально низким, поэтому в данном случае имеет место эталон отрицательных качеств, своеобразный антиэталон. Другой пример также иллюстрирует случай антиэталона: *'Engaged? ' Jess said. 'Engaged? ' What is this? Pride and f–ing Prejudice? "Oooh,* ***Mr Arsey Darcy****. May I plight my truth?" "Oh yes, Miss Snooty Knobhead, I'd be charmed I'm sure* [16, с. 51]. *– А вы были помолвлены? — поинтересовалась я у Джесс, о чем потом пожалела. – Помолвлены? – удивилась Джесс. – Помолвлены? Это что – «Гордость и ср… предубеждения»? «О,* ***мистер Дарси-Шмарси****, позвольте же мне ответить согласием. – Ах, мисс Тупоголовая Самовлюбленность, я буду безмерно счастлив это услышать!»* [11]. Имя героя известного романа Дж. Остин является эталоном рыцарского отношения к даме. Вместе с тем, этот образ отличается чопорностью, а для героини романа – старомодностью, напыщенностью и неестественностью. Таким образом, данный аллюзивный антропонимический концепт также выступает в качестве антиэталона, свойства, имеющего отрицательные оценочные коннотации, по которому выстраивается оценочная шкала.

Следующим критерием сопоставительного исследования является наличие многопризнаковых концептов, под которыми мы понимаем такие аллюзивные антропонимические концепты, которые способны фокусировать несколько когнитивных признаков в разных контекстах выборки. В текстах американских авторов таких концептов не было выявлено. В британской выборке к таким концептам можно отнести SINATRA и KING ARTHUR. Концепт SINATRA профилирует признаки «талантливый

музыкант» и «богатый жених». Второй из признаков имеет ироническую окраску. Концепт–эталон KING ARTHUR фокусирует признаки «мудрый правитель» и «рыцарь».

Большинство отобранных из британских текстов концептов–эталонов связаны с активизацией положительных оценочных коннотаций, но имеются отдельные примеры, в которых референт и его деятельность, как правило, оценивается высоко в культуре и обществе, но в конкретном контексте возникает ирония (Mr Arsey Darcy, Christina Aguilera, Britney, a Sinatra, a Brando). Данные примеры рассматриваются как антиэталоны.

В американской выборке также наблюдаются положительные аксиологические коннотации аллюзивных антропонимических концептов–эталонов, используется ирония, изменяющая общую положительную окраску концепта.

Выводы

В результате проведенного исследования мы приходим к следующим выводам. Аллюзивный антропонимический концепт обладает свойством динамизма, который проявляется в возможности реализации индивидуально-творческого начала автора и его интерпретации аллюзивных образов. Динамизм также проявляется в возможности актуализации данного типа концепта в виде концепта–представления, концепта–понятия, концепта–прототипа и эталона.

Были проанализированы тексты современных британских и американских авторов, выявлено неравное количество аллюзивных антропонимических концептов–эталонов, которые были исследованы в сопоставительном аспекте по параметрам характеристики источников аллюзивных отсылок, профилируемых когнитивных признаков, способности актуализировать несколько признаков в разных контекстах и аксиологической окраске. Выяснилось, что источники в обеих выборках включают реальные лица, библейские образы, мифологические персонажи и фольклорные герои. В американской выборке не удалось выявить признаки среднего слоя художественной антропосферы вследствие ограниченности выборки. В целом, профилируемые признаки в выборках не совпадают. Общим явилось наличие тенденции к актуализации антиэталонов и использования отрицания для определения места объекта на шкале по определенному свойству. Большинство концептов в обеих выборках профилируют положительно окрашенные признаки, однако в как в британской, так и американской выборке наблюдались случаи использования иронии, которая меняет оценочный вектор.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьина М. А.* Когнитивно-семантические черты аллюзивного антропонимического концепта-эталона в романах британских писателей первой половины XIX века // Вестник Марийского государственного университета. 2025. Т. 19. № 3. С. 360-367. DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2025-19-3-360-367
2. *Володина Н. В.* Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения: монография. 5–е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2022. 256 с.
3. *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. Изд. 2–е. М.: ЛЕНАНД, 2022. 200 с.
4. *Гудков Д. Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. Изд. 2–е, стереотип. М.: ЛЕНАНД, 2020. 152 с.
5. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
6. *Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. Изд. 2–е, испр. М.: ЛЕНАНД, 2022. 400 с.
7. *Кузнецов В. Г.* Структурно-семиологический и когнитивный аспекты изучения языка: На материале французского и английского языков. М.: ЛЕНАНД, 2024. 232 с.
8. *Лаврова Н. А.* Язык в зеркале познания и культуры = Language through the Prism of Culture and Cognition: монография; под редакцией Т. А. Ивушкиной; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Кафедра английского языка №3. М.: МГИМО-Университет, 2024. 617 с.
9. *Словарь лингвокультурологических терминов* / авторы–сост. Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. / Отв. ред. М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2018. 192 с.
10. *Тарасова И. А.* Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы: монография. М.: ИНФРА-М, 2022. 166 с.
11. *Хорнби Н.* Долгое падение / пер. с анг. А. Ю. Степанова. URL: https://libking.ru/books/prose-/prose-contamporary/1135770-15-nik-hornbi-dolgoe-padenie.html/#book (дата обращения: 03.12.2025)
12. *Gavins J., & Steen G. L.* Cognitive Poetics in Practice. Routhlege, 2003. 208 p.
13. *Stockwell P.* Cognitive Poetics: An Introduction. Routhledge, Abingdon, Oxon, UK, 2019. 246 p. URL:

https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9780367854546/cognitive-poetics-peter-stockwell (дата обращения: 02.12.2025).
14. *Auster P.* The Book of Illusions. London: Faber and Faber, 2011. 321 p.
15. *Gregory Ph*. The Constant Princess. London: Harper Collins Publishers, 2011. 490 p.
16. *Hornby N*. A Long Way Down. London: Penguin Books, 2014. 259 p.
17. *Ishiguro K*. Nocturnes. Five Stories of Music and Nightfall. London: Faber and Faber Limited, 2010. 231 p.
18. *Tartt D.* The Goldfinch. London: Abacus books, 2014. 867 p.
19. *Tartt D.* The Little Friend. London: Bloomsbury Publishing, 2005. 564 p.
20. *Tartt D.* The Secret History. London: Penguin Books, 1993. 629 p.

Поступила в редакцию 09.12.2025

Ананьина Марина Александровна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры германской филологии
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
620083, Россия, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51
E-mail: ananinama@yandex.ru

M. A. Ananyina

FEATURES OF ALLUSIVE ANTHROPONYMIC CONCEPTS–STANDARDS IN A COMPARATIVE ASPECT (BASED ON MODERN BRITISH AND AMERICAN LITERARY TEXTS)

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-825-830

The article is devoted to the study of the allusive anthroponymic concept–standard as a type of concept characterized by the foregrounding of one feature and the backgrounding of others, with scaling occurring along the profiled feature. The research material comprises texts by modern British authors N. Hornby, Ph. Gregory, K. Ishiguro, and American writers P. Auster, D. Tartt. The conducted research revealed that sources for this type of concept in both text corpora include real-life figures, as well as biblical, mythological, and folklore characters. The identification of dominant, intermediate, and peripheral features of the artistic anthroposphere demonstrated a lack of coincidence between the two text types. A tendency was noted towards the actualization of anti-standards and the use of negative constructions with positively marked representatives of the concepts–standards, along with their scaling according to the property profiled by the concept.The axiological charge of the concepts in both samples is predominantly positive; however, instances of ironic evaluation were observed in both text corpora, altering the overall positive evaluative vector.

Keywords: cognitive poetics, allusive anthroponymic concept, concept-standard, artistic concept, modern British literature, modern American literature.

REFERENCES

1. *Anan'ina M. A.* Kognitivno-semanticheskie cherty allyuzivnogo antroponimicheskogo koncepta-etalona v romanah britanskih pisatelej pervoj poloviny XIX veka [Cognitive-semantic features of the allusive anthroponymic standard-concept in the novels of British writers of the first half of the 19th century]. Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of the Mari State University]. 2025, vol. 19, no. 3, Pp. 360–367. DOI: https://doi.org/10.30914/2072-6783-2025-19-3-360-367 (In Russian)
2. *Volodina N. V.* Koncepty, universalii, stereotipy v sfere literaturovedeniya: monografiya [Concepts, Universals, and Stereotypes in Literary Studies: monograph]. 5–e izd., ster. Moscow, FLINTA Publ., 2022, 256 p. (In Russian)
3. *Gudkov D. B*. Teoriya i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii [Theory and Practice of Intercultural Communication]. Izd. 2–e. Moscow, LENAND Publ., 2022, 200 p. (In Russian)
4. *Gudkov D. B*. Precedentnoe imya i problemy precedentnosti [Precedent name and the problems of precedentness]. Izd. 2–e, stereotip. M.: LENAND Publ., 2020, 152 p. (In Russian)
5. *Iriskhanova O. K.* Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya [The Games of Focus in Language: The Semantics, Syntax, and Pragmatics of Defocusing]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2014, 320 p. (In Russian)
6. *Kovshova M. L*. Lingvokul'turologicheskij analiz idiom, zagadok, poslovic i pogovorok: Antroponimicheskij kod kul'tury [Linguocultural Analysis of Idioms, Riddles, Proverbs, and Sayings: The Anthroponymic Code of Culture**].** Moscow, LENAND Publ., 2022, 400 p. (In Russian)
7. *Kuznecov V. G*. Strukturno-semiologicheskij i kognitivnyj aspekty izucheniya yazyka: Na materiale francuzskogo i

anglijskogo yazykov [Structural-Semiological and Cognitive Aspects of Language Study: Based on French and English Language Data]. Moscow, LENAND Publ., 2024, 232 p.
8. *Lavrova N. A.* YAzyk v zerkale poznaniya i kul'tury = Language through the Prism of Culture and Cognition: monografiya [Language through the Prism of Culture and Cognition: monograph]. Pod redakciej T. A. Ivushkinoj; Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnyh otnoshenij (universitet) Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii, Kafedra anglijskogo yazyka №3 [Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Department of English Language No. 3.]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2024. 617 p. (In English)
9. *Slovar' lingvokul'turologicheskih terminov* [Dictionary of Linguoculturological terms by Maria Kovshova and Dmitry Gudkov / Executive Editor Maria Kovshova]. Moscow, Gnozis Publ., 2018. 192 p. (In Russian)
10. *Tarasova I. A.* Kognitivnaya poetika: predmet, terminologiya, metody: monografiya [Cognitive poetics: subject, terminology, methods: monograph]. Moscow, IFRA-M Publ., 2022. 166 p. (In Russian)
11. *Hornbi N.* Dolgoe padenie / per. s ang. A. YU. Stepanova [A Long Way Down / translated from English by A. Yu. Stepanov]. URL: https://libking.ru/books/prose-/prose-contamporary/1135770-15-nik-hornbi-dolgoe-padenie.html/#book (accessed 03.12.2025). (In Russian)
12. *Gavins J., & Steen G. L.* Cognitive Poetics in Practice. Routhlege, 2003. 208 p. (In English)
13. *Stockwell P.* Cognitive Poetics: An Introduction. Routhledge, Abingdon, Oxon, UK, 2019. 246 p. URL: https://www.taylorfrancis.com/books/mono/10.4324/9780367854546/cognitive-poetics-peter-stockwell (accssed 02.12.2025). (In English)
14. *Auster P.* The Book of Illusions. London: Faber and Faber, 2011. 321 p. (In English)
15. *Gregory Ph*. The Constant Princess. London: Harper Collins Publishers, 2011. 490 p. (In English)
16. *Hornby N*. A Long Way Down. London: Penguin Books, 2014. 259 p. (In English)
17. *Ishiguro K*. Nocturnes. Five Stories of Music and Nightfall. London: Faber and Faber Limited, 2010. 231 p. (In English)
18. *Tartt D.* The Goldfinch. London: Abacus books, 2014. 867 p. (In English)
19. *Tartt D.* The Little Friend. London: Bloomsbury Publishing, 2005. 564 p. (In English)
20. *Tartt D.* The Secret History. London: Penguin Books, 1993. 629 p. (In English)

Received 09.12.2025

Ananyina M.A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of German Philology
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
Lenina st., 51, Yekaterinburg, Russia, 620083
E-mail: ananinama@yandex.ru

УДК [811.161.1+811.222.1]’36’37(045)

Сейед Хасан Захраи, Махдие Гасеми, Али Мадаени Аввал

ИРРЕАЛЬНАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

Настоящая статья посвящена типологическому сопоставлению средств выражения ирреальной модальности в русском и персидском языках. Ирреальная модальность, охватывающая значения потенциальности, желательности и побуждения, представляет собой важнейший аспект модальной системы, отражающий отношение говорящего к воображаемым, гипотетическим или невозможным ситуациям. Исследование опирается на структурно-семантический анализ глагольных наклонений, модальных конструкций, слов, частиц, а также интонационных средств, участвующих в маркировании ирреальной модальности. Особое внимание уделяется грамматическим различиям: в русском языке ключевую роль играет частица «бы» в сочетании с прошедшими формами глаголов и инфинитивными конструкциями, в то время как в персидском языке доминирует синкретизм временных и модальных форм. Сопоставительный анализ выявляет как универсальные принципы модального выражения, так и языково-специфические особенности, имеющие значение для теории перевода и межкультурной коммуникации. Полученные результаты позволяют глубже понять механизмы выражения нереализованных значений и расширяют представления о взаимодействии грамматики, семантики и прагматики в различных типах дискурса.

Ключевые слова: модальность, ирреальная модальность, наклонение, русский язык, персидский язык.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-831-837

Актуальность. Растущий интерес к сопоставлению русского и персидского языков в сфере модальности повышает значимость изучения ирреальных значений. Эти значения выражают гипотетические, желаемые или невозможные ситуации и напрямую влияют на смысл высказываний. Сравнение двух языков помогает:

1) Определить общие черты в семантике и грамматике;

2) Выявить уникальные средства выражения ирреальной модальности в каждом языке.

Данная работа важна для межкультурного общения, перевода и преподавания языков, где точный перевод модальных значений определяет качество коммуникации.

Цель данной работы – сопоставить грамматические и лексические средства ирреальной модальности в русском и персидском языках с определением общих черт и типологических различий. Результаты данной работы могут быть полезны для лингвистической теории и переводческой практики.

Модальность определяется как грамматико-семантическая категория, задача которой состоит в отображении разнообразных видов отношения высказывания в действительности. Она подразделяется на объективную (эксплицирующую отношение сообщаемого содержания к действительности) и субъективную (выражающую отношение говорящего к содержанию высказывания). Анализ ведущих теоретических подходов и концепций указывает не только на многогранность и глубинную сложность феномена модальности, но и на ее центральное значение в формировании как синтаксической, так и коммуникативной семантики. Объективная модальность выступает неотъемлемым атрибутом любого высказывания, поскольку непосредственно связана с грамматической категорией предикативности и неизменно проявляется в структуре предложения. К средствам выражения ирреальной модальности в русском языке относятся наклонение, модальные глаголы и некоторые глагольные конструкции, модальные слова, частицы и союзы, интонация и порядок слов.

Основным средством выражения объективной модальности в сопоставляемых русском и персидском языках выступает категория наклонения, которая определяется ядром объективной модальности. Согласно академику В. В. Виноградову, категория наклонения представляет собой грамматическую категорию глагольной системы, которая определяет модальность действия, выражая его отношение к действительности с позиции говорящего. В системе русского глагола принято выделять три грамматических наклонения: изъявительное (индикатив), повелительное (императив), сослагательное (конъюнктив).

В персидском языке, по мнению современных иранских лингвистов, выделяются три наклонения: изъявительное, сослагательное и повелительное [8, с. 70]. Примечательно, что в персидском языке категория наклонения находится в тесной функциональной взаимосвязи с глагольной категорией времени. В этом языке зачастую именно временные формы глагола передают широкий спектр модальных значений.

В основе работы лежит функционально-семантический подход, согласно которому модальность представляет собой поле разноуровневых средств, а ирреальная модальность включает три основных значения: потенциальность, желательность и побуждение. Именно эта семантическая триада служит общим основанием для сопоставления русского и персидского языков. Анализ проводится на морфологическом (наклонения, временные формы), синтаксическом (конструкции с «бы», инфинитивные обороты, условные периоды), лексическом (модальные глаголы, слова, частицы) и просодическом (интонация) уровнях. Используются методы структурно-семантического анализа (выделение формальных показателей и их значений) и функционально-сопоставительного анализа (сравнение языковых средств на основе общей семантики). Источниками материала служат примеры из русской и персидской художественной литературы, а также типовые конструкции, отражающие литературную норму. Данная методология позволяет системно выявить сходства и различия в выражении ирреальной модальности в двух языках.

Реальная модальность утверждает соответствие содержания высказывания объективной действительности с позиции говорящего: субъект интерпретирует передаваемую информацию как достоверный и объективно существующий факт. В русском языке реальная модальность реализуется посредством форм изъявительного наклонения (индикатива). Ср. *Солдаты едут в кузове батальонного грузовика. Теперь они с необычной развязностью говорят про женщин* (Сергей Довлатова. Зона. Записки надзирателя). В системе персидского глагола изъявительное наклонение обладает максимальной частотностью употребления. Примечательно, что морфологически оно не маркируется специальными показателями, отличаясь этим от других наклонений. Временные формы, за исключением аориста и прошедшего предположительного времени, функционируют в качестве форм изъявительного наклонения. Ср. من به مدرسه می روم (Я иду в школу).

Ирреальная модальность указывает на несоответствие содержания высказывания объективной действительности: субъект интерпретирует сообщаемое как желаемое или требуемое, но объективно не существующее в реальности. К базовым значениям ирреальной модальности относятся:

1) Потенциальность (возможность): *Началась бы весна; Весна была бы дождливой;*

2) Оптативность (желательность): *если бы весна началась; если бы весна была дождливой;*

3) Императивность (побудительность): *пусть начнется весна; чтоб весна началась; пусть весна будет дождливой; чтоб весна была дождливой* [2, с. 144].

Данная триада значений отражает универсальную парадигму «возможное → желаемое → необходимое», лежащую в основе ирреальной модальности и маркирующую переход от намерения к реализации действия.

Повелительное и сослагательное наклонения функционируют как средства выражения ирреальной модальности. Первое обслуживает императивные речевые акты, будучи преимущественно диалогическим по природе, хотя встречается и в монологических формах, таких как лозунги, рекламные слоганы, паремии (Ср. *Уходи, Маша!*). Второе ориентировано на монологическую речь, моделирует гипотетические ситуации (Ср. *Если бы голос молчал, мне было б трудно дышать, и конь бы, храпя, на дороге упал, и я бы не доскакал* (А. Блок. Лениво и тяжко плывут облака)).

У лингвистов существуют различные мнения относительно ирреальной модальности. Г. А. Золотова выдвигает фундаментальное положение, что ирреальная модальность не просто занимает обособленное место среди модальных значений, но и обладает устойчивыми формальными средствами выражения. Это позволяет ей выступать не только классифицирующей, но и модифицирующей категорией. Она отмечает, что «парадигма модальных значений – возможное – желаемое – необходимое – маркирующая этапы перехода от намерения к реализации действия, – опирается на единую морфологическую основу: морфологические формы сослагательного и повелительного наклонений. Возможность непрямого использования морфологической формы синтаксически обусловлена, и связана с изменением функционально-стилевой принадлежности модели предложения [1, с. 37].

А. А. Потебня, анализируя оппозицию реальной и ирреальной модальности в косвенных наклонениях, формулирует ключевое отличие следующим образом: «Сходство между наклонением условным и повелительным состоит в том, что оба они, в противоположность изъявительному, выражают не действительное событие, а идеальное, т.е. представляемое существующим только в мысли говорящего» [6, с. 179].

Сослагательное наклонение способно выражать гипотетичность, неуверенность или желание, формируясь в русском языке аналитически посредством сочетания модальной частицы «бы» с глагольными формами прошедшего времени, напр., «*Боюсь: брусничная вода Мне не наделала б вреда»*

(А.С. Пушкин. Евгений Онегин). Конъюнктив выражает потенциальное, но нереализованное действие и служит для передачи желательной модальности, которая в устной речи часто оформляется как просьба, напр., *сходила бы ты к брату.*

Сослагательное наклонение в русском языке служит для обозначения действий или состояний, не имеющих места в действительности. К основным семантическим разновидностям относятся:

– контрфактивное значение: *… не было бы теперь трех несчастных сирот, обреченных на нищету, голод и тюрьмы* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого. Путешествие в седьмую сторону света)*;*

– гипотетическое значение: *я пытался создать фонд, который бы поддерживал умных людей;*

– оптативное значение: *если бы он знал, как тяжело у меня на душе!* [2, с. 144].

Темпоральная парадигма персидского конъюнктива ограничена двумя формами: настоящее-будущее и прошедшее предположительное время. В аористе внимание сосредоточено на самом факте действия, безотносительно к его последствиям. Предположительное прошедшее время, напротив, указывает на то, что результат этого действия воспринимается как совершившийся. Кроме того, в отличие от прошедшего предположительного времени, аорист может выражать побуждение к действию: приказы, приглашения (*برویم* «пойдемте») и косвенные команды (*بگوید* «пусть он скажет»), но прошедшее предположительное время не используется для выражения этих значений.

Следует отметить, что аорист в персидском языке выполняет также функцию морфологического маркера сослагательного наклонения, что подчеркивает его двойственную грамматическую природу.

В условных предложениях, относящихся к прошлому, сослагательное наклонение выражается через прошедшее длительное (имперфект) или предпрошедшее время (плюсквамперфект). Ср. *اگر دوستم را می‌دیدم همه چیز را به او می‌گفتم* (Если бы я увидела друга, то все бы ему рассказала). Разница между имперфектом и плюсквамперфектом в условных предложениях заключается в том, что имперфект может использоваться даже в условиях, относящихся к будущему (*اگر موفق می‌شدی شاهزاده را ببینی هیچ حادثه ای رخ نمی داد* «Если бы тебе удалось повидать принца, то ничего бы не случилось»), а плюсквамперфект не может использоваться в таких условиях.

Как уже отмечалось, имперфект в конструкциях долженствования после слов باید и بایستی (следует, надо) заменяет прошедшее сослагательное наклонение. Ср. *او باید این کتاب را می‌خواند* (Он должен был читать эту книгу.).

Частицы کاش، ای کاش، کاش که (если бы, хотя бы, хорошо бы) в конструкциях, выражающих желание, могут сочетаться не только с сослагательным наклонением, но и с плюсквамперфектом или прошедшим длительным временем. Ср. *ای کاش آن لحظه مرده بودم* (Если бы я умер в тот момент).

В разных языках мира формы повелительного наклонения (императива) служат для экспликации волеизъявления говорящего, направленного на побуждение адресата к совершению действия. Данная грамматическая категория охватывает спектр речевых актов: от прямых указаний и приказов до совета, просьб, разрешений и приглашений к совместной деятельности. Фонетической маркировкой императива выступает особая повелительная интонация, модулирующая семантические оттенки в зависимости от коммуникативного контекста. Ср. *Садитесь, пожалуйста! Попробуйте вареников!*

В системе современного русского императива центральное положение занимает продуктивная парадигма 2-го лица:

1) Единственное число с нулевой флексией, напр., *пиши, реши, позвони;*

2) Множественное число, образуемое суффиксом «-те», напр., *напишите, решите, позвоните.*

Императив в русском языке представлен не только традиционными формами второго лица, но и рядом специфических конструкций, которые функционируют в схожем модальном контексте. К числу таких форм относятся:

– выражения с семантикой совместного действия: *Сестры! Пойдемте в кино;*

– структуры с модальными частицами «дай или давай» побуждающие к действию: *Давайте вместе начинать, а то опять всю ответственность взваливаете на нас;*

– конструкции с частицами «пусть или пускай», передающие волеизъявление: *Ладно. Пусть Борисов играет. Но изюминки он нам не добавит* (Андрей Аствацатуров. Люди в голом)*;*

– архаизирующие формы с частицей «да» при глаголе в третьем лице: *да будет свет.*

В персидском языке повелительное наклонение употребляется исключительно для второго лица ед. и мн. числа. Оно формируется от основы настоящего времени с префиксом بـ (be-), идентичным показателю аориста, при этом в форме ед. числа личное окончание отсутствует: *بخور/بخورید* (кушай/ кушайте!). В отрицательной форме префикс بـ заменяется نـ (ne-): *نخور/ نخورید* (не кушай/ не кушайте). Ср.

بهنام! به او نامه بنویس. (Бехнам! Напиши ему письмо). Таким образом, наряду с наклонениями, выражение ирреальной модальности осуществляется также при помощи модальных глаголов и специфических глагольных конструкций.

Как уже отмечалось, модальные глаголы и некоторые глагольные конструкции выражают ирреальную модальность в русском языке. В персидском языке тоже существуют модальные глаголы со значением желания, долженствования и возможности, которые выражают отношение говорящего к содержанию высказывания. В ряде научных публикаций упоминается, что модальные различия в современном русском языке часто выражаются бивербальными конструкциями, где первый глагол (модальный) передает отношение к действию, второй глагол (смысловой) стоит в инфинитиве и обозначает само действие. В персидском языке при использовании модальных глаголов основной глагол используется в форме сослагательного наклонения, образуя тем самым составное сказуемое из двух глагольных элементов [7, с. 237].

1) Сочетание инфинитива с глаголами «мочь, сметь, уметь» выражает возможность какого-нибудь действия (*После этого всякий может надеяться быть моим зятем* (И. Тургенев. Рудин)). В персидском языке используются глаголы «توانستن، جرات کردن، جرات داشتن، بلد بودن» с формой аориста (*زین پس هر کسی می‌تواند امیدوار باشد داماد من شود* (Ю.А. Рубинчик. Грамматика современного персидского литературного языка)). Следует отметить, что глагол توانستن обладает личными формами в персидском языке;

2) Сочетание инфинитива с глаголами «следует, стоит, случается, приходится и т.п.» выражает необходимость какого-нибудь явления или долженствования (*Следует отметить, что в некоторых вариантах теории гравитации отвергается существование черных дыр* (А.М. Черепащук. Поиски черных дыр. Вестник российской академии наук.)). В персидском языке это значение выражается конструкциями «باید، می‌بایست، لازم است، ضروری است» с формой аориста (*باید توجه کنید که در برخی از مدل‌های نظریه گرانش، سیاه چاله ها وجود ندارند*);

3) Сочетание инфинитива с глаголами «хотеть, желать, пытаться, собираться, предполагать, думать и др.» выражает намерение, желание, стремление производить какое-нибудь действие (*не желал бы его видеть*). Эти значения в персидском языке выражаются с помощью глаголов « خواستن، آرزو کردن، تلاش کردن، فرض کردن، فکر کردن، مایل بودن، دوست داشتن و т.п.» или с помощью частиц «ای کاش، کاش که» со спрягаемой формой глагола (*ای کاش او را ندیده بودم*);

4) Сочетание инфинитива с глаголами «обещать, постановить, отказаться, положить, приказать, просить, дать и т.п.» выражает стремление воли к осуществлению действия (*Она пообещала приехать к нам завтра*). Указанное значение в персидском языке выражается с помощью глаголов « قول دادن، دستور دادن، درخواست کردن، خواهش کردن، دادن و т.п.» и спрягаемой формы глагола (*او قول داد فردا پیش ما بیاید*).

Как уже отмечалось в разделе о сослагательном наклонении, частица «бы» в русском языке выполняет центральную функцию в выражении ирреальной модальности. Особенно продуктивны конструкции с инфинитивом, где частица «бы» формирует целую группу выражений с модальными значениями желательности, целесообразности и предостережения [5, с. 695]. Отсутствие прямых структурных соответствий русским инфинитивным конструкциям в персидском языке обусловливает необходимость использования других языковых средств для адекватной передачи ирреальных модальных значений. К числу подобных средств относятся модальные слова, спрягаемые формы глаголов, союзы и частицы.

Модальное значение желательности, выражается в русском языке через конструкции типа «*Нам бы поговорить с вами!*». Это значение в персидском языке выражается: а) модальным глаголом خواستن или модальным словом باید в сочетании с формой аориста глагола; б) формой аориста глагола (Ср. باید با شما صحبت کنیم.).

Значение целесообразности (Ср. *Вам бы гуманные науки преподавать, а не стрелять из пушек.* (К. Паустовский. Старик в потертой шинели)) передается через а) конструкцию *بهتر* است с аористной формой глагола; б) модальные слова *باید* или *می بایست* в сочетании с имперфектной формой глагола; в) модальный глагол *توانستن* в сочетании с аористной формой глагола; г) аористную форму глагола с союзом *اگر*; д) частицу *کاش* в сочетании с аористной формой глагола (Ср. بهتر است شما مباحث علوم انسانی را تدریس کنید، نه تیراندازی با سلاح را.) в персидском языке.

Значение опасения и предостережения, как в выражении «*Поберегись, Костя, не простой сон, не обжечься бы тебе!*» (Л. Карелин. Головокружение) в персидском языке реализуется с помощью наречия مبادا в сочетании с аористом [3] (Ср.مراقب باش کوستیا، این یک رویای ساده نیست، مبادا بسوزی).

Другим средством выражения ирреальной модальности являются модальные слова. Модальные слова представляют собой самостоятельный класс неизменяемых единиц, с помощью которых говорящий выражает свою субъективную оценку реальности. Несмотря на отсутствие синтаксической связи с другими компонентами высказывания, такие слова интонационно маркируются и играют важную роль в передаче модального значения.

По значению модальные слова классифицируются на:

А) модальные слова с утвердительным значением выражают уверенность говорящего в истинности высказывания (т.е. реальная модальность). В состав этой группы входят «действительно, конечно, правда, безусловно, несомненно, разумеется и т.п.». Ср. *Я, разумеется, приду к вам.* В персидском языке модальные слова, выражающие уверенность говорящего (такие как حتما, البته, لابد, بدون شک, مسلما,طبیعتاً , حقیقتاً,واقعاً), формируют особый класс языковых единиц, Ср. *حتما نزد شما خواهم آمد;*

Б) модальные слова с предположительным значением выражают неуверенность или гипотетичность высказывания (т.е. ирреальная модальность). В этой ситуации говорящий допускает возможность сообщаемого, не имея полную уверенность в реальности его осуществления. К этой группе относятся «вероятно, наверное, кажется, возможно и т.п.». Ср. *Яков почему-то вспомнил, что за всю жизнь он, кажется, ни разу не приласкал ее* (А.П. Чехов. Скрипка Ротшильда). В персидском языке к числу модальных слов, выражающих эти значения, относятся ظاهرا , احتمالا,ممکن است ,گویی ,گویا ,شاید [4]. Ср. *یاکوف ناگهان به یاد آورد که گویا در تمام عمرش حتی یکبار هم او را نوازش نکرده است.*

Другим средством выражения ирреальной модальности в русском языке служат конструкции, сочетающие союзы и частицы, где ключевая роль принадлежит частице «бы». Присоединяясь к глаголам в прошедшем времени и союзам (таким как «если бы», «будто бы», «как если бы»), она маркирует гипотетические или нереализовавшиеся действия, возможные лишь при иных условиях (Ср. *Если бы он пришел раньше, мы не опоздали бы*). Частица «бы» также формирует восклицательные и побудительные конструкции, выражающие желание или упрёк (*Хоть бы ты предупредил*). Таким образом, конструкции с частицей «бы» являются центральным грамматическим средством передачи условных и контрафактических значений в русском языке.

В персидском языке для выражения контрафактивных условий используется союз «اگر» в сочетании с глагольными формами прошедшего времени – либо прошедшего длительного, либо давнопрошедшего. Как отмечают грамматисты, при обозначении нереализованных ситуаций оба глагола (в условной и основной частях) принимают прошедшие формы, что иллюстрируется примером: *اگر عاقل بود، به پند پدرش اهمیت می داد* (если бы он был разумен, то прислушался бы к совету отца).

Важно подчеркнуть, что в персидском языке отсутствует прямой морфологический эквивалент частицы «бы». Временные формы глагола и специальные частицы (такие, как اگر) используются вместо частицы «бы».

Интонация выступает ключевым средством актуализации ирреальной модальности в устной речи, независимо от грамматической структуры высказывания. Как демонстрируют исследования, именно просодия зачастую придает высказыванию семантику гипотетичности, сомнения или желательности – особенно в односоставных номинативных, вокативных и междометных конструкциях (Ср. «*Позор!*» с интонацией возмущения vs. нейтральное констатирующее произношение; «*برو*» с интонацией побуждения vs. нейтральное повествование). Важно отметить, что интонационно-модальные схемы способны объединять разнородные синтаксические типы предложений, формируя общий семантический эффект нереализованности/потенциальности, напр., восходящая шкала в конце высказывания (*Дождь?*) имплицирует (*Пусть уйдет!*), и придает ирреальной волютивной семантике дополнительную силу. Таким образом, интонация не только взаимодействует с лексико-грамматическими средствами выражения модальности, но и компенсирует отсутствие эксплицитных маркеров ирреальности в речи, выступая ключевым механизмом передачи отношений между действием и реальностью в обоих языках.

Сопоставительный анализ ирреальной модальности в русском и персидском языках выявляет как общность базовой семантической триады (потенциальность, оптативность, императивность), так и существенные расхождения в грамматических средствах ее выражения. Оба языка опираются на систему наклонений как ядро объективной ирреальной модальности. Ключевое различие заключается в роли частицы «бы» в русском языке, служащей универсальным аналитическим маркером сослагательности и основной для инфинитивных конструкций с широким спектром ирреальных значений. В персидском языке центральную роль играет синкретизм временных и модальных форм, где аорист служит одновременно морфологическим показателем сослагательного наклонения и основой для повелительного,

а отсутствие прямого аналога «бы» компенсируется союзом «اگر», частицей «کاش» и специализированными синтаксическими конструкциями.

В русском языке повелительное наклонение обладает развитой парадигмой, тогда как в персидском оно строго ограничено вторым лицом и образуется от основы аориста. В модальных конструкциях русский язык использует бивербальные модели с инфинитивом, а персидский требует форму аориста для основного глагола. Русские инфинитивные конструкции с «бы» не имеют прямых структурных соответствий в персидском и передаются разнообразными средствами. Модальные слова, выражающие сомнение или предположение, функционально сходны, но русский язык обладает более широким спектром подобных единиц.

Заключение. Ирреальная модальность в русском и персидском языках сочетает общие черты (использование наклонений, модальных глаголов и частиц для передачи шкалы «возможно-желательно-необходимо») и существенные различия. Персидский язык отличается синтаксической экономией, где одна форма (напр., аорист) объединяет время и модальность, в то время как русский язык использует аналитические конструкции с частицей «бы» и глагольными формами, обеспечивая прозрачность выражения. Различия в интонации и семантике модальных слов отражают коммуникативные особенности обеих языковых культур.

Выводы исследования **ценны для прикладной лингвистики**: глубокое понимание функций персидского аориста и русской частицы «бы» обеспечивает адекватную передачу модальных оттенков (сомнение, желание, побуждение) в переводе. Перспективным направлением является анализ прагматических аспектов ирреальной модальности в различных дискурсах. Настоящая статья представляет собой первую комплексную попытку сопоставительного анализа средств выражения ирреальной модальности в русском и персидском языках на структурно-семантическом уровне. Проведенное исследование заполняет существующий пробел в типологических описаниях и может служить основной для дальнейших лингвокультурных и переводоведческих изысканий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агашина Н. М.* Ирреальная модальность в современном русском языке. Ставрополь: дис. …канд. филол. наук. 2003. 197 с.
2. *Джабборова М. Т.* Категория наклонения как средство выражения ирреальной объективной модальности в русском и таджикском языках // Вестник университета РТСУ (Российско-Таджикский славянский университет). 2019. №1(65). С. 143–150.
3. *Захраи С. Х., Гасеми М.* Инфинитивные предложения со значением ирреальности в русском языке и особенности их перевода на персидский язык // Гуманитарные исследования, журнал фундаментальных и прикладных исследований. 2025. № 1 (93). С. 48–54.
4. *Захраи С. Х., Гасеми М., Мадаени Аввал Али.* Модальные слова, выражающие ирреальность в русском и персидском языках // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 4–1 (103). С. 289–294.
5. *Касаткин Л. Л.* Русский язык. М.: Академия, 2011. 782 с.
6. *Потебня А. А.* Из записок по теории словесности. М.: 1941. 280 с.
7. *Рубинчик Ю. А.* Грамматика современного персидского литературного языка. М.: «Восточная литература» РАН. 2001. 601 с.
8. *Anvari H., Givi H.* Grammar of the Persian language. Tehran.: Tus. 1991. 368 p.

Поступила в редакцию 11.07.2025

Захраи Сейед Хасан, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы
E-mail: hzahraee@ut.ac.ir

Гасеми Махдие, аспирант кафедры русского языка и литературы
E-mail: mahdiehghasemi@ut.ac.ir

Аввал Али Мадаени, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы
E-mail: amadayen@ut.ac.ir

Тегеранский университет
1439813164, Иран, Тегеран, ул. Каргар Шомали, 15

Seyed Hasan Zahraei, Mahdieh Ghasemi, Ali Madaeni Avval
IRREALIS MODALITY IN RUSSIAN AND PERSIAN LANGUAGES

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-831-837

This article is devoted to a typological comparison of the means used to express irrealis modality in Russian and Persian. Irrealis modality, encompassing the notions of potentiality, desirability, and volition, represents a crucial component of the modal system, reflecting the speaker's attitude toward imagined, hypothetical, or unreal situations. The study is based on a structural-semantic analysis of verb moods, modal constructions, lexical items, particles, and prosodic features that contribute to the marking of irrealis modality. Particular attention is paid to grammatical differences: in Russian, the particle «бы» in combination with past verb forms and infinitival constructions plays a central role, whereas in Persian, the syncretism of tense and modal forms is dominant. The comparative analysis reveals both universal principles of modal expression and language-specific features that are significant for translation theory and intercultural communication. The findings provide deeper insight into the mechanisms of expressing unrealized meanings and contribute to a broader understanding of the interaction between grammar, semantics, and pragmatics across different types of discourse.

Keywords: modality, irrealis modality, mood, Russian language, Persian language.

REFERENCES

1. *Agashina N. M.* Irreal'naya modal'nost' v sovremennom russkom yazyke [Irrealis Modality in the Modern Russian Language]. Stavropol'.: Diss. …kand. filol. nauk. 2003. 197 s. (In Russian).
2. *Dzhabborova M. T.* Kategoriya nakloneniya kak sredstvo vyrazheniya irreal'noj ob"ektivnoj modal'nosti v russkom i tadzhikskom yazykah [Category of mood as a means of expressing irreal objective modality in the Russian and tajik languages]. Vestnik RTSU [bulletin of RTSU] 2019. №1(65). S. 143–150. (In Russian).
3. *Zahrai S. H., Ghasemi M.* Infinitivnye predlozheniya so znacheniem irreal'nosti v russkom yazyke i osobennosti ih perevoda na persidskij yazyk [Infinitival Constructions with Irrealis Meaning in Russian and the Specificities of Their Translation into Persian]. Gumanitarnye issledovaniya, zhurnal fundamental'nyh i prikladnyh issledovanij [humanitarian researches. Journal of fundamental and applied researches]. 2025. № 1 (93). S. 48–54. (In Russian).
4. *Zahrai S. H., Ghasemi M., Madaeni Avval Ali.* Modal'nye slova, vyrazhayushchie irreal'nost' v russkom i persidskom yazykah [Modal Words Expressing Irrealis in Russian and Persian Languages]. Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2025. № 4–1 (103). S. 289–294. (In Russian).
5. *Kasatkin L. L.* Russkij yazyk [Russian Language]. M.: Akademiya, 2011. 782 s. (In Russian).
6. *Potebnya A. A.* Iz zapisok po teorii slovesnosti [From the Notebooks on the Theory of Verbal Art]. M.: 1941. 280 s. (In Russian).
7. *Rubinchik Yu. A.* Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka [Grammar of the Modern Persian Literary Language]. M.: «Vostochnaya literatura» RAN. 2001. 601 s. (In Russian).
8. *Anvari H., Givi H.* Grammatika persidskogo yazyka. Tegeran.: Tus. 1991. 368 s. (In Persian).

Received 11.07.2025

Seyed Hasan Zahraei, Candidate of Philology, Professor at Department of Russian Language and Literature
E-mail: hzahraee@ut.ac.ir

Mahdieh Ghasemi, Postgraduate at Department of Russian Language and Literature
E-mail: mahdiehghasemi@ut.ac.ir

Ali Madaeni Avval, Candidate of Philology, Professor at Department of Russian Language and Literature
E-mail: amadayen@ut.ac.ir

University of Tehran
Building No 15, North Kargar st., Tehran, Iran, 1439813164

УДК [811.511.131+811.161.1]’37(045)

Т. Р. Копылова, К. О. Вахрушева

СЕМАНТИКО-АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КОДОВЫХ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЙ В УДМУРТСКО-РУССКОМ БЫТОВОМ ДИАЛОГЕ

Статья посвящена исследованию удмуртско-русского двуязычия, которое представляет собой сложное социокультурное явление, проявляющееся во взаимодействии языков, культур и ценностных ориентиров. В настоящей работе предпринята попытка выявить семантико-аксиологическую обусловленность кодовых переключений в удмуртско-русском бытовом взаимодействии. Материалом исследования послужили 340 аудиозаписей естественных бытовых диалогов, собранных методом пассивного наблюдения в Якшур-Бодьинском районе Удмуртской Республики, из которых отобрано 100 текстов с типичными примерами кодовых переключений. Тексты проанализированы с помощью методов полевой лингвистики, семантико-аксиологического, лингвопрагматического и частотного анализа. Исследование показало устойчивое функциональное распределение языков в сознании билингвов: удмуртский код обслуживает ритуализированные формы общения, эмоционально-оценочную сферу и передачу чужой речи, тогда как русский код стабильно активируется при обсуждении работы, профессиональной деятельности, медицинских вопросов, городского досуга, образования, а также содержания книг и новостей. В результате исследования определено, что удмуртский язык транслирует ценности традиционного микромира (семья, быт, уважение к старшим), а русский язык выступает носителем аксиологии макромира, связанной с социальным самоопределением, статусом, рациональностью и современными реалиями.

Ключевые слова: семантика, аксиология, билингвизм, удмуртско-русское двуязычие, бытовой диалог, тема, кодовые переключения.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-838-845

Удмуртская Республика – один из субъектов Российской Федерации, характеризующийся функционированием разных национальных языков и культур, в связи с чем складывается особая речевая субкультура, а билингвизм, или даже мультилингвизм, становится присущим большой части населения. Билингвизм в современной лингвистике рассматривается не просто как «способность человека владеть двумя языка и попеременно использовать их в зависимости от условий общений» [12, с. 265], а сложное социокультурное явление, проявляющееся во взаимодействии культур, традиционных ценностных ориентиров и установок [4; 6; 16].

Национально-русское двуязычие является частотным предметом лингвистического исследования. Отметим труды, посвященные функциональному описанию языков в полиэтнических регионах [2], типологии и причинно-следственным отношениям в татарско-русском двуязычии [7; 8], а также коммуникативному поведению билингвов и переключению кодов на примере марийско-русского билингвизма [9]. В ряде исследований, посвященных удмуртско-русскому билингвизму, внимание фокусируется на механизмах языкового взаимодействия. В частности, в работе Н. В. Кондратьевой и М. П. Безеновой «Лексико-семантические особенности внутрифразового переключения кодов в условиях удмуртско-русского билингвизма» (2022) на материале имен существительных выявлены 12 тематических групп, наиболее подверженных переключению кодов (от терминов родства до абстрактной лексики) [10]. Кроме того, в работах Н. В. Кондратьевой описаны стратегии адаптации русскоязычных вкраплений [11; 19; 20]. Для настоящего исследования особый интерес представляют работы Ю. Н. Эбзеевой, Е. В. Тутовой, где кодовые переключения обусловлены спецификой языкового сознания билингва [21]. Ранее нами исследовалась ценностная картина мира носителя удмуртско-русского двуязычия, было доказано, что выбор удмуртских или русских лексем непосредственно связан с ценностными установками субъекта речи [13]. Цель данной работы – выявить семантико-аксиологическую обусловленность кодовых переключений в удмуртско-русском бытовом взаимодействии. Кодовое переключение представляет собой осознанный или неосознанный, но функционально обусловленный переход с одного языка на другой [17; 18], который происходит под влиянием экстралингвистических факторов: смены темы, ориентации на собеседника, стремления к самовыражению, необходимости заполнить лексическую лакуну или подчеркнуть принадлежность к определённой группе [1; 3; 15].

Актуальность работы обусловлена, во-первых, социальной значимостью изучения региональных речевых субкультур, во-вторых, особенностями региона, складывающимися в процессе взаимодей-

ствия русской и удмуртской лингвокультур, в-третьих, недостаточностью исследований билингвальной бытовой коммуникативной культуры. Анализ живой разговорной речи отражает реальные лингвопрагматические установки носителей, их языковые привычки, ценностные ориентиры [5; 14].

Материал исследования – аудиозаписи бытовых диалогов с элементами русско-удмуртского кодового переключения (КП). Материал собран в Якшур-Бодьинском районе, находящемся в центральной части Удмуртской Республики. Сбор материала осуществлялся методом пассивного наблюдения (записывались естественные диалоги). Тематика записей охватывает типичные сценарии бытового общения: домашнее взаимодействие, обсуждение повседневных дел и новостей, воспоминания о событиях, а также неформальные беседы на улице, в гостях или на празднике. Всего было собрано 340 диалогов. Из них выделено 100 текстов с наиболее типичными кодовыми переключениями (далее КП).

В ходе исследования применялись следующие частнонаучные методы: методы полевой лингвистики, семантико-аксиологический, лингвопрагматический, частотный.

Анализ материал позволил сделать следующие выводы.

Кодовые переключения с удмуртского языка на русский отражают аксиологическую составляющую деятельности человека. Выявление наиболее частотных лексем, их семантический анализ позволили выделить ключевые слова-доминанты, выполняющих роль своеобразного моста между жизненным ориентиром, установкой и человеком, его коммуникативным кодом.

Русский язык связан с ценностной картиной мира гражданина. Это язык глобального мира, язык институциональный, регулирующий отношения «человек – мир», «человек – государственная система», «человек – закон». Лексемы обозначают реалии, связанные с государственной структурой, образовательными и медицинскими учреждениями, армией, политикой. Русский язык – это язык цифровой экономики, новаций, технологий, городского быта (*город, норма, нормально, дела, сложно, сложность, проблема, проверка, профессия, работа, больница, лицей, Москва, СВО, цены, зарплата, магазин, бензин, телефон, гаджеты, Интернет, бандит; вовремя, рано, пораньше; заставить, отправить, отработать, думать* и др. частотные лексемы).

Удмуртский язык – язык родной земли, семьи, дома. Он связан с природой края, традициями, бытом, цикличностью времен, сельским укладом и трудом. Удмуртский язык смягчает агрессивное влияние внешнего мира, смягчает негативные эмоции. Это язык передачи сакрального опыта. Из наиболее частотных лексем выделим следующие: *нянь (хлеб), шыд (суп), варення (варенье), чай, Инмар (бог), песянай (бабушка), анай (мама), ныл (девочка), гурт (деревня), возь (поле), пызь (мука), тол (зима)*; глаголы эмоционального состояния *жожтӥськыны (расстраиваться), сюлмаськыны (переживать), вожпотыны (стесняться), йыркуръяськыны (злиться), куректыны (горевать), шумпотыны (радоваться)* и др.

Более детально мы можем судить о семантико-аксиологической обусловленности перехода с русского языка на удмуртский и наоборот, благодаря лингвопрагматическому анализу коммуникативного взаимодействия в целом.

Бытовой двуязычный диалог имеет следующую типичную структуру: начало разговора осуществляется на удмуртском языке с последующим переключением на русский код. Исследования на уровне текста подтвердили ранее полученные выводы: темы и ситуации отражают определенные ценности и закреплены в сознании билингва за отдельным языковым кодом. Русский код стабильно активируется при обсуждении работы и профессиональной деятельности, городского досуга и планирования, образования, а также технических и медицинских вопросов и т.п. Удмуртский язык, напротив, обслуживает ритуализированные формы общения.

(1) Разговор на улице. Коммуниканты А, Б: женщины, 40-45 лет.

А: ӟечбур // кызьы улӥськод? //	А: привет // как поживаешь? //
Б: ӟечбур / Аня / умой улӥсько // тон кызьы? //	Б: привет / Аня / всё хорошо // ты как? //
А: мон но умой / куке театре мыномы? //	А: я тоже хорошо // мы когда в театр пойдем?
Б: **ооооӥ/ давай на этой неделе что ли** //	Б: **ооооӥ/ давай на этой неделе что ли** //

Начало диалога 1 реализовано на удмуртском языке и представляет собой устойчивую ритуализированную коммуникативную схему, в которой удмуртский язык – маркер привычного, повседневного общения между носителями языка. В конце диалога происходит переключение на русский язык. Коммуникант Б переключает код, переходя к теме бытового планирования и согласования времени.

Тема городского культурного досуга для носителей удмуртского языка чаще кодируется средствами русскоязычной среды.

В диалоге 2 начало вновь реализовано средствами удмуртского языка, КП происходит в конце при смене темы (с обсуждения места жительства на планирование встречи). При этом, в отличие от предыдущего примера, коммуникант Б не полностью переходит на русский язык, а лишь вставляет русские лексемы в удмуртскую грамматическую структуру. Удмуртский язык обслуживает сферу эмоционального желания («мынам туж потэ» – мне очень хочется), а русский – сферу рационального обоснования и бытовой рутины. При переходе к объяснению причины своей невозможности увидеться коммуникант Б использует просторечно-диалектное слово «дак» как связку, а затем последовательно вводит русские лексемы: «работа», «вечная», «ведь», чередуя их с удмуртским местоимением «мынам». Тема работы как обременительного, непрекращающегося занятия («работа вечная») и необходимость аргументировать свой отказ (частица «ведь») осмысляются через русский язык.

(2) Разговор по телефону.
Коммуниканты А, Б: женщины, 45-50 лет.

А: Маша, тон кытын улйськод али? //	А: Маша / ты где сейчас живешь? //
Б: мон Ижкарын улйсько // а тон? //	Б: в Ижевске // а ты? //
А: азьло сямен кадь ик Грах ёросын улйсько // ойдо пумиськом ини//	А: как и раньше в Граховском районе // давай встретимся уже //
Б: мынам туж потэ / **дакработа** мынам **вечна-яведь**//	Б: я очень хочу / **но у меня работа вечная ведь //**

Говорящий может перейти на код русского языка при обсуждении событий, фактов, явлений, произведений искусств. Так, в диалоге 3 кодовое переключение происходит в реплике коммуниканта Б при переходе к обсуждению книги. Содержание, жанр («детектив»), тематика («про убийства») кодируются средствами русского языка, тогда как оценка книги («йӧн-йӧн книга ӧвӧл» – «не совсем серьезная книга») дается на удмуртском. Такое распределение отражает закрепленность за русским кодом сферы фактического содержания, в то время как удмуртский код обслуживает эмоционально-оценочную сферу. Удмуртский язык выбирается именно для выражения субъективного мнения, тогда как русский – для передачи объективного содержания.

(3) Разговор по телефону.
Коммуникант А: женщина, 40-45 лет.
Коммуникант Б: мужчина, 20-25 лет.

А: ӟечбур / Ваня // ма тон лэсьтйськод? //	А: здравствуй / Ваня // что ты делаешь? //
Б: ӟечбур // книга лыдӟисько //	Б: здравствуй // книгу читаю //
А: мммм // мар сярысь книга то? //	А: мммм // о чем книга то? //
Б: **там детектив про убийства какие-то** // йӧн-йӧн книга ӧвӧл //	Б: **там детектив про убийства какие-то** // не совсем серьезная книга //

В диалоге 4 начало разговора, посвященное приготовлению пищи, полностью реализовано на удмуртском языке, что демонстрирует закрепленность темы домашнего хозяйства и повседневных бытовых практик за родным языком в сознании билингва. Коммуникант А инициирует переход на русский язык в момент смены описания домашних дел на обсуждение профессиональной занятости мужа. Реплики «дежурный он сегодня», «рабочий день», «Москваысь пе проверка пришла» последовательно произносятся на русском языке. При этом последняя фраза представляет собой гибридную конструкцию, где русское предложение содержит удмуртскую частицу «пе», маркирующую передачу чужой речи, и существительное «Москва», адаптированное под удмуртский локативный падеж с показателем «-ысь».

(4) Разговор по телефону.
Коммуникант А: женщина, 40-45 лет.
Коммуникант Б: женщина, 60-65 лет.

А: ӟечбур / мама //	А: привет / мама //
Б: ӟечбур / мар лэстиськоды ни? //	Б: привет / что делаете уже? //

А: сиён лэсти / шыд пукти // али запеканка гинэ творожная лэсьти // мынам оло лыктэ туннэ / оло уг лыкты // **дежурный он сегодня** //

Б: аааа / отын но изёз / бен?//
А: ага / аску но **рабочий день** пе пуктизы //
Б: **опять рабочий день? //**
А: Москваысь пе проверка пришла //

А: поесть приготовила / суп поставила // сейчас запеканку только творожную сделала // мой то ли придет сегодня / то ли не придет // **дежурный он сегодня** //
Б: аааа / там и поспит / да? //
А: ага / завтра тоже **рабочий день** поставили //
Б: **опять рабочий день?** //
А: **из Москвы проверка пришла** //

В целом, тема профессии, работы, долга, обязанностей обусловливает переход на русский язык.

В диалоге 6 кодовое переключение с удмуртского на русский язык происходит в момент обсуждения конкретных деталей травмы и медицинского вмешательства. Начало рассказа об обстоятельствах падения и боли реализовано на удмуртском языке. Однако, как только коммуникант А переходит к описанию физических характеристик ребенка («а она полненькая была девочка»), интенсивности боли («с такой болью»), невозможности вызвать скорую («и не может скорую вызвать»), требований врача («снимок только сделайте еще»), происходит последовательное переключение на русский язык. Основной причиной переключения является тема разговора – травма, медицинские процедуры, взаимодействие с системой здравоохранения. Русский язык активируется, потому что эти темы в сознании билингва закреплены за русскоязычной средой (больница, врач, скорая помощь, снимок). При этом смене темы сопутствует эмоциональная функция (выражение боли, сочувствия, возмущения). Переход на русский код позволяет говорящей одновременно и точно обозначить медицинские реалии, и эмоционально окрасить их. Удмуртский язык же сохраняется при описании самого падения и физического страдания, что подтверждает функциональное распределение языковых кодов.

(6) Разговор в гостях.
Коммуниканты А,Б: женщины, 60-65 лет.

А: мынам Анютае тэле прогулкае ветлыкузы / **а она полненькая была девочка** / бысьса васькыкузы чигиз кизэ // воксё воксё воксё уйзэ синъёссэ öз ик кыньылы / **с такой болью** //
Б: кыче кöшкемыт //
А: **и не можем скорую вызвать** // со быдзa ик пиналэз озьы мучали // чуказеяз мынймы но / кезской пиосмурт главврачмы вал / пыртйз кабинетэ / шорк гинэ кариз но всё //
Б: вольтчон-а вал? //
А: бен // **снимок только сделайте ещё** / вераз // а мон учкисько / со пинал вырзытыны но кизэн быгатэ ини // **делать ей снимок нет ли еще //**
Б: ну на всякий случай всегда надо //

А: моя Анюта во время прогулки в лес / **а она полненькая была девочка** / бегая при спуске сломала руку // совсем совсем совсем всю ночь даже глаза не закрывала / **с такой болью** //
Б: какой кошмар //
А**: и не можем скорую вызвать** // так долго ребенка мучили // пошли мы на завтра и / кезский парень главврач был / ввел в кабинет / только шорк сделал и все //
Б: вывих был? //
А: да // **снимок только сделайте еще** / сказал // а я смотрю / ребенок уже может и пошевелить рукой // **делать ей снимок нет ли еще** //
Б: **ну на всякий случай всегда надо** //

В диалоге 7 представлено 4 фрагмента с кодовым переключением. В данном параграфе проанализируем только второе и четвертое, поскольку другие выполняют иные функции. Второе КП происходит в реплике коммуниканта Б при объяснении срока отъезда: «на полгода по контракту». Эта фраза полностью кодируется русским языком. Переключение обусловлено темой разговора: обсуждение срока трудового найма и юридического оформления отношения (контракт) относится к сфере, которая связана с русскоязычной документальной и юридической практикой. В этом отрывке реализуется семантическая стратегия (передача фактической информации о сроке и характере работы) через тактику конкретизации. Кроме того, КП реализует семантическую стратегию на повышение, обсуждая ситуацию с отъездом Руслана как значимое событие, требующее официальных формулировок; русский язык в данном случае маркирует серьезность и документальную оформленность происходящего.

Четвертое КП происходит в финальной реплике коммуниканта Б: места себе не нашел и уехал». Эта русская фраза объясняет мотив отъезда. Переключение также обусловлено темой: обсуждение причин переезда, поиска работы. Это современная социально-экономическая тема, которая в сознании билингва закреплена за русским языком. Удмуртский язык не располагает коротким устойчивым выражением для передачи смысла «не нашел себе место» в значении «не смог трудоустроиться». Кроме

того, эта русская фраза представляет собой фразеологический оборот, который говорящий воспроизводит автоматически, не задумываясь о переводе. В данном отрывке проявляется семантическая стратегия (передача информации о мотиве отъезда) через тактику смягчения. Коммуникант использует неопределенное местоимение «маке» – «что-то», уклоняясь от точного объяснения, и переводит возможный негативный акцент в русскоязычную формулу, которая звучит менее категорично, чем прямое «не смог найти работу».

(7) Разговор на улице.
Коммуникант А: женщина, 60-65 лет.
Коммуникант Б: женщина, 40-45 лет.

А: Русланмы гуртын ини? //	А: Руслан дома уже? //
Б: Руслан Ингушетие кошкиз **понедельнике** //	Б: Руслан **в понедельник** уехал в Ингушетию //
А: макем кема со отын улоз? //	А: как долго он там будет? //
Б: **на полгода по контракту** //	Б: **на полгода по контракту** //
А: **ооой** // малы со отчы кошкиз? //	А: **ооой** // зачем он туда уехал? //
Б: уг валаськы // маке **места себе не нашёл и уехал** //	Б: не понимаю // что-то **места себе не нашёл и уехал** //

Диалог 8 начинается с удмуртской реплики, однако уже слово «интернетысь» представляет собой гибридную конструкцию: русская лексема «интернет» получает показатель удмуртского локативного падежа. Переключение на русский язык происходит при переходе к содержанию прочитанной новости: «это в Ижевске», «а сейчас», «на СВО отправят», «отработают». Переключения обусловлены тематикой: обсуждение новостей, особенно социально-политических событий (авария, отправка на СВО), полностью кодируется русским языком. Удмуртский язык используется для вводных фраз, однако содержательная часть передается по-русски. Здесь реализуется стратегия на понижение через тактику негативной оценки (коммуникант А выбирает именно те новости, которые содержат негативную окраску), тактику обобщения (финальная реплика коммуниканта А понижает статус нарушителей через оценочное прилагательное «шузиос – дурные» и обобщение «такими же и останутся»).

(8) Разговор в гостях.
Коммуниканты А, Б: женщины 60-65 лет.

А: толон **интэрнетысь** лыдзи / кыче-ке авария пиосмурт лэсьтйзы // **это в Ижевске** // **а сейчас** пе **на СВО отправят** но **отработают** //	А: вчера в интернете прочитала / какую-то аварию парни сделали // **это в Ижевске** // **а сейчас** говорят **на СВО отправят** и **отработают** //
Б: со озьы уг ужа ведь //	Б: так не работает ведь //
А: сэре мукетыз шуэ / вот сое шузиосты кытчы уг келя / сычееесь ик кылёзы //	А: потом другой говорит / вот их дурных куда ни отправляй / такими же окажутся //
Б: **конечно** //	Б: **конечно** //

Таким образом, проведенный анализ показал, что в большинстве случаев переключение с удмуртского на русский язык напрямую связано с темой разговора и той ценностью, которая транслируется во взаимодействии. Коммуниканты, как правило, начинали диалог на родном языке, используя его для ритуализированных форм общения (приветствия, вопросов о самочувствии), а затем переключали код при переходе к обсуждению конкретных практических вопросов. Русский язык стабильно активируется при обсуждении следующих тематических сфер: работа и профессиональная деятельность, городской досуг и планирование, медицинские вопросы, содержание книг и новостей, технических и административных реалий. Даже в эмоционально насыщенных фрагментах переключение на русский язык происходит потому, что сама тема уже закреплена за русским кодом в сознании билингва, а эмоциональные междометия лишь сопутствуют теме, усиливая экспрессивность, но не являясь самостоятельной причиной переключения.

Удмуртский язык, напротив, сохраняется для следующих функций: ритуализированные формы общения, выражение эмоционального состояния и оценки, передача чужой речи. Удмуртский язык обслуживает рамку диалога и эмоционально-оценочную сферу, а русский – содержательное наполнение, связанное с современной жизнью, работой и медиа.

Такое распределение отражает устойчивую практику функционального закрепления языков в сознании билингвов. Русский язык воспринимается как инструмент для обсуждения «серьезных» или «современных» тем, тогда как удмуртский язык сохраняется для приватного, эмоционального и ритуализированного общения.

Удмуртский язык транслирует ценности традиционного микромира (семья, дети, воспитание, уважение старших, земля, быт и др.), русский же текст выступает носителем аксиологии макромира. Это язык социального самоопределения, статуса, функции, системы, рациональности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ауэр П.* Прагматика кодовых переключений: последовательный подход // Один говорящий – два языка / Под ред. Л. Милрой, П. Мюйскена. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1995. С. 115–135.
2. *Аюпова Л. Л.* Языковая ситуация в Республике Башкортостан: социолингвистический аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1998.
3. *Балакина Ю. В., Соснин А. В.* Теоретические основы переключения кодов и функционирования заимствований с позиций контактной лингвистики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 5–10.
4. *Башкова И. С., Овчинникова И. Г.* Нейропсихологическая характеристика билингвизма // Вопросы психолингвистики. 2013. № 17. С. 52–69.
5. *Богословская З. М., Кулаковская К. В., Щеголихина Ю. В.* Экспериментальная практика лингвокультурологического анализа в полевой лингвистике. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2016. 130 с.
6. *Богус М. Б.* Подходы к комплексному исследованию билингвизма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 3. С. 150–152.
7. *Вафеев Р. А.* Двустороннее национально-русское двуязычие в регионе // Вестник Югорского государственного университета. 2005. № 1 (1). С. 23–34.
8. *Вафеев Р. А.* Двустороннее татарско-русское двуязычие и бинарное сопоставление языков: причинно-следственные отношения в сопоставляемых языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень, 2000. 47 с.
9. *Гаврилова В. Г.* Марийско-русский билингвизм: переключение и смешение кодов. Йошкар-Ола, 2014. 212 с.
10. *Кондратьева Н. В., Безенова М. П.* Лексико-семантические особенности внутрифразового переключения кодов в условиях удмуртско-русского билингвизма // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 12. С. 3892–3899.
11. *Кондратьева Н. В., Соколова О. Л.* Особенности функционирования удмуртско-русского двуязычия (имена числительные в аспекте переключения кодов) // Kétnyelvűség – oktatás – nyelvmenedzselés / Szerkesztők: Csernicskó István és Kozmács István. Nyitra: Közép-európai Tanulmányok Kara, Nyitrai Konstantin Filozófus Egyetem, 2021. С. 187–192.
12. *Коновалова Е. А.* Проблема определения билингвизма // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2011. Т. 24 (63), № 1-1. С. 262–270.
13. *Копылова Т. Р., Вахрушева К. О.* Психолингвистическое исследование ценностных установок детей-билингвов: на материале удмуртско-русского двуязычия // Многоязычие в образовательном пространстве. 2024. Т. 16, вып. 4. С. 413–420.
14. *Копылова Т. Р.* Коммуникация в современной научной парадигме: монография. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2019. 170 с.
15. *Паутова С. М.* Взаимосвязь структуры кодовых переключений с их прагматическими функциями в современных русскоязычных произведениях // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4, № 4. С. 103–109.
16. *Хаген Л. К.* Двуязычный мозг: эволюция человека и овладение вторым языком // Эволюционная психология. 2008. № 6. С. 43–63.
17. *Чиршева Г. Н.* Кодовые переключения в речи билингвов // Проблемы детского билингвизма. Череповец, 2004. С. 37.
18. *Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В.* Структурные характеристики переключений кодов в русских высказываниях детей-билингвов в России и США // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т. 6, № 3. С. 33–47.
19. *Шаланки Ж., Кондратьева Н. В.* Кодовое переключение в условиях удмуртско-русского билингвизма (на материале глагольных форм) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. № 4. С. 590–598.
20. *Шаланки Ж., Кондратьева Н. В.* Морфосинтаксическая интерференция в условиях удмуртско-русского билингвизма // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. № 3. С. 380–389.
21. *Эбзеева Ю. Н., Тутова Е. В.* Проблема переключения кодов и языковые контакты // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2012. № 3. С. 138–143.

Поступила в редакцию 11.08.2025

Копылова Татьяна Рудольфовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, теоретической, прикладной лингвистики и русского языка как иностранного
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: k_tatiana4@mail.ru

Вахрушева Ксения Олеговна, магистрант
направления подготовки «Теория и практика современной речевой коммуникации»
Учитель МБОУ «Гуманитарно-юридический лицей № 86»
426011, Россия, г. Ижевск, ул. Холмогорова, 34
E-mail: vahrushevaxen@yandex.ru

T. R. Kopylova, K. O. Vakhrusheva

SEMANTIC AND AXIOLOGICAL CONDITIONING OF CODE-SWITCHING IN UDMURT-RUSSIAN SPOKEN INTERACTION

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-838-845

This article is devoted to the study of Udmurt-Russian bilingualism, which represents a complex sociocultural phenomenon manifested in the interaction of languages, cultures, and value systems. This paper attempts to identify the semantic and axiological conditioning of code-switching in Udmurt-Russian everyday interaction. The research material comprises 340 audio recordings of everyday dialogues, collected through passive observation in the Yakshur-Bodyinsky District of the Udmurt Republic, from which 100 texts with typical instances of code-switching were selected. The texts were analyzed using the methods of field linguistics, as well as semantic, linguopragmatic, and frequency analysis. The study revealed a stable functional distribution of languages in the bilinguals' consciousness. The Udmurt code serves ritualized forms of communication, the emotional-evaluative sphere, and the transmission of reported speech, whereas the Russian code is consistently activated when discussing work, professional activities, medical issues, urban leisure, education, as well as the content of books and news. As a result of the research, it was determined that the Udmurt language conveys the values of the traditional microcosm (family, daily life, respect for elders), while Russian acts as a carrier of the axiology of the macrocosm, associated with social self-determination, status, rationality, and contemporary realities.

Keywords: semantics, axiology, bilingualism, Udmurt-Russian bilingualism, everyday dialogue, topic, code-switching.

REFERENCES

1. *Auer P.* The pragmatics of code-switching: a sequential approach // One Speaker, Two Languages / Ed. by L. Milroy, P. Muysken. Cambridge: Cambridge University Press, 1995, pp. 115–135.
2. *Ayupova L. L.* Yazykovaya situaciya v Respublike Bashkortostan: sociolingvisticheskij aspekt [Language Situation in the Republic of Bashkortostan: Sociolinguistic Aspect]. Autoref. diss. ... Dr. of Philol. Sciences. Ufa, 1998. (In Russ.).
3. *Balakina Yu. V., Sosnin A. V.* Teoreticheskie osnovy pereklyucheniya kodov i funkcionirovaniya zaimstvovanij s pozicij kontaktnoj lingvistiki [Theoretical foundations of code-switching and the functioning of borrowings from the perspective of contact linguistics]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2015, no. 2, pp. 5–10. (In Russ.).
4. *Bashkova I. S., Ovchinnikova I. G.* Nejropsihologicheskaya harakteristika bilingvizma [Neuropsychological characteristics of bilingualism]. Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics], 2013, no. 17, pp. 52–69. (In Russ.).
5. *Bogoslovskaya Z. M., Kulakovskaya K. V., Shchegolikhina Yu. V.* Eksperimental'naya praktika lingvokul'turologicheskogo analiza v polevoj lingvistike [Experimental practice of linguoculturological analysis in field linguistics]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University Publ., 2016, 130 p. (In Russ.).
6. *Bogus M. B.* Podhody k kompleksnomu issledovaniyu bilingvizma [Approaches to comprehensive research of bilingualism]. Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki [Humanities, Socio-Economic and Social Sciences], 2014, no. 3, pp. 150–152. (In Russ.).
7. *Vafeev R. A.* Dvustoronnee nacional'no-russkoe dvuyazychie v regione [Bilateral national-Russian bilingualism in the region]. Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Yugra State University], 2005, no. 1 (1), pp. 23–34. (In Russ.).
8. *Vafeev R. A.* Dvustoronnee tatarsko-russkoe dvuyazychie i binarnoe sopostavlenie yazykov: prichinno-sledstvennye otnosheniya v sopostavlyaemyh yazykah [Bilateral Tatar-Russian bilingualism and binary comparison of languages: causal relationships in the compared languages]. Autoref. diss. ... Dr. of Philol. Sciences. Tyumen, 2000, 47 p. (In Russ.).

9. *Gavrilova V. G.* Marijsko-russkij bilingvizm: pereklyuchenie i smeshenie kodov [Mari-Russian bilingualism: code-switching and code-mixing]. Yoshkar-Ola, 2014, 212 p. (In Russ.).
10. *Kondratyeva N. V., Bezenova M. P.* Leksiko-semanticheskie osobennosti vnutrifrazovogo pereklyucheniya kodov v usloviyah udmurtsko-russkogo bilingvizma [Lexical-semantic features of intra-sentential code-switching in Udmurt-Russian bilingualism]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2022, vol. 15, no. 12, pp. 3892–3899. (In Russ.).
11. *Kondratyeva N. V., Sokolova O. L.* Osobennosti funkcionirovaniya udmurtsko-russkogo dvuyazychiya (imena chislitel'nye v aspekte pereklyucheniya kodov) [Features of the functioning of Udmurt-Russian bilingualism (numerals in the aspect of code-switching)]. Kétnyelvűség – oktatás – nyelvmenedzselés / Szerkesztők: Csernicskó István és Kozmács István. Nyitra: Közép-európai Tanulmányok Kara, Nyitrai Konstantin Filozófus Egyetem, 2021, pp. 187–192. (In Russ.).
12. *Konovalova E. A.* Problema opredeleniya bilingvizma [The problem of defining bilingualism]. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki [Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences], 2011, vol. 24 (63), no. 1-1, pp. 262–270. (In Russ.).
13. *Kopylova T. R., Vakhrusheva K. O.* Psiholingvisticheskoe issledovanie cennostnyh ustanovok detej-bilingvov: na materiale udmurtsko-russkogo dvuyazychiya [Psycholinguistic study of value attitudes of bilingual children: based on Udmurt-Russian bilingualism]. Mnogoyazychie v obrazovatel'nom prostranstve [Multilingualism in the Educational Space], 2024, vol. 16, iss. 4, pp. 413–420. (In Russ.).
14. *Kopylova T. R.* Kommunikaciya v sovremennoj nauchnoj paradigme [Communication in the modern scientific paradigm]. Izhevsk: Udmurt University Publ., 2019, 170 p. (In Russ.).
15. *Pautova S. M.* Vzaimosvyaz' struktury kodovyh pereklyuchenij s ih pragmaticheskimi funkciyami v sovremennyh russkoyazychnyh proizvedeniyah [The relationship between the structure of code-switching and its pragmatic functions in modern Russian-language literary works]. Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki [Research Result. Issues of Theoretical and Applied Linguistics], 2018, vol. 4, no. 4, pp. 103–109. (In Russ.).
16. *Hagen L. K.* Dvuyazychnyj mozg: evolyuciya cheloveka i ovladenie vtorym yazykom [The bilingual brain: Human evolution and second language acquisition]. Evolyucionnaya psihologiya [Evolutionary Psychology], 2008, no. 6, pp. 43–63. (In Russ.).
17. *Chirsheva G. N.* Kodovye pereklyucheniya v rechi bilingvov [Code-switching in the speech of bilinguals]. Problemy detskogo bilingvizma [Issues of Child Bilingualism]. Cherepovets, 2004, p. 37. (In Russ.).
18. *Chirsheva G. N., Korovushkin P. V.* Strukturnye harakteristiki pereklyuchenij kodov v russkih vyskazyvaniyah detej-bilingvov v Rossii i SShA [Structural characteristics of code-switching in Russian utterances of bilingual children in Russia and the USA]. Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki [Research Result. Issues of Theoretical and Applied Linguistics], 2020, vol. 6, no. 3, pp. 33–47. (In Russ.).
19. *Shalanki Zh., Kondratyeva N. V.* Kodovoe pereklyuchenie v usloviyah udmurtsko-russkogo bilingvizma (na materiale glagol'nyh form) [Code-switching in Udmurt-Russian bilingualism (based on verbal forms)]. Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2021, no. 4, pp. 590–598. (In Russ.).
20. *Shalanki Zh., Kondratyeva N. V.* Morfosintaksicheskaya interferenciya v usloviyah udmurtsko-russkogo bilingvizma [Morphosyntactic interference in Udmurt-Russian bilingualism]. Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2019, no. 3, pp. 380–389. (In Russ.).
21. *Ebzeeva Yu. N., Tutova E. V.* Problema pereklyucheniya kodov i yazykovye kontakty [The problem of code-switching and language contacts]. Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika [Bulletin of RUDN. Series: Linguistics], 2012, no. 3, pp. 138–143. (In Russ.).

Received 11.08.2025

Kopylova T.R., Doctor of Philology, Professor
of the Department of the Russian language, theoretical, applied linguistics and Russian as a foreign language
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: k_tatiana4@mail.ru

Vakhrusheva K.O., Master's student, Teacher
Humanities and Law Lyceum No. 86
Kholmogorova st., 34, Izhevsk, Russia, 426011
E-mail: vahrushevaxen@yandex.ru

Литературоведение

УДК 821.161.1-2.09(045)

Т. В. Зверева

ПЬЕСА Л. ЗОРИНА «МЕДНАЯ БАБУШКА» В СВЕТЕ ПУШКИНСКОГО МИФА

В исследовании рассмотрен один из этапов функционирования базового для русской культуры «пушкинского мифа». В центре внимания — пьеса Леонида Зорина «Медная бабушка» (1970), которая еще не становилась объектом развернутого филологического анализа. Работа над пьесой сопровождалась размышлениями Зорина над спецификой пушкинской и чеховской драматургии. Жанр пьесы соотнесен с «сократическими диалогами» Платона. Через героев автор пытается найти ответы на важнейшие вопросы, связанные с одним из центральных конфликтов русской культуры – конфликтом поэта и власти. Пьеса обращена к кризисному лету 1834 г., когда Пушкин избавляется от иллюзии свободы и осознает свою зависимость от окружающего его общества. Художественное время в пьесе расширено благодаря отсылкам к эпизодам, соотносящимися с прошлым и будущим. Пространство пьесы также не ограничено Петербургом и расширяется до пределов Европы — диалоги героев вписаны в общеевропейский спор о судьбах России. Сделан вывод о том, что через обращение к фигуре Пушкина драматург говорил о себе и своих современниках, также оказавшихся в ситуации несвободы после крушения оттепели. Пьеса знаменовала кризис сознания советской интеллигенции 1970-х гг., вынужденной искать компромиссы с новым временем.

Ключевые слова: драматургия, пушкинский миф, жанр, поэтика названия, мотив, художественное время, художественное пространство.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-846-854

В истории советской культуры конец 1960-х – начало 1970-х гг. ознаменован двумя событиями, связанными с несостоявшимся воплощением образа Пушкина – не был снят фильм Марлена Хуциева «Пушкин» и был запрещен к показу спектакль «Медная бабушка» по пьесе Леонида Зорина. В одной из своих работ мы писали о том, что в замысле так и не снятого фильма Марлен Хуциев ставил важнейшие вопросы, перед которыми оказалась советская интеллигенция в постоттельную эпоху [6]. Равным образом эти выводы можно отнести и к пьесе «Медная бабушка». Для Леонида Зорина, как и для многих его современников, через Пушкина шло осмысление собственной эпохи и собственной жизни. Говоря о четырех великих умах XIX столетия (Грибоедов, Чаадаев, Вяземский и Пушкин), драматург отмечал, что «никто не чувствовал так, как чувствовал Пушкин, ничья мысль не была столь трепещущей, столь доверительной, в то же мгновение оказывающейся твоей собственной мыслью…» [8, с. 413].

В своих записях, которые велись на протяжении нескольких исторических эпох (1950–1990-ые гг.), писатель постоянно обращался к имени Пушкина, перед которым он «благоговел богомольно». Речь идет о непрекращающемся разговоре с поэтом, позволяющем выявить «болевые точки» русской истории и культуры. Особенно важны размышления драматурга о специфике пушкинской драмы. Прежде всего, он размышляет о непростых отношениях Пушкина с аудиторией – требование внешней занимательности пьес было мучительным для поэта (очевидно, что и для самого Леонида Зорина эта дилемма также была нерешенной). Рассуждая о генезисе пушкинской драмы и возводя ее к сплаву античной и шекспировской трагедии, драматург подчеркивает, что Пушкин открыл нового героя, который «не только оказывался лицом к лицу с судьбой и не только уклонялся от этого противостояния, но и сам торопил его, сам рвался ему навстречу, чем бы это ему ни грозило» [8, с. 187]. Как мы увидим ниже, именно таким предстанет Пушкин в пьесе «Медная бабушка» – человеком, торопящим свою судьбу и свой исход.

Чрезвычайно интересны комментарии Зорина к «Борису Годунову». Драматург обращается к интерпретации финальной ремарки («Народ безмолвствует»), полагая, что народ у Пушкина «внутренне отчужден от творящегося на его глазах исторического действа. <…> Протерли глаза, помазали “слюней” и выразили этим доморощенным способом народную скорбь. <…> Что-то творится страшное и непонятное на державной сцене. “да кто их разберет?”» [8, с. 186]. Писатель был не согласен с

официальным пониманием финала трагедии: «Известно, что существует точка зрения прямо противоположная, она вкладывает в эти два слова как бы недвусмысленный приговор случившемуся, но мне трудно ее разделить. Что-то уж очень “не пушкинское”, нечто оперетно-театральное появляется в интерпретируемой таким образом немой сцене» [8, с. 186]. Далее Зорин заключает: «Нет, слишком живописно и многозначительно для этого жестокого точного пера. У пушкинских персонажей иное отношение к жизни. “Все плачут, заплачем, брат, и мы. – Я силюсь, брат, да не могу. – Я также. Нет ли луку? Потрем глаза. – Нет, я слюней помажу. Что там еще? – Да кто их разберет?” <…> В отличие от многих звезд русской словесности, он не возносил народ на пьедестал, не сгибался под ношей своей вины перед народом, не навязывал ему мессианской роли» [8, с. 186-187].

В «Записках» много сказано о трагической судьбе Пушкина, и это понимание было значительно глубже общепринятого. Не случайно любимым портретом Пушкина становится портрет, написанный Марком Чаусовским: «Портрет вызвал резкое неприятие власти… <…> Убежден, что в печальной судьбе Чаусовского, погибшего в 42-м году, где-то поблизости от Воркуты, тот портрет сыграл роковую роль» [7, с. 126]. Вслед за художником в «Медной бабушке» драматург попытается передать тяжелейшее душевное состояние поэта в «предпоследние дни». Знаменательно, что драматург одним из первых начал говорить о спекуляциях на имени поэта. Уже в преклонные годы Зорин делает следующую пометку: «Когда-то отлучали Толстого, скоро сожгут “Гаврилиаду”. Когда победит галахический взгляд, литература может закрыться» [8, с. 584]. Это горькие заметки человека, осознавшего законы повторяемости исторических сценариев и предугадавшего тотальную «христианизацию» пушкинского творчества в 1990-ые гг.

Все вышесказанное объясняет намерение драматурга написать пьесу о Пушкине. Создание «Медной бабушки» стало важнейшим этапом в зоринском творчестве. В записях 1960-х гг. содержится фраза: «Только если буду писать о Пушкине, буду счастлив. Иначе – ночь!» [8, с. 71]. 31 декабря 1969 г. отмечено следующей записью: «Минувшее начиналось с надежд, тут же пресеченных Манежем, кончилось Прагой и усилиями (вполне откровенными) реанимировать Сталина. То, что настанет, будет хуже – ожесточенней и лицемерней. <…> Чего же я себе пожелаю? Одного – написать “Медную бабушку”» [8, с. 79]. Впоследствии драматург считал эту пьесу одной из своих лучших. В одном из своих поздних интервью за год до смерти Зорин признавался: «А когда заканчивал уже, мне стало его [Пушкина – *Т.З.*] безумно жаль! Настолько, что слёзы хлынули из глаз. <…> И концовку я писал, не видя букв. Меня заливали слёзы» [10, с. 175].

«Медная бабушка» написана в 1970 г., в 1972 г. пьеса была поставлена на сцене «Современника» Олегом Ефремовым. На сегодняшний день имеется целый ряд свидетельств, проливающих свет на ситуацию, которая сложилась вокруг выхода этого спектакля. Так, на единственном показе этого спектакля был Валентин Непомнящий, впоследствии описавший свое потрясение от исполнения пушкинской роли Роланом Быковым: «Непонятно, как играть гения, тем более Пушкина. Но перед нами был гений и… Пушкин. Как это у него получалось, постигнуть было совершенно невозможно. <…> В этом было что-то нездешнее, мы не понимали, где мы; по лицу Татьяны Григорьевны Цявловской, изучавшей Пушкина полвека, лились слёзы, семидесятилетний Илья Львович Фейнберг был порой похож на мальчика, наблюдающего канатоходца, в глазах Натана Эйдельмана сияло счастье узнавания…» [12, с. 58]. Сам автор пьесы также высоко оценивал актерскую игру Быкова: «Я впервые увидел Ролана Быкова в гриме. Ещё он не произнёс ни звука, а я уже похолодел от предчувствия, от радостной, благодарной дрожи. В каком-то чаду я смотрел на сцену, испытывая предсмертный восторг…» [7, с. 136]. Не будем в рамках данной статьи останавливаться на перипетиях, связанных со снятием этого спектакля Екатериной Фурцевой, в 1975 г. пьеса была возобновлена, но уже без Ролана Быкова.

«Медная бабушка» до сих пор не получила должного осмысления в литературоведческой науке. Добавим, что творческое наследие такого корифея советской драматургии как Леонид Зорин также сегодня нуждается в новом прочтении и переосмыслении. В последние годы появилось всего несколько исследований, обращенных к поэтике отдельных произведений [1; 3; 15], но этого явно недостаточно. Вопрос о месте драматургии Зорина в истории русской литературы 1960–1970-х гг. до сих пор не поставлен, как не решены и вопросы, связанные с изучением особенностей того типа драмы, которую он привнес. Именно этими аспектами определяется актуальность и новизна настоящей работы.

Документальным источником для «Медной бабушки», по-видимому, послужили главы из семейной хроники, написанные Львом Павлищевым, племянником Пушкина («Моя дядя – Пушкин. Из семейной хроники» [13]). Именно в этих воспоминаниях запечатлены события, вокруг которых будут

развернуты зоринские диалоги (лето 1834 года, отъезд Натальи Николаевны с детьми в калужскую губернию, сближение Пушкина с Соболевским, проводы в Париж Софьи Карамзиной, мечта Пушкина о поездке в Варшаву к сестре Ольге Сергеевне). Лев Павлищев восстанавливает цепь этих происшествий не только по памяти, но и по семейной переписке (обширно цитируются письма Надежды Осиповны, Сергея Львовича и Ольги Сергеевны). Впервые воспоминания Павлищева опубликованы в 1888 г. в «Историческом вестнике» (впоследствии их продолжение печатали «Русское обозрение» – 1890 г. и «Русская старина» – 1896 г.) В. Вересаев частично воспользовался этими материалами при написании «Пушкина в жизни». «Медная бабушка» ориентирована в первую очередь на павлищевскую хронику и только потом – на Вересаева.

Многое в зоринской пьесе остается до сих пор не совсем ясным, начиная с названия, отсылающего к одному из анекдотических сюжетов пушкинской жизни (в качестве приданого поэт получает медную статую императрицы Екатерины Второй, которую впоследствии безуспешно пытался сбыть, о чем неоднократно упоминается в письмах поэта). Вопреки названию в самой пьесе этот сюжет не развернут, медная статуя никак не участвует в развитии действия. Можно предположить, что отсылка к данному факту была необходима драматургу, чтобы охарактеризовать тяжелое материальное положение Пушкина в 1834 г. Вместе с тем останавливаться на подобном умозаключении все же не стоит, поскольку пьеса написана одним из лучших советских драматургов, безусловно, знающих законы создания драматического текста (в том числе и то, что «ружье должно выстрелить»). Одно из возможных объяснений названия пьесы может быть связано с тем, что летом 1834 г. Пушкин занимался изданием «Истории пугачевского бунта» – труда, который потребовал глубокое погружение в екатерининскую эпоху, и тень «медной бабушки» продолжала довлеть над поэтом. Важно и то, что в пьесе изображена эпоха «внуков» Екатерины II. Герои, о которых идет речь в пьесе (Николай I, Пушкин, Соболевский, Вяземский и др.), принадлежат поколению, для которого императрица была «бабушкой». Внучатое поколение решало вопросы, корни которых находились в екатерининской эпохе. Наконец, Зорин ведет разговор о непрерывности истории, о невозможности уйти от «тени прошлого». Не случайно Пушкин в пьесе постоянно говорит о преследующей его тени «медной бабушки»: «Махнул я рукой, уехал в Петербург, но глядь – вскоре прибывает сюда и статуя» [9, с. 217]; «…эта медная дылда за мной тащится, на душе кошки скребут. Будто я к ней приговорен» [9, с. 254]; «Эта медная дура – моя судьба. Куда я, туда и она» [9, с. 266]). О других смысловых коннотациях заглавия будет сказано ниже.

Сам драматург обозначил жанр своей пьесы как «диалоги» и указал тем самым на источник пьесы – «сократические диалоги» Платона. В основе жанра лежит, как известно, совместный поиск истины. Однако, если Сократ искусством своего разговора приводил собеседников к открытию истины (пусть и в ее парадоксальном аспекте), то авторская задача в «Медной бабушке» – выявить «болевые точки» русской истории. На поверхности сюжета по-чеховски ничего не происходит: «Медная бабушка» лишена привычного действия, интриги, эффектных поворотов. Читатель имеет дело с интеллектуальной пьесой, подлинный конфликт в которой уходит в подтекст и требует реконструкции. При этом авторское видение пушкинской судьбы расходилось с официальной версией. Заметим, что сам драматург ясно осознавал, что снятие спектакля было связано не только с тем, что роль Пушкина досталась Ролану Быкову, но и с присутствующей в пьесе интерпретацией образа поэта. В автобиографическом романе «Авансцена» Зорин вспоминал о своем состоянии после разгрома «Медной бабушки»: «Я понимал, что дело не в Быкове. И не в пьесе. Скорее всего, в ее герое. Он вновь оказался не ко двору… Как всякий пришелец с иных планет. Как эти страдальческие тени нашего передового столетия – Цветаева, Мандельштам, Пастернак…» [7, с. 243].

Зорин обращается к нескольким дням жизни Пушкина конца весны – начала лета 1834 г., когда поэт переживает сильнейший кризис – это последняя попытка изменить жизнь, разорвать с условностями света, подать в отставку и уехать из Петербурга в деревню. Семья в это время находится на Полотяным заводе в Калужской губернии, а сам поэт вынужден оставаться в столице, поскольку связан типографскими делами – печатает «Историю пугачевского бунта».

Первые два диалога приурочены 10 мая 1834 г. – именно в этот день Пушкин предпринимает очередную попытку продать «медную бабушку» через Рейхмана и узнает о перлюстрации его письма к жене от Жуковского. Знаменательно, что вскрытие писем в России как распространенная практика начинается с Екатерины II (в 1779 г. императрица издает указ о доставке ей перлюстрированных пи-

сем)[1]. Тень «медной бабушки» преследует Пушкина – тайные указы императрицы обретают силу в настоящем, личная жизнь поэта оказывается под прицелом двора.

Истоки обострившегося в мае 1834 г. конфликта с властью были связаны не только с тем, что государь позволил себе читать личные письма Пушкина. Как известно, отношения с царем пошатнулись еще в декабре 1833 г. – тогда Николай I не допустил к печати «Медного всадника» и присвоил поэту звание камер-юнкера. Об этих событиях в пьесе упоминается мимоходом – художественное время в пьесе расширяется за счет постоянных отсылок к прошлому. Вопреки тому, что драматург воскрешает несколько дней из жизни Пушкина, у читателя/зрителя создается впечатление, что в пьесу вмещена вся жизнь поэта.

Зоринская пьеса была распахнута в настоящее, поскольку читатель/зритель узнавал в ней свое время. Так, в одном из диалогов Пушкина и Вяземского упомянуты события, связанные с попыткой поэта уехать из России:

Вяземский. Помилуй, не ты ли от этих скал чуть не к туркам хотел бежать.

Пушкин. Хотел. А я и в Китай хотел. Отец Акинф Бичурин ехал с миссией, звал с собой. Я написал Нессельроду прошенье, да он, разумеется, отказал [9, с. 264–267].

Художественное время пьесы в очередной раз расширяется, разговор отсылает к событиям 1829 и 1830 гг., когда Пушкин, действительно, хотел покинуть пределы России, но эти попытки не увенчались успехом. 17 апреля 1834 г. выходит николаевский указ «Об ограничении пребывания русских подданных в иностранных землях», что провоцирует разговоры о жизни за границей в среде русской аристократии (об этом «апрельском указе» в пьесе упомянуто). Драматург хорошо понимал, что тема выезда была актуальна для современной ему интеллигенции, практически лишенной возможности даже недолгого пребывания за границей. Подобные ограничения были частью политического режима, проводимого советским государством.

На первый взгляд, нерв зоринской пьесы держится на культивируемом советской культурой конфликте поэта с властью. Однако Зорин предельно усложняет этот конфликт, выявляя его неоднозначность и лишая его той прямолинейности, которая была свойственна официальному прочтению. Его герой пытается полюбить императора и «жить с правительством в ладу» («Я-то искал рыцаря в государе. Пробовал даже в него влюбиться» [9, с. 255]). Речь идет не о конформизме, а об искреннем стремлении встать на государственную точку зрения (в «Записных книжках» Зорин писал о том, что Пушкин «больше и выше и конформизма и прогрессизма» [8, с. 273]). Пушкин благодарен Николаю I за освобождение из Михайловской ссылки, за возможность работать с архивными материалами, но царские милости оборачиваются тем, что поэт, чем далее, тем более ощущает свою несвободу: «Да куда бежать? Кругом зависим» [9, с. 254]. «Я с царем говорил, как равный. После того я стал холоп. <…> Холоп, холоп» [9, с. 262]. Последняя реплика – зеркальная инверсия известных слов Пушкина из Дневника от 10 мая 1834 г.: «…я могу быть подданным, даже рабом, – но холопом и шутом не буду и у царя небесного» [14, т. 5, с. 515]. Эта высказывание не приведено в пьесе, но именно с его незримого присутствия пьеса начинается, поскольку первый диалог приурочен к 10 мая 1834 г.

Драматург с первой же сцены помещает читателя/зрителя в эпицентр конфликта. Искреннего желания служить государству и искренней благодарности оказывается недостаточно – Пушкин сталкивается с объективной невозможностью сотрудничать с властью. Лето 1834 г. – время горьких прозрений, осознание собственного тупика. Любая попытка взаимодействия с императорским троном оборачивается несвободой, ведущей к подавлению творческого дара. Быть поэтом и одновременно быть верноподданным невозможно. Безусловно, за этой пушкинской ситуацией просматривается и авторская ситуация: как и многие советские писатели, в 1970-ые гг. Зорин много размышлял о проблеме творческой свободы и эти размышления связаны с пушкинским именем: «И Пушкин начал с народолюбия. Но Пушкин сказал в минуту прозрения: “Зависеть от царя, зависеть от народа – не все ли нам равно…” Есть одна лишь великая мечта: “Отчета не давать”» [8, с.148]. При этом у самого автора пьесы (в отличие от ее героя) никогда не было иллюзий по отношению к власти – ни к минувшей, ни к нынешней (в «Записных книжках» имеется следующее суждение: «Император Николай Павлович сказал шведскому посланнику, что “если бы была надобность, я бы приказал арестовать половину нации, чтобы другая половина осталась незараженной”. Ленин к этому приступил, Сталин это сделал. <…> И все они считали себя не палачами, но благодетелями» [8, с. 173]).

[1] При Петре I практика перлюстрации носила иной характер и была связана с вопросами государственной безопасности – вскрывались письма, идущие за границу.

В «Медной бабушке» Зорин также обращается к болезненным проблемам истории государства Российского, которые старательно замалчивались. Так, через всю пьесу пунктиром проходит польская тема. Разговоры о Польше выходят на первый план, поскольку летом 1834 г. Пушкин хотел посетить семейство своей сестры Ольги Сергеевны, находящейся тогда в Варшаве (об этих так и нереализованных планах подробно пишет в своей хронике Лев Павлищев). Эта семейная тема не нашла своего прямого отражения в пьесе, но драматург, разумеется, был осведомлен об обстоятельствах пушкинской жизни. Многие диалоги в «Медной бабушке» развернуты вокруг событий, связанных с польским восстанием.

Как известно, Пушкин принял сторону правительства в отношении польского вопроса, и его державная позиция вызвала осуждение со стороны либеральной аристократии. Поэт лично читал Николаю I и его семье оду “На взятие Варшавы”, а стихотворение «Клеветникам России» стало апологией имперского режима. Следует указать на самостоятельность политического мышления Пушкина в этом вопросе. Он, действительно, в начале 1830-х гг. разошелся с либерально настроенным лагерем, находящимся в оппозиции к правительству. При этом взгляды Пушкина на проводимую Россией внешнюю политику были крайне сложными. Признавая, что в отношениях близлежащих государств-соседей не может быть окончательно правых и виноватых, поэт призывал Европу не вмешиваться в «давний спор славян», корни которого уходили в далекое прошлое. Стихотворение «Клеветникам России» подводило к мысли, что подавление польского мятежа со стороны российской власти – это не месть за прошлые обиды, а следствие исторической логики. Политическая позиция Пушкина основывалась на убеждениях, вызревших на почве исторических фактов, и совпадение этих внутренних убеждений с позицией власти было обусловлено объективными причинами, а не результатами казенной пропаганды или корыстолюбием, в чем упрекнули Пушкина и П. Вяземский и А. Мицкевич.

Как решена эта тема в пьесе?

В «Медной бабушке» польская тема начинается почти сразу – во втором диалоге первой части. Жуковский пытается понять причину слежки за Пушкиным и предполагает, что причиной перлюстрации является речь Лелевеля[2]. Пушкин разубеждает Жуковского, говоря об отсутствии личных связей с польской эмиграцией, на что Жуковский отвечает: «Всё так, но, возможно, стоило ответить тебе самому. Иногда молчание может быть дурно истолковано» [9, с. 224. Вяземский на это вставляет язвительную реплику: «В самом деле, уж это ни на что не похоже: прославить взятие Варшавы, чтобы после страдать за Лелевеля» [9, с. 224]. Между этими репликами – внутренняя драма Пушкина, у которого отнято право не участвовать в политических дрязгах. Двор негласно требует от поэта публичного отклика, и молчание по поводу воззвания Левелеля толкуется как несогласие с взглядами императора. Власть недвусмысленно предъявляла свои права на поэта и хотела быть оправданной его голосом. В написанном годом ранее «Медном всаднике» Пушкин оставлял за безумным Евгением «право на шепот» (выражение Н. Эрдмана) – в кульминационной встрече с медным кумиром пушкинский герой бросал вызов власти, но сам этот вызов сводится к трагикомическому шепоту («Шепнул он, злобно задрожав»). Весной 1834 г. Пушкин оказывается в ситуации, когда его молчание воспринималось как открытая форма противостояния[3]. Не случайно в «Медной бабушке» поэт отождествляет себя с Евгением:

Пушкин (сидит молча, потом – еле слышно). «И во всю ночь безумец бедный, куда стопы ни обращал, куда стопы ни обращал, куда стопы ни обращал…» [9, с. 252] Так в пьесе выстраивается скрытый параллелизм между Пушкиным и его героем.

Польская тема возобновляется в четвертом диалоге, когда Пушкин беседует с Абас-Кулиаги, прибывшим из Польши:

Пушкин. Каково настроение в Варшаве, Абас-ага?

Абас-ага. Настроение? Дорогой друг, стоит ли говорить о такой безделице? <…>

*Пушки*н. Эта рана и наша рана. Я бы дорого дал, чтобы она хоть несколько затянулась.

---

[2] Имеется в виду знаменитое воззвание Иохима Лелевеля «К братьям русским» – речь, произнесенная в 1833 г. в Париже.

[3] Заметим, что советская интеллигенция часто оказывалась в подобной ситуации. Самый показательный пример – публичное бичевание Б. Пастернака в 1958 г. Неучастие в разгроме пастернаковского романа расценивалось властями как форма открытого вызова. Леонид Зорин находился на этом собрании и не поднял руку, но впоследствии честно объяснял свой поступок не личным мужеством, а тем, что сидел на последних рядах и оказался в момент голосования вне зоны видимости.

Абас-ага. Старые раны часто болят. Особенно при дурной погоде. [9, с. 233]

Особенно острый оборот польский вопрос обретает в споре Пушкина и Вяземского (пятый диалог). Речь снова заходит о Варшаве, но уже в свете державной проблематики:

Пушкин. <…> Государственная необходимость существует, стало быть, ребячество – ее отвергать. Она такая же реальность, как власть государя. Ты ругал моего Кавказского пленника, но даже покойный Пестель сознавал неизбежность Кавказской войны. Точно так же мы не смели отдать Варшавы.

Вяземский. А в этом мы никогда не сойдемся. Лучше оставим бесплодный спор. Опять побранимся, а мне не хочется. Самые созвучные стихи ни в чем не изменят мнения Европы.

Пушкин. Ну и бог с ней. Что они могут понять в стране, которую мы не постигнем сами? Что стоят их похвалы и хулы? Я знаю им настоящую цену. Подумай, не нынешний парижский крикун, нет, сам Вольтер, оракул, столп мысли, умилялся нашей Екатерине, которая сослала Радищева и запорола Княжнина. И мне по струнке стоять перед их журналами? Нет, нам господа европейцы не судьи. Они давно почтительны к силе, не меньше непросвещенных татар [9, с. 238].

Данный фрагмент примечателен, во-первых, тем, что в нем вновь в очередной раз возникает «тень Екатерины»; во-вторых, – важнейшей постановкой вопроса об отношении Европы и России. Пушкин отказывает Европе в праве судить, обесценивая ее суждения тем же вольтеровским преклонением перед екатерининской эпохой, которую сам поэт, как известно, не собирался оправдывать.

Вечный конфликт между общим и частным, государственным и человеческим, поставленный Пушкиным в «Медном всаднике», обернулся личным кошмаром. Решение принять государственную необходимость не избавляло Пушкина от чувства вины перед тем же Мицкевичем:

Пушкин. Вот только Мицкевич нейдет с ума. <…>

Вяземский. Либо Мицкевич, либо Паскевич. Тот и другого любить нельзя.

Пушкин. Да, нелегко. Но Паскевич для меня – стяг, а Мицкевич – друг. Один – страна, другой – человек. Что делать? [9, с. 238–239].

Выше мы уже обратили внимание на то, что зоринская пьеса принадлежит жанру «платоновских диалогов», цель которых – рождение истины (сам Платон говорил о *maieutike* – «повивальном искусстве»). Однако в «Медной бабушке» никакого рождения истины не происходит, скорее, драматург указывает на тупики, на неразрешимость «вечных вопросов».

Важное место в пьесе занимает тема России и ее таинственного предначертания. Первая часть «Медной бабушки» завершена пушкинским монологом, прозвучавшим в ответ на вопрос, заданный Дарьей Федоровной Фикельмон: «Где же Россия?». Далее следует патетическая речь Пушкина, которая демонстрирует безусловную веру поэта в Россию: «И все ж она есть. Я склоняюсь пред логикой, но и она бывает бессильной. Даже когда неотразима. <…> Наш свет худо знает русский язык? Вы правы. И чиновник вор, и купец – плут, а мужик безграмотен — ваша правда. Среднее сословие отягчено заботами, ему не до словесности? Все так, все так. И все же есть то, что зовем мы народностью, есть Россия, и ей не безразлично, что я чувствую и пишу» [9, с. 243–244]. Эта же провиденциальная вера в русскую историю характеризует и монолог Пушкина в прощальной беседе с Соболевским: «Ты прав, ты прав. Рядом с пестрым и шумным миром мы делаем странное впечатление. Шесть веков назад у нас не было Данта. Не было Монтеня, ни Шекспира. Позади у нас больше войн, чем творчества, и узы нам понятней, чем музы. А все же, могу поклясться, что здесь родится истинно великая словесность. И пространства, в которых просто исчезнуть, однажды дадут ей свою безоглядность. И все пережитые страданья дадут ей неведомые миру глубины. Но мы с тобой этого не увидим, а значит, и спорить нечего» [9, с. 265]. И первый и второй монолог о неразгаданном предназначении России, несомненно, восходят к мыслям Пушкина, изложенным им в знаменитом письме к Чаадаеву от 19 октября 1836 г. Художественное время распрямляется и устремляется в будущее, сквозь летние события 1834 г. проступает последняя пушкинская осень. При этом риторика пушкинских монологов в «Медной бабушке» обусловлена «общими местами», характерными для философской мысли России – в этом же ключе рассуждал Н. Гоголь, Ф. Тютчев, А. Хомяков и др. Для подобных высказываний свойственно противопоставление России реальной и идеальной, настоящего – будущему, существующего порядка вещей – великому историческому предназначению. Парадоксально, что подобная риторика на противоположном полюсе смыкалась с одической топикой, а также с известным афоризмом вечного идейного оппонента Пушкина А. Бенкендорфа: «Прошлое России было удивительно, настоящее более чем великолепно, а будущее превзойдет все, что может себе позволить воображение самое смелое».

Едва ли не главной темой зоринской пьесы становится тема компромисса. Драматурга волновала судьба мыслящей личности, вынужденной искать баланс между жаждой свободы и желанием быть полезным России. Не случайно в разговоре с Софьей Карамзиной Пушкин размышляет о карамзинской позиции как неосуществимом идеале: «Если б вы знали, с каким волнением я думаю о восхитительной судьбе вашего отца. Я хотел бы постичь, как удалось ему сохранить любовь и уважение вместе и общества и властей? В чем тут отгадка? В чем счастливая суть этого характера? В его доброте? В смирении перед Промыслом? В чем? Признаюсь, я часто ему завидовал. Я спрашивал себя: почему мне не дано быть таким же?» [9, с. 229] Отставка, о которой грезил Пушкин в июне 1834 г., была неосуществима не только потому, что в этом случае терялся доступ в государственные архивы. Выезд из столицы был невозможен еще и вследствие того, что поэт верил в силу воздействия своего слова и в то, что его «История Петра» способна пролить свет на историю государства российского. Не случайно Соболевский бросает фразу: «Ты ведь чрез историю вздумал образовать державный ум. <…> А все Державин — подал вам злосчастную мысль – истину царям говорить. С улыбкой» [9, с. 219]. Пушкин был наследником XVIII века, и участие в государственном деле, пусть не путем прямых действий, а через поэзию, было для него важно. Пушкин пытался «образовывать державный ум», самое яркое доказательство тому – записка «О народном просвещении», своего рода политическая программа, предложенная поэтом российскому правительству в 1826 г. Кроме того, Зорин ставит этическую проблему об ответственности поэта за происходящие события, его включенности в реальную жизнь России. В уста Пушкина вложены вопросы, на которые предстояло ответить поколению 1970-х гг.: «Скажи, когда нравственней человек, когда он возвыситься хочет над временем или когда ему принадлежит? Ежели весь он отдан веку, то он отдан и во власть его страстей, его торжищ. Но ежели он над ним воспарит, он не только олимпиец, он и беглец. Справедливо это?» [9, с. 261]. Уход от злобы дня трактуется героем как бегство. Компромисс с властью был необходим для того, чтобы иметь возможность работать и быть полезным России.

Внутренние терзания Пушкина сопряжены с мечтой о покое. Именно весной-летом 1834 г. пишется стихотворение «Пора, мой друг, пора!..» (более точная дата написания текста не установлена). Текст этого стихотворения подспудно присутствует в пьесе. Так, первый и пятый диалог заканчиваются словом «покой» («Оставьте, меня, наконец, в покое!» [9, с. 220], «Пора, мой друг, пора» [9, с. 239]). Наконец, в завершении пьесы звучат прощальные слова Дарьи Фикельмон: «Я хочу одного: чтоб вы были покойны. Хоть ныне, хоть эту осень. Вы слышите? Чего хочет женщина, того хочет бог» [9, с. 270].

Если в «Пушкине» М. Булгаков обратился к последнему дню поэта, то в «Медной бабушке» изображены «предпоследние дни». Именно лето 1834 г. считается большинством исследователей переломным, открывающим путь к роковым событиям 1837 г., [4; 5; 11; 16]. За неспешными философскими разговорами незримо завязывается узел будущей трагедии. В одном из заключительных эпизодов появится «господин с удивленным лицом», которого представят Пушкину: «Пушкин, это барон Дантес» [9, с. 268]. Последний тринадцатый диалог Пушкина с Дарьей Фикельмон произойдет на Черной речке. Выше мы уже приводили размышления драматурга о том, что в пушкинском творчестве появляется новый тип героя, который торопит свою судьбу, «рвется навстречу, чем бы это ему ни грозило» [8, с. 187]. Можно с уверенностью сказать, что в «Медной бабушке» воссоздан именно такой герой – Пушкин, трагически видящий свой конец и торопящий развязку: «…повинуясь свое природе, он за собой сжигает мосты. Год 1834-й не оставлял ему больше иллюзий…» [8, с. 65]. «Что предначертано, то и будет» [9, с. 270], – говорит Пушкин в финале пьесы.

Пьеса «Медная бабушка» была написана в 1970 г., когда порожденные оттепелью иллюзии развеялись. В год написания пьесы произошло два значимых для культурной жизни СССР события – отставка редколлегии «Нового мира» во главе с Александром Твардовским и написание открытого письма академика Андрей Сахарова (совместно с В. Турчиным и Р. Медведевым) о необходимости демократизации общества. В этих непростых условиях Леонид Зорин размышляет о судьбах русской интеллигенции. Осмысление пушкинского кризиса 1834 г. становится поводом понять, какими путями должно идти, когда все иллюзии окончательно разрушены.

Свою сокровенную пьесу «Медная бабушка» драматург завершил пушкинским благословением жизни: «Будем веселы. Простим судьбе и дурное и злое. Благословим за все добро» [9, с. 270]. По мнению драматурга, жизнь кончается, когда исчезают иллюзии, однако самому автору пьесы еще предстоял долгий путь. На протяжении нескольких исторических эпох (1950–1990-ые гг.) Зорин вел

свои записные книжки, подобно пушкинскому Пимену запечатлевая в них происходящие в события. Последняя тетрадь Леонида Зорина – прощание с собственной жизнью и прощание с Пушкиным: «Конец очередной Тетради. Пять с половиной лет ушло, чтобы заполнить ее до последнего листа. Следующая не будет исписана. Ну что же, “быть так!” – сказал некогда Пушкин, прощаясь с Дельвигом навсегда» [8, с. 557].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Александрова М. А*. Пестель vs Пестель: Трагедия Л. Зорина «Декабристы» и роман Б. Окуджавы «Бедный Авросимов» // Известия Саратовского университета. 2022. Т. 22. Вып. 3. С. 320–329.
2. *Вересаев В. В*. Пушкин в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников. М.: Моск. рабочий, 1984. 703 с.
3. *Ветелина Л. Г*. Своеобразие драматургии Леонида Зорина: жанровая динамика, характер конфликта, типологические особенности персонажей, своеобразие финала // Вестник Омского университета. 2008. № 3. С. 63–71.
4. *Виролайнен М. Н*. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб. : Амфора, 2003. 503 с.
5. *Гордин Я. А*. Гибель Пушкина. 183 –1836. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2019. 352 с.
6. *Зверева Т. В*. "Выдать версию своей судьбы...": о "Пушкине" М. Хуциева и "Царе-Пушкине" Вл. Козлова // Вестник Удмуртского университета. 2024. Т. 34. Вып. 2. С. 369–376.
7. *Зорин Л. Г*. Авансцена. Мемуарный роман. М.: Слово, 1997. 526 с.
8. *Зорин Л. Г*. Зеленые тетради: записные книжки 1950-1990-х. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 616 с.
9. *Зорин Л. Г*. Покровские ворота. Пьесы. М.: Сов. писатель, 1979. 592 с.
10. *Зорин Л. Г*. Эпоха предчувствия. Беседу вела Галина Смоленская // Знамя. 2019. № 12. С.167–176.
11. *Муравьева О. С*. Образ Пушкина: исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине. СПб.: Академический проект, 1995. С. 113–133.
12. *Непомнящий В. С*. Вместо подписи на фотографии // Искусство кино. 1990. № 6. С. 57–60.
13. *Павлищев Л. Н*. Мой дядя — Пушкин. Из семейной хроники. М.: Алгоритм, 2012. 416 с.
14. *Пушкин А. С*. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 6 т. М.-Л.: Academia, 1936.
15. *Флоря А. В*. Высокие отношения, или «диалог глухих»: лингвопоэтика неоднозначности в пьесе Л. Зорина «Покровские ворота» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2017. Т. 27, вып. 6. С. 865–872.
16. *Эйдельман Н. Я*. Пушкин: Из биографии и творчества. 1826–1837. М.: Худож. лит., 1987. 463 с.

Поступила в редакцию 25.09.2025

Зверева Татьяна Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

T. V. Zvereva

L. ZORIN's PLAY "THE COPPER GRANDMOTHER" IN THE ASPECT OF THE PUSHKIN MYTH

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-846-854

The study examines one of the stages of the functioning of the "Pushkin myth," which is fundamental to Russian culture. The focus is on Leonid Zorin's play "The Copper Grandmother" (1970), which has not yet been the subject of a comprehensive philological analysis. Zorin's work on the play was accompanied by his reflections on the specific features of Pushkin's and Chekhov's dramaturgy. The genre of the play is related to Plato's "Socratic dialogues." Through the characters, the author attempts to find answers to crucial questions related to one of the central conflicts in Russian culture: the conflict between the poet and the authorities. The play is set in the crisis-ridden summer of 1834, when Pushkin loses his illusion of freedom and realizes his dependence on the society around him. The play's artistic time is expanded through references to episodes from the past and the future. The play's space is not limited to St. Petersburg but extends to the borders of Europe, with the characters' dialogues intertwined with the European debate about Russia's fate. It is concluded that through his reference to Pushkin, the playwright was speaking about himself and his contemporaries, who also found themselves in a situation of unfreedom after the collapse of the Thaw. The play marked a crisis in the consciousness of the Soviet intelligentsia in the 1970s, who were forced to seek compromises with the new era.

Keywords: dramaturgy, Pushkin myth, genre, poetics of the title, motif, artistic time, artistic space.

REFERENCES

1. *Aleksandrova M. A*. Pestel' vs Pestel': Tragediya L. Zorina «Dekabristy» i roman B. Okudzhavy «Bednyj Avrosimov» [Pestel vs Pestel: L. Zorin's Tragedy "The Decembrists" and B. Okudzhava's Novel "Poor Avrosimov"]. Izvestiya Saratovskogo universiteta [Proceedings of the Saratov University]. 2022. T. 22. Vyp. 3. S. 320-329. (In Russian).
2. *Veresaev V. V*. Pushkin v zhizni: Sistematicheskij svod podlinnyh svidetel'stv sovremennikov [Pushkin in Life: A Systematic Collection of Authentic Contemporary Testimonies]. M.: Mosk. rabochij, 1984. 703 s. (In Russian).
3. *Vetelina L. G*. Svoeobrazie dramaturgii Leonida Zorina: zhanrovaya dinamika, harakter konflikta, tipologicheskie osobennosti personazhej, svoeobrazie finala [The uniqueness of Leonid Zorin's dramaturgy: genre dynamics, the nature of the conflict, the typological features of the characters, and the uniqueness of the ending]. Vestnik Omskogo universiteta [Bulletin of Omsk University]. 2008. № 3. S. 63–71. (In Russian).
4. *Virolajnen M. N*. Rech' i molchanie: Syuzhety i mifyrusskoj slovesnosti [Speech and Silence: Stories and Myths of Russian Literature]. SPb. : Amfora, 2003. 503 s. (In Russian).
5. *Gordin Ya. A*. Gibel' Pushkina [Pushkin's Death. 1831–1836]. 1831–1836. SPb.: Izd-vo «Pushkinskogo fonda», 2019. 352 s. (In Russian).
6. *Zvereva T. V*. "Vydat' versiyu svoej sud'by...": o "Pushkine" M. Hucieva i "Care-Pushkine" Vl. Kozlova ["To give a version of your own destiny...": about M. Khutsiev's "Pushkin" and Vl. Kozlov's "Tsar-Pushkin"]. Vestnik Udmurtskogo universiteta [Bulletin of the Udmurt University]. 2024. T. 34. Vyp. 2. S. 369–376. (In Russian).
7. *Zorin L. G*. Avanscena. Memuarnyj roman [The prologue. A memoir novel]. M.: Slovo, 1997. 526 s. (In Russian).
8. *Zorin L. G*. Zelenye tetradi: zapisnye knizhki 1950-1990-h. [Green Notebooks: 1950s-1990s Notebooks]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 616 s. (In Russian).
9. *Zorin L. G*. Pokrovskie vorota. P'esy [Pokrovsky Gate. Plays]. M.: Sov. pisatel', 1979. 592 s. (In Russian).
10. *Zorin L. G*. Ehpoha predchuvstviya. Besedu vela Galina Smolenskaya [The Age of Anticipation. Interviewed by Galina Smolenskaya]. Znamya [The Banner], 2019. № 12. S.167-176. (In Russian).
11. *Murav'eva O. S.* Obraz Pushkina: istoricheskie metamorfozy [The Image of Pushkin: historical metamorphoses]. Legendy i mify o Pushkine [Legends and myths about Pushkin]. SPb.: Akademicheskij proekt, 1995. S. 113–133. (In Russian).
12. *Nepomnyashchij V. S*. Vmesto podpisi na fotografii [Instead of the caption on the photo]. Iskusstvo kino [The art of cinema]. 1990. № 6. S. 57–60. (In Russian).
13. *Pavlishchev L. N*. Moj dyadya — Pushkin. Iz semejnoj hroniki [My uncle is Pushkin. From the family chronicle]. M.: Algoritm, 2012. 416 s. (In Russian).
14. *Pushkin A. S*. Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: v 6 t. [Complete Works in 6 Vol.]. M.-L.: Academia, 1936. (In Russian).
15. *Florya A. V*. Vysokie otnosheniya, ili «dialog gluhih»: lingvopoehtika neodnoznachnosti v p'ese L. Zorina «Pokrovskie vorota» [High Relations, or "Dialogue of the Deaf": Linguopoetics of Ambiguity in L. Zorin's Play "Pokrovskie Vorota"]./ Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya [Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology]. 2017. T. 27. № 6. S. 865–872. (In Russian).
16. *Ehjdel'man N. Ya*. Pushkin: Iz biografii i tvorchestva. 1826 – 1837 [Pushkin: From biography and creativity]. M.: Hudozh. lit., 1987. 463 s. (In Russian).

Received 25.09.2025

Zvereva T.V., Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: tvzver.1968@yandex.ru

УДК 821.161.1.09 Пушкин(045)

Г. В. Мосалева

ТРАГЕДИЯ А. С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ»: ВОССТАНОВЛЕНИЕ КАНОНА

В статье рассматривается процесс восстановления в «Борисе Годунове» храмово-литургического канона, присущего в полной мере древнерусской словесности. Его усвоение Пушкиным происходит через древнерусские жанры (проповедь, летописи, жития, гимнографию, литургику) и «Историю…» Карамзина. В трагедии воплощаются такие феномены православного мировосприятия, как: чудо, юродство, Промысел Божий, святость. Храмовые топосы-сакронимы занимают в трагедии центральное место, символизируя национальные и религиозные архетипы. Все идеальные образы трагедии символичны: Патриарх, монах-летописец Пимен, юродивый Николка. Им присущи смирение и покаяние, они не отделяют себя от общей вины за преступление царя. Пушкин актуализирует в трагедии взаимоотношения поэта и государя и их теневые образы: лже-поэта и лже-царя. Подлинным правителем России после преступления царя Бориса становится воскресший царевич Димитрий. Отступление народа и правителя от Божьей правды проявляется через мотивы автоматизма воли в поведении народа, обреченности «детей». Образы царя Бориса и Лжедмитрия в трагедии Пушкина подобны: оба отказываются от духовного пути и движимы тщеславием и своеволием. Григорий Отрепьев изменяет своему подлинному предназначению быть монахом-летописцем, вследствие чего его сюжет выпадает из летописной традиции и развивается по схеме западно-европейского авантюрного романа. Храмовое сакральное пространство и связанные с ним православные экзистенциальные свойства символизируют образ Святой Руси, противостоящей исторической катастрофе Смутного времени.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, трагедия «Борис Годунов», храмово-литургический канон, древнерусская словесность, традиция.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-855-863

Мировоззренческое влияние «Истории государства Российского» (1816–1817) Н. М. Карамзина на творчество А. С. Пушкина совершенно очевидно. Оно проявляется уже в «Руслане и Людмиле» (1820), «Песне о вещем Олеге» (1822), «Борисе Годунове» (1825). В «Наброске предисловия к «Борису Годунову» (1829) Пушкин об этом говорит напрямую: «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Не смущаемый никаким иным влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении планов, Карамзину следовал в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени» [15, т. 6, с. 113–114]. В статье «О народной драме и драме «Марфа Посадница» (1830) Пушкин касается выбора тематики трагедии, «преимущественно» выводившей «тяжкие злодеяния, страдания сверхъестественные, даже физические (например, Филоктет, Эдип, Лир)» [15, т. 6, с. 147]. Все изложенное Пушкиным в этом фрагменте имеет самое непосредственное отношение к проблематике «Бориса Годунова». Любопытно и пушкинское сближение героев Шекспира с героями Софокла. С. П. Шевырев подчеркивал благотворное воздействие драм Шекспира на формирование национального характера пушкинского творчества: «Въ Борисѣ Годуновѣ Пушкинъ явился Пушкиным и здѣсь, равно какь и въ другихъ его позднѣйшихъ произведеніяхъ, вліяніе Байрона миновало совершенно и началосъ скорѣе вліяніе Шекспира, влияніе менѣе опасное потому что Шекспиръ духомъ своимъ болѣе согласовался съ духомъ нашего Пушкина». [21, с. 259].

Глубинное же воздействие на трагедию Пушкина своей святоотеческой традиции долгое время критиков не интересовало. Парадоксальным образом это воздействие поначалу не осознавал ни сам Пушкин, ни его современники, поскольку древняя русская словесность находилась вне поля «литературности». Исключением является только «Слово о полку Игореве» в силу его относительного подобия светскому канону художественности. А проповеди, летописи, жития были вытеснены на периферию эстетической аксиологии. Одним из первых в советский период вопрос о влиянии древнерусской словесности на пушкинскую трагедию поставил В. А. Бочкарев, увидевший в ней соединение эпоса и драмы [2, с. 5], влияние русских летописей, хронографов и житийной литературы [2, с. 6], а также ранней русской драматургии XVIII в. Ему вторил С. А. Фомичев: «До сих пор остается, однако, в тени мощная национальная

традиция древнерусской литературы, отразившаяся в художественном мире пушкинской пьесы. Отдельные наблюдения об использовании поэтом летописей (в раскрытии образа Пимена), агиографических памятников (в рассказе Патриарха о чудесных мощах царевича Димитрия, в обрисовке образа Николки Железного Колпака) – лишь подступы к огромной теме первостепенной важности: создавая свою национальную трагедию, Пушкин, оказывается, сознательно обращался к культуре Древней Руси, восстанавливая в литературе преемственную, органическую связь…» [19, с. 427]. Помимо названных, в трагедии отражаются и другие жанры древней русской словесности: проповедь, поучение (Патриарх, Пимен), обличение (Юродивый), видение, явление, молитвословие, гимнография.

Своеобразным, не персонифицированным героем пушкинской трагедии, является Провидение, проявляющее себя в русской летописи как основной закон: «Куда, к какому концу направляется житейский водоворот, производимый борьбой, и как в нём держаться человеку – вот главный предмет внимания для летописца. Жизнь даёт человеку указания, предостерегающие и вразумляющие; надобно только уметь замечать и понимать их… «Бог бо казнит рабы своя напастьми различными, огнем и водою и ратью и иными различными казньми; хрестьянину бо многими напастьми внити в царство небесное. Так историческая жизнь служит нравственно-религиозной школой, в которой человек должен научиться познавать пути провидения. Горе ему, если он разойдётся с этими путями» [2]. Согласно провиденциализму, «мир устроен волею Бога, и его движение к «концу времен» и Страшному суду предопределено», «события жизни человека не взаимосвязаны между собой, каждое из них происходит Божиим велением или попущением» [18, с. 178–179]. Провиденциальный взгляд на историю был усвоен Пушкиным, благодаря изучению им летописей: «…характер Пимена не есть мое изобретеніе. Въ немъ [отражается] собрал я черты, пленившіе меня въ наших старыхъ летописяхъ, простодушіе [безстрастіе], умилительная кротость, нечто младенческое и вместе [ветхое] мудрое, усердие, [можно сказать] набожность къ Власти Царя данной имъ Богомъ – совершенное отсутствие суетности пристрастія…» [16, т. 2, с. 31].

Идеальными образами в трагедии предстают летописец Пимен, Юродивый, патриарх Иов (кстати, один из даровитых древнерусских книжников): «Волю Творца ощущают неложно и возвещают другим всего трое из многочисленных персонажей трагедии. Важно, что эти трое — смиренный монах, Патриарх и Юродивый. Ими движет вера, ими открывается Истина <…> Пимен – «персонаж третьестепенный в образной и сюжетной системе трагедии. А по истине духовной — он из главных. Ибо он прямо понимает свое служение как исполнение воли Бога, он весь исполнен этой волею, он смиренно сознаёт всё выпавшее ему в жизни Божьим даром и Промыслом» [4]. Другим идеальным образом, воплощающим «святую Русь», является Юродивый Николка: «Юродивый у Пушкина – провидец, а не выразитель «мнения народного», ибо народ ослеплен и одержим. Юродивый – символ Святой Руси, молитвенник, ратник. Юродивый, вставай, Богу помолися» [10].

В «Борисе Годунове» Пушкин изображает народ, утративший чувство православной соборности, единство во Христе, и в силу отступления от Божьей правды вместо подлинного царя избрал самозванца. В «Борисе Годунове» действуют разные народные силы: народ соблазнившийся и народ Божий, воплощенный Пушкиным в трех идеальных образах. Народные массы оказываются служителями иных сил. Вершат злодеяния те, кто действуют с позиции поиска внешнего виновника. Они пытаются восстановить справедливость под разными предлогами и по разным причинам, не понимая, что «пролитая кровь определяющим образом воздействует на ход истории целого народа, всей страны, а не просто на судьбу отдельного человека, будь он даже царем» [4]. Только эти три образа не отделяют себя от «преступления», разделяя вину за него. Пимен оценивает последствия преступления как «страшное невиданное горе»: «Прогневали мы Бога, согрешили: / Владыкою себе цареубийцу / Мы нарекли» [15, т. 4, с. 198). Вместе с тем он не отделяет себя от согрешившего народа. Патриарх Иов предлагает перенести святые мощи из Углича в Кремль. Юродивый Николка бесстрашно обличает царя и вместе с тем молится Богу. Все трое просят Бога о помиловании, а не о наказании грешников.

Пушкин не поэтизирует в трагедии ни себя, ни «мятежный» род Пушкиных. На стороне Самозванца выступают Гаврила и Афанасий Пушкины. Еще один персонаж, находящийся «в родстве» с Пушкиным, – Рожнов попадает в плен к Самозванцу и ведет себя без особой храбрости, но и не как изменник. То, что представители пушкинского рода выступают по разные стороны, красноречиво свидетельствует о ситуации гражданской войны, о сломе соборного сознания.

Особое место в трагедии занимают взаимоотношения поэта и государя, образующие в трагедии своеобразный «тайный автосюжет». По мнению С. Б. Калашникова, в «Борисе Годунове» реализуются

три схемы метасюжета «поэт vs государь»: истинный поэт – истинный государь (Пимен – Иван Грозный), истинный поэт – самозванный государь (Юродивый/Пушкин – Борис Годунов/Ал. Первый), самозванный поэт – самозванный государь (латинский поэт-льстец (виршеписец, скоморох) – самозванец [6, с. 127–128]. Иван Грозный, царь Федор и царь Борис оцениваются монахом-летописцем Пименом по-разному. При всех преступлениях Пимен видит в Грозном «способность к раскаянью и милость» [6, с. 127], именно поэтому народ его прощает и молит Бога о нем. Царствование царя Федора в описании Пимена предстает как идеальное, при нем Русь «во славе безмятежной утешилась» [6, 197]. Один Борис Годунов упорствует во зле и нераскаянности, что выдает в нем лже-царя. Монах-летописец не скрывает от истории и Божьего суда царского преступления. Православному монаху-книжнику и анахорету-молитвеннику противопоставлен лицемерный латинский поэт, ищущий славы и земных выгод от близости к власти. И для автора и для героя одним из главных свойств царской власти оказывается ее обращенность к Богу, молитвенность царя как сила, привлекающая милость Бога к народу.

Воплощение в «Борисе Годунове» архетипов русского национального сознания отмечал В. Е. Хализев: «…пушкинская трагедия – это яркое и уникальное свидетельство о своеобразии русской истории, о российском жизненном укладе, главное же – о константах национального сознания. С ее глубинным смыслом вполне согласуются известные фразы Пушкина (1830) о том, что история России глубоко отлична от истории других европейских стран, где просвещение развивалось постепенно «сквозь темные, кровавые, мятежные века», а потому «требует другой мысли, другой формулы», нежели выводы Гизо, извлеченные «из истории христианского Запада» [20, с. 78]. Соединение национального, универсального и человеческого содержания в трагедии видел В. С. Непомнящий: «Главное содержание трагедии для Пушкина — взаимоотношения человека с истиной [13, с. 222].

События в пушкинской трагедии охватывают довольно значительный период русской истории – свыше семи лет (1598–1605) – время правления Бориса Годунова. Первая сцена в «Кремлевских палатах» происходит согласно ремарке 20 февраля 1598 г. Последняя дата «1604. 21 декабря» выставляется в шестнадцатой сцене «Равнина близ Новгорода-Северского». Трагедия заканчивается смертью Бориса Годунова 13 апреля (по старому стилю) 1605 г. Среди других дат, фигурирующих в трагедии, – 1603 («Ночь. Келья в Чудовом монастыре») и 1604, 16 октября («Граница литовская»). Воспоминания героев сдвигают временные границы русской истории в прошлое. Ретроспективно в трагедии отражается время правления Иоанна Грозного (1547–1584) и его сына Феодора Иоанновича (1584–1598). Сакральным, религиозно-мистическим временем, не называемым в пьесе, но определяющим все последующие после него события, является время убийства царевича Димитрия Угличского – 15 мая 1591 г., канонизированного в правление Василия Шуйского, в 1606 г. День его кончины позже становится и днем его церковного поминовения. Влияние этого события на пьесу в целом отмечал еще И. В. Киреевский: все сцены трагедии Пушкина «развиты только в одном отношении … к последствиям цареубийства»: «Тень умерщвленного Димитрия царствует в трагедии от начала до конца, управляет ходом всех событий, служит связью всем лицам и сценам, расставляет в одну перспективу все отдельные группы и различным краскам дает один общий тон, один кровавый оттенок» [8]. Добавим, что царствует уже не «тень умерщвленного Димитрия», а воскресший святой мученик Димитрий Угличский, чудо воскресения которого влияет на трагедию в целом. Замечание И. В. Киреевского расставляет акценты и в дискуссии о главном герое трагедии – одной из самых острых.

Подытоживая споры о герое, В. С. Непомнящий замечает: «Не найдя героя ни в Борисе, ни в Самозванце, трагедию стали считать переложением в сценах Истории Карамзина, скопищем «китайских теней», в лучшем случае — «драматической поэмой» [13, с. 223]. «Основным структурным принципом трагедии» исследователь называет «зеркальную обратность» [13, с. 226]: «Преступление Бориса нарушило порядок мира — и поэтому кара не ограничивается пределами личной судьбы Бориса: сам он умер, а грех его продолжает осквернять землю. Но дело не только в этом. Борис — не единственное «лицо» трагедии, и судьба его — не единственная судьба [13, с. 229]. Царь Борис впервые появляется в четвертой сцене и исчезает в двадцатой. Сюжет начинается без Бориса и продолжается после его смерти – классическая ситуация несовпадения фабулы с сюжетом. Немирная совесть правителя и причины катастрофического правления, обусловленные его преступлением, являются предметом авторского интереса в первой русской национальной трагедии, что в свое время так не понравилось Белинскому: «Годунов … вышел мелодраматическим злодеем, которого мучит совесть и который в своем злодействе нашел себе кару» [1]. Результатом преступления царя Бориса стала Смута 1598–1614 гг.,

разрушение соборного единства власти и народа, отступление их от Бога. Гибель Бориса в финале трагедии знаменует собой начало одного из самых трагичнейших периодов русской истории. Главный герой трагедии, конечно, не Борис Годунов. Главными у Пушкина, как правило, являются онтологические идеальные образы: капитанская дочка, Татьяна Ларина – те, кто воплощают константы религиозного национального сознания, православные идеалы смирения, кротости и любви. В «Борисе Годунове» царствует на самом деле не царь Борис, а воскресший убиенный царевич Димитрий, являющийся исполнителем Промысла Божьего. Подлинная пасхальность трагична и литургична. Все царственные «дети» после убийства царевича обречены. За убийством царевича следует череда смертей, связанных с родом Годунова. Внезапно умирает жених Ксении, вдовствующая царица Ирина – сестра Годунова, в финале насильственной смертью погибают жена Годунова и царевич Феодор – две «венценосные жертвы»: «Святая кровь Дмитриева …требовала крови чистой, и невинные пали за виновного, да страшатся преступники и за своих ближних!» [7, т. 3, с. 532] – так, ссылаясь на летописцев, Н. М. Карамзин передавал оценку преступления Годунова. Страдают и «дети» отступившего от правды народа.

Сцены призвания народом Бориса Годунова на царство и у Карамзина, и у Пушкина характеризуются мотивами автоматизма, равнодушия и притворства, рационально не объяснимой жестокости матерей к собственным детям. Вот как это описано у Карамзина: «Матери кинули на землю своих грудных младенцев и не слушали их крика. Искренность побеждала притворство; вдохновение действовало и на равнодушных, и на самых лицемеров!» [7, т. 3, с. 392]. В отличие от Карамзина, у Пушкина еще сильнее проявляются притворство, равнодушие людей и нечеловеческое жестокосердие матерей. Только иррациональные причины могут так ожесточить и извратить материнские чувства. *Баба с ребенком* в третьей сцене пушкинской трагедии, участвующая в умолении царя Бориса на царство вначале пытается успокоить ребенка, стращая «букой», а затем стремясь вызвать плач у него, бросает его «об земь» так, что, как передает пушкинская ремарка, «ребенок пищит» [15, т. 4, с. 190–191]. Преступление царя негативно влияет на народную душу, она ожесточается.

Правления Бориса и Лжедмитрия начинаются преступлениями, оттого и все их дальнейшие действия безблагодатны. Никакие добрые дела Бориса не идут во благо государству. На царе, «земном отце» народа лежит вся полнота ответственности. Его преступление служит соблазном для всех общественных страт. Однако это не освобождает и отдельно взятого человека от ответа за свой выбор. Измена Богу, предательство сродни нераскаянности Иуды, делает человека не способным отличать Добро от Зла, видеть спасительный путь. Боярство предает, ищет выгоды и власти; народ – мести, не понимая, каким силам он служит. Происходит убыль веры, за которую все ответственны от Царя и боярства до народа. Соборность разрушена, идея Любви извращена. Вне соборного единения всех слоев общества, как показывает в трагедии Пушкин, государство разрушается. Одно преступление влечет новые: возникают люди-фантомы (как Григорий Отрепьев, Марина Мнишек), исторические кошмары (оккупация Польшей Москвы). Невиновных нет. Народ вместе с Годуновым расплачивается за грех. Пушкин не идеализирует народ, утративший православное соборное сознание. По мнению Н. Е. Меднис, «измена присяге…и составляет канву трагедии» [12, с. 112]. Пушкин, как и Карамзин, не исключает народ из ситуации всеобщего безумия, связанного с преступанием границ [12, с. 113], отсюда особый символизм в трагедии приобретает пространственный образ «границы». Отметим, что мотив «преступания границы» характерен для древнерусской литературы, усвоившей его через знание Ветхого Завета – он трансисторичен и транссакрален. Отрицательный пример «нарушения границы» наблюдается в «Слове о полку Игореве». Желание Игоря Святославича, Новгород-Северского князя, «испить шеломом Дону» приводит к гибели пятнадцатитысячной дружины и собственному позору, оплакиваемому всеми русичами. В «Житии Александра Невского» нарушает *границы Русского государства* и угрожает князю Александру Ярославичу войной «король части Римьскыя от полунощныя страны»: «Пойду и пленю землю Александрову» [14, с. 428].

Святой князь имеет право обратиться к Богу за помощью, потому что не переступал «границ» других стран по заповеди Божией. Князь молится на коленях в святой Софии Новгородской перед алтарем со слезами: «Боже хвальный, праведный, боже великий, крѣпкый, боже превѣчный, основавый небо и землю и положивый предѣлы языком, повелѣ жити не прѣступающе в чужую часть» [14, с. 428]. «Преступление» открывает «границу» для проникновения всего внешне враждебного и чужого в историко-политическом плане и внутренне разрушительного в метафизическом. «Преступание границ» – преступление сакральное, дерзкий вызов Богу. В оценке правления Бориса Годунова Пушкин следует

за Карамзиным, что самым решительным образом отрицалось советской критикой в силу монархических взглядов Карамзина. Эта оценка закреплена и в «Пушкинской энциклопедии» 2009 г.: «Пушкин видел в событии, положившем начало Смуте, взаимодействие множества разнонаправленных исторических сил, волеизъявлений, стремлений – и воплощал их в действии драмы. В этом – еще одно отличие от Карамзина, который смотрел на трагическую судьбу Годунова как на неотвратимую и справедливую кару Провидения, заслуженную личными поступками Бориса, и сходным же образом оценивал судьбу Самозванца [3, с. 150]. По мнению авторов статьи, Пушкин, в отличие от Карамзина, в Годунове «подчеркивает черты мудрого правителя, думающего о благе подданных». Учеными отмечается влияние на взгляды Пушкина не только «Истории» Карамзина, но и трактата Н. Макиавелли «Государь», в котором философ допускает и оправдывает «нарушение нравственных постулатов ради политических задач правителя» [3, с. 150]. Но Карамзин перечисляет добрые намерения и поступки Годунова как не имеющие никакой цены для Бога, а значит, и для государства и для людей. Весьма показательны и пушкинские «Заметки на полях статьи М. П. Погодина «Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия», опубликованные в «Московском вестнике» за 1829 г. Пушкин убедительно отстаивает мнение Карамзина о вине Бориса Годунова в убийстве царевича Димитрия.

Одним из самых спорных моментов в трагедии является, как известно, ее финал, существующий в двух редакциях: первой (рукописной) и второй (печатной). Согласно первой народ провозглашает царствование «царя Димитрия Ивановича» - нового самозванца. Во второй редакции трагедия заканчивается многозначительной авторской ремаркой «народ безмолвствует». На наш взгляд, особой смысловой разницы между первой редакцией («Да здравствует царь Димитрий Иванович!) и второй («народ безмолвствует») применительно к конкретному историческому моменту нет. Трагедия обрывается на фигуре молчания, но это молчание «временное», потому что Смута продолжится… и еще не скоро исцелится. После своего «безмолвствования» народ все-таки присягнет на «верность» Самозванцу.

Пушкин обращает внимание на трагическую ситуацию государственной жизни, при которой Смута ничем хорошим для нее закончиться не может. Это бесконечный порочный круг … до подлинного покаяния и восстановления земной и духовной вертикали, сакральной иерархии. Пушкин показывает в трагедии безблагодатные пути власти и народа: чем больше самовластия, нераскаянности, чем дальше от божественных законов, тем кровавее, сложнее, «неразрешимее» проблемы государства и человека. Несмотря на то, что Промысел Божий выбирает Григория Отрепьева быть орудием воздаяния Годунову, Пушкин вовсе не относится к нему с бóльшей симпатией, чем к Годунову, как это подчас утверждается. Оба пытаются обмануть Провидение, поставить Его на службу себе. Для Пушкина Григорий Отрепьев не антагонист царя Бориса, а его двойник, подобие. Развенчание образа самозванца происходит от начала до конца и весьма последовательно. Если рассмотреть все наименования и самохарактеристики Отрепьева на протяжении всей трагедии, то они ясно покажут движение героя к развоплощению имени и образа.

Григорий Отрепьев сознательно отказывается от подвига спасения души в монастыре. Таков был божественный промысел о нем. В монастыре Пимен называет Григория по-монашески «братом», надеясь передать ему свой труд - *летопись*. Монах-летописец думает, что Григорий «грамотой свой разум просветил» [15, т. 4, с. 199]. После побега Отрепьева игумен перечисляет Патриарху его способности книжника: «и был он весьма грамотен: читал наши летописи, сочинял каноны святым» [15, т. 4, с. 200]. Игумен по перечислении талантов беглеца заключает: «…но, знать, грамота далася ему не от Господа Бога» [15, т. 4, с. 200]. Собственный сюжет Григория Отрепьева развивается вне летописной традиции, в стиле западноевропейского авантюрного романа. Он видит себя «бедным иноком», «отшельником в темной келье», тоскующим и мечтающим о счастье и роскоши – типичный романтический сюжет. Конфликт Отрепьева состоит, прежде всего, в отвержении вечного ради временного: «Образы летописи – символы вечности» [11, с. 168]

Наставления Пимена Отрепьеву ненавистны, но они совпадают с творческими принципами автора «Бориса Годунова». Отказываясь от позиции самовыражения, Пушкин словно получает писательский дар по благодати, становясь подлинным преемником книжника-летописца Пимену противопоставлен и движимый тщеславием льстивый латинский поэт, предлагающий свои услуги Самозванцу. Рассказ Пимена «о смерти Димитрия царевича» вытесняет из сознания Отрепьева все иные впечатления. Все его мысли сосредоточены на царе Борисе и его преступлении, на «жребии несчастного младенца», до которого ему нет никакого дела. Он воображает себя орудием суда мирского и Божьего исключительно в своих целях.

После побега из монастыря Отрепьев именуется по-разному. Для Патриарха, игумена монастыря, для духовных лиц, он «окаянный», «сосуд диавольский», «врагоугодник», «бродяга-чернец», «злой еретик», «недостойный чернец Григорий». Царь Борис называет его «расстригой» и «беглым иноком» и лишь перед самой смертью в обращении к сыну Федору «чудным самозванцем» [15, т. 4, с. 257]. Для изменников-бояр Отрепьев – «государь отец наш», «наш царь»; для латинского поэта – «великий принц», «светлейший королевич», «Димитрий, князь Московский». Марине он нужен только как «царевич», «наследник московского престола», то есть как функция, а не личность. Называя его «бродягой безымянным», она вместе с тем верит в его исключительную *«чудесную»* способность сделать ее московской царицей: «Уж если ты бродяга безымянный / Мог ослепить чудесно два народа…» [15, т. 4, с. 236]. Сам же Отрепьев хочет быть лишь «любовником» Марины Мнишек и именует себя «бедным самозванцем», «младым самозванцем» и «безумцем» – еще один романтический сюжет. Став Самозванцем, Отрепьев утрачивает имя как свойство личности, превращаясь в «бесовского сына» как называет его патриарх Иов. Показательно и его признание Марине, по существу представляющее собой отречение от своего настоящего имени: «Димитрий я иль нет – что им за дело?/ Но я предмет раздоров и войны» [15, т. 4, с. 236]. Все эти метаморфозы образа Отрепьева приводят его к самому точному статусу, которым иронически наделяет Отрепьева Вишневецкий: «Да, чудеса… и думал ли ты, Мнишек, / Что мой слуга взойдет на трон московский?» [15, т. 4, с. 228].

Это главная роль Отрепьева в трагедии, увиденная Пушкиным: предатель Отрепьев – *«слуга» врагов России*. Афанасий Пушкин называет его «глупым дитя», которого хранит провиденье [15, т. 4, с. 253]. Несмотря на гибель коня, разбитое войско, изменников-запорожцев, Самозванец спит блаженным сном: «Григорию не дано влиять на ход истории, от него зависело лишь дать согласие стать орудием Промысла, орудием кары, о чём он сам и не догадывался» [4]. На самом деле, Отрепьев, как мы помним, с самого начала считал себя орудием Промысла Божьего. Это первоначальная мысль инока Григория, легшая в основу его авантюры. Другое дело, что герои-авантюристы стремятся использовать Провидение в своих интересах и быстро утрачивают трезвость восприятия действительности. Гибель коня, разгром войска Самозванца и его венчание на царство в действительности предвещают будущий крах всадника, но ему не дано распознавать истинные пути Провидения: он предал монашеские обеты и отказался от пути безвестного миру летописца ради земной славы.

Самым грандиозным и неповторимым в пушкинской трагедии является *красота и значимость сакрального пространства*. Большинство событий в трагедии происходят в центральных московских храмовых и прихрамовых топосах, что сакрализует происходящее. Сакральное пространство оказывается и в самом центре трагедии. По наблюдению И. А. Стекловой, «архитектурные образы Кремля охватывали весь мир трагедии», сюжет «Бориса Годунова» «начинался и заканчивался в Кремле» [17].

В тринадцати из двадцати трех сцен трагедии действия происходят в сакральных топосах: это Кремлевские палаты, Красная площадь; Девичье поле. Новодевичий монастырь; Келья в Чудовом монастыре, Палата Патриарха, Царские палаты, Царская дума, Площадь перед собором в Москве. Само начало и конец пьесы образуют сакральную рамку Московского Кремля: Кремлевские палаты – Кремль. Дом Борисов. Особым статусом обладает пространство *кельи* как место беседы с Богом. Сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» – одна из центральных. В начале пьесы в келье беседуют летописец Пимен и Григорий Отрепьев. Будущий лже-царь воспринимает келью как наказанье. Он завидует бурной молодости Пимена, считая себя обделенным: «Счастлив! А я от отроческих лет / По келиям скитаюсь бедный инок!» [15, т. 4, с. 196]. В отличие от него, царь Иоанн «искал успокоенья в подобии монашеских трудов», его дворец «монастыря вид новый принимал», а сам царь являлся «игуменом смиренным» [15, т. 4, с. 197]. Таков и его сын, царь Федор: «Он царские чертоги / Преобратил в молитвенную келью» [15, т. 4, с. 197]. В представлении Пушкина «келья» – это пространство творчества, невозможное вне присутствия Бога В известном стихотворении «19 октября (Роняет лес багряный свой убор)», написанном, кстати, как и трагедия в 1925 г., Пушкин поэтизирует пространство своей комнаты, уподобляя ее келье. В контексте трагедии «келья» – это пространственная метафора общения человека с Богом. Пимен выражает авторскую мысль о необходимости обращения верховной власти к Богу. С явным одобрением он высказывается о царях молящихся, напоминающих игуменов смиренных.

В монологе Пимена воплощается христианский идеал смиренного и любовно великодушного отношения народа к своей истории и правителям: «Да ведают потомки православных / Земли родной минувшую судьбу, / Своих царей великих поминают / За их труды, за славу, за добро – / А за грехи, за

темные деянья / Спасителя смиренно умоляют» [15, т. 4, с. 194]. Иначе говоря, за добро помнят, за зло не укоряют, а напротив, просят Спасителя о прощении.

В трагедии фигурируют практически все экзистенциальные православные символы: хоругви, молитвы, мощи, таинства (венчание на царство), богослужения (литургия, молебны), иконы (Владимирская, Донская). Упоминание чудотворных икон Владимирской и Донской, не случайно, они выступают символами исторической России, не раз спасавшие ее во времена страшных потрясений и войн. Владимирская – один из самых ранних византийских образов, связанных с Андреем Боголюбским, князем Василием III, Иоанном Грозным. Ей посвящено множество текстов Киевского и Московского периодов русской книжности. Перед ней в Успенском Соборе венчались на царство русские цари. Донская – символ победы в Куликовской битве под предводительством князя Дмитрия Донского. Бояре же пытаются использовать святость и благодать своекорыстно и рационально. События трагедии помещаются в круг ежедневного богослужения: историческая событийность входит в литургическую и ею направляется: «Но звонят / К заутрене…/ благослови, Господь, / Своих рабов!» [15, т. 4, с. 199]. Автор трагедии прежде других бесед выстраивает диалог с Богом, поскольку история у Пушкина – это и есть отражение диалога народа с Богом.

Как видим, в «Борисе Годунове» воплотились все основные жанры древнерусской словесности: литургическое и проповедническое слово, летопись, житие. Впервые в русской литературе Нового времени именно в «Борисе Годунове» образ Святой Руси предстает в ее храмово-литургической красоте и полноте. А трагедия оказалась той самой универсальной жанровой моделью, вмещающей в себя всю полноту пушкинского формо- и смыслотворчества и позволяющей восстановить канон древнерусской словесности.

Все дальнейшее творчество Пушкина развивается под несомненным влиянием опубликованного в 1830 г. «Бориса Годунова», о чем свидетельствуют статьи, наброски и заметки поэта. В черновом фрагменте «Наброски статьи о русской литературе» находим замечательную сентенцию: «Уважение к минувшему вот черта, отличающая образованность от дикости» [15. т. 6, с. 155]. Пушкин отзывается на выход примечательной книги А. Н. Муравьева, связанной с древним жанром «хождений» – «Путешествие к святым местам» (1832), пишет рецензию на «Словарь о святых» (1836), отстаивает подлинность «Песни о полку Игореве» (1836) как древнерусского источника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина. Статья десятая. «Борис Годунов». URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0210.shtml. Дата обращения: 10.07.2024
2. *Бочкарев В. А.* Трагедия А.С. Пушкина «Борис Годунов» и отечественная литературная традиция // Болдинские чтения. Горький: Волго-вятское кн. изд-во, 1988. С. 4–13.
3. *Виролайнен М. Н., Лотман Л. М.* Борис Годунов // Пушкинская энциклопедия: произведения. Санкт-Петербург, 2009. С. 138–177.
4. *Дунаев М. М.* Трагедия «Борис Годунов». URL: https://azbyka.ru/fiction/pravoslavie-i-russkaja-literatura-tom-i-chast-1-dunaev/ Дата обращения: 12.07.2024
5. *Житие Александра Невского* // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М.: Худ. лит. 1981. С. 426–439.
6. *Калашников С. Б.* Метасюжет «Поэт vs государь в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 2 (66). С. 126–129.
7. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Книга 3. Т. 10–11. С-Пб.: Кристалл, 2000.
8. *Киреевский И. В.* Обозрение русской литературы за 1831 год. URL: https://philolog.petrsu.ru/pdf2/oboz1831kir.pdf (дата обращения: 10.07.2024)
9. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii/ (дата обращения: 14.07.2024).
10. *Куркин Б. А.* Семь фраз блаженного Николки (место и значение образа Юродивого в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»). URL: https://psyjournals.ru/journals/langt/archive/2019_n3 / (дата обращения: 16.07.2024).
11. *Левшун Л.* История восточнославянского книжного слова XI-XVII вв. Минск, Издательский центр «Экономпресс», 2001.
12. *Меднис Н. Е.* Сюжетная функция границы в трагедии «Борис Годунов» // Пушкин и время. Сборник статей. Сер. "Русская классика: Исследования и материалы. «Томский государственный университет". Томск, 2010. С. 31–38.
13. *Непомнящий В. С.* Поэзия и судьба. Страницы и заметки о Пушкине. М.: Советский писатель, 1983.
14. *Памятники литературы Древней Руси.* М.: Художественная литература, 1981. XIII век.
15. *Пушкин А. С.* Борис Годунов // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М.: Изд-во «Правда», 1981. Т. IV.

16. *Пушкин А. С.* Письма. 1826-1830. М–-Л., Т. II. 1928.
17. 17.*Стеклова И. А.* Архитектурное пространство в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» / Интернет-вестник ВолгГАСУ. 2011. № 1 (15). С. 1–12.
18. *Ужанков А. Н.* Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций. М.: Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2011. 511 с.
19. *Фомичёв С. А.* «Комедия о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» А. С. Пушкина // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLVIII. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. С. 421–428.
20. *Хализев В. Е.* «Борис Годунов»: власть и народ // Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. С. 53–81.
21. *Шевырев С. П.* Сочинения Александра Пушкина. URL: http://az.lib.ru/s/shewyrew_s_p/text_0070.shtml. (дата обращения: 17.07.2024).

Поступила в редакцию 08.11.2025

Мосалева Галина Владимировна, доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская 1 (корп. 2)
E-mail: mosalevagv@yandex.ru

G. V. Mosaleva

A. S. PUSHKIN's TRAGEDY "BORIS GODUNOV": RESTORATION OF THE CANON

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-855-863

The article examines the process of restoring the temple-liturgical canon in "Boris Godunov", which is fully inherent in ancient Russian literature. Its assimilation by Pushkin takes place through Karamzin's "History..." and ancient Russian genres (sermon, chronicles, hagiography, hymnography, liturgics). The tragedy embodies such phenomena of the Orthodox worldview as: miracle, foolishness, Providence of God, holiness. Temple topos-sacronyms occupy a central place in the tragedy, symbolizing national and religious archetypes. All the ideal images of the tragedy are symbolic: the Patriarch, the monk-chronicler Pimen, the fool Nikolka. They have feelings of humility and repentance, they do not separate themselves from the common guilt and crimes of the tsar. Pushkin actualizes in the tragedy the relationship between the poet and the sovereign and their shadow images: the false poet and the false tsar. The resurrected Tsarevich Dimitri becomes the true ruler of Russia after the crime of Tsar Boris. Pushkin contrasts in the tragedy the people who were seduced by the people of God. The retreat of the people and the ruler from God's truth is manifested through the motifs of the automatism of the will and behavior of the people, the doom of the "children". The images of Tsar Boris and False Dmitry in Pushkin's tragedy are similar: both abandon the spiritual path and are driven by vanity and self-will. Grigory Otrepyev changes his true purpose to be a chronicler monk, as a result of which his plot falls out of the chronicle tradition and develops according to the scheme of a Western European adventurous novel. The sacred temple space and the Orthodox existential properties associated with it symbolize the image of Holy Russia, resisting the historical catastrophe of the Time of Troubles.

Keywords: A. S. Pushkin, tragedy "Boris Godunov", temple-liturgical canon, ancient Russian literature, tradition.

REFERENCES

1. 1.*Belinskij V. G.* Sochineniya Aleksandra Pushkina. Stat`ya desyataya. «Boris Godunov» [The Works of Alexander Pushkin. Article ten. "Boris Godunov] // http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0210.shtml. (accessed: 07/10/2024) (In Russian).
2. *Bochkarev V. A.* Tragediya A.S. Pushkina «Boris Godunov» i otechestvennaya literaturnaya tradiciya [The tragedy of A.S. Pushkin "Boris Godunov" and the Russian literary tradition] // Boldinskie chteniya [Boldinsky readings]. Gorky: Volgo-Vyatka Publishing House, 1988. pp. 4–13. (In Russian).
3. *Virolajnen M. N., Lotman L. M.* Boris Godunov [Boris Godunov] // Pushkinskaya e`nciklopediya: proizvedeniya [Pushkin Encyclopedia: works]. St. Petersburg, 2009. pp. 138. (In Russian).
4. *Dunaev M. M.* Tragediya «Boris Godunov» [The tragedy "Boris Godunov"] // https://azbyka.ru/fiction/pravoslavie-i-russkaja-literatura-tom-i-chast-1-dunaev/ (accessed: 07/12/2024) (In Russian).
5. *Zhitie Aleksandra Nevskogo* [The life of Alexander Nevsky] // Pamyatniki literatury` Drevnej Rusi: XIII vek [Monuments of literature of Ancient Russia: XIII century]. M.: Hud. lit. 1981. pp. 426–439. (In Russian).

6. *Kalashnikov S. B.* Metasyuzhet «Poe`t vs gosudar` v «Borise Godunove» A.S.Pushkina [Meta-plot "The Poet vs the sovereign in "Boris Godunov" by A.S. Pushkin // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University]. 2012. № 2 (66). pp. 126–129. (In Russian).
7. *Karamzin N. M.* Istoriya gosudarstva Rossijskogo [The history of the Russian state]. S-Pb.: Kristall, 2000. Book 3. Vol. 10–11. (In Russian).
8. *Kireevskij I. V.* Obozrenie russkoj literatury` za 1831 god [Review of Russian literature for 1831] // https://philolog.petrsu.ru/pdf2/oboz1831kir.pdf (accessed: 10.07.2024). (In Russian).
9. *Klyuchevskij V. O.* Kurs russkoj istorii. https [Course of Russian history] // https:// azbyka.ru/otechnik (accessed: 14.07.2024). (In Russian).
10. *Kurkin B. A.* Sem` fraz blazhennogo Nikolki (mesto i znachenie obraza Yurodivogo v tragedii A. S. Pushkina «Boris Godunov») [Seven phrases of Blessed Nikolka (the place and meaning of the image of the Fool in the tragedy of A.S. Pushkin "Boris Godunov")] // https://psyjournals.ru/journals/langt/archive/2019_n3 (accessed: 16.07.2024). (In Russian).
11. *Levshun L.* Istoriya vostochnoslavyanskogo knizhnogo slova XI-XVII vv [The history of the East Slavic book word of the XI–XVII centuries]. Minsk, Publishing Center “Econompress”, 2001. 351 p. (In Russian).
12. *Mednis N. E.* Syuzhetnaya funkciya granicy v tragedii «Boris Godunov» [The plot function of the border in the tragedy "Boris Godunov"] // Pushkin i vremya [Pushkin and Time]. Sbornik statej. ser. “Russkaya klassika”. Issledovaniya i materialy”. [Collection of articles. Series “Russian classics: Research and materials”] // Tomsk: Tomsk State University, 2010. pp. 31–38. (In Russian).
13. *Nepomnyashhij V. S.* Poe`ziya i sud`ba. Stranicy i zametki o Pushkine [Poetry and fate. Pages and notes about Pushkin]. M.: “Sovetskij pisatel” [Soviet writer], 1983. 368 p. (In Russian).
14. *Pamyatniki literatury Drevnej Rusi* [[Monuments of literature of Ancient Russia]. XIII vek [XIII century] M.: «Xudozhestvennaya literatura»”Fiction”, 1981. (In Russian).
15. *Pushkin A.S.* Boris Godunov [Boris Godunov] // Pushkin A.S. Sobr. soch.: In 10 t. M.: Publishing house “Pravda”, 1981. Vol. IV. (In Russian).
16. *Pushkin A. S.* Pis`ma. 1826–1830. [Letters. 1826-1830]. M.-L., 1928. Vol. II. (In Russian).
17. *Steklova I. A.* Arxitekturnoe prostranstvo v tragedii A.S.Pushkina «Boris Godunov» [Architectural space in the tragedy of A.S. Pushkin "Boris Godunov"] // Internet-vestnik VolgGASU [The online bulletin of VolgGAS]. 2011. № 1 (15). 2011. Pp. 1–12. (In Russian).
18. *Uzhankov A. N.* Istoricheskaya poe`tika drevnerusskoj slovesnosti. Genezis literaturny`x formacij [Historical poetics of ancient Russian literature. Genesis of literary formations]. M.: Izd-vo Literaturnogo in-ta im. A. M. Gor`kogo [Publishing House of the Literary Institute named after A.M. Gorky], 2011. 511 p. (In Russian).
19. *Fomichyov S. A.* «Komediya o czare Borise i o Grishke Otrep`eve» A. S. Pushkina ["The comedy about Tsar Boris and about Grishka Otrepyev" by A. S. Pushkin] // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury [Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1993 Vol. XLVIII. pp. 421-428. (In Russian).
20. *Xalizev V. E.* «Boris Godunov»: vlast` i narod [“Boris Godunov”: power and the people] // Xalizev V.E. Cennostny`e orientacii russkoj klassiki [Value orientations of Russian classics. M.: Gnozis. 2005. Pp. 53–81. (In Russian).
21. *Shevy`rev S. P.* Sochineniya Aleksandra Pushkina [The works of Alexander Pushkin] // http://az.lib.ru/s/shewyrew_s_p/text_0070.shtml. accessed: 17.07.2024. (In Russian).

Received 08.11.2025

Mosaleva G.V., Doctor of Philology, Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: mosalevagv@yandex.ru

УДК 821.161.1.09(045)

А. А. Фаустов

ЗОЛОТОЙ ВЕК В ТВОРЧЕСКОМ КРУГОЗОРЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье исследуется логика сосуществования у Достоевского двух концепций золотого века, который мыслится как состояние всеобщего счастья и сопричастности людей друг другу, природе и всему космосу. Первая концепция у Достоевского – основная (и она роднит его в особенности с Гельдерлином), но бесперспективная с точки зрения достижимости. Согласно этой версии, золотой век всегда скрыто соприсутствует реальности, и туда при желании, при осознании того, что он наличествует у каждого «в кармане», можно мгновенно перенестись. Вторая концепция – запасная, но для писателя более осуществимая. Согласно ей, золотых века два, и они имеют различную историческую локализацию. Один – до Христа и без Христа, европейский, безнадежно исчезнувший в прошлом; другой – с Христом, русский, и он рано или поздно должен наступить.

Ключевые слова: Достоевский, золотой век, природа, античность, христианство, братство.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-864-870

Фактография золотого века у Достоевского давно представлена в исследованиях с исчерпывающей полнотою, но это никак не препятствует ни поиску все новых и новых источников категории, ни умножению ее интерпретаций (и мы по мере необходимости будем иметь в виду и одно, и другое)[1]. Прежде всего, сошлемся на три текста писателя (вместе с их авантекстами), в которых золотой век получает прямое референтное воплощение: это «Сон смешного человека», сон Ставрогина (из неопубликованной исповеди героя) и сон Версилова (последние два, как известно, во многом дублируют друг друга). Подчеркнутая аффективная рамка, объединяющая тексты, – чувство абсолютного, самодостаточного счастья, которое испытывают обитатели золотого века, а благодаря этому и сновидцы (в «Сне смешного человека» – до того момента, пока рассказчик своим присутствием не развратит инопланетный Эдем)[2]. Объектным коррелятом такого чувства является проницаемость эдемского мира, отсутствие в нем границ между «своим» и «чужим», состояние сопричастности всего всему, проявляющееся на всех уровнях бытия: от онтологического (как гармония с природой) – до социального (как всеобщее братство)[3].

В повествовательном аспекте это состояние конструируется в текстах не вполне одинаково, но так, что мы можем считать различия дополняющими друг друга. В «Сне смешного человека» рассказчик, как настоящий антрополог, описывает «проникновения» – что-то вроде партиципации, с помощью которой жители иной Земли сообщались и между собой, и со всей природой – вплоть до космической глубины: «…они как бы чем-то соприкасались с небесными звездами, не мыслию только, а каким-то живым путем» [2, т. 25, с. 113]. Сны Ставрогина и Версилова, напомним, пересказывают картину К. Лоррена, и эффект «проникновений» предстает в них в силу этого в двойном семиотическом, интермедиальном развороте. Мы уже говорили о той особой оптической перспективе, которую задает композиция «Пейзажа с Ацисом и Галатеей», словно приглашающая нас войти в картину и отправиться в воображаемую прогулку по идеальному ландшафту[4]. А сейчас обратим внимание на собственно вербальную составляющую снов – на один мотив, сама вариативность подачи которого наделена прозрачной семантикой. В сне Ставрогина он выглядит так: «Солнце обливало лучами эти острова и море, радуясь на своих прекрасных детей» [2, т. 11, с. 21]; в сне Версилова – так: «Солнце обливало их теплом и светом, радуясь на своих прекрасных детей...» [2, т. 13, с. 375]. Солнце как будто не различает природное и человеческое, одинаково одаряя их своим теплом и светом, что само по себе создает впечатление внутреннего гармоничного единства эдемского мира.

Для нас, однако, более существенно здесь другое: обитатели золотого века именуются в снах обоих героев детьми солнца, и такая же номинация фигурирует в «Сне смешного человека». В этой

[1] Ср. недавнюю обзорную работу: [3]

[2] Анализируя роман «Бесы», К. Кроо отметила, что с золотым веком в нем сопряжена семантика полноты [5, с. 236–248]. Как можно думать, полнота – это как раз следствие проницаемости райского мира, которая не оставляет в нем ничего, что выпадало бы из его единства.

[3] Не будем сейчас подробно уточнять, что это особое, безличное братство – братство без братьев (см. об этом: [8]).

[4] См.: [6, с. 344–345]

номинации значимы оба элемента. Золотой век – это именно детский рай, не предполагающий подлинного взросления и отличающийся непрочностью. Запутаннее дело обстоит с солнечным отцовством счастливых детей. Было бы слишком прямолинейно понимать это в непосредственно теологическом (или мифологическом) смысле. Но и воспринимать такую титулатуру в качестве ни к чему не обязывающей метафоры было бы тоже опрометчиво, тем более что увиденное Ставрогиным во сне открыто квалифицируется героем как «…первые сцены из мифологии…» [2, т. 11, с. 21], а в сновидческом мире, который описывает Версилов, «…боги сходили с небес и роднились с людьми...» [2, т. 13, с. 375]. В своеобразном негативе «Сна смешного человека» – «Городе Солнца» Т. Кампанеллы, классической утопии, с ее иерархически устроенным и жестко регламентированным обществом, – есть Бог, религия, священство и т.п. И религия соляриев (во французском переводе – les Solariens) подразумевает, в частности, что Солнце – это живое существо, живое изваяние Бога[5]. На райской планете Достоевского нет не только никаких городов и государств – на ней не существует (и об этом сказано особо) ни веры, ни храмов, но зато есть другое – «…какое-то насущное, живое и беспрерывное единение с Целым вселенной…» [2, т. 25, с. 114]. Там, где у Кампанеллы был Бог, там у Достоевского – «Целое вселенной», присутствующее во всем и эмблематически, крупным планом явленное в солнце, причем не как в своей иконе, а имманентно. Те пантеистические тенденции, которые обычно усматривают в философии Кампанеллы, здесь воплощаются сполна, в точном соответствии с принципом «всё полно богов»[6].

Д. Э. Томпсон – одна из немногих исследователей, которая отнеслась к теологии рассказа не как к литературной условности, – сделала радикальный вывод, предложив истолковывать мораль этой истории так: Смешной человек «…предпочел бы быть в этом падшем мире, где совершилось событие Христа, чем в раю без искупления и бессмертия <…> Ведь рай, который посещает Смешной человек, находится в языческом золотом веке классической мифологии, в мире, полностью оторванном от библейского слова» [11, p. 86]. Если придерживаться закона исключенного третьего, то такое прочтение более чем правдоподобно. Но весь парадокс в том, что ни Смешной человек, ни его создатель словно не видят никакого противоречия между Истиной Христа и истиной, открывшейся рассказчику во время его космического путешествия, между христианством и античностью (а во всех трех изображениях золотого века его локализация обозначается одинаково – «Греческий архипелаг»). Для того чтобы снять или, по крайней мере, смягчить эту странность, ей при желании возможно придать стадиальную развертку. Высказывалась гипотеза, что концепция золотого века у Достоевского восходит к Ф. Шиллеру – в первую очередь к программному стихотворению «Боги Греции»[7]. В такой проекции первый такт человеческого развития – это необходимое расставание с невинным и наивным первобытным раем, которое покупается гибелью языческих богов (ради возвышения, «обогащения» Одного) и оборачивается «обезбожением» природы.

Не исключая подобной генеалогии (хотя она требует дополнительных оговорок), мы полагаем, что историософия Достоевского в ее целом была иной, чем у Шиллера, – куда более нелинейной и противоречивой. Достаточно сослаться на то, сколь разнятся между собой образы природы в исповеди Ипполита и в поучениях старца Зосимы: в одном случае природа в ее настоящем действительно обезбожена и даже агрессивна, а в другом всё обстоит ровно наоборот. Позиция Достоевского здесь (как и во многом другом) была подвижной, скользящей. Так вот, как опять-таки известно, золотой век появляется у Достоевского (на этот раз в качестве словесной формулы) еще и в «Дневнике писателя за 1876 год», в двух местах. В первом контексте (в разделе «Золотой век в кармане» первой январской главы)

[5] Имя Кампанеллы у Достоевского не встречается, но маловероятно, что он итальянского мыслителя не знал. В 1844 г. вышел французский перевод «Города Солнца» (с перевода на итальянский). В русскоязычных литературных (в том числе журнальных) источниках 1850-х – 1870-х гг. Кампанелла и его утопия – «солнечная республика», «солнечное государство», «солнечный город» и т.д. – упоминаются регулярно. А изложение некоторых идей мыслителя в книге М. М. Стасюлевича почти дословно совпадает с тем, как рисуется в рассказе Достоевского эдемский мир: «…философ установляет связь между жизнью человека и жизнью материальной природы; но он доходит до совершенного олицетворения последней и подозревает в ней, до самых последних ступеней развития, присутствие какой-то общей жизни; все небо и звезды в его глазах – одушевленные существа, которые передачею лучей света сообщаются друг с другом…» [7, с. 49–50].

[6] На сходство между одушевлением природы у соляриев и жителей двойника Земли было вскользь указано в работе: [9, с. 139–140].

[7] См.: [4, с. 147–151].

субъектом речи выступает сам Автор, а во втором (в разделе «Что на водах помогает: воды или хороший тон?» четвертой июльско-августовской главы) – Парадоксалист. Не углубляясь сейчас в сложный вопрос о механизмах авторского поведения Достоевского, заметим лишь, что ни ироническую модальность, свойственную обоим контекстам, ни их несовпадающую субъектность нельзя расценивать как некий дискредитирующий фактор. Достоевский был склонен испытывать свои идеи, подвергая их дисперсии, пропуская сквозь разные семантические кругозоры.

Во втором фрагменте (с которого мы начнем) события происходят на водном курорте, в Эмсе, и собеседник Автора произносит свои парадоксы, обсуждая облик прогуливающейся фешенебельной толпы. Речь Парадоксалиста – это балансирующая на грани иронии и серьезности похвала хорошему тону (свойственному публике богатой, а потому свободной – независимой и естественной). У персонажа два основных аргумента. Во-первых, такой тон повышает степень радости и понижает степень зла в обществе, заставляя людей хотя бы играть в братство – «…делать вид, что всякий живет для всех, а все для каждого» [2, т. 23, с. 87]. Во-вторых (и это главное), хороший тон сближает с природой, хотя одновременно и не дает пока еще возможности соприкоснуться с ней слишком тесно, на поэтический лад, причем, рассуждая о прогрессе в таком воссоединении с природой, персонаж воспользуется уже знакомым нам эдемским мотивом – раскрыться «…навстречу вот этому золотому солнечному лучу, который светит на нас, грешных, с голубого неба, без разбора…» [2, т. 23, с. 86]. А затем к этому добавится пространный флористический эпизод. Парадоксалист ораторским жестом укажет Автору на то, как за несколько немецких грошей можно купить изящные розы и тем самым здесь и сейчас ощутить «правду природу» и как бы перенестись в рай. Процитировав знаменитый лозунг Сен-Симона, персонаж сформулирует это так: «Золотой век еще весь впереди, а теперь промышленность; но вам-то какое дело и не всё ли равно: они рядятся, они прекрасны, и выходит действительно точно рай» [2, т. 23, с. 87].

Идея Парадоксалиста заключается в том, что имитация золотого века не просто является шагом по направлению к нему, но позволяет почувствовать его присутствие в той действительности, которая находится рядом, уловить отблески рая в его существующих подобиях. И именно эта идея (от лица Автора) заостренно была вынесена в заглавие первого из названных выше разделов «Дневника» – «Золотой век в кармане», который симптоматично входит в святочный нарратив январских глав (с его гарантированным обещанием чуда). В предыдущем разделе (не без некоторого оценочного двоения, но с общим ироническим воодушевлением) описывается детский бал, а в разделе о золотом веке – бал отцов, который сразу аттестуется как «бездарность» и завершается воображаемым диалогом с неким гостем генеральского чина, увенчивающим эту пирамиду «бездарности». Такая последовательная девальвация изображаемого имеет очевидную риторическую цель. Мысль, которая придет Автору в голову при виде взрослого бала, он сам назовет «фантастической», «дикой», «невероятной». И состоит она в том, что даже эта безнадежная (в сравнении с детьми) публика наделена скрытыми достоинствами, о которых не догадывается: «Знаете ли, что даже каждый из вас, если б только захотел, то сейчас бы мог осчастливить всех в этой зале и всех увлечь за собой?» [2, т. 22, с. 13]. А совершенно уже безнадежному участнику бала Автор прямо скажет: «Уверяю вас, что в золотой век могут попасть люди даже в генеральских чинах. Да попробуйте только, ваше превосходительство, хотя бы сейчас…» [2, т. 22, с. 13].

Одним словом, основное препятствие, которое отделяет настоящее (взятое в самых его заурядных формах) от рая, – незнание о реальности золотого века, то, что он кажется чем-то невероятным, существующим «лишь на одних фарфоровых чашках» [22, 13]. Эта диалектика сжато заявлена уже в названии раздела: золотой век вблизи, но незрим, а вернее даже, никто не подозревает, что он у любого человека – «в кармане». Достаточно осознать это, как совершится мгновенная телепортация в золотой век, которая была бы невозможна, если бы он находился где-то в далеком прошлом или будущем. У Автора здесь роль своего рода мистагога, взявшегося открыть всем глаза на то, что к золотому веку можно буквально прикоснуться рукой, и это та роль, которая через год достанется Смешному человеку, узревшему Истину и отправившемуся проповедовать ее. Но еще раньше аналогичную функцию, как мы могли убедиться, будет выполнять в Эмсе Парадоксалист, только его задача вдвойне облегчена. С одной стороны, прогуливающаяся публика хотя и не отдает себе в этом отчета, но ощущает себя уже пребывающей в золотом веке; с другой – персонаж обращается со своими парадоксами не к ней, а к Автору, который заранее готов согласиться с ними хотя бы как с ироническим допущением.

В таком случае, возвращаясь к историософии Достоевского, мы не должны удивляться возможному соприсутствию в ней античности и христианства. Нам уже приходилось говорить о том, что в

экфрасисе Версилова (если учесть подготовительные материалы к роману) множественно накладываются друг на друга золотой век и время атеизма, первое и второе пришествия Христа и т.д.; встраивается в эту серию и совмещение язычества с христианством. Достоевский в этом смысле типологически несравненно ближе к Гельдерлину (которого он не знал), чем к Шиллеру. В гельдерлиновском пантеоне греческие боги и Христос загадочным образом сосуществуют, и об этом много дискутировали в первой половине XX века не только филологи, но и крупнейшие философы и богословы вроде Г.-Г. Гадамера или Р. Гвардини. А в более широкой перспективе можно было бы прочертить целую линию подобного неканонического взгляда на христианство, ведущую к С. Вейль, с ее в особенности «Письмом клирику». Не будучи тождественными друг другу, все эти версии понимания так или иначе перечеркивают представление о переходе от античности (а у Вейль – и от ее восточных аналогов) к христианству как о смене одной парадигмы другой, ей противоположной. И размывание границ между эпохами не сводится тут к отыскиванию предчувствий, пророчеств, префигураций, в духе привычной экзегетики. Вейль даже допускала многократное воплощение Христа.

Нарративно разыгрывая такое наложение эпох, Достоевский не слишком надеялся на всеобщее прозрение – на массовый исход в Эдем, скрытый за поверхностью вещей. С этим напрямую связаны те иронические интенции в повествовании о золотом веке, о которых мы не раз упоминали. К тому же в противоречие с такой многослойной конструкцией времени вступает христоцентричность убеждений писателя, согласно которым не только античность, но даже сама истина не выдерживает конкуренции со Спасителем, а вектор истории является однонаправленным. Отсюда наличие у Достоевского другого – запасного, более реального (как он рассчитывал) – маршрута к золотому веку. Маршрут этот прокладывается во многом параллельно с первым, основанным на идее моментальной, как в рулетке, метаморфозы жизни. В мире писателя два этих маршрута находятся примерно в таком же соотношении, как горизонтальная (едва ли осуществимая) модель братства, когда все вдруг делают шаг навстречу друг другу, и модель вертикальная (как будто бы осуществимая), когда братство учреждается некоей инстанцией свыше.

На этом втором, запасном пути мы снова сталкиваемся со стадиальной логикой, но в особом – национально-культурном – разрезе. Квинтэссенцией флористического эпизода в Эмсе служит афоризм Парадоксалиста: «Цветы – это надежды» [2, т. 23, с. 87]. Но сквозная тема для всей четвертой главы (как и для первых двух январских глав) – это дети. И программный для историософии писателя раздел «Земля и дети» (длинный монолог Парадоксалиста) завершается словами: «Детки – ведь это будущее…» [2, т. 23, с. 99]. Две эти предикации явно симметричны друг другу, и, взятые вместе, проявляют глубинную метафору, устанавливающую взаимную эквивалентность между цветами и детьми[8]. Цветы и дети – провозвестники золотого века. Парадоксалист разделяет развитие человечества на три фазы, пространственными образами которых выступают замок (феодальное прошлое), город (буржуазное настоящее) и Сад, с заглавной буквы (общинное, по всей видимости, будущее): «Человечество обновится в Саду и Садом выправится…» [2, т. 23, с. 96]. При этом более всего персонажа заботит как раз судьба детей, о которых он дважды решительно скажет, что они «…должны родиться на земле, а не на мостовой» [2, т. 23, С. 95, 96]. Сад – это место, в котором будут играть дети и все найдут счастье, помеченное неизменным райским знаком – «…под золотым солнцем и виноградниками…» [2, т. 23, с. 95–96].

В стройной исторической схеме Парадоксалиста бросается в глаза демонстративное отсутствие одной фазы – начала. Ближайшим образом такая аномалия обусловлена тем, что фокус внимания в речи персонажа смещен на эсхатологический переход от настоящего к будущему. Но за этим кроется нечто гораздо более важное. Несложно заметить, что весь антураж в схеме Парадоксалиста – европейский: персонаж на деле говорит не о развитии человечества, а о развитии европейского человечества. И это возвращает нас к картине золотого века в снах Ставрогина и Версилова, где недвусмысленно

[8] Генезис этой метафоры – отдельная проблема, но нет сомнения в том, что он был множественным. Сошлемся только на два истока. Первый – это немецкий романтизм в лице прежде всего Новалиса и В.-Г. Вакенродера (ср. напр.: [10, S. 366–367]) (хотя насколько они были известны Достоевскому – вопрос гадательный). Второй – это педагогика Ф. Фрёбеля (с которой писатель был в какой-то мере знаком – см.: [1, с. 128–134]). Фрёбель, помимо всего прочего, был тем, кто придумал детские сады – и как термин (*Kindergarten*), и как быстро сделавшуюся популярной социальную институцию: в России детские сады начали открываться на рубеже 1850-х – 1860-х годов, а с 1866 года стал издаваться специальный журнал «Детский сад». Но для нас здесь значима сама опирающаяся на вегетативную метафорику фразеология педагога, в которой дети сближаются с цветами, а воспитатели именуются детскими садовниками и садовницами.

возвещается одними и теми же словами: «Тут запомнило свою колыбель европейское человечество…» [2, т. 11, с. 21; т. 13, с. 375]. В исповеди Ставрогина этот мотив особого продолжения не получит, а вот в исповеди Версилова он потянет за собой развернутую рефлексию героя. Отвлекаясь сейчас от тех разнообразных внутренних нестыковок, которыми она переполнена, мы вычленим лишь то, что Версиловым декларируется как его прозрение.

Заходящее солнце на картине Лоррена наводит героя на мысль о закате европейской цивилизации, о ее преходящести, а это, в свою очередь, столь же неожиданно вызывает другую мысль, неотрывную от представления о том, что русское дворянство (лучшая «тысяча человек» из него) – это «…еще нигде не виданный высший культурный тип, которого нет в целом мире…» [2, т. 13, с. 376]. Суть этого типа Версилов определяет вполне в духе самого Достоевского: «Я во Франции – француз, с немцем – немец, с древним греком – грек и тем самым наиболее русский» [2, т. 13, с. 377]. Но из этого герой делает совсем уже логически головокружительный вывод. Быть «наиболее русским» – значит быть европейцем в большей степени, чем сами европейцы, то есть – страдать больше европейцев о судьбах Европы, испытывать «всемирное боление» за то, чтобы ее колыбель не была предана забвению, воспринимать себя как единственного законного наследника «европейского старого мира» [2, т. 13, с. 375].

Под таким углом зрения пропуск у Парадоксалиста начальной фазы европейской истории – «Греческого архипелага», Эдема – выглядит очень красноречивым жестом. Начала нет не из-за недосмотра субъекта речи, а потому, что начала больше нет вообще, что Европа от него отреклась, его предала – и отныне обречена довольствоваться лишь суррогатами золотого века. Недаром Парадоксалист, напоминая Автору о своих рассуждениях в Эмсе, меняет акцентировку и говорит теперь о пребывании «…в искусственном саду и среди искусственных людей…» [2, т. 23, с. 96]. И такая перепланировка нарратива затеяна в этом разделе ради вполне определенной мессианской задачи. Если Версилов объявил восприемником европейской истории тысячу русских дворян, то Парадоксалист обратит свои надежды на русский народ.

В речи персонажа прослеживается цепочка метонимических замещений, которые мы уже могли наблюдать в действии: золотой век (как таковой не вербализованный) – это Сад, а Сад – это земля. Второе из замещений является основой для всей аргументации Парадоксалиста. Он категорически скажет: «…если я вижу где зерно или идею будущего – так это у нас, в России» [2, т. 23, с. 98]. Главных подтверждений тому два. Одно заключается в том, что в Европе земли мало, а в России много; другое (ключевое) – в отношении к земле: «…у нас есть и по сих пор уцелел в народе один принцип и именно тот, что земля для него *всё*, и что он всё выводит из земли и от земли…» [2, т. 23, с. 98]. Еще один, добавочный аргумент состоит в том, что это поклонение земле связывается – в форме полувопроса – с общинным, братским землевладением: «…не лежит ли в нем зерно чего-то нового, лучшего, будущего, идеального, что всех ожидает, что неизвестно как произойдет, но что у нас лишь одних есть в зародыше и что у нас у одних может сбыться…». И сразу вслед за этим персонаж снова произнесет свое пророчество: «Вот и будут родиться детки в Саду и выправятся…» [2, т. 23, с. 99].

Россия оказывается первой в ряду тех, кто обретет Сад («всех ожидает»), но и единственной («у нас лишь одних», «у нас одних»). А если мы сложим под конец обетования Версилова и Парадоксалиста, то итог будет неумолим, и он принципиально отличается от того, что обещал первый маршрут к золотому веку – тот, на котором рай всегда рядом и достижим для всех, а античность и христианство не антагонистичны друг другу. На историческом, стадиальном маршруте обнаруживается совсем другое – по большому счету, то, что есть два разных золотых века: один – до Христа и без Христа, европейский, давно и безвозвратно исчезнувший в минувшем; другой – с Христом, русский, и он должен «неизвестно как», но если не вот-вот, то рано или поздно наступить. Достоевский предлагает поверить ему на слово – и тогда русские (а может быть, и не они одни, но непременно под их водительством) увидят рай на своем пороге.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Викторович В. А.* Повесть Ф. М. Достоевского об учителе: реконструкция замысла // «Педагогія» Ф. М. Достоевского. Коломна: КГПИ, 2003. С. 119–149.
2. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
3. *Золотько О. В.* Образ «золотого века» в творчестве Ф. М. Достоевского. Дисс… канд. филол. наук. М., 2017. 226 с.
4. *Криницын А. Б.* О счастье и радости в мире Достоевского. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. 328 с.

5. *Кроо К.* «Творческое слово» Ф. М. Достоевского – герой, текст, интертекст. СПб.: Академический проект, 2005. 288 с.
6. *Кроо К., Фаустов А. А., Савинков С. В.* Перевоплощения смысла в творчестве Достоевского: семиотические заметки. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2022. 393 с.
7. *Стасюлевич М. М.* Опыт исторического обзора главных систем философии истории. СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1866. 506 с.
8. *Фаустов А.* Фигура «ближнего» в рассказе Ф. М. Достоевского *Сон смешного человека*: ближние и дальние контексты понимания // Dostoevsky Studies, New Series. 2024. Vol. 27, P. 57–73.
9. *Хмелевская Н. А.* Об идейных источниках рассказа Ф. М. Достоевского «Сон смешного человека» // Вестник Ленинградского университета. Серия литературы, истории, языка. 1963. Т. 2, № 8. С. 137–140.
10. *Mähl H.–J.* Die Idee des goldenen Zeitalters im Werk des Novalis: Studien zur Wesensbestimmung der frühromantischen Utopie und zu ihren ideengeschichtlichen Voraussetzungen. Tübingen: Niemeyer, 1994. 496 S.
11. *Thompson D. O.* Problems of the biblical word in Dostoevsky·s poetics // Pattison G., Thompson D. O. (ed.) Dostoevsky and the Christian Tradition. New York: Cambridge University Press, 2001. P. 69–99.

Поступила в редакцию 05.12.2025

Фаустов Андрей Анатольевич, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и типологии русской и зарубежной литературы
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1
E-mail: aafaustov@list.ru

A. A. Faustov

THE GOLDEN AGE IN F. M. DOSTOEVSKY's CREATIVE WORLDVIEW

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-864-870

The article examines the logic behind Dostoevsky's coexistence of two concepts of the Golden Age, understood as a state of universal happiness and mutual belonging among people, nature, and the entire cosmos. The first concept in Dostoevsky is the primary one (and it particularly aligns him with Hölderlin), but it is hopeless in terms of attainability. According to this version, the Golden Age is always secretly co-present with reality, and one can instantly transport oneself there if one wishes, by realizing that it exists in everyone's "pocket." The second concept is a reserve one, yet more feasible for the writer. According to it, there are two Golden Ages, each located in a different historical period. One is before Christ and without Christ, European, irrevocably vanished in the past; the other is with Christ, Russian, and it is bound to arrive sooner or later.

Keywords: Dostoevsky, Golden Age, nature, antiquity, Christianity, brotherhood.

REFERENCES

1. *Viktorovich V. A.* Povest' F. M. Dostoevskogo ob uchitele: rekonstrukciya zamysla [F. M. Dostoevsky's Story about a Teacher: A Reconstruction of the Original Concept]. «Pedagogiya» F. M. Dostoevskogo ["Pedagogy" of F. M. Dostoevsky]. Kolomna, KGPI Publ., 2003, pp. 119–149. (In Russian).
2. *Dostoevskij F. M.* Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. [Complete Collected Works: in 30 vols] Leningrad: Nauka Publ., 1972–1990. (In Russian).
3. *Zolot'ko O. V.* Obraz "zolotogo veka" v tvorchestve F. M. Dostoevskogo [The Image of the "Golden Age" in the Works of F. M. Dostoevsky]. Diss… kand. filol. nauk. Moscow, 2017, 226 p. (In Russian).
4. *Krinicyn A. B.* O schast'e i radosti v mire Dostoevskogo [On Happiness and Joy in Dostoevsky's World]. Moscow: YaSK Publishing House, 2022, 328 p. (In Russian).
5. *Kroo K.* "Tvorcheskoe slovo" F. M. Dostoevskogo – geroj, tekst, intertekst [F. M. Dostoevsky's "Creative Word" – Hero, Text, Intertext.]. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2005, 288 p. (In Russian).
6. *Kroo K., Faustov A. A. and Savinkov S. V.* Perevoploshcheniya smysla v tvorchestve Dostoevskogo: semioticheskie zametki [Transformations of Meaning in Dostoevsky's Works: Semiotic Notes]. Voronezh, VSU Publishing House, 2022, 393 p. (In Russian).
7. *Stasyulevich M. M.* Opyt istoricheskogo obzora glavnyh sistem filosofii istorii [An Attempt at a Historical Survey of the Principal Systems of the Philosophy of History]. St. Petersburg, F. S. Sushchinsky Printing House, 1866, 506 p. (In Russian).

8. *Faustov A.* Figura “blizhnego” v rasskaze F. M. Dostoevskogo *Son smeshnogo cheloveka*: blizhnie i dal'nie konteksty ponimaniya [The Figure of the “Neighbor” in F. M. Dostoevsky’s Story The Dream of a Ridiculous Man: Near and Far Contexts of Understanding]. Dostoevsky Studies, New Series. 2024. Vol. 27, pp. 57–73. (In Russian).
9. *Hmelevskaya N. A.* Ob idejnyh istochnikah rasskaza F. M. Dostoevskogo “Son smeshnogo cheloveka” [On the Ideational Sources of F. M. Dostoevsky’s Story “The Dream of a Ridiculous Man”]. Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya literatury, istorii, yazyka [Bulletin of Leningrad University. Series of Literature, History, Language]. 1963. Vol. 2, no 8, pp. 137–140. (In Russian).
10. *Mähl H.–J.* Die Idee des goldenen Zeitalters im Werk des Novalis: Studien zur Wesensbestimmung der frühromantischen Utopie und zu ihren ideengeschichtlichen Voraussetzungen. Tübingen: Niemeyer, 1994. 496 S. (In German).
11. *Thompson D. O.* Problems of the biblical word in Dostoevsky·s poetics // Pattison G., Thompson D. O. (ed.) Dostoevsky and the Christian Tradition. New York: Cambridge University Press, 2001, pp. 69–99. (In English).

Received 05.12.2025

Faustov A.A., Doctor of Philology, Professor,
Head of the History and Typology of Russian and Foreign Literature Department
Voronezh State University
Universitetskaya sq., 1, Voronezh, Russia, 394018
E-mail: aafaustov@list.ru

УДК 821.161.1.09(045)

А. В. Флоря

ПОВЕСТЬ «СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА» Л. Н. ТОЛСТОГО: КРИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье анализируются противоречия в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». Это произведение – квинтэсстенция анархических взглядов писателя. Однако эти убеждения никак не мотивируются художественно и не вытекают из логики повествования. Автор отрицает основные социальные институты – прежде всего юриспруденцию и медицину. Л. Толстой убежден, что человек не имеет права судить других людей, но суд над самим Иваном Ильичом не вытекает из его профессии. Л. Толстой не смог убедительно доказать, что страдания благотворно влияют на человека. Иван Ильич изменяется только в худшую сторону: он проникается мизантропией.

Ключевые слова: Лев Николаевич Толстой, «Смерть Ивана Ильича», медицина, прогресс, алогизм, анархия.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-871-879

Повесть «Смерть Ивана Ильича» (1886) занимает особое место в творчестве Л. Н. Толстого. Необычными были и отклики на нее и в России, и в мире. Ни «Война и мир», ни «Анна Каренина» не произвели такого эффекта. «Ги де Мопассан воскликнул, прочтя “Смерть Ивана Ильича” во французском переводе: “Я вижу, что вся моя деятельность ни к чему, что мои десятки томов ничего не стоят!”. Великий почитатель Толстого Ромен Роллан вспоминал, как повесть Толстого проникла в глухую французскую провинцию, где ее с жаром обсуждали обыватели, до этого вообще не бравшие книги в руки. “Никогда еще подобный голос не раздавался в Европе”, – заявлял Ромен Роллан» [15]. Процитируем также признание В. В. Стасова: «<…> ничего подобного я в жизнь свою не читал. Ни у одного, нигде на свете нет такого гениального создания. Все мало, все мелко, все слабо и бледно в сравнении с этими 70-ю страницами» [15]. Повесть была воспринята как откровение.

По-видимому, нетипичным является отклик Э. Лимонова: «Я в своё время внимательно прочёл “Смерть Ивана Ильича”. Ничего, кроме скучного любопытства, не испытал. Дело в том, что героизация обычного человека никогда не может удаться. В нём нет ничего интересного, в обычном человеке. Он не достоин ни жалости, ни удивления. Потому и неудача» [8]. Мы не разделяем идеологии Э. Лимонова, его взглядов на культуру (в целом вульгарных во всех отношениях), но с данным заявлением вполне согласны.

Мы не ставим своей целью дискредитацию одного из самых значимых произведений русской классики. Но автор статьи намерен рассмотреть аспекты, которые обычно не затрагиваются. Положено считать, что эта повесть о пробуждении в человеке духовной жизни в пограничной ситуации, перед лицом смерти, что это произведение обличает общественную ложь. Иные мнения не допускаются.

Однако в советские времена критический подход к творчеству Толстого не вызывал удивления. Любой грамотный школьник знал слова В. И. Ленина: «Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого – действительно кричащие. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны – помещик, юродствующий во Христе» и т. д. [6]. Школьники учили это наизусть.

Впрочем, даже тогда «кричащие» противоречия Толстого иллюстрировались на примере других произведений – например, «Воскресения».

Однако именно в «Смерти Ивана Ильича» наиболее ярко проявляются обскурантистские и анархические предрассудки Толстого. «Смерть Ивана Ильича» – произведение не вполне типичное для него. Обычно Толстой хорошо знает то, о чем пишет, будь то военное дело, история, юриспруденция, делопроизводство, сельское хозяйство, музыка… Толстой может субъективно оценивать философские и эстетические теории («искусство – это забава»), но видно, что ему известны первоисточники. Толстой производит уничтожающий разбор «Короля Лира», но Шекспира он читает в подлиннике и проникает в текст весьма глубоко. И только в «Смерти Ивана Ильича» он обращается к сфере, о которой ничего не знает и в которой не разбирается совершенно (сравним его в этом отношении с профессиональными врачами – А. П. Чеховым, В. В. Вересаевым, М. А. Булгаковым).

Об отношении Л. Н. Толстого к медицине существует обширная литература – см., в частности, о его общении с И. И. Мечниковым [5]. Весьма подробное изложение этой литературы дано в кандидатской диссертации М. Н. Волвенкина (2024) [4].

Вопрос этот сложен и довольно запутан, поскольку сам писатель, по-видимому, не мог определиться с ним. С одной стороны, ему нельзя было отрицать очевидное: необходимость хотя бы элементарной гигиены и санитарии для простого народа и, разумеется, военно-полевую хирургию.

С другой стороны, было бы преувеличением утверждать, что Толстой *пропагандировал* просветительские статьи врачей, например, Е. А. Покровского. Он их скорее редактировал, приводил в читабельный вид (статью Покровского он считал особенно плохой), что, по-видимому, дополнительно укрепляло его скептическое отношение к науке в целом.

Существует мнение, что Толстой хорошо овладел медицинскими вопросами. Например, Н. Ф. Голубов еще при его жизни замечал, что Толстой не вызывает усмешку или раздражение у «врача-читателя», потому что не пытается быть «патологом» или «патолого-анатомом» (см.: [4, с. 7]). Допустим, Л. Н. Толстой нередко изъявлял претензии на истину в последней инстанции, даже не будучи «патолого-анатомом». Но у профессионалов он мог вызывать очень сильное раздражение – например, у И. И. Мечникова, который писал почти саркастически: «Чересчур продолжительное упражнение мышечной системы, очевидно, не оставило ему достаточно времени, чтобы ознакомиться со многими научными вопросами, относительно которых он часто высказывает очень резкие и совершенно неверные суждения (например о дарвинизме, о бесполезности исследований, о протоплазме и о мн. др.)» (цит. по: [4, с. 6]). Толстой отвечал взаимностью, называя Мечникова глупым и легкомысленным (Дневник, 1 марта 1903 г.; 20 июля 1909 г. и др.) [11].

Мы полагаем, не следует доверять мнению К. Леонтьева, не снискавшего больших успехов в медицине: «какъ я говорилъ уже, сохранена авторомъ строго и медицинская, и нравственная правда. Многія хроническія страданія брюшныхъ органовъ причиняютъ жесточайшія боли. Мнѣ кажется, что гр. Толстой хотѣлъ указать на образованіе внутренняго нарыва, когда онъ упомянулъ о внезапно начавшейся подъ конецъ стрѣляющей и винтящей – жестокой боли. Это не наружное нагноеніе огнестрѣльной и открытой раны, это совсѣмъ иной процессъ, истинно ужасный! Видалъ я и самъ такихъ умирающихъ» [7]. Хороши эти сочетания «*сохранена строго медицинская правда*» и «*мне кажется*»! Здесь либо одно, либо другое. Леонтьев говорит об образовании какого-то абстрактного внутреннего нарыва. Но *образование* – это *не хроническое* состояние, о котором он писал выше. Если речь об абсцессе, то абсцессе чего? Они имеют разные симптомы, и не всегда сопровождаются «ужасными» болями, хронические – чаще тупыми ноющими, как это было почти все время у Ивана Ильича. Вероятно, в финале имеется в виду терминальная стадия рака или саркомы. На наш взгляд, «компетентное» заявление Леонтьева не умнее диагнозов, над которыми Толстой практически издевается в своей повести.

Добавим пикантную деталь: Толстой всерьез увлекался месмеризмом, разоблаченным почти за 100 лет до него – и, однако, постоянно возрождавшимся. Впрочем, он увлекался и Е. Блаватской…

Отдельная и непростая тема – военно-полевая медицина. Как мы сказали, Толстой не мог ее отрицать, но весьма своеобразно осмыслил с позиций своей идеологии. Военные врачи часто не приносят настоящей пользы, т. к. многие раненые остаются искалеченными, не говоря о высокой смертности. Война и ранения понимаются фундаментально: как нарушение целостности мира и человека [3]. В «Набеге» порядок «находится вне ведения рассудка, а потому медицинское вмешательство представлено в нем как избыточное действие» [4, с. 13].

Роль врачей и сестер милосердия в «Севастопольских рассказах» – не исцеление или облегчение, а подчеркивают страданий [4, с. 91]. Медицина во многих произведениях, включая «Войну и мир», «перестает быть просто бесполезным знанием: писатель находит в ней опасность вытеснения нравственного потенциала, заложенного в страдании» [4, с. 14]. М. Н. Волвенкин разъясняет: «Врачи необходимы <…>, но эта необходимость нравственная. Человек болеет и страдает, а потому он нуждается в сострадании – это некая потребность, коренящаяся в его “природе”. Человек видит, как болеют и страдают другие, а потому в нем есть такая же “природная” потребность сострадать. <…> Кроме того, вера в способность медицины избавлять от недугов таит в себе опасность нравственного падения, так как в самих страдании и сострадании Толстой видит потенциал нравственного преображения: не столь важно победить болезнь, сколь важно ее “прожить”» [4, с. 116].

Отметим важнейший нюанс: военно-полевая и гражданская медицина, лечение ранений и обычных болезней – отнюдь не одно и то же. Но те закономерности, которые Толстой выявил для военной медицины, распространяются им на медицину вообще.

М. Н. Волвенкин подчеркивает также, что и пребывание на войне, и болезни тесно связаны с тщеславием. Это одна из центральных тем его диссертации.

Теперь резюмируем, насколько это возможно, сложные и запутанные взгляды Л. Толстого на медицину. Игнорировать и отрицать ее нельзя просто в силу ее существования в течение тысячелетий. Не во власти Толстого ее упразднить. Но можно попытаться ее дискредитировать. Во-первых, она часто оказывается бессильной. Во-вторых, врачи неверно оценивают ее главную роль. Они считают, что болезнь, патология есть нарушение целостности, которую призвано восстановить лечение. На самом деле патология имеет своё место в мировом целом: она помогает через страдание исцелить душу (т. е. восстановить утраченную целостность души). Врачи нередко препятствуют этой задаче, т. е. приносят вред.

Толстой читал медицинскую литературу, но у нас нет оснований считать, что он сколько-нибудь разобрался в этой науке. Он не понимал происхождения болезней, считая их следствием разврата души, т. е. неправильного образа жизни и греховности. Не понимал их природы. Имел весьма превратное представление об их ходе, воздействии на организм. Не пренебрегал псевдонаукой, в частности месмеризмом, т. е. «животным магнетизмом». Одобрительно относился к народному врачеванию, например, в «Казаках», но глубоко (и вообще никак) его не изучал. Занимался гипостазированием, т. е. подгонкой реальности под свои догмы: именно судья попадает под небесный суд; он становится жертвой таких же шарлатанов и манипуляторов, каким был сам; получает смертельную травму, обустраивая дом, в котором собирался долго жить, – хотя всё это не обязательно. Иногда Толстой совершенно не понимал и извращал чужие мысли. Например, назвал Мечникова «жалким, испорченным ребенком», который будто бы «хочет уничтожить не только страдания, но и смерть» (Дневник, 4 мая 1905 г.) [11]. Это называется Imago – приписывание человеку глупостей, которых тот не говорил, с их амбициозным «разоблачением» [14]. «Ортобиоз» Мечникова, т. е. учение о правильной жизни, имеет в виду продление жизни, улучшение ее качества, борьбу с болезнями и страданиями, но не ставит своей целью уничтожение смерти. Впрочем, даже борьбу со страданиями Толстой считал глубоко безнравственной.

(В этой связи добавим, что само создание «Смерти Ивана Ильича» связано с семьей И. И. Мечникова – через общение Толстого с умирающим старшим братом ученого, тоже Иваном Ильичом, сохранившим «полную ясность своего большого ума» [9]. Но никакого «большого ума» у толстовского героя нет. Можно сказать, что и в этом отношении Толстой допускает профанацию реальности.)

Медицинский дилетантизм Толстого в «Смерти Ивана Ильича» становится почти вызывающим. «Доктор говорил: то-то и то-то указывает, что у вас внутри то-то и то-то, но если это не подтвердится по исследовании того-то и того-то, то у вас надо предполагать то-то и то-то. Если же предположить то-то, тогда… и т. д.» [12, с. 77–78].

Это, конечно, можно при желании представить как художественный нарратив. «“И т. д.” Толстого – знак бесконечности цепочек, в которые вписывается болезнь, – пишет М. Б. Ямпольский. – <…> Тягучий рассказ о болезни – не просто лживый рассказ. Это рассказ, *заслоняющий сущность*. А сущность <…> рассказа – это *смерть*» [16, с. 78–79]. Это, конечно, очень остроумная трактовка, но она порождает свои вопросы: почему, собственно, рассказ должен быть лживым и заслонять сущность? Зачем так буквально понимать этимологию слова «*врач*» как «лжец»?

Толстой априори убежден в ложности и порочности медицины: «Мы устроили себе жизнь, противную и нравственной и физической природе человека, и все силы своего ума напрягаем на то, чтобы уверить человека, что это-то и есть самая настоящая жизнь. Все, что мы называем культурой: наши науки и искусства, усовершенствования приятностей жизни, – это попытки обмануть нравственные требования человека; все, что называем гигиеной и медициной, – это попытки обмануть естественные, физические требования человеческой природы. Но обманы эти имеют свои пределы, и мы доходим до них. <…> В Библии сказано, как закон человека: “В поте лица снеси хлеб, и в муках родиши чада”» [13].

Вот пассаж, способный вызвать изумление у читателя, даже не знакомого с медициной. Иван Ильич озабочен вопросом, насколько опасно его состояние. «С точки зрения доктора, вопрос этот был праздный и не подлежал обсуждению; существовало только взвешиванье вероятностей – блуждающей почки, хронического катара и болезней слепой кишки. Не было вопроса о жизни Ивана Ильича, а был спор между блуждающей почкой и слепой кишкой. И спор этот на глазах Ивана Ильича доктор блестящим образом разрешил в пользу слепой кишки, сделав оговорку о том, что исследование мочи может дать новые улики и что тогда дело будет пересмотрено» [12, с. 78].

Не говоря о том, что здесь дается нарочитое, крайне искусственное уподобление врача судье (*улики, пересмотр дела*), а их обоих какому-то престидижитатору (попросту шарлатану), сам Иван

Ильич предстает весьма глупым человеком. Катар желудка – это обычный гастрит. Блуждающая, т. е. подвижная, почка (нефроптоз) не всегда требует хирургического лечения, а таковое Ивану Ильичу и не предлагалось. Наконец, самый неясный момент – «болезни слепой кишки». Мы не знаем, каковы они, но если бы врач произнес слово «рак», Иван Ильич это запомнил бы. То есть из того, что врач сказал Ивану Ильичу, не следовало ничего смертельно опасного. С другой стороны, если через два месяца Иван Ильич умер, получается, что врачи проявили некомпетентность и никчемность.

(В. Набоков обращает внимание на то, что слепая кишка не могла быть слева [10, с. 339]. Если это учитывал Толстой, то мудрствования докторов вообще превращаются в карикатуру.)

А вот уже предел абсурда: «Иван Ильич отошел, пошел к себе, лег и стал думать: “Почка, блуждающая почка”. Он вспомнил все то, что ему говорили доктора, как она оторвалась и как блуждает» [12, с. 83]. Неужели этот вздор Ивану Ильичу говорили *доктора*?

Толстому изменило даже чувство реализма: он не смог достоверно выразить психологию ипохондрика. Если человек маниакально обеспокоен своим состоянием, он не стал бы предаваться безумным фантазиям об оторвавшейся (!) почке, а выяснил бы, что это за болезнь и чем она опасна. Это тем более удивительно, что ранее Иван Ильич, как сообщает Толстой, читал медицинскую литературу!

На таком же примитивном уровне медицина преподносится и дальше. «Была одна штучка, маленькая штучка в слепой кишке. Все это могло поправиться. Усилить энергию одного органа, ослабить деятельность другого, произойдет всасывание, и все поправится» [12, с. 84]. Понятно, что это мысли Ивана Ильича, но этот слабоумный пассаж, несомненно, передает речь доктора.

Итак, Л. Толстой поставил перед собой непочтенную задачу – опошлить, оглупить медицину как воплощение науки, прогресса, изобразить врачей невеждами, шарлатанами и манипуляторами. В бесполезности и безнравственности медицины Толстой был убежден априори, поскольку она облегчает страдания, а человек должен страдать для духовного возвышения. Толстым владела идеология, а художественная достоверность, по-видимому, не входила в его задачи.

(Мы занимаемся в том числе и социолингвистикой. По нашим наблюдениям, в речи высококвалифицированных врачей, включая докторов наук, при общении с дилетантами, даже с пациентами, профессиональная лексика, терминология используется очень обильно. Это объясняется отнюдь не позерством, а тем, что для профессионалов такая стилистика наиболее привычна и удобна. Другой стилистикой они часто и не владеют. Позерство и самопрославление врачи проявляют у Толстого. Мы можем ошибаться, но сюсюкающий тон, «маленькие штучки» в речи серьезного врача считаем неуместными.)

Образы врачей в повести даются смутно и путано. Мы узнаём, что врачи все-таки что-то поняли в болезни Ивана Ильича, предлагали ему операцию. В другом месте сказано, что они определяли его болезнь по-разному. Создается впечатление, что Толстой не смог свести концы с концами – не от отсутствия таланта, а потому что сам, как мы полагаем, не разобрался в своем отношении к врачам. Его догматика требовала их осмеяния и разоблачения, а трезвое чувство реальности этому сопротивлялась. А главное в том, что Толстой не мог убедительно изложить глубоко ложную идею.

Отметим еще один, на наш взгляд, неудачный момент повести. Толстой претендует на морализаторство, на извлечение социальных выводов, поэтому он назойливо реализует метафору «судья под судом». Первоначальное название повести, как известно: «Смерть судьи», т. е. профессия Ивана Ильича имела значение. Но именно в этом произведении, в отличие от «Воскресения», Толстой не обличает, как выразился В. И. Ленин, «комедию суда». Смерть героя невозможно трактовать как расплату за причиненное зло – за неправедный суд, за погубленные жизни. Причинно-следственная связь вообще отсутствует, ее приходится придумывать: «Толстой не случайно делает Ивана Ильича чиновником и старательным служащим – свою работу он любит, постоянно ищет в ней отдушину, но вот только служить людям Головин не готов. Он состоит на службе для себя, наслаждается положением» [1, с. 80]. Однако это еще не тот порок, который должен караться «смертной казнью». Иван Ильич со временем мог прозреть, переменить убеждения. Неужели он настолько безнадежен, что исправить его может только смерть? Бессмысленно задавать вопрос, почему «прозревший» Иван Ильич не остался в живых и не стал действительно служить людям и приносить общественную пользу? Остается также в стороне вопрос, почему гораздо худшие судьи, в самом деле бездушные, жестокие, доживают до глубокой старости. Ответить на эти вопросы невозможно в принципе.

По-видимому, «преступление» Ивана Ильича заключается в самой профессии, поскольку человек не имеет права судить себе подобных. И не имеет значения, хороший он судья или нет.

Вообще в том, что касается профессии персонажа, мы наблюдаем сплошные алогизмы. Они состоят в том, что Толстой прибегает к навязчивой, лобовой символике «суда над судьей» («Жить, как ты живешь в суде, когда судебный пристав провозглашает: “Суд идет!..”. Суд идет, идет суд, – повторил он себе. – Вот он, суд!» [12, с. 101]), но у него полностью отсутствуют мотивировки.

Исток смерти Ивана Ильича преподносится столь же навязчиво символично: «И правда, что здесь, на этой гардине, я, как на штурме, потерял жизнь» [12, с. 89]. Однако ни из чего не следует, что героя погубила его «неправедная» профессия. Падение и ушиб были случайными, упасть мог кто угодно – архитектор, писатель, учитель, даже врач – разве что последний принял бы меры. Весь грех Ивана Ильича состоит в чрезмерной заботе о комфорте.

Крайне сомнителен итог пройденного Иваном Ильичом «духовного пути»: «лицо его было красивее, главное – значительнее, чем оно было у живого. На лице было выражение того, что то, что нужно было сделать, сделано, и сделано правильно» [12, с. 57]. Кстати, Л. Н. Толстой здесь опровергает фантастическое заявление В. Г. Андреевой, что герой-безбожник не смог ничего исправить. «Толстой не дает произнести своему герою ни слова правды: что, если бы жена удивилась этой просьбе Ивана Ильича о прощении и задумалась бы о жизни?» [1, с. 82]. Иван Ильич смог выразить свою жалость к сыну и жене. В этом как раз сомневаться не приходится.

То, что Иван Ильич вместо «прости» «сказал “пропусти”, и, не в силах уже будучи поправиться, махнул рукою, зная, что поймет тот, кому надо» [12, с. 107], – это не знак «наказания» за безбожие, а самый сильный момент повести. У героя совсем нет сил, всё интенсифицируется до предела. Он не может сказать короткое слово, но произносит более длинное, в котором соединились два смысла и два обращения: к жене с просьбой о прощении и к некой высшей силе с просьбой о прекращении мук. Просьба о прощении – одновременно пропуск в мир иной. (Умонастроение Ивана Ильича сейчас назвали бы итсизмом – допущением, что существует некая высшая сила.)

Не убеждает другое: что страдания привели Ивана Ильича к духовному прозрению. Иван Ильич озлобляется, начинает ненавидеть окружающих за эгоизм, отсутствие эмпатии к нему, а в действительности – за то, что они не умирают: «“Смерть. Да, смерть. И они никто не знают, и не хотят знать, и не жалеют. Они играют. (Он слышал дальние, из-за двери, раскат голоса и ритурнели.) Им все равно, а они также умрут. Дурачье. Мне раньше, а им после; и им то же будет. А они радуются. Скоты!” Злоба душила его» [12, с. 85]. Какое благородство чувств! Злобу он срывал даже на ни в чем не повинном сыне, который жалел его.

Мы уже касались темы тщеславия, связанной с медицинской темой. Ярмаркой тщеславия Толстой изобразил мир медицины. Однако это чувство прорвалось в поведении больного. Иван Ильич внезапно осознал себя выше своей среды, увидев ее фальшь. Читатели предпочли увидеть в этом «прозрение» и даже «преображение» героя. Но так ли это?

Толстой, как обычно, с большой художественной силой изображает ложь, лицемерие, эгоизм буржуазно-дворянской среды. Всё это открывается Ивану Ильичу, но он сам недавно был таким же. Недорого стоит подобное «прозрение». Никакого нравственного преимущества перед другими у него нет. Другие виновны только в том, что они еще не умирают и, следовательно, еще не попали в пограничную ситуацию.

«Смерть» в этом произведении означает процесс умирания. Вместе с прекращением физического существования смерть кончается:

> – Кончено! – сказал кто-то над ним.
> Он услыхал эти слова и повторил их в своей душе. «Кончена смерть, – сказал он себе. – Ее нет больше» [12, с. 107].

Земной путь Ивана Ильича поэтически обрисовал М. Щеглов: «В соответствии с основным замыслом произведение строится как история жизни (или “подобия жизни”) чиновника, полной суетной борьбы, призрачных успехов и возвышения по служебной лестнице, самоуслаждения, тщеславия: затем на одной из высших точек – слом, катастрофа, угроза смерти и огромная, интенсивная духовная работа, которая открывается перед лицом небытия; потом постепенный, шаг за шагом, путь очищения, духовного роста, горестное осознание ложности, гибельности всей прежней жизни; и, наконец, полное просветление, готовность жертвы, восторг слияния с началом мира и смерть, рисуемая как воскресение из мертвых» [15].

Но мы все же поставили бы под сомнение формулировки «огромная, интенсивная духовная работа» и «шаг за шагом, путь очищения, духовного роста». Никакого *огромного* духовного труда, никакого очищения и духовного роста мы не видим. Напротив, Иван Ильич духовно гниет заживо, он, как в трясине, тонет в ненависти, в мизантропии, в отчаянии (осознав, что он жил не так уж «легко и приятно»). Он якобы осознает ложь окружающих и якобы не желает в ней участвовать, а на самом деле лжет самым фарисейским образом. Он считает себя выше других, а в действительности провоцирует, усугубляет до полной невыносимости фальшь семейных отношений, стимулирует, с одной стороны, ненависть жены, измученной его непримиримой злобой, с другой – усиливает ее лицемерие из-за необходимости соблюдать приличия, скрывать эту ненависть.

Иван Ильич по-настоящему ничего не понял. Во-первых, он, как был, так и остался судьей *для других* – теперь уже фигурально, хотя не имеет на это никаких моральных прав. Во-вторых, он не может физически умереть, почти до самого конца считая, что «жизнь его была хорошая» [12, с. 106]. Это сильно снижает уровень и качество его «огромной духовной работы», о которой пишет М. Щеглов. Прозрение – озарение (когда Иван Ильич внезапно увидел свет) – произошло в тот момент, когда сын Ивана Ильича поцеловал его руку и заплакал от жалости. Сострадание ребенка вернуло разум Ивану Ильичу. Он осознал простую вещь: что он мучает своих родных, отравляя их жизнь своей неутолимой злобой, выдаваемой им (для себя) за честность.

Тогда же он понимает, что его жизнь была «не то», и из последних сил совершает единственный в жизни хороший поступок: единственный раз ведет себя не как эгоист.

Мы полагаем, что Л. Толстой сознательно хотел одного, а интуитивно создал другое. Возможно, он намеревался сказать, что страдания очищают и облагораживают душу, но чувство правды заставило его показать обратное: страдания не улучшают человека, но часто ожесточают и деформируют. Они не даруют человеку прозрение, а создают его иллюзию.

Этот момент мы считаем очень сильным, однако, по нашему мнению, Толстой не смог убедительно показать психологическое преображение героя. Оно происходит мгновенно – и неким мистическим образом.

Достойно внимания, что экранизатор повести А. Кайдановский в своей личной жизни пришел к выводам, очень далеким и от христианства, и от толстовства, но вполне конгениальным «духовному опыту» Ивана Ильича. В главе 29 передачи «Чтобы помнили» (1996) вспоминается заявление Кайдановского: «Я принял решение относиться к людям предельно беспощадно с позиций моего инфаркта». Кайдановский не понял, что инфаркт не дает права быть беспощадным к людям – только к самому себе.

А. Кайдановский – последователь (мы бы сказали: эпигон) А. Тарковского – сохранил и усугубил все недостатки повести в своей очень претенциозной и, на наш взгляд, неталантливой (очень деликатно выражаясь) экранизации под названием «Простая смерть». Холодные экзерсисы Кайдановского напоминают формальный и скучный экзамен на осведомленность и «элитарность». Там воспроизводятся другие тексты Толстого, его граммофонные записи. Присутствуют и знаки принадлежности Кайдановского к определенному кинематографу – аллюзии на Тарковского: фа-минорная хоральная прелюдия Баха, звучащая в «Солярисе», проход по тоннелю, которым заменено застревание Ивана Ильича в страшном мешке, вызывает неуместную аналогию с проходом через «Мясорубку» в «Сталкере», где ранее снимался Кайдановский. А. Фрейндлих, игравшая в «Сталкере» хорошую жену, правда, закатывающую истерики, здесь играет плохую жену, впрочем, не столь явно истеричную.

Особо очаровательна нянька Ивана Ильича, которая возникает в финале картины и под стук метронома назойливо и нудно философически повторяет: «Кто ты? Что ты?». Здесь она, по-видимому, вырастает в символ самой Смерти, требующей ответа на эти сакраментальные вопросы.

Отдельного замечания заслуживает Герасим, по поводу которого С. А. Асеева сожалеет, что «это эпизодический персонаж, лишь несколько раз появившийся в кадре» [2, с. 32]. Мы не сказали бы, что этот эпизодический персонаж малозаметен. Напротив, он обращает на себя внимание, и сам образ говорит о многом. Прежде всего он не имеет никакого отношения к Герасиму из толстовской повести – олицетворению физического и морального здоровья. Этот унылый сусального вида Герасим уже после смерти Ивана Ильича служит ходячей эмблемой Скорби на фоне лицемерных родственников покойного, врачей и гостей. В другой сцене он в позе Атланта – со столь же скорбной миной – держит на плечах ноги Ивана Ильича, сидя к нему спиной. Заметим, что перед этим Прасковья Федоровна жаловалась доктору на эту причуду мужа и жестами обозначала другую мизансцену: лицом к Ивану Ильичу. Толстой, видимо, не понимал вопиющую пошлость этой мизансцены, зато ее почувствовал и высмеял

П. П. Пазолини в фильме «Теорема». Вероятно, Кайдановский понимал нечто подобное и не стал воспроизводить толстовскую «композицию» буквально, однако не мог себе позволить иронии, отчего сцена получилась угрюмо-серьезной почти до гротеска.

Подведем итоги. Великому человеку не удастся создать по-настоящему плохое произведение, но из этого не следует, что его произведения – безусловные шедевры, открывающие Истину в последней инстанции. Л. Н. Толстой руководствуется даже не заблуждением, а заведомо ложной идеей о вреде прогресса, цивилизации, социальных институтов, науки, медицины: они доступны не простому народу, а паразитическим классам – следовательно, вредны. Толстой совершенно справедливо критикует юстицию и медицину в буржуазном обществе, но он не допускает мысли, что общество может быть устроено справедливо, и тогда его достижения будут доступны и полезны всем, и в этом с Толстым согласиться нельзя. Правда, с ликвидацией в России социалистического строя и возвращением социального неравенства пороки, обличаемые Толстым, приобретают новую актуальность, но это отдельная тема.

Кроме того, нельзя принять морализаторский ригоризм Толстого: для души вредно всё, что облегчает жизнь, ибо человек, не лишенный рассудка и совести, обязан участвовать в борьбе за жизнь и не имеет права только поглощать труды борющихся за жизнь людей [13]. Человек, не лишенный рассудка и совести, должен участвовать в общем труде по улучшению жизни (если он трудоспособен), но отнюдь не претерпевать тяготы и лишения. Люди с совестью и рассудком не обязаны оперироваться без анестезии, жить в хижине, собственноручно добывать себе пропитание и вообще опрощаться на том основании, что наши предки жили «без теплоты, магнита, света, без электрических лучей» (А. Мицкевич).

Логически обосновать и художественно изобразить вред прогресса и благотворность страданий невозможно и для гения.

И последнее замечание. Прогресс в искусстве всё-таки существует. «Смерть Ивана Ильича», по нашему мнению, способна произвести катарсис только на очень низком уровне развития общества. Иван Ильич – человек слабый и заурядный, и, созерцая его якобы интенсивную духовную работу и проч., любоваться нечем. Полезно сравнить его ничтожное существование накануне кончины и благородный уход из жизни академика Дронова в пьесе С. Алешина «Всё остается людям».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреева В. А.* Повесть Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»: изменение концепции от первоначального замысла к итоговому тексту // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 3 (108). С. 77–89.
2. *Асеева С. А.* Смыслы повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», выраженные языком кинематографа (о фильме А. Л. Кайдановского «Простая смерть») // Наука о человеке. Гуманитарные исследования. 2016. С. 30–34.
3. Волвенкин М. Н. Война и медицина в «Набеге» Л. Н. Толстого: два доктора, две патологии // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2023. Т. 20, № 2. С. 56–64.
4. Волвенкин М. Н. Медицинский дискурс в творчестве Льва Толстого 1850-1860-х годов: специальность 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации: дис. … канд. филол. наук / Михаил Николаевич Волвенкин. Воронеж, 2024. 158 с.
5. *Игнатьев В. А.* Л. Н. Толстой и И. И. Мечников: взгляды на долгую, счастливую жизнь и легкую смерть // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2012. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/l-n-tolstoy-i-i-i-mechnikov-vzglyady-na-dolguyu-schastlivuyu-zhizn-i-legkuyu-smert/viewer.
6. *Ленин В. И.* Лев Толстой как зеркало русской революции. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/l/lenin_w_i/text_1908_lev_tolstoy_kak_zerkalo_russkoy_revolyutzii.shtml.
7. Леонтьев К. О романахъ гр. Л. Н. Толстого. Анализъ, стиль и вѣяніе. (Критическій этюдъ.) [Электронный ресурс]. // URL: http://az.lib.ru/l/leontxew_k_n/text_0130oldorfo.shtml.
8. *Лимонов Э.* Священные монстры. Портреты. 2001. [Электронный ресурс]. URL: https://djvu.online/file/KlwIXpnsmtyXy?ysclid=mh96dcdb3z540755209.
9. Мечников И. И. Этюды оптимизма [Электронный ресурс]. URL: https://www.100bestbooks.ru.
10. *Набоков В. В.* Лекции по русской литературе. [Электронный ресурс]. // URL: https://djvu.online/file/uGjo9WSn4lT09?ysclid=mhax5u5v6z764396234.
11. Толстой Л. Н. Дневники [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.ru/book/tolstoy_lev/dnevniki.html.
12. *Толстой Л. Н.* Смерть Ивана Ильича // Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22 тт. М.: Художественная литература, 1982. Т. 12. С. 54–107.
13. *Толстой Л. Н.* Так что же нам делать. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/tolstoy_lev/tak_chto_ge_nam_delat.html.

14. Чапек К. Двенадцать приемов литературной полемики, или Пособие по газетным дискуссиям [Электронный ресурс]. URL: https://lib.ru/SOCFANT/CHAPEK/gazeta.txt.
15. *Щеглов М. А.* Повесть Толстого «Смерть Ивана Ильича» // Щеглов М. Любите людей. Статьи. Дневники. Письма. М.: Советский писатель, 1987. 512 с. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/avtor_neizvesten/lyubite_lyudey.html.
16. *Ямпольский М. Б.* Беспамятство как исток. (Читая Хармса). М.: Новое литературное обозрение, 1998. 384 с.

Поступила в редакцию 29.12.2024

Флоря Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор
Орский гуманитарно-технологический институт
(филиал) Оренбургского государственного университета
462404, Россия, Оренбургская область, г. Орск, ул. Мира, 15а
E-mail: alcestofilint@mail.ru

A. V. Florya

L. N. TOLSTOY's NOVELLA "THE DEATH OF IVAN ILYICH": A CRITICAL ASPECT

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-871-879

The article analyzes the contradictions in L.N. Tolstoy's novella "The Death of Ivan Ilyich". This work is the quintessence of the writer's anarchic views. However, these beliefs are not artistically motivated in any way and do not follow from the logic of the narrative. The author denies the main social institutions – primarily the jurisprudence and medicine. L. Tolstoy is convinced that a person has no right to judge other people, but the trial of Ivan Ilyich himself does not follow from his profession. L. Tolstoy was unable to convincingly prove that suffering has a beneficial effect on a person. Ivan Ilyich only changes for the worse: he becomes misanthropic.

Keywords: Leo Nikolaevich Tolstoy, "The Death of Ivan Ilyich", medicine, progress, illogism, anarchy.

REFERENCES

1. Andreyeva V. A. Povest' L.N. Tolstogo "Smert' Ivana Il'icha": izmeneniye kontseptsii ot pervonachal'nogo zamysla k itogovomu tekstu [L. N. Tolstoy's Story "The Death of Ivan Ilyich": Changing the Concept from the Initial Concept to the Final Text]. Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 3 (108). S. 77–89. (In Russian).
2. Aseyeva S. A. Smysly povesti L. N. Tolstogo "Smert' Ivana Il'icha", vyrazhennyye yazykom kinematografa (o fil'me A.L. Kaydanovskogo "Prostaya smert'") [The Meanings of L. N. Tolstoy's Story "The Death of Ivan Ilyich" Expressed in the Language of Cinematography (About A. L. Kaidanovsky's Film "Simple Death")]. Nauka o cheloveke. Gumanitarnyye issledovaniya. 2016. S. 30–34. (In Russian).
3. Volvenkin M. N. Voyna i meditsina v "Nabege" L. N. Tolstogo: dva doktora, dve patologii [War and Medicine in L. N. Tolstoy's "Raid": Two Doctors, Two Pathologies] // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. 2023. T. 20. № 2. S. 56–64. (In Russian).
4. Volvenkin M. N. Meditsinskiy diskurs v tvorchestve L'va Tolstogo 1850-1860-h godov [Medical Discourse in Leo Tolstoy's Works of the 1850s–1860s]: spetsial'nost' 5.9.1. Russkaya literatura i literatury narodov Rossiyskoy Federatsii: dis. … kand. filol. nauk / Mikhail Nikolayevich Volvenkin. Voronezh, 2024. 158 s.(In Russian).
5. Ignat'yev V. A. L. N. Tolstoy i I. I. Mechnikov: vzglyady na dolguyu, schastlivuyu zhizn' i legkuyu smert' [L. N. Tolstoy and I. I. Mechnikov: Views on a Long, Happy Life and an Easy Death]. Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Yesenina. 2012. [Elektronnyy resurs] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/l-n-tolstoy-i-i-i-mechnikov-vzglyady-na-dolguyu-schastlivuyu-zhizn-i-legkuyu-smert/viewer. (In Russian).
6. Lenin V. I. Lev Tolstoy kak zerkalo russkoy revolyutsii [Leo Tolstoy as a Mirror of the Russian Revolution.] [Elektronnyy resurs]. URL: http://az.lib.ru/l/lenin_w_i/text_1908_lev_tolstoy_kak_zerkalo_russkoy_revolyutzii.shtml. (In Russian).
7. Leont'yev K. O romanakh gr. L. N. Tolstogo. Analiz, stil' i veyanie. (Kriticheskíy etyudy.) [On the Novels of Count L. N. Tolstoy. Analysis, Style, and Trend. (Critical Study)] [Elektronnyy resurs]. URL: http://az.lib.ru/l/leontxew_k_n/text_0130oldorfo.shtml. (In Russian).
8. Limonov E. Svyashchennyye monstry. Portrety. 2001 [Sacred Monsters. Portraits. 2001]. [Elektronnyy resurs]. URL: https://djvu.online/file/KlwIXpnsmtyXy?ysclid=mh96dcdb3z540755209. (In Russian).
9. Mechnikov I. I. Etyudy optimizma [Studies in Optimism] [Elektronnyy resurs]. URL: https://www.100bestbooks.ru. (In Russian).

10. Nabokov V. V. Lektsii po russkoy literature. [Lectures on Russian Literature.] [Elektronnyy resurs]. URL: https://djvu.online/file/uGjo9WSn4lT09?ysclid=mhax5u5v6z764396234. (In Russian).
11. Tolstoy L. N. Dnevniki [Diaries] [Elektronnyy resurs]. URL: http://royallib.ru/book/tolstoy_lev/dnevniki.html. (In Russian).
12. Tolstoy L. N. Smert' Ivana Il'icha [The Death of Ivan Ilyich]. Tolstoy L. N. Sobraniye sochinenii. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1982. T. 12. S. 54–107. (In Russian).
13. Tolstoy L. N. Tak chto zhe nam delat' [So What Are We to Do]? [Elektronnyy resurs]. URL: https://royal-lib.com/read/tolstoy_lev/tak_chto_ge_nam_delat.html. (In Russian).
14. Chapek K. Dvenadtsat' priyemov literaturnoy polemiki, ili Posobiye po gazetnym diskussiyam [Twelve Techniques of Literary Polemics, or a Guide to Newspaper Discussions] [Elektronnyy resurs]. URL: https://lib.ru/SOCFANT/CHAPEK/gazeta.txt. (In Russian).
15. Shcheglov M. A. Povest' Tolstogo "Smert' Ivana Il'icha" [Tolstoy's story "The Death of Ivan Ilyich"]. Shcheglov M. Lyubite lyudey. Stat'i. Dnevniki. Pis'ma [Love people. Articles. Diaries. Letters]. M.: Sovetskiy pisatel', 1987. 512 p. [Elektronnyy resurs] // URL: https://royallib.com/read/avtor_neizvesten/lyubite_lyudey.html. (In Russian).
16. Yampol'skiy M. B. Bespamyatstvo kak istok. (Chitaya Kharmsa) [Unconsciousness as a source. (Reading Harms)]. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 1998. 384 p. (In Russian).

Received 29.12.2024

Florya A.V., Doctor of Philology, Professor
Orsk Humanitarian-Technological Institute (branch of) Orenburg State University
Mira st., 15a, Orsk, Orenburg region, Russia, 462404
E-mail: alcestofilint@mail.ru

УДК 821.161.1.09(045)

Л. Ю. Фуксон

ГРАНИЦА ВОЙНЫ И МИРА В РАССКАЗЕ Ю. ОЛЕШИ «ВОСПОМИНАНИЕ»

Статья предлагает истолкование рассказа Ю. Олеши «Воспоминание» и, отталкиваясь от названия, рассматривает структуру художественного времени произведения, в которой эпизоду из недавнего прошлого предшествует более раннее время. Такая темпоральная структура акцентирует границу военного и мирного состояний изображаемой жизни. Это и является главным предметом статьи.
Война и мир в мире произведения связаны пространственно с образами дороги и дома, движения и покоя. Поэтому известие об официальном завершении войны застаёт героев рассказа в поезде, возвращающем их домой. Переход от военного состояния жизни к мирному изображается в рассказе Олеши как выдвижение на первый план частных, семейных ценностей, как смена героического плана бытия сентиментальным. Причём это смена чего-то временного постоянным, субстанциальным.

Ключевые слова: художественное время, война, мир, героика, сентиментальность, дом, дорога.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-880-885

Предваряя прочтение названного рассказа, выскажем некоторые общие соображения, определяющие наш угол зрения.

Как известно, понимание и толкование не являются прерогативой художественного восприятия – это глобальный процесс *непрерывного* ориентирования в сменяющих одна другую ситуациях нашего существования. Поэтому читательская, эстетическая установка, настроенность на художественный текст вырастает из обычной жизненной настроенности: чтение и любое художественное переживание – часть нашей реальной жизни. Однако всё же при начале чтения и любого другого художественного события происходит (почти автоматически, безотчётно) своего рода герменевтическая перенастройка. Повседневный горизонт практической заботы демобилизуется, закрывается. Например, выключение света в кинозале или в театре, сопровождающее вспыхивающий экран или раздвигающийся занавес и начало развёртывания событий фильма (спектакля), имеет не только чисто оптический смысл удобства просмотра, но символически «заключает в скобки» всю обыденную жизнь зрителей, обращая их лицом к лицу зрелища.

Однако в ходе включения параллельной реальности – художественного мира зрительского воображения – реальность «первичная» не погасает, а «передаётся» герою произведения, становясь ео ipso созерцаемым предметом.

Герменевтическая ситуация «прозы жизни» предполагает понимание именно в горизонте от первого лица. В этом случае я ориентируюсь в мире как *участник* толкуемых обстоятельств. Художественная же ситуация оттесняет меня «в зрительный зал», на позицию наблюдателя, что делает понимаемую жизнь жизнью Другого – персонажа фильма, спектакля или рассказа. Позиция жизненной озабоченности опредмечивается. Но именно благодаря этому появляется эстетическая возможность увидеть жизнь *в целом*. (Глубокое описание феноменологии Я и Другого содержит, как мы помним, работа Бахтина об авторе и герое [2]). С эстетическим взглядом «со стороны» связаны символический универсализм и косвенный, образный, характер запечатлённой оценки.

Таким образом, художественное событие, закрывающее для реципиента обычную перспективу практической заботы, мобилизует (раскрывает) идеальный – *ценностно-символический* – горизонт. Художественное переживание – особая форма эстетической озабоченности читателя (зрителя) – видением жизни и человека *в целом*.

Такая эстетическая установка позволяет осуществить специфическое для художественной рецепции толкование. В нём выявляются два вида отношений – сближения и контраста, уподобления и расподобления. Первое означает символическую репрезентацию изображаемой жизни, а второе – напряжение ценностей. Чтение и толкование художественного произведения поэтому есть не что иное, как схватывание его единства, организованного этими двумя типами связей (более подробно об этом см.: [4; 5]).

Изложенный выше подход мы применили к рассказу Ю. Олеши «Воспоминание», впервые ставшему объектом литературоведческого исследования. Эти два фактора (выбор неизученного произведения и принципы его интерпретации) определяют актуальность темы статьи. В истолковании рассказа

мы учитываем накопленное к настоящему времени знание о специфике художественного мышления писателя, в связи с чем отметим работы В.В. Бадикова [1] и М.О. Чудаковой [6].

* * *

Рассказ Юрия Олеши, начиная с названия, формально очерчивает *ретроспективный* горизонт повествования: анонсирована определённая картинка, конкретный запомнившийся эпизод из прошлого. Причём имеется в виду не заурядное событие, а знаменательный майский день окончания Великой Отечественной войны, который застаёт группу описываемых персонажей в поезде. Всеобщий, исторически переходный момент – восстановление мира – и органично связанный с ним частный, биографический – возвращение семьи из эвакуации – всё это закономерно оформляется хронотопом дороги, для которого характерна неустойчивость, нестабильность состояния изображаемой жизни, распахнутость горизонта, неожиданные знакомства. Такой открытый характер изображённого пространства релевантен эпическому размаху всенародного единства переживаемого события, которому присуще обнаружение внезапной общности, близости незнакомых людей: всех их объединяет радостное чувство конца войны.

Особые отношения, характерные для открытого пространства дороги, намечаются в самом начале рассказа: «Мать девочки заснула, а девочка ходила по вагону и разговаривала с пассажирами» [3, 641]. Сразу можно отметить, что юная героиня оказывается в центре изображения не случайно: с одной стороны, ребёнок с его непосредственностью проще устанавливает контакт с незнакомыми людьми, а с другой стороны, фигура девочки означает то, что на место *героических* ценностей заканчивающейся войны, о чём напоминает блеск орденов офицеров в поезде, приходят *сентиментальные* (семейные) ценности мирного состояния жизни.

Воспоминание в рассказе проходит как бы две ступени: во-первых, это недавнее по отношению к моменту рассказывания прошлое дня «капитуляции германской армии», а во-вторых – прошлое более далёкое, ещё довоенное, запечатлённое на фотографии, которую юная героиня показывает рассказчику. На первой ступени (в момент рассматривания фотографии) выясняется, что отец девочки «на войне», и рассказчик замечает: «Я думал, что увижу именно капитана артиллерии, но увидел молодого человека в белой рубашке, как видно, только что остригшегося» [3, 641–642]. Этот художественный приём наложения военной оптики («увижу» – «увидел» – «видно») на подчёркнуто мирный предмет как несбывшихся предвосхищений, *предвидений* известен ещё со времён повести «Капитанская дочка», в которой рассказчик описывает своё прибытие в Белогорскую крепость: «Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал; но ничего не видел, кроме деревушки, окружённой бревенчатым забором» (III). Смысл такого приёма – во взаимной поверке понятий войны и мира – в конечном счёте – в прикладывании к военному, экстраординарному состоянию жизни её более глубинной (субстанциальной) мирной мерки.

Само воспоминание о конце войны (ретроспективный горизонт повествования) открывает рассказчику, а вслед за ним – читателю – *границу* войны и мира, на которой в обоюдной соотнесённости проясняется смысл обоих этих состояний.

На пересказываемой семейной фотографии (вторая ступень ретроспекции) девочка изображена ещё младенцем и «представляла собой сплошную улыбку», как выражается рассказчик. *Сплошная* улыбка юной героини передаёт ещё ничем не омрачённое, совершенное счастье довоенного состояния изображённой жизни. Фотографии присуща способность хранить даже совсем мелкие и случайные подробности, такие, как тросточка, попавшая на снимок, по поводу которой кто-то из разглядывающих готовую карточку героев сказал: «Смотри, и тросточка получилась». Рассказчик придумывает возможный весёлый диалог собиравшихся фотографироваться: «– А зачем тросточка? (…) – Пускай!» [3, 642]. Налицо присущая довоенному времени душевная щедрость, открытость влюблённых героев, вовлекающих в орбиту своего счастья всё окружающее, даже неодушевлённые вещи. Но, кроме того, тросточка, наряду со словами «девочка», «карточка», «портфельчик», составляет мирный (уменьшительно-ласкательный) контраст тому, чем впоследствии заведовал на фронте капитан артиллерии.

Рассматривающий фотографию рассказчик как будто оживляет её в воображении, представляя себе динамичную картину семейной прогулки по весенней улице, ставя себя, а также читателя, на место молодого героя, которому, как легко это вообразить, «приятно сознавать, что он уже отец ребёнка, и он отнимает голубой свёрток у матери и несёт его сам».

Можно сказать, что описываемая фотография – развёрнутое напоминание об *идиллическом*, мирном состоянии жизни как таковой. В центре этой картинки (εἰδύλλιον – картинка) совершенно не случайно находится ребёнок.

Рассказчик признаётся, что когда он вышел с девочкой на перрон, то «испытывал счастье, которое охватывает человека, когда он ведёт ребёнка за руку» [3, 642]. Образ ребёнка несёт семантику будущего. Счастье здесь, по-видимому, как раз и рождается от неосознанного ощущения крепкой связи с будущим, от чувства причастности восходу жизни. Этот эпизод ассоциируется с тем, как рассказчик представляет себе довоенную идиллию с ребёнком на руках молодого отца. Фигура ребёнка служит поэтому сентиментальной ценностной инстанцией, связывающей прошлое, настоящее и будущее в произведении Юрия Олеши.

Существенное место в рассказе занимает эпизод чтения вслух газеты с «сообщением о капитуляции германской армии». «Маленький листок» страницы газеты показан не просто в центре «огромной толпы», окружившей матроса, который громко читал сообщение, но находящимся как будто в центре всего сущего: «… этот листок как бы стоял в толпе, и все его видели. Он был окружён толпой, станцией, цистернами, горизонтом …» [3, 643]. Весть о конце Великой Отечественной войны имеет значение глобального изменения состояния целого мира – это чувствует рассказчик и все слушатели читаемой газеты. Отсюда слово «горизонт» в представленном эпизоде, означающее поле охвата *всего* видимого: ведь на это «всё» распространяется содержание читаемого «листка». В повествовании происходит своего рода пространственное расширение изображаемой реальности. Так читателю передаётся торжественность и масштабность фиксируемого всемирно-исторического момента. Необходимо заметить в сцене чтения газетной новости фигуру «старой женщины, покрытой копотью мастерских, из которых только что вышла». У введения автором в описываемый эпизод этой фигуры имеются как минимум две художественные мотивировки. Во-первых, она акцентирует исключительность и чудесность события: героиня прикасается к рукаву шинели читающего вслух газету матроса, который здесь выступает в роли вестника, – это безотчётный жест удостоверения, и рассказчик додумывает её немой вопрос: «Там так написано, сынок? Правда? Так написано?» Во-вторых, это образ трудной жизни оставшихся в тылу и вынужденных занять место ушедших на фронт мужчин. Поэтому неслучайна тут «копоть мастерских».

Можно отметить, в связи с последней упомянутой деталью, что довоенное время описываемой жизни окрашено в рассказе в светлые цвета. Это белая рубашка отца девочки, голубой свёрток с младенцем, розовые дома, отражённые в весенних лужах, которые воображает рассказчик, глядя на семейную фотографию. С другой стороны, заголовок газеты с достопамятными политическими новостями назван «чернеющим», шинель матроса, читающего газетное сообщение, чёрная. Однако она сползает во время чтения, «открыв голубые полосы тельника и марлю бинта». Последняя подробность показывает смену чёрного цвета голубым и белым, что отвечает сути сообщаемой вести о конце войны. В том же визуальном ряду находится на первый взгляд малозаметная деталь в самом начале рассказа: «Волосы девочки осветились светом дня». Чуть ниже читаем: «Такой же свет дня освещал волосы матери…». И далее о ней же: «… спала в потоке света» [3, 641–642]. Рассвет описываемого запомнившегося дня открывает прежде всего появление девочки и её матери. Социальный, всеобщий смысл события *окончания времени тьмы* тем самым как будто поверяется частным, семейным.

Та же зримая художественная формула обнаруживается в эпизоде публичного чтения газетного сообщения, когда к слушателям подходят рассказчик с девочкой: от толпы, собравшейся вокруг матроса, «отделилось *светлое* пятно, ставшее через секунду фигурой женщины, распростёршей объятия» [3, 644]. Причём лицо матери, идущей с дочерью на руках, «*сияло* и улыбалось среди пляшущих розанов платка», и рассказчик думает о том, «как прекрасна сама победа, если только *отблеск* её так чарующ». По указанной визуальной логике перехода от тьмы к свету в финале произведения офицер, для того, чтобы обнять женщину и её дочь, «шагнул из полумрака…» [3, 645].

Итак, событие победы и вести о ней изображается в мире рассказа как рассвет. При этом следует заметить, что в контексте целого произведения формула *смены тьмы светом* означает не только «внешний» сюжет победы, но и «внутреннее» событие воспоминания.

Конец войны предстаёт в рассказе «Воспоминание» как *возвращение* к подлинной основе жизни, в которой главное не вражда, а любовь. Поэтому слово «воспоминание» относится не только к рассказчику, но и ко всем героям рассказа, кого война заставила на какое-то время *забыть* о фундаменте мир-

ного существования, подвергнуться своеобразному суровому отчуждению, в том числе оказаться в чужих землях. Это касается и солдат, воевавших в Западной Европе, и мирных жителей, возвращающихся после эвакуации домой.

К концу читаемого произведения мама с дочкой оказываются в центре повествования, когда офицеры, появившиеся в вагоне, замечают, что женщина плачет, как выясняется, «от радости». Текст переносит читателя на точку зрения офицера, поздравившего женщину и её дочку «с победой» и удивляющегося красоте русских имён и лиц. Незнакомый человек говорит: «Галя и Таня!... Ах вы, дорогие мои!» [3, 645]. И этот эпизод актуализирует ещё один смысловой слой названия рассказа – *воспоминания* «всего того родного», за что «сражался» герой и что для него временно было погружено в отчуждающее забвение. Подразумевается возвращение к естественному, изначальному состоянию существования – с позиции ненависти, в которой перед тобой чужие враждебные лица и имена, к позиции любви, сближающей даже незнакомых людей. Воспоминание, таким образом, – это, помимо всего прочего, сентиментальное возрождение «человечности».

Так как повествование делает исторически значительное происшествие предметом воспоминания рассказчика о своей приватной поездке в поезде, в которой он узнаёт об официальном завершении войны, то исторический факт, таким образом, преломляется в сознании героя, на персональном горизонте его жизни. Тем самым невыдуманное, документальное событие получает возможность преображения в художественное, будучи пропущенным через представленные конкретные фигуры персонажей и детали их существования. Исторический факт, увиденный и прочувствованный на горизонте индивидуальной жизни, становится элементом художественного образа. Чисто объективный взгляд на происходящее, отвлечённый от переживания события отдельными его участниками, характеризовал бы научно-историческое сознание. Но событие художественное всегда дано в двойном освещении – изнутри, с точки зрения персонажей, и – одновременно – извне, с позиции эстетического завершающего видения автора и читателя [см.: 2].

Глобальное происшествие мирового масштаба обрастает подробностями, конкретизирующими не его политическую сторону, а идущую «параллельно» частную повседневную жизнь: девочке обещают купить яблоко, на довоенное фото случайно попадает и оказывается «увековеченной» тросточка, на краю вагонной полки появляется свеча. Эти и подобные детали придают в произведении Юрия Олеши ощущение осязаемой жизненной правды, определённости и непреднамеренности изображаемого.

Предшествующее, заканчивающееся – военное – состояние представляемой в рассказе жизни развёртывается пространственно как *дорога*: «За окном летело огромное пространство Казахстана, летело на юг, так как мы поднимались к северу» [3, 641]. Война – это движение, поэтому само известие о конце войны акцентируется в повествовании как остановка: газета читается на станции, а листок с сообщением о «капитуляции германской армии» изображается «неподвижным», как бы *стоящим* в толпе. Конец войны означает возвращение всех – солдат и эвакуированных семей – *домой*. Образам *движения* в художественном мире рассказа «Воспоминание» поэтому противопоставляются образы *покоя*, особенно – в финале, где офицер глядит на девочку и её мать: «Продолжая смотреть на них, он отступил к стене и прислонился. И если бы в вагон не влетели огни приближающейся станции, на которой ему нужно было сходить, то, я думаю, он простоял бы так невесть сколько…» [3, 645].

Взгляд героя, которому становится причастным читатель, *останавливает*, фиксирует движение изображённой жизни на том самом существенном, к чему это движение, собственно, направлено – «всё родное». И направление этого взгляда – тоже воспоминание – о мирной жизни. Скорее всего, в этот момент офицер вспоминает свою семью, к которой он возвращается. Воспоминание обнаруживает под поверхностным временным, подвижным (злободневным) слоем жизни – глубокий слой её вечных – «покоящихся», сохраняющихся – ценностей.

Основное сентиментальное событие произведения, как бы художественно «надстроенное» поверх реального исторического, – *преодоление чуждости родством*, победа времени любви над временем вражды – реализуется в конкретных человеческих фигурах, их переживаниях, но при этом возведённых в символический, универсальный план бытия, которому именно поэтому и может быть причастен любой читатель.

Символическую структуру рассказа Юрия Олеши можно схематично очертить через многослойность смысла его названия благодаря тому, что любое название, относясь ко всему тексту в целом, претендует тем самым на интегрирующее, объединяющее значение. Описывая семантические слои понятия «воспоминание», обобщим, таким образом, сделанные ранее наблюдения.

Прежде всего, воспоминание буквально означает мысленное ретроспективное перемещение рассказчика во времени – *возвращение в прошлое* – ближайшее (конец войны) и отдалённое – довоенное. Во-вторых, речь идёт о реальном перемещении героев рассказа в пространстве – о *возвращении домой* с фронта и из эвакуации. В-третьих, название открывает выдвижение на первый план временно оттеснённого войной; возобновление того главного, что было погружено в забвение, – *конец отчуждения*. В-четвёртых, воспоминание в рассказе ассоциируется с *победой света над темнотой*. В-пятых, наконец, подразумевается событие *успокоения*. И так далее.

Эти взаимно репрезентативные слои читаемого произведения содержат достаточно очевидную ценностную поляризацию. Рассказ фокусирует внимание читателя на границе двух противоположных состояний изображаемой жизни – войны и мира. Конец войны и восстановление мирного состояния означает смену героических ценностей сентиментальными.

Таково направление понимания читаемого произведения. Указанные символическая многослойность и ценностное напряжение образуют схватываемую смысловую структуру. Рассказ Олеши, как и любое художественное произведение, не просто развёртывается в горизонте нашей жизни: как только мы его начинаем читать, он, обращаясь к нам, окликая нас, отключает любые обстоятельства нашего «прозаического» существования для представления поэтической реальности, которая открывает символическое подобие жизни как таковой. Поэтому причастность любого читателя к событиям читаемого произведения лежит не в реальном плане его жизни, а в символическом, в котором подразумевается любая война и то, что ей неизбежно суждено закончиться: мир всегда возвращается к своему исходному – сущностному – состоянию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бадиков В. В*. Вопросы поэтики Юрия Олеши (на материале прозы): автореф. дис. … канд. филол. наук. Алма-Ата, 1967. 27 с.
2. *Бахтин М. М*. Собр. соч. Т. 1. М., 2003. С. 69–263.
3. *Олеша Ю. К*. Избранное. М., 2010. С. 641–649.
4. *Фуксон Л. Ю*. Толкования. Кемерово, 2018. 199 с.
5. *Фуксон Л. Ю*. Чтение. Кемерово, 2007. 223 с.
6. *Чудакова М. О*. Мастерство Юрия Олеши. М., 1972. 100 с.

Поступила в редакцию 15.09.2025

Фуксон Леонид Юделевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы
ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»
634061, Россия, г. Томск, ул. Киевская, 60
E-mail: 12fukson@gmail.com

L. Yu. Fukson

THE BORDER OF WAR AND PEACE IN Yu. OLESHA's STORY "A MEMORY"

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-880-885

The article suggests an interpretation of Yu. Olesha's story "A Memory", and, starting from its title, describes the structure of the artistic time of the story, in which an episode of the recent past is preceded by an earlier time. Such a temporal structure emphasizes the border of the wartime and peaceful states of the depicted life. This is the main subject of the article. War and peace in the world of the fiction are associated spatially with images of the road and the home, the movement and the rest. Therefore the news of the official end of the war finds the main characters of the story in the train bringing them home.

The transition from a military state of life to a peaceful one is depicted in Olesha's story as bringing private, family values to the fore, as a shift from the heroic plan of being to the sentimental one. Moreover, it is a change from something temporary to a permanent, substantial one.

Keywords: artistic time, war, peace, heroics, sentimentality, road, home.

REFERENCES

1. *Badikov V. V*. Voprosy poetiki Yuriya Oleshi (na materiale prozy). Avtoreferat diss. na soiskanie uch. stepeni kand. filol. nauk [Questions of Yuri Olesha's poetics (based on the material of prose). Abstract of the dissertation. for the degree of Candidate of Philology]. Alma-Ata, 1967. 27 s. (In Russion).
2. *Bahtin M. M*. Sobr. soch. [Collected works]. T. 1. M., 2003. S. 69–263. (In Russion).
3. *Olesha Yu. K*. Izbrannoe [Selected writings]. M., 2010. S. 641–649. (In Russion).
4. *Fukson L. Yu*. Tolkovaniya [Interpretation]. Kemerovo, 2018. 199 s. (In Russion).
5. *Fukson L. Yu*. Chtenie [Reading]. Kemerovo, 2007. 223 s. (In Russion).
6. *Chudakova M. O*. Masterstvo Yuriya Oleshi [The skill of Yuri Olesha]. M., 1972. 100 s. (In Russion).

Received 15.09.2025

Fukson L.Yu., Doctor of Philology, Professor at Department of Russian Literature
Tomsk State Pedagogical University
Kievskaya st., 60, Tomsk, Russia, 643061
E-mail: 12fukson@gmail.com

УДК 821.161.1.09(045)

К. С. Ямщиков

ВАЛЕРИЙ ПОПОВ КАК БИОГРАФ: ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ В РЕЦЕПЦИИ ИСПОВЕДАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается нетипичное для классика «ленинградской школы» Валерия Попова (р. 1939) обращение к художественной биографии, начатое книгой о Сергее Довлатове (2010) и законченное исследованием жизни Михаила Зощенко (2015). Сразу же снискавший скандальную славу взгляд Попова на Довлатова стал поводом для обширной полемики вокруг необходимости личного присутствия в интерпретации чужой биографии. Отсутствие критической дистанции между субъектом и объектом наблюдения, эмфатически окрашенный синтаксис, трудноуловимая и порой неразличимая цитатность и вместе с тем акцентуация на изучающем, а не на объекте изучения; все эти аспекты сделали биографии за авторством Валерия Попова образцами исключительного и едва ли сопоставимого с формой традиционных биографий стиля. Путем вкрапления собственного опыта в опыт известных персоналий Попову удается написать послесловие к собственному прозаическому наследию, не сохранив при этом нейтральности взгляда на факты чужого опыта.

Ключевые слова: Валерий Попов, Сергей Довлатов, Дмитрий Лихачев, Михаил Зощенко, биография, остранение, исповедальность.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-886-891

Творчество Валерия Попова (р. 1939), неразрывно связанное с понятиями автобиографизма и исповедальности, принято рассматривать – в первую очередь – как закономерное продолжение традиций «ленинградской школы» (отчасти – ленинградской «второй культуры») и шестидесятничества. Редкий сплав неоромантического мировоззрения, карнавального инструментария и последовательно реалистической поэтики относит прозу Попова в положение жанровой неопределенности, из которой, собственно, и проросло ее своеобычие.

«Валерий Попов умел радоваться во времена, когда заголовок его повести “Жизнь удалась” смотрелся то ли издевательски, то ли конформистски. Так себе и смотрелся, покуда эта повесть (или другая, или очередной рассказ) не проглатывались рисковым читателем и тот не разводил в изумлении руками: действительно, удалась» [7]. Андрей Немзер неслучайно приводит в пример заглавие одной из самых известных поповских повестей, которое можно с уверенностью возвести в статус его художественного кредо.

Нетипичная для советской прозы ориентированность на счастливого рассказчика, идущая вразрез с представлениями о большом идеологическом строительстве, не только сближала прозу Попова с карнавальной традицией двадцатых годов («Серапионовы братья», «южная школа», орнаменталисты, «Ничевоки»), но и предполагала большее пространство эксперимента, внутри которого – посредством мимезиса и стилизации – можно было развить ряд исключительных повествовательных техник.

Проза Попова функционирует благодаря вневременной фигуре рассказчика, центральному, «самовитому» «я», вокруг которого, как правило, и разворачиваются всевозможные фабульные итерации. Важно подчеркнуть, что автобиографическая исповедь от первого лица у Попова практически неизменна – если сравнить его рассказы конца шестидесятых годов и, предположим, повести конца двухтысячных, то можно увидеть, что разница возникает лишь в выборе темы, но не в выборе нарративной оптики.

Тем интереснее проанализировать документальные произведения Попова, написанные по следам чужого опыта – и в меньшей степени относимые к его собственному художественному методу. Таковой окажется трилогия биографий, созданная Поповым в XXI веке: Сергея Довлатова (2010), Дмитрия Лихачева (2013) и Михаила Зощенко (2015). Трудно, впрочем, утверждать, что нонфикциональность этих сочинений абсолютна и не подлежит сомнению.

Наибольшее внимание – и, что ожидаемо, наибольшую полемику, – получила в год выхода книга Попова о Довлатове. Отмеченная скандалом еще до публикации (претензии наследников к неправильному, по их мнению, толкованию фактов из жизни писателя, исходной ангажированности рассказчика), эта биография стала громким прецедентом для российского литературного процесса начала десятых годов.

Как пишет Г. Л. Аросев, «если автор сам был участником процесса, то побороть соблазн практически невозможно. Валерий Попов, к сожалению, побороть его не смог. Он непозволительно много

пишет о себе, причем даже там, где это совсем неуместно. Невзирая на искреннее уважение к Попову, эта книга все-таки не о нем» [3, с. 475].

Действительно: назвать поповскую биографию конвенциональной, академической не получается даже при самых тщательных усилиях. Периодизация жизни Довлатова, его curriculum vitae выстроена в книге таким образом – с такой тематической акцентуацией – что в первую очередь обращает на себя внимание фигура рассказчика, а не объект его пристального наблюдения.

Зеркальный принцип, определяющий структуру биографии, не позволяет читателю заглянуть в суть довлатовской жизни – и понять, откуда произрастают ключевые мотивы его творчества. Читателю предлагается скорее выборка разрозненных фактов, перемежаемая – как часто это бывает у Попова-прозаика – мифами и легендами богемной ленинградской среды, своеобразным «шумом времени». Необычно и то, что своеобразным композиционным рефреном у Попова выступают довлатовские стихи – до сих пор едва ли изученная часть его наследия.

Помимо отчетливо контроверсионной природы самой книги, критики вменяли в вину автору – и, разумеется, издательству – обилие внутритекстовых опечаток, длиннот и повторов. Была лишена биография и стилистического единства; привычный для литературоведения размеренный, строгий язык повествования сменялся внезапными «случаями из жизни» и неоправданными ретардациями, большая часть которых посвящена жизни самого автора.

Сейчас, когда жанр биографии стал поводом для текстологических экспериментов отчетливо полифонического толка («Виктор Шкловский» (2014) Владимира Березина, «Л.Ю.Б. Ее Лиличество Брик на фоне Люциферова века» (2019) Алисы Ганиевой, «Отец шатунов. Жизнь Юрия Мамлеева до гроба и после» (2023) Эдуарда Лукоянова), настолько вольное обращение с темой и материалом не выглядит чем-то исключительным.

Однако в 2010 г. сам факт появления подобной книги был событием намеренно провокативным – тем более что объектом пристального внимания в ней взят признанный классик позднесоветской ленинградской мифологии, ее, если угодно, genius loci (каковыми стали к концу девяностых и Иосиф Бродский, и Леонид Аронзон). «В новейшие времена культовых авторов много, а культов — мало. И тем удивительней, насколько точно посмертная судьба такого эстетствующего (и во многом внеэтического) автора, как Сергей Довлатов, ложится в матрицу религиозного культа» [5].

Разоблачительный пафос, усмотренный критиками, был, по мнению некоторых из них, направлен автором (то ли сознательно, то ли невольно) на самого себя. По мнению Варвары Бабицкой, «в этой обыкновенной истории есть оригинальная деталь: Валерий Попов отнюдь не считает, что написал о друге что-то плохое. И в книге, и в интервью по поводу ее выхода биограф твердит: перед нами не пасквиль, а «любовно-дружеский шарж»; да, у всех людей есть «милые и смешные недостатки», и вообще гению нужно прощать, и он лично Довлатову все простил, а книга продиктована одной нежностью. Если это так, с подобными друзьями не нужно врагов, потому что в этой книжке похвалы куда выразительнее критики» [4].

Показателен ажиотаж, разросшийся вокруг книги, которая столь крупного ажиотажа вряд ли предполагала. Переход от биографической точности к «хрестоматийному глянцу» – препарированию отдельного лица для создания, воздвижения контекстуального мифа, – непривычен в литературной ситуации России десятых годов. Отсутствие критической дистанции между наблюдающим и наблюдаемым делает биографию Довлатова скорее предметом спекуляций, нежели осознанным фактом литературоведения.

Аналогичные претензии высказывались автору в телепередаче «Школа злословия»; одна из ведущих так сформулировала свое недовольство: «Мне как читателю видно, что книжка сделана неряшливо, что ее не вычитывали, что там повторяющиеся куски, повторяющиеся фразы… и когда это выходит в серии “ЖЗЛ”, которая отмечена некоторой академической традицией, по крайней мере – традицией вычитанного текста, – меня охватывает раздражение и злоба» [14].

На вполне обоснованные претензии Попов отвечает словосочетанием «каприз художника», которым, по его мнению, и является книга о Довлатове. В таком смысле неслучаен и культивируемый полистилизм рассказа, и сознательное размытие границ между фикциональным и нонфикциональным модусами, и, наконец, намеренная «пристрастность» исследования, безапелляционность отдельных словесных характеристик.

Важна фраза, допущенная Поповым в начале третьей главы книги: «Конечно, тут я уже сочиняю за Довлатова. Но что первый его брак был насквозь литературный, сочиненный, искусственный – в

этом я, хорошо зная обоих супругов, абсолютно уверен» [9, с. 69]. «Абсолютная уверенность», не подкрепляемая фактами и источниками, заведомо ставит автора в невыгодную для него позицию интерпретатора, что могло бы казаться естественным в условиях тотального дефицита информации, но едва ли способно восприниматься всерьез в культурном поле современности, где биография как жанр и метод давно располагает своим нерушимым каноном.

Другое мнение высказывает в статье «Мастер мифа и пиара» писатель Василий Авченко: «Попов планомерно, с примерами доказывает, что проза Довлатова не то что имеет к реальности косвенное отношение – а порой вообще никакого отношения не имеет. Если бы вохровцы или журналисты вели себя так, как это описано у Довлатова, – их бы не просто разогнали на третий день, жизнь вообще стала бы невозможна, утверждает Попов. Но не писать же о скучных буднях! Поэтому Довлатов не просто «сгущает краски» (как многие), но старательно нагнетает отчаяние и абсурд, чтобы проза стала нескучной и “экзистенциальной”» [1].

Уже приводившийся выше зеркальный принцип работает двойственно, выявляя в тексте, с одной стороны, незаполненные лакуны, но вместе с тем – обнаруживая плодотворную для дискуссии многомерность формулируемых тезисов, того, что Бабицкая и определила как «выразительную похвалу». Попов создает привычный текст-автобиографию по следам биографии чужой – и неминуемо сопоставляет два положения, два целеполагания, два взгляда на писательское ремесло.

Особенно запоминающиеся фрагменты книги обращены не к Довлатову, но – к его окружению: так, одно пространное упоминание Поповым группы «Горожане» (Борис Вахтин, Владимир Марамзин, Игорь Ефимов, Владимир Губин) превосходит по убедительности – погружения в эпоху, литературоведческого анализа, – многие из основных положений биографии. «Тогда в нашей среде важнее было – не что писать, а как. И в этом Губин был мастером непревзойденным. В сущности, роскошь письма и была у «Горожан» содержанием, главным «посылом» их душ. И теперь вдруг оказалось, что это неинтересно! Сейчас столь затейливое письмо может всплыть вдруг совершенно неожиданно в произведениях кого-нибудь из эмигрантов, сохранивших в своем сердце те годы. Порывая с тем временем, они на самом деле увезли его с собой и бережно сохранили – а у нас никто уже так давно не пишет, все переменилось тысячу раз…» [9, с. 147–148].

Принципиально иначе выглядит следующая биография, посвященная жизни Дмитрия Лихачева. С самого начала заметна смена интонационного регистра; фигура рассказчика оттенена прямой хронологией и не сбивается на сюжетные ретардации с особой для них синтаксической экспрессией. Больше и прямых ссылок на источники, развернутых цитат; впрочем, даже здесь Попов не обходится без афористически выдержанных пауз («Но куда “потечет” жизнь? Она порой “склонности” человеческого характера грубо отвергает. Многое зависит от времени — и от школы. Школа, вообще-то, должна улавливать талант, развивать душу. Это сейчас главное – выучить ЕГЭ, а все остальное — пропади пропадом. Но тогда еще…») [10, с. 12].

Стремление к объективации взгляда, попытка обойти уже существующие интерпретации порой уводят Попова в контекстуальный ригоризм; как отмечает В. И. Шемшученко, «досадно, что В. Попов при написании книги о Д. Лихачеве проявил тенденциозную идеологически окрашенную избирательность и нарисовал нам портрет «полубога», одного слова которого хватило для того, чтобы остановить губительный поворот северных рек, хотя широко известно противостояние этому губительному проекту многих известных писателей и общественных деятелей» [13].

Попов, однако, по-прежнему работает над усилением фабулы путем внедрения личной биографии, идущей вразрез биографии изучаемой персоналии: «Помню наш Саперный переулок. Город словно забыл себя, чуть ли не превратился в деревню: росли лопухи, бегали куры. И в то же время в нем чувствовались величие, тайна, трагическая красота – и это все действовало чрезвычайно сильно. Помню, как мы с ребятами играли в полуразрушенном храме Спаса на Крови. Собирали красивые камешки от мозаики, составляли свои картинки. Город волновал, вдохновлял даже тех, кто не знал еще его истории, его культуры» [10, с. 61].

Эпифании детского мировосприятия конгениальны здесь эпифаниям из биографии Довлатова; не слишком убедительная попытка универсализации опыта превращает биографию частного лица в срез мнений об эпохе, что, конечно, едва ли прибавляет убедительности самому труду. Это в меньшей степени академическое письмо и в большей степени попытка пересобрать личное понимание – конкретной темы, конкретного исторического лица; попытка набело переписать сюжеты, анализировавшиеся учеными прежде.

Из опыта первой биографии Попов вынес многое: и нежелательное сокращение дистанции, и – нарочитые, отдающие фрагментами из «другого» лирические отступления, и необязательность конечных формулировок. Биография Лихачева, однако, вовсю походит на типичный для «ЖЗЛ» образчик стиля, редкие стилистические аномалии которого не позволяют забыть о весомых достоинствах текста: крепости, последовательности и обстоятельности.

Нетрудно предположить, что привлекло Попова – сразу после двух биографий – в личности Михаила Зощенко. Очевидным напрашивается сходство писательских практик и личной методологии; пограничное состояние стиля, балансирующие между неподцензурностью и официальным литературным каноном. В рецензии на последнюю из написанных на сегодняшний день биографий Попова критик А. И. Анненков использует единственное точное определение «биографического романа» [2].

Смех, стоическая рецепция оптимизма – вот то ключевое, что объединяет и Попова, и Зощенко («Валерий Попов это Зощенко сегодня. И вчера») [12, с. 5]. Трагический пафос книги «Перед восходом солнца» (1935–1943) в определенном смысле предопределил ту легкость саморазоблачения, с которой Попов напишет свою известную «трилогию утраты» («Третье дыхание» (2003), «Комар живет, пока поет» (2006), «Плясать до смерти» (2011). Неудивительно, что именно это жанровое своеобразие – карнавализация стигмы, смеховая транспирация катастрофы – впоследствии повлияет – напрямую – на восприятие Зощенко в новейшей русской литературе. Судьба Попова также не останется без изменений; именно «трилогия утраты» принесет ему необходимую уже в новом столетии актуализацию статуса.

Из всех трех биографий за авторством Попова наиболее сбалансированной, гармонически выверенной представляется, пожалуй, книга о Лихачеве. Хотя и в труде о Зощенко фрагменты из жизни автора не стягивают к себе читательское внимание и выглядят уместными – там, где расположены; именно с такого фрагмента биография и начинается. Презумпция личного опыта резво переходит в рассказ о чужом художественном методе и чужой судьбе.

В одном из интервью Попов так разъясняет свой выбор героя:

«Главный мой интерес (и в книге про Довлатова, и в книге про Лихачева, и в книге про Зощенко) – исследовать, откуда берутся гении, какое переплетение судьбы и истории их порождает. Эпоха Зощенко была потрясающей. Самой плодотворной для литературы (сколько появилось ярких имен!) и самой опасной» [8].

Преодоление манеры, закостенелости жизненных принципов сближает Попова со всеми тремя героями его биографий, утверждая нечто общее, что расположено над их размышлениями. Довольно удивительно при этом читать первую из книг, остранения и внутреннего непонимания чужой манеры в которой больше, чем где-либо еще; несмотря на личное знакомство Попова с Довлатовым и их весьма отчетливое (в ленинградскую пору последнего) приятельство.

«Эта миссия литературы – творить из горя и грязи красоту, присоединять к слезам отчаяния слезы восхищения – сегодня почти забыта, литература – по крайней мере, наиболее “продвинутая” ее часть – почти что норовит делать обратное. И сосуды работы Валерия Попова, когда он не топит страдания в чехарде гротескных происшествий, но оттеняет их гротеском, доводит их до символа – на этом фоне его рюмочки и кубки особенно хороши» [7].

Если предположить – взять во внимание – подобное целеполагание, то многие вопросы касательно уместности отдельно приведенных фактов отпадут сами собой. Валерий Попов выстроил свою литературную биографию на алгоритмах художественных пристрастий – внимательного, почти семейного отношения к проживаемому быту, к людям, окружающим пишущего и читающего, – потому вполне закономерно, что и документальную прозу он выстроил на схожих принципах.

К сожалению, и этот труд не обошелся без спорадических уходов от темы, внедрения личного опыта в опыт чужой биографии. Возникающая благодаря подобному синтезу контекстуальная дихотомия не может не отталкивать простого читателя; иными словами, культура палимпсеста не слишком применима к биографии человека, о котором написано и без того много. Хотя, возможно, ровно этот факт в некотором смысле освободил Попова от лишнего академизма; лирическое восприятие биографии тоже имеет место быть – пускай и за границами фактографического измерения (можем вспомнить книгу Глеба Шульпякова «Батюшков не болен» (2023), которая, к слову, тоже стала поводом для внушительной полемики).

Подытоживая сказанное, заметим, что все три биографии за авторством Валерия Попова больше напоминают конспект романа по мотивам чужих судеб, нежели вдумчивое академическое исследова-

ние. В первом случае – сказались – неряшливость, препоны издательского дела и «сакральность» поднятой темы (наследники Довлатова здесь выступили ожидаемым для них образом). Во втором случае – общее, усредненное восприятие биографии – человеком, который явно хотел бы писать иначе; в случае третьем – «философия счастья», привычная для Попова-прозаика, в декорациях не слишком привычного для него биографического модуса. Не способствует ясности понимания и чрезвычайная экспрессия языка, далекая от нормы академического исследования.

Наиболее плодотворной и существенной трактовкой «трилогии биографий» будет следующая: путем работы над чужими жизнеописаниями Попов во многом пересобирал собственный прозаический метод. Остранение и дистанцирование, тем не менее, мало поспособствовали эволюции Попова в категорически нового писателя; куда лучше этому помогли его повести двухтысячных годов, трагедия личности в которых никак не соотносилась с метафизической установкой духа; установкой, как можно догадаться, на счастье.

Финал жизнеописания Зощенко незаметно перетекает в свободную от жанра, расположенную за границами эстетических и контекстуальных норм прозу Попова, принципиально лишенную определенности. Прозой его биографический эксперимент начинался; прозой и закончился. Едва ли эти три текста сказали нам больше об изучаемых персоналиях, позволив воспринять их по-новому, однако точно рассказали нам о «поисках жанра» самого Попова и его поздней художественной манеры.

Валерий Попов не может восприниматься как биограф в отрыве от его собственной прозы и от его собственной биографии; иначе читатель, к своему разочарованию, получит неправдоподобный синтез наружного и внутреннего, повествовательный синкретизм, в котором трудно разгадать предшествующий стилизации оригинал.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авченко В. О*. Мастер мифа и пиара // Литературная газета. 2010. № 42. URL: https://litrossia.ru/item/4678-oldarchive/
2. *Анненков А. И.* Михаил Зощенко в зощенковском мире // НГ EX-Libris. 06.12.2018. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2018-12-06/14_1002_world.html
3. *Аросев Г. Л.* Валерий Попов. Сергей Довлатов // Вопросы литературы. 2011. № 5. С. 474–477.
4. *Бабицкая В.* Валерий Попов. Довлатов // OpenSpace. 05.10.2010. URL: https://os.colta.ru/literature/events/details/18107/
5. *Кудрин О. В.* Довлатов как культ // Новый мир. 2014. № 1. URL: https://nm1925.ru/articles/2014/201401/dovlatov-kak-kult-1032/
6. *Мелихов А. М*. Победа над ужасом // Знамя. 2001. № 9. URL: https://znamlit.ru/publication.php?id=1539
7. *Немзер А. С*. Праздник однолюба // Новая карта русской литературы. 23.08.2007. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/prazdnik-odnoliuba/
8. *Попов В. Г.* «Гении замечательно подготовились к вечности» // Год литературы. 17.07.2015. URL: https://godliteratury.ru/articles/2015/07/17/zoshenko-popov
9. *Попов В. Г.* Довлатов. 3-е изд. М.: Молодая гвардия. 2015. 355 с.
10. *Попов В. Г.* Дмитрий Лихачев. 2-е изд., испр. –М.: Молодая гвардия, 2014. 269 с.
11. *Попов В. Г. Зощенко.* М.: Молодая гвардия, 2015. 523 с.
12. *Стругацкий Б. Н.* Вместо предисловия // Попов В. Праздник ахинеи. М.: Юридическая литература, 1991. 328 с.
13. *Шемшученко В. И.* Хотелось бы иначе // Парус. № 24. 04.07.2013. URL: https://litbook.ru/article/4212/
14. *Школа злословия.* Валерий Попов // Выпуск от 07.11.2011. URL: https://rutube.ru/video/56c9c0ed9d270f7aee6de1e3520a8334/?r=wd

Поступила в редакцию 14.10.2025

Ямщиков Кирилл Сергеевич, выпускник очной аспирантуры кафедры новейшей русской литературы
ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького»
123104, Россия, г. Москва, Тверской бульвар, 25
E-mail: cyril.yamshickov@yandex.ru

K. S. Yamschikov

VALERY POPOV AS A BIOGRAPHER: ANOTHER's LIFE IN THE RECEPTION OF CONFESSIONALITY

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-886-891

The article examines Valery Popov's unconventional approach to literary biography, initiated by his book on Sergei Dovlatov (2010) and culminating in his study of Mikhail Zoshchenko's life (2015). Popov's controversial perspective on Dovlatov, which garnered immediate notoriety, sparked debates about the necessity of "personal presence" in interpreting another's biography. The absence of critical distance between observer and object of observation, an emphatically charged syntax, elusive and often indiscernible intertextuality, the effacement of the authorial voice within quoted speech, and yet a focus on the biographer rather than the biographical subject—all these elements render Popov's biographies remarkable examples of a style that scarcely aligns with traditional biographical forms. By interweaving his own experience with those of renowned figures, Popov crafts an epilogue to his own prose legacy while abandoning any pretense of neutrality toward the facts of another's past.

Keywords: Valery Popov, Sergei Dovlatov, Dmitrii Likhachev, Mikhail Zoshchenko, biography, ostranenie (defamiliarization), confessionality.

REFERENCES

1. *Avchenko V. O.* Master mifa i piara [Master of Myth and PR]. Literaturnaya gazeta [Literary Gazette], 2010. № 42. URL: https://litrossia.ru/item/4678-oldarchive/ (In Russian).
2. *Annenkov A. I.* Mikhail Zoshchenko v zoshchenkovskom mire [Mikhail Zoshchenko in Zoshchenko's world]. NG EX-Libris [Independent Newspaper], 06.12.2018. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2018-12-06/14_1002_world.html (In Russian).
3. *Arosev, G. L.* Valerii Popov. Sergei Dovlatov // Voprosy literatury [Issues of Literature], 2011. № 5. pp. 474–477. (In Russian).
4. *Babitskaya V.* Valerii Popov. Dovlatov [Valery Popov. Dovlatov] // OpenSpace, 05.10.2010. URL: https://os.colta.ru/literature/events/details/18107/ (In Russian).
5. *Kudrin O. V*. Dovlatov kak kul't [Dovlatov as a Cult]. Novyi mir [New World], 2014. № 1. URL: https://nm1925.ru/articles/2014/201401/dovlatov-kak-kult-1032/ (In Russian).
6. *Melikhov A. M.* Pobeda nad uzhasom [Victory over Horror]. Znamya [The Banner]. 2001. № 9. URL: https://znam-lit.ru/publication.php?id=1539 (In Russian).
7. *Nemzer A. S.* Prazdnik odnolyuba [One-woman Man's Feast]. Novaya karta russkoj literatury` [New Map of Russian literature], 23.08.2007. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/prazdnik-odnoliuba/ (In Russian).
8. *Popov V. G.* «Genii zamechatel'no podgotovilis' k vechnosti» [Geniuses are remarkably prepared for eternity]. God literatury [Year of Literature], 17.07.2015. URL: https://godliteratury.ru/articles/2015/07/17/zoshenko-popov (In Russian).
9. *Popov V. G.* Dovlatov [Dovlatov]. 3-e izd. M.: Molodaya gvardiya [Young Guard], 2015. 355 p. (In Russian).
10. *Popov V. G.* Dmitrii Likhachev [Dmitry Likhachev]. 2-e izd., ispr. M.: Molodaya gvardiya [Young Guard], 2014. 269 p. (In Russian).
11. *Popov V. G.* Zoshchenko [Zoshchenko. M.: Molodaya gvardiya [Young Guard], 2015. 523 p. (In Russian).
12. *Strugatskii B. N.* Vmesto predisloviya [Instead of a preface] // Popov V. Prazdnik akhinei [The Feast of Nonsense]. M.: Yuridicheskaya literatura, 1991. 328 p.
13. *Shemshuchenko V. I.* Khotelos' by inache [I wish it were different]. Parus [Sail]. № 24, 04.07.2013. URL: https://lit-book.ru/article/4212/ (In Russian).
14. *Shkola zlosloviya* [The School for Scandal]. Valerii Popov [Valery Popov] // Vypusk ot 07.11.2011. URL: https://rutube.ru/video/56c9c0ed9d270f7aee6de1e3520a8334/?r=wd (In Russian).

Received 14.10.2025

Yamshchikov K.S., postgraduate (graduate student) of the Department of Modern Russian Literature
Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing
Tverskoy Blvd., 25, Moscow, Russia, 123104
E-mail: cyril.yamshickov@yandex.ru

УДК 821.111-561:81.352.2.09(045)

Л. А. Агрба, Э. Г. Айба

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ТОСТА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА СТИХОТВОРЕНИЯ РОБЕРТА БЁРНСА *THE SELKIRK GRACE* И ЕГО ПЕРЕВОДА НА АБХАЗСКИЙ ЯЗЫК ПЛАТОНОМ БЕБИА)

Статья посвящена особенностям передачи лингвокультурных реалий при переводе поэтического текста. В качестве иллюстративного материала взято стихотворение шотландского поэта Роберта Бёрнса *The Selkirk Grace* в рецепции абхазского поэта-переводчика Платона Бебиа. Анализ закономерностей межъязыковых и межкультурных соответствий в переводческой деятельности Бебиа впервые становится предметом отдельного исследования, что определяет новизну работы. Цель статьи – анализ тоста, благодарственного обращения к Богу, как элемента лингвокультурного дискурса и особенности его переложения на абхазский язык. В круг задач исследования входит сравнение базисных символов и концептов, определяющих этнокультурные особенности языковой картины мира автора оригинала и поэта-переводчика. Отмечены этнокультурные сходства и различия в способах актуализации тоста-благодарения Богу. Проанализировано смысловое содержание национально-специфических идиом и паремий, связанных с обычаями гостеприимства в абхазской и шотландской лингвокультурах. Теоретическая значимость исследования связана с развитием сравнительной лингвокультурологии применительно к культурным ритуалам и их концептам. В результате сопоставительного исследования выявлена общность традиций и обычаев абхазского и шотландского народов, позволивших переводчику довольно точно осуществить культурный перевод шотландских реалий на язык абхазского читателя. В частности, заздравный тост в виде молитвы-благодарения Роберта Бёрнса был довольно точно переведён Платоном Бебиа на абхазский язык в силу того, что и у абхазов подобные тосты являются неотъемлемой частью застольной культуры и благодарение Богу произносятся первым тостом за трапезой. Дальнейшее сравнительно-сопоставительное изучение лингвокультур шотландских и кавказских горцев на основе анализа переводческих текстов обладает значительным исследовательским потенциалом.

Ключевые слова: Бёрнс, Бебиа, поэзия, тост, застолье, молитва, перевод.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-892-898

Тост считают первичным речевым жанром, который имеет глубокую лингвокультурную основу. Актуализирующийся в ситуации совместной трапезы и обладающий своими нормами, атрибутами и этикетом, он представляет собой «специфически национальную форму проявления универсальной и «организационной» функции культуры» [9, с. 18].

Под тостом понимается короткая, экспрессивно окрашенная речь, произносимая оратором перед употреблением хмельных напитков до, во время или после трапезы. «Тосты могут быть сентиментальными, лирическими, комическими, короткими и длинными, могут выражаться одним словом» [13, с. 63]. Часто это спонтанная речь, отличающаяся композиционным и стилистическим своеобразием. Импровизационный её характер отличается вариативностью формы и композиционной структуры. При этом, как жанр публичных выступлений, тосты имеют конкретные особенности в разных культурах. Их языковое и невербальное выражение неразрывно связано с традициями, обычаями и ритуалами. В каждой лингвокультуре произнесение застольных тостов обладает своей спецификой и особенностями, определённым набором характерных черт и стереотипных элементов.

В культуре застольных речей, веками отшлифованной, богатой, гибкой заложено нечто большее, чем обмен любезностями и информацией. Являясь важной частью культуры многих народов, она помогает понять менталитет, общественный уклад жизни и ценностные доминанты её представителей. В ней «тесно соприкасаются суггестивные возможности слова, речевой патетики и веры в сакральный потенциал поэтического послания» [12, с. 37], поэтому подобным речам и их содержанию придавалось большое значение.

По мнению некоторых исследователей, традиции, связанные с данной формой ораторского искусства, уходят в далекое прошлое, «к древнейшим обрядам жертвоприношения, в которых молитвы, обращённые к сверхъестественным силам (богам), составляли важную часть ритуального действа, имевшего магический характер» [2, с. 3]. Истоки зарождения и развития тоста увязывают с «вербаль-

ной магией, призванной в особо торжественных обрядовых действах (в частности, в «молебнах о здравии»), путем обращения к Всевышнему, отогнать, отпугнуть враждебные силы, обеспечить здоровье и благосостояние человека. В таких случаях молебен (а впоследствии – тост) предстаёт как словесный аккомпанемент к совершаемому действу» [11, с. 431].

Тост «держит» застолье, определяет и регламентирует застольное поведение и не позволяет ему превратиться в заурядное поглощение еды и напитков, но переводит трапезу в акт манифестации духовных ценностей. Основной его задачей является установление определённого эмоционального фона, приятной атмосферы для коммуникации разделяющих трапезу людей. В застольных речах воспроизводится культурный и эмоциональный опыт народа, а в винопитии совершается своеобразный акт причастия человека к сакральному. Тосты обладают важным ритуально-символическим значением, выполняют социально интегрирующую и консолидирующую функции и тесно связаны с институтом гостеприимства [1].

Во многих культурах верят, что тосты обладают определённой силой и могут влиять на реальность. «Благопожелание, винопитие, несомненно носили магический характер, так как считалось, что с их помощью можно повлиять на судьбу человека, на ход событий в жизни людей» [6, с. 8], поэтому за столом всегда старались говорить только о хорошем и поучительном.

Кавказские тосты являются неотъемлемой частью культуры, и их значение выходит далеко за рамки простых слов. Застолье здесь – это особый ритуал, где в деталях регламентировано поведение каждого: мужчин и женщин, старших и младших, хозяев и гостей. Дж. Интериано, генуэзский историк, этнограф, путешественник, побывавший на Кавказе в XV в., писал, что горские народы «выпивают и во славу Божию, и во имя святых, и во здравие родичей, и в честь памяти умерших друзей, и в память каких-либо замечательных и важных подвигов, и пьют с большой торжественностью и почтением, словно совершая священнодействие, всегда с обнаженной головой и в знак наивысшего смирения» [5, с. 49].

Культура застолья – очень интересный и в то же время сложный процесс, состоящий из множества компонентов, требующих высокого ораторского и дипломатического умения, знания этикета и обычаев, безупречной культуры общения для установления крепких межличностных и общественных отношений, поддержания гармоничного общения всех участников трапезы. Здесь важны и этика, и эстетика, и эмоциональная наполненность.

Любое застолье ассоциируется с приходом гостей, с идеей гостеприимства, хлебосольства. Несмотря на суровость жизни в горах, и горцы Кавказа, и шотландские Хайлендеры[1] славятся своим гостеприимством. В абхазской и шотландской лингвокультурах традиция гостеприимства особенно уважается, ценится. Можно сказать, что для обоих культур гостеприимство является основополагающим ядром национального характера.

К гостю у шотландцев особое, трепетное отношение, в отличие от англичан, в чьей идиоматике «гостеприимство как общественно значимая черта вообще не представлена ни положительно, ни отрицательно» [10, с. 150]. Приведём несколько паремий, которые отражают отношение шотландцев к гостю: A good guest is worth gold – Хороший гость на вес золота. A welcome guest is a blessing – Встреченный гость – благословение. A house without a guest is a cold house – Дом без гостя – холодный дом. A visitor is like the sun: when he comes, he brings warmth; when he goes, he leaves a memory – Гость – как солнце: когда он приходит, он приносит тепло; когда уходит, оставляет воспоминание. Be a good host to your guest, and be a good guest to your host – Будь хорошим хозяином для своего гостя, и будь хорошим гостем для своего хозяина. Welcome is the best dish in the kitchen – Гостеприимство – лучшее блюдо кухни.

Шотландским изречениям близки пословицы абхазов: *Асас ицуп быжь насыԥк* – Гость приносит семь удач. *Асас бзиа уахьаԥәшәалакь дызтәом* – Хорошего гостя не на всякое место посадишь. *Асас аҩнаԥы Анҷәа диҩызоуп* – Гость в доме – Бог в доме. *Аԥсуаа асас изы рышә есԥьынгьы иаартуп* – У абхазов для гостя дверь всегда открыта.

Абхазы считают, что гость – это посланец Божий и с ним приходит благодать, поэтому ему стараются предоставить всё самое лучшее. Также и шотландцы ценят и уважают законы гостеприимства. Многие путешественники с восторгом рассказывают о горячем приёме, который был оказан им даже в самых отдалённых горных уголках Шотландии. Что примечательно, «шотландские кельты проявляют гостеприимство не только к иностранцам, но и к своим врагам» [8, с. 100].

[1] Так называли жителей горной части Шотландии (High Land)

Паремиологическая картина указывает, что любой гость в образе «чужого» или «своего», – родственника, соседа, друга, человека вообще и даже врага, подтверждает на языковом уровне свойственную шотландской и абхазской культурам ориентацию на коллективизм, соборность, стремление к единению, а также открытость и хлебосольство.

Согласно традиции, первый тост на любом абхазском застолье поднимается за Бога: *Анцәа, улԥха ҳатԥ* – «Боже, ниспошли нам свою благость» (досл. «Дай нам тепло своих очей»). Это короткая благодарственная молитва, с которой собственно и начинается трапеза у абхазов. Подобную традицию мы находим и в культуре шотландцев. Короткая молитва Бёрнса *The Selkirk Grace* (в совр. англ. переводе *Grace before meal*), известная русскому читателю как «Заздравный тост», является прекрасной иллюстрацией важности молитвенного славословия Богу перед началом трапезы в шотландской культуре. Изначально произносимая на диалекте лалланс, она стала неотъемлемой частью шотландского застолья.

Ценность данного стихотворения заключается в его эмоциональном воздействии. Текст его хоть и написан на шотландском диалекте, стал понятен и близок широкой аудитории, что способствовало его быстрому распространению и популярности. Формально стихотворение восходит к жанру заздравной песни, однако в нём просматриваются романтические черты.

Лирическим героем произведения является проекция личности самого автора, который произносит заздравный тост, напрямую обращаясь к читателям с напутственным словом. При помощи метких наблюдений, он предостерегает от жадности, чревоугодия, скаредности, ленности. В четырех строках Бёрнса содержится рефлексия автора на тему добродетели и пороков, даются поучения и добрые наставления.

Основополагающая тема стихотворения *The Selkirk Grace* – это напоминание о благодарности Богу за Его милость, за еду и за тех, кого Он посылает разделить трапезу. Используя поэтический язык и образность, Бёрнсу удаётся вызвать чувство благоговения и трепета у читателя. Хотя слова могут показаться простыми, за ними скрывается более глубокий смысл, отражающий ценности и традиции шотландской культуры. Знаменитый шотландский поэт, написал стихотворение несколько веков назад, но с тех пор оно стало неотъемлемой частью шотландского наследия. Понимание значения этой застольной молитвы поможет нам оценить красоту и значимость шотландской культуры.

Первая строка *Some hae meat and canna eat* – «У которых есть, что есть, – те подчас не могут есть»[2] вызывает наибольшие споры у критиков, но, на наш взгляд, она содержит в себе философский смысл, указывающий на противоречие между ценностями материального порядка и физическим или духовным благополучием. Автор напоминает, что не у всех одинаковые условия жизни, но нужно быть благодарными за то, что есть здесь и сейчас. Ведь, даже имея достаток, человек может страдать от душевных проблем, которые мешают испытывать счастье и удовлетворение. Напротив, богатство может рассматриваться как испытание, которое даётся человеку для проверки его духовной зрелости.

Абхазский поэт и переводчик Платон Бебиа (1935 – 2021) в своей версии перевода этой строки добивается усиления эмоционального эффекта за счёт добавления экспрессивно окрашенных слов: *Изфо змоу – ирзыфом, гәыԥжәагоуп, ишаноуп* – У кого есть, что кушать – не могут есть, удивительно, странно. Используя дополнительные слова-усилители (*гәыԥжәагоуп* – «раздражает», *ишаноуп* – «удивляет»), которые отсутствуют в оригинале, автор перевода подчеркивает давящую парадоксальность ситуации, в которой, те, кто имеет, не может в полной мере наслаждаться тем, что послано.

Во второй строке звучит мысль о тех, кто проходит испытание бедностью: *Some wad eat that want it* – «А другие могут есть, да сидят без хлеба». Автор подчёркивает важность милосердия, участия и заботы о тех, кто нуждается. В абхазской версии *Изфо – ирфо рымам, итәоуп еиқәынӷәа* – досл. «Те, кто могут есть – не имеют еды, сидят впроголодь, гибнут» (перевод наш. – *А. Л., А. Э.*). Эффект обречённости достигается при помощи слова *еиқәынӷәа,* от гл. *анцэара* – «погибнуть, умереть».

Интересно отметить, что для обозначения еды Бёрнс использует слово *meat* – «мясо». Выбор лексической единицы может быть связан с тем, что в шотландской лингвокультуре мясо ассоциируется с потребительской основательностью и социальной стабильностью. То есть именно этот продукт обладает семиотической маркированностью и наибольшей значимостью в качестве символа, определяющего достаток, «сытость» общества. У Бёрнса мясо выступает как продукт, олицетворяющий благополучие социума.

[2] Здесь и далее перевод на русский Самуила Маршака. Обращаем внимание, что П. Бебиа при переводе поэзии Бёрнса на абхазский язык, опирался именно на переводы С. Маршака.

Самуил Маршак (1886 –1964) в русском переводе заменяет его словом «хлеб» («сидят без хлеба»), что отвечает базовой потребности русского человека, для которого хлеб – основа повседневного рациона. Хлеб – жизненно важная гастрономическая максима для русского человека. В категории еда, это продукт, составляющий семантический центр русской лингвокультуры, подтверждением чему является пословица: «Хлеб на стол, так и стол престол, а хлеба ни куска – и стол доска».

В переводе на абхазский, Бебиа использует глагол *афара* – «есть, кушать», который ёмко передаёт содержание строки. Однако, автор перевода не уточняет, что именно будет потребляться за трапезой. То есть подчёркивается ценность того, что Богом послана пища, не важно какая.

Таким образом, анализ показывает, что для выражения одной и той же идеи, авторы перевода вынуждены подбирать ту лексическую единицу, которая может максимально точно передать суть высказываемого и быть понятной в определённой лингвокультурной среде. При этом, одно и то же слово, может нести разную семантическую нагрузку и обладать рядом специфических аксиологических отличий, что может затруднить понимание переведённого текста.

Третья строка стихотворения Бёрнса звучит как призыв к действию: *but we hae meat, an we can eat, and sae the Lord be thank it* – «А у нас тут есть, что есть, да при этом есть, чем есть, – Значит, нам благодарить остаётся небо!» В этой строфе происходит лексическая фиксация в сублимированном виде коллективных, этнокультурных ценностных доминант, и, одновременно, поэт раскрывается, как глубоко верующий человек и представитель своей лингвокультуры. Поэзия Бёрнса пронизана духовностью и часто выражает чувство благоговения перед миром природы и божественным началом. Бёрнс напоминает о чувстве благодарности тому, кому мы обязаны всем, что имеем.

В русском переводе С. Маршака акцент несколько смещен: «Значит, нам благодарить остаётся небо!» Прямое указание имени Бога в тексте оригинала заменено переводчиком на нейтральное «небо», а глагол «благодарить» перенесён в пассивную конструкцию и замещён словом «остаётся». Таким образом, создаётся ощущение вынужденной признательности человека высшим силам. Однако, понимая социальный и политический контекст, а также условия жёсткой цензуры, в которых Маршаку приходилось работать, данная игра слов вполне объяснима. Более того, переводчику пришлось обыграть и название стихотворения, убрав из него «непроходное» в то время слово «молитва». В отличие от современных переводчиков, обратившихся к творчеству Бёрнса (Е. Фельдман. Благодарственная молитва в доме графа Селькирка, 2009 г.; Ю. Князев. Молитва перед едой, 2013 г.; С. Сапожников. Молитва за столом у Селкёрка, 2014 г.), Маршак просто не мог себе этого позволить в 1950 году (Сталин был ещё жив).

Подобной проблемы у П. Бебиа, преступившего к переводам Бёрнса в начале 2000-х годов, не было. Содержащееся в финальной строке Бёрнса послание о благодарности Богу точно передано абхазским переводчиком: Ҳа иаҳфауагь ҳамоуп, излаҳфауагь ҳамоуп, Убри азыҳәа иҭабуп ҳәа иаҳҳәоит Анцәа! – досл. «У нас есть, что есть и есть чем есть, За это мы приносим слова благодарности Богу!» (перевод наш. – *А. Л., А. Э.*)

Ценность перевода Платона Бебиа заключается в том, что он смог чётко передать содержание стихотворения-молитвы и выразить эмоции автора, подбирая слова, находящие отклик в душе абхазского читателя. В целом, абхазскому поэту удалось в полной мере передать дух шотландского автора, запечатлённый в короткой застольной молитве. Переводчик находит способы адаптации и перенесения в абхазскую лингвокультурную среду шотландского колорита, который проявлен в его языке, образах и культурных реалиях и при этом сохранить узнаваемость поэзии Бёрнса.

Заключение и выводы

Некоторые тосты, характерные для речи участников застолья становятся прецедентными текстами. К числу подобных относится молитва, традиционно читаемая в Шотландии перед едой и превращённая Бернсом в поэтическое произведение так полюбившееся шотландцами – *The Selkirk Grace.* Оно является ярким примером использования Бёрнсом религиозного языка и образов для выражения любви к Богу и милосердия.

Чувство национальной значимости, достоинство и патриотизм, занимают важное место в творчестве Бёрнса, которого критики называют «певцом народной культуры» (‘folk culture poet’). Четверостишье Роберта Бёрнса стало неотъемлемой частью шотландской культуры, символом шотландского застолья. Оно наполнено любовью к родине, национальной самобытностью и служит напоминанием о

важности соблюдения народных традиций, духовного братства, единства, коллективной ответственности за безопасность и существование клана (гэльское слово *clann* означает «семья»).

В целом, структура *The Selkirk Grace* проста, но эффективна. Лаконичность и легко запоминающиеся рифмы делают стихотворение идеальным примером того, как национальная аутентичность сочетается с доступностью восприятия смысла. Ценность данного стихотворения заключается в его эмоциональном воздействии, что способствовало его быстрому распространению и популярности. Оно одинаково органично звучит как на английском, так и в русском и абхазском переводах. Конечно во многом благодаря мастерству автора и его не менее талантливых переводчиков.

Идея, выраженная в стихотворении, и по сей день актуальна – люди должны быть благодарны Богу за всё, что происходит в их жизни. Стихотворение, написанное Робертом Бёрнсом несколько веков назад, передаёт читателю настроение радости и благодарности, оно дышит оптимизмом и откликается в сердцах современных читателей. В современном мире, где традиции и обычаи порой в спешке теряются, важно помнить и сохранять культурное наследие своих предков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бгажноков Б. Х.* Отрицание зла в адыгских тостах. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2010. 118 с.
2. *Бёрнс Р.* Стихи в переводах Платона Бебиа. Сухум: Абгосиздат, 2007. 463 с.
3. *Бёрнс Р.* Стихотворения. Сборник. М.: Радуга, 1982. 705 с.
4. *Интериано Дж.* Жизнь и место обитания зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов / Под ред. В. К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. 636 с.
5. *Калимова Г., Чирикба В. А.* Фрагменты речевого этикета абхазов // Мосты. Сб. науч. статей. Вып. 1. Сухум, 1998. С. 5–26.
6. *Маршак С. Я.* Собрание сочинений: в 8 т. Переводы из английских и шотландских поэтов / С. Я. Маршак. М.: Художественная литература, 1969. 832 с.
7. *Сарангаева Ж. Н.* Семиотическое осмысление гостеприимтсва в калмыцкой, русской и английской лингвокультурах // Вестник Калмыцкого университета. 2020 г. № 3 (47) с. 97–104.
8. *Тарасов Е. Ф., Сорокин Ю. А.* Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977. 351 с.
9. *Тер-Минасова С. Т.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / Slovo, 2000. 624 с.
10. *Токарев С. А.* Ранние формы религии / Под общ. ред. акад. *В. П. Алексеева.* М.: Из-во политической литературы, 1990. 622 с.
11. *Хоконова М. А., Гукепшокова М. Х., Дымов Э. М.* Феномен культурной трансценденции в мифоэпической традиции адыгов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2018. № 1. С. 36–44.
12. *Чикилева Л. С.* Тост как разновидность риторического дискурса // Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2005, № 1. С. 63–66.
13. *Шамба О. Б.* Абхазские пословицы. Сухум, 2009. 141 с.
14. *Dietler M.* (1990) Driven by Drink: The Role of Drinking in the Political Economy and the Case of Early Iron Age France // Journal of Anthropological Archaeology. № 9. 352–406.

Поступила в редакцию 05.11.2025

Агрба Лана Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков
E-mail: lagrba@mail.ru
ORCID: 0000 0002-4951-6214

Айба Эсмеральда Георгиевна, старший преподаватель кафедры романо-германских языков
E-mail: ayba.esma@mail.ru

Абхазский государственный университет
384900, Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Университетская 1

L. A. Agrba, E. G. Aiba

LINGUOCULTURAL PECULIARITIES OF A TOAST (ON THE ANALYSIS OF ROBERT BURNS' POEM *THE SELKIRK GRACE* AND ITS TRANSLATION INTO ABKHAZ BY PLATON BEBIA)

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-892-898

The article studies the peculiarities of conveying linguocultural realities when translating a poetic text. *The Selkirk Grace* by the Scottish poet Robert Burns in the reception of the Abkhaz poet-translator Platon Bebia is taken as illustrative material. The patterns of intercultural correspondences in Bebia's translation initially become the subject of a separate study, which determines the novelty of the paper. The purpose of the article is to analyze a toast, a grateful appeal to God, as an element of linguocultural discourse in its translation into the Abkhaz language. The scope of the research objectives includes a comparison of the basic symbols and concepts that determine the ethno-cultural features of the worldview of the author and the poet-translator. The cultural similarities and differences in the ways of actualizing the toast are noted. The semantic content of specific idioms and proverbs associated with the hospitality customs in Abkhaz and Scottish cultures are analyzed. The theoretical significance of the study is determined by comparative cross-cultural studies of rituals and certain concepts. The result of the comparative study showed cohesion of cultures, traditions and customs of the Abkhaz and Scottish peoples that allowed Bebia to accurately convey the depth of feelings and emotions of the Scottish poet to the Abkhaz reader. The scope of the research includes a comparison of basic symbols and concepts that define ethno-cultural features in linguistic worldview of the author and the poet-translator. In particular, Burns's *The Selkirk Grace* in the form of a prayer was quite skillfully translated by Plato Bebia into the Abkhaz language due to the fact that such toasts are an integral part of Abkhaz culture and the grace to God is pronounced as the first toast at any meal. Further comparative study of the cultures of the Scottish and Caucasian highlanders based on the analysis of translated texts has significant research potential.

Keywords: P. Bebia, R. Burns, The Selkirk Grace, poetry, toast, feast, prayer.

REFERENCES

1. *Bgazhnokov B. Kh.* Otritsaniye zla v adygskikh tostakh [Denial of evil in Adyghe toasts]. Nalchik: Publishing department of KBIGI, 2010. 118 p. (In Russian).
2. *Burns R.* Stikhi v perevodakh Platona Bebia [Poems translated by Plato Bebia]. Sukhum: Abgosizdat. 463 p. (In Abkhaz).
3. *Burns R.* Stikhotvoreniya. Sbornik. [Poems. Collection]. Moscow: Raduga, 1982. 705 p. (In Russian).
4. *Chikileva L. S.* Tost kak raznovidnost' ritoricheskogo diskursa [Toast as a type of rhetorical discourse]. Vestnik Voronezskogo universiteta. Seriya lingvistiki I mezkulturnoy kommunikacii [Bulletin of Voronezh state university. Series Linguistics and Intercultural Communication. 2005, No. 1. P. 63–66. (In Russian).
5. *Interiano G*. Zhizn' i mesto obitaniya zikhov, imenuyemykh cherkesami [Life and habitat of the Zikhs, called Circassians. A remarkable narrative]. Adyghe, Balkars, Karachays in the news of European authors / Ed. V. K. Gardanov. Nalchik: Elbrus, 1974. 636 p. (In Russian).
6. *Kalimova G., Chirikba V. A.* Fragmenty rechevogo etiketa abkhazov [Fragments of Abkhaz speech etiquette]. Bridges. Sat. scientific articles. Vol. 1. Sukhum, 1998. pp. 5–26. (In Russian).
7. *Khokonova M. A., Gukepshokova M. Kh., Dymov E. M.* Fenomen kul'turnoy transtsendentsii v mifoepicheskoy traditsii adygov [The phenomenon of cultural transcendence in the mythoepic tradition of the Adyghes] // News of universities. North Caucasian region. Social sciences. 2018. No. 1. P. 36–44. (In Russian).
8. *Marshak, S. Ya.* () Sobraniye sochineniy: v 8 t. Perevody iz angliyskikh i shotlandskikh poetov [Collected works: in 8 volumes. Translations from English and Scottish poets] Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 1969. 832 p. (In Russian).
9. *Sarangaeva Zh. N.* Semioticheskoye osmysleniye gostepriimtsva v kalmytskoy, russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh [Semiotic understanding of hospitality in Kalmyk, Russian and English linguacultures]. Bulletin of Kalmyk University. 2020, No. 3 (47), pp. 97–104. (In Russian).
10. *Shamba O. B.* Abkhazskiye poslovitsy [Abkhazian proverbs]. Sukhum, 2009. 141 p. (In Russian).
11. *Tarasov E. F., Sorokin Yu. A.* Natsional'no-kul'turnaya spetsifika rechevogo i nerechevogo povedeniya [National and cultural specificity of speech and non-speech behavior]. In the book: National and cultural specificity of speech behavior. Moscow, 1977. 351 p. (In Russian).
12. *Ter-Minasova S.T.* Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Language and Intercultural Communication]. Moscow: Slovo, 2000. 624 p. (In Russian).
13. *Tokarev S. A.* Ranniye formy religii [Early forms of religion] / Under the general editorship of academician V. P. Alekseev. Moscow: Publishing House of Political Literature , 1990. 622 p. (In Russian).
14. *Dietler M.* (1990) Driven by Drink: The Role of Drinking in the Political Economy and the Case of Early Iron Age France // Journal of Anthropological Archaeology. № 9. 352–406. (In English).

Received 05.11.2025

Agrba L.A., Candidate of Philology, Associate Professor at Department of Roman and German Languages
E-mail: lagrba@mail.ru
ORCID: 0000 0002-4951-6214

Aiba E.G., Senior Lecturer, Department of Roman and German Languages
E-mail: ayba.esma@mail.ru

Abkhazian State University
Universitetskaya st., 1, Sukhum, Republic of Abkhazia, 384900

УДК 821.112.2.09:14(045)

А. Е. Качоровская

ВОСТОЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ НЕМЕЦКОГО НЕОРОМАНТИЗМА: ПРОЗАИЧЕСКАЯ ПОЭМА ГЕССЕ «СИДДХАРТА»

В настоящей статье изучается одно из самых оригинальных произведений Гессе (H.Hesse, 1877– 1962) – индийская прозаическая поэма «Сиддхарта» («Siddhartha», 1922). Уникальная философия этого текста, не только воссоздающая ориентальный колорит, но и интерпретирующая основы духовных учений Индии и Китая неизменно привлекает внимание исследователей, что составляет актуальность данной работы. Новизна видится в подробном исследовании синтеза восточной и западной философии, недостаточно изученном в отечественном литературоведении. Уделяется внимание связанным с восточной тематикой произведениям Гете, оказавшим значительное влияние на творчество Гессе. Элементы древних текстов Упанишад и Бхагавад Гиты, переплетающиеся в «Сиддхарте» с христианством и ницшеанской философией иллюстрируют корреляцию восточных учений с духовным миром Европы начала XX в. Доказывается, что созданный Гессе синтез восточной и западной культур может рассматриваться в качестве аутентичной философской интенции, – Единства, выразителем которого, в данном случае, является один из самых мистических персонажей писателя – Сиддхарта.

Ключевые слова: Гессе, Сиддхарта, Гете, синтез Востока и Запада, Лао-Цзы, Будда.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-899-906

Интерес европейцев к восточной культуре, литературе и философии существовал практически во все эпохи. Еще знаменитый востоковед Ольденбург С.Ф. (1863–1934) отмечает эту особенность западного менталитета: «Связи Запада с Востоком старинные и к глубокой древности восходит интерес Запада к восточной мудрости…» [18, с. 160]. Уже в XVIII в., наряду с ориентализмом романтиков, большое значение приобретают философские статьи Гердера (Herder, J.G., 1744 –1803), подготовившие почву для духовного синтеза Востока и Запада, нашедшего свое выражение в идее существования Единого Творца, которую позднее сформулировал Гете (Goethe, J.W. 1749 –1832) в знаменитых строфах «Талисманов» из «Западно-восточного Дивана» (1819):

Богом создан был восток
Запад создал тоже бог.
Север, Юг, и все широты
Славят рук его щедроты [9, с. 8][1].

Эпоха неоромантизма, к которой относится творчество немецкого писателя Гессе (Hesse H., 1877–1962) в этом отношении не является исключением: идею ориентального мейнстрима можно назвать одной из характерных черт европейской литературы начала XX века. Восточная тематика находит свое отражение в творчестве таких знаменитых современников Гессе как Манн (Th. Mann,1875–1955), Роллан (R. Rolland, 1866–1944) и Фейхтвангер (L. Feuchtwanger, 1884–1958). Если имя Гессе – «вечного странника» [12, с. 28] и «ненасытного европейца» [20, с. 25], писателя, чей творческий путь посвящен проблеме поисков индивидуального пути к совершенству, Абсолюту, мировому Единству, – выделяется среди имен самых читаемых литераторов своего времени, то индийская поэма «Сиддхарта» считается самым гармоничным из его произведений.

Книги Гессе отражают поиски путей к преодолению извечной двойственности человеческой натуры, коренящейся, по его мнению, в изначальной биполярности мира, – представление, почерпнутое им из древнеиндийской и китайской философии. Не претендуя на владение истинными рецептами спасения европейского сознания, Гессе представляет собственный, сугубо индивидуальный путь к истине, к достижению позитивного синтеза противоречий, гармонии и равноправному созидательному взаимодействию логического и интуитивного начал. Вследствие этого, писатель называет себя приверженцем идей «Ex Oriente Lux» [4, с. 191]. Притяжение магической восточной мудрости,

[1] В оригинале: «Gottes ist der Orient! Gottes ist der Okzident!...». Об этом см.: Goethe. West-oestlicher Divan. Gesamtausgabe. Leipzig: Insel, 1949.

чувство «тоски по волшебству» [6, с. 23] связаны для писателя с детскими воспоминаниями о танцующем индийском божке, фигурка которого стояла в шкафу его деда, Германа Гундерта, большую часть жизни проведшего в Индии в качестве миссионера: «…за формой, за его образом и обличием обитал Бог, таилось Бесконечное, а его…я знал и почитал без всяких имен ничуть не меньше нежели впоследствии, когда я стал именовать его Шивой или Вишну, Богом, Жизнью, Брахманом, Атманом или Дао…» [Там же, с. 25]. Образ деда становится для Гессе символом Востока, он – «…тайновед, посвященный, мудрец…» [Там же]. Таким образом, его личность вполне могла быть прототипом многих восточных героев писателя, достигших просветления и совершенства (Сиддхарта, Васудева, Лео). К регулярным занятиям восточной философией Гессе приходит через изучение этико-эстетической теории Шопенгауэра, во многом предопределенной воздействием буддизма. Шопенгауэр первый обратил внимание своих современников на мир восточной мудрости как символа иного постижения бытийного. И, хотя «…не в его власти было пробудить в себе индусское жизнеощущение, он воспринял индусскую мудрость в своё, по-гречески воспитанное сознание» [27, с. 32]. От изучения Шопенгауэра Гессе переходит к древнеиндийским источникам, позднее открывает для себя китайскую философию, наиболее отвечавшую его представлениям о мироустройстве как единстве и взаимодействии двух полярных начал [2].

В то же время Гессе – европеец, и, по собственному свидетельству, «…всю жизнь исправно практиковал западные добродетели – нетерпеливость, вожделение, неуёмное любопытство» [6, с. 23]. Отношение писателя к европейской духовной традиции противоречиво. Догматизм родителей, поддерживавших в семье «дух традиционного пиетического благочестия» [26, с. 86], способствует обращению Гессе к восточным религиям. В духовной сфере «бегство от Европы» [12, с. 81] не прекращается в течение всей жизни писателя: «…Мне хочется спастись бегством от мира рентгеновских лучей, от полунауки,…от литературы без законов, от искусства без эстетики…» [Там же, с. 27]. В попытке примирить культурные традиции Востока и Запада в соответствии с идеей о божественном Единстве всего сущего, почерпнутой из древнеиндийской и китайской литературы, Гессе пытается создать некий «…синтез тех предпосылок возрождения гуманизма, которые представлены как в западных, так и в восточных религиях» [1, с. 12]. Восточно - гуманистические устремления Гессе могут быть восприняты и в качестве попытки создания нового духовного кода для культуры будущей Европы: вероятно, ницшеанско - шопенгауэровская парадигма европейского неоромантизма представляется писателю недостаточной, замкнутой на самое себя, герметичной. В одном из писем Томасу Манну Гессе пишет: «Европа, которую я имею ввиду будет не «сувенирной шкатулкой», а идеей, символом, источником духовной силы, также как идеи «Китай», «Индия», «Будда», «Конфуций» – это для меня не просто приятные воспоминания, а самое реальное, самое существенное, что есть на свете» [33, S. 262]. Тоска Европы по духовной культуре Востока очевидна для Гессе, стремящегося научить европейца не только развивать интеллект «до удивительных высот», но и управлять «собственной душой» [8, с. 90], формируя способность к внутреннему познанию. Согласно древнеиндийской философии «…внешнее познание, в котором ум, – орудие анализа, – становится господствующим…» [24, с.] непременно приводит к отрицанию мира. Напротив, внутреннее познание, ведущее к идее бытийного Единства, приводит к радости. Радость в индийской философии – это «…жизнь Беспредельного в тебе и через тебя…» [Там же] – высшая мудрость, доступная только достигшим совершенства.

Индийская поэма «Сиддхарта»[3] – одна из главных попыток Гессе обратить внимание западного человека на возможность самосовершенствования с помощью восточных методов познания, пробудить интерес к восточной идее о причастности каждого человека к мировому Единству. В стремлении передать читателю свой символ веры, свою оригинальную модель мира, Гессе усиливает впечатление эмоциональной окраской слога, – радостью, пронизывающей все произведение. В этом смысле «Сиддхарта» популяризирует учение индийских махатм, считающих, что «…талант…не должен выбиваться из состояния радости», а «…творец красоты несет её людям, забыв о себе» [Там же, с. 65].

Необычная форма «Сиддхарты» составляет магическую гармонию с содержанием, что до некоторой степени уподобляет прозаический текст поэзии. Не случайно Гессе обращается к потенциальному читателю с такими словами: «Пожалуйста, не смотрите на мои книги как на литературу…вы

[2] Подробнее об этом см.: [11, с. 175].

[3] В новом переводе на русский язык использовано новое написание имени главного героя – «Сиддхартха». Об этом см.: Гессе, Герман. Сиддхартха; Путешествие к земле востока / Герман Гессе; [пер. с нем. Н. Н. Федоровой, Е. В. Шукшиной]. – Москва: Издательство АСТ, 2025. 224 с.

должны видеть в них поэзию… » [7, с. 195]. Прозаическая поэма является именно той формой, которая позволяет Гессе найти выражение для философии в свете поэзии, и, таким образом, «…ближе подойти к своему жизненному идеалу – идеалу гармонии» [35, S. 443][4]. Язык поэмы напоминает и «…торжественно церемониальный ритм экзотического языка, который встречается в “Речах Будды»”[Ibid.], и «…характерные для Упанишад построения предложений, …язык сравнений, постоянно обыгрывающий и углубляющий главные мысли»[29, S. 461]. Герои Гессе – Сиддхарта и Говинда – цитируют стихи из Упанишад, их мысли и высказывания также соотносимы с текстами Упанишад и Бхагават Гиты[5]. Однако, речь в данном случае идет не только о подражании стилю восточных источников. Современник Гессе Паннвитц (Pannwitz, R., 1881–1969) отмечает: «Наше время богато прозаическими поэмами, которые многим обязаны Востоку, даже целиком пропитаны восточным духом, и, однако, несмотря на кажущееся подражание, не только перерастают восточную тематику, но и являются западными, даже чисто европейскими произведениями в новом стиле» [37, S. 17]. «Сиддхарта», несомненно, относится к одному из таких произведений, поскольку вносит свой вклад в решение проблемы противостояния Востока и Запада. Другой современник Гессе, – Шубарт (Schubart, W.1897–1942), – в своей книге «Европа и душа Востока» (1938) ведет речь о новом образе будущего европейца, который должен быть воспитан не только на лучших гуманистических идеалах Запада, но и впитать в себя восточную мудрость: «Какая цель! – воссоединить в их всеобщности две оторванные друг от друга половины, создать новый человеческий образ, содержащий лучшие элементы Востока и Запада. Такой именно и отнюдь не меньшей представляется сегодня западно-восточная проблема» [27, с. 40].

Образ Сиддхарты, объединяющий черты западной и восточной культурных традиций, вполне отвечает единой умозрительной концепции нового европейца, а западно-восточный синтез, нашедший свое отражение в учении героя, представлен в тексте Гессе в виде причудливого, эклектичного переплетения восточных религиозных учений и христианства, в соседстве с мифологическими мотивами и символикой древней Индии и Китая. Духовный путь Сиддхарты соотвествует представлению Гессе о трех ступенях развития человека («Menschenwerdung»), обозначенных в его статье «Немного теологии» («Ein Stueckchen Theologie»,1932). Путь становления личности, согласно теории Гессе, «…начинается с невинности…ведет к вине, к знанию о добре и зле, которое неизбежно приводит к отчаянию…», а затем «…к постижению милости и спасения…короче говоря – к вере» [34, S. 76]. Данная теория имеет много общего не только с буддистским представлением о существовании нескольких уровней Бодхи – Пробуждения, но и с представлениями Лао-Цзы, где ступени, соответствующие тому или иному возрасту человека, выражены «…в несколько иных символах, чей путь есть путь от поиска справедливости к отсутствию стремлений, от вины и морали – к Дао» [Ibid]. Становление Сиддхарты также определяется временем и возрастом. Сиддхарта вспоминает: «Мальчиком я имел дело с богами и жертвоприношениями. Юношей предавался аскетизму, мышлению и самоуглублению, искал Брахму, почитал вечное в Атмане. Молодым человеком последовал за монахами…Потом учение великого Будды озарило меня дивным светом…» [3, с. 51]. Та же идея о соответствии ступеней развития личности определенному возрасту человека возникает в стихотворении Гессе «Ступени» («Stufen», 1930):

Wie jede Bluete welkt und jede Jugend
Dem Alter weicht, blueht jede Lebensstufe,
Blueht jede Weisheit auch und jede Tugend
Zu ihrer Zeit und darf nicht ewig dauern [31, S. 17].

Если внешне ступени становления Сиддхарты сходны с жизнеописанием Будды, то его собственная философия ближе к учению Лао-Цзы. «Мой святой ходит в индийских одеждах», – пишет Гессе, – «однако мудрость его ближе к Лао-Цзы, чем к Гаутаме…его мысль…не парадоксальна, а строго биполярна, двуполюсна» [5, с. 220]. Согласно древнекитайским представлениям, для того, чтобы «гармонизировать Поднебесную», то есть, создать из Хаоса Дао – «…всеобщий путь движения мира…вечное творческое начало всего сущего…» [16, с. 41], – требовалось рождение такого философского субъекта, который был бы стариком «Лао» и младенцем «Цзы» одновременно, поскольку только детство и старость дает возможность примирять все бытийные противоречия. Данная потребность реализуется в явлении из Хаоса первого философа Китая – Лао-Цзы, старика-младенца, причем сам Хаос гармонизируется, выполнив свою функцию. Хаос Сансары – необходимый этап на пути становления Сиддхарты.

[4] Здесь и далее перевод с немецкого наш [*А. К.*]
[5] Из писем Гессе известно, что он изучал древние тексты Бхагавад Гиты, Упанишад, Речей Будды. [5, с. 182-183].

Пройдя различные ступени на своем пути к просветлению, герой Гессе переживает «…единение своего внутреннего «я» с мировым космическим божеством»[35, S. 441], приходя к мысли о том, что «…теперь, когда молодость прошла, когда волосы наполовину поседели, а силы убывают…» [3, с. 50], он вновь, подобно ребенку, начинает все с начала. Возвращение к детству, но уже в новом, близком учению Лао-Цзы качестве – мудреца и ребенка – замыкает круг Сансары, предопределяя для Сиддхарты «…согласие со всем сотворенным и живым, внутреннюю гармонию» [30, S. 49].

Своеобразие прозаической поэмы Гессе, проявляющееся в необычности литературной формы, дополняется, таким образом, особой духовной миссией текста: наличием уникального, единого философско-духовного учения для современного европейца, вследствие чего текст «Сиддхарты» уподобляется некоему новому Евангелию. Сам образ Евангелия, вероятно, во многом навеян романом Гете «Годы учения Вильгельма Майстера» (1795–1796), поскольку, по мысли самого Гете, этот роман, как и историю его героя Иосифа, следует читать как «всемирное Евангелие» [28, S. 297]. Интересно, что образ самого Гете ассоциируется у Гессе с Востоком: «Эта мудрость Гете…дышит одним воздухом с мудростью древней Индии, Китая…она больше не воля и интеллект, но…готовность к служению: Дао» [7, с. 209]. Также, в статье «Визит из Индии» («Besuch aus Indien», 1922), продолжая гетеанскую тему, Гессе пишет: «Я видел, что тысячи нынешних почитателей Лао-Цзы знают о Дао меньше, чем Гете, который никогда не слыхал этого слова» [32, S. 242]. Синтезированная из индийских и китайских элементов восточная мудрость Гессе, предполагающая вечное стремление человека к духовному пробуждению, коррелирует и с ключевыми идеями Гете о вселенском природном Духе, нашедшими свое отражение в «Фаусте» (1828), поскольку «…рассуждения Фауста о спящем разуме, как и восторженное приятие грядущего пробуждения, не чужды философским интенциям пантеизма…» [13, с. 325]:

«Теперь мне слово мудреца понятно:
«В мир духов нам доступен путь,
Но ум твой спит, изнемогая:
О, ученик! Восстань купая
В лучах зари земную грудь!» [10, с. 21].

Пантеизм Гете, вероятно, во многом предопределяет превалирование в прозаической поэме Гессе мотива природы, влияющего на становление Сиддхарты, его постепенное проникновение в душу Востока. По мнению некоторых современных исследователей[6], природа в «Сиддхарте» представляет собой символ человеческих эмоций, являя квинтэссенцию человеческой души: «Значительное место в повести Г. Гессе для раскрытия концепта «душа» занимают явления природы – небо, звезды, солнце и река. Они символизируют печаль, беспокойство и терзания души Сиддхарты…» [14, с. 149]. Именно у реки Сиддхартха учится служению людям, постигая их мир, который первоначально «…был для него игрой, пляской, комедией, в которой он участвовал лишь в качестве зрителя» [3, с. 45]. Постепенно герой Гессе приходит к мысли, что мир людей тождественен его собственному миру. Магия природы и идея служения помогают Сиддхарте стать одним из «людей-детей»[Там же, с. 53], ощутить свое «я» как частицу мировой гармонии.

С мотивом возвращения к детству связаны у Гессе и христианские реминисценции, составляющие западную часть философских воззрений Сиддхарты. Данный мотив, коррелирующий с проблемой синтеза восточной и западной философии, как нам кажется, являет собой смысловую доминанту всего произведения. В этой связи писатель цитирует слова Иисуса «пока не станете как дети…» [30, S. 49]. Связь с христианским учением возникает из размышлений Гессе об учении Иисуса «…не далее ли он пошел чем Будда, когда видел в нас своих детей, вместо того, чтобы считать нас взрослыми, которые могут сами за себя постоять…» [36, S. 161]. Данную идею по-своему интерпретирует и учение Заратустры Ницше о трех превращениях духа: «…сначала дух стал верблюдом, потом сделался львом, и, наконец, лев стал ребенком…ибо дитя – это невинность и забвение, новое первое движение, священное “Да”» [17, с. 23]. Однако, христианская мысль «стать как дети» присуща не только западным, но также и восточным учениям: достаточно вспомнить о Лао-Цзы – старике-ребенке или о Будде, который напоминает Сиддхарте «здоровое дитя» [3, с. 17].

Все протагонисты прозаической поэмы Гессе, достигшие совершенства и внутренней гармонии абсолютизируются, приобретая божественные черты «детского сознания» [30, S. 49]. Улыбка Сид-

[6] Об интерпретации мотивов природы и души в индийской поэме «Сиддхарта см. в т.ч.: [15, с. 59–64].

дхарты, как и перевозчика Васудевы, напоминает улыбку ребенка, и, одновременно, старика, что объединяет обоих героев также и с образом Лао-Цзы. Васудева в индийской поэме – настолько же значимое имя, как и имя Сиддхарты. Если Сиддхарта – «Цели достигший» [19, с. 35] – одно из имен самого Будды, то Васудева в индуистской мифологии – одно из многочисленных имен Шри Кришны, а также одно из наименований Высшего божественного сознания, подобного Богу-Отцу в христианстве, Иегове или общему понятию китайского Дао. В «Бхагавад Гите» это божество определяется следующим образом: «Васудева есть все – говорит достигший редких качеств махатмы» [2, с. 30]. Имя Васудевы встречается также в Упанишадах, где он определяется как «Обитель всех существ и тот, который обитает в существах…» [25, с. 227]. Уподобление, или даже своеобразное тождество достигших Бодхи (просветления) протагонистов индийской поэмы некоему единому Богу, объединяющему в себе черты Будды, Лао-Цзы, а также христианского Бога-Отца может быть воспринято как преодоление противостояния восточной и западной культур – искомого синтеза Востока и Запада, к которому и стремился Гессе. В этой связи интересно одно из современных исследований о писателе – статья Н. В. Рожковой «Творчество Германа Гессе в диалоге Востока и Запада» (2017), где, напротив, усматривается «художественная десакрализация» образов Будды и Васудевы в «Сиддхарте», дающая возможность Гессе «… “сращивать” пласты двух культур настолько плотно, что происходит размывание границ, синтез, в результате которого преобразуются смыслы и ценности, характерные для обеих культур, и возникают новые» [21, с. 21].

Учение Сиддхарты не было оценено по достоинству европейскими читателями – современниками Гессе, для которых, в первую очередь создавалась индийская поэма. В одном из писем Ромену Роллану, сетуя на холодный прием, оказанный читателями «Сиддхарте», писатель пишет, что этим произведением заплатил свой долг Индии и не намерен более пользоваться в своем творчестве «восточными одеяниями» [23, с. 53]. Однако, синтез восточных философских учений и христианства продолжает оказывать существенное влияние на творчество Гессе, от «Паломничества в страну Востока» («Die Morgenlandfahrt», 1932) до «Игры в бисер» («Das Glasperlenspiel», 1943), позволяя определять творческие искания писателя как «… пример плодотворного взаимодействия культурно-философских идей Запада и Востока» [22, с. 59].

Таким образом, влияние восточной философии, нашедшее свое отражение в образе Сиддхарты, коррелирует в прозаической поэме Гессе с христианскими мотивами, что дает основание говорить об уникальном синтезе Востока и Запада, предвосхищенным Гердером и Гете и вновь переосмысленным Гессе в эпоху неоромантизма. В статье «Немного теологии» («Ein Stueckchen Theologie»,1932), по-своему выражая гуманистические идеалы своего времени, Гессе пишет: «…каждый христианин, хоть немного приблизившийся к центру веры и благодаря этому выросший из представлений сугубо «христианских», находит у верующих других религий только выраженные другими понятиями, все те же основные мысли о душе» [34, S. 79]. Синтез Востока и Запада в рецепции Гессе зиждется на своеобразии интерпретации идеи Единства как первоосновы бытия, понятого в качестве истинного символа радостной жизни и основы любой веры, нехватку которой ощущает современная писателю Европа. Для Гессе нет сомнений в существовании единого творца, гармонизирующего и объединяющего все религии. Литературным воплощением такого творца, синтезирующего черты Будды, Лао-Цзы, Бога-Отца, а также, отчасти, Христа, становится собирательный образ Сиддхарты, призванный служить духовным эталоном читателю любой эпохи, поскольку он акцентирует вневременный характер проблемы взаимодействия и взаимопроникновения восточной и западной культур.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Березина А.Г.* Герман Гессе // А.Г. Березина. Л.: изд-во Ленинградского университета (СПбГУ), 1976. 128 с.
2. *Бхагавад Гита: (Песнь господня).* 2-е изд. С уточнениями / Отдедение раджа-и-буддхи-йоги. Ассоциация йоги СССР; под ред. В. В. Антонова Москва: Б.и., 1991.63 с.
3. *Гессе Г.* Сиддхарта // Г. Гессе. Л.: Ленингр. комитет литераторов,1990. 80 с.
4. *Гессе, Г.* От Йозефа Кнехта – Карло Ферромонте (1960) // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. В. 1. М.: Наука, 1982. 293 с.
5. *Гессе Г.* Письмо без даты // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. В. 1. М.: Наука, 1982. 293 с.
6. *Гессе Г.* Детство волшебника // Г. Гессе. Письма по кругу / Пер.с немецкого, сост., автор предисловия и коммент. В. Д. Седельник. М.: Прогресс, 1987. 400 с.
7. *Гессе Г.* Письмо 1931 г. / Г. Гессе. Письма по кругу / Пер.с немецкого, сост., автор предисловия и коммент. В. Д. Седельник. М.: Прогресс, 1987. 400 с.
8. *Гессе, Г.* Магия книги: Сборник эссе, очерков, фельетонов. М.: Книга, 1990. 237 с.

9. *Гете И. В.* Западно-восточный диван / И. В. Гете. Под ред. И. С. Брагинского и А. В. Михайлова. Пер. В. В. Левика. М.: Наука, 1988. 896 с.
10. *Гете И. В.* Фауст. Трагедия / И. В. Гете. Пер. с нем. Н. Холодковского. М.: Изд-во АСТ, 2021. 554 с.
11. *Каралашвили Р. Г.* Паломничество Германа Гессе в страну Востока // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. В. I. М.: Наука, 1982. 293 с.
12. *Каралашвили Р. Г.* Мир романа Германа Гессе. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1984. 262 с.
13. *Качоровская А. Е.* Рецепция философских воззрений Гете в поэме Зигфрида Липинера "Освобожденный Прометей" // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 5. С. 320-335. URL: https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/3862. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-320-335.
14. *Красавский Н. А.* Концепты «Дух» и «Душа» в повести Германа Гессе «Сиддхартха» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета (ВГПУ). Серия: Филологические науки, Волгоград: 2011, № 8 (62). 191 с.
15. *Лихачева А. В.* Персонификация природных явлений в рассказе «Последнее лето Клингзора» и романе «Сиддхартха. Индийская поэма» Г. Гессе // Волгоградский государственный социально-педагогический университет. Студенческий электронный журнал «СтРИЖ» №1(42), 2022. С. 59–64. URL: www.strizh-vspu.ru
16. *Лукьянов А. Е.* Лаоцзы. Философия раннего даосизма. М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1991. 163 с.
17. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. М.: Интербук, 1990. 304 с.
18. *Ольденбург С. Ф.* «Связи Запада с Востоком старинные…» // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации. В. I. М.: Наука, 1982. 293 с.
19. *Ольденбург С. Ф.* Жизнь Будды, индийского учителя жизни // Наука и религия. № 1–2. М.: 1990. С.24–27.
20. *Павлова Н. С.* Предисловие к изданию // Гессе, Г. Избранное. М.: Радуга, 1991. 537 с.
21. *Рожкова Н. В.* Творчество Германа Гессе в диалоге Востока и Запада // Культура и искусство. 2017. № 3. С. 17–30. DOI: 10.7256/2454-0625.2017.3.20191 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20191
22. *Сапега В. Н.* Мотив паломничества в романе Германа Гессе «Сиддхартха» // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2017. № 10. С. 59–67.
23. *Седельник В.Д.* Герман Гессе и швейцарская литература. М.: Высшая школа, 1970. 96 с.
24. *Сидоров В. И.* Семь дней в Гималаях. М., 1982. № 8. 109 с.
25. *Упанишады* / Пер. с санскрита, предисловие и комментарии А.Я. Сыркина. АН СССР. Отделение истории. Институт народов Азии. М.: Наука, 1967. 336 с.
26. *Хильшер Э.* Истоки мировоззрения Германа Гессе // Поэтические картины мира. М.: Художественная литература, 1979. 195 с.
27. *Шубарт В.* Европа и душа Востока // Аум. Синтез мистических учений Запада и Востока. СПб.: ИМА-пресс, 1991. 352с.
28. *Boettger F.* Hermann Hesse. Berlin: Verlag der Nation, 1974. 608 S.
29. *Friederici H.* Die Indien-Rezeption in den Erzaelungen Herman Hesses // Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universitaet Jena.R5, 1955/56. S.459– 463.
30. *Geffert H.* Das Bildungsideal im Werk H.Hesses //Langensalza: Beyer&Mann,1927.107 S.
31. *Hesse H.* Vom Baum des Lebens: ausgewaehlte Gedichte. Leipzig:Im Insel-Verlag zu Leipzig. 1952. 77 S.
32. *Hesse H.* Besuch aus Indien. In: Aus Indien: Aufzeichnungen, Tagebuecher, Gedichte, Betrachtungen und Erzaehlungen. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1980. 364 S.
33. *Hesse H.* Thomas Mann. Briefwechsel. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1975. 314 S.
34. *Hesse H.* Ein Stueckchen Theologie// Gesammelte Werke in 12 Bd. B. 10. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1987. 591 S.
35. *Mayer G.* Herman Hesses mystische Religiositaet und dichterische Form // Jahrbuch der deutschen Schillergesellschaft. Stuttgart: Alfred Kroener Verlag, B.IV.1960. 580 S.
36. *Middel E.* Herman Hesse. Die Bilderwelt seines Lebens. Leipzig: Verlag Philip Reclam, 1972. 376 S.
37. *Pannwitz R.* Herman Hesses West-oestliche Dichtung // R.Pannwitz. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1957. 17 S.

Поступила в редакцию 16.11.2025

Качоровская Анна Евгеньевна, кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкого и романских языков для профессиональной коммуникации
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Реки Мойки, д. 48
E-mail: kachorovskaya@mail.ru

A. E. Kachorovskaya

EASTERN PHILOSOPHY IN THE LITERATURE OF GERMAN NEO-ROMANTICISM: HESSE's PROSE POEM "SIDDHARTHA"

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-899-906

This article examines one of Hesse's (1877–1962) most original works – the Indian prose poem «Siddhartha» (1922). The unique philosophy of this text, which not only recreates an oriental flavor but also interprets the foundations of India and China spiritual teachings, has consistently attracted the attention of researchers and readers, making this work particularly relevant. Its novelty lies in a detailed exploration of the synthesis of Eastern and Western philosophy, which has been understudied in Russian literary studies. Attention is paid to Goethe's works related to Eastern themes, which had a significant impact on Hesse's creativity. The elements of the ancient texts of the Upanishads and the Bhagavad Gita, which are intertwined with Christianity and Nietzschean philosophy in «Siddhartha», illustrate the correlation of Eastern teachings with the spiritual world of Europe at the beginning of the 20th century. It is proved that Hesse's synthesis of Eastern and Western cultures can be considered an authentic philosophical intention, a unity that is expressed by one of the writer's most mystical characters – Siddhartha.

Keywords: H.Hesse, Siddhartha, Goethe, Synthesis of East and West, Lao Tzu, Buddha.

REFERENCES

1. *Berezina A. G.* German Gesse/ Leningrad: izd-vo Leningradskogo universiteta (SPbGU), 1976. 128 p. (In Russian).
2. *Bkhagavad Gita: (Pesn' gospodnya)* [Bhagavad Gita: (Song of the Lord)] 2-ye izd. S utochneniyami/ Otd-niye radzha-i-buddkhi-yogi. Assots.yogi SSSR; pod red. V.V. Antonova [2nd ed. With clarifications / Department of Raja-i-Buddhi-Yoga. USSR Association of Yoga; edited by V. V. Antonov.] Moskow: B. I., 1991. 63 p. (In Russian).
3. *Gesse G.* Siddkharta [Hesse, G. Siddhartha]// G. Gesse. L.: Leningr. komitet literatorov [Leningrad: Leningrad Committee of Writers], 1990. 80 p. (In Russian).
4. *Gesse G.* Ot Yozefa Knekhta – Karlo Ferromonte [From Joseph Knecht to Carlo Ferromonte]. In: Vostok-Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii. V. 1 [East-West. Research. Translations. Publications.V.1]. Moskow: Nauka, 1982. 293p. (In Russian).
5. *Gesse G.* Pis'mo bez daty [Letter undated] // Vostok-Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii V.1 [East-West. Research. Translations. Publications.V. 1]. Moscow: Nauka, 1982. 293 p. (In Russian).
6. *Gesse G.* Detstvo volshebnika [Hesse G.The Childhood of a Wizard]. In: G. Gesse. Pis'ma po krugu [Letters in a Circle]. Per.s nemetskogo, sost., avtor predisloviya i komment. V. D. Sedel'nik [Translated from German, compiled, author of the preface and commentary. V. D. Sedelnik] Moskow: Progress, 1987. 400 p. (In Russian).
7. *Gesse G.* Pis'mo 1931g. / Pis'ma po krugu [Letter 1931/Letters in a Circle] // Per.s nemetskogo, sost., avtor predisloviya i komment. V.D. Sedel'nik [Translated from German, compiled, author of the preface and commentary. V. D. Sedelnik]. Moscow: Progress, 1987. 400 p. (In Russian).
8. *Gesse G.* Magiya knigi: Sbornik esse, ocherkov, fel'yetonov [Hesse, G. The Magic of the Book: A Collection of Essays, Sketches, and Feuilletons]. Moscow: Kniga, 1990. 237 p. (In Russian).
9. *Gete I. V.* Zapadno-vostochnyy divan [Goethe I. V. West-Eastern Divan] // I. V.Gete. Pod red. I. S. Braginskogo i A.V. Mikhaylova. Per. V. V. Levika [I. V. Goethe. Ed. by I. S. Braginsky and A. V. Mikhailov. Trans. by V. V. Levik]. Moscow: Nauka, 1988. 896 p. (In Russian).
10. *Gete I. V.* Faust. Tragediya [Goethe I. V. Faust. Tragedy] / I. V. Gete. Per. s nem. H. Kholodkovskogo [I. V. Goethe. Translated from German by N. Kholodkovsky]. Moscow: Izd-vo AST [AST Publishing House], 2021. 554 p. (In Russian).
11. *Karalashvili R. G.* Palomnichestvo Germana Gesse v stranu Vostoka [Karalashvili R. G. Hermann Hesse's Pilgrimage to the Land of the East] // R. G.Karalashvili. Vostok-Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii [In: East-West. Research. Translations. Publications]. B. I. Moscow: Nauka, 1982. 293 p. (In Russian.)
12. *Karalashvili R. G.* Mir romana Germana Gesse [The world of Hermann Hesse's novel]. Tbilisi: Sabchota Sakartvelo, 1984. 262 p. (In Russian).
13. *Kachorovskaya A. Ye.* Retseptsiya filosofskikh vozzreniy Gete v poeme Zigfrida Lipinera "Osvobozhdennyy Prometey [Reception of Goethe's Philosophical Views in Poem by Siegfried Lipiner «Liberated Prometheus»] Kachorovskaya A. Ye. Ekaterinburg: Nauchnyy dialog, B.11. № 5. 2022. Pp. 320–335 URL: https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/3862. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-320-335. (In Russian).
14. *Krasavskiy N. A.* Kontsepty «Dukh» i «Dusha» v povesti Germana Gesse «Siddkhartkha» [The Concepts of "Spirit" and "Soul" in Hermann Hesse's Story "Siddhartha"] // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (VGPU). Seriya: Filologicheskiye nauki, Volgograd [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University (VSPU). Series: Philological Sciences]. Volgograd: 2011. № 8 (62), 191 p. (In Russian).

15. *Likhacheva A. V.* Personifikatsiya prirodnykh yavleniy v rasskaze «Posledneye leto Klingzora» i romane «Siddkhartkha. Indiyskaya poema» G. Gesse [Likhacheva A. V. Personification of Natural Phenomena in the Story "Klingsor's Last Summer" and the Novel "Siddhartha. Indian Poem" by G. Hesse] // Volgogradskiy gosudarstvennyy sotsial'no-pedagogicheskiy universitet. Studencheskiy elektronnyy zhurnal «StRIZH» № 1(42), 2022. ss.59–64 [Volgograd State Social and Pedagogical University. Student Electronic Journal "Strizh"] // elektronnyy resurs [electronic resource]: www.strizh-vspu.ru (In Russian).
16. *Luk'yanov A .Ye.* Laotszy. Filosofiya rannego daosizma [Lao Tzu. The Philosophy of Early Taoism]. Izd-vo Universiteta druzhby narodov [Publishing House of Peoples' Friendship University], Moscow: 1991. 163 p.
17. *Nitsshe F.* Tak govoril Zaratustra. [Tak govoril Zaratustra. M.: Interbuk]. Moscow: Interbuk, 1990. 304 p. (In Russian).
18. *Ol'denburg S.F.* // «Svyazi Zapada s Vostokom starinnyye…» // Vostok-Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii ["The West and the East have ancient ties..." In: East-West. Research. Translations. Publications]. B. I. Moscow: Nauka, 1982. 293 p. (In Russian).
19. *Ol'denburg S. F.* Zhizn' Buddy, indiyskogo uchitelya zhizni [The Life of Buddha, the Indian Teacher of Life] // Nauka i religiya [Science and Religion]. № 1–2. Moscow: 1990. Pp.24–27. (In Russian).
20. *Pavlova N. S.* Predisloviye k izdaniyu [Preface to the edition] // Gesse G. Izbrannoye [Selected works] Moscow: Raduga, 1991.537 p. (In Russian).
21. *Rozhkova N. V.* Tvorchestvo Germana Gesse v dialoge Vostoka i Zapada [The Works of Hermann Hesse in the Dialogue of East and West] // Kul'tura i iskusstvo [In: Culture and Art]. 2017. № 3. Pp.17–30. DOI:10.7256/2454-0625.2017.3.20191 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20191(In Russian).
22. *Sapega V. N.* Motiv palomnichestva v romane Germana Gesse «Siddkhartkha» [The Motif of Pilgrimage in Hermann Hesse's Novel "Siddhartha"] // Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnyye nauki [Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities]. 2017. №. 10. Pp. 59–67.
23. *Sedel'nik V. D.* German Gesse i shveytsarskaya literature [Hermann Hesse and Swiss Literature]. Moscow: Vysshaya shkola [Higher School], 1970. 96p. (In Russian).
24. *Sidorov V. I.* Sem' dney v Gimalayakh [Seven days in the Himalayas] // Moscow:1982. № 8. 109 p. (p. 34). (In Russian).
25. *Upanishady [Upanishads]* // Per. s sanskrita, predisloviye i kommentarii Syrkina A.Ya. [Translated from Sanskrit, preface and commentary by Syrkin A. Ya.] AN SSSR. Otdeleniye istorii. Institut narodov Azii [USSR Academy of Sciences. Department of History. Institute of the Peoples of Asia]. Moscow: Nauka, 1967. 336 p. (In Russian).
26. *Khil'sher E.* Istoki mirovozzreniya Germana Gesse [Hilscher, E. The Origins of Hermann Hesse's Worldview] // Poeticheskiye kartiny mira [In: Poetic Pictures of the World]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura [Fiction], 1979.195 p. (In Russian).
27. *Shubart V.* Yevropa i dusha Vostoka [Shubart V. Europe and the Soul of the East] //Aum. Sintez misticheskikh ucheniy Zapada i Vostoka [In: Aum. Synthesis of mystical teachings of the West and the East]. St. Petersburg: IMA-press, 1990. 352 p. (pp. 11–161). (In Russian).
28. *Boettger F.* Hermann Hesse. Berlin: Verlag der Nation,1974. 608 S. (In Russian).
29. *Friederici H.* Die Indien-Rezeption in den Erzaelungen Herman Hesses // Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universitaet Jena. R 5. 1955/56. S. 459–463. (In German).
30. *Geffert H.* Das Bildungsideal im Werk H.Hesses //Langensalza: Beyer&Mann,1927.107 S. (In German).
31. *Hesse H.* Vom Baum des Lebens: ausgewaehlte Gedichte. Leipzig:Im Insel-Verlag zu Leipzig. 1952. 77 S. (In German).
32. *Hesse H.* Besuch aus Indien. In: Aus Indien: Aufzeichnungen, Tagebuecher, Gedichte, Betrachtungen und Erzaehlungen. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1980. 364 S. (In German).
33. *Hesse H.* Thomas Mann. Briefwechsel. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1975. 314 S. (In German).
34. *Hesse H.* Ein Stueckchen Theologie// Gesammelte Werke in 12 Bd. B.10. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1987. 591 S. (In German).
35. *Mayer G.* Herman Hesses mystische Religiositaet und dichterische Form // Jahrbuch der deutschen Schillergesellschaft. Stuttgart: Alfred Kroener Verlag, B.IV.1960. 580 S. (In German).
36. *Middel E.* Herman Hesse. Die Bilderwelt seines Lebens. Leipzig: Verlag Philip Reclam, 1972. (In German).
37. *Pannwitz R.* Herman Hesses West-oestliche Dichtung // R.Pannwitz. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1957. (In German).

Received 16.11.2025

Kachorovskaya A.E., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of German and Romance Languages for professional communication
A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moika River Embankment, Saint Petersburg, Russia, 191186
E-mail: kachorovskaya@mail.ru

Фольклористика

УДК 398.8(470.51)(045)

С. В. Толкачева

ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ДУХОВНОГО СТИХА «НА ГОРЕ-ТО БЫЛО, СЛЫШЬ, НА ГОРОНЬКЕ» (БАЛЕЗИНСКИЙ РАЙОН УДМУРТИИ): ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И ДИАЛЕКТ

Статья посвящена двум исполнительским интерпретациям духовного стиха «На горе-то было, слышь, на гороньке», записанного в селе Карсовай Балезинского района Удмуртии в 2001 г. Предложен анализ вербальных и музыкальных – мелодических, ладовых, интонационных, фонетических – особенностей обеих исполнительских версий.

Существенное влияние на вариантные отличия в исполнении вербального и музыкального текста одного фольклорного произведения оказали несколько факторов. Это значительное расхождение в возрасте информантов, а также индивидуальная настроенность слуховой музыкальной памяти, связанная с различным восприятием жанровой направленности музыкального текста. Музыкальная ткань духовного стиха в исполнении женщины, старшей по возрасту, более ориентирована на принципы древнерусского пения фольклорных духовных и литургических произведений. В интерпретации другой певицы музыкально-ритмические и поэтические особенности духовного стиха приближаются к стилистике лирической песни.

Выводы, полученные методами целостного, сравнительно-сопоставительного, хронологического, музыкального мотивного анализа, позволили описать влияние чувственной и образной памяти на специфику исполнительских певческих стилей информантов, а также на соотнесение одного музыкально-поэтического произведения с разными фольклорными жанрами.

Анализ исполнительской версии Н. Е. Власовой выявил некоторые закономерности в употреблении междометия «ох» в текстах данного духовного стиха, лирической песни «Ох, на горах-то, горах» и в песнях других жанров.

Ключевые слова: духовный стих в Удмуртии, лирическая песня в Удмуртии, междометие «ох», «гора роскатистая, розвалистая», музыкальная образная память.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-907-920

Введение

В народной русской культуре Удмуртии практически повсеместно, вплоть до начала XXI в., бытовали музыкально-поэтические произведения, объединённые тематикой, связанной с самыми высокими сферами народного мировоззрения. Тематика этих текстов обращена к размышлениям о Боге, к описанию жизни и подвигов пророков и святых, упоминаемых в Ветхом Завете, Иисуса Христа, раннехристианских святых, русских православных святых, обустройству Божиих храмов, к рассуждениям о законах и реалиях праведной нравственной жизни и достойной смерти. Данный пласт русской народной культуры в отечественной фольклористике обозначается как духовные стихи. Народными исполнителями в регионе Камско-Вятского междуречья они называются стихами, духовными стихами, «стишками», песнями. Произведения с духовной тематикой могут иметь самое разное музыкальное и вербально-поэтическое оформление. Преимущественно в северных районах Удмуртии к произведениям с этой тематикой могут приближаться некоторые традиционные лирические песни. Известный российский историк, археограф И. В. Поздеева на основании десятилетий исследований духовной культуры старообрядцев Верхокамья утверждает, что «…духовные песни во многом сохраняли словесную и музыкальную культуру богослужения, были максимально приближены к молитве, их пение всегда воспринималось как богоугодное и полезное душам и исполнителей, и слушателей» [3, с. 15].

Данная статья продолжает серию работ, посвящённых русской песенной народной культуре северных районов Удмуртии [7; 8]. Её цель – представить описание музыкально-поэтического стиля нескольких фольклорных произведений, записанных в селе Карсовай Балезинского района Удмуртии и имеющих значительное текстовое и мелодическое сходство. Это духовный стих «На горе-то было, слышь, на гороньке» и лирическая песня «Ох, на горах-то, горах».

Вербальный анализ текстов духовного стиха «На горе-то было, слышь, на гороньке» и лирической песни «Ох, на горах-то, горах», их мотивное и композиционное строение были представлены в статье «К вопросу о жанровых «модуляциях» в русском фольклоре Удмуртии: лирическая песня и духовный стих» [8].

В данном исследовании основной акцент ставится на выявлении и описании характерных композиционных стилевых принципов, артикуляционных, фонетических, интонационных и метро-ритмических особенностей этих музыкально-поэтических произведений через сопоставление их исполнительских вариантов.

Предыстория

Подробно хронология записи песен и духовного стиха с зачином «Ох, на горах-то, горах» / «На горе-то было, слышь, на гороньке» изложена в статье «К вопросу о жанровых «модуляциях» в русском фольклоре Удмуртии: лирическая песня и духовный стих» [8]. На рубеже XX–XXI вв., в ходе фольклорных экспедиций Удмуртского института истории, языка и литературы, в 1995 и 2001 гг., в селе Карсовай Балезинского района Удмуртии, была записана лирическая песня «Ох, на горах-то, горах». В 1995 г. её исполнительница Н. Е. Власова рассказала о таких условиях бытования этой песни, которые позволили соотнести её с жанром лирической песни. Через 6 лет в беседе с фольклористом, этномузыкологом Е. А. Скляровой, Н. Е. Власова вспомнила, что эту песню её дедушка пел также и на молениях: «Это вот давнишный стишок спою. Дедушка на моленьях пел, да и так просто, когда вечером» [4, с. 162].

В 2001 г. Н. Е. Власова исполнила текст нового варианта лирической песни «Ох, на горах-то, горах», записанного ею от соседки, а также спела духовный стих «На горе-то было, слышь, на гороньке» сольно и в дуэте с Е. Г. Светлаковой. Данное произведение с зачином «На горе-то было, слышь, на гороньке» было презентовано ими как духовный стих.

Анализ вербальных текстов

Духовный стих ««На горе-то было, слышь, на гороньке» фиксировался в 2001 г. автором статьи дважды: в сольном исполнении Н. Е. Власовой и в исполнении дуэта Е. Г. Светлаковой и Н. Е. Власовой. В дуэте мелодия и текст полностью были озвучены Е. Г. Светлаковой. Она начала петь стих, взяв на себя роль лидера, а Н. Е. Власова подстраивалась под её пение. Через 6–7 строф Н. Е. Власова перестала петь и просто слушала соседку.

Начало духовного стиха, текст которого Н. Е. Власова записала в свою тетрадь от Е. Г. Светлаковой, а затем спела его, включает несколько вербальных мотивов, аналогичных лирической песне «Ох, на горах-то, горах». В песне «Ох, на горах-то, горах» всего несколько строф экспозиционного, описательного характера:

Ох, на горах-то, горах даᵊ на Макарьевских.
Ох, тут стоялаᵊ жо даᵊ церькоф славная.
Ох, церькоф славнаᵊ(а)я даᵊ семиглавная.
Как на той-то церькве даᵊ стоял крестичёк.
Стоял крестичёг(ы) дак спозолочёный.
Стоял крестичёг(ы) дак спозолоченый [5, с. 86].

Далее в тексте духовного стиха после начальных строк, практически идентично совпадающих с лирической песней – с 15-й / 16-й мелострофа – появляются новые вербальные мотивы, образующие новый сюжет. Второй фрагмент текста – по развитию сюжетной линии, вербальным мотивам, образам – оказывается более динамичным, конкретным, в сравнении с философским, «широким» душевным настроем текстом первой части.

В Таблице «Тексты духовного стиха «На горе-то было, слышь, на гороньке» и комментарии к ним, записанные от Е. Г. Светлаковой и Н. Е. Власовой» приведены тексты двух исполнительских версий духовного стиха. Для удобства сравнения строфы пронумерованы. В начале текста, записанного от Н. Е. Власовой, приводятся комментарии и начальная строфа песни «Ох, на горах-то, горах», которую любил исполнять её дед. Далее она поёт стих по тексту из тетради, переписанному от соседки. Характерным исполнительским приёмом Н. Е. Власовой является повтор строф, и в озвученном ею стихе тексты 14-й и 15-й строф идентичны, но их повторы пронумерованы.

Тексты духовного стиха «На горе-то было, слышь, на гороньке» и комментарии к ним, записанные от Е. Г. Светлаковой и Н. Е. Власовой

Исполнение Е. Г. Светлаковой, 1918 г. рождения. (Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, далее НОА УИИЯЛ. Запись автора)	Исполнение Н. Е. Власовой, 1933 г. рождения. (НОА УИИЯЛ. Запись автора)
	– А это стих? <собиратель, С. С.> – Стих тожо, стих. – А это вот у Вас дедушка пел? < С. С.> – Он вот песню пел, а не стих. Дак вот не много у ево, значить, не те слова были. – А мотив тот же? < С. С.> – А мотив вот нашибает, но може^{о}т это из-за чево не получацца маленько слова-те? Не так дак. А мотив-то только э^{е}тот же был у него. – Значит, дедушка у Вас пел протяжную песню, а Вы сейчас поёте как бы стих? – Стих, да. Вот, он начинал: «Ох, на горах-то, горах да на Мака(а)рьевских». – А тут, видишь, начинацца:
1. На горе-то было дак, слышь, на го(о)роньке. 2. Ох, на крутой-то горе дак на роска(а^{э})тистой. 3. Ох, на роскатистой да^{э}к на розвалистой. 4. Там построено дак село но(о)воё. 5. Ох, с^{ш}ело новинькоё, с^{ш}емидомовоё. 6. А как во в том-то с^{ш}еле дак церьква новая. 7. Ох, тсерьква новинькая, шестиугловая. 8. Как на той-то церькве дак ишшо хре(е^{э})стики. 9. Ой, ишшо хрестики стоят дак вс^{ш}ё да дубовые. 10. А перекладинки на их дак вс^{ш}ё-та кедровые. 11. А всё на тех-то хрестах дак сидят пта(а^{э})шички. 12. Ой, сидят пташички да конареички. 13. А они песни поют дак заунывные. 14. А они речь говорят да^{э}к речь да хорошую да ведут. 15. Ох(ы), речь хорошую ведут дак, а поженить парня да хотят. 16. – А я не буду жониться дак, и я не буду с жо(о)нкой жить. 17. А пойду я в церькву новую служить. 18. И не послушал сын отца дак, эх, убежал из-под венца. 19. Ох, убежал из-под венца^{э}(а), и служить в церькву нанелса. 20. А служил год, служил два^{э}(а) дак, и у парня заболела голова. 21. И парень-тот из церькви, э^{е}х, ушёл в манастырь. – Это стих? < С. С.> – Стих. Раньше говорили токо, што не староверский – православный стих. Церьковь, видишь, поминаца... А у староверов чё – церьква нету дак…	1. На горе-то было, слышь, на го(хо)роньке. 2. На крутой-то горе да на раскатистой. 3. Там построено да село(h) но… новое. 4. Село новое, семидомо(о)вое. 5. И построена там церьковь но… шестиугольная. 6. И построена там церьковь новая. 7. Церькоф новая, шестиугло(о)вая. 8. Как на той-то церькве да ишо кре(е^{э})стики. 9. Ишшо крестики стоят дубо(о)вые. 10. Перекла^{э}динки на их кедро(о)вые. 11. А на тех-то крестах да сидят пта(а)шетьки. 12. Сидят пташечьки да кинаре(е^{э})юшки. 13. Они песни поют да заунывные. 14. Они речь говорят да речь хоро(о)шу ведут. 15. Они речь говорят да речь хоро(о)шу ведут. 16. Поженить парня (γ)они хотят. 17. – А я не буду женица, и не буду жить с женой. 18. Пойду в церькву я новую служить. 19. И не послушал сын отца. 20. Убежал из-по(хо)д венца. 21. В церьковь новую служить нанелса. 22. Служил год, служил он года два. 23. И у парня заболела голова. 24. И парень тот ушёл ведь в мо(хо)настырь. – Не подходит… Слова не те, а мотив-то эдак. Слова не те потом, ну, не так.

Сравнение вербальных текстов двух версий духовного стиха и лирической песни показывает, что духовный стих, воспроизведённый Е. Г. Светлаковой, несколько отличается от текстов духовного

стиха и лирической песни в исполнении Н. Е. Власовой. Так, Е. Г. Светлаковой включён вербальный мотив, описывающий село («с^{ш}ело новинькоё, с^{ш}емидомовоё»), более ярко, выпукло представлен образ горы – благодаря дополнительному метафорическому сравнению («на крутой горе / на роскатистой, / на розвалистой»). Образ горы в подавляющем большинстве песенных жанров русского фольклора Удмуртии ассоциируется с воплощением высоты, мощи, силы. Например, в текстах свадебных, хороводных и лирических песен горы часто имеют эпитеты «высокие», «крутые», «Макарьевские».

Горки крутыя развеселые!
Садики-сады зеленые!... [1, с. 302]

* * *

Э^{е}хе, на горах-то на горках да,
Э^{е}хе, на крутых, на высоких да…[5, с. 58–59]

* * *

Ох, на горах-то, горах да^{э} на Макарьевских… [5, с. 86]

* * *

Есь и под горою,
Есть и под высокою.
Калина да малина…[6, с. 322]

Е. Г. Светлакова использует принципиально другие эпитеты гор – горы «роскатистые», «розвалистые». В русской песенной традиции северных районов Удмуртии лексема «роскатись» чрезвычайно редка. Она встречается только в свадебном причитании и связана с показом активных, практически стихийных, разрушительных процессов, присущих драматургической линии свадебного обряда, связанного с невестой:

Роскатися, баня-матушка да,
Не достанься родному батюшку.
По единому бревёшечку,
По единому камешочику…

(Запись автора в 1994 г. в деревне Гаревская Балезинского района Удмуртии. Исполнитель – А. А. Гордина, 1912 г. рождения. НОА УИИЯЛ)

В духовном стихе сочетание эпитетов «розвалистые» и «роскатистые» создаёт образ природной мощи и сокрушительной силы. Таким образом, вербальные мотивы, связанные с горой, показывают образ горы в апофатическом сравнении – гора и «крутая», и, одновременно, «роскатистая», «розвалистая».

По сравнению с исполнением Н. Е. Власовой, в пении Е. Г. Светлаковой более ярко выражены вербальные – акустические и фонетические – особенности местного диалекта:

– частица / союз «да» чаще озвучивается как «да^{э}к», «дак»;

– слово «канареечки» пропевается как «конареички» (такой вариант произнесения слова нетипичен для данной традиции; более часто встречаемое его произношение – «кинареюшки»);

– в количественном отношении текст духовного стиха включает б*о*льшее количество вариантов междометий, предлогов, союзов – например, «во в», «эх», «ох(ы)», «дак», «-та» (вместо «-то» – «вс^{ш}ё-та»);

– часто «с» произносится как «с^{ш}» («с^{ш}ело», «с^{ш}емидомовоё», «вс^{ш}ё»).

В пении Н. Е. Власовой и Е. Г. Светлаковой прослушиваются несколько диалектных фонетических вариантов слова «церковь» – «церьква», «тсерьква», «церькоф». Этот факт интересен тем, что духовный стих записан от женщин, придерживающихся беспоповского старообрядческого направления: «Раньше говорили токо, што не староверский – православный стих. Церьковь, видишь, поминаца... А у староверов чё – церьква нету дак…».

Особенности исполнительской версии Е. Г. Светлаковой

Обе исполнительские интерпретации духовного стиха – Е. Г. Светлаковой и Н. Е. Власовой – обладают ярко выраженными характерными особенностями. Мелодические импровизации, присущие исполнению Е. Г. Светлаковой, гармонично передают все нюансы изменения ритмики текста. Ладовые

опоры мелострофы изменяются за счёт импровизаций, введения новых интонаций, попевок, ладомелодических оборотов. Форма мелострофы часто варьируется. Согласно выводам исследователя древнерусского певческого искусства М. В. Макаровской, «…мелодика таких стихов имеет свой исток, с одной стороны, в литургическом пении, с другой – в крестьянской песенности, то есть в жанрах канонической культуры» [2, с. 57].

В своём пении Е. Г. Светлакова использует несколько способов варьирования. Например, мелодии могут меняться за счёт мелизматики – введения опеваний, вспомогательных звуков, изменения мелодики с заменой звука на его терцовую вертикаль. Иногда такое варьирование может затронуть и музыкальную ритмику – через введение дополнительных звуков – в опевании или в их повторении.

Во многих мелодиях варьирование связано с включением в мелодическую линию новых интонаций, попевок, мелодических оборотов. Например, уже в начале 3-й строфы слоги «-ти-» и «-стой» (слово «роскатистой») имеют новое ладомелодическое оформление. Слог «-ти-» здесь распевается звуками «c^1» первой октавы и «a» малой октавы (здесь и далее звуки первой октавы будут обозначаться латинскими буквами с верхним индексом «^{1}», а малой октавы – просто названием ноты, без верхнего индекса). Слово «роскатистой» завершается на опорном тоне «g». Таким образом, опорные тоны в этой попевке – «d^1» и «g» – при звукоряде «g-a-h-c^1-d^1». В первых двух мелострофах данный фрагмент формы разворачивался в звукоряде «h-c^1-d^1-e^1» при опорных тонах «d^1» и «c^1».

Рис. 1. Исполнение Е. Г. Светлаковой. Строфы 1–3

Соединительное слово между частями мелострофы – союз «да^{э}к», используемый практически во всех мелострофах – распевается в 3-й мелострофе с совершенно новым мотивом. Начинается этот мотив со звуков «c^1» и «h» (вместо выдержанного «d^1», как в большинстве мелостроф). Мелодия «c^1-h-а», открывающая вторую часть 3-й мелострофы со слова «да^{э}к», как бы смещается в форме – относительно других мелостроф. Там эта мелодия звучит уже после союза «дак».

Далее, в начале второй половины 3-й мелострофы распев предлога «на» начинается с интонации типа опевания «a-g-a» (вместо нисходящего оборота «c^1-h-a», как в предыдущих и последующих строфах).

В следующем слове – «розвалистой» – слоги «роз-» и «-ва-» мелодически оформлены как опевание, чего не было в предыдущих строфах. И только заключительный, кадансовый ладомелодический оборот 3-й мелострофы на слогах «-ли-» и «-стой» обладает типичным для мелодики данного духовного стиха нисходящим направлением движения – «c^1-a-g».

Мелодика 3-й мелострофы состоит из двух мелодических фраз. Первые и последующие мелострофы, включают по три фразы. Первая фраза оформляет первую часть мелострофы, вторая и третья фразы – вторую часть мелострофы. Каждая из двух частей 3-й мелострофы содержит по одной мелодической фразе.

Таким образом, первичным, по нашему мнению, фактором для изменения мелодии, её ритмики и формы в 3-й мелострофе, стала спонтанная мелодическая импровизация исполнительницы. То, что

это был экспромт, может свидетельствовать тот факт, что далее несколько мелостроф (4-ю, 5-ю, 6-ю, 7-ю, 8-ю) Е. Г. Светлакова исполняла по аналогии с 1-й и 2-й мелострофами.

Рис. 2. Исполнение Е. Г. Светлаковой. Строфы 4–8

Следующее значительное изменение мелодики, ритмики и формы духовного стиха происходит в девятой мелострофе. Опять же, в начале 9-й мелострофы на слоге «-сти-» (слово «хрестики») импровизируется мелодика и её ритмика. Ладомелодический оборот, оформляющий слог «-ки» и слово «стоят», используется на четыре условных восьмых длительностей раньше. Это нисходящий мелодический оборот шестнадцатыми «c^1-h-a-g».

Мелодическая фраза второй части 9-й мелострофы состоит из двух мотивов. Первый, оформленный как нисходящая волна с последующим её заполнением восходящим скачком – «c^1-g-a-g-c^1» на словах «дак всшё» – в духовном стихе ещё не задействовался. Второй мотив включает две интонации: восходящий скачок «g-g-a-d^1» («да ду-бо-») и нисходящую волну «c^1-h-a-g» («-вые»). Первый мотив «g-g-a-d^1» также встречается в духовном стихе впервые.

О свободном, импровизационном отношении Е. Г. Светлаковой к мелодии могут свидетельствовать и другие факты. Например, в 9-й мелострофе в распеве словосочетания «хрестики стоят» изменения касаются как усечения мелодии, так и вариантности пропевания интонации слога «-сти-» шестнадцатыми, вместо восьмых в аналогичных местах формы в других мелострофах.

Рис. 3. Исполнение Е. Г. Светлаковой. Строфа 9

В 11-й мелострофе в распеве фразы «сидят пта(аэ)шички», оформленной по типу первых двух мелострофа, в мелодическом обороте на слово «сидят» добавляется пятая и шестая шестнадцатая, вместо

четырёх в аналогичных фрагментах формы в других мелострофах. Таким образом, данный фрагмент имеет протяжённость в 3 восьмые. По аналогии с 11-й мелострофой, в вариантно изменённой 13-й мелострофе длительность этого участка мелострофы также будет равна трём восьмым.

Рис. 4. Исполнение Е. Г. Светлаковой. Строфы 10–15

Ладомелодические начальные обороты в 10-й, 14-й, 15-й, 16-й, 18-й–21-й мелострофах – мелодическая фраза, состоящая из трёх мотивов. Первый мотив – это нисходящее движение от «c^1» к «a», второй – восходящий скачок от «a» к «d^1», третий мотив – нисходящая волна от «e^1» (10 строфа) или «c^1» к «g». Начала этих мелострофов оформлены сходно, но в каждой из них есть вариантно изменённые звуки, интонации.

Необычно оформлена 17-я мелострофа. Она как бы «усечённая», по количеству музыкального времени – самая короткая (условно она длится 25 шестнадцатых). По ритмическому и ладомелодическому строению она сходна со вторыми частями мелострофов духовного стиха.

Рис. 5. Исполнение Е. Г. Светлаковой. Строфы 16–21

Такая же короткая последняя, 21-я, мелострофа. Если условно измерять её длительность в шестнадцатых, то в ней их 28 (например, в предыдущей, 20-й мелострофе, их 39). Ощущение своеобразного «итога» музыкально-ритмической формы в завершении духовного стиха создаёт особый приём – как бы «затормаживание» ритмики – незначительное удлинение, «оттягивание» каждого из шести последних завершающих звуков (в нотной расшифровке этот приём отмечен специальным значком над нотами).

Анализ вариантных изменений мелодико-ритмических оборотов в духовном стихе, исполненном Е. Г. Светлаковой, можно продолжать. Но и проанализированных фрагментов достаточно, чтобы сделать ряд выводов:

– постепенное включение в мелодическую ткань всё новых и новых попевок, импровизации мелодических оборотов и их сочетаний происходят на протяжении всего произведения, вплоть до последнего его звука;

– обращает на себя тот факт, что впервые вариантно пропетые ладомелодические обороты и вновь сымпровизированные мотивы не «забываются», не «бросаются», а используются далее, в мелодической ткани последующих мелостроф;

– мелодика в соотношении с формой мелострофы имеет относительно самостоятельное развёртывание. Её течение координируется со сменой стиха, но не зависит от неё. Мелодические обороты аналогичных по стихосложению мелостроф могут оформляться мелодическими линиями как уже пропетых строф, так и импровизироваться вновь и вновь;

– вариантные преобразования ритмики охватывают несколько уровней метроритмической организации и во многом связаны с вариантной мелодикой;

– подвергается активным изменениям форма строф;

– варьируется количество протяжённых фраз в частях мелострофы;

– могут преобразовываться длительность протяжённых фраз и более мелких ладо-интонационных оборотов – мотивов, интонаций и даже отдельных звуков.

Особенности исполнительской версии Н. Е. Власовой

Н. Е. Власова относилась к песне «Ох, на горах-то, горах» как к духовному наследию её дедушки, постоянно подчёркивала, что она была «для него любимая» [5, с. 179]. Она записала от соседки Ирины, жившей ранее в одной деревне с её дедом, видоизменённый вариант текста этой песни, но не спела его, а только прочитала.

Текст духовного стиха «На горе-то было, слышь, на гороньке», записанного от Е. Г. Светлаковой, она пропела с множеством оговорок, что «это – стих». Для Н. Е. Власовой было очень важно – даже в процессе записи – указывать на отличия песни от стиха, которые, по её мнению, заключались в пропевании в начале мелострофы междометия «ох». При исполнении лирической песни в 1995 г. она озвучила это «ох» всего в трёх мелострофах из шести. В сольном исполнении стиха в 2001 г Н. Е. Власова пропела первую строфу лирической песни с «ох» с указанием на то, что в данный момент она поёт именно песню, а далее исполняла духовный стих, уже без начального «ох».

Использование слова «ох» в устной речи указывает на экспрессивные чувства говорящего человека. В песнях эмоциональный эффект от употребления слова «ох» сглажен. Слово «ох» включается Н. Е. Власовой во многие исполненные ею песни. Например, междометие «ох» открывает свадебные и лирические песни «Ох да, с-по морю-то, морю» [5, с. 37–38], «Ох, не было ветру» [5, с. 39–43], «Ох, Кама-река» [5, с. 44–45], «Ох, ох, у (й)екошичка» [5, с. 92–93] и др.:

Ох, ох, у (й)екошичка,
Э^{е} ох, три да чесочка я простоял.
Э^{е} ох, ох, да, всё не выйдёт ле(й) она.
Э^{е} ох, на(йе)... на прекра(еγаγа^{э}γа)сноё(и) да крыльцо.
Э^{е} ох, не... не пока(γаγаγа^{э}γа)жот ле, мо(й), она.
Э^{е} ох, свои... своё бе(γеэ^{е})лоё(и) да лицо…

Иногда междометие «ох» в исполненных Н. Е. Власовой песнях озвучивает границы мелостроф. Так, в свадебной песне «У ключа было, у ключика» [5, с. 50–51] в каденционных мотивах многих мелострофы звук «а» / «я», завершающий последнее слово, в процессе распева плавно заменяется на «ох»:

1. У ключа было, у ключика да,
У ключа было студёнова, ох…

6. …Не идёт ле, мо, Наталья за водой да,
Не идёт ле, мо, Ефимовна, ох…

8. …Вот пришла, пришла Наталья за водой да,
Вот пришла, пришла Ефимовна, ох.

9. …Вот пришла, пришла Ефимовна да,
Расстоялися, разбаелися, ох…

Слово «ох» вместе с частицами «да» и «ли» может образовывать устойчивые словосочетания, которые служат для соединения относительно завершённых фрагментов мелострофы. В *некрутской* песне «Ох, прошшай девки» междометие «ох» звучит и в начале мелострофы, и участвует в словосочетаниях «да ох», «да ли ох» на границах сочленения слоговых групп [5, с. 75–77]:

Ох, прошшай, девки, про(ˀо)шшай, ба(γа)бы, да ох, нам типерь,
Нам типе(γе)ре не до вас.

Ох, на(ˀаˀа)м типере не(γе) до ва(γа γа)с, да ли ох, нам прихо…
Нам прихо(γо)дит горький час.

Ох, нам приходит горький час(γаγа), даˀ ли ох, во в солда…
Во в солдаˀ(аγэа)ты везут нас.

Ох, мы в солдаты не пойдём, даˀ ли ох, мы наё…
Мы наё(γо)мшшычков наймём…

Примечательно, что в песнях, исполненных Н. Е. Власовой, междометие «ох» является характерным словом для определённых жанров. Например, оно не встречается в колыбельных, в хороводных песнях.

Как уже упоминалось, слово «ох» служило для Н. Е. Власовой своеобразным «маркером» для различения сходных по тексту и по мелодике лирической песни и духовного стиха. Мнение, что по восклицанию «ох» можно классифицировать жанры лирической песни и духовного стиха, является сугубо личным выводом Н. Е. Власовой. В записи духовного стиха от Е. Г. Светлаковой с «ох» начинаются 5 мелостроф из 21-й мелострофы – 2-я, 3-я, 5-я, 7-я, 15-я, 19-я строфы.

Таким образом, слово «ох» в индивидуальном исполнительском стиле Н. Е. Власовой наделяется особыми свойствами. Оно не только насыщает текст яркостью, силой, украшая образы и вербальные мотивы, но и обладает собственной, имманентной экспрессией. Его включение в песенные тексты подчёркивает эмоциональную изменчивость вербального плана. Слово «ох» обладает формообразующими свойствами и влияет на жанровую идентификацию произведения.

Вариантность вербальной ткани песни «Ох, на горах-то, горах» и духовного стиха «На горе-то было, слышь, на гороньке» в исполнении Н. Е. Власовой касаются и образной сферы. Так, в лирической песне отсутствуют вербальные мотивы, связанные с образом горы, села. «Крестичёг» на церкви описывается как «спозолоченный», тогда как в духовном стихе «крестики» презентуются «дубовыми», а «перекладинки на их» – «кедровыми».

В дуэте с Е. Г. Светлаковой Н. Е. Власова воспроизводила свою, несколько отличную, мелодическую линию, апеллирующую к лирической песне «Ох, на горах-то, горах». В её мелодии духовного стиха «На горе-то было, слышь, на гороньке» мало распевов. Один распев – с секундовым мотивом – в первой части мелострофы. Второй – в кадансе, более выраженный, охватывающий три звука и паузу в скачкообразном движении мелодии, которые незначительно варьируются мелодически и ритмически.

Самобытна для русской региональной традиции Удмуртии, и, в частности, для музыкального диалекта северных районов Удмуртии, ладомелодическая основа этого музыкально-поэтического произведения. Первая часть мелострофы имеет бесполутоновый звукоряд – «*e-g-a-h*». Начинается мелострофа с двух скачкообразных, «раскачивающих» мелодию интонаций – нисходящей терцовой интонации «*g-e*» и восходящего скачка «*e-a*». Во второй части мелострофы, после «топчущихся» интонаций «*g-a*» и «*a-g*», в мелодии обыгрывается подчёркивающий начало каданса нисходящий скачок на кварту «*g-d*». Далее следует возврат к «*g*» и поступенное нисходящее заполнение скачка. В кадансировании используется полутоновый ход «*g-fis*». Подобные звукоряды – с преобладанием бесполутоновых интонаций в сочетании со скачками в мелодии – типичны для многих песен в исполнении Н. Е. Власовой [5, с. 11–16].

В исполнении духовного стиха Н. Е. Власовой присутствует чёткая метроритмическая заданность формы, которая способствует ощущению стабильности, размеренности.

Так, во второй половине текста духовного стиха, начиная с 16-й мелострофы, в которой описательные, пейзажные образы сменяются повествованием о судьбе героя, происходит изменение ритмики стихосложения. Следуя реорганизации вербальной ритмической структуры текста, Н. Е. Власова видоизменила форму мелострофы, сократив мелодию второй её половины, а именно фрагмент с распевом в кадансе.

Рис. 6. Исполнение Н. Е. Власовой. Строфы 1–7

В 17-й мелострофе прозвучал вариант, в котором каданс с распевом присутствовал, но все слова, которые появились вследствие видоизменения структуры стиха, были проинтонированы речитативно. По-видимому, певицу это не вполне устроило, и все последующие строфы – с 18-й по 24-ю, были исполнены ею по метроритмической схеме и ладомелодическому контуру мелодии 16-й мелострофы.

В духовном стихе / песне Н. Е. Власова практически не использует богатство распевов, в том числе с «придыханиями», со сменами гласных, с мелизматическими интонациями, с «огласовками» согласных, характерные для исполняемых ею других протяжных лирических, свадебных и *некрутских* песен, услышанных и выученных на слух в детстве [5, с. 8–17].

Исполнительский стиль с более простой мелодикой и музыкальной ритмикой присущ лирическим песням с силлабо-тоническим стихосложением и с текстами, насыщенными яркими драматическими – «театральными» – образами. Однако все эти музыкально-поэтические произведения исполняются певицей в неповторимой, узнаваемой собственной манере [5, с. 116–140].

Факт упрощённого воспроизведения музыкально-ритмической ткани духовного стиха показывает, что в пении Н. Е. Власова, вероятно, старалась точно передать, «донести» до собирателей текст и мелодию. Цель её исполнения была, скорее всего, в презентации нового музыкального фольклорного произведения, при которой память о погружении в обрядовую атмосферу не включилась.

Рис. 7. Исполнение Н. Е. Власовой. Строфы 16–23

Вышеизложенные наблюдения позволяют предположить, что внутренний настрой на определённую обрядовую ситуацию, на внешний контекст и соответствующий им образ мышления, используемые при воспроизведении Н. Е. Власовой двух сходных, даже идентичных для других людей, музыкально-поэтических произведений, задействуют очень тонкие механизмы в музыкальной, образной, чувственной памяти.

Выводы

В результате анализа музыкально-поэтического текста духовного стиха «На горе-то было, слышь, на гороньке», записанного от двух информантов с разницей в годах рождения в 15 лет (1918 год – Е. Г. Светлакова и 1933 год – Н. Е. Власова), уроженок близлежащих населённых пунктов Балезинского района Удмуртии, было сделано несколько выводов.

Информанты исполняли духовный стих в соответствии со своими звуковыми идеалами данного произведения. Музыкальная стилистика в воспроизведении Е. Г. Светлаковой, женщиной, старшей по возрасту, приближена к музыкальным особенностям богослужебного старообрядческого пения. Пение духовного стиха Н. Е. Власовой, женщиной, младшей по возрасту, ассоциируется с местной фольклорной традицией.

В исполнении духовного стиха Е. Г. Светлаковой предположительно были задействованы музыкально-ритмические принципы, характерные для духовных стихов и молитвенного пения старообрядцев, присущие этой диалектной традиции. Её пение отличает спонтанная импровизационность мелодии, ритмики, мобильность формы. В варианте, исполненном Е. Г. Светлаковой, более ярко представлена специфика вербального диалекта фольклорной традиции данной местности.

Н. Е. Власова исполняла духовный стих в звуковой модели, которая по мелодико-акустическим параметрам ближе к стилистике лирических, рекрутских, обрядовых – свадебных и хороводных – песен.

Вербально-музыкальный текст, исполненный Н. Е. Власовой, в зависимости от внутреннего настроя, воспоминаний о множественных контрастных ситуациях его исполнений, мельчайших фонематических отличий, презентовался певицей как разные фольклорные произведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Верещагин Г. Е.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4: Фольклор. Кн. 2: Русский фольклор: Сказки. Анекдоты. Песни. Детский фольклор. Пословицы и поговорки / Отв. за выпуск и авт. предисл. Т. Г. Владыкина; предметно-тематический словарь-указатель Т. Г. Владыкиной, Н. В. Глотовой, Л. Н. Долгановой, А. С. Мутиной; прил. А. С. Мутиной. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. 440 с.
2. *Макаровская М. В.* Напевы духовных стихов Верхокамья // Кому повем печаль мою: Духовные стихи Верхокамья. Исследования и публикации / Под ред. д.и.н. И. В. Поздеевой. М.: Данилов ставропигиальный мужской монастырь, 2007. С. 56–65.
3. *Поздеева И. В.* Кому повем печаль мою… // Кому повем печаль мою: Духовные стихи Верхокамья. Исследования и публикации / Под ред. д.и.н. И. В. Поздеевой. М.: Данилов ставропигиальный мужской монастырь, 2007. С. 13–35.
4. *Склярова Е. А.* Музыкальный фольклор в календарных обрядах русских старожилов Удмуртской Республики: дис. … канд. иск. Санкт-Петербург, 2015. Т. 1. 240 с.
5. *Стародубцева С. В.* Ох, роспечальное моё сердечко (песни из репертуара Н. Е. Власовой). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. Вып. 1. (Русский фольклор Удмуртии). 226 с.
6. *Стародубцева С. В.* Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья. Монография / Отв. ред. Т. Г. Владыкина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 421 с.
7. *Толкачева С. В.* Особенности бытования лирических песен «Ох, роспечальное моё сердечко» и «Ох, Катенька-Катюшенька» в русских диалектных традициях северных районов Удмуртии // Russian Linguistic Bulletin. 2025. №8 (68). С. 1–8. URL: https://rulb.org/archive/8-68-2025-august/10.60797/RULB.2025.68.9. DOI: 10.60797/RULB.2025.68.9.
8. *Толкачева С. В.* К вопросу о жанровых «модуляциях» в русском фольклоре Удмуртии: лирическая песня и духовный стих // Russian Linguistic Bulletin. 2025. №12 (72). С. 1–8. URL: https://rulb.org/archive/12-72-2025-december/10.60797/RULB.2025.72.1. DOI: 10.60797/RULB.2025.72.

Поступила в редакцию 26.01.2026

Толкачева Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук»
426067, Россия, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, 34
E-mail: svetlana-tolk@mail.ru

S. V. Tolkacheva

PERFORMATIVE INTERPRETATIONS OF THE SPIRITUAL VERSE “ON THE MOUNTAIN, LISTEN, ON THE HILL” (BALEZINSKY DISTRICT OF UDMURTIA): INDIVIDUALITY AND DIALECT

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-907-920

The article is devoted to two interpretations of the spiritual poem “On the Mountain, Listen, on the Hill,” recorded in the village of Karsovai in the Balezinsky District of Udmurtia in 2001. The article provides an analysis of the verbal and musical features of both interpretations, including their melodies, modes, intonations, and phonetics.

Several factors have significantly influenced the variations in the performance of the verbal and musical text of this folklore piece. This is a significant difference in the age of the informants, as well as the individual tuning of auditory musical memory, which is associated with different perceptions of the genre orientation of the musical text. The musical fabric of the spiritual verse, performed by an older woman, is more focused on the principles of ancient Russian singing

of folklore spiritual and liturgical works. In the interpretation of another singer, the musical, rhythmic, and poetic features of the spiritual verse are closer to the style of lyrical song.
The findings obtained by the methods of holistic, comparative-contrastive, chronological, and musical motif analysis allowed to describe the influence of sensual and figurative memory on the specifics of the informants' performing singing styles, as well as on the correlation of one musical-poetic work with different folklore genres.
The analysis of N. E. Vlasova's performing version revealed some patterns in the use of the interjection "oh" in the texts of this spiritual verse, the lyrical song "Oh, on the mountains, on the mountains," and in songs of other genres.

Keywords: spiritual verse in Udmurtia, lyrical song in Udmurtia, interjection "oh", "rocky mountain", musical figurative memory.

REFERENCES

1. *Vereshchagin G. E.* Sobranie sochinenij [Collected Works]: v 6 t. Tome 4: Fol'klor [Folklore]. Book 2: Russkij fol'klor: Skazki. Anekdoty. Pesni. Detskij fol'klor. Poslovicy i pogovorki [Russian Folklore: Fairy Tales. Anecdotes. Songs. Children's Folklore. Proverbs and Sayings] / Otv. za vypusk i avt. predisl. T. G. Vladykina; predmetno-tematicheskij slovar'-ukazatel' T. G. Vladykinoj, N. V. Glotovoj, L. N. Dolganovoj, A. S. Mutinoj. Izhevsk, 2002, 440 p. (In Russian).
2. *Makarovskaya M. V.* Napevy duhovnyh stihov Verhokam'ya [Melodies of Spiritual Poems from Verkhokamye]. Komu povem pechal' moyu: Duhovnye stihi Verhokam'ya. Issledovaniya i publikacii [To whom shall I pour out my sorrow: Spiritual Poems of Verkho-Kamye. Research and Publications] / Pod red. d.i.n. I. V. Pozdeevoj. Moscow, Danilov Monastery Publishing House, 2007, pp. 56–65. (In Russian).
3. *Pozdeeva I. V.* Komu povem pechal' moyu… [To whom shall I pour out my sorrow]. Komu povem pechal' moyu: Duhovnye stihi Verhokam'ya. Issledovaniya i publikacii [To whom shall I pour out my sorrow: Spiritual Poems of Verkho-Kamye. Research and Publications] / Pod red. d.i.n. I. V. Pozdeevoj. Moscow, Danilov Monastery Publishing House, 2007, pp. 13–35. (In Russian).
4. *Sklyarova E. A.* Muzykal'nyj fol'klor v kalendarnyh obryadah russkih starozhilov Udmurtskoj Respubliki: dis. … kand. isk. [Musical Folklore in the Calendar Rites of the Russian Old-Timers of the Udmurt Republic]. St. Petersburg, 2015, tome 1, 240 p. (In Russian).
5. *Starodubceva S. V.* Oh, rospechal'noe moyo serdechko (pesni iz repertuara N. E. Vlasovoj) [Oh, my heart is sad (songs from the repertoire of N. E. Vlasova)]. Izhevsk, 1999, vol. 1 (Russkij fol'klor Udmurtii), 226 p. (In Russian).
6. *Starodubceva S. V.* Russkaya horovodnaya tradiciya Kamsko-Vyatskogo mezhdurech'ya. Monografiya [The Russian round dance tradition of the Kama-Vyatka interfluve] / Otv. red. T. G. Vladykina. Izhevsk, 2001, 421 p. (In Russian).
7. *Tolkacheva S. V.* Osobennosti bytovaniya liricheskih pesen «Oh, rospechal'noe moyo serdechko» i «Oh, Katen'ka-Katyushen'ka» v russkih dialektnyh tradiciyah severnyh rajonov Udmurtii [Features of the existence of the lyrical songs «Oh, my heart is sad» and «Oh, Katenka-Katyushenka» in the Russian dialectal traditions of the northern regions of Udmurtia]. Russian Linguistic Bulletin. 2025, no. 8 (68), pp. 1–8. URL: https://rulb.org/archive/8-68-2025-august/10.60797/RULB.2025.68.9 (In Russian).
8. *Tolkacheva S. V.* K voprosu o zhanrovyh «modulyaciyah» v russkom fol'klore Udmurtii: liricheskaya pesnya i duhovnyj stih [On the issue of genre «modulations» in the Russian folklore of Udmurtia: lyrical song and spiritual verse]. Russian Linguistic Bulletin. 2025, no. 12 (72), pp. 1–8. URL: https://rulb.org/archive/12-72-2025-december/10.60797/RULB.2025.72.1 (In Russian).

Received 26.01.2026

Tolkacheva S.V., Candidate of Philology, Senior Research Associate
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
T. Baramzinoy st., 34, Izhevsk, Russia, 426067
E-mail: svetlana-tolk @mail.ru

Трибуна молодого автора

УДК 811.161.1’37:004.738.5(045)

М. Р. Мирошниченко

«СОВСЕМ ТОГО» КАК ЭЛЕМЕНТ ЗАГОЛОВОЧНОГО КОМПЛЕКСА В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Статья посвящена лингвистическому анализу интернет-заголовков, включающих конструкцию *совсем того*, в аспекте их структурно-семантической и прагматической организации. В фокусе внимания не медиастилистическая или коммуникативно-журналистская перспектива, а исключительно языковая природа феномена: синтаксическая структура, грамматическая омонимия, семантика и эвфемистическая функция компонентов конструкции. На основе корпуса из 191 единицы выявлены синтаксические модели заголовков, реализующих механизм парцелляции или бессоюзного изъяснения, а также установлены языковые факторы, программирующие эффект умолчания. Особое внимание уделяется прагматическому потенциалу местоименной формы *того*, обладающей эвфемистической маркированностью. Конструкция *совсем того* рассматривается как предикативный компонент с неполной валентностью, реализующий в заголовочном комплексе аксиологическую инверсию и функционирующий как языковой механизм кликбейтного воздействия.

Ключевые слова: интернет-дискурс, заголовок, кликбейт, совсем того, синтаксическая неполнота, эвфемизм, аксиологическая инверсия.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-921-926

Введение

В современном интернет-дискурсе заголовочный комплекс выступает ключевым элементом медиатекстов различных жанров за счет своей способности реализовывать ряд функций, критически значимых для восприятия, интерпретации и распространения текста. Заголовок нередко воспринимается как самостоятельный фрагмент текста, своего рода метазнак [2; 8; 14]. На особенную экспрессию заголовка указывает Н. Н. Немич [15, с. 71]. Актуальность изучения языковых особенностей заголовков в сети Интернет обусловлена их особой ролью в медиакоммуникации.

Заголовочный комплекс как самостоятельный объект изучения привлекал внимание исследователей, работающих преимущественно в направлениях медиастилистики, прагмалингвистики и теории журналистики. В рамках медиастилистики он рассматривается как особая текстовая единица, обладающая экспрессивной структурой и способная формировать стилистический облик медиатекста в целом. В данном аспекте исследовались стилистические потенции лексики, составляющей заголовок, особенности структуры различных заголовочных комплексов и, в том числе, функционирование в их составе прецедентных текстов и устойчивых выражений, особенности заголовков с точки зрения репрезентации ими жанровых характеристик медиатекста и в целом использования заголовка в функции экспрессивного над- и внутритекстового знака [5; 20]. В ракурсе исследований в области прагмалингвистики оказывались такие проблемы заголовочного феномена, как его перлокутивная сила и участие в реализации коммуникативных стратегий воздействия в рамках теории речевых актов, а также функционирование заголовка как паратекста, занимающего промежуточное положение между текстом и читателем [1; 12; 16; 3]. Журналистская перспектива вопроса фокусируется на этических и социокультурных аспектах заголовка как компонента медиапрактики. Изучается проблема соблюдения принципа релевантности заголовка и содержания медиатекста, в частности, на примере цепляющих кликбейт-заголовков, или заголовков-закличек (по терминологии Н. А. Прокофьевой и И. А. Акулович [18]), допустимой меры провокации и манипуляции заголовка, эффективности заголовочного комплекса в привлечении и удержании читательского внимания [4; 19; 10; 17; 7].

Несмотря на обилие работ о заголовках в интернет-дискурсе, большинство из них сконцентрировано, как упоминалось выше, на функционально-прагматических и стилистических аспектах, тогда как собственно языковая сторона вопроса (синтаксическая и грамматическая структура заголовка, семантика составляющих заголовок слов и их функциональные особенности внутри заголовочной конструкции)

освещена, как нам представляется, недостаточно. Заметен существенный разрыв между медиастилистическим подходом к анализу заголовков и их полноценным лингвистическим осмыслением как элементов языковой системы. Так, нередко анализ заголовков ограничивается констатацией наличия в их структуре того или иного стилистического приема (тропа, фигуры речи), без углубленного описания его языковых механизмов. Например, рядом ученых отмечено присутствие эвфемизмов и намеков в кликбейт-заголовках, но их системный анализ с точки зрения языковой структуры и семантической деривации выходят за фокус внимания исследователей. Можно говорить о том, что на стыке журналистики и лингвистики образовалась ниша, требующая более тщательного исследования: каким образом языковые средства (лексические, грамматические, фразеологические) функционируют внутри заголовка для достижения коммуникативной цели. Данная работа направлена на частичное заполнение этого пробела.

Цель работы заключается в описании структурно-семантических особенностей заголовков, содержащих **объект исследования** – конструкцию *совсем того*. На пути к поставленной цели предстоит решить следующие **задачи**: 1) охарактеризовать синтаксическую структуру заголовка, содержащего компонент *совсем того*, 2) проанализировать и объяснить прагматический потенциал составляющих конструкции *совсем того* при реализации функций воздействия и манипулирования вниманием.

Эмпирической основой исследования послужил корпус заголовков, содержащих конструкцию *совсем того*, в количестве 191 единица, отобранных методом сплошной выборки из новостных и развлекательных медиаресурсов различного формата (Живой Журнал, Дзен.ру, ВКонтакте), а также подкорпуса социальных сетей Национального корпуса русского языка.

Обсуждение и результаты. Заголовки, содержащие конструкцию *совсем того*, с точки зрения их синтаксической характеристики можно дифференцировать на две группы, различия между которыми, однако, оказываются исключительно формальными (здесь равно – структурными). Первую группу заголовков составляют простые предложения, завершающиеся обыкновенно знаком многоточия (хотя возможны случаи постановки точки), например: *Онлайн-поддержка Мегафон **совсем того...*** (https://xnyleht.livejournal.com/11145.html, 10.06.2014), *Они что, **совсем того**?* (https://users.livejournal.com/-dara-lyven-/195413.html, 09.06.2011), *Что-то я совсем **того**.* (https://morska-ya.livejournal.com/103883.html, 27.07.2015). Вторую группу формируют сложные бессоюзные предложения с двучленной структурой, например: ***Совсем того**: звезды, которые творят что-то странное со своей внешностью* (https://dzen.ru/a/ZLj4uoau3ivarbZn?sid=68208651490288607), *Журналистика на Родине **совсем того**: воруют идеи (и честно переписывают тексты) у авторов Дзена* 🤦‍♀️ (https://dzen.ru/piano_piano, 02.06.2021), *«Бедняжка **совсем того**»: Бритни Спирс вышла замуж за саму себя, фанаты убиты горем* (https://dzen.ru/shorts/671e886e497b8d5fad4d4384?sid=68208651490288607).

С точки зрения особенностей внутреннего строения предикативных единиц, оба типа заголовков фактически реализуют одну и ту же структурно-семантическую модель сложного предложения, основанную на разрыве между формально оформленной предикативной структурой и ее семантическим наполнением. Как пишет П. А. Лекант, давая определение значимого признака предикативных единиц в составе сложных предложений: «Структурная неполнота – это отсутствие тех или иных слов в одной предикативной единице, рассчитанное на их «домысливание» в связи с наличием в другой» [11, с. 371]. Реализуемая за счет максимально абстрактного местоименного предикат *того* семантическая неполнота в заголовках первого типа восполняется содержательным подзаголовком, уточняющим лексико-семантический вариант *того* и раскрывающим его значение в контексте. Приведем полные фрагменты заголовочных комплексов, которые мы использовали в качестве примеров для конструкций первой группы: *Онлайн-поддержка Мегафон совсем того... 25 мая в офисе Мегафон в г. Подольск я написал заявление о переводе своего номера 8(901)... от оператора Скайлинк в Мегафон. Перевод, сказали, произойдет 2 июня*; *Они что, совсем того? Росавиация назвала аэропорты, где летчиков больше всего атакуют лазерами; Что-то я совсем того. Пропал интерес к книгам.* С точки зрения данного определения структурной неполноты, заголовки первого типа можно рассматривать как парцеллированные структуры, в которых знак многоточия или точки выполняет функцию границы между фрагментами одного сложного высказывания, синтаксически расчлененного для создания эффекта ожидания.

Структурная неполнота в заголовках второго типа «домысливается» с помощью второй части сложного бессоюзного предложения, реализующего изъяснительные смысловые отношения, например: *в ЕС **совсем того**:* (В чем именно? Что происходит в ЕС, что не соответствует норме?) *хотят разрешить... добавлять воду в вино!!! почему мы с итальянцами так возмущены?* (https://dzen.ru/piano_piano, 07.05.2021), ***Совсем того**:* (Кто? В чем именно?) *американцы вместо покупки, берут обувь в аренду* (https://business-ru.livejournal.com/354797.html, 12.06.2025).

Таким образом, заголовки с конструкцией *совсем того* программируют эффект недосказанности и активируют у читателя ожидание смыслового продолжения на структурном уровне, однако не только на нем. Данный механизм создания и одновременно восполнения смысловой лакунарности в рассматриваемых заголовках поддерживается не только на синтаксическом, но и на лексико-грамматическом уровне, а именно за счет уже упомянутой выше специфики значения местоименной формы *того* и следующим из этого прагматическом потенциале слова. Раскроем данную мысль.

Слово *того* активно функционирует как средство выражения семантики умолчания [6]. Как показали наши исследования, слово *того* содержит минимум шесть лексико-семантических вариантов и представляет собой омонимический комплекс, в состав которого входят местоглаголие, притяжательное местоимение, наречие, категория состояния и частица [13]. Именно эта многозначность и грамматическая амбивалентность, а также высокая степень контекстуальности значения делают слово *того* выразительным эвфемистическим средством, работающим на создание семантической многозначности в интернет-заголовках. Описанный выше эффект недосказанности и смысловой интриги на синтаксическом уровне имеет под собой не только структурное, но и, как следует, семантическое и далее прагматическое обоснования. Как справедливо отмечает Е. П. Иванян, умолчание в языке функционирует как особая семантическая категория, тесно связанная с эвфемизацией, оценочностью и дискурсивной стратегией уклонения [6, с. 22]. В этом смысле интрига, о которой упоминают медиастилисты и журналисты применительно, например, к кликбейтным заголовкам, не просто результат речевой игры или манипуляции вниманием, но, по нашему мнению, закономерное следствие синтаксической и лексико-грамматической организации заголовка. Эффект умолчания, таким образом, формируется под действием комплекса **исключительно языковых факторов**: лексического (многозначность слова *того*), морфологического (функциональная омонимия слова), синтаксического (структурная неполнота конструкции) и прагматического (эвфемизация).

Продолжая рассуждение о синтаксико-прагматических механизмах, создающих интригу в заголовках с конструкцией *совсем того*, необходимо обратить внимание на одно важное наблюдение: несмотря на структурную недосказанность и формальную открытость первой части заголовка, содержащей указанную конструкцию, прагматический посыл такого высказывания практически всегда считывается адресатом как иронический, уничижительный или порицательный. Этот эффект достигается прежде всего за счет устойчивой негативной коннотации эвфемизма *того*. Интрига, создаваемая на синтаксическом и лексическом уровне, не отменяет, таким образом, наличия четкой предварительной оценки, встроенной в структуру заголовка фактически еще до обозначения самого предмета оценки. Это положение, на наш взгляд, оказывается концептуально значимым, поскольку позволяет сформулировать следующую идею.

В заголовках с конструкцией *совсем того* имеет место инверсия аксиологической структуры высказывания. В традиционном повествовательном дискурсе сначала обозначается объект описания, а затем его интерпретация или оценка. В анализируемых заголовках эта последовательность нарушается: на первом месте оказывается оценка, реализуемая эвфемистической формулой *совсем того*, а уже за ней следует референт (конкретный или ситуативный), к которому она относится. Подобная структура не только усиливает эффект интриги, но и задает аксиологическую направленность текста еще до его развертывания. Фактически речь идет о семантическом и прагматическом упреждении, когда читателю еще не представлена тема, но уже предложен модус ее восприятия.

Представляется перспективным рассматривать такую инверсию как одну из коммуникативных стратегий интернет-дискурса, обусловленную, как нам представляется, особенностями темпа и формата восприятия цифровой информации. В условиях стремительного прокручивания новостной ленты читатель часто не переходит от заголовка к основному тексту, воспринимая именно заголовок как финализированную текстовую единицу. Это заставляет автора изначально формулировать не просто сжатую, но оценочно насыщенную конструкцию, в которой модальность высказывания подается первой. Можно предположить, что такая структура соответствует когнитивным ожиданиям пользователя, который в условиях избытка информации ориентируется прежде всего на интонационные и оценочные маркеры. В этом контексте конструкция *совсем того* выполняет функцию семантического ярлыка, служащего для экспресс-оценки тематического содержания и обеспечения когнитивной экономии восприятия. Автор задает не просто информационную рамку, а сразу предлагает интерпретационную модель, встраивая её в актуальные социальные и языковые сценарии. Таким образом, аксиологическая инверсия, выявляемая в заголовках с конструкцией *совсем того*, является не просто риторическим ходом, но одним из ключевых языковых механизмов феномена кликбейта, подчеркиваем, реализуемого средствами самой языковой системы.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Так называемые заголовки-заклички, или кликбейтные заголовки, к которым можно отнести и заголовки с конструкцией *совсем того*, организуются преимущественно средствами самого языка на уровне его внутренней структурной, лексико-грамматической и прагматической организации. Во-первых, несмотря на внешние формальные различия, выделенные типы заголовков (простые предложения с парцелляцией и сложные бессоюзные конструкции) реализуют единую синтаксико-прагматическую модель. В ней компонент *совсем того* функционирует как предикативная единица с неполной валентностью, программирующая необходимость последующего смыслового уточнения. Структурная неполнота, формируемая за счет семантической абстрактности местоименной формы *того*, восполняется либо подзаголовком, либо развернутой второй частью бессоюзного предложения, оформленной как изъяснительное продолжение. Эффект умолчания в первой части заголовка возникает в результате взаимодействия целого ряда языковых факторов, включая лексическую многозначность слова *того*, его морфологическую омонимичность, синтаксическую неполноту конструкции, а также прагматическую направленность на эвфемизацию выражения оценки.

Во-вторых, с прагматической точки зрения конструкция *совсем того* демонстрирует устойчивый потенциал эвфемистического предиката с выраженной негативной коннотацией, встроенной в механизм актуализации оценки до предъявления собственно оцениваемого объекта. Выявлена аксиологическая инверсия, при которой в заголовке сначала формулируется оценка, а уже затем раскрывается предмет оценки. Такая инверсия соответствует когнитивным стратегиям восприятия цифрового медиаконтента, где автор стремится сразу маркировать материал с точки зрения его аксиологической направленности, не дожидаясь развертывания темы. Конструкция *совсем того* в данном контексте выступает как семантический ярлык и коммуникативная доминанта заголовочного комплекса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Битнер И. А., Коршунова А. В., Лузин Б. О.* Кликбейтные заголовки в зеркале теории речевых актов // Сибирский филологический форум. 2021. №2 (14). С. 24–36.
2. *Варзапова В. Ю.* Заголовок сетевого медиатекста как автосемантический текст // Тенденции развития науки и образования. Самара. 2019. № 50. Часть 10. С. 15–18.
3. *Долгова Е. В.* Прагматический потенциал заголовков новостного интернет-дискурса // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 1 (40). С. 54–65
4. *Зелянская Н. Л., Белоусов К. И., Сычев О. А., Галинская Т. Н.* Семантическая организация кликбейт-заголовков и показатели активности интернет-пользователей // Медиалингвистика. 2023. Вып. 10 (1). С. 66–86.
5. *Зырянова И. П.* Прецедентный феномен как способ актуализации содержания публикации в российской прессе // Нижневартовский филологический вестник. 2021. № 1. С. 41–49.
6. *Иванян Е. П.* Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке: монография / 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2020. 328 с.
7. *Карасик В. И.* Оценочная квалификация медиафакта // Медиалингвистика: материалы VI Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, 30 июня – 02 июля 2022 года) / науч. ред. Л. Р. Дускаева; отв. ред. А. А. Малышев. СПб.: ООО «Медиапапир». 2022. Вып. 9. С. 625–629.
8. *Комаров Е. Н.* Ценностные ориентиры в заголовках французских и российских средств массовой информации: Автореф. дис… канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
9. *Кудрина Л. В.* Просторечная лексика в заголовках интернет-СМИ // Медиалингвистика. 2019. Т. 6, № 3. С. 315–326.
10. *Кузнецов Е. С.* Эволюция кликбейта: от инструмента желтой прессы к ключевой технологии интернет-СМИ // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25). С. 48–54.
11. *Лекант П. А., Диброва Е. И. и др.* Современный русский литературный язык; под ред. П. А. Леканта. 4-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2007. 557 с.
12. *Лутовинова О. В.* Манипулятивные приемы в кликбейтных заголовках интернет-СМИ // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. №2. С. 55–69.
13. *Мирошниченко М. Р.* Лексикографический портрет знаменательного слова того // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика». Вып. 4. 2025. С. 414–423. DOI: 10.18500/1817-7115-2025-25-4-414-423.
14. *Мурзина О. В.* Особенности структуры заголовочного комплекса в молодежных спортивных средствах массовой информации // Филология: научные исследования. 2021. № 8. DOI: 10.7256/2454 0749.2021.8.36216 URL: https:/nbpublish.com/library_read_article.php?id=36216 (дата обращения: 30.07.2025).

15. *Немич Н. Н.* Изучение категории экспрессивности в рамках лингвистического анализа текстов газетного дискурса / Н. Н. Немич // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты: Материалы VI Международной научно-методической конференции, Омск, 22 мая 2020 года. – Омск: Филиал федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военная академия материально-технического обеспечения имени А. В. Хрулева» Министерства обороны Российской Федерации в г. Омске, 2020. С. 68–72.
16. *Оленев С. В., Коростелева В. С.* Мимикрия кликбейтного заголовка под информационный в современных региональных интернет-СМИ // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2022. Т. 1. № 2. С. 91–95.
17. *Панкова И. А.* Корреляция заголовка и содержания публикации в современных СМИ (на примере интернет-версий российских газет «Коммерсантъ» и «Комсомольская правда») // Медиа альманах. 2023. № 4. С.88–94.
18. *Прокофьева Н. А., Акулович И. А.* Семантическое поле «смешное» в кликбейтах // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 1 (43). С. 86–104.
19. *Самарцев О. Р., Латенкова В. М., Фокина Д. С.* Типологические признаки кликбейта в заголовочном блоке современных масс-медиа // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2020. № 1 (64). С. 155–163.
20. *Тертычный А. А.* Жанровые особенности сатирической интернет-публицистики // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 6 (203). С. 118–127.

Поступила в редакцию 01.08.2025

Мирошниченко Мария Романовна, аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания
ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»
443099, Россия, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67
E-mail: mr.miroshnichenko@sgspu.ru

M. R. Miroshnichenko

«SOVSEM TOGO» AS AN ELEMENT OF THE HEADLINE COMPLEX IN INTERNET DISCOURSE

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-921-926

The article is devoted to the linguistic analysis of internet headlines containing the construction *sovsem togo*, focusing on their structural-semantic and pragmatic organization. The study does not consider media stylistic or communicative-journalistic perspectives but instead emphasizes the purely linguistic nature of the phenomenon: syntactic structure, grammatical homonymy, semantics, and the euphemistic function of the construction's components. Based on a corpus of 191 units, the paper identifies syntactic models of headlines that implement mechanisms of parcellation or asyndetic subordination, as well as linguistic factors that trigger the effect of deliberate omission (ellipsis). Special attention is given to the pragmatic potential of the pronominal form *togo*, marked by euphemistic connotation. The construction *sovsem togo* is considered a predicative component with incomplete valency, which introduces axiological inversion into the headline structure and functions as a linguistic mechanism of clickbait impact.

Keywords: internet discourse, headline, clickbait, *sovsem togo*, syntactic incompleteness, euphemism, axiological inversion.

REFERENCES

1. *Bitner I. A., Korshunova A. V., Luzin B. O.* Klikbejtnye zagolovki v zerkale teorii rechevyh aktov [Clickbait Headlines in the Mirror of Speech Act Theory] // Sibirskij filologicheskij forum [Siberian Philological Forum]. 2021. №2 (14). S.24–36. (In Russian).
2. *Varzapova V. Yu.* Zagolovok setevogo mediateksta kak avtosemanticheskij tekst aktov [The Online Media Text Headline as an Autosemantic Text] // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya [Trends in the Development of Science and Education]. Samara. 2019. № 50. Chast' 10. S. 15–18. (In Russian).
3. *Dolgova E. V.* Pragmaticheskij potencial zagolovkov novostnogo internet-diskursa aktov [The Pragmatic Potential of News Internet Discourse Headlines] // Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Language Theory and Intercultural Communication]. 2021. № 1 (40). S. 54–65. (In Russian).
4. *Zelyanskaya N. L., Belousov K. I., Sychev O. A., Galinskaya T. N.* Semanticheskaya organizaciya klikbejt-zagolovkov i pokazateli aktivnosti internet-pol'zovatelej aktov [Semantic Organization of Clickbait Headlines and Indicators of Internet User Activity] // Medialingvistika [Media Linguistics]. 2023. Vyp. 10 (1). S. 66–86. (In Russian).
5. *Zyryanova I. P.* Precedentnyj fenomen kak sposob aktualizacii soderzhaniya publikacii v rossijskoj presse aktov [Precedent Phenomenon as a Means of Actualizing the Content of a Publication in the Russian Press] // Nizhnevartovskij filologicheskij vestnik [Nizhnevartovsk Philological Bulletin]. 2021. № 1. S. 41–49. (In Russian).

6. *Ivanyan E. P.* Semantika umolchaniya i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke: monografiya aktov [[Semantics of Silence and Means of Its Expression in the Russian Language: A Monograph] / E. P. Ivanyan. 3-e izd., ster. M.: FLINTA, 2020. 328 s. (In Russian).
7. *Karasik V. I.* Ocenochnaya kvalifikaciya mediafakta aktov [Evaluative Qualification of a Media Fact] // Medialingvistika: materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Sankt-Peterburg, 30 iyunya – 02 iyulya 2022 goda) [Media Linguistics: Proceedings of the 6th International Scientific Conference (St. Petersburg, June 30 – July 2, 2022)] / nauch. red. L. R. Duskaeva; otv. red. A. A. Malyshev. SPb.: OOO «Mediapapir». 2022. Vyp. 9. S. 625–629. (In Russian).
8. *Komarov E. N.* Cennostnye orientiry v zagolovkah francuzskih i rossijskih sredstv massovoj informacii: Avtoref. dis. . kand. filol. nauk. aktov [Value Orientations in the Headlines of French and Russian Mass Media: Abstract of Cand. Sci. (Philology) Dissertation]. Volgograd, 2003. (In Russian).
9. *Kudrina L. V.* Prostorechnaya leksika v zagolovkah internet-SMI aktov [Colloquial Vocabulary in Online Media Headlines] // Medialingvistika [Media Linguistics]. 2019. T. 6. № 3. S. 315–326. (In Russian).
10. *Kuznecov E. S.* Evolyuciya klikbejta: ot instrumenta zheltoj pressy k klyuchevoj tekhnologii internet-SMI aktov [The Evolution of Clickbait: From a Tool of the Yellow Press to a Key Technology of Online Media] // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik [Upper Volga Philological Bulletin]. 2021. № 2 (25). S. 48–54. (In Russian).
11. *Lekant P. A., Dibrova E. I. i dr.* Sovremennyj russkij literaturnyj yazyk aktov [Modern Russian Standard Language]; pod red. P. A. Lekanta. 4-e izd., stereotip. M.: Drofa, 2007. 557 s. (In Russian).
12. *Lutovinova O. V.* Manipulyativnye priemy v klikbejtnyh zagolovkah internet-SMI aktov [Manipulative Techniques in Clickbait Headlines of Online Media] // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki [Current Issues of Philology and Pedagogical Linguistics]. 2023. № 2. S. 55–69. (In Russian).
13. *Miroshnichenko M. R.* Leksikograficheskij portret znamenatel'nogo slova togo aktov [A Lexicographic Profile of the Autosemantic Word *togo*] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Filologiya. Zhurnalistika» [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series “Philology. Journalism”]. Vyp. 4. 2025. S. 414–423. DOI: 10.18500/1817-7115-2025-25-4-414-423 (In Russian).
14. *Murzina O. V.* Osobennosti struktury zagolovochnogo kompleksa v molodezhnyh sportivnyh sredstvah massovoj informacii aktov [Structural Features of the Headline Complex in Youth Sports Mass Media] // Filologiya: nauchnye issledovaniya [Philology: Scientific Research]. 2021. № 8. DOI: 10.7256/2454 0749.2021.8.36216 URL: htps:/nbpublish.com/library_read_article.php?id=36216 (data obrashcheniya: 30.07.2025). (In Russian).
15. *Nemich N. N.* Izuchenie kategorii ekspressivnosti v ramkah lingvisticheskogo analiza tekstov gazetnogo diskursa [Studying the Category of Expressiveness within Linguistic Analysis of Newspaper Discourse Texts] // Problemy modernizacii sovremennogo vysshego obrazovaniya: lingvisticheskie aspekty : Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii, Omsk, 22 maya 2020 goda [Problems of Modernizing Contemporary Higher Education: Linguistic Aspects: Proceedings of the 6th International Scientific and Methodological Conference, Omsk, May 22, 2020]. – Omsk: Filial federal'nogo gosudarstvennogo kazennogo voennogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya «Voennaya akademiya material'no-tekhnicheskogo obespecheniya imeni A. V. Hruleva» Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii v g. Omske, 2020. S. 68–72. (In Russian).
16. *Olenev S. V., Korosteleva V. S.* Mimikriya klikbejtnogo zagolovka pod informacionnyj v sovremennyh regional'nyh internet-SMI aktov [Mimicry of a Clickbait Headline as an Informational One in Contemporary Regional Online Media] // Virtual'naya kommunikaciya i social'nye seti [Virtual Communication and Social Networks]. 2022. T. 1. № 2. S. 91–95. (In Russian).
17. *Pankova I. A*. Korrelyaciya zagolovka i soderzhaniya publikacii v sovremennyh SMI (na primere internet-versij rossijskih gazet «Kommersant"» i «Komsomol'skaya pravda») aktov [Correlation between the Headline and the Content of a Publication in Contemporary Media (Based on the Online Versions of the Russian Newspapers “Kommersant” and “Komsomolskaya Pravda”)] // Media al'manah [Media Almanac]. 2023. № 4. S. 88–94. (In Russian).
18. *Prokof'eva N. A., Akulovich I. A.* Semanticheskoe pole «smeshnoe» v klikbejtah aktov [The Semantic Field “Funny” in Clickbait] // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya [Sign: Problem Field of Media Education]. 2022. № 1 (43). S. 86–104. (In Russian).
19. *Samarcev O. R., Latenkova V. M., Fokina D. S.* Tipologicheskie priznaki klikbejta v zagolovochnom bloke sovremennyh mass-media aktov [Typological Features of Clickbait in the Headline Block of Contemporary Mass Media] // Vestnik TvGU. Seriya «Filologiya» Herald of Tver State University. Series “Philology”]. 2020. № 1 (64). S. 155–163. (In Russian).
20. *Tertychnyj A. A.* Zhanrovye osobennosti satiricheskoj internet-publicistiki aktov [Genre Features of Satirical Internet Journalism] // Nauchnye vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki [Scientific Bulletin. Humanities Series]. 2015. № 6 (203). S. 118–127. (In Russian).

Received 01.08.2025

Miroshnichenko M.R., Postgraduate Student, Department of Russian Language,
Speech Culture, and Teaching Methods
Samara State University of Social Sciences and Education
M. Gor’kogo st., 65/67, Samara, Russia, 443099
E-mail: mr.miroshnichenko@sgspu.ru

УДК 398.21:392.3(045)

И. В. Зайцева

УСТОЙЧИВОСТЬ И ИЗМЕНЯЕМОСТЬ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ МАТЕРИ И МАЧЕХИ ОТ МИФА К СОВРЕМЕННОСТИ

В статье рассматриваются принципы формирования архетипических образов матери и мачехи и их диахронное изменение. Также анализируется связь взаимоотношений мачехи и падчерицы/пасынка в сказке с устройством семейной системы в народной среде. Материалом для исследования послужили известные сюжеты волшебных сказок и древнегреческих мифов. Широкая география текстовой выборки дает возможность продемонстрировать зарождение классического конфликта мачехи и падчерицы как изначального конфликта жен древнего периода многоженства, который в свою очередь дал начало конфликту мачехи и неродных ей детей. Обращение к вариантам близких сюжетов из разных стран и эпох позволяет отметить способность сказки фиксировать стадиальные изменения в социуме на разных этапах его формирования. Также в работе обозначаются перспективы, связанные с исследованием образов матери и мачехи в рамках авторской литературы, где устойчивая оппозиция мачехи и падчерицы склонна нарушаться в художественном пространстве авторского текста.

Ключевые слова: мать и мачеха, мачеха и падчерица, волшебная сказка, архетипический образ, семейная система.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-927-933

В структуре семейной системы мать и мачеха традиционно рассматриваются в стереотипной оппозиции, где мачеха находится на отрицательном полюсе, а мать – на положительном. В данной статье мы попробуем разобрать антропологические предпосылки формирования этих образов, а также их развитие от древних представлений до современных литературных реализаций.

Миф и сказка в культурном пространстве разных народов связаны при помощи сюжетных и мотивно-образных структур. Эта идея подробно разрабатывалась основателями мифологической школы, представители которой полагали, что сказка сохранила мифологические мотивы и образы. Реконструкция мифа через сказку должна была помочь открытию изначального древнего мифологического сюжета. Однако с полной уверенностью проводить реконструкцию мифа на основании сказки мы не можем. О сложностях подобной реконструкции писал В. Я. Пропп в работе «Русская сказка»: «Отношение сказки к мифу представляет собой большую проблему, которая занимает науку со времени ее возникновения и по сегодняшний день» [19, с. 29]. Однако приблизиться к восстановлению изначальных архетипических структур, лежащих в основе сказочных сюжетов и восходящих к мифологическим сюжетам, в сказке возможно, если опираться на мотивно-образный комплекс. Поскольку, согласно концепции А. Н. Веселовского, сюжеты мифа и сказки на разных стадиях своего бытования объединены мотивами – «простейшими повествовательными единицами, образно ответившими на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» [7, с. 538]. А. Н. Веселовский отмечает далее, что «при сходстве или единстве бытовых и психологических условий на первых стадиях человеческого развития такие мотивы могли создаваться самостоятельно и вместе с тем представлять сходные черты» [7, с. 538]. Таким образом, узнаваемость мотива как образа при всей изменяемости с течением времени становится свидетельством его глубочайшей традиционности, корни которой восходят к архаической сказке и мифу. Развитие и усложнение базовых сюжетов и коллизий предполагается закономерным процессом, ведь по утверждению А. Н. Веселовского, «прогресс в поэзии состоит в том, что в черте известных мотивов, в границах определенных формальных сочетаний жизненное содержание, гуманное содержание мысли становится глубже, типы человечнее, интересы шире» [7, с. 142].

Если верна гипотеза о связи мифов с древними культами и с представлениями о первобытно-общинных отношениях, то сказка, в свою очередь, может интерпретироваться как структура, сохранившая некоторые базовые черты архаических культов и отношений древних людей. Так, Э. В. Померанцева отмечает, что «утеряв связь с мифом, сказка может, однако, еще долго сохранять в представлении ее исполнителей и слушателей магическое значение» [18, с. 10]. Все это справедливо, в том числе, и в отношении образно-персонажной системы, встречающейся как в мифах, так и в народных сказках, наследующих ее из мифа или социальных отношений, существовавших в первобытно-общинном строе.

Устойчивость ролевых и поведенческих моделей семейной системы в народной среде, несмотря на серьезные социальные и цивилизационные изменения, наблюдается и в относительно недалеком

прошлом. Об этом, например, говорится в статье Ю. В. Золотухиной, где рассмотрены социально-бытовые взаимоотношения внутри семейной системы XIX–XX вв. В реальной жизни отношения мачехи и неродных детей складывались по-разному, независимо от направления, заданного сказкой. Есть случаи, в полной мере воплощающие мифологические и сказочные истории о злой мачехе: «Зачастую не менее несчастным было детство и рожденных в браке детей, если им приходилось жить с мачехой. Высокая смертность была характерна в рассматриваемый период российской истории не только для детей, но и для взрослых. Женщины умирали в обычной жизни чаще мужчин, так как подрывали свое здоровье многочисленными родами. А потому малолетние дети чаще оставались с отцом, который вскоре приводил в дом новую жену, не всегда становившуюся доброй и заботливой матерью для них. Поэтому неудивительно, что в народе появилось новое слово для обозначения неродной матери – мачеха. При этом следует отметить, что это слово обычно в обыденной жизни имело негативно окрашенное смысловое значение» [11, с. 3].

Следует отметить, что в рамках реальной, а не сказочной жизни взаимоотношения между мачехой и детьми ее супруга от прошлого брака могли складываться по-разному. И Ю. В. Золотухина приводит примеры, когда мачеха удачно встраивалась в семейную систему и становилась любящей матерью неродным детям. «Отношение мачехи к неродным детям было обусловлено исключительно личным отношением женщины, а также позицией отца» [12, с. 5].

Обычно в сказках мачеха появляется через год после смерти родной матери и стремится унизить или даже выгнать падчерицу из дома. Мотив преследования родителями детей архаичен, об этом писал еще Е. М. Мелетинский в работе «Герой волшебной сказки», называя такие истории сюжетами о «невинно гонимых» [14]. Также подробно взаимоотношения мачехи и неродных детей в сказке рассмотрены в работах А. М. Смирнова-Кутаческого [20] и Е. И. Лутовиновой [13].

Интересен пример анализа семантической структурной деривации в сюжетном типе сказки «Золушка», рассмотренный Н. В. Лозовской. Исследовательница отмечает, что исходная модель противостояния «мачеха–падчерица» имеет две линии развития, в зависимости от того, какая появляется дополнительная оппозиция. Если «зависть–красота», то получается сюжет «Белоснежка», если «чужая–своя», то дальше происходит разветвление сюжетной оппозиции «награда–наказание» («Морозко», «Госпожа Метелица») или появляется мотив сверхъестественной помощи («Хаврошечка») [12, с. 102].

В статье нами будут рассмотрены сюжеты, отражающие характерные черты или важные стадиальные изменения в образе матери и мачехи в пространстве фольклорной и литературной сказки, а также отражающие архетипические черты, влияющие на формирование стереотипных образов мачехи и матери в фольклоре и в культуре.

В качестве материала для анализа нами были выбраны следующие сюжеты:

– античные мифы о Федре, Ино и Фемисто, известные по Еврипиду и Овидию;

– сюжеты русских, немецких, чешских, неаполитанских сказок «Морозко» (AT 480), «Безручка» (AT 706), «Госпожа Метелица» (AT 480), «Двенадцать месяцев» (AT 480), «Золушка» (AT 510A), «Белоснежка» (AT 709), «Ослиная шкура» (AT 510B);

– русские сказочные сюжеты «Царь-девица» (СУС 400_2=AA 400*B) и «Незнайка» (СУС 532);

– чешские и китайский варианты сказочного сюжета «Золушка» (AT 510A).

Широкая география отбора фактического материала обусловлена задачей проследить развитие общих черт архетипических образов матери и мачехи, а также единое в разных культурах ядро, на основе которого формировалась одна из осевых оппозиций «мачеха–падчерица». Кроме того, варианты интересующих нас сюжетов были зафиксированы в письменном виде в разных странах в разные эпохи, что позволяет проследить эволюцию образов мачехи и падчерицы от наиболее ранних фиксаций в античном мифе и китайских сказках (IX в.), освещающих феномен многоженства, через их вариативное изменение в сборнике Дж. Базиле (XVIII в.), произведениях братьев Гримм (нач. XIX в.), Б. Немцовой (сер. XIX в.), русских народных сказках, записанных А. Н. Афанасьевым (вторая половина XIX в.), до современных литературных сказок.

Обратившись к мифам Древней Греции как к источнику древних архетипических сюжетов, мы видим такие варианты образов мачехи, как Федра, Ино, Фемисто [10; 17]. Каждая из этих героинь приносила тот или иной вред детям своего мужа от первого брака, в полной мере реализуя рассматриваемый нами мотив о злой мачехе. Ино и Фемисто были женами Афаманта одновременно, что говорит об отражении в мифе феномена многоженства.

Ино, третья жена царя Афаманта, решила уничтожить его детей от первого брака с богиней облаков Нефелой. Она устроила так, что царю пришлось принести своего сына Фрикса в жертву, помогающую вырастить урожай. Однако жертвоприношения не случилось, поскольку Нефела спасла сына, а вместе с ним и дочь, отправив их на златоруном баране в Колхиду.

Фемисто была второй женой Афаманта и захотела убить двух сыновей Ино из зависти, потому что Афамант женился на Ино, однако перепутала детей и лишила жизни не чужих, а своих собственных.

В этом мифологическом сюжете мы обнаруживаем устойчивое представление о том, что мать продолжает заботиться о своих детях, даже если находится не рядом с ними, что отражается в участии Нефелы в спасении сына. В сказочной традиции аналогичный мотив заботы матери о ребенке и защиты его от мачехи обнаруживается в сюжетах о Василисе Прекрасной (АТ 480) или о Хаврошечке (АТ 511).

Развитие мифологического мотива зависти мачехи и ее вредительства по отношению к неродным детям мы находим в сказочных сюжетах о мачехах и падчерицах («Морозко» (АТ 480), «Госпожа Метелица» (АТ 480), «Двенадцать месяцев» (АТ 480), «Золушка» (АТ 510А), «Белоснежка» (АТ 709) и т. д.). В сказке поводом для зависти становятся положительные душевные качества падчерицы (доброта, трудолюбие) или ее красота.

Третий персонаж античных мифов, Федра, представляет несколько иной вариант вредительства мачехи, поскольку тут на первый план выходит не соперничество между женами, как в мифе об Ино и Фемисто, а запретная любовь мачехи к пасынку. В античном мифе Федра, вторая жена афинского царя Тесея, влюбилась в своего пасынка Ипполита. Когда юноша отверг Федру, она оклеветала его перед Тесеем, сказав, что пасынок изнасиловал свою мачеху, после чего покончила с собой. Тесей же проклял сына, и тот погиб вследствие этого проклятия.

Подобный сюжет, но со счастливым для пасынка концом находим в сказке. Чаще всего в сказке мачеха предстает враждебной именно по отношению к падчерице, нежели к пасынку. Причина ненависть мачехи к пасынку редко объясняется в сказке. Однако в сюжете о поисках героем царь-девицы СУС 400_2=АА 400*В мы обнаруживаем тот же мотив, что и в мифе о Федре: мачеха пытается склонить пасынка к отношениям втайне от мужа. После того, как юноша отвергает ее притязания, мачеха пытается убить пасынка. Этот сказочный сюжет, хотя и повествует о добрачных соревнованиях героя в хитроумии с царь-девицей, начинается с того, что мачеха влюбляется в пасынка, пытается сама соблазнить его, а в дальнейшем расстроить его брак с царь-девицей (в варианте из сборника Афанасьева № 232). А в варианте № 233 из того же сборника мачеха изменяет своему мужу, отцу главного героя, с дядькой, который должен присматривать за главным героем.

В сюжете «Незнайка» (СУС 532 в сборнике Афанасьева № 295-296) мачеха невзлюбила пасынка и в отсутствие мужа решила извести юношу. О причинах ненависти мачехи этот вариант не сообщает. После трех неудач мачеха собирается убить чудесного коня пасынка, который предупреждает хозяина обо всех ее кознях. Она притворяется больной и просит мужа убить коня, объясняя это тем, что ей приснился сон, согласно которому её болезнь пройдёт, если она сделает лекарство из желчи коня. Однако герою и его коню удается спастись.

Теперь обратимся к взаимоотношениям мачехи и падчерицы, которые представлены в сказках более разнообразными сюжетными коллизиями, чем в случае с мачехой и пасынком.Так, в чешской сказке «О двенадцати месяцах» в сборнике Божены Немцовой [21] мачеха невзлюбила падчерицу за ее красоту. При этом оговаривается, что падчерица не знала, за что ее не любят. Отец в этом варианте отсутствует. В качестве параллели стоит отметить, что есть варианты сказки «Белоснежка», где мать героини не умирает, а сама начинает ненавидеть выросшую дочь за то, что она превзошла ее по красоте [3, с. 74].

Наличие таких сюжетов отсылает нас, судя по всему, к какой-то древней традиции о соперничестве между матерью и дочерью за право быть с отцом, хотя сказочная традиция четко сохраняет древний запрет на инцест. Примером этого может служить сюжет АТ 510В «Ослиная шкура», где отец после смерти жены хочет жениться на дочери. Девушка, узнав о его желании, успешно избегает кровосмесительного брака. Поэтому более вероятно, что в образ падчерицы трансформировался образ второй жены периода многоженства, что отсылает нас к рассмотренному выше древнегреческому мифу о второй и третьей женах царя Афаманта, где Фемисто завидует тому, что Афамант женился на Ино и пытается повредить сопернице через убийство ее детей.

В условиях патриархата в рабовладельческом обществе, в полигамной семье естественной становится вражда жен. Именно в этом периоде кроются корни сказок о мачехе и падчерице, так как изначально одна из жен пытается прогнать или извести другую. Обычно главная жена или старшая жена изводит младшую из ревности и зависти. Е. М. Мелетинский [14] считает, что изгнанная жена, младшая

жена, младшая дочь в сказках предшествовали образу падчерицы. По всей вероятности, «идеализация младшей дочери отражает женский юниорат и его упадок в результате кризиса матриархата» [3, с. 74].

Итак, образу мачехи предшествует образ главной жены, обижающей младших жен, как в сюжете о Белоснежке, Золушке или о Двенадцати месяцах. Есть сюжеты, где новая жена заставляет мужа прогнать старую. Такой тип отношений находим в сюжете «Безручка» (AT 706) и в варианте Золушки из сборника Дж. Базиле [4]. В сказке Базиле отец после смерти первой жены женится второй раз. Новая жена не нравится его дочери. Тогда колдунья советует девушке убить жену отца, а потом уговорить его жениться на колдунье. Девушка все исполняет и в итоге получает в лице колдуньи еще более жестокую мачеху, чем предыдущая.

Интересен китайский вариант сказки «Золушка» под названием «Е Сянь», известный в составе литературного памятника IX в. В его сюжете также есть контаминации с сюжетом «Хаврошечка» (AT 511): героиня выращивает рыбу, кости которой исполняют ее желания. Правитель взял в жены двух женщин. После смерти одной из жен осталась дочь, которую притесняла вторая жена, называемая матерью, а не мачехой [6].

Е. М. Мелетинский отмечает, что «термин «мачеха» применяется только к тем женам отца, которые происходят из дальних племен, а не из тех родов, брачный обмен с которыми считался нормальным. Иными словами, сам этот термин появился в результате нарушения эндогамии» [15, с. 307]. Стоит отметить, что в первобытном обществе «все жены отца также называются матерями: матери – это группа лиц, принадлежащих к одному с матерью брачному классу. Следовательно, мачеха и падчерица появляются тогда, когда род отступает перед семьей, в которой дети являются детьми только своих родителей, а не рода в целом» [3, с. 74]. В. П. Аникин, говоря об изменениях, которые претерпевает сказка на протяжении своего бытования, отмечает, что «социальная новизна, вытеснившая древний быт и прежние общественные отношения, заставила ввести в повествование новые мотивировки и новые поэтические подробности. Сказки постоянно обновлялись и превратились в искусство, сопутствующее народу на протяжении долгих веков. Возрастала обобщающая сила поэтической сказки» [1, с. 460]. Это вполне объясняет замену образа второй жены в сказке на образ падчерицы, как наиболее близкий и актуальный в изменяющемся социальном устройстве.

В сюжете «Золушка» (AT 510A) главную героиню как правило притесняет мачеха и ее дочери от предыдущего брака. Любопытной становится реализация этого сюжета в трех чешских народных сказках Б. Немцовой [21]. Несмотря на литературную обработку, они сохранили некоторые традиционные сказочные формулы. Например, волшебные орешки со скрытыми в них нарядами, отрезанные старшими дочерьми пятки и пальцы, чудесное перемещение героини при помощи заговора и тумана.

В сказке «О Золушке» героиня является младшей из трех сестер. Две старшие не выполняют домашние работы и не хотят никуда идти наниматься на работу. Чтобы не впасть в нищету, отец убеждает мать в том, что дочерей нужно завести в лес и там бросить. После колебаний та соглашается.

В начале сказки «Про Золушку» говорится, что красивая девушки жила с отцом, мачехой и дочерью мачехи. Отец любил Золушку, а мачеха и сводная сестра не любили. Отмечается, что мачеха никуда не пускала Золушку, не давала ей хорошей одежды, поэтому она даже не могла выйти в костёл. Отец по просьбе дочери приносит ей веточку с орешками, и, когда на следующий день мачеха не пускает ее в костёл, Золушка достает из орешка платье и все же отправляется туда. Так повторяется трижды. В костёле в нее влюбляется князь, который велит вымазать смолой место, где она стояла, чтобы та не смогла уйти.

В сказке «Три сестры» повторяется мотив волшебных орешков со спрятанными нарядами, которые помогают героине прийти в костёл неузнанной и завоевать любовь князя. Главная героиня является младшей из трех дочерей, родная мать любит двух старших дочерей, а младшая должна выполнять самую грязную и тяжелую работу по дому.

Для сравнения с чешскими сказками сюжета AT 510A стоит отметить вариант из сборника А. Н. Афанасьева № 292 «Золотой башмачок». В этой сказке также именно родная мать не любит младшую дочь. Выражается это в том, что младшая должна работать, а старшая ходит нарядная с матерью в церковь. В подобном положении мы видим реализацию традиционных представлений, согласно которым, первой замуж должна выйти старшая дочь, а не младшая. Младшая нарушает обычай и выходит замуж первая.

Итак, в вариантах, где мать притесняет младшую дочь, сказка сохраняет традиции называть матерями всех жен отца, а также выдавать замуж сначала старших дочерей, а потом младших. Вариант,

где мать отправляет всех своих дочерей в лес из-за угрозы голода выглядит менее мотивированным древними семейными взаимоотношениями. Вероятно, в этом варианте появляются черты художественной обработки образа матери, вследствие чего она начинает вредить родным дочерям.

Подводя итог рассмотренной эволюции образа мачехи, сделаем некоторые выводы.

Образ злой мачехи издревле формировался как образ противоборствующих жен, отношения к детям были вторичны, а в реальной жизни дети были важны, независимо от того, кто был матерью. Впоследствии фигура угнетенной жены трансформировалась в образ падчерицы, а затем – нелюбимой дочери.

Идея о нелюбимой младшей дочери поддерживается обрядовыми представлениями, согласно которым старшие дочери должны выйти замуж раньше младших. Так, требования обряда выливаются в представления о том, что младший ребенок в семье угнетен, так как его инициация во взрослую жизнь должна произойти позже. Факт выдачи замуж младшей дочери прежде старшей свидетельствует в сказке о разрушении этих представлений.

Развитие образов матери и мачехи в последующей литературной традиции основано на игре с читательскими ожиданиям: автор либо следует устойчивому общекультурному паттерну и пишет о нелюбви мачехи к падчерице, либо отходит от него и пишет о матери, выгоняющей родных детей или о мачехе, которая любит неродных детей, как своих собственных.

Обсуждаемая нами тема имеет серьезные перспективы в плане анализа современных литературных реплик сказочно-мифологического комплекса отношений матери, мачехи и детей. Например, в приведенных ниже произведениях И. А. Бунина, А. Дюма, П. И. Мельникова-Печерского, Д. У. Джонс.

Так, художественная литературная традиция во многом продолжает сказочные представления о противостоянии мачехи и неродных детей. В качестве примера мачехи, немотивированно невзлюбившей пасынка, можем обратиться к рассказу И. А. Бунина «Красавица» [5]. В романе А. Дюма «Граф Монте-Кристо» мачеха Валентины де Вильфор вступает с девушкой в противоборство, стремясь убить дочь мужа от первого брака ради перспективы получения богатого наследства для своего сына [9].

Образ неродной дочери появляется в дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах». В качестве мачехи там выступает жена Потапа Максимыча, а в качестве падчерицы – Груня. У этих героинь теплые взаимоотношения. Но это не совсем типичный сюжет о мачехе и падчерице, так как Груня – «богоданная дочка», сирота, которую удочерил Потап Максимыч. А принять сироту в дом считалось богоугодным делом, за которое бог благословляет семью, о чем и говорят сами герои [15].

Нетипична роль мачехи в современной литературе. Например, в романе британской писательницы Д. У. Джонс «Ходячий замок» женщина выходит замуж и заменяет мать двум девочкам. У героинь добрые отношения. И хотя мачеха пытается устроить судьбу своей родной дочери лучше, чем судьбу старших, она все же учитывает желания и наклонности девушек и не противится тому, что ее дочь и падчерицы в итоге сами выбирают свою судьбу [8].

Последовательный анализ литературного материала позволил бы отчетливее выявить универсальные и архетипические компоненты темы, воспроизводимые независимо от ее индивидуальной авторской разработки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аникин В. П.* Русская народная сказка. М.: Просвещение, 1977. 208 с.
2. *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки: в 3 т. М.: Наука, т. 2, 1984–1985. 384 с.
3. *Бадестова А. В., Попова Н. О.* Культурологический анализ персонажей немецкой волшебной сказки «Белоснежка» и «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина. // Вестник ЯГУ. 2007. Т. 4, № 3. С. 72–76.
4. *Базиле Дж*. Сказка сказок. Пентамерон / Пер.с итал., вступ.ст., примеч. П.Епифанова. М.: Изд.гр. Альма матер; Гаудеамус, 2023. 503 с.
5. *Бунин И. А.* Собрание сочинений в 9-ти т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1966. 399 с.
6. *Ван Тэн.* Китайская Золушка и ее русские «сестры» (сравнительный анализ сказок сюжетного типа AT 510A) // Philological Studies т.19. 2021. № 2. С. 144–163.
7. *Веселовский А. Н.* Избранное: Историческая поэтика. М.: РОССПЭН, 2006. 685 с.
8. *Джонс Д. У.* Ходячий замок. М.: Азбука, 2021. 448 с.
9. *Дюма А.* Граф Монте-Кристо. М.: Изд. худлит, 1977. 608 с.
10. *Еврипид.* Трагедии: в 2 т. / Пер. И. Анненского. М.: Ладомир, Наука, т. 1, 1998–1999. 647 с.

11. *Золотухина Ю. В.* Регулирование рождаемости, незаконорожденные и неродные дети в дворянских и крестьянских семьях в XIX–начале XX вв. // Via in tempore. История. Политология. вып. 24. 2012. № 19 (138). С. 114–118.
12. *Лозовская Н. В.* Семантическая и структурная деривация в сюжетном типе сказки “Золушка” // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистике. Тез. докл. науч.-теоретич.конф. (15–19 окт. 1991 г.) / Ин-т языкознания АН СССР; Перм. ун-т. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1991. С. 101–102.
13. *Лутовинова Е. И.* Русские сказки о мачехе и падчерице. АТ 480: опыт описания и классификация: дис. … канд. филол. наук: 10.01.09. М., 1991. 230 с.
14. *Мелетинский Е. М.* Герой волшебной сказки: происхождение образа. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2005. 237 с.
15. *Мелетинский Е. М.* Женитьба в волшебной сказке: Ее функция и место в сюжетной структуре // Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 571 с.
16. *Мельников-Печерский П. И.* В лесах. На горах: в 4 т. М.: Эксмо, 2021.
17. *Овидий П. Н.* Метаморфозы / Пер. с лат. С. В. Шервинского. Примечания Ф. А. Петровского. М.: Художественная литература, 1977. 224 с.
18. *Померанцева Э. В.* Русская народная сказка. М.: Изд. АН СССР, 1963. 128 с.
19. *Пропп В. Я.* Русская сказка. М.: Лабиринт, 2000. 413 с.
20. *Смирнов-Кутаческий А. М.* Народные сказки о мачехе и падчерице. М., 1944. 198 с.
21. *Němcová B.* Národní Báchorky a Powěsti. Prage, 1845–1848. 135 p.

Поступила в редакцию 23.05.2025

Зайцева Ирина Витальевна, аспирант кафедры русского устного народного творчества
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1
E-mail: for_irina.97@mail.ru

I. V. Zaytseva

STABILITY AND VARIABILITY OF THE ARCHETYPAL IMAGES OF MOTHER AND STEPMOTHER FROM ANCIENT MYTH TO PRESENT DAY

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-927-933

The article discusses the formation of archetypal images of mother and stepmother and their diachronous change. The connection between the relationship of the stepmother and the stepdaughter/stepson in a fairy tale with the structure of the family system in the folk environment is also analyzed. The material for the study was the famous plots of fairy tales and ancient Greek myths. The wide geography of the text sample makes it possible to demonstrate the origin of the classical conflict of the stepmother and the stepdaughter as the initial conflict among wives in the ancient period of polygamy, which in turn gave rise to the conflict of the stepmother and children non her own. An appeal to the options of close stories from different countries and eras allows us to note the ability of a fairy tale to fix stadial changes in society at different stages of its formation. The work also indicates the prospects associated with the study of the images of the mother and stepmother in the framework of authored literature, where the stable opposition of the stepmother and the stepdaughter is inclined to violate in the artistic space of the author’s text.

Keywords: mother and stepmother, stepmother and stepdaughter, fairy tale, archetypal image, family system.

REFERENCES

1. *Anikin V. P.* Russkaya narodnaya skazka [Russian folk tale]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977, 208 p. (In Russian).
2. *Afanas'ev A. N.* Narodnye russkie skazki: v 3 t. [National Russian Tales: in 3 vols]. Moscow, Nauka Publ., 1984–1985, vol. 2, 384 p. (In Russian).
3. *Badestova A. V., Popova N. O.* Kul'turologicheskij analiz personazhej nemeckoj volshebnoj skazki «Belosnezhka» i «Skazki o mertvoj carevne i o semi bogatyryah» A.S. Pushkina [Cultural analysis of the characters of the German fairy tale “Snow White” and “Tales of the Dead Princess and about Seven heroes” A.S. Pushkin]. Vestnik YAGU [Bulletin of the Yakut State University], 2007, vol. 4, no. 3, pp. 72–76. (In Russian).
4. *Bazile Dzh.* Skazka skazok. Pentameron [The Tale of Tales]. Per.s ital., vstup.st., primech. P.Epifanova. Moscow, Izd.gr. Al'ma mater; Gaudeamus Publ., 2023, 503 p. (In Russian).
5. *Bunin I. A.* Sobranie sochinenij v 9-ti t [Collected works: in 9 vols]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1966, vol. 7. 399 p. (In Russian).

6. *Van Ten.* Kitajskaya Zolushka i eyo russkie «syostry» (sravnitel'nyj analiz skazok syuzhetnogo tipa ATU 510A) [The Chinese Cinderella and its Russian "sisters" (comparative analysis of the fairy tales of the plot type AT 510A)]. Philological Studies [Philological Studies], 2021, vol. 19, no. 2, pp. 144–163. (In Russian).
7. *Veselovskij A. N.* Izbrannoe: Istoricheskaya poetika [Bookmark: Historical Poetics]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, 685 p. (In Russian).
8. *Dzhons D. U.* Hodyachij zamok [Howl's Moving Castle]. Moscow, Azbuka Publ., 2021, 448 p. (In Russian).
9. *Dyuma A*. Graf Monte-Kristo [The Count of Monte Cristo]. Moscow, Hudlit Publ., 1977, 608 p. (In Russian).
10. *Evripid.* Tragedii: v 2 t [Tragedies: in 2 vols]. Per. I. Annenskogo. Moscow, Ladomir, Nauka Publ., 1998–1999, vol. 1, 647 p. (In Russian).
11. *Zolotuhina Yu. V.* Regulirovanie rozhdaemosti, nezakonorozhdennye i nerodnye deti v dvoryanskih i krest'yanskih sem'yah v XIX–nachale XX vv. [Bodymia regulation, illegitimate and non-native children in noble and peasant families in the 19th - early 20th centuries]. Via in tempore. Istoriya. Politologiya [Via in Tempore. Story. Political science], 2012, vol. 24, no. 19 (138), pp. 114–118. (In Russian).
12. *Lozovskaya N. V.* Semanticheskaya i strukturnaya derivaciya v syuzhetnom tipe skazki “Zolushka” [Semantic and structural derivation in the plot type of the fairy tale “Cinderella”]. Princip derivacii v istorii yazykoznaniya i sovremennoj lingvistike. Tez. dokl. nauch.-teoretich.konf. (15–19 okt. 1991). Izd-vo Perm. un-ta [Publishing House of Perm University], 1991, pp. 101–102. (In Russian).
13. *Lutovinova E. I.* Russkie skazki o machekhe i padcherice. AT 480: opyt opisaniya i klassifikaciya: dissertaciya ... kandidata filologicheskih nauk: 10.01.09. [Russian tales about the stepmother and stepdaughter. AT 480: Experience of description and classification: dissertation of a candidate of philological sciences: 10.01.09]. Moscow, 1991, 230 p. (In Russian).
14. *Meletinskij E. M.* Geroj volshebnoj skazki: proiskhozhdenie obraza [Hero of a fairy tale: the origin of the image]. Moscow, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2005, 237 p. (In Russian).
15. *Meletinskij E. M.* Zhenit'ba v volshebnoj skazke: Eyo funkciya i mesto v syuzhetnoj strukture [Marriage in a fairy tale: its function and place in the plot structure]. Meletinskij E.M. Izbrannye stat'i. Vospominaniya [Selected articles. Memories]. Moscow, Russian humanitarian university Publ., 1998, 571 p. (In Russian).
16. *Mel'nikov-Pecherskij P. I.* V lesah. Na gorah. v 4 t [In the forests. On the mountains. In 4 vols.]. Moscow, Eksmo Publ., 2021. (In Russian).
17. *Ovidij P. N.* Metamorfozy [Metamorphoses]. Per. s lat. S. V. Shervinskogo. Primechaniya F. A. Petrovskogo. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1977, 224 p. (In Russian).
18. *Pomeranceva E. V.* Russkaya narodnaya skazka [Russian folk tale]. Moscow, AN SSSR Publ., 1963, 128 p. (In Russian).
19. *Propp V. Ya*. Russkaya skazka [Russian fairy tale]. Moscow, Labirint Publ., 2000, 413 p. (In Russian).
20. *Smirnov-Kutacheskij A. M.* Narodnye skazki o machekhe i padcherice [Folk tales about the stepmother and stepdaughter]. Moscow, 1944, 198 p. (In Russian).
21. *Němcová B.* Národní Báchorky a Powěsti [National tales and stories]. Prage, 1845–1848, 135 p. (In Czech).

Received 23.05.2025

Zaytseva I.V., postgraduate student of the Department of Russian Folklore
Moscow State University
Leninskie gory, 1, Moscow, Russia, 119991
E-mail: for_irina.97@mail.ru

УДК 821.111.09(045)

Л. Р. Джалилова

МОДИФИКАЦИЯ ЖАНРОВОЙ ТРАДИЦИИ РОМАНА ВОСПИТАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Б. МУКЕРДЖИ «ЖАСМИН», А. АДИГИ «БЕЛЫЙ ТИГР», Дж. ЛАХИРИ «ТЕЗКА»)

Цель статьи – проследить трансформацию жанровой традиции романа воспитания в произведениях Б. Мукерджи «Жасмин», А. Адиги «Белый Тигр», Дж. Лахири «Тезка». Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые предпринят комплексный анализ модификации жанровой традиции романа воспитания в данных произведениях. Методами исследования выступили сравнительно-сопоставительный, нарративный и метод структурного анализа текста. В ходе исследования делаются выводы о том, что в названных романах переосмысление жанровых черт романа воспитания выражено в особенностях изображения формирования героев, приходящих к осознанию своей двойственной идентичности. В романах «Жасмин», «Белый Тигр», «Тезка», различающихся нарративными принципами организации сюжета, развитие главных героев определяется социально-культурной средой, бросающей вызов их личным устремлениям по созданию единой стабильной идентичности. В жанровой форме данных произведений также выявляются второстепенные элементы психологического («Жасмин), эпистолярного, автобиографического, плутовского («Белый Тигр»), семейного романов («Тезка»), что говорит о тенденции расширения повествовательных границ жанра.

Ключевые слова: роман воспитания, постколониальная литература, Бхарати Мукерджи, Аравинд Адига, Джумпа Лахири.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-934-941

Трансформация жанровой природы романа воспитания в постколониальной и мультикультурной литературе не утрачивает своей актуальности в литературоведении. Ряд исследователей отмечают, что, с одной стороны, писатели ставят акцент на вопросах «...поиска самоидентичности, взросления человека, уехавшего из родной страны, чье формирование происходит на стыке двух культур...» [6, с. 2]. С другой стороны, в сюжете произведения главная роль отводится не формированию стадиального взросления героя, а осознанию им своей индивидуальной, национальной и классовой идентичности, определяющей его развитие [20, p. 301].

В прозе писателей индийского происхождения, относящихся к американо-азиатской и индийской англоязычной литературам (Б. Мукерджи, А. Адиги, Дж. Лахири) жанровые черты романа воспитания подвергаются трансформации.

В романе «Жасмин» («Jasmine», 1989) сюжетным центром становится путешествие героини-иммигрантки в Америку, оборачивающееся для нее не достижением определенного социального признания, характерного для традиционного финала романа воспитания, а непрерывным «культурным скитальчеством» [12, с. 314]. Процесс становления главной героини изображен как смена различных идентичностей и социальных ролей.

Явным жанрообразующим признаком романа воспитания служит описание восходящего развития героини. Из рано овдовевшей молодой женщины Жасмин становится Джейн Рипплмейер, женой американского банкира Бада, оказавшегося в инвалидном кресле после неудачного покушения, что стало яркой аллюзией на сюжет романа Ш. Бронте «Джейн Эйр». Образ решительной и независимой викторианской героини, упоминаемый эксплицитно в произведении, послужил образцом поведения для Жасмин, желающей достигнуть стабильной идентичности. Однако развитие героини отражает постмодернистскую тенденцию модификации жанра романа воспитания, утверждающую децентрацию субъекта и создание его множественной подвижной идентичности [15, p.125–126].

По утверждению самой Б. Мукерджи, работа над произведением была основана не на подражании британской романной традиции в лице Теккерея, Диккенса, а в выработке новой художественной формы [18, p. 29]. Подобная трансформация формы выявляется в использовании автобиографического нарратива, в основе которого лежат фрагментарные воспоминания героини, раскрывающей проблему обретения стабильной идентичности вопреки предначертанной судьбе вдовы, предсказанной ей в детстве астрологом. В целом автобиографическая форма выражения в данном произведении становится

не только способом полнее изобразить становление героини, но и выступает подходящим пространством самовыражения для азиато-американских писателей (Б. Мукерджи, Э. Тан), создающих «этнический» роман воспитания, в котором описаны проблемные аспекты жизни в Америке персонажей азиатского происхождения [13, p. 438].

В процессе интеграции в американское общество Жасмин осознает свою «чужеродность» (foreignness), нередко воспринимаемую окружающими через сложившиеся этносоциальные стереотипы. Так, местные фермеры Айовы предполагают, что смуглый цвет кожи Жасмин обусловлен ее европейскими корнями; в окружении Тейлора проявляют интерес к азиатскому происхождению героини и знанию ею восточных языков, а в профессиональном кругу прислуги героиню под новым именем Джейс принимают за трудового мигранта, приехавшего в страну из бывшей европейской колонии в поисках временного заработка. Следовательно, в американском обществе героиня, носившая до своего приезда в эту страну имена Джиоти, Жасмин, сталкивается с неоднозначной самоидентификацией, что выявляется и в изменении ее личных имен.

Метод ретроспекции, применяемый рассказчицей, способствует раскрытию обстоятельств ее формирования: «If I had been a boy, my birth in a bountiful year would have marked me as lucky, a child with a special destiny to fulfill. But daughters were curses. A daughter had to be married off before she could enter heaven, and dowries beggared families for generations» [17, p. 39] / «Если бы я родилась мальчиком, мое появление в урожайный год выделило бы меня как счастливую, как ребенка с особым предназначением, которое нужно исполнить. Но дочери считались проклятием. Дочь нужно было выдать замуж, прежде чем она могла попасть в рай, а приданое разоряло семьи на протяжении поколений» (перевод автора статьи – *Л.Д.*). Погруженность героини-рассказчицы в собственный внутренний мир свидетельствует о наличии в произведении элементов психологического романа [9, с. 149].

Изначально в устройстве судьбы героини принимают участие ее родственники, называющие ее именем Джиоти. Она воспитывается в индийской системе ценностей, что объясняет ее подготовку к будущему браку, оканчивающемуся ее вдовством и последующей эмиграцией в Америку. Бабушка героини хочет, чтобы она вышла замуж за богатого вдовца, но сама девушка стремится продолжить учебу и стать в будущем врачом. Однако Джиоти после смерти отца остается на попечении своих братьев, которые находят ей подходящего жениха Пракаша, вследствие чего ей удается переехать из деревни в город, что отражает типичный путь героя романа воспитания.

В становлении героини выделяется ряд персонажей, которые выполняют роль ее наставников. Прежде всего это школьный учитель Мастерджи, некоторые англоязычные книги которого Джиоти читала для изучения английского языка, а также ее муж Пракаш Виджх, пытавшийся избавить Жасмин от ее привязанности к прошлому феодальному образу жизни. В Америке таким наставником становится Лилиан Гордон, давшая ей временный приют и необходимые навыки для работы прислугой в американской семье. Положение нелегального иммигранта во многом ограничивает социальную мобильность героини, вынужденной работать сиделкой или няней.

Пребывание Жасмин в доме друга ее мужа профессора Вадхера позволило ей осознать, что воспроизведение индийских культурных традиций мигрантом в американской среде лишено аутентичности и представляется фикцией. Поэтому культурная идентичность героини становится изменчивой, что, например, выражено в том, что Жасмин в американской одежде принимают за иностранного студента, а не за индусскую вдову. Личные имена героини также показывают постепенную американизацию ее образа: из Джиоти Виджх она становится Джейн Рипплмейер, гражданской женой американца Бада.

Межнациональный брак с американцем мог бы упрочить интеграцию героини в новое общество, но этот процесс носит непрерывный характер, что выражено в финале романа. Джейн считает, что размеренная жизнь домохозяйки и законной жены местного банкира в штате Айова ее не устраивает во многом благодаря тому, что фермерский сельский быт возвращает ее в прошлое в деревню Хаснапур, где прошло ее детство.

Итак, сюжетная схема европейского романа воспитания заметно трансформируется в данном произведении благодаря тому, что становление героини носит незавершенный характер. Это выражено в подвижности ее социальных ролей и обретении новых имен, маркирующих изменение ее идентичности в ходе интеграции в новое американское общество.

Роман «Белый тигр» («The White Tiger», 2008) А. Адиги по своей жанровой форме воплощает черты не только романа воспитания, но и эпистолярного, автобиографического и плутовского романов.

Среди них плутовской роман обладает схожими чертами, свойственными роману воспитания: автобиографическая форма повествования, психологизм, столкновение личности и социальной среды. Граница между жанрами состоит в том, что пикаро – антигерой, излагающий свою криминальную биографию и движимый материальными интересами, тогда как сюжетной основой романа воспитания является «…процесс воспитания и формирования личности главного героя в духе положительной программы» [10, с. 26].

На наш взгляд, близость «Белого Тигра» к форме плутовского романа определяется тем, что героем действительно движут материальные интересы, так как его становление протекает на фоне постколониальных социальных изменений, в которых господствует экономическое расслоение между бедными и богатыми, пронизывающее индийское общество в капиталистическую эпоху 1990-х гг. В этот период особую роль начинает играть средний класс, предпочитающий следовать удовлетворению личной выгоды, а не общественному благу [2, с. 218]. В этой связи становление героя укладывается не только в трехчастную структуру его биологического развития (детство–юность–зрелость), но и отражает смену экономических формаций. Безымянный мальчик Мунна, а затем слуга Балрам становится бизнесменом Ашоком Шармой в капиталистических реалиях XX–XXI вв.

По мнению Дж. Эльзе, «Белый Тигр» реализует жанровые признаки плутовского романа в постколониальном исполнении, в котором переход героя из одного класса в другой связан с социальными условиями, способствовавшими развитию предпринимательства в условиях кастовости индийского общества. Преступление Балрама указывает на то, что этот переход осуществляется путем нарушения устоявшихся моральных норм [14, p. 58]. В результате этого линия развития героя приобретает, на наш взгляд, иной характер, так как Балрам стал успешным бизнесменом не в процессе своего духовного образования, что характерно, в частности, для немецкой традиции романа воспитания, а благодаря изменению своего мировоззрения, что привело к осознанию своей исключительности среди других и последующему совершению преступления. Поэтому в структуре романа превалируют внутренние монологи, в которых передается противоборство мыслей героя, задумывающего осуществить убийство. В частности, наглядным примером этого является внутренний голос, текстуально выраженный курсивом в романе, предупреждающий героя о негативных последствиях задуманного преступления: «Сердце у меня, казалось, сейчас выскочит из груди. Я сел на бетон перрона. *Хорошо подумай, Балрам. Вспомни, что учинил Буйвол с родными своего слуги*» [1, с. 274].

В зарубежной критике произведение автора характеризуется как неолиберальный роман воспитания, героем которого становится личность с предпринимательскими наклонностями. В действительности главный герой, выросший в условиях феодально-кастовой системы и ставший в итоге руководителем службы такси, испытал влияние эпохи консьюмеризма, что привело его к усвоению философии потребления. На уровне повествовательной организации рассказчиком вводятся разнородные интертекстуальные элементы, (например, прайс-лист цен на алкоголь, реклама зубной пасты), переключающие внимание читателя на те черты переходной эпохи, в которой формируется главный герой.

Повествовательная манера рассказчика обладает некоторыми особенностями. Во-первых, основные биографические сведения содержит полицейский плакат, изображающий Балрама как беглого преступника, разыскиваемого за убийство. Выбранная манера самохарактеристики явно переосмысляет автобиографический модус повествования и способствует тому, что образ рассказчика утрачивает цельность: внешность слуги-шофера Балрама указывает на неблагополучную жизнь героя и не соответствует личности Ашока Шармы, бангалорского предпринимателя. В то же время данный плакат с изображением Балрама выступает в качестве одного из интертекстуальных элементов, наполняющих роман, что явно обновляет классические вербальные художественные средства индивидуации героя в автобиографическом романе.

Во-вторых, история Балрама Хальваи не ограничивается рамками его частной жизни, так как в письмах, написанных по случаю приезда китайского премьер-министра в Индию, дается непредвзятое описание этнографических реалий оборотной стороны индийской жизни глазами героя из низшей касты, что придает произведению остросоциальное звучание [11]. В романе разоблачаются некоторые стереотипные представления об индийском образе жизни с помощью саркастического, а зачастую фривольного тона героя. Нарративная двусмысленность романа, заключающаяся в столкновении голосов слуги и предпринимателя, сочетании едкого сарказма и самоуничижения, составляет его специфику как романа воспитания [19].

На наш взгляд, «Белый Тигр» близок к американскому варианту «романа карьеры» (У. Д. Хоуэллс, Т. Драйзер), изображающего героя-бизнесмена, зачастую ощущающего на себе негативное влияние капитала [7, с. 92–93]. Главный герой «Белого Тигра» является успешным бизнесменом, считающим себя воплощением индийского предпринимательства, что станет поводом к началу его переписки. Правда, герой улучшает свое экономическое положение не благодаря следованию добродетелям (трудолюбию, честности), образовательным успехам, а в результате хитрости и изворотливости, что находит воплощение в подготовке и совершении коварного убийства своего работодателя. Балраму удалось переступить через те социально-нравственные ценности (религиозно-кастовые, семейные), которые ограничивали его развитие деятельностью слуги-шофера.

Одним из наставников Балрама выступает его бабушка, которая хочет склонить его к предстоящей женитьбе. Подобный жизненный сценарий не устраивает героя, планирующего реализовать себя в иной сфере. Поэтому Балрам выбирает стратегию подражания для формирования своей новой идентичности, оборачивающейся пародией на высший класс [19, с. 290]. Достигнув желаемой социальной позиции, герой при взгляде на свою прошлую жизнь уничижительно определяет себя «человеком-полуфабрикатом», обладающим неполным образованием. При этом Ашок Шарма считает себя выдающейся личностью, на которую необходимо равняться его подчиненным: «Они мои наемные работники, а я их босс, вот и все. <…> Если они будут подражать мне – говорить, как я, одеваться, как я, соблюдать порядок, как я, – они далеко пойдут» [1, с. 329].

Итак, в «Белом Тигре» жанровые черты романа воспитания подвергаются трансформации, что проявляется в осложнении нарративной организации повествования и создании двойственного образа героя-рассказчика.

В произведении Дж. Лахири «Тезка» («The Namesake», 2003) выявляются жанровые признаки романа воспитания в фабульной схеме, типе конфликта и образе героя [4]. Роман открывается с ретроспективного изложения предыстории рождения главного героя, в которой доминирует образ матери Ашимы Гангули. Следует отметить, что женские персонажи, воплощающие индийские традиции в произведениях Лахири (в частности, рассказы «У миссис Сен», «Третья и последняя часть света»), зачастую наиболее болезненно адаптируются к новым культурным условиям. Поэтому для Ашимы рождение ребенка и трудности его воспитания вдали от индийских культурных традиций вызывают тревогу. В дальнейшем в образном мире произведения усугубятся различия в адаптации к американскому укладу жизни между поколениями семьи Гангули, что в свою очередь способствует актуализации элементов семейного романа.

Тема семейных отношений становится одной из ключевых в повествовании. На примере супругов Гангули становится ясно, что состав их расширенной семьи с разветвленными родственными связями меняется. Так, после эмиграции в Америку Ашима тоскует по своим многочисленным родственникам, получая от них только письма, зачастую сообщающие об уходе из жизни одного из близких ей людей. Поэтому главный герой романа воспитывается в рамках нуклеарной семьи. Для восстановления родственных уз и приобщения своих детей к индийской культурной парадигме супруги Гангули совершают длительное путешествие на родину в Калькутту. Правда, эти частые поездки постепенно отдаляют их по возвращению в Америку от индийского уклада жизни: «За годы Ашок и Ашима стали чувствовать, что по мере того, как меняются они, все больше погружаясь в американскую жизнь, меняется и отдаляется от них мир, в котором они жили раньше» [8, с. 93].

В жизни семьи, поддерживающей контакты со своими бенгальскими друзьями в пригороде Бостона, отражено следование индийским и американским культурным традициям, что выразится и в соответствующих подходах к воспитанию Гоголя и его сестры Сони. С юных лет героя стараются воспитывать в рамках бенгальской культуры (например, посещение уроков бенгальского языка, приготовление блюд индийской кухни). Однако вначале американский социум принимает семью Гангули за иностранцев, что выражается, в частности, в оскорбительном написании их фамилии на почтовом ящике. Гоголь вскоре осознает, что и его необычное имя, изначально являющееся фамилией русского писателя, может стать объектом насмешек со стороны его сверстников и вызывать трудности в произношении. Следовательно, семья, как и в традиционном романе воспитания, выступает в качестве отправной точки, закладывающей первоначальные основы для формирования идентичности героя.

На протяжении своего становления главный герой оказывается в таких положениях, которые пробуждают в нем размышления по поводу своего необычного имени. Так, оказавшись на кладбище во время школьной экскурсии, герой ясно осознает редкость своего имени подобно другим именам,

высеченных на надгробиях. На школьном уроке, посвященном творческой биографии Н.В. Гоголя, юный герой ощущает неловкость при произнесении фамилии своего тезки и раскрытии трагических обстоятельств его жизни. Наконец, Никхил оказывается на студенческом семинаре, посвященном творчеству индийских англоязычных авторов-эмигрантов, идентифицирующих себя как с западной, так и с восточной культурной общностью. Вероятно, в англоязычной версии романа речь идет о писателях, являющихся представителями индийской диаспоры и обозначающимися как «Деш» (от англ. Desh). Для них характерно ощущение своей маргинальности по отношению к принимающей их американской культуре. Приведем цитату: «Gogol has never heard the term *ABCD*. He eventually gathers that it stands for "American-born confused deshi." In other words, him. He learns that the *C* could also stand for "conflicted." He knows that *deshi*, a generic word for "countryman", means "Indian," knows that his parents and all their friends always refer to India simply as *desh*» [16, p. 118]. Поэтому для главного героя романа важным становится вопрос понимания своей неопределенной культурной идентичности и своего положения американца с индийскими корнями.

Путь героя состоит из определенных ступеней развития, показывающих осознание им своей идентичности через свое «домашнее» (pet name) и официальное имя (good name). В образном мире произведения внутреннее развитие героя показано на фоне среды, в роли которой выступает его семья, индийская диаспора и американский социум в целом. При этом роль наставника в судьбе героя выполняет Ашок, давший сыну необычное имя вопреки бенгальской традиции. Стремясь передать любовь к русской литературе сыну, Ашок явно откладывает ситуацию необходимости раскрыть ему тайну имени, ожидая для этого подходящего момента. Символично, что уже повзрослевший герой узнает правду после встречи с отцом на железнодорожной станции. Приезд героя к отцу был омрачен задержкой поезда, во время движения которого было совершено самоубийство. На наш взгляд, образ поезда и железной дороги, возникающий в романе в разных контекстах, в частности, с катастрофой, которую пережил Ашок, становится метафорой жизненного пути, осложненного неожиданными перипетиями, что отсылает к идейно-образному комплексу русской литературной традиции. При этом соблюдение в произведении логики линейного изложения возрастных этапов жизни главного героя соотносится с поэтикой реалистической классической литературы XIX столетия [3].

Развитие героя в «Тезке» направлено на поиск себя, что характеризует жанр романа воспитания в его классическом проявлении [5, с. 36]. Правда, в основе исканий героя лежит принятие им своего разнородного культурного наследия, что позволяет говорить о модификации жанровой традиции романа воспитания. В частности, примирение героя со своей двойственной культурной идентичностью достигается за счет возвращения его в семью. Его расставание с американкой Максин, в доме которой он вел обособленную взрослую жизнь вдали от своих родителей, и свадьба с Мушуми, проведенная по индийской традиции, поначалу восстанавливают его бенгальскую идентичность. Тем не менее, развод героя с Мушуми, решившейся на адюльтер, приводит героя к анализу переломных событий, произошедших с его семьей, а также совершенных ошибок в своей жизни.

В финале романа семья Гангули воссоединяется по случаю празднования Рождества и продажи дома. Каждый член семьи вступает в новую фазу жизни: Ашима решает часть своей жизни проводить в Индии, сестра Соня готовится к предстоящей свадьбе, а сам герой, достигнув тридцати лет, обнаруживает подарок Ашока, книгу повестей Н. В. Гоголя. Автор оставляет открытым будущий сценарий жизни героя, позволяя ему осознать прошлое, связанное с его необычным именем.

Итак, проведенный анализ произведений Б. Мукерджи, А. Адиги, Дж. Лахири позволяет выделить различные варианты трансформации жанровой традиции романа воспитания. Во-первых, во всех трех романах на первом плане выступают образы становящихся героев, методом ретроспекции и интроспекции прослеживаются этапы их формирования через смену социальных ролей и личных имен («Жасмин», «Белый Тигр», «Тезка»). Во-вторых, путь главных героев сводится к поиску своего «я», в процессе чего зарождается осознание ими своей двойственной идентичности. В-третьих, внутреннее развитие героев, изображенное на различном социально-культурном фоне, приводит к разным последствиям. На примере нелегальной иммигрантки Жасмин показывается ее незавершенная социализация на пути к интеграции с американским обществом. В романе «Тезка» в становлении героя оказывается решающим сознательное принятие им своего разнородного культурного наследия, тогда как в «Белом Тигре» восходящее развитие героя определяется противоборством с социальными противоречиями (феодально-кастовой системой, бинарными отношениями «слуга-хозяин»), что ведет к изменению его социального положения в обществе.

При этом явно, что черты романа воспитания, выполняющие сюжетообразующую роль в данных произведениях, взаимодействуют с другими жанровыми формами (автобиографическим, плутовским, семейным и др. романами), что связано, на наш взгляд, с тенденцией жанрового синтеза, характерной для современного литературного процесса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адига А.* Белый Тигр / пер. с англ. С. Соколова. М.: «Фантом Пресс», 2010. 352 с.
2. *Варма П.* Великий средний класс. Что такое быть индийцем / Варма Паван // Иностранная литература: ежемесячный литературно-художественный журнал. 2009. № 11. С. 212–235.
3. *Высотская Н.* Кто еще вышел из гоголевской «Шинели»? // Дружба народов. М., 2006. № 9. С. 187–194. Сетевое издание «Горький» // URL: https://magazines.gorky.media/druzhba/2006/9/kto-eshhe-vyshel-iz-gogolevskoj-shineli.html (дата обращения: 5.11.2025).
4. *Джалилова Л. Р.* Жанрообразующие признаки романа воспитания в произведении Джумпы Лахири «Тезка» / Л. Р. Джалилова // Молодые исследователи – регионам: материалы Международной научной конференции. Вологда: Вологодский государственный университет, 2023. С. 815–817.
5. *Диалектова А. В.* Воспитательный роман в немецкой литературе эпохи Просвещения / Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева. Саранск: Изд-во СГПИ, 1972. 38 с.
6. *Королева О. А.* Английский канон романа о воспитании в произведении «Время свинга» Зэди Смит // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13, № 3. С. 1–7.
7. *Кузнецова Л. А.* Стиль и жанр художественного произведения: стилевые особенности жанровых разновидностей английского и американского романа / Л.А. Кузнецова, И. В. Викторовская, И. М. Байбакова и др.; под ред. Л. А. Кузнецовой, И. В. Викторовской. Львов: Вища шк. Изд-во при Льв. ун-те, 1987. 127 с.
8. *Лахири Дж.* Тёзка: роман / пер. с англ. А. Галль. СПб.: Аркадия, 2019. (Серия «Роза ветров»). 384 с.
9. *Панова О. Ю.* Пути современной прозы в Великобритании и США // Постмодернизм: что же дальше? (Художественная литература на рубеже XX-XXI вв.): Сб. науч. тр. ИНИОН РАН. М., 2006. С. 138–172.
10. *Пашигорев В. Н.* Роман воспитания в немецкой литературе XVIII–XX веков. Генезис и эволюция: дис. … д-ра филол. наук; Ростов-на-Дону, 2005. 333 с.
11. *Рычкова О.* Рецензия на роман А. Адиги «Белый Тигр» / Рычкова Ольга // У книжной полки: журнал для библиотек: ежеквартальный журнал Фонда «Пушкинская библиотека». 2010. № 2. С. 48.
12. *Тлостанова М. В.* Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. М., ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. 400 с.
13. *Bhattacharya R.* Negotiating the gendered ethnic self in selected fictions of Amy Tan and Bharati Mukherjee. // Neohelicon. Vol. 46, 2019. pp. 435–462.
14. *Elze J.* Postcolonial Modernism and the Picaresque Novel: Literatures of Precarity. Palgrave Macmillan, 2017. 225 p.
15. *Frey Büchel N.* On Identification and Narrative Identity: Self-Formation in Bharati Mukherjee's "Jasmine". In: Riquet, J., Heusser, M. (eds) Imaging Identity. Palgrave Macmillan, Cham. 2019. pp. 123–145.
16. *Lahiri J.* The Namesake. Boston; New York: A Mariner book, Houghton Miflin Company, 2003. 291 p. // URL: https://archive.org/details/namesake00lahi/mode/2up (дата обращения: 4.11.2025).
17. *Mukherjee B*. Jasmine. New York: Grove Weidenfeld, 1989. 241 p. URL: https://archive.org/details/jasmine000mukh/page/n1/mode/2up (дата обращения: 3.11.2025).
18. *Mukherjee B., Blaise C., Connell M., Grearson J., Grimes T.* "An Interview with Bharati Mukherjee". The Iowa Review 20.3 1990. P. 7–32.
19. *Nandi S.* Narrative Ambiguity and the Neoliberal "Bildungsroman" in Aravind Adiga's "The White Tiger." Journal of Narrative Theory, vol. 47, no. 2, 2017, pp. 276–301.
20. *Upadhyay A.* Postcolonial Bildungsroman in India. International Journal of English and Studies (IJOES). Vol. 3, Iss. 3, 2021. pp. 295–310.

Поступила в редакцию 04.11.2025

Джалилова Лейла Рахман Кызы, аспирант кафедры зарубежной литературы
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
603022, Россия, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23
E-mail: prostoleyla20@mail.ru

L. R. Dzhalilova

MODIFICATION OF THE GENRE TRADITION OF THE BILDUNGSROMAN (BY THE MATERIAL OF WORKS OF B. MUKHERJEE “JASMINE”, A. ADIGA “THE WHITE TIGER”, J. LAHIRI “THE NAMESAKE”)

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-934-941

The aim of this article is to trace the transformation of the genre tradition of the Bildungsroman in the works of B. Mukherjee “Jasmine”, A. Adiga “The White Tiger”, J. Lahiri “The Namesake”. The scientific novelty is caused by the fact that the study is the first to undertake a comprehensive analysis of the modification of the genre tradition of the Bildungsroman in these works. The research methods are comparative, narrative and structural analysis of the text. The study concludes that re-interpretation of genre features of the Bildungsroman in the novels is expressed in features of portrayal of the formation of the heroes, coming to realize their dual identity. In the novels “Jasmine”, “The White Tiger”, and “The Namesake” that differ in narrative principles of plot organization the development of the main characters is defined by the socio-cultural environment that challenges their personal aspirations to create a common, stable identity.
Secondary elements of psychological (“Jasmine”), epistolary, autobiographical, picaresque (“The White Tiger”), family novels (“The Namesake”) are revealed in the genre form of these works, which indicates a tendency to expand the narrative boundaries of the genre.

Keywords: Bildungsroman, postcolonial literature, Bharati Mukherjee, Aravind Adiga, Jhumpa Lahiri.

REFERENCES

1. *Adiga A.* Belyj Tigr [The White Tiger]. / per. s angl. S. Sokolova. M.: «Fantom Press», 2010. 352 s. (In Russian).
2. *Varma P.* Velikij srednij klass. Chto takoe byt' indijcem [The Great Indian Middle Class. Being Indian]. Inostrannaya literatura: ezhemesyachnyj literaturno-hudozhestvennyj zhurnal [Foreign Literature: monthly literary-art journal]. 2009. № 11. S. 212–235. (In Russian).
3. *Vysotskaya N.* Kto eshche vyshel iz gogolevskoj «Shineli»?[Who else has come from Gogol’s «The Overcoat»]. Druzhba narodov [The journal «Friendship of Nations»]. M., 2006. № 9. S. 187–194. Setevoe izdanie «Gor'kij» [The network edition «Gorky»]. (In Russian). // URL: https://magazines.gorky.media/druzhba/2006/9/kto-eshhe-vyshel-iz-gogolevskoj-shineli.html (data obrashcheniya: 5.11.2025).
4. *Dzhalilova L. R.* Zhanroobrazuyushchie priznaki romana vospitaniya v proizvedenii Dzhumpy Lahiri «Tezka» [Genre-forming features of the Bildungsroman in Jhumpa Lahiri’s work «The Namesake»]. Molodye issledovateli – regionam: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Young Researchers to the Regions: Materials of the International Scientific Conference] Vologda: Vologodskij gosudarstvennyj universitet, 2023. S. 815–817. (In Russian).
5. *Dialektova A. V.* Vospitatel'nyj roman v nemeckoj literature epohi Prosveshcheniya [Bildungsroman in the German literature of the Enlightenment] / Mord. gos. un-t im. N. P. Ogareva. Saransk: SGPI. 1972. 38 s. (In Russian).
6. *Koroleva O. A.* Anglijskij kanon romana o vospitanii v proizvedenii «Vremya Svinga» Zedi Smit [English canon of the parenting novel in «Swing Time» by Zadie Smith]. Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya [World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies]. 2022. T. 13, № 3. S. 1–7. (In Russian).
7. *Kuznecova L. A.* Stil' i zhanr hudozhestvennogo proizvedeniya: stilevye osobennosti zhanrovyh raznovidnostej anglijskogo i amerikanskogo romana [Style and genre of fiction: stylistic features of the genre variations of English and American novel] / L. A. Kuznecova, I. V. Viktorovskaya, I. M. Bajbakova i dr.; pod red. L. A. Kuznecovoj, I. V. Viktorovskoj. L'vov: Vishcha shk. Izd-vo pri l'v. un-te [Higher School. Lviv University Publ.]. 1987. 127 s.
8. *Lahiri Dzh.* Tyozka [The Namesake]: roman / per. s angl. A. Gall'. SPb.: Arkadiya, 2019. (Seriya «Roza vetrov»). 384 s. (In Russian).
9. *Panova O. Yu.* Puti sovremennoj prozy v Velikobritanii i Ssha [Modern prose paths in the Great Britain and in the Unites States] // Postmodernizm: chto zhe dal'she? (Hudozhestvennaya literatura na rubezhe XX–XXI vv.) [Postmodernism: What’s Next? (Fiction at the turn of the twentieth and twenty-first centuries)]: Sb. nauch. tr. INION RAN [Collect. of research papers. Institute of Scientific Information on Social Sciences Publ., Russian Academy of Sciences Publ.]. M., 2006. S. 138–172. (In Russian).
10. *Pashigorev V. N.* Roman vospitaniya v nemeckoj literature XVIII–XX vekov. Genezis i evolyuciya [The Bildungsroman in German Literature of the XVIII–XX centuries. Genesis and evolution]: dis. … d-ra filol. nauk; Rostov-na-Donu, 2005. 333 s. (In Russian).
11. *Rychkova O.* Recenziya na roman A. Adigi «Belyj Tigr»[Review on the novel «The White Tiger» by A. Adiga]. U knizhnoj polki: zhurnal dlya bibliotek: ezhekvartal'nyj zhurnal fonda «Pushkinskaya biblioteka» [At the Bookshelf: journal for libraries: quarterly journal of the Fund «Pushkin Library»]. 2010. № 2. S. 48. (In Russian).
12. *Tlostanova M. V.* Problema mul'tikul'turalizma i literatura Ssha konca XX veka [The problem of multiculturalism and US literature of the late 20th century]. M., IMLI RAN, «Nasledie» [Naslediye Publ.]. 2000. 400 s. (In Russian).

13. *Bhattacharya R.* Negotiating the gendered ethnic self in selected fictions of Amy Tan and Bharati Mukherjee. Neohelicon. Vol. 46, 2019. pp. 435–462. (In English).
14. *Elze J.* Postcolonial Modernism and the Picaresque Novel: Literatures of Precarity. Palgrave Macmillan, 2017. 225 p. (In English).
15. *Frey Büchel N*. On Identification and Narrative Identity: Self-Formation in Bharati Mukherjee's "Jasmine". In: Riquet, J., Heusser, M. (eds) Imaging identity. Palgrave Macmillan, Cham. 2019. pp. 123–145. (In English).
16. *Lahiri J.* The Namesake. Boston; New York: A Mariner book, Houghton Miflin Company, 2003. 291 p. URL: https://archive.org/details/namesake00lahi/mode/2up (дата обращения: 4.11.2025). (In English).
17. *Mukherjee B*. Jasmine. New York: Grove Weidenfeld, 1989. 241 p. URL: https://archive.org/details/jasmine000mukh/page/n1/mode/2up (дата обращения: 3.11.2025). (In English).
18. *Mukherjee B., Blaise C., Connell M., Grearson J., Grimes T.* "An Interview with Bharati Mukherjee". The Iowa Review 20.3 1990. P. 7–32. (In English).
19. *Nandi S.* Narrative Ambiguity and the Neoliberal "Bildungsroman" in Aravind Adiga's "The White Tiger." Journal of Narrative Theory, vol. 47, no. 2, 2017, pp. 276–301. (In English).
20. *Upadhyay A.* Postcolonial Bildungsroman in India. International Journal of English and Studies (IJOES). Vol. 3, Iss. 3, 2021. pp. 295–310. (In English).

Received 04.11.2025

Dzhalilova L.R., postgraduate student of the Foreign Literature Department
Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod
Prosp. Gagarina, 23, Nizhniy Novgorod, Russia, 603022
E-mail: prostoleyla20@mail.ru

Из истории науки

УДК 061.6:[811.511.1+39=511.1](470)(091)(045)

А. Н. Ракин, О. А. Сергеев

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ КОМИТЕТА ФИННО-УГРОВЕДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается история создания Комитета, организационные основы его деятельности и роль в области изучения финно-угорских народов. Комитет образован в 1971 г. при Институте языкознания АН СССР, назывался «Постоянный национальный (советский) комитет финно-угроведов». Координацию в области финно-угроведения в настоящее время осуществляет Комитет финно-угроведов Российской Федерации (КФУ РФ). Комитет был избран в 2000 г. на II Всероссийской научной конференции финно-угроведов в Саранске по инициативе марийских, коми и мордовских ученых. Он является преемником Советского комитета финно-угроведов, прекратившего свое существование в результате распада СССР.

Ключевые слова: Комитет финно-угроведов Российской Федерации, межрегиональное сотрудничество, региональное отделение, финно-угроведение, этнография, языкознание.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-942-949

0.1. В изучении многообразия культур и языков мира, укреплении международных научных контактов, сохранении историко-культурного наследия в условиях глобальных изменений важную роль выполняет финно-угроведение.

Финно-угроведение – комплексная дисциплина, предметом которой является описательное и сравнительно-историческое изучение языков и культур финно-угорских народов или, в более широком понимании, всех народов уральской языковой семьи [13][1]. Как отмечают исследователи, уже «к концу XVII в. благодаря отдельным открытиям, сообщениям путешественников и исследованиям ученых более или менее стала известна вся финно-угорская, даже уральская языковая семья» (см., напр., [8, с. 58]). Об этом свидетельствуют письма немецкого энциклопедиста Г. В. Лейбница[2] крупнейшим европейским ученым. Например, в своем послании от ноября 1697 г.[3], отправленном шведскому лингвисту И. Г. Спарвенфельду (1655–1727), согласно данным русского историка В. И. Герье, Г. В. Лейбниц «без труда смог определить родство *саамского, финского, эстонского, ливского, «пермского», самодийского и венгерского языков*, носители которых «проживали между Сибирью и Каспийским морем…» (см.: [5, с. 42; также см.: 15, S. 91]). Венгерский лингвист Я. Гуя к этим перечням добавляет еще мордовский и хантыйский языки [8, с. 58]. В другом письме, адресованном немецкому ученому К. И. Николаи фон Грейфенкранцу (1649–1715), Г. Лейбниц для обоснования родства финно-угорских языков «просит языковые образцы сибирского, *самодийского и черемисского языков*, а также языков тартарских народов, с целью выяснения родства языков России между собой, а также с крымско-тартарским, турецким, славянским, русским, *финским, эстонским и венгерским*… [15, S. 86]. Важно отметить, что Г. Лейбниц во многих эпистолярных текстах упоминает о «*черемисах*» и о «*черемисском языке*» (*Tscheremissen, tscheremissischen Sprache*). Впервые о марийцах он пишет в письме, отправленном из Ганновера 21 марта 1692 г. польскому математику Адаму Адаманусу Коханскому (1631–1700). В письме К. М. Воте (1629–1715) Г. В. Лейбниц, увлеченный «скифской теорией происхождения языков», констатировал: «Исследование языков и народов Скифии помогло бы выяснить происхождение европейских и азиатских наций.

[1] В исследованиях последних лет финно-угроведение (финно-угристика, позднее уралистика) рассматривается не как комплексная дисциплина, а как историко-филологическое направление компаративистского характера (см., напр.: [14; 9, с. 3–4]).

[2] Г. В. Лейбниц (1646–1716) переписывался со многими крупнейшими учеными, а также с политическими деятелями конца XVII – начала XVIII вв. Он оставил после себя свыше 15 тысяч писем. Бóльшая часть из них издана отдельной книгой еще в конце XIX в. В. И. Герье (СПб., 1873). Главная тема в его письмах: происхождение языков (языковое родство).

[3] В монографии В. Герье – другое число: 29 января. Переписка между Спарвенфельдом и Лейбницем началась в 1696 г. [5, с. 40].

Хотел бы получить дальнейшую информацию о языках скифских народов, как *самодийцев, черемисов*, черкесов, тартар, ногайцев, сибирского народа по ту сторону Оби и Волги» [15, S. 79]. Так благодаря переписке Г. В. Лейбница с дипломатами, в т.ч. с деятелями из Швеции Г. Бреннером (1669–1732) и Л. Фабрициусом (1648–1729), голландским географом Н. К. Витсеном (1641–1717), марийский язык занял достойное место в финно-угорской группе (подробнее см.: [12, с. 37–67]).

0.2. На сегодняшний день в Российской Федерации исследованием языка, культуры, истории финно-угорских народов занимаются научно-исследовательские институты, национальные музеи, университетские кафедры как в регионах, так и в крупнейших научных центрах страны.

К настоящему времени в финно-угроведении оформились и функционируют три уровня финно-угорского комитета: международный, всероссийский, региональный (с 2024 г. последний имеет статус отделения). Имея свою специфику, статус и задачи, все уровни тесно взаимосвязаны.

Организацией научно-исследовательской работы (в основном проведением всероссийских научных конференций и международных конгрессов финно-угроведов) занимаются российский и международный комитеты финно-угроведов.

0.3. Высшим научным форумом специалистов всего мира, занимающихся исследованиями языков финно-угорских народов, их духовной и материальной культуры, являются международные конгрессы финно-угроведов.

Международный конгресс финно-угроведов (англ. *International Congress for Finno-Ugric Studies*; ICFUC, латин.: *Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum*; CIFU) – самое крупное научное совещание финно-угроведов разных стран, проводимое каждые пять лет [11].

Международные конгрессы финно-угроведов (МКФУ) регулярно стали проводиться с 60-х гг. XX века. Первый из них прошел в Венгрии (г. Будапешт) в 1960 г. С тех пор такие форумы организуются раз в пять лет, попеременно в каждом из заинтересованных государств (в советское время: Венгрия, Финляндия и СССР; с начала 2000 г. – Эстония, Россия, также т.н. «не финно-угорские страны», где активно занимаются исследованием проблем современного финно-угроведения/уралистики; см. дата и места проведения конгресса):

1960, CIFU I. Венгрия, Будапешт.
1965, CIFU II. Финляндия, Хельсинки.
1970, CIFU III. СССР, Эстонская ССР, Таллин.
1975, CIFU IV. Венгрия, Будапешт.
1980, CIFU V. Финляндия, Турку.
1985, CIFU VI. СССР, Коми АССР, Сыктывкар.
1990, CIFU VII. Венгрия, Дебрецен.
1995, CIFU VIII. Финляндия, Ювяскюля.
2000, CIFU IX. Эстония, Тарту.
2005, CIFU X. Россия, Республика Марий Эл, Йошкар-Ола.
2010, CIFU XI. Венгрия, Пилишчаба.
2015, CIFU XII. Финляндия, Оулу.
2022, CIFU XIII. Австрия, Вена. Впервые организован за пределами национальных финно-угорских государств.
2025, CIFU XIV. Эстония, Тарту. Конгресс организован институтом эстонского и общего языкознания Тартуского университета (18–23 августа).

Комитет состоит из действительных и почётных членов. Кооптация новых действительных членов осуществляется путём тайного голосования.

По предоставленным данным Президента XIV Международного конгресса финно-угроведов (протокол от 21 августа 2025 г., отправленного 12 сентября 2025 г.) членство в комитете ICFUC (после ухода трех членов с 2021 г. и добавления шести новых членов) насчитывает 66 членов. Из них 41 действующий член с правом решающего голоса. Из Российской Федерации в Международный организационный комитет входят: Т. П. Девяткина, А. Е. Загребин, Н. В. Кондратьева, И. И. Муллонен, О. А. Сергеев, Е. А. Цыпанов. Во время работы последнего конгресса Комитетом финно-угроведов Российской Федерации в состав МКФУ была предложена кандидатура Л. Я. Григорьевой. Комитет одобрил данную кандидатуру. Итого на сегодняшний день в МКФУ Российскую Федерацию представляет семь человек. Кроме Т. П. Девяткиной (Республика Мордовия), доктора филологических наук, все члены входят в состав Комитета финно-угроведов Российской Федерации.

Из 66 членов МКФУ 25 являются почетными членами. Из Российской Федерации почетным членом является д. филол. н., гл. научн. сотр. отдела языка ИЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН А. Н. Ракин.

0.4. Международный комитет конгрессов финно-угроведов (МККФУ, ICFUC) – неправительственная и некоммерческая организация, не юридическое лицо. Его основной задачей является обеспечение регулярности, преемственности и высокого научного уровня конгрессов. МККФУ действует в тесном контакте с отдельными национальными комитетами финно-угроведов.

Заседание комитета проходит во время работы очередного конгресса. На заседании сроком на пять лет в составе пяти членов избирается Исполнительный комитет, который работает между конгрессами. Исполнительный комитет конгрессов финно-угроведов объединяет исследователей из Венгрии, Финляндии, Эстонии, Российской Федерации и т.н. «другие страны». С 21 августа 2025 г. Исполнительный комитет ICFUC от Российской Федерации представляет Олег Сергеев (Республика Марий Эл), заместитель – Наталья Кондратьева (Удмуртская Республика).

0.5. Комитет финно-угроведов Российской Федерации (КФУ РФ) является преемником Советского комитета по финно-угроведению. Советский комитет финно-угроведов перестал функционировать в связи с распадом СССР. В становлении Советского комитета финно-угроведов большая роль принадлежит доктору филологических наук, профессору, члену-корреспонденту А. Н. СССР Д. В. Бубриху (1890–1949). Он один из создателей отечественной научной школы в области финно-угорской филологии, основатель (1925) и первый руководитель (до 1949 г.) кафедры финно-угорской филологии филологического факультета Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета [3][4].

По его же инициативе была организована I Всесоюзная научная конференция по вопросам финно-угорской филологии (в связи с вопросами истории и этнографии финно-угорских народов). Она состоялась в 1947 г. (23 января – 4 февраля) при Ленинградском государственном ордена Ленина университете. На конференции было зачитано 54 доклада [4, с. 5]. За советский период истории нашей страны всего состоялось 17 конференций, последняя всесоюзная конференция финно-угроведов проходила в 1987 г. в Устинове (Удмуртская АССР).

В новом статусе – статусе Всероссийских – конференции возобновились после семилетнего перерыва благодаря инициативе ученых Республики Марий Эл. Так I Всероссийская научная конференция финно-угроведов состоялась в г. Йошкар-Оле в 1994 г. Далее конференции проводились в Республике Мордовия (Саранск, 2000), в Республике Коми (Сыктывкар, 2004), в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (Ханты-Мансийск, 2009), в Республике Карелия (Петрозаводск, 2014), в Удмуртской Республике (Ижевск, 2019), в Республике Марий Эл (Йошкар-Ола, 2024). Местом очередной VIII Всероссийской научной конференции финно-угроведов определен Саранск – столица Республики Мордовии. Она будет проводиться в 2029 г. Конференции организовываются один раз в пять лет в финно-угорских регионах Российской Федерации (за год до очередного Международного конгресса финно-угроведов).

Конференция проводится с целью обсуждения актуальных проблем современного отечественного финно-угроведения и определения перспектив его дальнейшего развития, содействия сохранению и развитию языков, культур, традиций финно-угорских/уральских народов, расширения научного и культурного сотрудничества регионов России. Она объединяет специалистов различных научных школ, занимающихся вопросами финно-угорского языкознания, фольклористики и литературоведения, этнографии, музыковедения, этнической истории и других гуманитарных и общественных наук.

Значительная доля в развитии советского финно-угроведения принадлежит Институту языкознания АН СССР, организованному в 1950 г., и созданной при нем группе финно-угорских языков (в 1957 г. преобразована в сектор финно-угорских языков). С 1950 г. сектор возглавляли: доктора филологических наук К. Е. Майтинская (1950–1961) и В. И. Лыткин (1961–1971). После ухода В. И. Лыткина на заслуженный отдых сектор возглавил директор Института языкознания академик Б. А. Серебренников (1972–1989),

[4] В 2025 г. первой финно-угорской кафедре, открытой в советское время, исполнилось 100 лет. Во время LIII Международной научной филологической конференции имени Л. А. Вербицкой работала секция «Уралистика» (25–31 марта), посвященная вековому юбилею кафедры финно-угорской филологии Санкт-Петербургского государственного университета. Отметим, что финно-угорские кафедры при академии и университетах существовали еще до революции 1917 г. Например, в Санкт-Петербургской академии наук была организована кафедра по языкам и этнографии финских племён (1859), её возглавил академик Ф. И. Видеман (1805–1887). В 1888 г. открыта кафедра финского языка в Казанском университете, которой заведовал эстонский ученый Михкель Веске (1843–1890). В 1893 г. в Императорском Александрийском университете была основана самостоятельная кафедра финно-угорского языкознания, руководство было возложено на профессора Арвида Генеца (1848–1915).

после его кончины – заместитель директора, советник дирекции института, кандидат филологических наук Ю. С. Елисеев (1989–2010) [7]. В 1971 г. образован «*постоянный национальный (советский) Комитет финно-угроведов*», ответственным секретарем которого был утвержден Ю. С. Елисеев (наименование «*советское финно-угроведение*» связано с именем Д. В. Бубриха (см.: [1, с. 114]). Он в течение долгого времени выполняя эти функции, активно участвовал в подготовке международных конгрессов и всероссийских конференций финно-угроведов [2, с. 238–239].

Огромный вклад в отечественное финно-угроведение внес доктор филологических наук, академик Эстонской ССР Пауль Аристэ (1905–1990). Он же был первым редактором научного журнала «Советское финно-угроведение» (издавался с 1965 г. в Таллине). В настоящее время печатается под названием Linguistica Uralica. Журнал с самого начала был ориентирован на лингвистику, в некоторых номерах публиковались материалы по фольклору, этнографии финно-угорских народов. Научные форумы и деятельность журнала заложили основы для развития в будущем широкого финно-угорского движения. Для марийского языкознания профессор П. Аристэ подготовил 18 высококвалифицированных специалистов – кандидатов наук, девять из которых стали докторами наук (из них шесть – его бывшие аспиранты, закончившие очную аспирантуру в Тартуском государственном университете). Оппонировал 12 диссертаций, защищенных марийскими филологами.

После Ю. С. Елисеева координатором Комитета финно-угроведов Российской Федерации стал специалист по самодийским и финно-угорским языкам Е. А. Хелимский (1950–2007). До его перехода на должность профессора Гамбургского университета (с 1998 г.) (также – директора Института финно-угроведения/уралистики) КФУ РФ функционировал на должном уровне. Однако вследствие нахождения председателя за пределами России, работа Комитета ослабла и почти остановилась. Такая ситуация продолжалась до начала 2000 г., когда на II Всероссийской научной конференции финно-угроведов, состоявшейся в Саранске, по инициативе участвующих в ней марийских, коми и мордовских ученых впервые был избран Комитет финно-угроведов Российской Федерации. В течение первых четырех лет своего существования в числе приоритетных задач, которыми занимался Комитет, были подготовка и проведение очередных X Международного конгресса финно-угроведов в Йошкар-Оле и III Всероссийской научной конференции финно-угроведов в Сыктывкаре, а также разработка Устава КФУ РФ. Так во время работы IX Международного конгресса (Тарту, 2000) председателем КФУ РФ был избран профессор Марийского государственного университета Ю. В. Андуганов (2000–2005), заместителем стал доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИЯЛИ КНЦ УрО РАН А. Н. Ракин. Впоследствии он стал председателем КФУ РФ (с 2005 по 2024 гг.). Организационно в окончательном виде Комитет оформился в 2004 г. во время работы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов в Сыктывкаре в результате утверждения Устава Комитета финно-угроведов Российской Федерации, основные положения которого определяют структуру Комитета и регламентируют сферу его деятельности (электронный адрес сайта КФУ РФ: komikyv.com/kfurf. Он создан в 2015 г. во исполнение решения, принятого на заседании КФУ РФ в Петрозаводске (2014 г.). В настоящее время сайт обновляется).

В конце июня 2024 г. во время VII Всероссийской научной конференции на очередном заседании Комитета председателем избран к. филол. н., ст. научн. сотр. направления «Лингвистика» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, председатель Марийского регионального отделения Комитета финно-угроведов Российской Федерации (2009–2024) О. А. Сергеев.

Первоначально финно-угроведение, как было отмечено, занималось преимущественно узкоотраслевыми проблемами языкознания. Согласно профессору А. Е. Загребину, «…возникнув как филологическое направление, финно-угроведение довольно скоро приобрело этнографический (в широком понимании) характер» [10, с. 9]. На основе изучения языкового родства постепенно налаживались взаимоотношения финно-угорских народов и по многим другим направлениям, например: этнография[5], археология, история, литературоведение, фольклористика. Так уже в течение более двух веков финно-угорское языкознание является связующим звеном финно-угорского национального движения.

В настоящее время основной задачей КФУ РФ является осуществление координационной работы в области финно-угроведения на территории России и обеспечение регулярного и своевременного проведения на должном уровне Всероссийских научных конференций финно-угроведов. В соответствии с

[5] О результатах, достигнутых в области этнографического финно-угроведения в XVIII – первой половине XIX вв., также во второй половине XIX – начале XX вв., подробнее см.: [9; 10].

установившейся традицией высший научный форум ученых, занимающихся исследованиями языков и культур наших народов, должен проходить один раз в пять лет поочередно в финно-угорских республиках или в других регионах и в своей тематике охватывать все направления современного финно-угроведения.

Высшим органом КФУ РФ являются его заседания, проводящиеся не реже одного раза в пять лет, в том числе один раз во время работы Всероссийской научной конференции или Международного конгресса финно-угроведов. Заседания, проводящиеся во время работы очередной ВКФУ, определяют место и предварительные сроки проведения следующей конференции, только они обладают полномочиями по кооптации новых членов и выборы руководящего органа Комитета.

Комитет представляет интересы финно-угроведческой научной общественности России внутри страны и за рубежом, поддерживает связи и сотрудничает с Международным комитетом конгрессов финно-угроведов и другими финно-угроведческими научными центрами. В состав Комитета входят по два представителя от основных финно-угорских республик и округов России. Это широко известные авторитетные ученые страны, являющиеся ведущими специалистами в области как филологического (языкознание, литературоведение, фольклористика), так и исторического (археология, этнография, этническая история) направления. Республику Коми, например, в свое время представляли директор ИЯЛИ КНЦ А. Ф. Сметанин, доктор филологических наук А. Н. Ракин, Удмуртскую Республику – директор Института истории, языка и литературы Удмуртского научного центра К. И. Куликов, профессор В. К. Кельмаков, Республику Мордовию – профессор, декан филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева М. В. Мосин, Республику Марий Эл – академики И. Г. Иванов и К. Н. Сануков, зав. кафедрой журналистики Марийского государственного университета О. Н. Тихонов, Республику Карелию – зав. отделом языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН, доктор филологических наук Н. Г. Зайцева, Ханты-Мансийский автономный округ – Югру – зам. директора Института языка, истории и культуры народов Югры Т. В. Волдина и др.

Представляем действующий состав Комитета финно-угроведов Российской Федерации: *Республика Карелия* (Муллонен Ирма Ивановна – д. филол. н., член.-корр. РАН, профессор, гл. научн. сотр. сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН; Новак Ирина Петровна – д. филол. н., директор ИЯЛИ КарНЦ РАН); *Республика Коми* **(**Ракин Николай Анатольевич – доктор философии по уральским языкам, научный сотрудник ИЯЛИ КНЦ УрО РАН; Цыпанов Евгений Александрович – д. филол. н., доцент, зав. отделом языка, литературы и фольклора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН); *Республика Марий Эл* (Григорьева Людмила Яковлевна – к. филол. н., доцент, директор МарНИИЯЛИ им. В. М. Васильева; Сергеев Олег Арсентьевич – к. филол. н., доцент, ст. науч. сотр. направления «Лингвистика» МарНИИЯЛИ им. В. М. Васильева); *Республика Мордовия* **(**Поляков Осип Егорович – д. филол. н., профессор Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева; Рябов Иван Николаевич – к. филол. н., доцент, декан филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева); *Удмуртская Республика* (Загребин Алексей Егорович – д. ист. н., профессор РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН); Кондратьева Наталья Владимировна: д. филол. н., вед. научн. сотр. УдмФИЦ УрО РАН); *Ханты-Мансийский автономный округ* (Волдина-Ледкова Татьяна Владимировна – к. ист. н., доцент, вед. научн. сотр. отдела истории и этнологии Обско-угорского института прикладных исследований и разработок; Попова Светлана Алексеевна – к. ист. н., доцент, вед. научн. сотр. отдела истории и этнологии Обско-угорского института прикладных исследований и разработок).

0.6. На заседании КФУ РФ, состоявшемся в 2004 г. в Республике Коми, было принято решение о создании региональных комитетов финно-угроведов РФ в Ижевске, Йошкар-Оле, Саранске, Сыктывкаре, Петрозаводске, Ханты-Мансийске. Организовать данную работу было поручено членам Российского Комитета, представляющим эти регионы. В результате успешного выполнения поставленной задачи в нашей стране функционирует шесть самостоятельных региональных отделений финно-угроведов, являющихся структурными подразделениями Комитета финно-угроведов Российской Федерации:

1. Карельское региональное отделение Комитета финно-угроведов Российской Федерации. Venäjän Federatijon fennougristien komitietan Karjalan alovehellini ošašto (собственно карельский). Ven'an Federacien suomi-ugrilazien tutkijoin komitietan Karjalan alovehelline ozasto (ливвиковский карельский). Venäman suomalaiž-ugrilaižiden rahvahiden da keliden tundijoiden komitetan Karjalan regionaline erišt (вепсский). Председатель – Новак Ирина Петровна, д. филол. н., директор ИЯЛИ КарНЦ РАН.

2. Коми региональное отделение Комитета финно-угроведов Российской Федерации. Россия Федерацияысь финно-угроведъяслӧн комитетса Коми дінмуса юкӧд. Председатель – Рассыхаев Алексей Николаевич, к. филол. н., стар. научн. сотр. сектора фольклора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН.

3. Марийское региональное отделение Комитета финно-угроведов Российской Федерации. Россий Федерацийысе финн-угровед комитетын Марий кундемысе пӧлкаже. Председатель – Максимов Валерий Николаевич, к. филол. н., доцент кафедры марийского языка и литературы Марийского государственного университета.

4. Мордовское региональное отделение Комитета финно-угроведов Российской Федерации. Российской Федерациянь финно-угроведэнь Комитетэнть эрзямокшонь региононь отделения. Российскяй Федерациянь финно-угроведонь Комитетть мокшэрзянь региональнай отделенияц. Председатель – Рябов Иван Николаевич, к. филол. н., доцент, декан филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва.

5. Удмуртское региональное отделение Комитета финно-угроведов Российской Федерации. Россия Федерациысь Финно-угроведъёслэн комитетсылэн Удмурт улосвыл ёзэтэз. Председатель – Бехтерева Людмила Николаевна, д. ист. н., зам. директора по научной работе УдмФИЦ УрО РАН.

6. Ханты-Мансийское региональное отделение Комитета финно-угроведов Российской Федерации. Российской Федерация финно-угроведэт комитет Хӑнты-Мањщи шуши йит (на хантыйском языке). Российский Федерация финно-угровед Комитетт Ханты-Мансийский региональный отделение (на мансийском языке). Председатель – Волдина-Ледкова Татьяна Владимировна, к. ист. н., вед. научн. сотр. отдела истории и этнологии Обско-угорского института прикладных исследований и разработок.

Итак, финно-угроведение как самостоятельное направление имеет более чем 300-летнюю историю. Процесс его становления как научной дисциплины начался во второй половине XIX в. В 2026 г. Комитету финно-угроведов Российской Федерации, преемнику Советского комитета, исполнится 55 лет. Основной задачей КФУ РФ является осуществление координационной работы в области финно-угроведения на территории России и обеспечение регулярного и своевременного проведения на должном уровне всероссийских научных конференций финно-угроведов.

В настоящее время на различных территориях страны функционирует шесть самостоятельных региональных отделений финно-угроведов, являющихся структурными подразделениями Комитета финно-угроведов Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев В. П.* Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.: Наука, 1969. 324 с.
2. *Баталова Р.* Ю. С. Елисеев. In memoriam // Linguistica Uralica. 2010. № 3. С. 238–239.
3. Бубрих, Дмитрий Владимирович. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бубрих,_Дмитрий_Владимирович (дата обращения 20.08.2025).
4. Всесоюзная научная конференция по вопросам финно-угорской филологии // Ученые записки. Серия востоковедческих наук. Выпуск 2. Советское финно-угроведение / отв. ред. чл.-корр. АН проф. Д. В. Бубрих. Л.: Изд-во Ленингр. гос. «Ордена Ленина» ун-та, 1948. С. 5–8.
5. *Герье В.* Отношения Лейбница к России и Петру Великому: По неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. Т. II // Лейбниц и его век. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1871. 219 с.
6. *Герье В.* Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. Издал В. Герье. СПб., 1873. С. XXXIV + 372 с.
7. Группа финно-угорских языков. [Электронный ресурс]. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/departments/ural-altaic/finno-ugric (дата обращения 18.08.2025).
8. *Гуя Я.* Краткий очерк истории сравнительного финно-угорского языкознания // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974. С. 55–98.
9. *Загребин А. Е.* Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.): монография. Ижевск, 2006. 324 с.: ил.
10. *Загребин А. Е.* Очерки истории финно-угорских этнографических исследований в России (вторая половина XIX – начало XX в.): монография / УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2019. 118 с.
11. Международный конгресс финно-угроведов. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Международный_конгресс_финно-угроведов (дата обращения 16.01.2026).
12. *Сергеев О. А.* Язык памятников письменности марийского языка (конец XVII – XVIII вв.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. 422 с.: ил., портр.
13. Финно-угроведение. [Электронный ресурс]. URL: https://yandex.ru/search/?clid=11450072&text=финно-угроведение&l10n=ru&lr=41 (дата обращения 25.08.2025).

14. Этнографическое изучение финно-угорских народов России в XVIII – начале XX вв.: история, теория и практика [Электронный ресурс]. URL: https://www.dissercat.com/content/etnograficheskoe-izuchenie-finno-ugorskikh-narodov-rossii-v-xviii-nachale-xx-vv (дата обращения 06.04.2026).
15. *Wessel K.* Leibniz und das Finnisch-Ugrische in seinem Briefwechsel (Teil I) // Ural-Altaische Jahrbücher. N. F. 18. 2003/2004. S. 67–102.

Поступила в редакцию 21.10.2025

Ракин Анатолий Николаевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник
ФГБУН ФИЦ Коми НЦ УрО РАН Институт языка, литературы и истории
167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: anatolij.rakin@mail.ru

Сергеев Олег Арсентьевич, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева
424036, Россия, Республика Марий Эл, Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44
E-mail: olsemar@rambler.ru

A. N. Rakin, O. A. Sergeev

HISTORY OF THE CREATION AND DEVELOPMENT OF THE COMMITTEE OF FINNO-UGRIC STUDIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-942-949

The article discusses the history of the Committee's establishment, the organizational foundations of its activities, and its role in the study of Finno-Ugric peoples. The Committee was founded in 1971 at the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences and was known as the "Permanent National (Soviet) Committee of Finno-Ugric Studies". Currently, the Finno-Ugrists Committee of the Russian Federation (FUC RF) coordinates the field of Finno-Ugric studies. The Committee was elected in 2000 at the II All-Russian Scientific Conference of Finno-Ugric Studies in Saransk, initiated by Mari, Komi and Mordovian scholars. It is the successor of the Soviet Committee of Finno-Ugric Studies, which ceased to exist as a result of the collapse of the USSR.

Keywords: Finno-Ugrists Committee of the Russian Federation, interregional cooperation, regional branch, Finno-Ugric studies, ethnography, linguistics.

REFERENCES

1. *Alekseev V. P.* Proishozhdenie narodov Vostochnoj Evropy (kraniologicheskoe issledovanie) [The Origin of the Peoples of Eastern Europe (Craniological Study)]. M.: Nauka, 1969. 324 p. (In Russian).
2. *Batalova R.* Ju. S. Eliseev. In memoriam [Yu. S. Yeliseyev. In memoriam] // *Linguistica Uralica*. 2010, № 3. Pp. 238–239. (In Russian).
3. Bubrih, Dmitrij Vladimirovich [Bubrich, Dmitry Vladimirovich]. [Elektronnyj resurs] (in Russian). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Bubrih,_Dmitrij_Vladimirovich (accessed 20.08.2025). (In Russian).
4. Vsesojuznaja nauchnaja konferencija po voprosam finno-ugorskoj filologii [All-Union Scientific Conference on Finno-Ugric Philology] // *Uchenye zapiski. Serija vostokovedcheskih nauk. Vypusk 2. Sovetskoe finno-ugrovedenie* / otv. red. chl.-korr. AN prof. D. V. Bubrih [Scientific Notes. Series of Oriental Studies. Issue 2. Soviet Finno-Ugric Studies / edited by Prof. D. V. Bubrikh, Corresponding Member of the Academy of Sciences]. L.: Izd-vo Leningr. gos. «Ordena Lenina» un-ta, 1948. Pp. 5–8. (In Russian).
5. *Ger'e V.* Otnoshenija Lejbnica k Rossii i Petru Velikomu: Po neizdannym bumagam Lejbnica v Gannoverskoj biblioteke [Leibniz's Relationship with Russia and Peter the Great: Based on Leibniz's Unpublished Papers in the Hanover Library]. T. II // *Lejbnic i ego vek* [Leibniz and his Century]. SPb.: Pechatnja V. I. Golovina, 1871. 219 p. (In Russian).
6. *Ger'e V.* Sbornik pisem i memorialov Lejbnica, otnosjashhihsja k Rossii i Petru Velikomu. Izdal V. Ger'e [A collection of Leibniz's letters and memorials related to Russia and Peter the Great. Published by V. Guerrier]. SPb., 1873. XXXIV + 372 p. (In Russian).
7. Gruppa finno-ugorskih jazykov [Group of Finno-Ugric languages]. [Elektronnyj resurs]. URL: https://ilingran.ru/web/ru/departments/ural-altaic/finno-ugric (accessed 18.08.2025). (In Russian).
8. *Guja Ja.* Kratkij ocherk istorii sravnitel'nogo finno-ugorskogo jazykoznanija [A brief outline of the history of comparative Finno-Ugric linguistics] // *Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija (voprosy proishozhdenija i razvitija finno-*

ugorskih jazykov) [Fundamentals of Finno-Ugric Linguistics (issues of the origin and development of Finno-Ugric languages)]. M.: Nauka, 1974. Pp. 55–98. (In Russian).
9. *Zagrebin A. E.* Finno-ugorskie jetnograficheskie issledovanija v Rossii (XVIII – pervaja polovina XIX v.): monografija [Finno-Ugric Ethnographic Research in Russia (18th – First Half of the 19th Century): A Monograph]. Izhevsk, 2006. 324 p. (In Russian).
10. *Zagrebin A. E.* Ocherki istorii finno-ugorskih jetnograficheskih issledovanij v Rossii (vtoraja polovina XIX – nachalo XX v.): monografija [Essays on the History of Finno-Ugric Ethnographic Research in Russia (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries): A Monograph] / UdmFIC UrO RAN. Izhevsk: Institut komp'juternyh issledovanij, 2019. 118 p. (In Russian).
11. Mezhdunarodnyj kongress finno-ugrovedov [International Congress of Finno-Ugric Studies]. URL: [Elektronnyj resurs]. https://ru.wikipedia.org/wiki/Mezhdunarodnyj_kongress_finno-ugrovedov (accessed 16.01.2026). (In Russian).
12. *Sergeev O. A.* Jazyk pamjatnikov pis'mennosti marijskogo jazyka (konec XVII – XVIII vv.) [The language of Mari written monuments (late 17th – 18th centuries)]. Yoshkar-Ola: MarNIIJaLI, 2021. 422 p. (In Russian, In Mari).
13. Finno-ugrovedenie [Finno-Ugrian studies]. [Elektronnyj resurs]. URL: https://yandex.ru/search/?clid=11450072&text=finno-ugrovedenie&l10n=ru&lr=41 (accessed 25.08.2025). (In Russian).
14. Etnograficheskoe izuchenie finno-ugorskih narodov Rossii v XVIII – nachale XX vv.: istoriya, teoriya i praktika [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.dissercat.com/content/etnograficheskoe-izuchenie-finno-ugorskikh-narodov-rossii-v-xviii-nachale-xx-vv (accessed 06.04.2026). (In Russian).
15. *Wessel K.* Leibniz und das Finnisch-Ugrische in seinem Briefwechsel (Teil I) // *Ural-Altaische Jahrbücher.* N. F. 18. 2003/2004. Pp. 67–102. (In German).

Received 21.10.2025

Rakin A.N., Doctor of Philology, Chief Scientific Officer at the Department of Language
Institute of Language, Literature and History, Komi Science Center of the Ural Branch of the RAS
Kommunisticheskaya st. 26, Syktyvkar, Republic of Komi, Russia, 167982
E-mail: anatolij.rakin@mail.ru

Sergeev O.A., Candidate of Philology, Senior Researcher
Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History
Krasnoarmeyskaya st. 44, Yoshkar-Ola, Republic of Mari El, Russia, 424036
E-mail: olsemar@rambler.ru

Рецензии

УДК 821.112.2(436).09(049.32)

Н. Ю. Зайцева

УНИКАЛЬНОСТЬ АВСТРИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В рецензии отмечается уникальность австрийской литературы в контексте европейской и, в частности, немецкоязычной словесности. Основное внимание уделено научным работам А. Е. Качоровской, в которых применяются интерпретационный и рецептивный подходы к анализу произведений австрийских авторов, таких как Зигфрид Липинер, Марианна Грубер, Кристоф Рансмайр. Особое значение придаётся изучению автором малоисследованных текстов и её вкладу в заполнение лакун в отечественном литературоведении.

Ключевые слова: австрийская литература, интермедиальность, рецептивный подход, интертекстуальность, сравнительно-исторический анализ, Зигфрид Липинер.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-950-952

Современное отечественное и зарубежное литературоведение уделяет большое внимание своеобразию австрийской литературы по отношению к более общему понятию литературы немецкоязычной, выделяя в этой связи отличительные особенности австрийских текстов, обладающих аутентичностью и неповторимым колоритом – как в языковом, так и в художественном отношении. Эта уникальность зиждется на идее многонациональности, уходящей корнями во времена Австро-Венгерской империи.

Среди методов изучения уникальности австрийской словесности следует особо выделить интерпретационный и рецептивный подходы к тому или иному литературному произведению. В этой связи представляют интерес рецензируемые научные работы Анны Евгеньевны Качоровской – доцента Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, филолога-германиста, преподавателя немецкого языка и литературы. Исследования автора, охватывающие период с 2004 по 2023 гг., опубликованы в научных журналах *«Studia germanica: немецкоязычная литература XIX–XX веков в современных исследованиях: неконфронтационный диалог»* [2]; *«Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена»* [3]; *«Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина»* [4; 5]; *«Научный диалог»* [6-8].

Статьи А. Е. Качоровской затрагивают проблему рецептивного подхода к литературному тексту, предполагая углубленное изучение актуальных проблем, характерных для современных историко-литературных и компаративистских исследований. Автор, в частности, вносит свой оригинальный и новаторский вклад в научный дискурс об интермедиальности в литературе, рассматривая произведения Умберто Эко в статье *«Интермедиальность и метод импровизации комедии дель Арте в постмодернизме (на материале романа Умберто Эко “Остров накануне”»* как пример интерпретации в литературном произведении и освещая интермедиальный аспект исследования в качестве части теории импровизации, относящейся к постмодернистской парадигме [5]. Статья опирается на ключевой труд В. Вельша (Wolfgang Welsch) в области постмодернистского дискурса *«Unsere postmoderne Moderne*» [11, S. 4], а также на работу исследователя А. К. Дживелегова *«Итальянская народная комедия. Commedia dell’arte*» [1, с.15, 185, 191, 239].

Используя метод сравнительно-исторического анализа, автор проводит имеющие прикладное научное значение исследования знаковых постмодернистских произведений австрийской литературы рубежа XX–XXI вв., связанные с понятием интертекстуальности и «языковой игры» и основанные на материале романов Рансмайра (Cristoph Ransmayr) и Грубер (Marianne Gruber). Рецепции этих произведений отражены в работах *«Новый герой и новый читатель в романе Марианны Грубер “В Замок”»* [3] и *«Отголоски философии Альбера Камю в творчестве Марианны Грубер»* [2]. В статье *«Мифопоэтика образа terra incognita в произведениях Кристофа Рансмайра»* [4], использующей, в частности, метод компаративистики, изучаются возможности корреляции элементов романов Рансмайра «Последний мир» («Die letzte Welt»,1988), «Ужасы льдов и мрака» («Die Schrecken des Eises und der Finsternis», 1984) и «Болезнь Китахары» («Morbus Kithahara», 1995) с мотивным рядом рассказов Владимира Набокова.

Оригинальный цикл работ автора о поэме австрийского литератора Зигфрида Липинера (Siegfried Lipiner) «Освобожденный Прометей» («Der entfesselte Prometheus», 1876), выполненный в стиле интерпретации с применением специальной терминологии, формально-логического способа изложения и при наличии научного обзора литературы вопроса – вносит свой вклад в исследования по австрийской литературе рубежа XIX–XX вв., реципируя вопросы философии солипсизма, масонской символики, а также ключевых ницшеанских идей, оказавших значительное влияние на австрийскую литературу эпохи модерна. Обращение к произведениям З. Липинера, – значимой для своего времени фигуры в литературе Австрии, – является существенным моментом в области заполнения научных лакун, поскольку его произведения практически не изучены в отечественном литературоведении. Исследования данного цикла появляются в печати с 2020 г. В первой статье этого цикла *«К вопросу о рецепции мифа о Прометее в австрийской литературе XIX–XX веков»* [6] сделана ссылка на современные исследования А. В. Плахиной, В. Д. Седельник, Ю. Л. Цветкова *«Австрийская проза конца 1970-х – начала 1980-х годов»* [10] и В.Н. Никифорова *«Габсбургский миф в австрийской литературе»* [9]. К серии научных работ о Липинере относятся также статьи *«Рецепция философских воззрений Гете в поэме Зигфрида Липинера "Освобожденный Прометей"»* [7] и *«Символика классической цветовой триады в поэме Зигфрида Липинера «Освобожденный Прометей»* [8].

Интерпретационный подход к художественному произведению позволяет автору выявить наиболее яркие черты австрийской словесности в сравнении с мировыми шедеврами европейской, и, в частности, немецкоязычной литературы (Данте, Гете), а также обозначить пути к определению уникальной австрийской межнациональной природы, которую, в случае З. Липинера, можно было бы определить как билингвальную, поскольку Липинер родился в Галиции и одинаково хорошо владел немецким и польским языками. Рецепции того или иного аспекта литературного творчества в авторских текстах позволяют полнее представить те особенности австрийского менталитета, которые так или иначе способствуют выявлению межкультурных и многонациональных нюансов, составляющих уникальную основу понятия австрийской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дживелегов А. К.* Итальянская народная комедия. Commedia dell'arte. М.: Изд-во Академии наук, 1962. 285 с.
2. *Качоровская А. Е.* Отголоски философии Альбера Камю в творчестве Марианны Грубер // Сб. Studia germanica: немецкоязычная литература XIX–XX веков в современных исследованиях: неконфронтационный диалог. Ред. А. Г. Березина. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. С. 369–378.
3. *Качоровская А. Е.* Новый герой и новый читатель в романе Марианны Грубер «В Замок» // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2010. № 123. С. 130–134.
4. *Качоровская А. Е.* Мифопоэтика образа terra incognita в произведениях Кристофа Рансмайра // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 7. № 1. С. 137–145.
5. *Качоровская А. Е.* Интермедиальность и метод импровизации комедии дель Арте в постмодернизме (на материале романа Умберто Эко «Остров накануне») // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 1 (3). С. 65–71.
6. *Качоровская А. Е.* К вопросу о рецепции мифа о Прометее в австрийской литературе XIX–XX веков // Научный диалог. 2020. № 3. С. 221–235. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-221-235.
7. *Качоровская А. Е.* Рецепция философских воззрений Гете в поэме Зигфрида Липинера «Освобожденный Прометей» // Научный диалог. 2022. Том 11. № 5. С. 320–335. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-320-335.
8. *Качоровская А. Е.* Символика классической цветовой триады в поэме Зигфрида Липинера «Освобожденный Прометей» // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 4. С. 313–329. DOI: 10.24224/2227-1295 2023-12-4-313-329. С. 313–329.
9. *Никифоров В. Н.* «Габсбургский миф» в австрийской литературе // История австрийской литературы XX в.: в 2–х т. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2009. Т. 1. С. 352–366.
10. *Плахина А. В., Седельник В. Д., Цветков Ю. Л.* Австрийская проза конца 1970-х – начала 1990-х годов // История австрийской литературы XX в.: в 2–х т. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2010. Т. 2. С. 490–516.
11. *Welsch W.* Unsere postmoderne Moderne. Weinheim: VCH Acta humaniora. 1987. 346 S.

Поступила в редакцию 06.10.2025

Зайцева Наталья Юрьевна, доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой немецкого и романских языков для профессиональной коммуникации
ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48
E-mail: nzaytseva@herzen.spb.ru
ORCID 0000-0002-1497-4979

N. Yu. Zaytseva

THE UNIQUENESS OF AUSTRIAN LITERATURE IN THE EUROPEAN CONTEXT

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-950-952

The review highlights the uniqueness of Austrian literature within the context of European, and specifically German-language, literature. The primary focus is on the scientific works of A.E. Kachorovskaya, who employs interpretative and reception theory approaches to analyze the works of Austrian authors such as Siegfried Lipiner, Marianne Gruber, and Christoph Ransmayr. Particular emphasis is placed on the author's study of under-researched texts and her contribution to filling lacunae in Russian literary studies.

Keywords: Austrian literature, intermediality, reception theory, intertextuality, comparative-historical analysis, Siegfried Lipiner.

REFERENCES

1. *Dzhivelegov A. K.* Ital'yanskaya narodnaya komediya [Italian Folk Comedy]. Commedia dell'arte. Moscow, Akademiya nauk Publ., 1962, 285 p. (In Russian).
2. *Kachorovskaya A. E.* Otgoloski filosofii Al'bera Kamyu v tvorchestve Marianny Gruber [Echoes of Albert Camus's Philosophy in the work of Marianne Gruber]. Sbornik Studia germanica: nemeckoyazychnaya literatura XIX–XX vekov v sovremennyh issledovaniyah: nekonfrontacionnyj dialog [Collection Studia germanica: German-language literature of the 19th-20th centuries in Modern Research: Non-confrontational dialogue]. Ed. A.G. Berezina. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2004, pp. 369–378. (In Russian).
3. *Kachorovskaya A. E.* Novyj geroj i novyj chitatel' v romane Marianny Gruber «V Zamok» [New Hero and New Reader in the Novel "Into the Castle" by Marianne Gruber]. Izvestiya Rossijskogo gos. pedagogicheskogo un-ta im. A.I. Gertsena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2010, no. 123, pp. 130–134. (In Russian).
4. *Kachorovskaya A. E.* Mifopoetika obraza terra incognita v proizvedeniyah Kristofa Ransmajra [Mythopoetics Image of Terra Incognita in the Works of Christoph Ransmayr]. Vestnik Leningradskogo gos. Un-ta im. A. S. Pushkina [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin], 2014, vol.7, no 1, pp. 137–145. (In Russian).
5. *Kachorovskaya A. E.* Intermedial'nost' i metod improvizacii komedii del' Arte v postmodernizme (na materiale romana Umberto Eko «Ostrov nakanune») [Intermediality and the Method of Improvisation in the Commedia dell'Arte in Postmodernism (Based on Umberto Eco's Novel "The Island on the Eve")]. Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A. S. Pushkina [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin], 2015, vol. 1, no 3, pp. 65–71. (In Russian).
6. *Kachorovskaya A. E.* K voprosu o recepcii mifa o Prometee v avstrijskoj literature XIX–XX vekov [On the Reception of the Myth of Prometheus in Austrian literature of 19th-20th Centuries]. Nauchnyj dialog [Scientific Dialogue]. 2020, no 3, pp. 221–235. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-221-235. (In Russian).
7. *Kachorovskaya A. E.* Recepciya filosofskih vozzrenij Gete v poeme Zigfrida Lipinera «Osvobozhdennyj Prometej» [Reception of Goethe's Philosophical views in Poem by Siegfried Lipiner "Liberated Prometheus"]. Nauchnyj dialog [Scientific Dialogue]. 2022, vol. 11, no 5, pp. 320–335. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-320-335. (In Russian).
8. *Kachorovskaya A. .E.* Simvolika klassicheskoj cvetovoj triady v poeme Zigfrida Lipinera «Osvobozhdennyj Prometej» [Symbolism of Classical Color Triad in Siegfried Lipiner's Poem "Freed Prometheus"]. Nauchnyj dialog [Scientific Dialogue]. 2023, vol. 12, no 4, pp. 313–329. DOI: 10.24224/2227-1295 2023-12-4-313-329. (In Russian).
9. *Nikiforov V. N.* «Gabsburgskij mif» v avstrijskoj literature ["The Habsburg Myth" in Austrian Literature]. Istoriya avstrijskoj literatury XX v.: v 2–h t. [History of Austrian Literature of the 20th Century: In 2 vol.]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, vol. 1, pp. 352–366. (In Russian).
10. *Plakhina A. V., Sedelnik V. D., Tsvetkov Yu .L.* Avstrijskaya proza konca 1970-h – nachala 1990-h godov [Austrian Prose of the Late 1970s and Early 1990s]. Istoriya avstrijskoj literatury XX v.: v 2–h t. [History of Austrian Literature of the 20th Century: In 2 vol.]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2010, vol. 2, pp. 490–516. (In Russian).
11. *Welsch W.* Unsere postmoderne Moderne [Our postmodern modernity]. Weinheim, VCH Acta humaniora, 1987, 346 p. (In German).

Received 06.10.2025

Zaytseva N.Yu., Doctor of Phillology, Professor,
Head of the Department of German and Romance Languages for Professional Communication
Herzen State Pedagogical University of Russia
Moika River emb., 48, Saint Petersburg, Russia, 191186
E-mail: nzaytseva@herzen.spb.ru
ORCID 0000-0002-1497-4979

УДК 81:316.77(049.32)

Е. В. Краснoперова

Рецензия на кн.: РЫЗОВ И. КРЕМЛЕВСКАЯ ШКОЛА ПЕРЕГОВОРОВ. НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ. М.: ЭКСМО, 2024. 336 с.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-953-954

Книга «Кремлевская школа переговоров. Новая реальность» является переизданием «Кремлевской школы переговоров», автор которой стал обладателем премии «Деловая книга года в России 2016». Игорь Рызов – ведущий эксперт по переговорам, автор таких бестселлеров как «Переговоры с монстрами» (М., 2018), «Психотрюки: 69 приемов в общении, которым не учат в школе» (М., 2022), «75 правил влияния великих людей» (М., 2024), «Большая книга переговоров» (М., 2024) и др. Его книги издаются на 13 языках более чем в 20 странах мира.

Первое, на что обращаешь внимание, когда берешь в руки книгу, на название. Хочется задать вопрос: Кремлевская школа переговоров – это учебное заведение или научная школа? Возникает ассоциативная связь с Гарвардской школой переговоров, которая известна как программа обучения и как научная школа Гарвардского университета. Название книги И. Рызова – маркетинговый ход. Учебного заведения с таким названием не существует. Однако, тщательно изучив опыт российских и советских дипломатов, автор выявляет приемы, позволяющие сделать вывод о наличии традиций отечественной дипломатии. Единство основных установок и приемов позволяет ему представить Кремлевскую школу как особый подход к ведению переговоров. Название книги наталкивает на мысль о существенных отличиях двух подходов к переговорам: американского и российского/советского. Символично и оформление книги: на обложке изображена пятиконечная звезда.

Опыт российских и советских дипломатов получил отражение в литературе, но анализ приемов, которые использовали те и другие, сделан благодаря пытливому уму автора. Тщательным образом изучив опыт С. Ю. Витте (1849–1915), А. М. Горчакова (1856–1882) и А. А. Громыко (1909–1989), И. Рызов формулирует основные дипломатические приемы ведения переговоров, свойственные представителям русской и советской школы. Выполненная автором работа по анализу переговорной практики позволяет объединить их названием – Кремлевская школа.

И. Рызов не пытается изложить историю отечественной дипломатии, осмысление опыта переговоров важно для его разумного применения в жизни. Современный человек вступает в переговорный процесс не только в рамках своей профессиональной деятельности, но и в быту. Удержать баланс и найти грамотные решения достаточно сложно. Автор использует в книге большое количество примеров из собственной переговорной практики, из практики известных людей нашего времени. Книга содержит много интересных заданий, которые превращают ее в современный учебник по переговорам. Читатель найдет здесь ответы на различные вопросы, а рекомендации, содержащиеся в книге, позволят усовершенствовать навык ведения переговоров.

Автор формулирует принципы Кремлевской школы переговоров, позволившие добиваться серьезных результатов в переговорном процессе: 1) «слушать оппонента», 2) «задавать вопросы», 3) «обесценивать оппонента», 4) «стелить ковровую дорожку», 5) «оставлять оппонента в зоне неизвестности». Число их символично – пять, ровно столько сколько лучей у звезды, изображенной на обложке книги. Метафора срабатывает и здесь.

Автор настаивает, что тщательная подготовка к переговорам и анализ позиций оппонентов помогают добиваться желаемых результатов. При автор обращает внимание на то, что переговоры нельзя выиграть или проиграть, поскольку то, что сегодня нам кажется выигрышем, завтра может обернуться серьезным провалом. И. Рызов предлагает тщательно изучать три вектора, влияющих на развитие переговорного процесса и его результат: умение отстаивать свои интересы, управлять своими эмоциями и эмоциями оппонента. Классифицируя эмоциональное поведение оппонента, он выделяет четыре модели: «подросток», «танк», «робкий», «лидер» и описывает приемы, помогающие наладить общение с людьми, находящимися в разных эмоциональных состояниях. Эти приемы способны привести переговоры к положительному результату, добиться эффективного решения и сохранить добрые отношения с оппонентом. Идеи И. Рызова созвучны девизу дипломатической деятельности А.А. Громыко, утверждавшего: «Лучше 10 лет переговоров, чем 1 день войны».

И. Рызов справедливо замечает, что в российской практике закрепилась традиция игнорировать подготовку к переговорному процессу. Рекомендации автора по построению «дорожной карты переговоров» имеют практическую направленность. Для многих начинающих и опытных переговорщиков срабатывает установка «ввязаться в переговоры», а дальше «война план покажет». Опытный практик предлагает ноу-хау – построение многогранника интересов. Автор настойчиво рекомендует монетизировать каждую грань, т.е. оценить ее в денежном эквиваленте. Например, устраиваясь на работу, вы планируете определенный уровень доходов, а вам предлагают зарплату намного ниже, но при этом вы получаете хороший «социальный пакет», который с лихвой закрывает все ваши потребности. Оценив каждую составляющую, вы можете обнаружить, что такое предложение оказывается для вас более выгодным.

Интересны предлагаемые автором приемы, позволяющие добиваться результата даже в самых сложных условиях, так называемых, жестких переговоров. Кремлевская школа переговоров имеет жесткий, манипулятивный характер. Человеку свойственно переводить переговоры в эмоциональный режим, что не только мешает прийти к итоговому решению, но и продвигаться вперед в переговорном процессе. Манипуляции позволяют вывести собеседника из состояния равновесия, при необходимости «додавить», вынудить принять нужное оппоненту решение. Для человека, участвующего в переговорах, будут полезны приемы, позволяющие менять точку зрения противника. Автор вскрывает манипулятивные техники и предлагает экологичные способы выхода из сложных ситуаций.

Рецензируемая книга – своеобразный учебник для начинающих и опытных переговорщиков, ее ценность в наличии большого количества исторических примеров и примеров из практики автора. Она содержит задания разной степени сложности и ключи для решения стоящих перед переговорщиками задач.

Поступила в редакцию 24.09.2025

Красноперова Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: ekrasn@udm.ru

E. V. Krasnoperova

REVIEW OF: RYZOV I. THE KREMLIN SCHOOL OF NEGOTIATIONS, NEW REALITY. M.: EKSMO, 2024. 336 p.

DOI: 10.35634/2412-9534-2026-36-4-953-954

The book by Ryzov is dedicated to the issues of negotiations in new reality. The author introduces readers to the stages of preparation for negotiations, strategies of negotiating management, eco-centric approach to solutions in difficult negotiations.

Keywords: the Kremlin school of negotiations, types of emotional behavior, road map for negotiations, polyhedron of interests.

Received 24.09.2025

Krasnoperova E.V., Candidate of Pedagogy, Associate Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: ekrasn@udm.ru

Научное издание

ВЕСТНИК УДМУРТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

2026. Том 36. Выпуск 4

Технический редактор, компьютерная верстка С.Г. Морозов
Редактор, корректор Е.А. Подшивалова
Редактор английского текста Ю.В. Колесниченко

Подписано в печать 12.08.26. Вышел в свет 21.08.26. Формат 60×84 1/8.
Печать ризографическая. Бумага ВХИ 80 г/м^2. Усл. печ. л. 30,23. Уч.-изд. л. 32,84.

Тираж 100 экз. Заказ № _____. Цена свободная

Издатель: Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4Б, каб. 021
тел. +7 (3412) 916-364

Типография: типография Издательского центра «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 2, каб. 101

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Номер реестровой записи о регистрации СМИ № ПИ № ФС77-62385 от 14 июля 2015 г.